
АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»

Объединенная редакция «АИРО-XXI – НОВЫЙ ХРОНОГРАФ»

Леонид ЯНОВИЧ – главный редактор
Андрей МАКАРОВ – исполнительный директор
Сергей ЩЕРБИНА – арт-директор

Международный совет научных проектов и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ Руководитель
Карл АЙМЕРМАХЕР Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ Рурский университет в Бохуме
Харуки ВАДА Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ МГУ им. М.В. Ломоносова
Роберт ДЭВИС Бирмингемский университет
Стивен КОЭН Принстонский, Нью-Йоркский университеты
Алан КАСАЕВ РИА «Новости»
Андрей МАКАРОВ АИРО-XXI
Джон МОРИСОН Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ Университет Северной Каролины на Чепел Хилл
Борис СОКОЛОВ АИРО-XXI
Такеси ТОМИТА Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА Российский исторический журнал «Родина»
Сергей ЩЕРБИНА АИРО-XXI
Леонид ЯНОВИЧ «Новый хронограф»

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА
(АИРО-XXI)

А. Г. Тепляков

МАШИНА ТЕРРОРА:

**ОГПУ-НКВД Сибири
в 1929–1941 гг.**

Москва
Новый Хронограф
2008

УДК 351.746.1(092)(571.1/.5)"193"
ББК 63.3(2)614-36
Т34

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

Издание подготовлено
в рамках российско-украинско-немецкого исследовательского проекта
«Большой террор в советской провинции 1937-1938 гг.»
благодаря поддержке
Германского научно-исследовательского общества

Рецензенты:
доктор исторических наук *С.А. Красильников*
кандидат исторических наук *А.И. Савин*

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Тепляков А.Г.

Т34 Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. [Текст]. / А.Г. Тепляков; – М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. – 608 с. (Серия «АИРО – Монография»).

ISBN 978-5-94881-070-6

ISBN 978-5-91022-102-8

В монографии впервые комплексно рассматриваются строение и функционирование чекистских органов 30-х годов на примере крупного региона, проанализирована кадровая история сибирских полпредств ОГПУ – управлений НКВД. Основное место занимает исследование наиболее закрытой области – агентурно-оперативной работы «органов». Подробно рассмотрены массовые репрессии, в т. ч. против маргиналов, дана оценка взаимоотношений карательного и партийного аппаратов. Особое внимание уделено психологии, быту и нравам чекистов, их участию в теневой экономике.

Книга рассчитана на специалистов, студентов и аспирантов, занимающихся исследованием российской истории XX века.

ISBN 978-5-94881-070-6
ISBN 978-5-91022-102-8

© Тепляков А. Г., 2008
© Новый Хронограф, 2008
© АИРО-XXI, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
Глава 1	
СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, КАДРЫ ОГПУ-НКВД.....	30
Структурные реформы	32
Территориальные органы	48
Численность и состав	61
Чистки и репрессии	83
Чекистские кланы	95
Руководящие кадры	106
Глава 2	
АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	127
Сущность агентурной работы.....	128
Методы вербовки.....	147
Места явки.....	158
Расконспирация агентуры.....	161
Использование осведомительниц.....	166
Служба в своей среде.....	167
Осведомление в лагерях и ссылке.....	170
Кризис агентуры: наказание и вознаграждение	176
«Расходный материал»	183
Осведомители в партии	188
Провокация – основа негласной работы	195
Оперативные учёт, статистика и архивы	206
Цензура, перлюстрация, прослушка и наружка	227
Аресты, обыски и следственная работа	245
Тюремное дело, тюремный персонал и «обслуживание».....	271
Внутрикамерная агентура	293
Исполнение приговоров.....	301

Глава 3	
«МАССОВЫЕ ОПЕРАЦИИ»	329
Обеспечение коллективизации.....	330
Репрессии 1933 года.....	342
«Кулацкая операция» 1937–1938 гг.	346
«Ровсовский заговор»	356
Расправа с «инонационалами»	363
«Валютные» операции	388
Преследование деклассированных элементов и уголовников.....	397
Глава 4	
В СИСТЕМЕ ПАРТИЙНОЙ ВЛАСТИ.....	419
Хозяйственные и партийные поручения	424
Взаимодействие в организации репрессий.....	429
Сепаратистские тенденции	435
В годы «Большого террора»	446
Восстановление власти партийной номенклатуры.....	454
Глава 5	
ПСИХОЛОГИЯ, БЫТ И НРАВЫ.....	465
Закономерные отражения	465
Врождённое и привитое.....	473
Практики доносов и бдительности	488
Отречение от близких	493
Клановые связи.....	498
Чекистские мифология и инакомыслие.....	501
Парадоксы повседневной жизни.....	527
Привилегии и злоупотребления, мародёрство и коррупция.....	561
Чекистский лексикон	570
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	594
ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	603

ВВЕДЕНИЕ

«...Я думаю, что главный герой XX века – палач, а не жертва. Но мы больше знаем, слушали жертв, и почти ничего нам не осталось от палачей. Они утаили, спрятали главный опыт века».

Светлана Алексиевич

Эпоха 1929–1941 гг. является самым драматическим временем советской истории. В эти годы большевистское правление террором достигло своей высшей степени, цена жизни людей резко снизилась. Перелом и смена эпох, постоянные политические рывки и метания, жесточайшие преследования инакомыслящих и уничтожение целых социальных слоёв, колоссальные экономико-культурные изменения, кристаллизация сталинской диктатуры заставляют обращать на себя самое пристальное внимание.

В 30-е годы роль и значение органов ОГПУ-НКВД были столь огромны, что научный и общественный интерес к этому периоду их деятельности сохраняется в полной мере. В первую очередь отечественные исследователи вот уже два десятилетия изучают репрессивные аспекты деятельности политической полиции. Весьма полно изучены репрессии в отношении крестьянства, военных, политиков, интеллигенции, священнослужителей. Однако исследование собственно деятельности и аппарата репрессивных органов пока находится в начальной стадии, что в первую очередь связано с недоступностью основных ведомственных документов. В связи с этим применительно к 30-м годам до сих пор нет обобщающих трудов по истории ОГПУ-НКВД центра и регионов.

Слабая информированность общества о преступлениях прошлого приводит к таким тревожным вещам, как постепенная юридическая реабилитация уничтоженных при Сталине чекистов руководящего звена – активных проводников массового террора. Так, в 1994 г. был реабилитирован нарком внутренних дел Мордовии С.М. Вейзагер, в 2001 г. – начальник Особого отдела НКВД В.С. Агас. Реабилитированы многие

сибирские чекисты: в 1997 г. – помощник начальника УНКВД по Иркутской области М.В. Рогожин, в 2002 г. – начальник Кочковского РО УНКВД по Алтайскому краю М.И. Станкевич, в 2003 г. – начальник Юргинского РО УНКВД по Новосибирской области Ф.Д. Бойтман (1).

В современной исторической публицистике распространяются теории антисоветских «заговоров» генералов, троцкистов, сионистов и прочие «достижения» конспирологического подхода к прошлому, как правило, склоняющиеся к оправданию репрессий и возвеличиванию Сталина. Если раньше «улучшить» историю и обелить Сталина пытались лица, выражавшие протест против разрушения СССР и отказа от коммунистической идеи, то сейчас, когда внутреннее и внешнее положение страны гораздо устойчивее, чем в 90-х годах, читателя питают идеей о том, что у стремительно возрождающейся России должна быть героическая история, пронизанная борьбой с опаснейшими, зачастую невидимыми внутренними и внешними врагами. Разговор о трагических страницах прошлого демагогически объявляется выгодным только недругам государства. У общества пытаются отнять возможность серьёзного обсуждения самых острых проблем отечественной истории, тем самым отрицая его зрелость и способность рассуждать здраво.

Чекисты нуждаются в особом исследовательском внимании потому, что это был самый закрытый отряд советских чиновников, много лет не без успеха предлагающий обществу собственный и крайне тенденциозный взгляд на свою деятельность и кадры. Только сегодня документальная база расширилась настолько, что стало возможным изучать внутреннюю жизнь ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-КГБ, в т. ч. и особенности кадрового состава органов госбезопасности. Также есть определённая возможность заглянуть в святая святых любой спецслужбы – организацию агентурной работы, без анализа которой немислимо сколько-нибудь основательно судить о подоплёке деятельности органов безопасности. Агентурная работа и кадры – вот главные чекистские тайны, которые до сей поры тщательно охраняются архивистами ФСБ и МВД. Неудивительно, что именно эти проблемы являются основными сюжетами нашей книги, призванной показать внутреннюю жизнь «органов» в наиболее жестокий период их работы.

Очевидно, что без доступа к основному делопроизводству органов безопасности невозможно показать механизмы их функционирования с необходимой полнотой. Тем не менее анализ опубликованных к настоящему времени источников и исследований даёт очень ценную информацию. Доступные архивные материалы партийных и чекистских орга-

нов позволяют существенно дополнить факты, касающиеся агентурно-оперативной работы, и особенно сведения, относящиеся к кадровой истории ОГПУ-НКВД. На основе архивных данных нами будут рассмотрены и важные аспекты репрессивной политики, а также взаимоотношения карательных органов с партийными инстанциями.

Стремясь в наиболее значимых подробностях показать функционирование машины сталинского террора на территории Сибири, мы считаем необходимым сосредоточиться на рассмотрении следующих основных проблем. Анализ структуры, функций и кадров ОГПУ-НКВД позволит проследить и объяснить изменения в строении карательного механизма на протяжении 30-х годов, его кадрового наполнения. Изучение агентурно-оперативной работы поможет близко увидеть и оценить те методы, с помощью которых осуществлялись контроль и прямые репрессии в отношении населения СССР. Сосредоточение на так называемых «массовых операциях» позволит бросить взгляд на самые крупные карательные акции ОГПУ-НКВД, в том числе и в отношении деклассированных элементов, оценить масштабы демографического урона. Изучение места «органов» в структуре власти поможет сделать выводы о системе взаимоотношений компартии с её «передовым вооружённым отрядом». И, наконец, пристальное внимание к психологии, быту и нравам чекистов даст возможность увидеть в кадрах ОГПУ-НКВД их человеческое наполнение и понять, что же такое настоящий чекист.

В территориальном отношении нас интересуют полномочные представительства ОГПУ по Западно-Сибирскому и Восточно-Сибирскому краям, управления НКВД по Западно-Сибирскому, Восточно-Сибирскому, Алтайскому и Красноярскому краям, Новосибирской, Омской, Иркутской и Читинской областям. Поскольку обширные территории Сибири продолжительное время входили в состав Уральской области и Дальне-Восточного края (Тюменская и Читинская области), нами привлекался материал по уральскому и дальневосточному регионам. Для сравнения использовались опубликованные и архивные данные по другим областям и республикам СССР.

Наше мнение о том, что Сибирь 20-х годов являлась в известной степени полигоном для отработки самых крупных репрессивных кампаний (2), как представляется, может быть приложено и к эпохе 30-х годов. С другой стороны, этот огромный и удалённый от центра регион обладает достаточным набором типических черт, делающих изучение его карательных органов вполне представительным для общей оценки деятельности чекистских структур.

Историография деятельности ОГПУ-НКВД 30-х годов в советское время была скупой и ни в коем случае не анализировала конкретных следственных дел или какой-то репрессивной статистики, за исключением отдельных упоминаний о цифрах «раскулаченных» или арестованных «кулаков». В не раз переизданной монографии Д.Л. Голинкова, доведённой до начала 30-х годов, использовались большей частью опубликованные источники (3), а основным печатным продуктом в регионах являлись мемуарные, нередко беллетризованные очерки, в панегирических тонах написанные доверенными журналистами со слов чекистов-ветеранов и обычно публиковавшиеся в юбилейных сборниках, посвящённых тому или иному управлению КГБ. Относительно подробно говорилось о борьбе с «кулацкими восстаниями» начала 30-х годов и уголовным бандитизмом, глухо упоминалось разоблачение в 30-е годы шпионов, диверсантов и вредителей, обычно без конкретного времени, фамилий и фактов. Вопросы структуры и кадров затрагивались лишь отрывочно.

Для литературы о чекистах последних двух десятилетий характерен биографический уклон, поскольку открывшиеся партийные архивы дали возможность изучать личные документы работников ОГПУ-НКВД. Особое место занимает капитальный биографический справочник Н.В. Петрова и К.В. Скоркина, посвящённый чекистам-руководителям 1930-х гг., большое значение имеет также справочник по системе и кадрам ГУЛАГа (4). В 2007 г. вышли две биографии Н.И. Ежова – совместный труд Н.В. Петрова и М. Янсена, английский вариант которого появился пятью годами ранее, а также книга А.Е. Павлюкова (5). При этом работа Павлюкова в известной степени повторяет исследование Петрова и Янсена и во многом опирается на аналогичные источники из архивов ФСБ и ЦК ВКП(б), однако не содержит ссылок на книги авторов, писавших о Ежове ранее (таких, как В. Брюханов, В. Некрасов, А. Полянский, Б. Соколов, Н. Шошков и др.). Многие документы, использованные и обозначенные Павлюковым архивными сносками (например, на с. 139, 203, 204, 210, 211, 223, 305–306, 309, 315, 321, 329–330, 333, 347, 356–357, 389–390, 399, 441, 489–494, 519), давно опубликованы. Следует отметить, что аналогично работают с документами и трудами предшественников работники ФСБ О.Б. Мозохин, Л.А. Наумов, А.М. Плеханов. Вообще, для современной исследовательской литературы очень характерно вольное обращение с авторскими приоритетами.

Для наиболее серьёзных работ о чекистах характерны попытки основательного осмысления процессов, проходивших в недрах карательной

машины. Подробный рассказ о работе и деятелях Кунцевского РО УНКВД по Московской области в годы террора содержит исследование А.Ю. Ватлина. В последние годы харьковским историком В.А. Золотарёвым выпущено несколько биографических книг о чекистах Украины, отличающихся очень богатым фактическим содержанием и объективностью оценок. В его исследованиях о В.А. Балицком, А.И. Успенском, крупных чекистах Харьковской области и руководящем аппарате СПО ГПУ-НКВД УССР приведены уникальные документальные свидетельства об агентурно-оперативной деятельности, структуре и кадрах ВЧК-НКВД Украины, репрессиях, в т. ч. в отношении самих чекистов (6). Среди описываемых В.А. Золотарёвым работников госбезопасности есть немало лиц, работавших и в органах ОГПУ-НКВД Сибири.

Сибирские чекисты нередко фигурируют в новейших исследованиях историков других регионов. Большой объём информации о видных чекистах 20–30-х годов содержится в очерковой книге А.А. Папчинского и М.А. Тумшиса (7), к сожалению, отмеченной обилием ошибок, опечаток, недостаточно обоснованных суждений, а также отсутствием справочного аппарата. Содержащиеся в ней жизнеописания «сибиряков» Н.Н. Алексеева, Г.А. Молчанова, К.Ф. Роллера и др. являются весьма ценными. В книге М.А. Тумшиса «ВЧК. Война кланов» содержатся подробные биографии сибирских чекистов В.П. Журавлёва и П.В. Чистова, даны биографические справки на ряд других «отметившихся» в Сибири деятелей карательной системы.

В последние годы опубликовано много материалов о структуре и кадрах ОГПУ-НКВД, истории ГУЛАГа, тех или иных репрессивных кампаниях. Помимо справочника Н.В. Петрова и К.В. Скоркина «Кто руководил НКВД», в последние годы подборки чекистских биографий можно найти в целом ряде публикаций (8). Значительный подобный материал обнародован составителями фундаментальной серии «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД».

К сожалению, большая часть современной литературы о чекистах носит поверхностно-тенденциозный и околонучный характер. Невысоким качеством отличаются сочинения ведомственных историков, которые имеют доступ ко многим документам ОГПУ-НКВД, но обычно ограничиваются их пересказом и совершенно некритически повторяют чекистские оценки 20–30-х годов. Очень характерна в этом отношении последняя книга О.Б. Мозохина (9). В ней поражает абсолютное отсутствие ссылки на какие-либо работы историков, а также предложение – под видом самой объективной – официальной и неполной статистики репрессий, испорченной грубейшими авторскими искажениями и опечатками.

Во многих книгах последнего времени, авторами которых выступают лица, близкие к ФСБ, проводники сталинского террора превозносятся как герои-патриоты. Чекист В. В. Кочетков, работавший в 1937–1938 гг. начальником ДТО ГУГБ НКВД Восточно-Сибирской и Орджоникидзевской железных дорог, в 1940 г. был осуждён на 5 лет за нарушения законности, а затем амнистирован и участвовал в боевых действиях в немецком тылу. В недавно вышедшей биографии чекиста Д. Н. Медведева, написанной Т. К. Гладковым, о кровавом прошлом Кочеткова нет ни слова; напротив, о нём сказано как о невинной жертве произвола одной-единственной лукавой фразой: «В период массовых репрессий Кочетков был осуждён к длительному сроку лишения свободы» (10).

Популярность воззрений шовинистического толка привела к появлению вульгарно антисемитских работ. Так, бывший сотрудник МВД СССР Н. Г. Сысоев сосредоточился на биографиях чекистов-евреев (братья Берманах и др.), усиленно подчёркивая их происхождение и обращая разоблачительный пафос именно против них (11). Огорчает, что узник ГУЛАГа и нобелевский лауреат А. И. Солженицын в известной работе «200 лет вместе» не удержался от соблазна привести ряд броских фамилий якобы крупных чекистов-евреев (мифического сибирского Троцкого и др., не существовавших в действительности), без сносок позаимствованных из книги одиозного публициста А. Дикого (12).

В республиках бывшего СССР прекрасно себя чувствуют остепенённые апологеты «научного антисемитизма». Профессор Андижанского госуниверситета Узбекистана Р. Шамсутдинов в своей монографии о коллективизации в Средней Азии особо подчёркивает, что региональные руководители «израильского происхождения» (в их число включён и чекист-латыш Г. П. Матсон) правили «законопослушными азиатами» через своих марионеток Ф. Ходжаева, А. Икрамова, Н. Айтакова и др. Также Шамсутдинов, как отмечает сочувствующий автору рецензент, делает вывод о том, что «Сталину приходилось довольно туго оттого, что руководители силовых и карательных органов... связанные с международным сионизмом, проявляли недозволенную самостоятельность и “самодетельность” в отношении спецпереселенцев, применяя к ним беззаконие и беспредел» (13). Украинский историк большевистского террора С. И. Билоконь, доктор наук и лауреат Государственной премии им. Т. Г. Шевченко, усиленно пытается доказать, что резкое преобладание среди видных чиновников ВЧК-НКВД Украины 1920–1930-х гг. лиц неарийского происхождения является свидетельством «еврейского господства» в республике (14).

В Сибири первые (и далёкие от научного подхода) публикации о региональных органах ОГПУ-НКВД относятся к концу 60-х годов. Маскируя участие чекистов в массовом терроре, авторы пытались доказать, что органы безопасности и в 30-х годах успешно выявляли врагов народа (15). В барнаульском сборнике, вышедшем в 1987 г., утверждалось, что в 1930-х гг. на территории края «была обезврежена группа немецких шпионов, созданная сотрудниками германского консульства в г. Новосибирске, ликвидирован ряд вредительских гнёзд в народном хозяйстве» (16).

Единственной темой, при раскрытии которой осторожно разрешалось критиковать массовые репрессии, была коллективизация. Во второй половине 80-х годов появились научные издания, в которых этот процесс показывался более критически, нежели в прежние годы. Например, в монографии Н. Я. Гущина и В. А. Ильиных было кратко указано на репрессивную составляющую политики в деревне, подчёркнуто, что термин «кулак» превратился в политический ярлык, оправдывавший репрессии (17). Тем не менее авторы указывали на повсеместное наличие «кулацких» антисоветских организаций и широкое вредительство, пресечённые «органами».

Для современной сибирской историографии органов ОГПУ-НКВД характерно преобладание документальных публикаций над исследовательскими. Очень большой объём информации, основанный на изучении следственных дел 30-х годов, обнародован в местной периодике – как массовой, так и научной. Однако значительную часть опубликованных книг и статей отличают невысокий теоретический и эмпирический уровень, недостаточная опора на архивные материалы, большое количество ошибок и неточностей. Нельзя не заметить, что среди книг о чекистах количественно преобладают труды краеведческого характера.

Исследование политических репрессий и деятельности ОГПУ-НКВД в Сибири началась, как и во всей перестроечной России, с газетных очерков о репрессированных лицах, в т. ч. чекистах – как палачах, так и жертвах. Внимание к личностям чекистов можно заметить в очерковой книге прокурора Ю. А. Якунина (18), где, правда, фамилия начальника УНКВД по Омской области К. Н. Валухина с целью защиты «тайны личной жизни» передана как Валущкий, а его помощник Г. Н. Саенко, впервые упомянутый ещё А. И. Солженицыным в «Архипелаге Гулаг», фигурирует как Стаенков (с. 100, 102). При этом фамилии других чекистов Якуниным названы верно. Интересный и новый материал о чекистах приведён в книгах Л. П. Белковец, В. К. Гавриленко, В. Ф. Гришаева, В. М. Запечного, В. М. Самосудова, В. Н. Уйманова, А. П. Шекшеева (19) и др.

Этапным событием стало появление в конце 1997 г. обобщающей монографии С. А. Папкова о сталинском терроре в Сибири (20). В ней осмыслен большой архивный материал, сделан вывод о сознательности террористической политики и её происхождении из идеологии большевизма. Для автора очевидно, что политические репрессии представляли собой как метод управления, так и способ «улучшения» социального состава общества. Им впервые приведены важные цифровые данные о масштабах репрессий на территории края, рассказано о множестве крупных сфабрикованных дел против внутрипартийной оппозиции, крестьян, интеллигенции, партизан, военных, партийно-советской и чекистской номенклатуры, даны сведения о лагерной системе. С. А. Папков отметил принадлежность многих руководителей ОГПУ-НКВД Сибири к латышскому национальному клану, заметный вклад полпреда ОГПУ Л. М. Заковского не только в осуществление террора, но и в теоретическое обоснование «раскулачивания» и принципы организации крестьянской ссылки.

Книга С. А. Папкова вот уже более десятилетия активно востребована исследователями. В связи с этим следует отметить надуманность претензий В. И. Исаева и А. П. Угроватова (21) к авторской оценке личности Л. М. Заковского. Опираясь на факты определённой умеренности Заковского до осени 1929 г. в сравнении с экстремистскими требованиями бороться с «кулаком» со стороны местного партийно-советского руководства, Исаев и Угроватов именуют беспощадного Заковского «достаточно сложной» фигурой. В связи с этим авторами критикуется взгляд Папкова, охарактеризовавшего Заковского – якобы без документальных подтверждений – как «совершенно аморального типа, исполнителя самых грязных сталинских поручений в Сибири». На деле монография С. А. Папкова содержит вполне достаточное количество фактов террористической деятельности Заковского, усердно следовавшего указаниям ЦК ВКП(б) и Лубянки.

Высоким научным уровнем отличается монография С. А. Красильникова о крестьянской ссылке в Западной Сибири в 1930-е годы (22), подводящая итоги многолетней плодотворной работы автора – ведущего специалиста в области изучения террора против сибирского крестьянства. Книга оценивает масштаб репрессий, подробно показывает строительство, функционирование и кадры системы спецпоселений ОГПУ-НКВД.

Однако большинство литературы о чекистах Сибири носит частный, публицистически-вторичный характер, нередко предлагая старые мифы о работе органов безопасности. В книге Л. В. Кураса о чекистах Буря-

тии (23) предпринята попытка дать материал по всей истории данного регионального управления ФСБ. Но книга основывается на скудной и случайной источниковой базе, опираясь в основном на опубликованные факты, а также немногочисленные материалы ФСБ и госархива Бурятии, причём единственная сноска на ГА РФ (с. 84) оказалась позаимствована из монографии С. А. Папкова «Сталинский террор в Сибири». Присвоив фрагмент исследования Папкова, где говорилось о содержании докладной записки Заковского о принципах «кулацкой» ссылки, Курас ошибочно сделал адресатом данного документа не ОГПУ, а Сибкрайком (с. 76). Идеей же Кураса вдохновлял такой сомнительный источник, как сочувственно им цитируемые статьи из «Советской России», провозглашавшие, что спасение России – в некоем «православном сталинизме» (с. 119, 122, 123).

Непонимание рядом исследователей сути провокационной агентурно-оперативной работы чекистов хорошо видно в содержательной книге Д. Л. Доржиева о восстаниях в Бурятии (24), где совершенно некритично оцениваются документы следственных дел на участников крестьянских мятежей начала 30-х годов. Автор стереотипно повторяет чекистские формулировки из обвинительных заключений о том, что в таких-то сёлах возникали заговорщицкие организации, и после массовых арестов оставшиеся на свободе участники поднимали восстание. Между тем очевидно, что восстания были непосредственным следствием именно массовых репрессий в отношении мифических «заговорщиков».

Обычным делом в небрежно изданных книгах В. М. Бушуева, Л. И. Гвоздковой, М. А. Ефремова, И. Н. Кузнецова, М. С. Шангина (25) и др., а также и в гораздо более основательной монографии Л. П. Белковец является искажение судеб, фамилий и инициалов работников ОГПУ-НКВД. В книге В. Н. Уйманова дано явно заниженное количество расстрелянных в 1933 г. на территории Томской области – 17 чел. Однако акт о расстреле участников «заговора в сельском хозяйстве» говорит о том, что только по этому делу в Томске 30 апреля 1933 г. было казнено 104 чел (26).

Особенно грубыми ошибками пестрит книга Л. И. Гвоздковой о репрессиях в Кузбассе. В ней приводится совершенно фантастическая цифра репрессированных в 1933–1934 гг. по делу томской «Партии народных героев Польши» – якобы более 3.000 чел. (с. 183), А. И. Успенский ошибочно фигурирует в качестве начальника УНКВД ЗСК, М. С. Богуславский – как бывший председатель Сибревкома (с. 183, 220), а кузбасский чекист И. Ф. Золотарь, амнистированный в годы войны и в 1973 г.

выпустивший очередную книгу мемуаров, значится осуждённым к расстрелу в 1950-е годы (с. 373). Гвоздкова с преувеличением оценивает численность следственного аппарата УНКВД ЗСК на 1937 г. в 2.000 чел. и произвольно утверждает, что к уголовной ответственности в 1938–1939 гг. было привлечено не более 1 % от этого числа (с. 220). Ею искажены фамилии и инициалы работников карательной системы Ф.И. Автономова, И.И. Баркова, А.Ф. Блимбергса (фигурирует как Длимберго!), А.И. Божданкевича, А.М. Волосского, Я.Н. Дробниса, С.С. Корпулева, Д.К. Салтымакова (с. 183, 210, 212–215, 217, 337).

Региональные юбилейные выпуски, подготовленные сотрудниками ФСБ в последние 10–12 лет, очень низкого качества и содержат крайне мало информации. В сборниках управлений ФСБ, вышедших в Барнауле и Новосибирске, допущены грубые ошибки даже при перечислении начальников управлений – пропуски, отождествление руководителей госбезопасности и органов МВД (27). Невысоким качеством отличается подготовленная сотрудниками ФСБ подборка биографий руководителей ОГПУ-НКВД Бурятии, где, в частности, аббревиатура ЧПО (части пограничной охраны) расшифровывается как совершенно фантастический «чрезвычайный политический отдел». Напротив, работники УМВД по Кемеровской области выпустили серьёзную книгу, в которой налицо немало ценных материалов и чекистских биографий (28).

Для книг, составленных новосибирскими работниками ФСБ, характерно повторение сталинских мифов о заговорах и кулацких мятежах. В одной из них говорится о подлинности «заговора в сельском хозяйстве», по которому в 1933 г. расстреляли ок. 1.000 чел., в другой – восставшие в 1931 г. против «раскулачивания» крестьяне, часть которых была реабилитирована ещё в 1969 г., именуются бандитами, зато осуждённый за фабрикацию громкого «детского дела» в Кузбассе А.Г. Луньков представлен парадным портретом как герой войны (29). В этих изданиях также бросается в глаза предельно отстранённое отношение к трагедиям прошлого.

В посвящённой новосибирской межкраевой школе НКВД книге спокойно перечислены в качестве опытных наставников её преподаватели второй половины 30-х годов – наиболее активные организаторы террора вроде М.И. Голубчика, Н.Х. Мелехина, А.Н. Печёнкина, И.Б. Почка – без указаний на то, что Голубчик был расстрелян за участие в терроре, Мелехин успел застрелиться, Печёнкин подлежал аресту, но спасся от наказания в связи с началом войны, а Почка – уволен из «органов» в 50-х годах (при этом у большинства перечисленных чекистов инициалы

и фамилии оказались искажены). Среди выпускников-отличников 1939 г. с гордостью перечислены С.А. Демочкин, Н.И. Дёшин, Г.И. Колеватов, И.А. Маркелов, С.В. Патракеев, зарекомендовавшие себя активными участниками репрессий. Там же констатируется, что в 1937–1938 гг. в деятельности НКВД наблюдались «серьёзные ошибки», устранённые после известного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. (30).

В книге М.А. Ефремова утверждается виновность в заговорщицкой деятельности лиц, проходивших по крупному делу 1930 г. «Чёрные» и реабилитированных полвека назад. Работники УФСБ по Кемеровской области, подготовившие в 2003 г. сборник о чекистах Кузбасса, уверены, что на территории области со времён гражданской войны «активно действовала и широко разветвлённая эсеровская организация, насчитывавшая до 2000 активных членов. Центром этой организации являлся город Мариинск. В последующие годы и особенно в период коллективизации не репрессированные участники этих банд и формирований организовывали массовые контрреволюционные кулацкие выступления, совершали террористические акты против сельского актива, выпускали листовки антигосударственного содержания, занимались поджогами» (31).

В современной сибирской краеведческой и чекистской литературе нередко восхваляются активисты террора, вроде В.В. Балыгина, А.Г. Лунькова и И.Я. Юркина, а кемеровских чекистов И.Я. Голубева и Ф.Д. Боймана некоторые публицисты пытаются представить противниками репрессий (32). Таким образом, значительная часть новейшей литературы сообщает тенденциозные, а нередко ложные сведения как о жертвах репрессий, так и о проводниках террора.

Автору данного исследования принадлежат несколько работ по истории органов госбезопасности Сибири 30-х годов, опубликованных в 1997–2008 гг. Это статьи о повседневной работе управления НКВД Запсибкрая – Новосибирской области во второй половине 1930-х гг., их роли в «массовых операциях» 1937–1938 гг., о деятельности заместителей начальников политотделов МТС и совхозов по работе ОГПУ-НКВД, о процедуре исполнения смертной казни в 20–30-х годах, а также биографии видных чекистов Сибири и их жертв (33). Расширенный вариант статьи об исполнении смертной казни вышел отдельным изданием (34).

В этих работах приведён большой массив архивных сведений как о репрессивной деятельности чекистов, так и о внутренней жизни ОГПУ-НКВД, психологии и быте оперсостава, даны цифры арестов и расстрелов в Западной Сибири осенью 1937 г., особо изучены некоторые

категории чекистов (заместители начальников политотделов МТС и совхозов по оперработе, а также коменданты – исполнители смертных приговоров), рассмотрены репрессии против самих чекистов. В них помещён материал по многим сфабрикованным делам, сделаны выводы о сознательном приобщении работников карательной системы к массовым казням периода 1930–1938 гг., опровергаются заниженные официальными источниками цифры расстрелянных по СССР в 1933 г. Предлагаемая книга является логичным продолжением как предыдущей нашей работы ««Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ Сибири в 1918–1929 гг.», так и статей, посвящённых периоду 1930-х – начала 1940-х гг.

Источниковой базой исследования являются архивные документы, а также многочисленные опубликованные источники: сборники документов, газетные материалы, мемуарные свидетельства. Очень большой объём документов из чекистских архивов обнародован в документальных сериях и сборниках последнего десятилетия (35). Это позволяет получить важную информацию о структуре и кадрах органов ОГПУ-НКВД, агентурно-оперативной работе, репрессиях, системе лагерей и спецпоселений, месте карательных органов в партийно-государственном аппарате.

В сибирских регионах опубликован большой массив партийно-чекистских документов, преимущественно касающийся политических репрессий в отношении крестьянства, национальных и религиозных меньшинств. Особенно активно подобные сборники публикуются в Новосибирске и Томске (36). Очень ценными являются опубликованные в Кемерове материалы контрольных парторганов Кузбасса, в которых зафиксировано много информации о работниках ОГПУ-НКВД. Репрессиям в отношении сибирских немцев посвящён документальный сборник барнаульского исследователя А. А. Фаста (37). Большой объём документации опубликован в десятках Книг памяти жертв политических репрессий, которые публикуются в регионе с начала 1990-х гг. Данные Книг памяти на 2,6 млн репрессированных собраны на электронном носителе, выпущенном «Мемориалом» в 2007 г. (38).

Основная часть серийных документальных сборников, подготовленных в Москве, отличается должным научным уровнем. Досадные ошибки присутствуют в капитальном сборнике документов сталинской канцелярии, где помещён фрагмент неправильно датированной записки М. П. Фриновского Сталину (документ №376), которая относится к 8 декабря 1937 г., а не к 8 декабря 1938 г., а в заголовке документа №204 вместо наркомвнудела БССР Б. Д. Бермана фигурирует его брат М. Д. Берман.

Также следует отметить ошибочность поправки в тексте циркуляра ГУЛАГа о «чекистском обслуживании спецпереселенцев», сделанной составителями серии «История сталинского Гулага», когда во фрагменте, говорящем о передаче агентуры из системы ОСП в РО ОГПУ или оперсектор ОГПУ, вставлен ненужный союз «в», обесмысливающий чекистскую установку: «В необходимых случаях следует передавать и [в] агентуру» (39). Многие биографии чекистов, опубликованные в томах серии «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД», грешат серьёзными ошибками и неточностями. Но документы, опубликованные в регионах, особенно в 90-е годы, зачастую выходили просто в «голом» виде, с грубыми искажениями и без каких-либо комментариев.

Например, книга И. Н. Кузнецова «Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае», вышедшая в 1991 г., представляет собой перечень фамилий репрессированных, к которому подвёрстан ряд ценных, но небрежно оформленных и неоткомментированных документов. Публикуя информационно очень важный приговор в отношении осуждённых за репрессии 13 чекистов, составитель в заголовке указал, что они являются сотрудниками неназванного окружного отдела НКВД. Такое нарушение правил оформления документальных публикаций понадобилось Кузнецову для того чтобы в тексте не фигурировал Ямало-Ненецкий округ, поскольку он был частью Омского УНКВД и с формальной стороны не мог иметь отношения к заявленному составителем Томскому региону. Также автор объединил в один список все фамилии чекистов, обнаруженные им в документах, представив в качестве активных фальсификаторов и сугубо второстепенных работников, а также искажил ряд инициалов (40).

Аналогичным образом составлена другая документальная публикация И. Н. Кузнецова «Без грифа “секретно”», вышедшая в Новосибирске в 1997 г. и содержащая подборку документов о советской репрессивной практике, по-прежнему лишённых какого-то бы ни было комментария. Парадоксальным образом доцент Белорусского госуниверситета И. Н. Кузнецов – автор многих учебных и учебно-методических пособий вроде «Научное исследование», «Методика подготовки и защиты диссертации» и пр. – в своих публикациях обошёлся не только без каких-либо комментариев, но даже без архивных ссылок.

В условиях, когда доступ к документам спецслужб в России крайне затруднён, особо следует отметить активную публикаторскую деятельность украинских исследователей, в трудах и документальных сборни-

ках которых обнаружено большое количество ценнейших документов ВЧК-НКВД (41).

Чекисты оставили немало мемуаров, обычно крайне тенденциозных. Начальник УМГБ по Томской области Я. С. Турчанинов повествовал о создании барнаульским ссыльным троцкистом Л. С. Сосновским заговорщицких групп и о шпионских резидентурах 30-х годов в Омске и на ст. Тайга, бывший замначальника Особотдела ГУГБ НКВД СибВО М. М. Портнягин – о кулацких повстанческих организациях начала 30-х годов в Тарском округе ЗСК. Более информативной является опубликованная в советское время документальная повесть чекиста А. Г. Керина о повстанцах в Хакасии «Леший выходит на связь» (42), ставшая основой для фильма 1981 г. «Не ставьте Лешему капканы».

Важными для нашей работы были уникальные по широте охвата воспоминания видного чекиста М. П. Шрейдера, пока опубликованные лишь частично. Очень большую ценность имеют воспоминания вдовы комиссара ГБ С. Н. Миронова Агнессы Мироновой, отличающиеся добросовестностью и хорошо проверяемые по известным источникам (43). Остальные мемуары нами привлекались с большой осторожностью. Критического отношения требуют к себе достаточно информативные чекистские рассказы, записанные кемеровским литератором В. Г. Рудиным. А в мемуарах экс-председателя КГБ СССР В. А. Крючкова содержатся полностью ложные сведения о якобы истреблении омских чекистов: «В 1937 году, например, был расстрелян практически весь личный состав Омского управления НКВД за отказ участвовать в репрессиях» (44).

Историки «органов» при допуске к делам внутреннего делопроизводства скорее всего столкнутся с проблемой нехватки архивных оперативных материалов. Положение архивов госбезопасности оказалось трагичным – они стали жертвой нескольких секретных кампаний по чисткам. Огромные потери чекистские архивы (включая и тыловые) понесли в годы войны: так, осенью 1941 г. масса материалов панически была сожжена на Лубянке, а фонды столичного управления НКВД оказались затоплены при перевозке на барже. Многие архивы при невозможности их эвакуировать были уничтожены в зоне боевых действий. Пропала и часть следственных дел, например, на репрессированных в 1936–1938 гг. старейшего большевика Сибири В. Д. Вегмана и секретаря Усть-Абаканского райкома ВКП(б) И. К. Монташкевича, которые были по возможности восстановлены в период реабилитации (45).

Узнать точно, какие категории источников утеряны навсегда, до сих пор невозможно. Основные удары по архивам КГБ пришлось на сере-

дину 50-х годов, когда были сожжены многие миллионы дел, включая и сотни тысяч архивно-следственных, подлежащих постоянному хранению (46), и на начало 90-х. Особым приказом 19 января 1955 г. МВД СССР велело уничтожить имевшиеся в его архивах прекращённые следственные дела по ст. 58 УК. Есть основания полагать, что таких дел погибло немало. Например, 31 мая 1955 г. в Барнауле было сожжено дело начальника Немецкого РОМ УНКВД по Алтайскому краю П. И. Зименса, отбывавшего в 1938–1939 гг. заключение по ст. 58-6-11 УК. Такая же судьба в тот же день постигла переданное из УКГБ в УМВД в 1955 г. дело бывшего председателя сельсовета Завьяловского района Алтайского края Н. Г. Высокоса, обвинявшегося по ст. 58-2-6-10 УК и освобождённого в 1939 г. после более чем годовичного заключения (47). Возможно, передача в систему МВД ряда прекращённых дел по ст. 58 УК и была осуществлена с целью их последующего уничтожения.

А. А. Папчинский и М. А. Тумшис отметили факты уничтожения и некоторых личных дел руководящих сотрудников ОГПУ-НКВД, переданных в систему МВД. В последние месяцы существования КГБ были сожжены основные личные и рабочие дела агентуры, многотомные досье на известных людей: 500-томное дело на А. Д. Сахарова, 100-томное – на А. И. Солженицына, 10-томное – на В. Н. Войновича... В Новосибирске в июле 1991 г. сожгли агентурное дело многолетнего видного сексота ОГПУ-НКВД В.-Г. Кремера, одного из основных работников германского консульства. Оказалось уничтожено и личное агентурное дело заведующего отделом Западно-Сибирской краевой конторы Госбанка Г. П. Гиргенсона (48).

Но, по всей видимости, и в центральном, и в региональных архивах ФСБ в будущем можно будет разыскать немало сведений, относящихся к самой сути функционирования советских карательных органов. Пока же большую помощь исследователям способны оказать следственные дела, ибо в процессе реабилитации во многие из них оказались подшиты самые разнообразные обзорные справки, в т. ч. подготовленные по рабочим делам агентов, крупным агентурным разработкам и следственным делам на нереабилитированных лиц, меморандумы из донесений осведомителей, а также копии исключительно ценных документов из оперативной переписки аппарата госбезопасности – от районного до союзного уровней.

Нами широко использовались следственные дела из фондов УФСБ по Новосибирской и Томской областям, ОСД УАДААК (Отдела спецдокументации управления архивного дела администрации Алтайского

края), а также ряд материалов из ОХСД ГАСРА (Отдел хранения спецдокументов Государственной архивной службы Республики Алтай), ЦА ФСБ, картотеки МВД (ГА РФ) и архивов Службы безопасности Украины, хранящихся в Киеве, Харькове и др. городах. При анализе столь специфической категории дел исследователю, разумеется, необходимо учитывать весьма относительную степень достоверности чекистской информации – даже в официальной переписке. Это касается не только частого отрицания фактов негласной работы конкретных лиц. Известные нам ответы «элитарного» Первого Главного управления (внешней разведки) КГБ СССР относительно работы тех или иных сексотов за рубежом, зафиксированные в реабилитационной переписке, носили чаще характер либо абсолютной некомпетентности, либо откровенной дезинформации. Ни разу в ответах Новосибирскому и Алтайскому управлениям КГБ, запрашивавшим о закордонной работе тех или иных лиц, не было «первым главком» дано положительного ответа – при том, что показания осуждённых в 1930-е годы лиц о своей прошлой разведывательной деятельности являлись вполне правдоподобными (49).

Справки из центральных и региональных архивов на лиц, чьи дела подлежали пересмотру или связанных с ними, также составлялись нередко очень небрежно. Например, из ПГУ КГБ СССР в связи с пересмотром дела лидера евангельских христиан Западной Сибири О.И. Кухмана на упоминавшегося в нём председателя Всероссийского союза евангельских христиан И.С. Проханова пришла весьма недоброкачественная информация (50). В 1950-е годы следователи КГБ и архивно-учётные отделы нередко халтурно составляли справки на работников НКВД, участвовавших в репрессиях.

Правда, последнему обстоятельству способствовало и то, что сведения на сотрудников госбезопасности до 1943 г. остались в отделе кадров управлений МВД. В результате исследователь иногда может быть введён в заблуждение. Так, кузбасского чекиста Д.К. Салтымакова следователи 50-х годов путали с его расстрелянным в 1941 г. братом Тимофеем, в годы террора работавшим на Алтае. Вместо замначальника СПО УНКВД по ЗСК А.А. Ягодкина работники КГБ давали данные на куда более скромного кемеровского чекиста И.Т. Ягодкина, а для начальника УНКВД по ЗСК С.Н. Миронова сообщали в качестве даты ареста 1937 г. вместо 1939 г. Сотрудники УКГБ по Алтайскому краю вместо указания на легендарного сопроводителя арестованного экс-императора Николая II из Тобольска в Екатеринбург К.А. Стояновича-Мячина (В. Яковлева), позднее начальника Анжерской исправтрудколони, составили

в 50-х годах для следователя справку на совершенно постороннего серба Стаяновича (51).

При чтении архивно-следственных дел видно, как один сотрудник КГБ в заключении по рассмотренному делу даёт перечень фамилий тех следователей, биографических данных на кого он не установил, а в соседнем деле его коллегой эти лица расписаны. В Новосибирском УКГБ была составлена картотека следователей, замеченных в фальсификациях 30-х годов (52), но в известных нам реабилитационных материалах сведения из этой картотеки не фигурировали (либо на неё избегали делать ссылки), а сама картотека фиксировала только фальсификаторов 1937–1938 гг.

В делах чекистов, обвинявшихся в различных служебных преступлениях, в т. ч. как в недостаточном усердии в репрессиях, так и в нарушениях законности, содержатся информативные протоколы показаний и самих осуждённых, и их коллег-свидетелей. В некоторых реабилитационных делах, особенно групповых или на видных деятелей номенклатуры, можно обнаружить целые подборки протоколов допросов чекистов всех уровней – от начальников управлений до фельдъегерей и милиционеров, в которых с разной степенью подробности раскрывается механика репрессий.

Оценивая источники по карательной политике и практике ОГПУ-НКВД, следует учитывать особую ценность протоколов допросов сотрудников госбезопасности и милиции, которые как в 1938–1941 гг., так и в 50–60-е годы давали в НКВД-КГБ показания о своей репрессивной деятельности. Это массовый и очень ценный источник о внутренней жизни карательного ведомства, позволяющий увидеть и понять действие механизма репрессий. Показания чекистов хорошо проверяются рассекреченными следственными делами и в отсутствие доступа к основным ведомственным материалам органов госбезопасности являются незаменимым источником. Основная тенденциозность данного вида документов заключается в стремлении допрашиваемых как можно сильнее преуменьшить своё участие в репрессиях и нередко заявить о том, что невиновной была лишь часть репрессированных.

Разумеется, следует учитывать и тот факт, что крупных работников НКВД (например, начальника УНКВД по Алткраю С.П. Попова) во время следствия подвергали пыткам с целью добиться признания в заговорщицкой деятельности (53). Однако менее опасные для себя показания об участии в репрессиях и чекисты-руководители, и работники более низкого уровня давали весьма охотно, обязательно ссылаясь на

приказы вышестоящих инстанций. Отметим, что к данному типу источников примыкает и такой сходный с ними вид документации, как заявления и ходатайства уволенных, осуждённых и наказанных в партийном порядке чекистов в вышестоящие органы, где содержатся оценки проводимых репрессивных кампаний, своего в них участия, степени виновности коллег и т. д., вплоть до упоминания фамилий и кличек агентов. В этих протоколах и заявлениях много информации о психологии, быте и нравах чекистов.

Несмотря на необходимость критического подхода к подобным документам, следует отметить, что сведения об атмосфере в органах НКВД, арестах и допросах, уверенности или сомнениях чекистов в их правильности, соревновании в репрессиях, подробностях уничтожения людей – всё это проверяется и дополняется информацией уцелевших жертв репрессий, материалами внутриведомственных и прокурорских проверок и в основном соответствует действительности. Таким образом, в наиболее существенных аспектах показания чекистов отличаются высокой степенью достоверности, а некоторые работники НКВД обнаруживали весьма основательное понимание логики «массовых операций», давали ценные характеристики как активистам террора, так и пытавшимся уклоняться от участия в репрессиях, сообщали неизвестные факты биографий тех или иных репрессированных лиц, агентов и т. д. Интересно сопоставление свидетельств о терроре, данных одними и теми же работниками НКВД сначала в 1939–1941 гг., а затем в период 1950–1960 гг.: в обстановке хрущёвской оттепели и благодаря истечению срока давности одни чекисты нередко более откровенно рассказывали о терроре, нежели чем в предвоенные годы, другие, напротив, старались опустить то, о чём рассказывали перед войной, будучи под угрозой уголовного преследования.

Помимо материалов следственных дел, огромное количество информации о чекистах Сибири удалось извлечь из фонда Комиссии партийного контроля ЦК КПСС (РГАНИ), в основном состоящего из апелляций наказанных коммунистов. Очень важную информацию о чекистских кадрах содержат материалы партийных чисток, многочисленные фонды парторганизаций ОГПУ-НКВД (от УНКВД ЗСК-НСО, Барнаульского, Бийского, Нарымского и Томского отделов НКВД до ячеек райотделов, оперпунктов и тюрем), личные дела и учётные карточки чекистов. Особенно много ценной информации содержат фонды парторганизаций ОГПУ-НКВД ЗСК-НСО, в настоящий момент уже недоступные для независимых исследователей. Сплошной просмотр фондов крайкомов, об-

комов, многих горкомов и райкомов ВКП(б) в архивах Новосибирска, Барнаула, Иркутска, Кемерово, Красноярска, Омска, Томска, Тюмени, Читы дал возможность собрать большой массив сведений о персональном составе «органов» и их взаимоотношениях с властными структурами. Немало дали материалы крайисполкома ЗСК, фонды судов и прокуратуры. Находящийся в ГАНО фонд отдела фельдсвязи ПП ОГПУ – УНКВД ЗСК-НСО (Ф.911, ок. 500 дел) позволил ознакомиться не только с ценными материалами о работе фельдъегерской службы, но и с копиями важных приказов ПП ОГПУ начала 30-х годов.

Исследователям хорошо известно, что в ряде архивов затруднён доступ к личным партийным делам, закрыты материалы партийных чисток и проверок партдокументов. Недоступны дела на нереабилитированных лиц, фрагментарна и порой противоречива репрессивная статистика, лишь случайно попадают сведения по закордонным операциям ОГПУ-НКВД. Однако, основываясь на уже известных исследованиях и публикациях, а также опираясь на архивные материалы партийно-советских органов и рассекреченные следственные дела, всё же можно предпринимать серьёзные попытки освещения деятельности региональных структур ОГПУ-НКВД, касаясь самых разных сторон чекистской жизни, находя и оценивая новые яркие свидетельства деятельности «органов». Данная работа как раз и принадлежит к таким исследованиям, где на основе привлечения максимально возможного в настоящее время эмпирического материала показана повседневная работа карательного механизма в крупном регионе.

Важную помощь в работе над книгой своими советами и материалами оказали А.И. Савин и К.В. Скоркин, а также С.А. Красильников и С.А. Папков. В.А. Золотарёву автор чрезвычайно обязан за архивные документы из фондов Службы безопасности Украины, а также указания на украинскую исследовательскую литературу. В.П. Ермоловичу автор признателен за предоставление многих архивно-газетных и статистических материалов.

Особая благодарность – германским историкам Берндту Бонвечу, Рольфу Биннеру и Марку Юнге, организовавшим крупный исследовательский проект «Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447», в рамках которого и стала возможной публикация настоящей книги.

Искренне благодарю всех тех архивных работников, которые помогали в разысканиях; лицам же, злонамеренно препятствовавшим в доступе к документам, выражаю не менее искреннее отвращение.

Желающие откликнуться на это издание могут воспользоваться электронным адресом tepliakov@online.nsk.su

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. – М., 2000. С.78, 347; Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. – Новосибирск. 2005. С.283. Характерно, что при реабилитации Ф.Д. Бойтмана, ещё в 1936 г. привлекавшегося к ответственности за фабрикации дела о «контрреволюционной организации», оказались проигнорированы результаты прокурорской проверки 1957–1959 гг., по которым было отказано в посмертной реабилитации Бойтмана за участие в терроре 1937 г., из-за чего «наступили тяжёлые последствия». См.: Обзорная справка от 18.01.1968 г. по архивно-следственному делу Ф.Д. Бойтмана // АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.148.
2. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М., 2007. С.13.
3. *Голиков Д.Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. В 2-х кн. – М., 1986.
4. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. – М., 1998.
5. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008; *Павлюков А.Е.* Ежов. Биография. – М., 2007.
6. *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992; *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. – М., 2003; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... М., 2008; *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2004; *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий. Особа, час, оточення. – К., 2002; *Золотарьев В.А.* ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщині: люди та доли (1919–1941). – Харьков, 2003; *Он же.* Олександр Успенський: особа, час, оточення. – Харьков, 2004; *Он же.* Секретно-політичний відділ ДПУ УСРС: справи та люди. – Харьков, 2007; *Тумишис М.А.* ВЧК. Война кланов. – М., 2004.
7. *Папчинский А.А., Тумишис М.А.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. – М., 2001.
8. См.: *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. – Athenaeum – Феникс: М.–СПб., 1997. С.275–293; *Савин А.И.* (сост.) Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. – Новосибирск, 2004 и др.
9. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – Жуковский–М., 2006.
10. *Гладков Т.* Медведев – супердиверсант Судоплатова. – М., 2005. С.271.
11. *Сысоев Н.Г.* Жандармы и чекисты: От Бенкендорфа до Ягоды. – М., 2002.
12. См. *Абрамов В.* Евреи в КГБ. – М., 2005. С.86.
13. *Шамсутинов Р.* Кишлок фожеаси: жамоалаштириш, кулоклаштириш, сургуи («Трагедия кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. На примере республик Средней Азии. – Ташкент, 2003») // www.centrasia.ru/newsA.php4?st=108206736.

14. *Билокоть С.* Социальный портрет чекиста // Персонал (Киев). 2003. № 8. С.39–46; *Билокоть С.* Двадцять років єврейської державності в Україні, 1918–1938 // <http://www.ukrcenter.com/library/read.asp>.
15. *Конохов Е.П.* На страже завоеваний революции // Вопросы истории, философии, политэкономии. Научные труды. Вып. 2. (Омская высшая школа милиции). – Омск, 1968. С.125–126; *Бударин М.Е.* Были о чекистах. – Омск, 1976.
16. Революцией призваны: Документальные повести и очерки о чекистах Алтая. – Барнаул, 1987. С.4.
17. *Гуцин Н.Я., Ильиных В.А.* Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). – Новосибирск, 1987. С.261–268.
18. *Якунин Ю.А.* Чёрное и белое. – Омск, 1990.
19. *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). – М., 1995; *Гавриленко В.К.* Казнь прокурора: Документальное повествование. – Абакан, 2001; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно. – Барнаул, 1995; *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). – Барнаул, 1999; *Гришаев В.Ф.* «За чистую советскую власть...»: К истории крестьянских мятежей на Алтае, вызванных продразвёрсткой, раскулачиванием, насильственной коллективизацией. – Барнаул, 2001; *Запецкий В.М.* Колпашевский яр. – Новосибирск, 1992; *Самосудов В.М.* Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1938. – Омск, 1998; *Самосудов В.М.* Записки из кровавого года. – Омск, 2000; *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). – Томск, 1995; *Шекиев А.П.* Гражданская смута на Енисее: победители и побеждённые. – Абакан, 2006.
20. *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири 1928–1941. – Новосибирск, 1997.
21. *Исаев В.И., Угроватов А.П.* Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). – Новосибирск, 2006. С.123.
22. *Красильников С.А.* Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М., 2003.
23. *Курас Л.В.* Очерки истории органов государственной безопасности Республики Бурятия. – Улан-Удэ-Иркутск, 1998.
24. *Доржиев Д.Л.* Социально-политический протест и вооружённые выступления крестьянства в Бурятии на рубеже 1920–1930 гг. – Улан-Удэ, 1996.
25. *Бушнев В.М.* Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. – Красноярск, 2000; *Кузнецов И.Н.* Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае. – Томск, 1991; *Гвоздкова Л.И.* История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. – Кемерово, 1997; *Шангин М.С.* Террор против совести: Об уничтожении духовенства и трудового крестьянства в г. Омске и области: Сб. документальных материалов. – Омск, 1994.
26. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.126; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4651. Т.42. Л.38.
27. Управление Федеральной службы безопасности России по Алтайскому краю 80 лет. – Барнаул, 1999. С.48; Управление ФСБ Российской Федерации по Новосибирской области. – Новосибирск, 2002.
28. Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. С.95; Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002 гг.: страницы истории. – Кемерово, 2002.
29. Призвание – Родине служить! – Новосибирск, 1997. С.37; Управление ФСБ Российской Федерации по Новосибирской области. – Новосибирск, 2002. С.13, 14, 22.
30. Новосибирская школа контрразведки, 1935–2005. Сб. – М., 2005. С.32, 33, 39, 40.
31. *Ефремов М.А.* 80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937). – Новосибирск, 2002. С.222–224; Щит и меч Кузбасса. – Кемерово. 2003. С.71–74.

32. Карманов В. Чекистская междоусобка // Кузбасс (Кемерово). 1997, 13 нояб.; *Онищенко В., Павлов С.* Глас вопиющего... в застенках НКВД // Юрга. 2004, 15 дек. С.5.
33. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 // *Минувшее. Исторический альманах.* Вып. 21. – Atheneum – Феникс: М.–СПб., 1997. С.240–293; *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны // *Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.).* – Новосибирск, 2004. С.260–290; *Тепляков А.Г.* Органы НКВД Западной Сибири в «кулацкой операции» 1937–1938 гг. // *Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг.* Массовая операция на основе приказа № 00447. – М., 2008 (в печати); *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. // *Урал и Сибирь в сталинской политике.* – Новосибирск, 2002. С.173–185; *Тепляков А.* Сибирь: Процедура исполнения смертных приговоров в 1920–1930-х годах // *Голоса Сибири: литературный альманах.* – Выпуск четвертый / сост. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово, 2006. С.213–277, 799–805 (примечания); *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов // *Возвращение памяти: Историко-архивный альманах.* Вып.3. – Новосибирск, 1997. С.68–113; *Тепляков А.* Вениамин Вегман: материалы к биографии // *Сибирские огни.* 2007. № 4. С.171–178.
34. *Тепляков А.Г.* Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М.: Возвращение, 2007.
35. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. – М., 2000; История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. – М., 2004; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. – М., 2003; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... 1937–1938. – М., 2004; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш»... 1939 – март 1946. – М., 2006; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931. Документы и материалы. – М., 2003; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3. 1930–1934. Кн.2. 1932–1934... – М., 2005; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том I. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000; Реабилитация: как это было... Том II. Февраль 1956 – начало 80-х годов. – М., 2003; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. – М., 2005; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. – Т.3. Конец 1930–1933. – М., 2001; Трагедия советской деревни... 1927–1939. – Т.5. Кн.1. 1937. – М., 2004; Трагедия советской деревни... Т.5. Кн.2. 1938–1939. – М., 2006.
36. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. Вып. 1. – Новосибирск, 1992, Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Вып. 2. – Новосибирск, 1993; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Вып.3. – Новосибирск, 1994; Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939–1945 гг. Вып.4. – Новосибирск, 1996; Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 годы): Сб. документов. – Новосибирск, 2004; *Савин А.И.* (сост.) Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. – Новосибирск, 2004; Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннот. перечень архивных документов и материалов. Избр. документы /Сост., вступительная статья и комм. А.И. Савина. – Новосибирск–СПб., 2006; Из истории земли Томской. 1933 г. Назинская трагедия. – Томск, 2002; Из истории земли Томской. Год 1937... Сб. документов и материалов. – Томск, 1998; 1936–1937 гг. Конвейер НКВД. Из хроники «большого террора» на Томской земле.

- Сб. документов и материалов. – Томск–М., 2004; 1937–1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на Томской земле. Сб. документов и материалов. – Томск–М., 2006.
37. *Бедин В., Кушникова М., Тогулев В.* Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. – Кемерово, 1999; *Фаст А.А.* В сетях ОГПУ-НКВД: (Немецкий район Алтайского края в 1927–1938 гг.). – Барнаул, 2002.
38. Жертвы политического террора в СССР. – М., 2007 (CD); Сталинские расстрельные списки. – М., 2002 (CD).
39. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... 1937–1938. – М., 2004. С.626–629, 363; История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т.5. Спецпереселенцы в СССР. – М., 2004. С.146.
40. *Кузнецов И.Н.* Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае. – Томск, 1991. С.221–223.
41. См. *Шапвал Ю., Пристайко В., Золотарьев В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. – К., 1997; Остання адреса: Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках: В 2-х тт. – К., 2003; Голодомор 1932–1933 років в Україні: документи і матеріали / Упоряд. Р.Я. Пиріг. – К., 2007.
42. Герои незримого фронта. – Ужгород, 1978; *Портнягин М.М.* Боевая юность наша // Ленинский путь (Тара). 1979, 23 мая; Чекисты Красноярья. – Красноярск, 1987. С.132–149.
43. *Шрейдер М.П.* Воспоминания чекиста-оперативника (Архив НИПЦ «Мемориал»); *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. – М., 1995; *Яковенко М.М.* Агнесса: Устные рассказы Агнессы Ивановны Мироновой-Король о её юности, о счастье и горестях трёх её замужеств, об огромной любви к знаменитому сталинскому чекисту Сергею Наумовичу Миронову, о шикарных курортах, приёмах в Кремле и... о тюрьмах, этапах, лагерях, – о жизни, прожитой на качелях советской истории. – М., 1997.
44. *Рудин В.* Чёрные годы // Начало века. Литературный и краеведческий журнал. – Томск. 2007. № 3. С.170–177; *Крючков В.А.* Личное дело. Ч. 1. – М., 1995. С.400.
45. *Тепляков А.* Вениамин Вегман: материалы к биографии // *Сибирские огни.* 2007. № 4. С.176; *Гавриленко В.К.* Казнь прокурора: Документальное повествование. – Абакан, 2001. С.176–177.
46. *Петров Н.В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. – М., 2005. С.161.
47. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4935. Л.60–61 об.; Д.П-12311. Л.160.
48. *Панчинский А.А., Тумиш М.А.* Рецензия на книгу Н.В. Петрова и К.В. Скоркина «Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник» // *Новый часовой.* 2000. №10. С.434; АУФСБ по НСО. Д.П-7142. Т.2. Л.91.
49. См. АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т.2. Л.53.
50. Там же. Д.П-5038.
51. Там же. Д.П-8571. Л.80; Д.П-8437. Т.3; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Д.П-10953. Л.13 об.
52. АУФСБ по НСО. Д.П-6195. Л.168.
53. Там же. Д.П-5931. Л.92.

Глава 1

СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, КАДРЫ ОГПУ-НКВД

Структура чекистских органов была достаточно сложной и постоянно менялась, отражая приоритет тех или иных политических задач, прямо влиявших на построение ОГПУ-НКВД. Грандиозные перемены, происходившие в обществе, возрастание роли репрессивной части госаппарата непосредственно отражались на структуре, функциях и кадровом составе карательной системы. Как подчёркивают современные исследователи, структура ВЧК-КГБ является лучшей иллюстрацией и объяснением тех или иных изгибов и направлений репрессивной политики (1). Все решения о реорганизациях структур госбезопасности и кадровых перестановках среди крупных чекистов санкционировались партийным руководством во главе со Сталиным. Причины реорганизаций верхами объяснялись не всегда, но, исходя из исторического контекста, их вполне возможно реконструировать. Понимание логики структурных изменений позволяет делать выводы, важные для истории «органов».

Полномочное представительство (ПП) ОГПУ по Сибирскому краю относилось к числу крупных региональных подразделений и располагало полным набором отделов, копируя построение центрального аппарата ОГПУ. В конце 1920-х гг. структура сибирского ПП ОГПУ выглядела следующим образом. Краевой аппарат полпреда в Новосибирске состоял из Секретно-оперативного (СОУ) и Административно-организационного управлений (АОУ). В состав СОУ входили основные оперативные отделы: Контрразведывательный (борьба со шпионажем), Секретный (борьба с политическими врагами режима), Особый (военная контрразведка), Экономический (борьба с вредительством, саботажем и крупными хищениями в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и заготовках), Учётно-осведомительный (контроль настроений в обществе, цензура), Транспортный (обеспечение безопасности на железнодорожных и водных путях), а также Регистрационно-Статистический отдел (оперативные учёты, статистика, архив) и Спецотдел (шифрованная связь, обеспечение режима секретности). Численность каждого из них была

невелика: в пределах 10–15 работников и менее. В структуре КРО существовало небольшое подразделение, занимавшееся внешней разведкой. Разведывательные операции с засылкой закордонной агентуры осуществляли также работники Особого отдела СибВО и Восточно-Сибирского округа, а также особы пограничных отрядов – Ойротского, Минусинского, Троицкосавского (2).

В состав АОУ входили Административный и Общий отделы, Секретариат, Отдел кадров, Отдел фельдсвязи, комендатура. Важной составной частью ПП являлось Управление пограничной и внутренней охраны ОГПУ (УПВО), объединявшее в себе пограничные и внутренние войска. Отвечал за деятельность аппарата ПП полномочный представитель, имевший одного заместителя. Всего новосибирский аппарат полпреда в начале 1929 г. насчитывал около 200 чел., из которых две трети являлись оперативными работниками (3).

Основной структурной единицей на местах в 1925–1930 гг. являлись окружные отделы ОГПУ. Главной частью окротдела являлось информационное отделение (ИНФО, затем – УЧОСО), начальник которого был заместителем начальника окротдела. По линии Секретного, Контрразведывательного, Экономического и Особого отделов в крупных окротделах были небольшие отделения, а в маленьких окружных отделах – уполномоченные. Окротделы сильно отличались по численности и делились на три группы. В число самых крупных входили Иркутский, Томский и Омский окротделы. В группу средних – Красноярский и Барнаульский. Третью, самую многочисленную, группу представляли небольшие окружные отделы: Алданский, Ачинский, Барабинский, Бийский, Каменский, Канский, Киренский, Кузнецкий, Минусинский, Рубцовский, Славгородский, Тарский, Тулунский, Хакасский. Следует отметить виртуальность Новосибирского окротдела ОГПУ – несмотря на наличие начальника, он существовал формально, не выделяясь из аппарата полпреда. Помимо окружных отделов, в национальных образованиях (кроме Хакасии) были Бурят-Монгольский, Ойротский и Якутский областные отделы.

Таким образом, к 1929 г. территориальные органы ПП ОГПУ по Сибкраю состояли из 23 подразделений, насчитывавших примерно от 10 до 60 сотрудников. В этом же году на местах произошли заметные изменения: в самостоятельную единицу, подчинявшуюся непосредственно ОГПУ СССР, был выделен Якутский облотдел, в состав которого также входил Алданский окротдел, а Тарский и Тулунский окротделы оказались расформированы в связи с упразднением в июне 1929 г. соответствующих округов.

В состав окротдела также входили 2–4 участковых уполномоченных, контролировавших ситуацию, делая упор на насаждение агентуры, в нескольких наиболее крупных и развитых районах. До 1928 г. таких уполномоченных в Сибирском крае было всего ок. 50 чел. Важной стороной изменений 1929 г. стало заметное увеличение количества участковых уполномоченных, которые годом позднее превратились в районных уполномоченных и появились во всех районах.

Оперативники окружных отделов насаждали агентуру в городах и сёлах округа, лично контролируя резидентов и наиболее ценных агентов. На местные органы ОГПУ во второй половине 20-х годов возлагались преимущественно информационные функции, а какие-то серьёзные оперативные мероприятия на местах проводили уполномоченные аппарата ПП ОГПУ. Наиболее характерным в этом отношении выглядят командировки сотрудников Контрразведывательного отдела (КРО) в период кампаний борьбы с уголовно-политическим бандитизмом 1926–1929 гг.: выезжая в отдалённые районы, они, опираясь на местных чекистов, войска ОГПУ, милицию и партийно-советский актив, достаточно эффективно агентурным путём выявляли местоположение бандитских отрядов и уничтожали их.

В 1929–1930 гг. численность окружных отделов быстро возрастала, а в условиях начавшейся коллективизации все оперативные работники окротделов самым активным образом участвовали уже не столько в сборе информации, сколько в «острых» опермероприятиях: обысках, арестах, облавах и следствии по делам «кулаков» и «бывших». О росте окружных отделов ОГПУ в последний год их существования говорят данные по партийной ячейке Томского окротдела ОГПУ, которая с мая 1929 по май 1930 г. выросла на 25 чел. и составила 84 партийца (4). Массовые акции крестьянского неповиновения, появление значительного числа антикоммунистических повстанческих отрядов, резкое обострение бандитизма обусловили переход от политики «информационной профилактики» к силовому подавлению народного протеста. В этих условиях органы ОГПУ стали стремительно наращивать свою численность и влияние, а также интенсивно реформироваться.

СТРУКТУРНЫЕ РЕФОРМЫ

В течение 1930–1931 гг. структура органов госбезопасности подверглась серьёзным изменениям. Их диктовали изменения в репрессивной политике, обусловленные прежде всего раскрестьяниванием и подавлением

выступлений сельского населения. С точки зрения руководства ОГПУ, отдельные подразделения СОУ, а также Экономическое управление, Главное управление погранохраны и войск ОГПУ, Транспортный отдел дублировали друг друга, а в их работе отсутствовали необходимая координация и обмен оперативной информацией (5). К этому можно добавить и тот факт, что центральный аппарат плохо контролировал местные структуры ОГПУ.

Поскольку «органы» были забюрократизированной системой, руководимой многочисленными инструкциями и амбициями начальников, в их среде отсутствовал посыл к эффективному взаимодействию (см. об этом гл. 2 об агентурной работе). Каждый начальник подразделения стремился к тому, чтобы на его счету было как можно больше эффективных дел на разоблачённых «врагов». В этих условиях настоящие контрразведывательные мероприятия, требовавшие основательного времени и тонкости оперативных комбинаций, отходили на второй план. Гораздо выше ценились наскоро слепленные большие антисоветские организации, состоявшие из десятков «повстанцев», «шпионов» и «диверсантов».

Колоссальный рост крестьянских восстаний в течение 1930 г. показал, что чекисты, несмотря на разветвлённую агентурную сеть, оказались не в силах предотвратить основную часть антиправительственных выступлений. В связи с этим было проведено реформирование как прежних структур, так и создание принципиально новых – горрайаппаратов ОГПУ. Решением руководства ОГПУ в сентябре 1930 г. с целью создания мощной карательно-контрразведывательной структуры в единый Особый отдел были слиты Контрразведывательный, Особый и Восточный отделы.

Ранее Особый отдел критиковали за недостаток разоблачённых «шпионов» и сосредоточение внимания на анализе политических настроений военнослужащих, массово проявлявших недовольство из-за скудного снабжения. Каждый полковой уполномоченный раз в пять дней составлял рабочую сводку о политико-моральном состоянии части. Информационная группа конкретного отделения Особого отдела СибВО на основе этих сводок составляла месячный отчёт, представлявшийся руководству Особотдела (6). Теперь, помимо организации политконтроля и контрразведывательной работы в армии (особисты также следили за работой Осоавиахима, начсоставом запаса, военными преподавателями), Особый отдел занялся организацией контрразведки в целом по стране, пресечением политического бандитизма, деятельности «кулацко-повстанческих» и националистических групп. Скорее всего, такое объединение вело к ослаблению реальной контрразведки, которая, впро-

чем, и без того ориентировалась не столько на выявление шпионажа, сколько на борьбу с инакомыслящими.

В результате Особый отдел, являвшийся органом контрразведки в вооружённых силах, был превращён в основной карательный орган ОГПУ. Поскольку для партийной верхушки было необходимо радикально усилить борьбу с народным протестом, Особый отдел должен был стать прежде всего мощным ударным кулаком, способный методами массовых репрессий наносить сокрушительные удары по крестьянскому повстанчеству. Недаром в мотивировочной части приказа ОГПУ относительно объединения отделов упоминался положительный опыт существования крупных и полномочных особых отделов округов и армий в годы гражданской войны, проводивших массовый террор против «шпионов» и военнопленных (вся политика сталинской «чрезвычайщины» логичным образом опиралась на опыт военного коммунизма). Основная часть особистов должна была «работать» по деревенской «контрреволюции», что не имело никакого отношения ни к военной контрразведке, ни к контрразведке вообще.

Характерно, что при фабрикации дел на крестьян-«повстанцев», подлинных или мнимых, особисты, помня о своей контрразведывательной родословной, старались связывать их с белоэмигрантскими центрами и иностранными разведками. Это находило должный отклик у начальства. Н. И. Ежов в декабре 1936 г. призвал особистов наступать на врага, осуществляя оперативную работу не только в стране, но и за рубежом (7). Данный призыв был адресован, вероятно, пограничным отрядам, которые силами приданных им особистов вели разведку, забрасывая агентов в приграничные районы сопредельных государств.

В Западно-Сибирском крае существовал Особый отдел СибВО и полпредства ОГПУ ЗСК с единым начальником, как правило, заместителем полпреда. После образования управлений НКВД в них существовали особые отделы, подчинявшиеся не только начальникам УНКВД, но и Особому отделу СибВО, существовавшему в Новосибирске и контролировавшему также особистские аппараты Омской области, Алтайского и Красноярского краёв. В Иркутске базировался Особый отдел ПП ОГПУ ВСК, в Чите – Особый отдел ГУГБ НКВД ЗабВО. Подчинявшиеся им особые отделения имелись в корпусах, дивизиях и бригадах, в полках чекистскую работу проводили полковые уполномоченные.

Аппарат Особого отдела СибВО до августа 1930 г. руководил сам полпред Л. М. Заковский. Но после укрупнения Особого отдела функции его начальника перешли к бывшему руководителю КРО А. К. Залпе-

теру, хотя и не надолго – уже в январе 1931 г. Заковский вернул себе непосредственный контроль за Особым отделом. Что касается полпреда ОГПУ – начальника УНКВД по ВСК Я. П. Зирниса, то он взял контроль за Особым отделом ГУГБ НКВД ЗабВО только в июне 1935 г. и являлся его начальником – одновременно с исполнением обязанностей начальника УНКВД ВСК – до ноября 1936 г., т. е. до конца своей работы в Сибири.

Впоследствии конкретная подчинённость особых отделов также была неодинаковой: например, в Новосибирской области с конца 1938 до июня 1941 г. Особый отдел СибВО возглавлял присланный из Москвы недавний слушатель Военно-транспортной академии им. Кагановича майор Г. Б. А. П. Можин, а в Читинской области Особый отдел ЗабВО с 1937 г. был в подчинении начальников УНКВД Г. С. Хорхорина и П. Т. Куприна (8).

В октябре 1940 г. номенклатура Особого отдела СибВО, утверждаемая Новосибирским обкомом партии, состояла из начальника, двух его заместителей, 11 начальников отделений, двух начальников отделений гарнизонов, пяти заместителей начальников отделений, 14 старших оперуполномоченных и четырёх следователей (9). Эти сведения говорят о структуре аппарата Особого отдела, приблизительной численности (порядка 60 чел.) и наличии в нём собственной следственной части. В начале 1941 г. особые отделы были преобразованы в 3-и отделы и переданы в Наркомат обороны, однако с началом войны оказались возвращены обратно в НКВД.

За укрупнением системы Особых отделов в 1930 г. скоро последовало реформирование других подразделений ОГПУ. В марте 1931 г. усиление чекистских аппаратов было продолжено объединением Секретного и Информационного отделов в Секретно-политический отдел (СПО). Информационный отдел (в ряде регионов, в т. ч. в Сибири, в конце 20-х годов преобразованный в Учётно-осведомительный, состоявший из агентурно-оперативного и следственного отделений) в условиях Сибири начала 30-х годов наносил основной удар по «деревенской контрреволюции», а Секретный больше работал по несоветским партиям, внутрипартийной оппозиции и интеллигенции, сосредотачивая свою работу в городах. Однако известно, что «вскрытие» ячеек «ТКП» по сёлам в 1930 г. курировал начальник Секретного отдела ПП ОГПУ Сибкрая-ЗСК П. М. Кузьмин (10). Объединение этих отделов породило мощную единую структуру внутривнутриполитического сыска, обладавшую огромной агентурной сетью.

СПО в первые годы состоял из четырёх отделений. Первое работало в городах, «обслуживая» промышленные предприятия и связанные с ними

учреждения, а также «антисоветские политпартии» и оппозиционные течения в ВКП(б). Характерно, что одной из целей работы отделения была ликвидация «террористических групп среди молодёжи на промпредприятиях». Второе отделение работало по сельской местности, также фиксируя внимание на агрономической и т. п. интеллигенции и «террористических организациях кулацкой молодёжи». Третье отделение выявляло «городскую контрреволюцию преимущественно религиозно-монархического толка», а также следило за советским аппаратом и милицией. Четвёртое отделение обрабатывало информационные материалы, учитывало агентуру, следило за режимом секретности и фиксировало умонастроения интеллигенции и студенчества (11). Таким образом, тенденция к фабрикации дел «террористических молодёжных групп» была изначально заложена в функции СПО. Позднее в УНКВД ЗСК существовало и 5-е отделение СПО, курировавшее крестьянскую и политическую ссылку. СПО оказался отделом-долгожителем, много лет, до самого конца советской эпохи, находясь на острие политического сыска, за исключением периода 1943–1949 и 1960–1967 гг., когда СПО был поглощён аппаратом контрразведки.

Следует отметить, что и после реформирования основных структур контрразведывательная деятельность и борьба с «врагами народа» фактически не разделялись и сосредотачивались в ряде оперативных отделов, из-за чего неизбежное дублирование в работе продолжалось. Например, для СПО и ЭКО, как и для особистов, работа с враждебными элементами в деревне также была в числе приоритетных направлений. Сохранение параллелизма в работе Особого отдела, СПО и ЭКО подтверждается ведомственными историками (12). Для некоторого упрощения структуры в марте 1932 г. было ликвидировано СОУ ОГПУ, после чего основные оперативные отделы подчинялись руководству ОГПУ напрямую. Аналогичная реформа была предпринята и в полпредствах, где также были ликвидированы СОУ, и в облотделах, где упразднились секретно-оперативные части (13).

Наряду с укрупнением ряда подразделений с начала 30-х годов шёл постоянный процесс выделения некоторых чекистских специализаций, чему способствовали непрерывный рост штатов, некоторое улучшение чекистской подготовки и технический прогресс. Например, в марте 1931 г. был организован самостоятельный Оперативный отдел (Оперод) с широкими функциями: организация наружного наблюдения за подозрительными лицами, цензура, обыски, аресты, выемки, установки, розыск, использование оперативной техники (перлюстрация, прослушивание по-

мещений, телефонных и радиопереговоров). В сентябре 1932 г. был создан Отдел воензированной пожарной охраны. В мае 1933 г. органы пожарной охраны получили оперативные функции и стали – под руководством органов ЭКО – руководить агентурной сетью, работавшей для предотвращения пожаров (14).

На 1934 г. структура краевого аппарата ПП ОГПУ ЗСК выглядела следующим образом. Основными отделами были Особый, СПО, ЭКО, Транспортный, Отдел кадров, Оперод, Учётно-статистический и Общий отделы, УПВО. Небольшими по численности являлись Секретариат, Особая инспекция, Спецотдел, Оперчекотдел Сиблага, Отдел трудовых поселений. Неоперативные отделы были как крупные: УРКМ, Воензированная пожарная охрана, Отдел связи, так и небольшие: Инспекция резервов, Финотдел, Строительный отдел. С образованием в июле 1934 г. наркомата внутренних дел оперативные отделы вошли в состав Управления государственной безопасности (УГБ). Прочая структура принципиально не изменилась, но постоянно добавлялись новые подразделения: ОАГСы, Управление мер и весов, Отдел шоссейных дорог, архивы. В составе УНКВД ЗСК существовал Торгово-производственный отдел (ТПО), а в 1935 г. был образован единый отдел, надзиравший за местами заключения и политической ссылки: Управление исправительно-трудовых лагерей, колоний, трудовых поселений и мест заключения (УИТЛК, ТП и МЗ).

Новый виток серьёзных реформ в НКВД начался в конце 1936 г., когда новый нарком Н. И. Ежов изменил структуру подразделений, контролировавших экономику страны, а также реформировал контрразведывательные органы. Борьбой с вредительством, шпионажем и диверсиями в народном хозяйстве, а также контрабандистами, валютчиками, крупными спекулянтами и расхитителями традиционно занимались экономические отделы (ЭКО). Ежов провёл крупную реформу, создав на базе ЭКО и части аппарата Особого отдела большой Контрразведывательный отдел, при этом часть функций ЭКО, касавшихся «обслуживания» системы Наркомзёма, Наркомсовхозов, торговли и заготовок, отошла к СПО. Упразднение ЭКО Ежов объяснял ликвидацией частного капитала, коллективизацией и вытеснением старых специалистов из госаппарата, в связи с чем ЭКО утратил специфику и был вынужден заниматься уже «всеми видами контрреволюции». В состав КРО вошли подразделения ЭКО, боровшиеся с контрреволюцией, шпионажем, вредительством и диверсиями, а также та часть Особого отдела, которая ведала контрразведкой и обвинялась Ежовым в том, что давала мало «шпионских» дел (15).

Ежовская реформа ЭКО и Особого отдела серьёзно изменила расстановку сил в аппарате НКВД. Учитывая рост численности армии и флота, контроль за ними поручался Особому отделу, который, таким образом, возвращал себе логичное положение военной контрразведки. Функции контрразведки в целом передавались вновь созданному КРО, ставшему основным отделом в системе ГУГБ. Если прежде основные отделы УНКВД Запсибкрая насчитывали примерно по 40 оперативников, то с декабря 1936 г. в местном КРО имелось 60 чекистов-коммунистов (при том, что в 1930 г. в аппарате КРО ПП ОГПУ по Сибкраю было лишь 16 оперативников, курировавших деятельность контрразведывательных отделов на местах по всей Сибири), в СПО – 35, в Особом – 22 и в Транспортном – 26 партийцев (16). Реальная численность всех этих отделов была несколько выше за счет комсомольцев.

В 1937 г. в КРО УНКВД ЗСК насчитывалось 12 отделений, каждое из которых выполняло работу по определённой линии: 1-е отделение боролось с немецким шпионажем, 2-е – с польским, 3-е – с японским, 4-е – с прибалтийским. 5-е отделение занималось бывшими белыми офицерами, 6-е – «обслуживало» тяжёлую промышленность, 7-е – лёгкую промышленность, 8-е – сельское хозяйство, а 9-е отделение именовалось информационным (17) и преимущественно работало с агентурой. Контрразведывательную работу вели и оперативники транспортных отделов ГУГБ НКВД Томской, Омской, Красноярской и др. железных дорог, где также существовало отделения КРО. Свои отделения контрразведки имелись в оперативно-чекистских отделах Бамлага, Сиблага и др. лагерей. В сельских райотделах НКВД, где аппараты состояли обычно из 3–4 человек, работу по КРО выполняли один или двое из них. В гор-отделах вроде Томского, Барнаульского или Кемеровского, где имелось до 25–30 оперативников, существовали крупные отделения КРО и прочих отделов. Руководили местными подразделениями КРО обычно бывшие начальники ЭКО или особисты.

В течение 1938 г. было проведено ещё несколько больших реформ. В марте 1938 г. ГУГБ было преобразовано в Первое управление НКВД. Вторым управлением стало Управление особых отделов, Третьим – Управление транспорта и связи. В середине 1938 г. КРО был реформирован с выделением из его состава ряда новых отделов: были созданы 6, 7 и 8-й отделы, курировавшие соответственно военизированные организации (милицию, военкоматы, пожарных); оборонную промышленность; остальную промышленность. Одновременно СПО (4-й отдел, переименованный во 2-й) был разделён с выделением из него 9-го отдела, куриро-

вавшего сельское хозяйство, торговлю и заготовки. Таким образом, КРО оказался резко сокращён (в Новосибирской области – примерно втрое) и из него выделились фактически подразделения бывшего ЭКО с номерными названиями, а также недолго просуществовавший маленький 6-й отдел, фактически проводивший особистскую работу в милиции, пожарной охране и военкоматах.

Аппарат собственно КРО УНКВД по НСО, освободившись от надзора за экономикой, должен был сосредоточить свои усилия на разоблачении шпионажа. Но, как следует из слов работников КРО, прозвучавших на партсобрании 2 декабря 1938 г., они продолжали заниматься и разоблачением «вредителей». Как заявил начальник отделения А. В. Малозовский, «дело... вредительской группы в мясокомбинате может оказаться незаконченным к намеченному сроку». После разделения НКВД в начале 1941 г. КРО снова вырос. В мае 1941 г. КРО (в переписке именовался 2-м) отдел УНКГБ НСО состоял из 32 оперативников, распределённых по пяти отделениям, и секретариата, который составляли четыре сотрудницы-машинистки. Основными отделениями были первое и второе: в них насчитывалось по 8 работников (18).

В ходе очередного витка ежовских реформ в сентябре 1938 г. было восстановлено Главное управление госбезопасности, а на базе 7-го (оборонная промышленность), 8-го (промышленность) и 9-го (сельское хозяйство, торговля и заготовки) отделов образовано самостоятельное Главное Экономическое управление. Отделы ГЭУ стали называться соответственно 1, 2 и 3-м ЭКО (19).

На местах экономические отделы воссоздавались в соответствии с особенностями региона. Полный «набор» ЭКО существовал только в самых крупных управлениях НКВД. В 1939–1941 гг. в УНКВД НСО вместо упразднённых 7, 8 и 9-го отделов существовали три экономотдела, именовавшиеся по номерам – 1-й ЭКО, 2-й ЭКО и 3-й ЭКО – и курировавшие оборонную промышленность, остальную промышленность и сельское хозяйство. Это деление отражало огромный промышленный потенциал Новосибирской области. В Омском УНКВД, напротив, в 1939–1941 гг. существовал единый ЭКО (20). Своя специфика наблюдалась и в УНКВД по Алткраю, где с 1939 до середины 1940 г. также существовал единый ЭКО, затем разделённый на 1-й и 3-й экономотделы, «обслуживавшие» оборонные предприятия, а также все остальные отрасли промышленности и сельское хозяйство. Аналогично алтайскому был построен аппарат ЭКО и в УНКВД по Красноярскому краю (21).

В конце 1936 г. одновременно с образованием КРО и Тюремного отдела был разделён Оперод. Это дробление могло быть продиктовано

политическими причинами: Ежов организовал самостоятельный Отдел охраны, чтобы показать своё рвение в вопросе охраны Сталина, членов Политбюро и первых лиц в регионах. У собственно Оперода остались функции наружного наблюдения, обысков, установок, арестов и оперативной техники, однако с середины 1937 г. заработали самостоятельные Отделы опертехники. Таким образом, формирование на базе Оперода целых трёх отделов наглядно говорит о возрастании специализации в чекистских подразделениях.

Проходившие в ОГПУ-НКВД реформы задевали и систему транспортных отделов, которая с определённым трудом вписывалась в общую структуру карательных органов. За исключением периодов «массовых операций» большая часть усилий транспортников направлялась на обеспечение охраны порядка и борьбу с хищениями, а оперативные мероприятия сосредотачивались вокруг персонала железных дорог и водных путей. Постоянные массовые чистки «чуждого элемента», предпринимаемые транспортниками (22), были не в состоянии спасти их чекистскую репутацию.

К транспортникам коллеги из других отделов относились свысока, считая чекистами второго сорта, хотя основная часть арестованных ими в середине 30-х годов тоже проходила отнюдь не по ст. 58 УК. Нередко полпреды ОГПУ отбирали у ДТО перспективные агентурные разработки и передавали в другие отделы. Весной 1937 г. новосибирцы жаловались: «Нас, сотрудников транспортного отдела, на всех почти проходивших совещаниях называли не чекистами, а недоразумением, а на сегодняшнем совещании заместитель начальника 6-го отдела Вяткин назвал нас не чекистами, а “губтраматовцами”» (23). В 1937–1938 гг. руководство многих транспортных отделов было укреплено опытными контрразведчиками.

Для чекистов предвоенного времени была характерна весьма легкая смена специализации, переходы из Секретного отдела в Особый или Контрразведывательный, а из Экономического – в Секретно-политический. Но транспортники обычно варились в собственном соку и гораздо реже меняли профессию. В начале 30-х годов процесс резкого увеличения количества оперативников затронул и транспортные отделы. На крупных станциях были образованы оперпункты из пяти-восьми (и более) оперативников, насаждавших агентурно-осведомительную сеть по всей обслуживаемой линии. На рядовых станциях службу несли линейные уполномоченные.

В провинциальных дорожно-транспортных отделах (ДТО) были трудности с заполнением штатов. Например, в 1929 г. начальник отделения

ДТО ОГПУ Томской железной дороги И.Н. Шершень был единственным работником отделения, где по штату полагалось три сотрудника. В конце 1933 г. аппарат ДТО ОГПУ Забайкальской железной дороги состоял из трёх отделений и насчитывал только в Чите до 70 чел. (24). В 1931 г. Сталин заявил о необходимости «разбавить» руководство НКПС чекистами-транспортниками, после чего Политбюро ЦК 13 октября 1931 г. постановило откомандировать в НКПС для укрепления транспорта сразу 15 начальников ДТО, 12 дорожных парторгов ОГПУ и не менее 50 районных работников-транспортников (25).

Существовавший с 20-х годов Сибирский окружной транспортный отдел ОГПУ (СибОКТО ОГПУ) объединял в себе дорожно-транспортные отделы (ДТО) Омской, Томской и Забайкальской железных дорог. Они имели отделения на крупных станциях, где существовали депо, и аппарат линейных уполномоченных на менее ответственных узлах и водных пристанях. В 1930 г. с разделением Сибири ДТО Омской и Томской дорог остались в ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю, а ДТО Забайкальской дороги отошёл в ведение ПП ОГПУ ВСК. Вместо СибОКТО в полпредствах в 1930 г. были организованы Транспортные отделы (ТО) ОГПУ, подчинённые полпредствам и ТО ОГПУ центра.

С июля 1934 г. ДТО ОГПУ были преобразованы в ТО ГУГБ НКВД, а все линейные посты ДТО переименованы в оперпункты ГУГБ. В 1935 г. начальник УНКВД ЗСК В.А. Каруцкий сообщал в Запсибкрайком ВКП (б), что руководство оперпунктами ТО возложено на начальников горрайотделов НКВД (26). С образованием управлений НКВД по Красноярскому краю, Новосибирской, Омской, Иркутской и Читинской областям области в них образовывались свои Транспортные отделы. В УНКВД НСО действовал ДТО Томской железной дороги, в УНКВД по Омской области – ДТО Омской железной дороги, в УНКВД по Красноярскому краю – ДТО НКВД Красноярской железной дороги, в УНКВД по Иркутской области – ДТО НКВД Восточно-Сибирской железной дороги, в УНКВД по Читинской области – ДТО НКВД железной дороги им. Молотова (Забайкальской).

Отделения ДТО создавались при крупных станциях, причём принадлежность ОДТО к той или иной дороге не всегда совпадала с подчинённостью конкретному УНКВД. Например, отделения ДТО на территории Алтайского края подчинялись аппарату ДТО НКВД Томской железной дороги (Новосибирск), а находившееся в Новосибирской области ОДТО ст. Барабинск относилось к ДТО НКВД Омской железной дороги.

После того как февральско-мартовский пленум ЦК 1937 г. постановил освободить транспортные отделы от функций охраны общественного

порядка и борьбы с хищениями (их передали в специально созданную железнодорожную милицию), ДТО сыграли самую активную роль в репрессиях, уничтожив десятки тысяч жертв как по «кулацкой», так и по «национальной» операциям. Согласно приказу НКВД СССР от 14 июля 1937 г. шестые (транспортные) отделы УГБ в областных УНКВД были расформированы, а их личный состав передавался во вновь образованные Дорожно-транспортные отделы ГУГБ НКВД СССР соответствующих железных дорог (27).

ДТО являлись отдельными оперативно-территориальными подразделениями госбезопасности, располагая отделениями КРО, СПО, Особотдела и Оперода. Они самостоятельно проводили аресты, следствие и расстрелы, имея собственные комендатуры. Формально всеми ДТО напрямую руководил 6-й отдел ГУГБ НКВД СССР, но в оперативном отношении ДТО и их станционные подразделения – отделения ДТО – подчинялись начальнику местного УНКВД. Именно создание ДТО, по справедливому мнению В. А. Золотарёва, стало главной причиной издания 1 августа 1937 г. специальной директивы НКВД, предписывающей всем ДТО арестовывать предусмотренный приказом №00447 «кулацкий» контингент, заводить и оформлять дела на «тройках» в пределах обслуживаемых дорог, а отнюдь не тот факт, «что при разработке кулацкой операции, по-видимому, забыли про транспортные органы», как утверждает О. Б. Мозохин (28). В среднем на ДТО каждой дороги в 1937–1938 гг. пришлось от двух до четырёх тысяч репрессированных.

Приказом НКВД СССР №00408 от 14 июля 1937 г. создавались 11-е отделы при управлениях НКВД со скромными штатами, но сыгравшие заметную роль в проведении террора. Их обычно именовали Водными отделами, но на деле они занимались агентурно-оперативной и розыскной работой на объектах Наркомвода (пристанях, затонах), ОШОСДОРа и наркомата связи, осуществляя также противодиверсионные и охранные мероприятия. Их штаты формировались из работников Транспортного и Контрразведывательного отделов.

Однако затем ДТО и 11-е отделы снова стали объектом преобразований, которые закончились упразднением существовавшего в НКВД Главного транспортного управления после разделения НКВД в начале 1941 г. на НКГБ и НКВД и ликвидацией транспортных отделов на местах. Только с объединением НКВД с НКГБ это управление было восстановлено, и с августа 1941 г. в местных УНКВД появились транспортные отделы. Но в период существования МГБ, неустанно вбиравшего в себя всё новые структуры, управления охраны на транспорте снова возьмут

на себя обеспечение функций охраны порядка и борьбы с хищениями грузов.

Важное место в структуре ОГПУ-НКВД занимали их собственные вооружённые силы. Управление пограничной и внутренней охраны ЗСК располагало весьма значительными ресурсами. После разделения Сибкрая в Западной Сибири в 1930–1931 гг. оставалось около 1.000 чел. войск ОГПУ, но в начале 1932 г. – после принятия в состав Управления пограничной и внутренней охраны ПП ОГПУ сотrudников железнодорожной и промышленной охраны – число военнослужащих УПВО выросло примерно в 10 раз. На июнь 1932 г. шесть отрядов ВОХР ВСНХ насчитывали в ЗСК 1.074 чел. и охраняли предприятия Сталинска (639 чел.), Кемерово (166 чел.), площадку строительства Сибкомбайна в Новосибирске (104 чел.), заводы Белово (72 чел.), Артемовский рудник (60 чел.) и рудники Анжерки (33 чел.) (29).

Помимо охраны железных дорог и важных промышленных предприятий, сотrudники внутренних войск осуществляли функции конвойного сопровождения многочисленных заключённых. Пограничные отряды, существовавшие в Ойротии, Бурятии, Красноярском крае, представляли собой по структуре мини-оперсекторы и в своём составе имели уполномоченных СПО, особистов и пр., занимавшихся политическим сыском и разведкой в приграничных районах. В оперативной работе им помогали группы содействия пограничным комендатурам, пытавшиеся, в частности, пресекать эмиграцию (30). В начале 30-х годов сотrudники УПВО активно воевали с крестьянским повстанческим движением.

Сибирь в 30-е годы стала одним из главных мест сосредоточения ссыльных крестьян и заключённых. Создание с конца 1929 г. системы лагерей и спецпоселений потребовало огромного количества кадров, которые черпались путём мобилизаций отставных военных, а также проверенных коммунистов. Осенью 1929 г. был образован Сибунон (позднее Сиблаг) ОГПУ, с которого началось строительство лагерной системы в крае. В лагерных отделениях работали уполномоченные информационно-следственного (ИСО) отдела, затем преобразованного в 3-й (оперативно-чекистский) отдел, насаждавшие как противопобеговую агентуру, так и активно фабриковавшие дела на заключённых. Оперчекотдел Сиблага насчитывал примерно столько же сотrudников, сколько и другие отделы ПП ОГПУ – УНКВД ЗСК. При этом следует учитывать, что Сиблаг был лагерем средних размеров и в разы уступал такому восточносибирскому гиганту, как образованный в конце 1932 г. Бамлаг, насчитывавший в 1935–1938 гг. от 150 до 200 тыс. заключённых.

Особую роль в деятельности карательных органов играли вспомогательные службы. С марта 1936 г. в системе НКВД существовал ОШОСДОР, с июня 1936 г. – Главное управление мер и весов. В 1938 г. в составе НКВД несколько месяцев находилось акционерное общество «Интурист», в том же году ГУ мер и весов вместе с ГУ геодезии и картографии, а также ОШОСДОР были изъяты из ведения НКВД. Но зато в 1938 г. НКВД присоединило к себе Центральное архивное управление ЦИК СССР. Для борьбы с хищениями зерна в системе «Заготзерно» была создана особая структура из комендантов элеваторов и заготовительных пунктов. На эти должности назначались работники НКВД, которые должны были заниматься охраной зерна, организовывая не только охранные, но и противопожарные мероприятия (31).

На примере фельдъегерской службы можно наглядно показать истинное значение некоторых, казалось бы, совершенно вспомогательных чекистских подразделений (здесь мы не будем говорить о самом верном помощнике политической полиции – органах милиции, поскольку это тема отдельного исследования). Наиболее многочисленными представителями специализаций, расцветших и угасших в период 30-х, являются именно фельдъегери, в 1939 г. исчезнувшие как массовый вид. Представляется важным оценить роль и значение этих своеобразных «личинок» чекистов, мечтавших вылупиться в штатных оперативников. Внешне эти люди подчинялись начальнику отделения (экспедиции) связи в районном или городском отделе ОГПУ-НКВД, доставляя секретную почту, а также ценности. Но в реальности связисты являлись важным чекистским резервом и в массовом порядке выдвигались на оперработу.

Численность фельдъегерского корпуса с 1930 г. стремительно росла и после оформления системы райаппаратов ОГПУ в начале 30-х годов не уступала количеству оперативных работников. Приказ ОГПУ от 23 августа 1930 г. предписывал реорганизовать систему фельдсвязи так, чтобы добиться «стопроцентного охвата обслуживания всех районов». В середине 30-х годов на трёх-четырёх оперработников РО НКВД приходилось обычно четыре-пять связистов. На 1 января 1935 г. в УНКВД ЗСК штат отдела связи должен был составлять 945 чел., но имелся некомплект в 65 фельдъегерей (на это обстоятельство, возможно, повлияла партчистка, в период которой за 1934 г. из фельдъегерей-коммунистов было вычищено 4,3 %). В начале 1935 г. численность отдела связи Прокопьевского ГО УНКВД ЗСК составляла 25 чел. и равнялась числу оперативников. В Анжеро-Судженском ГО в 1935 г. работало 18 связистов, Мариинском РО НКВД – 11, а в Куйбышевском РО НКВД при полагавшемся штате в 12 чел. имелось 9 связистов (32).

В начале 1935 г. аппарат Отдела связи УНКВД ЗСК насчитывал 5 отделений. В местных органах НКВД имелось 10 экспедиций (в горотделах) и 79 фельдпунктов (в РО НКВД). Связисты обслуживали 186 МТС, 198 совхозов, 11 золотых приисков, 34 леспромхоза, 19 участковых комендатур Отдела трудпоселений, 27 лагпунктов Сиблага, лагерь Военвеха и 4 военизированных пожарные команды. Материальную часть Отдела связи составляли 72 сильно изношенные автомашины, концентрировавшиеся в городских отделах. На работу в отделения связи брали проверенных молодых людей, отслуживших в армии. Попадали в фельдъегери и хорошо зарекомендовавшие себя негласные работники «органов». Осведомитель Асиновского РО УНКВД ЗСК в с. Н-Троица Новиковского сельсовета А. Ф. Старков, согласно характеристике начальника РО НКВД, «в работе проявил исключительную гибкость и дисциплину» и в июле 1936 г. был назначен фельдъегерем Асиновского РО НКВД (33).

Бывшие связисты из числа самых активных и грамотных становились помощниками уполномоченных во всех подразделениях – от Особого до Учётно-архивного отдела, остальные переводились на работу тюремными надзирателями, поселковыми комендантами, начальниками райбюро исправительных работ. Особенным вниманием со стороны кадровиков НКВД пользовались начальники экспедиций связи райгоротделов – их охотнее всего брали на оперработу. Кого-то из фельдъегерей сначала отправляли на курсы подготовки оперсостава, но многие становились оперативниками сразу.

Особенно хорошо потрудились в середине 30-х годов начальник отдела связи и бывший комендант Томского оперсектора ОГПУ-НКВД А. М. Матроз, заслуживший похвалу начальника оперсектора М. М. Подольского за заслуги в выращивании чекистских кадров. Его стараниями в 1934–1935 гг. на оперработу было переведено 9 связистов (численность аппарата фельдсвязи в Томске тогда доходила до 40 чел.), ставших комендантами оперсектора, милиционерами, работниками Транспортного отдела, УСО и инспекции резервов, а также откомандированных в другие районы края. Всего в середине 30-х годов ежегодно ок. 10 % фельдъегерей переводилось на оперработу (за 1934 г. – 110 чел.), и фактически Отдел связи выполнял функции филиала Отдела кадров УНКВД ЗСК (34).

Часть связистов очень быстро оказывалась на оперативной работе. Новоиспечённый фельдъегерь Ленинск-Кузнецкого ГО ОГПУ А. С. Быков сразу начал получать оперзадания и в апреле 1934 г. письменно объявил о своём «исключительном желании работать в органах ОГПУ» и «особенно... по оперативной работе». Такая активность всемерно поощря-

лась. Фельдъегерь Юргинского РО УНКВД ЗСК Г. А. Пивоваров (бывший партизан и боец ЧОН) в 1935 г. «руководил кустом секретной агенты УГБ, в этой работе проявил интерес и личную инициативу». В 1939 г. Пивоваров был выдвинут на должность начальника раймилиции (35).

Фельдъегери часто выполняли роль конвоиров, нередко участвовали в обысках, арестах, допросах, а порой и в расстрелах. В 1932–1935 гг. фельдъегерь Дуплинский работал одновременно и комендантом Сталинского ГО ОГПУ-НКВД. В 1935 г. два фельдъегеря использовались на оперработе в Здвинском РО НКВД, по одному – в Прокопьевском ГО и Славгородском РО НКВД. Связисты Нарымского окротдела НКВД в 1935 г. участвовали в обысках и арестах периодически, а в Куйбышевском РО НКВД – лишь изредка (36).

Новые задачи, поставленные разгоравшимся террором перед сибирскими чекистами, требовали усиления притока оперативных кадров из вспомогательных подразделений. В ноябре 1936 г. Отдел кадров УНКВД ЗСК потребовал от Сталинского горотдела передать фельдъегеря И. А. Котова на должность агента для поручений в Мариинский РО НКВД, а А. П. Якубова – начальником корпуса Мариинской тюрьмы особого назначения. Однако второе предложение не было реализовано из-за исключения Якубова из партии и увольнения из НКВД (37). В конце июня 1937 г. из числившихся во втором отделении Отдела связи УНКВД ЗСК 101 работника в отделах УГБ использовалось 24 чел. В феврале 1938 г. из Отдела связи в оперотделах УНКВД работали 22 связиста, в июне 1938 г. – 8 (38).

Для немалого числа новоиспечённых чекистов в 30-е годы открывалась возможность сделать хорошую карьеру. Начальники многих райотделов УНКВД ЗСК в 1937–1938 гг. рапортовали о привлечение всего фельдъегерского состава на оперработу. Начальник экспедиции связи Нарымского окротдела НКВД Г. П. Белослюдцев в марте 1938 г. говорил: «Я как руководитель экспедиции... почти не работаю, а выполняю работу партийного порядка окружного масштаба или же по линии УГБ...» (39).

Типичен чекистский путь Ф. Г. Левина, который с 1928 г. служил в войсках ОГПУ, а в конце 1930 г. был принят в Отдел связи ПП ОГПУ ВСК, где получил грамоту и часы за участие в борьбе с бандитизмом. В середине 30-х Левин – экспедитор и начальник пункта связи Асиновского РО УНКВД ЗСК. В 1935 г. ему был доверен учёт ссыльных, а с лета 1937 г. Левин очень активно участвовал в арестах и следствии, фактически в течение года являясь оперуполномоченным Асиновского РО

НКВД. В декабре 1937 г. начальник РО отмечал, что фельдъегери Ф. Г. Левин и И. Н. Толкачев в основном были «заняты на оперативной работе по изъятию и следствию к. р. кулацкого элемента», причём Левин оперработу выполнял в несколько раз лучше, чем штатный уполномоченный – «расseyанный и неинициативный» Ф. Ф. Кобизюк. В 1938 г. старшина Левин стал начальником пункта связи Маслянинского РО УНКВД НСО, а десятилетием позже дослужился до майора Управления охраны МГБ Томской железной дороги (40).

Свою лепту внесли связисты и в массовые казни 30-х годов. Известны случаи участия фельдъегерей Кемерово и др. районов в расстрелах 1933 и 1935 гг. Фельдъегерь и начальник пункта связи Куйбышевского РО УНКВД НСО С. К. Иванов был активнейшим участником избиений, расстрелов и удушений осуждённых в 1938 г., причём компанию Иванову составлял его подчинённый, фельдъегерь 2-го разряда Н. И. Вардугин (41).

Одни фельдъегери за излишнее усердие наказывались, другие, напротив, продвигались. Конюх Бийского РО НКВД Ф. И. Руденко в 1938–1939 гг. работал фельдъегерем и оперработником; в марте 1939 г. от парторганизации райотдела он получил выговор за фальсификацию следственных дел (42). Работавший в 1937 г. фельдъегерем 2-го разряда Отдела связи УНКВД НСО Г. А. Макаренко за активное участие в терроре был выдвинут на должность начальника Кыштовского РО НКВД и Чулымского МРО НКГБ (43).

И с окончанием эпохи террора связисты оставались верными помощниками оперсостава. Начальник пункта связи Горно-Шорского РО УНКВД НСО С. С. Клименко, как отмечал в мае 1939 г. начальник РО, «успевал оказывать большую помощь в работе оперативному составу УГБ», в связи с чем выдвигался на офицерское звание сержанта госбезопасности (44).

После постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 июня 1939 г. о резком сокращении численности персонала и функций фельдсвязи за чекистами остались только обязанности доставки секретной корреспонденции от Москвы до республиканских, краевых и областных центров и обратно. Остальные функции перешли к наркомату связи. Численность всего связистского корпуса НКВД к 1 августа 1939 г. должна была сократиться до 2 тыс. чел. – с полной ликвидацией районного звена (45). Начиная с этого времени воспитание оперативников в среде связистов потеряло прежнее значение, а упоминания о фельдъегерях в чекистских документах сократились до минимума.

Реформы 30-х годов привели к созданию репрессивного сверхминистерства с очень разветвлённой структурой. В начале 1941 г. Берия, желая повысить управляемость громоздкого ведомства, осуществил реорганизацию, выделив второстепенные подразделения, а также всю систему ГУЛАГа и спецпоселений, в отдельный наркомат – НКВД. Для осуществления функций политической полиции создавался Наркомат государственной безопасности (НКГБ), ориентированный как на функции подавления, так и на осуществление разведки и контрразведки. Одновременно новому наркому обороны С.К. Тимошенко удалось добиться создания в РККА независимой военной контрразведки, подчинённой руководству армии и флота. Но уже в апреле 1941 г. Берия в ходе реорганизации НКВД добился того, что Третьи (Особые) отделы в РККА в немалой степени вышли из-под контроля военных, и усилил их взаимодействие с НКГБ (46).

Структура, сформированная в период существования ВЧК, в основном действовала в последующие десятилетия, опираясь на основные чекистские специализации: контрразведка, разведка, особые отделы и транспортные отделы. Названия и формы работы различались, но суть – занятия прежде всего политическим сыском – была единой. Для организационной структуры органов ОГПУ-НКВД 30-х годов было характерно как укрупнение подразделений, так и дробление их с выделением новых чекистских специализаций. Вторая тенденция проявлялась сильнее и была связана с попытками чекистской верхушки усилить эффективность «обслуживания» различных отраслей, создавая узкоспециализированные отделы. Недаром организованный для потребностей «массовых операций» огромный и многопрофильный КРО в своём первоначальном виде просуществовал только полтора года и затем был раздроблен. Тенденция дробления аппаратов в целом доминировала над стремлением создавать крупные отделы. Опыт «массовых операций» повысил значение вспомогательных подразделений (Отдела фельдсвязи и др.), некоторые из которых затем подверглись реформированию или упразднению.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Серьёзные изменения произошли в 30-е годы и в работе чекистов на местах. Огромное значение для их деятельности как начала 30-х годов, так и позднейшего времени имели ликвидация окружных отделов и организация районных органов ОГПУ-НКВД. Власти с целью усиления аппаратов на местах решили основным управленческим звеном сделать

районы, ликвидировав округа. Реформа середины 1930 г. была призвана укрепить район как главную ячейку местной власти, создав там структуры, существовавшие прежде только на окружном уровне, в т. ч. работоспособные аппараты карательных органов. Пожалуй, самым явным следствием этого укрепления стала организация значительных чекистско-милицийских и судебно-прокурорских аппаратов в районах.

Упразднение округов при одновременном создании большого количества чекистских аппаратов на местах потребовало организации особой промежуточной структуры – так называемых оперативных секторов, создававшихся вместо двух-трёх окружных отделов. Такая реформа стала следствием тогдашнего деления страны на очень крупные территориальные единицы (47). При наличии в Западно-Сибирском крае в начале 30-х годов более 170 районных и городских аппаратов руководить ими из одного центра было затруднительно. Поэтому окружные отделы – в сокращённом и укрупнённом виде – фактически сохранялись под вывеской оперсекторов.

Основные функции административного надзора за районными чекистами были поручены аппаратам оперативных секторов – как более приближённым к местным органам ОГПУ и располагавшимся в Новосибирске, Барнауле, Минусинске, Омске и Томске. Аналогично обстояло дело в Восточной Сибири, где с осени 1930 г. действовали Красноярский, Киренский, Читинский оперсекторы ПП ОГПУ ВСК. В полпредстве ОГПУ по Уралу существовали, в числе прочих, Тюменский и Ишимский оперсекторы, впоследствии переданные в ПП ОГПУ – УНКВД по Обско-Иртышской и Омской областей.

Оперсекторы создавались с октября 1930 г. для «глубокой чекистской работы в пределах обслуживаемой территории» и для оперативно-го руководства городскими и районными отделениями ОГПУ (в 1933–1935 гг. они направляли деятельность также ЗНПО МТС и совхозов по оперработе). Оперсекторы базировались в центрах наиболее крупных бывших округов и в среднем по стране состояли из 30–35 чел. (48), что соответствовало численности работников обычного окружного отдела ОГПУ. Аппарат оперсектора копировал структуру полномочных представительств и прежних окротделов, располагая основными оперативными отделениями: СПО, ЭКО, Особым, УСО, а также комендатурами. Начальники отделений и уполномоченные оперсекторов постоянно выезжали в командировки (в одиночку или с опергруппами), направляя деятельность районных отделений. Оперсектору придавались все войсковые части ОГПУ, расположенные на соответствующей территории.

Милиция управлялась по аналогичной схеме, только оперсекторы РКМ в Сибири именовались межрайонными секторами. Полпредства ОГПУ и управления НКВД осуществляли общий контроль за работой оперсекторов и ГО-РО.

Общая численность персонала Барнаульского, Омского и Томского оперсекторов на середину 1934 г. составляла 70–75 чел. в каждом (как в самых крупных окротделах), Минусинский был значительно скромнее, а Нарымский оперсектор, созданный только в августе 1931 г. на базе Колпашевского РО ОГПУ и существовавший до июля 1934 г., первоначально имел порядка десятка работников. В Барнаульском оперсекторе летом 1934 г. насчитывалось 73 коммуниста, причём в СПО их работало 16, в особом отделении – 12, по линии ЭКО – 7, в общей части (секретариат, оперативные учёты, комендатура) – 11, в фельдсвязи – 19, по 4 партияца числились в совхозе ОГПУ и системе «Динамо». Таким образом, две трети сотрудников оперсектора являлись оперработниками. Отделения в оперсекторах могли именоваться номерными группами. Текучесть кадров была высокой: с марта по август 1934 г. из Барнаула вышло 22 работника, вновь прибыло – 16. При оперсекторах были прокуроры, контролировавшие следствие (весьма формально), нередко присутствовавшие при расстрелах или помогавшие в исполнении приговоров (49); «свой» прокурор имелся и при полпредстве ОГПУ.

Создание оперсекторов в разгар «массовых операций» в деревне и городе позволило справиться с колоссально возросшим потоком следственных дел. Работники оперсекторов сами вели следствие, передавали законченные дела в полпредство и, получив приговоры *тройки*, массажи расстреливали осуждённых. В этой организационной форме можно видеть как учёт работы окружных отделов, так и – до определённой степени – возвращение к опыту уездных ЧК, которые существовали в Сибири с конца осени 1919 г. до начала осени 1920 г. Некоторые из них – как Новониколаевская и Петропавловская – имели штат, близкий к 100 чел., другие – несколько десятков работников. В условиях фактического отсутствия нижестоящих органов (кроме некоторых волостных уполномоченных, линейных уполномоченных ОРТЧК на станциях, особистов в полках и бригадах) уездные чека осуществляли репрессии в удалённых от губернских центров районах, посылая туда уполномоченных с приданными карательными чекистско-милицейскими отрядами (50). Численность ведущих оперсекторов ОГПУ-НКВД Сибири к середине 30-х годов была близка к штатам крупных уездных ЧК, но они действовали уже в условиях разветвлённой карательной системы, опиравшейся

на многочисленных районных чекистов, особенно в период существования заместителей начальников политотделов (ЗНПО) МТС и совхозов по оперработе.

Характерно, что при Читинском оперсекторе ПП ОГПУ ВСК в 1931 и 1933 г. работала особая *тройка* по осуждению «раскулаченных». После прекращения массовых операций 1930–1933 гг. оперсекторы перестали быть прежними фабриками быстрого стряпания тысяч дел на «повстанцев» и «вредителей». Лишившись де-факто прежних репрессивных функций, они в глазах чекистского руководства теперь выглядели громоздкой и не очень эффективной территориальной структурой. Руководство НКВД, упразднив оперсекторы, решило усилить районные и городские отделы. В марте 1935 г. Г.Г. Ягода издал циркуляр о ликвидации оперсекторов, как не отвечающих возросшим оперативным требованиям – чтобы приблизить конкретное оперативное руководство УНКВД краев и областей к горрайотделам НКВД (51). Но оперсекторы сохранялись в особо отдалённых регионах, как Алданский в Якутии и Читинский в ВСК.

Ликвидация оперсекторов производилась в мае 1935 г., на месте их образовывались городские (и окружные, как в Нарыме) отделы НКВД со штатом в 15–25 чел. Однако в Западной Сибири ликвидация оперсекторов произошла только в конце 1935 г. – так, Барнаульский оперсектор НКВД существовал и в октябре 1935 г., а Томский – до декабря 1935 г. Можно отметить, что областные-окружные отделы НКВД автономных образований, которые не упразднялись, тоже играли роль оперсекторов, руководя райаппаратами и ведя следствие по наиболее ответственным делам. Из ликвидированных оперсекторов работники перемещались в УНКВД или райгоротделы; одновременно райотделы были усилены после ликвидации в начале 1935 г. ЗНПО по оперработе в МТС. При начальниках УНКВД создавались небольшие инспекторские группы для контроля работы РО НКВД, причём инспекторы числились на правах начальников отделений. Таким образом, реформа оперсекторов и ЗНПО была призвана резко усилить районное звено карательных органов.

Однако без оперсекторов чекисты продержались недолго. При сменившем Ягodu Ежове эта структура возродилась, причём в ещё более явном виде. Районные чекисты часто «не видели» перспективу какого-либо дела, которое опытные работники оперсектора легко «растягивали» на несколько районов, помогая сфабриковать очередную крупную «повстанческую организацию». Именно слабость репрессивной работы очень многих районных отделений НКВД, где не было, с точки зрения инспекций НКВД, заметной оперативной деятельности по политиче-

ским делам и приобретению квалифицированного осведомления, а преимущественно шёл розыск по линии милиции, вынудила воссоздать оперсекторы в 1937 г. – с тем, чтобы вновь собрать в них лучших чекистов и проводить следствие ударным порядком: быстро и на крупные «заговорщицкие группы».

Ежов особо отмечал, что для отладки чекистской работы в большинстве районов, где численность аппарата минимальна и неэффективна, нужно вернуться к старой практике и создать оперативные секторы либо опергруппы в областных управлениях, которые бы «обслуживали» определённую группу районов (52). Для исполнения этих установок Ежова во многих регионах создавались оперсекторы и межрайонные следственные группы во главе с сильными работниками. Но радикальное предложение Ежова заменить некоторые самые слабые райотделы НКВД платными нелегальными резидентами из числа милицейских работников всё же не получило развития. Районный отдел продолжал оставаться основной низовой чекистской структурой в течение всех 30-х – первой половины 50-х гг.

В первой половине 1937 г. оперативные секторы в Западно-Сибирском крае (а также в Красноярском крае, Омской области) были воссозданы, причём в гораздо большем количестве, чем прежде. На территории Запсибкрая этих секторов летом-осенью 1937 г. было более десятка, включая такие небольшие, как Куйбышевский, Рубцовский, Черепановский. Они создавались на базе городских и наиболее крупных районных отделов для координации деятельности окрестных примерно 15 районных отделений, отражая сначала стремление упорядочения работы в ответ на тенденцию ГУГБ НКВД начала 1937 г. несколько сократить аппарат (именно так объяснял крайкому начальник УНКВД ЗСК С.Н. Миронов идею образования оперативных секторов). Но вскоре для успешного проведения «массовых операций» карательный аппарат было решено увеличить.

На январь 1937 г. в УНКВД ЗСК насчитывалось 139 городских, районных и аймачных отделений НКВД. Заместитель начальника управления А.И. Успенский 16 января 1937 г. информировал заместителя НКВД СССР М.Д. Бермана о начале реорганизации аппарата УГБ, в рамках чего ликвидировались горрайаппараты и вместо них формировались 11 межрайонных отделов: Барнаульский, Бийский, Каменский, Кемеровский, Куйбышевский, Ленинский, Мариинский, Рубцовский, Славгородский, Татарский, Томский. Сохранились горотделы с приданными близлежащими районами только в основных центрах Кузбасса: Сталинске, Про-

копьевске и Анжеро-Судженске. В связи с ликвидацией райаппаратов усиливались УГБ Ойротского облотдела, Нарымского окротдела и самого УГБ УНКВД ЗСК (53). Межрайонные отделы вскоре были преобразованы в оперсекторы, причём, помимо перечисленных, на территории ЗСК-НСО были созданы Новосибирский, Сталинский и Черепановский (54).

Не имея в своём распоряжении необходимых приказов, о поисках лучшей системы местных руководящих органов мы можем судить по послужным спискам ряда видных чекистов. Г.Л. Биримбаум весной 1937 г. являлся уполномоченным УНКВД по Бийскому кусту и начальником Бийского межрайотдела НКВД, а на июнь–октябрь 1937 г. – начальником Бийского оперсектора НКВД (затем его сменил В.И. Смольников). В феврале 1937 г. уполномоченным УГБ УНКВД ЗСК по Куйбышевскому кусту был назначен П.Р. Перминов, бывший начальник отделения СПО краевого аппарата. Через несколько недель возник межрайонный отдел в г. Куйбышеве (Каинске), который летом 1937 г. был преобразован в Куйбышевский оперативный сектор УНКВД ЗСК-НСО. В феврале 1937 г. уполномоченным УНКВД по Ленинск-Кузнецкому кусту ЗСК стал В.Г. Крючков, позднее назначенный замначальника КРО УНКВД по Алткраю.

Иные руководящие работники ограничивались только командировкой для организации оперсектора. Например, для создания Каменского оперсектора 29 июля 1937 г. в г. Камень прибыл замначальника Отдела охраны УНКВД ЗСК А.Р. Горский, который сформировал аппарат, дал ему необходимые инструкции и уже 7 августа вернулся в Новосибирск; аппаратом после Горского некоторое время руководил И.А. Розум (55).

Крупные оперсекторы возглавляли известные чекисты. В августе 1937 г. Новосибирским оперсектором руководил помощник начальника УНКВД Д.Д. Гречухин. Во главе Барнаульского оперсектора были поставлены инспектор при начальнике УНКВД ЗСК К.С. Жуков, а затем – начальник СПО УНКВД ЗСК С.П. Попов, приказом не назначавшийся (56). Сталинский оперсектор возглавлял А.С. Ровинский – будущий замначальника УНКВД НСО. Вокруг других областных центров также образовывались оперсекторы: так, на ноябрь 1937 г. существовал Омский оперсектор УНКВД по Омской области во главе с З.А. Пешковым.

Аппараты некоторых рядовых оперсекторов насчитывали всего несколько чекистов, причём в начале 1938 г. некоторые из них (как, например, Куйбышевский) были преобразованы обратно в райотделы. Но летом 1938 г., в связи с масштабными репрессиями в рамках национальных «массовых операций», оперсекторы воссоздавались. В конце 1937 г.

Куйбышевским оперсектором НКВД руководил А.Г. Луньков, который приказом на эту должность не назначался. Весной 1938 г., после окончания «кулацкой операции», данный оперсектор фактически оказался ликвидированным, поскольку все его сотрудники были откомандированы. Однако в связи с организацией удара по «инонационалам» оперсектор к лету 1938 г. был восстановлен и до осени «ударно» работал (57).

В других (в т. ч. небольших) городах ЗСК оперсекторы могли насчитывать десятки работников. Например, в Славгородском оперсекторе НКВД за счёт чекистов, прикомандированных из Барнаула и районов, а также курсантов, фельдъегерей и милиции, в начале 1938 г. насчитывалось порядка 70 оперативников – как в крупном оперсекторе середины 30-х (58). При формировании штатов следственных бригад при оперсекторах чекисты исходили из степени «засоренности антисоветским элементом» той или иной территории. Рядовые оперсекторы – вроде Куйбышевского (Новосибирская область), Ишимского и Тарского (Омская область) в 1937–1938 г. расстреляли примерно по 2.000 чел. (59); по Сталинскому или Томскому оперсекторам НКВД было уничтожено в несколько раз больше.

Создание оперсекторов ослабило райотделы, но позволило создать мощные филиалы облкрайУНКВД с центрами в крупных городах (Бийск, Канск, Кемерово, Славгород, Сталинск, Минусинск и т. д.). Оперсекторы, хорошо показавшие себя в период массовых операций начала 30-х годов, когда райаппараты были очень слабы, выручили чекистов снова, поскольку на уровне района, даже имея три-пять оперативников (вместо одного-двух в 1930–1931 гг.), было очень трудно организовать стремительное следствие и расправу над большим числом людей. А более опытные следователи оперсекторов быстро учили прикомандированных районных чекистов и милиционеров оформлять дела на десятки и сотни «заговорщиков» – подобно тому, как это происходило в Барнауле, Минусинске или Омске в 1930 и 1933 гг. – и сразу их расстреливать.

Если в первой половине 30-х годов оперсекторы возглавляли видные чекисты, то в 1937 г. оперсекторы создавались во всех адмцентрах бывших округов ЗСК, и ими руководили порой достаточно рядовые чекисты, как, например, младшие лейтенанты ГБ В.В. Балыгин, назначенный начальником Черепановского оперсектора УНКВД НСО, или И.А. Розум – начальник Рубцовского оперсектора УНКВД по Алткраю. Но скромное звание и небольшой оперсектор не помешали Розуму весной 1938 г. организовать фабрикацию целого ряда крупных дел: на 811 чел.

(294 – расстреляны), на 280 чел. (131 – расстрелян), на 61 чел. (20 – расстреляны) и др. (60).

В Красноярском крае летом 1937 г. существовали Минусинский и Канский оперсекторы, в Иркутской области – Читинский, в Якутии – Алданский. В конце 1938 г. оперсекторы были ликвидированы. Следует отметить, что похожими структурами выглядели аппараты окружных отделов НКВД в наиболее глухих местах, вроде Нарымского, Тарского, Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского, Туруханского округов, которые руководили работой немногочисленных соседних РО НКВД; поэтому там оперсекторы не организовывались. Близкие к ним по структуре и функциям облотделы существовали в Бурят-Монголии, Ойротии и Хакасии.

Разукрупнённые в 1937 г. сибирские края и области перед войной насчитывали от 30 до 70 районов, и такое количество местных единиц для управления из областного (краевого) центра считалось нормальным. Поскольку в ряде мест округа сохранялись, то в автономных областях и национальных округах продолжали существовать областные и окружные отделы НКВД. Таким образом, структуры, напоминающие небольшие оперсекторы, перед войной сохранялись в национальных образованиях. В условиях отказа от «массовых операций» райотделы НКВД вполне удовлетворительно осуществляли выборочные репрессии, поэтому начальники управлений, контролируя работу на местах, ограничивались административными взысканиями в отношении тех руководителей РО, где было совсем мало арестов.

Реформа НКВД, разделившая в начале 1941 г. карательный аппарат на два наркомата, снова заставила вспомнить об оперсекторах. С образованием НКГБ весной 1941 г. в управлениях госбезопасности Западной и Восточной Сибири были созданы и просуществовали до конца июля так называемые межрайотделения НКГБ, объединявшие обычно по три районных аппарата госбезопасности. Сделано это было в связи с очевидной нехваткой подготовленных кадров, поскольку многие оперработники после разделения НКВД остались в системе наркомата внутренних дел (61).

Что касается городских и районных отделов ОГПУ-НКВД, то они, став основным звеном репрессивной системы, неуклонно укреплялись, получая всё большее и большее количество работников (с перерывом на 1933–1935 гг., когда создание института «вторых заместителей» в политотделах МТС ослабило многие РО), переходя от информационной работы к непосредственному участию в репрессивных кампаниях. В июле

1932 г. Л. М. Каганович сообщал Сталину о своём намерении поручить Н. И. Ежову и Д. А. Булатову «специально заняться укреплением и усилением личного состава районных аппаратов ОГПУ» – в связи со вскрытием многочисленных «кулацких групп», разлагавших колхозы. Наличие подчинявшихся двум-пяти чекистам среднего района примерно двух-трёх десятков милиционеров, фельдъегерей, работников ЗАГСа, пожарных инспекторов и работников бюро исправительных работ означало существование постоянного внушительного кадрового резерва, обеспечивавшего проведение тех же «массовых операций».

Бурное промышленное развитие Сибири диктовало изменения в структуре местных органов ОГПУ. Например, в декабре 1931 г. Артёмовский райаппарат ОГПУ был реформирован в отделение ЭКО из двух работников (начальник отделения и уполномоченный) для «обслуживания» минусинского комбината «Цветметзолото» и подчинённое ЭКО Минусинского оперсектора ОГПУ. Когда в январе 1932 г. из оперпункта ОГПУ на площадке Кузнецкстроя был создан аппарат Новокузнецкого ГО ПП ОГПУ ЗСК, то из 11 его сотрудников шестеро относилась к ЭКО, линию СПО представляли двое, а особого отдела – один оперативник (62). Это было спецификой промышленных районов, предприятия которых в первую очередь «обслуживались» аппаратами ЭКО.

В первой половине 30-х годов все четыре имевшихся в ЗСК горотдела концентрировались в Кузбассе – Кемеровский, Прокопьевский, Анжеро-Судженский и Сталинский, в них на 1934 г. насчитывалось 15–25 оперработников. В Омской области крупные горотделы были сопоставимы с аналогичными в ЗСК: на сентябрь 1937 г. парторганизация Тюменского ГО НКВД состояла из 25 коммунистов, оперпункта ст. Тюмень – 11, тюрьмы – 8 (63).

К концу 30-х годов численность крупных горотделов НКВД превышала 30 чел. Например, на май 1939 г. аппарат Кемеровского ГО НКВД насчитывал около 30 оперативников, не считая нескольких работников особого и транспортного отделов. Летом 1941 г. аппараты Кемеровского и Сталинского ГО НКГБ насчитывали по 10–11 уполномоченных ЭКО, 4–5 чел. – в СПО, по 4 – в КРО, по 5 – в Следчасти, по трое – в 1-й спецгруппе (учёты), по одному – во 2-м спецотделении (опертехника). Шифровальную группу и секретариат обслуживали по 5 чел., комендатуру – 8, внутреннюю тюрьму – 11 чел (64).

Система районных органов была дополнена созданием в 1933 г. института заместителей начальников политотделов совхозов и МТС по работе ОГПУ-НКВД («вторых заместителей»). Так после резкого расши-

рения штатов в районах и создания многочисленных аппаратов оперсекторов весной 1933 г. начался новый этап количественного роста органов госбезопасности. Создание очередной партийно-карательной надстройки в виде политотделов при МТС и совхозах стало дублированием райкомов и обусловило присутствие в аппаратах этих своеобразных минирайкомов своего чекиста – так называемого второго заместителя начальника политотдела (ЗНПО).

ЗНПО, наряду с транспортниками, были наиболее ярким примером привязки оперативных работников к производству. «Вторые заместители» работали в сельской местности и занимались «обслуживанием» персонала совхозов, машинно-тракторных станций и тех населённых пунктов, которые входили в сферу действия МТС. Каждые 10 дней они обязывались информировать полпредства о политико-экономическом состоянии МТС и совхозов, а также о своей оперативно-чекистской работе. В центральном аппарате ОГПУ курированием ЗНПО в МТС занимался помощник начальника СПО Г. С. Люшков, а ЗНПО в совхозах – начальник 2-го отделения ЭКУ Д. З. Апресян, одновременно обеспечивавшие связь чекистов с политуправлениями наркоматов земледелия и совхозов (65).

В Сибири через систему ЗНПО в 1933–1936 гг. прошли порядка 500 чекистов – как опытных, так и начинающих. «Вторым заместителям» из райотделов ОГПУ передавалась часть агентуры (66), но, являясь в большинстве своём новичками в чекистской работе, ЗНПО, как отмечалось в сентябре 1934 г. руководством НКВД, подменяли оперативную работу «сбором официальных данных, информированием и писанием сводок». Однако в Сибири многие политотделы были укомплектованы опытными чекистами, регулярно вскрывавшими «вредительские» и «хищническо-саботажнические» группировки (67).

Начальники райаппаратов ОГПУ пользовались по отношению к ЗНПО правами старших оперативных начальников, но могли давать им поручения только после решений на уровне полпредства или оперсектора. Контроль над работой ЗНПО должны были осуществлять оперработники из краевого центра или оперсектора. Так, в июне 1934 г. представитель ЭКО Барнаульского оперсектора ОГПУ прибыл в Алейский район для обследования агентурно-оперативной работы ЗНПО Алейского зерносовхоза Г. В. Позднякова (68).

Однако осенью 1934 г. заместитель НКВД Я. С. Агранов отмечал, что ЗНПО предоставлены сами себе и стоят в стороне от оперативных задач, давая мало дел по вредительству и т. п. В приказе НКВД СССР от

11 сентября 1934 г. указывалось, что в большинстве случаев оперсостав управлений НКВД «совершенно устранился от работы ЗНПО, на места не выезжает и целиком передоверяет работу с ЗНПО малоквалифицированным уполномоченным», которые не в состоянии обеспечить «правильное оперативное воспитание» работников политотделов. Приказ требовал от начальников УНКВД личных выездов на места с целью курирования работы ЗНПО (69).

Работа параллельных структур – райкомов и РО, с одной стороны, и политотделов со своими «вторыми заместителями», с другой – неизбежно рождала противоречия и склоки. Как секретари райкомов конфликтовали с начальниками политотделов МТС и совхозов, так и начальники РО ОГПУ-НКВД, чьи аппараты были ослаблены из-за формирования структуры ЗНПО, нередко враждовали с действовавшими на территории районов «вторыми заместителями».

Надобность в ЗНПО отпала после ликвидации политотделов МТС. Данную чекистскую специализацию упразднили в два приёма – в январе 1935 г. в МТС, полтора года спустя – в совхозах. Районные органы госбезопасности снова стали основной местной территориальной единицей, поглотив основную массу бывших ЗНПО. Те же «вторые заместители», кто дал больше всего агентурных разработок и «красивых дел», в 1935–1936 гг. пополнили краевые и областные аппараты НКВД (70).

Для 30-х годов типичны ведомственные трения и в системе спецпоселений ОГПУ-НКВД, где контроль за поселковыми и участковыми комендантами, фактическими хозяевами судеб десятков тысяч ссыльных, осуществляли сразу две структуры: Информационно-следственные отделы при ОСП и уполномоченные соответствующих райотделов ОГПУ, поставившие независимую информацию в СПО полпредств. Сотрудники ИСО, естественно, были снисходительнее к «своим» комендантам, тогда как аппарат СПО получал более критическую информацию о порядках в комендатурах ОСП. Это порождало многочисленные склоки и конфликты различных должностных лиц (71). Находящиеся в отдалённых местностях работники районных аппаратов, лагпунктов, комендатур нередко избегали контроля со стороны вышестоящего начальства. Это обстоятельство в большой степени обусловило колоссальный рост внутриведомственной преступности, характерный для всех 30-х годов и особенно типичный для аппаратов РО ОГПУ-НКВД, а также тюремно-лагерной системы.

О слабом контроле за кадровыми назначениями как со стороны чекистов, так и партийных властей говорят многочисленные факты. Комендант

Новосибирского пересыльного пункта Сиблага А. Ф. Кий в конце 1933 г. за развал работы подлежал снижению, но вместо этого аппаратом Отдела спецпоселений без согласования с ОК полпредства был назначен участковым комендантом Барнаульской комендатуры ОСП. Начальник Анжеро-Судженского ГУМ ОГПУ К. К. Кийссел в августе 1933 г. за притупление классовой бдительности решением бюро Запсибкрайкома ВКП(б) был снят с должности с объявлением выговора, но это решение не было получено в Анжеро-Судженске в течение почти года, и Кийссел благополучно всё это время сохранял должность (72).

Для 1937–1938 гг. был характерен интенсивный обмен оперативными кадрами между областными (краевыми) управлениями, оперсекторами и райгородскими отделениями. Множество периферийных сотрудников надолго прикомандировывалось к аппаратам управлений и оперсекторов, занимаясь арестами и следствием, а в районы для постановки работы – также на продолжительный срок – отправлялись работники из УНКВД, как начинающие, так и опытные. Например, репрессии в Мошковском районе в 1938 г. курировал оперработник КРО УНКВД НСО Ю. Д. Берман. При этом начальствующий состав управлений постоянно выезжал на места в краткосрочные командировки. В райотделы направлялись курсанты и работники внутренних войск, партийные активисты. Летом 1937 г. к Ояшинскому РО УНКВД ЗСК для помощи в массовых арестах было прикомандировано 5 чел. из состава конвойных войск НКВД (73).

На местах, помимо горрайотделов, ЗНПО и оперсекторов, значительное количество оперативных работников имелось в погранотрядах (Ойротском, Минусинском и др.), оперпунктах Транспортного отдела, лагерных пунктах и спецкомендатурах Бамлага, Краслага, Сиблага, Тайшетлага. Всего агентурой и следствием в ЗСК на начало 1935 г. занималось свыше 1.000 чекистов, державших под неусыпным контролем порядка 10,5 млн жителей.

Управляемость местными органами была в значительной степени формальной. Отчёты с мест рисовали вполне приемлемую картину положения дел, однако инспекции Лубянки часто выявляли развал агентурно-оперативной работы и крайне высокий уровень злоупотреблений и преступлений чекистов. Ответом были жёсткие кадровые перетряски, нередко проводившиеся по принципу «наказания невиновных и поощрения непричастных». Л. М. Заковский на пленуме ЦК в начале 1937 г. заявил о «феодалных методах» руководства периферией со стороны Ягоды: оперативные группы, посылавшиеся наркоматом в отстававшие

управления, занимались не помощью, а «избиением младенцев». Заковский процитировал слова начальника ЭКО ГУГБ Л.Г. Миронова: «Надоели мне эти самые карательные экспедиции, эти выезды» (74). Из этих оценок следует, что при руководстве местными органами применялось привычное администрирование, вынуждавшее нижестоящих скрывать проблемы и создавать видимость благополучия.

Реформирование местных органов ОГПУ-НКВД в течение 30-х годов осуществлялось как с учётом опыта ВЧК, так и в рамках изменений системы управления территориями. Ликвидация округов и создание районных органов радикально изменили структуру госбезопасности на местах. Создание районных аппаратов и оперсекторов, системы заместителей начальников политотделов МТС и совхозов по оперработе, насаждение работников лагерей и комендатур дали возможность распространить влияние «органов» вширь и вглубь, приблизить их к тем контингентам, которые подлежали массовым репрессиям. Если до эпохи «великого перелома» чекист был прежде всего городским жителем, уполномоченным полпредства или окротдела, то после 1930 г. основная часть оперативников работала в районах. Создание райгоротделов ОГПУ-НКВД, лагерных отделений и спецпосёлков позволяло гораздо успешнее заниматься вербовками и осуществлять репрессии. Райотделы, оперсекторы, а также система управления заключёнными и сырьевыми оказались прочными структурами, доказавшими свою карательную эффективность и пережившими не одно поколение чекистов.

Огромный Сибирский край в течение 30-х годов непрерывно делился на более мелкие регионы, к которым подчас присоединялись части соседних Урала и Дальнего Востока. В 1930 г. при разделении Сибкрая были образованы Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. Административные органы ЗСК остались в Новосибирске, столицей же ВСК стал Иркутск. При образовании Восточно-Сибирского края к Иркутскому, Канскому, Красноярскому, Киренскому округам и Бурятии бывшего Сибкрая были присоединены Читинский и Сретенский округа ДВК (26 районов). На февраль 1935 г. ВСК состоял из 47 районов, 5 нацрайонов, Витимо-Олёкминского национального округа (4 района) и 22 аймаков Бурят-Монгольской АССР (75). В 1936 г. с выделением Бурят-Монголии в отдельную административную единицу ВСК был преобразован в Восточно-Сибирскую область. Таким образом, по численности и населённости административных районов ВСК значительно уступал Зап-сибкраю, территории которого делилась на 172 района.

До 1934 г. полпредства ОГПУ по Западной и Восточной Сибири существовали в неизменном виде. В начале 1934 г. в Западной и Восточ-

ной Сибири был осуществлён опыт создания соответственно Обско-Иртышской (целиком выделенной из Уральской области с центром в Тюмени) и Читинской областей, признанный в тот период неудачным. Видимо, новые малонаселённые области «бледно» выглядели на фоне колоссальных соседних Уральской области, ЗСК, ВСК и ДВК. В итоге обе эти области, не просуществовав и года, в декабре 1934 г. были расформированы.

В декабре 1934 г. из ЗСК и ВСК были выделены два крупных региона. От ЗСК была отрезана территория современной Омской области (13 районов с Тарским округом) и слита с Обско-Иртышской областью. Так образовалась огромная Омская область, включавшая современные Омскую и Тюменские области. Одновременно из ВСК были выделены территории бывшего Красноярского и Канского округов с Туруханским краем, к которым добавились отрезанные от ЗСК территории Хакасии и 11 районов бывшего Ачинского и Минусинского округов. Эти территории стали Красноярским краем.

Последние предвоенные деления сибирских регионов были осуществлены осенью 1937 г., когда ЗСК был разделён на Новосибирскую область (НСО) и Алтайский край, а Восточно-Сибирская область – на Иркутскую и Читинскую области. Таким образом, к исходу 1937 г. на территории Сибири насчитывалось шесть областных и краевых управлений НКВД. В 30-е годы был повышен статус органов НКВД в некоторых автономиях – управления НКВД по Якутской и Бурят-Монгольской АССР были преобразованы в наркоматы.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ

О количественном и качественном составе сибирских чекистов можно судить по следующим данным. Анализируя выборку из служивших в Новосибирске и окружных отделах на 1929 г. 360 оперработников ПП ОГПУ, можно видеть, что работали в ЧК с 1918 г. – 12 чел. (3,3 %), с 1919 г. – 19 чел. (5,3 %), с 1920 г. – 78 чел. (21,7 %), с 1921 г. – 54 чел. (15 %). Всего за 1918–1921 гг. поступили в ЧК 163 чекиста (45,3 %), из них почти половина – в 1920 г. То есть, несмотря на чистку 1921 г. и сброс кадров в 1922–1924 гг., именно ветераны ЧК составляли костяк оперсостава и на 1929 г., особенно в руководящем звене. В период массовых сокращений 1922–1924 гг. поступили 80 чел. (22,2 %), в 1925–1929 гг. – 120 чел. (33,3 %). Уроженцами Сибири были только 34 %, остальные – приезжие. 50 % являлись выходцами из крестьян, 30 % – из

рабочих. Из мещан, торговцев, кустарей и ремесленников вышли 9 %, из служащих – 8 %. Остальные 3 % являлись выходцами из семей дворян, офицеров, священников, купцов и богатых крестьян. 75 % чекистов имели начальное образование, по 11,5 % – среднее и неполное среднее, 2 % – высшее и незаконченное высшее.

Родившихся в 1878–1889 гг. было 8 %, в 1890–1899 гг. – 41 %, в 1900–1904 гг. – 41 %, в 1905–1909 гг. – 10 %. Практически все оперработники были коммунистами: вступивших в партию в 1905–1917 гг. было 5 %, в 1918–1920 гг. – 50 %, в 1921–1925 гг. – 24 %, в 1925–1929 гг. – 21 % (76).

Что касается численности, то на 1 февраля 1929 г. в партийной ячейке полпредства ОГПУ по Сибкраю было 167 членов и кандидатов ВКП(б). Из них со стажем до 1917 г. – 7 чел. (4,2 %), 1918–1920 гг. – 56 чел. (33,5 %), 1921–1924 гг. – 32 чел. (19,2 %), 1925–1928 гг. – 58 чел. (34,7 %). По происхождению из рабочих было 54 партийца (32,3 %), из крестьян – 21 (12,6 %), служащих – 73 чел. (43,7 %). Скорее всего, в категорию служащих попали и многие выходцы из «социально чуждых» слоёв. Далее численность полпредства стала возрастать. В ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю, несмотря на отделение в августе 1930 г. аппарата ПП ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю, к январю 1931 г. работало более 200 чел (77).

Аналогично росла численность местных органов. Партийная ячейка Томского окротодела ОГПУ в мае 1929 г. насчитывала 59 чел., а к маю 1930 г. выросла до 84 партийцев. Из них 75 (89,3 %) были русскими, 5 – латышами, по одному – украинцем, немцем, чувашом, эстонцем. В возрасте до 25 лет было 4 чел. (5 %), от 25 до 30 лет – 42 чел. (50 %), от 31 до 35–27 чел. (32 %), старше 35 лет – 11 чел. (13 %) Среднее и незаконченное высшее образование имели 3 чел. (3,6 %), остальные были малограмотными, имели начальное образование или являлись самоучками (78). С конца 1929 г. начал формироваться аппарат Сиббулона и системы контроля за крестьянской ссылкой, сразу потребовавший многих десятков одних только оперативных работников.

На октябрь 1924 г. штат ОГПУ СССР составлял 21.870 чел., на 1926–1927 гг. – 18.725, на 1929–1930 гг. – 20.700 чел. В связи с повсеместной организацией районных аппаратов и лагерей Политбюро ЦК 25 августа 1930 г. постановило с 1 октября увеличить контингент сотрудников ОГПУ на 3.165 чел. Отдельно увеличивались штаты внутренних войск ОГПУ (на 3.500 чел.) и погранохраны ОГПУ – на 2.500 чел. и 3.000 лошадей (79).

Аппарат ПП ОГПУ ЗСК в Новосибирске быстро рос примерно до конца 1932 г., затем его численность стабилизировалась. Общая же чис-

ленность чекистов возрастала практически всё время за счёт усиления районных отделов и создания ЗНПО, увеличения лагерной системы, а также насаждения начальников спецотделов на предприятиях и в учреждениях. К началу июля 1932 г. в аппарате ПП ОГПУ (без милиции) насчитывалось 523 коммуниста и кандидата, в т. ч. 41 женщина. По социальному положению они в основном относились к рабочим и служащим (по 40 %), на 20 % – к крестьянам. Оперработники составляли примерно 50–60 %, остальные входили в Инженерно-строительный отдел и Отдел связи, Хозотдел, закрытый военный кооператив и Финотдел. Самыми крупными оперативными отделами были СПО (52 партийца) и Особый (46), ЭКО был вдвое меньше (26), но в течение следующего года его численность подтянули до уровня конкурентов. На 1 декабря 1932 г. партколлектив ПП ОГПУ ЗСК вместе с ячейкой милиции насчитывал 635 партийцев (562 члена и 73 кандидата), что почти вдвое превышало количество на сентябрь 1931 г. (80). Таким образом, несмотря на уменьшение подконтрольной территории, аппарат ПП вырос за четыре года почти в 4 раза.

К июлю 1933 г. в новосибирском аппарате полпредства ОГПУ также было примерно 300 оперработников. Основные отделы – Особый, СПО и ЭКО – насчитывали 140 партийцев (соответственно 44, 48 и 48 коммунистов и кандидатов). Партийная прослойка Общего отдела составляла 72 чел., Отдела кадров – 35, Оперода, Спецотдела и Учётно-статистического отдела – 31, УПВО – 60, оперкурсов – 44 (годом ранее – 17), Отдела фельдсвязи – 108, управления Сиблага – 48, оперчекотдела Сиблага – 18. На территории новосибирского вокзала трудились 17 чекистов-транспортников, сам же транспортный отдел числился отдельно и в нём насчитывалось порядка 30 чел (81). Зато численность чекистов в районах в 1933–1934 гг. выросла примерно на треть за счёт появления заместителей начальников по оперработке в политотделах МТС и совхозов.

К началу 1935 г. число сотрудников в Новосибирске несколько уменьшилось за счёт выделения кадров во вновь созданные управления НКВД по Омской области и Красноярскому краю и составляло примерно 515 чел. Характеризуя оперсостав, партком в начале 1935 г. отмечал, что 42 % его – коммунисты с невысоким стажем (после 1928 г.), а рабочих насчитывалось 33 %, крестьян – 12 %, служащих – 55 %. Вступивших в ВКП(б) до 1925 г. среди оперативников было 40 %. По чекистскому стажу преобладали те, кто пришёл в «органы» в 1930 г. и позднее – 46 %; чекистов со стажем до 1920 г. было 12 %, а тех, кто поступил в 1921–1929 гг. – 42 %. Таким образом, половина чекистов имела стаж работы менее 5 лет (82).

Представление о соотношении чекистов ведущих отделов – Особого, Секретно-политического и Экономического – по происхождению, профессиональному и партийному стажу дает таблица 1.

Таблица 1

	Всего, чел.	По происхождению			По чекистскому стажу			По партийному стажу		
		Из рабочих	Из крестьян	Из служащих	1918–1920	1921–1929	1930–1934	до 1919	1920–1924	1925–1934
Всего оперсостава	270	89	32	143	32	114	124	38	66	166
Особый	41	12	3	26	6	23	12	4	15	22
СПО	45	12	4	29	8	24	13	6	10	29
ЭКО	33	7	3	23	3	13	17	2	5	26

Из таблицы видно, что по всем показателям Особый отдел и СПО были чрезвычайно близки между собой, а ЭКО, ещё недавно насчитывавший до 50 чел., значительно уступал им и по численности, и по квалификации работников, и по величине их партийного стажа. Примерно таким же по численности был и Транспортный отдел, но его парторганизация тогда существовала обособленно. В структуре краевого аппарата, помимо четырёх названных отделов, существовали: Управление пограничной и внутренней охраны (56 коммунистов), Отдел кадров (28 партийцев, включая аппарат особоуполномоченного, следившего за благонадежностью чекистов и ведшего следствие по их проступкам), Инспекция резервов (18 партийцев), Оперод (12 чел.), Учётно-статистический (9 чел.), комендатура – 28 членов партии, занимавшихся «обслуживанием» внутренней тюрьмы и периодически расстреливавших осуждённых (83).

В 1933 г. за счёт ЗНПО штат работников госбезопасности вырос с 20,9 тыс. до 25 тыс. чел (84). В 1934–1937 гг. численность оперативных работников в стране и Сибири оставалась стабильной, но затем вновь стала расти. В ГУГБ НКВД СССР к началу 1937 г. работало 25 тыс. чекистов. О численности офицерского состава УНКВД ЗСК говорит приказ о присвоении специальных званий чекистам-оперативникам, выслужившим необходимый срок и признанным достойными носить знаки различия сержантов, младших лейтенантов, лейтенантов, старших лей-

тенантов, капитанов, майоров, старших майоров госбезопасности. Основная часть оперсостава УНКВД ЗСК в марте 1936 г. получила звания, за исключением большинства работников УСО, Оперода, Сиблага, спецпоселений. Звания от сержанта до комиссара ГБ в крае получили порядка 730 чел. Начальник УНКВД В. А. Каруцкий носил знаки комиссара госбезопасности 3-го ранга, его заместители А. К. Залпетер и А. И. Успенский были старшими майорами, а начальник СПО И. А. Жабрев – майором госбезопасности.

В УНКВД по Омской области в феврале 1936 г. звания получили 320 чел., в т. ч. один старший майор госбезопасности – Э. П. Салынь, один майор ГБ – С. В. Здоровцев, и три капитана ГБ – И. С. Бажанов, Я. П. Нелиппа, К. Л. Стайко. Старших лейтенантов ГБ насчитывалось 13 чел., лейтенантов – 52, младших лейтенантов – 102, сержантов – 148 чел (85). Обращает на себя внимание не только количественная разница (офицеров в Омском УНКВД насчитывалось всего 44 % от числа состава УНКВД ЗСК), но и качественная. Если в Новосибирске звания высшего комсостава (от майора ГБ) имели 4 чел., то в Омске – только два. Младших лейтенантов насчитывалось в три раза меньше, чем в Новосибирске, где офицеров с первым званием (сержантов ГБ) было даже чуть меньше по сравнению с младшими лейтенантами. Напротив, в Омской области сержантов ГБ было в полтора раза больше, чем младших лейтенантов.

Таким образом, в УНКВД ЗСК и Омской области, охватывавших всю Западную Сибирь (современные Алтайский край, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская и Тюменская области) к началу 1936 г. работало 1.050 офицеров госбезопасности, в т. ч. 6 – высшего звена. Реальная численность оперсостава Западной Сибири была заметно выше за счёт сотрудников Сиблага, Оперода, Тюремного отдела и др., а также молодых и не только чекистов, звания которым присваивались избирательно, и вряд ли была меньше 1.500 чекистов.

О численности ответработников концлагеря средних размеров приблизительно говорят следующие цифры. На июнь 1938 г. парторганизация Сиблага НКВД насчитывала 200 коммунистов, в т. ч. 40 членов – в управлении Сиблага, 13 – в оперчекотделе. Среди местных органов наиболее крупными были Мариинское (20 партийцев) и Ахпунское (30 партийцев) лаготделения (86).

За 1938–1941 гг. органы госбезопасности существенно пополнились. Перед войной управление НКВД по Новосибирской области представляло собой очень внушительную по численности структуру, в основном

состоявшую из работников КРО, СПО, Особого и Транспортного отделов, а также оперативников 71 городского и районного отделов, многочисленных оперпунктов на железнодорожных станциях и водных пристанях. На 16 ноября 1940 г. партийная прослойка УГБ УНКВД в Новосибирске (не считая периферийных органов, то есть горрайотделов, а также транспортников, уполномоченных Сиблага, участковых и поселковых комендантов) состояла из 323 чел. Поскольку почти все чекисты, особенно оперативные работники, были коммунистами, то число членов ВКП(б), зафиксированное в материалах парторганизации НКВД-НКГБ и различных партийных комитетов, в основном соответствует общей численности работников УНКВД-УНКГБ.

В КРО (3-й отдел) был 21 коммунист, в первом, втором и третьем экономотделах – 43, в СПО (2-й отдел) – 30, в Особом отделе – 56, Следственной части – 17, 3-м транспортном (водном) отделении – 6 (собственно парторганизация ДТО Томской железной дороги насчитывала 39 членов, но существовала отдельно), 3-м спецотделе (Опероде) – 17. Отдел опертехники (2-й спецотдел) насчитывал 12 членов партии, Учётно-архивный (1-й спецотдел) – 13, Шифровальное отделение – 7, Отдел кадров – 21, Секретариат вместе с аппаратом особоуполномоченного (внутренняя безопасность) – 17, Радиостанция – 25, Тюремный отдел – 15, персонал внутренней тюрьмы УНКВД – 17 партийцев (87).

Для национального состава сибирских чекистов характерно резкое преобладание русских и украинцев. Значительный процент составляли латыши, евреи, поляки, немцы, венгры, китайцы, но после 1938 г. среди национальных меньшинств в НКВД остались заметны практически только евреи, причём в основном на скромных должностях. Национальность начальников ОГПУ-УНКВД могла оказывать влияния на кадры: в окружении латышей Л.М. Заковского и Э.П. Салыня были заметны соплеменники, но, например, Я.П. Зирнис и А.К. Залпетер избегали опираться на латышей. В УНКВД ЗСК, которым в 1935–1937 гг. руководили чекисты еврейского происхождения В.А. Каруцкий, В.М. Курский и С.Н. Миронов, не было заметного продвижения евреев на руководящие посты. Так, Каруцкий ограничился выдвижением привезённого из Казахстана С.М. Вейзагера на должность помощника начальника УНКВД, а Курский в свои помощники выдвинул давно работавшего в Сибири М.М. Подольского. С.Н. Миронов-Король своими помощниками выдвинул русских А.И. Успенского, И.А. Мальцева, украинца Г.Ф. Горбача, а еврея Подольского, напротив, откомандировал.

Обычно выдвижение кадров проводилось исходя из деловых соображений, в связи с чем активные представители нацменьшинств нередко

получали ответственные должности. В первую очередь это касалось евреев. В Новосибирске при Н.Н. Алексееве и В.А. Каруцком заместителем был М.А. Волков-Вайнер, при И.А. Мальцеве – А.С. Ровинский (и Б.А. Розин в качестве врид начальника ДТО НКВД), в Барнауле при С.П. Попове – Г.Л. Биримбаум, в Красноярске при А.К. Залпетере и Д.Д. Гречухине – З.И. Рабинович. В Омске при Э.П. Салыне и К.Н. Валухине на крупных постах работали З.А. Пешков, В.Г. Каган, М.Л. Залкин. После 1938 г. евреи в силу новых кадровых подходов гораздо реже выдвигались на ответственные должности, занимая чаще всего посты не выше начальников городских отделов и отделений в областных аппаратах.

Латыши и поляки до 1937 г. занимали немало должностей высокого и среднего звена. Были заметны и венгры: Бурят-Монгольский облотдел ОГПУ возглавлял Я.М. Бодеско-Михали, Нарымским окротделом НКВД руководил С.С. Маргон, начальником КРО Иркутского окротдела ОГПУ являлся К.В. Гишман, а в ДТО НКВД Восточно-Сибирской железной дороги помощником начальника отделения работал А.А. Гросман. Все они происходили из венгерских военнопленных, имея внушительный стаж оперативной работы. Что касается немцев, китайцев и прочих меньшинств, то они чаще всего пребывали на рядовых должностях.

Пополнение «органов» опиралось как на внутренние, так и внешние ресурсы. Кадровые службы ОГПУ-НКВД внимательно следили за работниками неоперативных отделов, выискивая людей дисциплинированных, лояльных, относительно развитых, склонных к доносам, не очень пьющих и не замеченных в излишней болтливости. Фельдъегери, цензоры, водители, шифровальщики, секретари райотделов ОГПУ-НКВД, надзиратели и коменданты тюрем постоянно выдвигались на рядовые оперативные должности и получали шанс состояться в системе. Знаменитый нелегал ИНО генерал А.М. Коротков начинал службу в ОГПУ с механика-лифтёра, начальник УНКВД по Томской области С.И. Корнильев – с рядового делопроизводителя (88). Особо выделяли и продвигали умелых исполнителей приговоров – как закалённых лиц, в чьей лояльности не было сомнений.

Сделать серьёзную чекистскую карьеру могли только личности весьма специфического склада, способные не останавливаться ни перед чем, поэтому руководство их ценило и продвигало, невзирая на какие-либо биографические шероховатости. Ф.Э. Дзержинский сформулировал главный критерий подбора кадров в органы безопасности: «Если приходится выбирать между, безусловно, нашим человеком, но не совсем способным, и не совсем нашим, но более способным, у нас, в ЧК, необходимо

оставить первого. Вся суть, по-моему, в подборе людей, безусловно, честных и, где нужно, умных» (89). Основатель ВЧК, таким образом, считал, что умные сотрудники нужны только на отдельных, наиболее ответственных участках.

Начальники сибирских УНКВД периода «большого террора» все были причастны к широкому и беспощадным репрессиям начала 20-х – середины 30-х годов, являясь мастерами «острых блюд», лично участвовавшими в тайных и явных расправах над «врагами». Л. М. Заковский подавлял крестьянские восстания, начиная с 1918 г., Н. Н. Алексеев руководил терактами эсеров-боевиков на Украине и был причастен к высылке интеллигенции в 1922 г., С. Н. Миронов, начинавший карьеру с рядового сексота, лично расстреливал мятежных чеченцев. Есть основания полагать, что Г. Ф. Горбач, чья ранняя биография почти не изучена, в августе 1919 г. участвовал в качестве начальника команды в работе комендантского взвода (затем – отряде особого назначения) Харьковской губчека во главе с пресловутым руководителем массовых расстрелов С. А. Саенко (90). К. А. Павлов, первый начальник УНКВД по Красноярскому краю, активно фабриковал дела ещё в бытность работы руководителем Особого отдела Новониколаевской губчека. Сменивший Павлова в Красноярске А. К. Залпегер обеспечил карьеру активной фабрикации сотен дел на «крестьян-повстанцев» в начале 30-х годов. Начальник УНКВД по Иркутской области Г. А. Лупекин сфабриковал крупное расстрельное дело на крымскую «монархическую организацию» ещё в середине 20-х годов, а при Заковском выдвинулся в число самых беспощадных чекистов (91).

Крупный чекист с заслугами становился неприкосновенным, и если не совершал крупных политических проступков и не попадался на серьёзной уголовщине, обладал иммунитетом от преследований. Осуждённые чекисты пользовались покровительством виднейших партийных сановников. Так, Г. К. Орджоникидзе в 1931 г. поддержал восстановление в партии видного чекиста К. С. Жукова и др. участников бессудного расстрела бакинского рабочего (92).

До 1937 г. чекистская хватка оценивалась выше сомнительных моментов в прошлом, до поры до времени не требовалось даже стопроцентной большевистской: один крупный начальник мог происходить из рабочих с анархистским прошлым, как Л. М. Заковский, другой – быть сверхреволюционным интеллигентом-эсером, как боевик и разведчик Н. Н. Алексеев, третий – служить в Белой армии и поздно вступить в компартию, как В. А. Каруцкий. Причастность к уголовным преступле-

ниям Заковского (присвоение контрабанды) и В. М. Курского (прикосновенность к убийству селькора) также ничуть не помешала их карьере. Часто чекисты указывали неверные года рождения, приписывали партийный стаж и образование, скрывали неподходящее происхождение, «опасных» родственников, службу в белых армиях и т. д. Например, Л. М. Заковский приписывал себе среднее образование и не указывал о былой принадлежности к анархизму, В. А. Каруцкий скрывал факт длительной службы в Белой армии, а Н. И. Ежов – литовскую национальность матери (93).

Значительная часть видных чекистских лидеров 20-х – середины 30-х годов происходила из авантюристов, имевших до начала своей чекистской карьеры опыт поклонения самым различным богам. В середине 30-х годов в высшем руководстве НКВД (начальники отделов центрального аппарата, начальники УНКВД и наркомы республик) выходцев из семей торговцев, помещиков, служителей культа, предпринимателей и кустарей было 26 %, из служащих – 25 %, из крестьян – 23 % и из рабочих – 21 %. Выходцев из некоммунистических партий было до 30 % (94). Происхождение из непролетарских слоёв, участие до определённого этапа в различных партиях, принадлежность к национальным меньшинствам и обилие родственников за границей делали чекистскую верхушку очень пёстрой. В «органах» подвизались и рафинированные В. Р. Менжинский с А. Х. Артузовым и В. М. Горожаниным, нечуждые литературной деятельности, и первые советские резиденты ИНО Н. Н. Алексеев с И. В. Запорожцем, и перевёрбованные в 1920 г. польские разведчики, как И. И. Сосновский, и происходившие из низов Е. Г. Евдокимов с Л. М. Заковским. Заслуги в области политического сыска много лет служили им надёжным щитом.

В основном все они включились в общественную жизнь до революции, преследовались за антиправительственную деятельность при царизме и белых режимах, все после победы большевиков приносили в жизнь идеалы гражданской войны и поклонялись насилию. Все чекисты искренне верили, что человек – это строительный материал для нового общества, а они – контролёры пригодности этого материала, беспощадно отсекающие всё, что не подходит к усвоенной идеологической схеме. Показательно, что Н. Н. Алексеев, В. А. Балицкий, В. М. Горожанин, В. А. Каруцкий в юности готовились к правоведаческой карьере, получив начатки юридических знаний, а Менжинский имел диплом юриста. Но в отношении к принципам права они были столь же абсолютно свободны, как и довольствовавшиеся начальным образованием Заковский или Горбач. Все они – воплощение принципа подчинения личности условиям системы.

Представляется, что ошибочно мнение О.Ф. Сувенирова, утверждающего, что «у пришедшего к власти поколения не хватало ни образования, ни опыта борьбы с “врагами народа”... к середине 30-х годов профессионалы из “бывших” стали составлять довольно заметную часть кадров карательных органов». Сувениров, ссылаясь на интервью дочери видного большевика З.Н. Немцовой, повторяет её совершенно фантастические сведения о том, что чекисты Москвы и Ленинграда на 1936 г. якобы в основном являлись немолодыми людьми с небольшим партстажем, будучи в огромном числе бывшими белыми офицерами, жандармами и полицейскими (95). На деле перед нами абберрация памяти пожилой женщины, запомнившей, вероятно, беспокойство своего отца Н.М. Немцова по поводу обилия в руководящем составе НКВД лиц, вышедших из социально-чуждой среды и разных партий, нередко служивших в белых армиях и т. д. Что касается основного оперсостава, то он, напротив, был молодым и «социально близким», никаких бывших жандармов там не было и в помине.

Основную часть рядового пополнения 30-х годов, как и прежде, составляли демобилизованные военнослужащие погранчастей и войск ОГПУ – молодые люди с начатками образования и нередким опытом участия в пограничных конфликтах, подавлении крестьянских мятежей. Выпускников московской Центральной школы ОГПУ и Высшей пограничной школы, где готовили также кадры для особых отделов, остро не хватало. Чекисты на местах, столкнувшись в конце 20-х годов с необходимостью стремительно пополнять штаты, поначалу были рады просто получить хотя бы временную помощь от парткомов. Согласно директиве Сибкрайкома ВКП(б), в феврале 1929 г. четыре коммуниста были решением Славгородского окружного временно мобилизованы в распоряжение окротдела ОГПУ (96). Затем поток мобилизованных парткомами на постоянную работу в ОГПУ стал массовым и коснулся всех районов, получавших разнарядки на подбор проверенных коммунистов и комсомольцев.

При этом нужно учитывать, что многие из этих активистов уже были резидентами или спецосведомителями органов ОГПУ. Характерно, что оба городских резидента Каменского окротдела ОГПУ из Камня-на-Оби – помощник фининспектора И.Л. Будкин и заведующий секретной частью окрисполкома Г.И. Вдовин – стали осенью 1929 г. штатными чекистами-оперативниками в районах. Тогда же в штат Барабинского окротдела ОГПУ поступил бывший председатель райпрофсоюза сексот К.К. Пастаногов (97).

Ответственные работники партийно-советского, комсомольского и профсоюзного аппаратов получали шанс на хорошую карьеру в ОГПУ. На-

выки руководящей работы и политическая подкованность помогали им в продвижении. Учитель с высшим образованием Г.И. Орлов работал секретарём райкома партии, завсектором Запсибкрайнаркомпроса, а в начале 1930-х гг. стал оперативником СПО полпредства ОГПУ ЗСК. К 1937 г. Орлов был замначальника Отдела кадров УНКВД ЗСК и парторгом УГБ (98). Отдельные партийные выдвиженцы, напротив, быстро «задвигались» обратно. Инспектор окружкома ВКП(б) А.С. Служис в июне 1930 г. прибыл в распоряжение ПП ОГПУ Сибкрая на должность уполномоченного ЭКО, участвовал в фабрикации дела филиала «Трудовой крестьянской партии», но в том же 1930 г. оказался уволен из ОГПУ (99). Однако основная часть мобилизованных быстро приобретала необходимую сыскную квалификацию и продвигалась по службе.

Подбор низовых кадров в начале 30-х годов был кустарным и в значительной степени ложился на плечи самих начальников районных аппаратов ОГПУ. Уполномоченный Каргатского РАП ПП ОГПУ ЗСК Р.Н. Воллов в апреле 1931 г. просил бюро райкома ВКП(б) подобрать ему одного помощника уполномоченного и семерых фельдъегерей. Бюро ответило, что фельдъегерей подберёт в ближайшее время, а подходящего человека для оперативной работы, за исключением руководящих работников, в районе нет (100).

Некоторые новички с точки зрения деловых и моральных качеств выглядели так, что их отправка в «органы» похожа была на стремление местных начальников избавиться от скомпрометированных людей, непригодных к работе. Сотрудник тарской окружной газеты В.А. Береман закупил большое количество ненужной литературы, оставшейся нераспроданной, после чего был вынужден уйти из газеты и оказался направлен окружкомом ВКП(б) в Тарский окротдел ОГПУ. Получив в марте 1929 г. командировку в район, Береман пытался застрелиться, ранив себя в грудь, за что чекистами был исключён из партии. Хозяйственник П.П. Огольцов в конце 1932 г. получил строгий партвыговор от Кемеровского ГК ВКП(б) за допущенные убытки в тресте общепита, а в 1933 г. был направлен в ОГПУ (101).

Работавший заворгом РК ВКП(б) и членом бюро Барабинского окружкома ВЛКСМ С.Я. Труш в 1929 г. обвинялся Сибкрайкомом ВЛКСМ в сожителстве с тремя женщинами одновременно, а годом позднее оказался исключён из партии за мошенничество. Тем не менее, Труш был восстановлен в членах ВКП(б), а в 1932 г. – направлен в ОГПУ, где сразу получил 15 суток ареста «за неправильные методы следствия». Это ничуть не помешало ему сделать карьеру, в которой были и ещё один

арест за издевательства над арестованными, и участие в массовых расстрелах в 1933 г., и быстрая карьера в Новосибирске и Барнауле в 1937–1938 гг. Зампред Бирилюсского РИКа В.В. Маньков обвинялся в пьянстве, грубости, хулиганстве и незаконной конфискации имущества крестьян, за что был в 1933 г. снят с должности и направлен «для укрепления» Бирилюсской комендатуры Сиблага (102).

Служба в ОГПУ-НКВД оценивалась многими партийцами как особо престижная, что вызывало ревность парткомов к самовольно перешедшим в чекистские ряды. Работник земельных органов П.П. Шалфеев, в 1930 г. «допустивший левые загибы» при коллективизации, в 1933 г. получил строгий партвыговор за самовольный уход из Запсибкрайкома ВКП(б) в аппарат ЭКО ПП ОГПУ ЗСК (103). Демобилизованный из РККА Я.Г. Никулин, будучи направлен ЦК ВЛКСМ на работу замначальника по комсомолу политотдела Хакасского конесовхоза №42, перешёл в 1935 г. в органы НКВД и за «недисциплинированность» в 1936 г. Омским обкомом ВКП(б) оказался переведён на год в кандидаты партии. Характерно, что партийные наказания последовали только год и более спустя после ухода этих партийцев в карательную систему. Однако, несмотря на взыскания, и Шалфеев, и Никулин остались на службе в НКВД (104).

Важным источником пополнения были чекисты запаса, состоявшие на особом учёте. Многие из них успевали за период демобилизации поправить здоровье и оказывались годными к службе в ОГПУ. Те, кто был уволен по компрометирующим материалам и вписался в гражданскую жизнь в качестве чиновника, также считались подходящими для возвращения в «органы», при этом пьянство, дебоши и растраты особым препятствием для зачисления в ОГПУ не являлись. Например, бывший чекист Г.А. Линке, впоследствии снятый за злоупотребления с должности замнаркомфина Дагестана, недолгое время работал инспектором краевого Сибфинуправления, а в апреле 1930 г. был назначен старшим уполномоченным ЭКО ПП ОГПУ Сибкрая (105).

Нагляден пример с выдвижением в «органы» в 1932 г. бывшего чекиста и милиционера, судимого дебошира и пьяницы И.В. Шатёркина. В 1921–1922 гг. он был уполномоченным ОДТЧК-ЛТО ГПУ в Красноярске, затем служил в угрозыске, а с 1924 г. – в армии. За то, что он в пьяном виде верхом развезжал по Верхнеудинску, Шатёркина изгнали из РККА и осудили. Поработав немного агентом новониколаевского губфинотдела, он вернулся на службу инспектора красноярского угрозыска. Там Шатёркин пьянствовал и привлекался к ответственности за

служебные злоупотребления, халатность; дело было прекращено с увольнением из милиции. В 1927 г. Шатёркин стал народным следователем в г. Енисейске Красноярского округа и вскоре получил партвзыскание за попытку самоубийства на почве склок и пьянства. Отработав пять лет в прокуратуре, Шатёркин в 1932 г. оказался взят в ОГПУ. За активное участие в терроре (в 1937 г., в частности, сфабриковал дело на 60 «диверсантов» из Красноярска) в 1940 г. Шатёркин был выдвинут на должность начальника КРО УНКВД по Красноярскому краю, а с 1944 г. работал начальником УНКГБ-УМГБ по Тюменской области (106).

Номенклатурные ветераны «органов», сочетавшие опыт сыска в прошлом и руководства каким-либо учреждением в настоящем, сразу получали ответственные должности. В.Г. Болотин, в гражданскую войну подвизавшийся в Гомельской ЧК, с 1925 г. заведовал секретариатом Сибкрайкома ВКП(б). В 1930 г. Болотина направили в ЭКО полпредства ОГПУ ЗСК, где он вскоре занял видное положение. Начальник новосибирского окр. адм.отдела и зампред горсовета бывший чекист Р.Н. Волон в конце 1930 г. был зачислен в штат ПП уполномоченным ИНФО (107).

На службу в систему лагерей и спецпоселений в изобилии попадали всяческие отбросы, не нашедшие себе места в жизни. Например, бывший чекист Г.Ф. Креков, уволенный как инвалид, в 1930 г. был исключён из партии в Кузнецком округе с привлечением к уголовной ответственности за кражу хлеба у крестьян и связь с уголовниками, с которыми он производил бандитские налёты и стрелял из берданки в начальника милиции. Затем Крекова восстановили в партии и взяли в ОГПУ поселковым комендантом Тельбесского спецпосёлка Горно-Шорского района, где он за дебош и попытку изнасилования трудпоселенки оказался вновь исключён из партии и отдан под суд (108). Бывший дезертир российской армии П.И. Белозёров работал в милиции Томска, где за избивание арестованного был осуждён условно. В 1930 г. его мобилизовали в «органы» и назначили комендантом в Томском отделении Сибуллона (109).

Чекистские карьеры претерпевали самые необыкновенные коллизии. Чекист А.И. Воротнев после увольнения из «органов» был сельхозработником, в 1930 г. вступил в колхоз, а в 1934–1937 гг. уже руководил ОДТО НКВД в Акмолинске и Ишиме (110). Отметим, что в Сибири оказалось немало бывших чекистов Украины: А.Р. Горский, И.И. Виер-Ульянов, Л.И. Маков, А.Д. Морозов, возможно, рассчитывавших на покровительство прибывшего в Сибирь из Одессы Заковского. Все эти лица успели продвинуться по чекистской службе, но в конце 1930-х гг. все они подверглись репрессиям (111).

В особых случаях чекистам помогали и пенсионеры «органов». 32-летний оперработник ПП ОГПУ ЗСК А. Т. Морозов вышел на пенсию в 1933 г., но летом следующего года выполнял «отдельные поручения по работе при РО УГБ» Чаинского района Нарымского округа. Бывшие чекисты активно участвовали в «массовых операциях» 1937 г. Начальник спецчасти Чуйского военизированного тракта О. М. Арит сообщал, что с июля 1937 по май 1938 г. «я, как б[ывший] чекист, периодически участвовал в оперативной работе органов НКВД по изъятию из ЧВТ и Управления дороги врагов народа» (112). Замначальника Муромцевского РО Тарского окротодела УНКВД по Омской области И. И. Конзычаков в 1936 г. был уволен из НКВД как сын лишенца и работал в местном райфинотделе. В 1937 г. Конзычаков «на время разгрома деревенской контрреволюции был мобилизован временно на работу в Муромцевский РО НКВД» (113).

Пополнение шло и за счёт иностранцев. Например, активист компартии Китая Ши Чже в 1925 г. прибыл в СССР для получения военного образования, в начале 1930 г. был зачислен в штат Особого отдела ОГПУ СибВО и до конца 1938 г. подвизался в системе особых отделов и КРО под именем М. А. Карского, зарекомендовав себя деятельным участником репрессий. Уволенный из УНКВД НСО как «подозрительный» китаец, Карский в 1939 г. был возвращён на спецработу по линии Коминтерна и нелегально переброшен в штаб Мао Цзедуну в Яньяни, где сначала отвечал за радиосвязь с Москвой, а впоследствии являлся личным секретарём и переводчиком Мао, одновременно подвизаясь в штатах тайной полиции КПК. Пережив арест в период «культурной революции», Карский умер в 1998 г., успев выпустить мемуары, льстиво озаглавленные «Рядом с историческим исполином» (114).

Китаец С. М. Ленинцев (Хоу Минчи) в 1927 г. был ЦК КПК направлен учиться в Московский комуниверситет трудящихся Китая. В 1930–1931 гг. он находился на нелегальной партийной работе в Шанхае и по решению ЦК КПК в 1932 г. был передан для работы в органы ОГПУ СССР. Ленинцев работал в Особом отделе ГУГБ НКВД ЗабВО (Чита), получил звание лейтенанта госбезопасности. Арестованный 15 февраля 1938 г. и обвинявшийся в измене, в марте следующего года он был освобождён и работал в Разведотделе УНКВД–УНКГБ по Читинской области. Другой китаец, П. В. Григоровский, работавший в Читинском оперсекторе УНКВД ВСК, в июле 1937 г. был арестован и по ложному обвинению в измене расстрелян (115).

Часть сибирских кадров, напротив, пополняла внешнюю разведку. Чекист с 1918 г. Я. М. Бодеско-Михали в 1929–1931 гг. работал началь-

ником Бурят-Монгольского облотдела ОГПУ, а в 1932–1937 гг. руководил отделением ИНО ОГПУ-НКВД. Уполномоченный КРО полпредства ОГПУ по Сибкраю Я. С. Айзенберг дослужился до замначальника отделения ИНО НКВД СССР. Они были расстреляны, а вот оперативник КРО УНКВД ЗСК Г. А. Тарасов в 1938–1940 гг. работал в резидентуре китайского г. Хами и оказался уволен из «органов» за пьяные дебоши и драки (116).

Слабая грамотность и квалификация чекистов были предметом постоянных сетований начальства ОГПУ, которое, впрочем, сознательно проводило политику отсека от «органов» высокообразованных личностей. Опыт гражданской войны показывал, что малограмотные исполнители вполне удовлетворительно справлялись с главным оружием чекистов – провокационными комбинациями и пыточным следствием. В 1931 г. лишь 1,4 % чекистов страны имели высшее образование, и 73 % – начальное. В 1930 г. была образована Центральная школа ОГПУ, куда на годичные курсы направлялись мобилизованные в «органы» рабочие-коммунисты (117). Только в 1938 г. появилось учебное заведение с гораздо более основательной программой обучения – Школа особого назначения, готовившая разведчиков для ИНО.

До середины 30-х годов на местах повышение чекистской квалификации производилось собственными силами. Опытные чекисты проводили занятия с новичками, а считавшихся наиболее перспективными отправляли учиться в Москву. К 1935 г. только 12 % оперработников имели какую-либо специальную подготовку. В 30-х годах при полпредствах организовывались оперативные курсы. Весной 1933 г. полпред Н. Н. Алексеев, опираясь на прибывших в Сибирь выпускников ЦШ ОГПУ, а также местных партийно-комсомольских работников, начал активно формировать штаты «вторых заместителей» начальников политотделов МТС и совхозов. Более года для подготовки ЗНПО работали трёхмесячные оперкурсы при полпредстве, к июлю 1934 г. они были ликвидированы, и последний выпуск курсантов выехал в районы (118). Однако затем краткосрочные оперативные курсы при УНКВД ЗСК были восстановлены.

Объективно требования времени диктовали необходимость повышения интеллектуального уровня политической полиции. Однако нехватка лояльных на все 100 % и притом образованных людей мешала полностью чекистских коллективов, «худевших» в период чисток и постоянно терявших те кадры, которые уходили из системы по здоровью или собственному желанию. Осенью 1935 г. НКВД организовал 10 межкраевых школ с годичным курсом обучения, которые должны были резко под-

нять уровень квалификации чекистских кадров, основная часть которых до сих пор получала подготовку исключительно в ходе оперативной работы. Кадры для сибирского и дальневосточного регионов должна была готовить МКШ ГУГБ в Новосибирске.

Однако набрать 200 курсантов в Новосибирскую межкраевую школу оказалось не просто даже силами всего региона. В декабре 1935 г. бюро Омского обкома ВКП(б) констатировало невозможность выполнить развёрстку ЦК ВКП(б) о посылке 30 чел. в Новосибирскую МКШ, поскольку членов партии со средним образованием, удовлетворяющих всем строгим требованиям, найдено только 16 душ. В связи с этим в ЦК была направлена просьба снизить для Омской области развёрстку на будущих чекистов до 16 чел (119). В МКШ, помимо сибиряков, прибыли курсанты из Северного края, Кировской, Саратовской, Курской областей. Большую часть курсантов МКШ составили лица с образованием 6–7 классов и ниже.

Новосибирская МКШ в 1936 г. выпустила 143 чекиста, в 1937–1938 гг. – 382, а в 1939–1941 гг. – 698. Таким образом, с 1937 г. ежегодный выпуск составлял порядка 190 курсантов, а с 1939 г. – 230 курсантов. Одновременно в 1939–1940 гг. на трёхмесячных курсах переподготовки при МКШ прошли обучение около 300 оперативников УНКВД НСО (120).

В 1937–1938 гг. обозначилась тенденция роста численности кадров НКВД. Документы говорят о том, что высшие чины союзного НКВД заботились о кадровом обеспечении ещё до решений февральско-мартовского пленума ЦК 1937 г., обозначивших переход к террору. Начальник ГУГБ НКВД Я.С. Агранов и руководитель Отдела кадров наркомата М.И. Литвин 3 февраля 1937 г. сообщали начальнику УНКВД ЗСК С.Н. Миронову, что для устранения имеющегося дефицита оперсостава в 97 чел. его управление может забрать 40 выпускников Новосибирской МКШ ГУГБ, а оставшийся некомплект пополнить проверенными коммунистами и комсомольцами. О состоянии дел с пополнением Миронов должен был сообщать в наркомат каждую декаду. Сохранившийся список 61 кандидата в МКШ, досрочно выпущенных в ноябре 1937 г., показывает, что среди курсантов нового призыва преобладали лица с неполным средним образованием, а студентов насчитывалось всего 7 чел. Зато социальный состав был на высоте – к классу-«гегемону» относилось 39 чел. Возраст большинства будущих чекистов колебался от 23 до 26 лет (не ниже 20 и не выше 29). В феврале 1937 г. Запсибкрайком постановил отобрать 40 коммунистов и комсомольцев на работу в НКВД (121).

Крайком занимался и укомплектованием штата лагерей. 15 августа 1937 г. для укомплектования организуемого лесозаготовительного лагеря (Томасинлага) бюро крайкома поручило мобилизовать и передать к 1 октября в НКВД 35 коммунистов и 100 комсомольцев, а к 1 января 1938 г. – ещё 40 коммунистов и 175 комсомольцев, включая 50 чел., предназначенных для руководящей работы в лагере. Одновременно поручалось передать в Томасинлаг и 15 специалистов лесного хозяйства (122).

Сменивший Миронова Г.Ф. Горбач 19 сентября 1937 г. сообщал секретарю Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе, что в результате «очистки аппарата» и откомандирования «ряда лучших работников» в другие области в Новосибирске и на периферии образовался некомплект оперсостава в 130 чел. К тому же в ближайшее время по компрометирующим материалам подлежало увольнению еще 44 сотрудника. Несмотря на досрочный выпуск курсантов МКШ, значительная часть которых осталась в Сибири, работников остро не хватало. Начальник УНКВД просил мобилизовать 100 чел. из учебных заведений и административно-хозяйственных учреждений. Крайком выделил 75 активистов, а в остальном помог Ежов. В период так называемых «массовых операций» в Новосибирской области «работало около 50–60 курсантов из Московской [пограничной] школы, почти все – члены партии. Не будучи никогда ранее следователями, они в течение нескольких месяцев работали такими же темпами, как и постоянный состав». В Барнауле с осени 1937 г. кадровым чекистам помогали курсанты Алма-Атинской МКШ (123).

Специфическим источником пополнения сибирских управлений НКВД были лица, от которых избавлялись в центральном аппарате и других местах. В Западную Сибирь в 1932 г. прибыли работники из Особого отдела ОГПУ СССР, оставшиеся без покровительства после увольнения опытного контрразведчика Я.К. Ольского. В Особый отдел Восточно-Сибирского военного округа (Иркутск) в 1932 г. отправились ученики многолетнего начальника КРО А.Х. Артузова А.И. Агаянц и Б.И. Гудзь, предпочтя работу против белой эмиграции и японской разведки на Востоке фабрикации дел на «повстанцев» в Особом отделе центра, который перешёл в руки крайне неразборчивых в средствах И.М. Леплевского и М.И. Гая. Тогда же штаты ОГПУ Сибири дополнили некоторые работники ГПУ Татарии, «вычищенные» в ходе наведения порядка в поражённом коррупцией аппарате.

В 1936–1937 гг. в Новосибирске не по своей воле оказались скомпрометированные в Москве видные чекисты А.И. Успенский и А.Б. Дан-

цигер. Затем поток «ссыльных» чекистов возрос. В 1937–1938 гг. в систему сибирских лагерей в предарестную ссылку и на постоянную работу постоянно прибывали функционеры НКВД крупного и среднего уровня, успевавшие проработать на ответственных постах от нескольких недель до нескольких месяцев. В августе 1937 г. на должность начальника Томасинлага был назначен бывший заместитель НКВД УССР комиссар ГБ 2-го ранга К.М. Карлсон, арестованный в январе следующего года. В начале 1938 г. на должность помначальника Краслага НКВД был откомандирован из Иванова лейтенант ГБ Ф.И. Чангули. С сентября по декабрь 1938 г. начальником Норильского ИТЛ НКВД и замначальника строительства Норильского комбината работал бывший замначальника УНКВД по Орловской области майор ГБ В.С. Валик. Уцелел из них только Чангули (124).

Другим источником стала большая чистка чекистов еврейского происхождения, предпринятая весной–летом 1938 г. наркомом внутренних дел Украины А.И. Успенским. Десятки руководящих и рядовых украинских чекистов в ходе этой антисемитской кампании оказались в системе Сиблага, Томасинлага, Краслага, Бамлага, Дальлага НКВД, причём с большим понижением и нередко с переводом в запас, фактически лишаясь званий. Из видных чекистов, прибывших в Сибирь, можно назвать начальника АХО НКВД УССР А.И. Марусинова-Бернштейна, отозванного в марте 1938 г. в Тайшетлаг НКВД (арестован в 1939 г. и расстрелян как «заговорщик»), помощника начальника УНКВД по Черниговской области капитана ГБ С.И. Шатова-Лифшена, с февраля 1938 г. возглавлявшего Краслаг НКВД (арестован в 1940 г.), помначальника УНКВД по Одесской области Е.Г. Сквирского, ставшего начальником оперчекотдела УИТЛК УНКВД НСО, начальника отделения КРО НКВД УССР Г.Л. Ракиту, прибывшего в КРО УНКВД по Омской области. Начальник Константиновского ГО УНКВД по Сталинской области Г.Е. Флейшман был назначен начальником оперчекотдела Томасинлага, а начальник Днепродзержинского ГО УНКВД по Днепропетровской области В.М. Паперман – помощником начальника управления Томасинлага. Многие из «ссыльных» евреев, избежав репрессий, надолго «застряли» в лагерной системе (125).

К середине 30-х годов ядро оперсостава, сформированное в период гражданской войны и избежавшее чистки первой половины 20-х, было очень сильно размыто пополнением, среди которого, как и ранее, много было случайных людей, маргиналов, не нашедших себя в гражданской жизни. По-прежнему в ОГПУ рекрутировались преимущественно лица

с начальным образованием: военнослужащие внутренних войск, активисты из рабоче-крестьянской среды, направляемые по путёвкам партийных и комсомольских комитетов.

Среди чекистов призыва 1937–1939 гг. преобладали уже не демобилизованные военнослужащие, а молодые активные комсомольцы и коммунисты с образованием как в объёме 6–7 классов, так и с полным средним. Лица с высшим и неполным высшим образованием составляли небольшой процент оперсостава. Низким уровнем образования отличались и начальники. После ликвидации в конце 1938 – начале 1939 г. подавляющего большинства начальников региональных управлений НКВД их заместили в основном лицами без чекистского опыта, что, впрочем, практически не отразилось на жестокости и распространённости репрессий. Гражданские чиновники, ставшие чекистами, были уверены в необходимости широкой и беспощадной борьбы с «врагами народа».

Партийные работники и руководители предприятий после кратких курсов на Лубянке заняли начальствующие должности в УНКВД Новосибирска (Г.И. Кудрявцев), Омска (М.Е. Захаров), Красноярска (И.П. Семёнов), Иркутска (Н.В. Смирнов). Часть новых начальников была молодыми работниками центрального аппарата ГУГБ, которым террор позволил скакнуть вверх сразу на две-три ступени. В Барнаул в качестве начальника УНКВД прибыл помощник начальника отделения ГЭУ НКВД З.В. Николаев, в Читу – начальник отделения СПО ГУГБ НКВД П. Т. Куприн. Из этих начальников только Н.В. Смирнов имел высшее образование. Г.И. Кудрявцев с З.В. Николаевым имели среднее, И.П. Семёнов – семиклассное образование, а М.Е. Захаров и П. Т. Куприн получили лишь начальное образование, дополненное краткосрочными политехкурсами (126). Показательно, что все они показали себя готовыми к чекистской работе и остались в системе, а снятый весной 1941 г. Кудрявцев стал жертвой не либеральной политики, но, напротив, своего излишнего усердия в репрессиях.

По-прежнему в «органы» набирали лиц, имевших стаж негласной работы. Инженер Л.А. Воронель, секретарь комитета ВЛКСМ новосибирского авиазавода им. Чкалова, сначала был назначен начальником мобилизационного отдела завода, а в апреле 1939 г. «как имеющий большое желание работать в органах НКВД» оказался утверждён «для оперативного обслуживания завода», несколько месяцев спустя заняв должность начальника отделения 2-го ЭКО УНКВД НСО (127).

Несмотря на окончание политики массовых чисток и снижение репрессивной активности, количество чекистов после завершения «Большой

шого террора» значительно выросло. Политбюро ЦК 5 апреля 1939 г. постановило увеличить численность оперсостава НКВД на 5,2 тыс. чел. Это привело к новым усилиям местных партийных комитетов, послушно выполнявших разнарядки центра. Алтайский крайком ВКП(б) в сентябре 1939 г. постановил выделить для работы НКВД резерв в 70 чел.: 40 партийцев и 30 комсомольцев, поручив развёрстку городским и районным комитетам (128).

В декабре 1939 г. секретарь Новосибирского обкома партии Г. А. Борков приказал горкомам и райкомам отобрать в течение месяца для работы в НКВД 150 коммунистов и комсомольцев в возрасте от 22 до 35 лет, со средним образованием и служивших в РККА. Каждый рядовой райком должен был подобрать одного кандидата, Томский и Сталинский горкомы – по 20, Кемеровский и Прокопьевский – по 10, Новосибирский – 25 чел (129). Среди будущих чекистов, набранных в 1939 г. и после краткосрочных курсов ставших начальниками райотделов и уполномоченными, оказалось немало совершенно неподготовленных лиц – учителей, пожарных, служащих и т. п. Но не исключено, что среди них было много сексотов НКВД, для которых выдвижение на гласную работу было закономерным шагом.

В 1939 г. по стране в систему УГБ было принято работников вдвое больше, чем уволено – 14.506 чел. Из этого числа подавляющее большинство составляли лица партийно-комсомольского набора – 8.538 чел., или 58,9 %. Выпускники школ НКВД составили 2.524 чел., или 17,4 %. Из неоперативных отделов поступило 1.332 чел. (9,2 %), из канцелярских и технических работников НКВД – 1.129 (7,8 %), по личным заявлениям – 602 чел. (4,2 %), из РККА – 347 чел. (2,4 %), из запаса – 34 (0,2 %). Таким образом, курсанты и лица, ранее служившие в системе НКВД, составили 34,6 %. Чекистов со средним образованием пришло 49,1 %, с высшим – 9,2 %, остальные имели неполное среднее образование. В 1940 г. рост чекистских кадров продолжался ещё более быстрыми темпами, на что повлияло увеличение территории СССР. На 1 января 1941 г. в центральном аппарате, территориальных органах, особых и транспортных отделах, а также школах НКВД работало 46.216 чел. оперативно-чекистского состава (130). Если учесть оперработников лагерей и спецпоселений, то общая численность работников госбезопасности составляла перед войной свыше 50 тыс. чел., или вдвое больше, чем в начале 1937 г.

В результате пополнения аппарат УНКВД НСО за 1939–1940 гг. капитально обновился и заметно вырос по численности. К исходу 1939 г.

в аппарате УНКВД, семи городских и 66 районных отделах работали 513 оперработников, в том числе 281 (54,8 %) коммунист, 149 (29 %) кандидатов ВКП(б), 78 (15,2 %) комсомольцев и 5 (1 %) беспартийных. Через год оперсостав за счёт организации четырёх новых городских и районных отделов вырос до 524 чел. За счёт срочного приёма в партию нового пополнения членами ВКП(б) из этих 524 чел. были 365 (69,7 %), кандидатами – 121 (23,1 %), комсомольцами – 35 (6,7 %), беспартийными – 3 чел. Вырос за 1940 г. и образовательный уровень. Количество чекистов с высшим и незаконченным высшим образованием увеличилось вдвое – с 19 до 38 (7,3 %), средним – со 115 до 146 (27,9 %), незаконченным средним – с 30 до 140 (26,7 %), начальным – уменьшилось с 349 (68 %) до 200 (38,2 %). Правда, последняя цифра была получена большей частью за счёт весьма формального доучивания молодых чекистов и «перетягивания» в число имевших незаконченное среднее образование.

Специальную подготовку имели менее четверти оперсостава. К исходу 1940 г. только 51 оперработник (9,7 %) имел за плечами Центральную школу ОГПУ-НКВД, 2-ю Ленинградскую и Центральную транспортную, а выпускников Новосибирской МКШ ГУГБ НКВД насчитывалось 71 (13,5 %). Остальные могли похвастаться только курсами подготовки и переподготовки оперсостава при УНКВД НСО (152 чел., или 29 %), а также 100-часовой программой чекистской учёбы и 17-дневными семинарами при УНКВД (212 чел., или 40,5 %). Ещё 38 оперативников (7,3 %) никакой специальной подготовки не имели.

Из 524 оперативников в 1940 г. 366 чел. (69,8 %) были в возрасте 25–35 лет, а 66 (12,6 %) – моложе 25 лет. Только 181 (34,5 %) из них имел стаж работы в НКВД свыше 6 лет. От 3 до 6 лет стажа было у 111 чел. (21,2 %), менее 3 лет – у 232 чел. (44,3 %). Орденосцами были 17 сотрудников, семеро – имели очень ценившийся в их среде знак почётного чекиста. Оперсостав управления насчитывал порядка 250 чел. (остальные работали на периферии), сосредоточенных преимущественно в Особом отделе (56 коммунистов), СПО (30), КРО (21), 1-м ЭКО (17), 2-м ЭКО (9), 3-м ЭКО (17) и Следственной части (17). Транспортный отдел имел собственную парторганизацию из 39 коммунистов, в МКШ работало 43 чел. Негласный оперсостав, занимавшийся наружной разведкой и контролем переписки, насчитывал 85 человек и вместе с работниками МКШ не входил в объявленную цифру в 524 чел., так же, как и чекисты-транспортники (131).

Таким образом, с первой половины 30-х и до начала 40-х годов аппарат УНКВД ЗСК-НСО, несмотря на многочисленные реорганизации

и выделение новых управлений, имел стабильную численность – порядка 250 оперативных работников (в Новосибирске). Местные же аппараты постепенно наращивали численность: если в рядовых райотделах работало обычно три оперативника, то в более крупных – до пяти-шести, а в горотделах и окротделах – до 20–30 единиц, не считая вспомогательного состава.

Омское УНКВД в предвоенные годы приближалось по штатному составу к УНКВД НСО. В конце 1939 г. в УГБ УНКВД по Омской области насчитывалось 559 чел., в т. ч. 112 (20 %) – руководящего состава, а неоперативные службы УНКВД насчитывали 832 штатных единицы (132).

В течение 30-х годов система ОГПУ-НКВД Сибири непрерывно пополнялась за счёт разнообразных источников: демобилизованных военнослужащих, партийно-советских работников, чекистов запаса, а также взаимобмена с центром и другими регионами. Местные власти были вынуждены жертвовать для работы в «органах» как уже состоявшихся работников, так и будущих специалистов, отдавая студентов и выпускников рабфаков, техникумов и вузов. Большую часть пополнения составляли лица со слабой профессиональной подготовкой, зачастую без специальности или опыта работы, что не мешало им под давлением старших коллег быстро превращаться в асов политического сыска. Суть кадровой политики не менялась, несмотря на ужесточение требований к социально-политическому прошлому: другие люди в сходных обстоятельствах, подчиняясь всё тем же требованиям разоблачать вездесущих «врагов», всё так же наполняли и пополняли карательный аппарат.

Ведомственные историки любят рассуждения о разрыве преемственности чекистских поколений в 30-х годах, увольнении и репрессировании массы опытных кадров с закалкой начала 20-х годов, и приходе неподготовленного молодняка, ориентированного на физические методы добычи показаний (133). На деле эти суждения носят схоластический характер, игнорируя главное: карательная система с самого начала потребовала кадры, готовые к самым жестоким методам работы, и ориентировала их не на тонкие оперативные комбинации с агентурой внешнего врага, а на примитивный политический сыск и беспощадное подавление любого инакомыслия.

Численность и качественный состав сотрудников ОГПУ-НКВД в 20–30-х годах претерпели существенные изменения. Преобразование ВЧК в ГПУ одновременно означало и избавление от услуг тех, кто оказался наиболее скомпрометирован в период террора гражданской войны, а также показал себя недостаточно профессиональным, идеологически выдер-

жанным, морально устойчивым и т. п. Результатом массовой чистки 1922–1925 гг. стало примерно пятикратное уменьшение численности аппарата ГПУ-ОГПУ, который затем до 1928 г. оставался стабильным по численности. Но когда политика «великого перелома» заставила обратиться к силовому решению политических вопросов, численность и влияние ОГПУ стали быстро расти, логично ориентируясь на «героический» период ВЧК, когда на исходе 1921 г. численность чекистов равнялась 90 тыс. чел.

Постоянный рост численности органов ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ был характерен для всего периода 1930-х – начала 1950-х годов, наглядно отражая увеличивавшееся могущество «органов». И если многочисленность состава ВЧК достигалась в основном за счёт малоквалифицированных сотрудников наружного наблюдения («разведчиков», или «топтунов») и занимавшихся обысками «комиссаров», а также чрезмерно раздутых штатов транспортных ЧК, Особых отделов и военной цензуры, то в ОГПУ-НКВД практически весь оперсостав занимался агентурной и следственной работой. Уступая по общему количеству работников органам ВЧК периода их максимальной численности, аппарат НКВД тем не менее позволял за счёт разветвлённой системы в районах получать гораздо более полную информацию и осуществлять повсеместные репрессии, как массовые, так и выборочные.

ЧИСТКИ И РЕПРЕССИИ

Как в 20-е, так и в 30-е годы процессы обновления в чекистской среде носили стремительный, даже бурный характер, что заставляет подробно на них остановиться. Пьянство и криминализированность как оперативного, так и вспомогательного состава «органов» были главной кадровой проблемой. Общее обострение обстановки постоянно вынуждало расставаться с теми подготовленными работниками, которые давали повод усомниться в своей политической лояльности. Другая часть чекистов стремилась уйти сама: как из-за плохого здоровья, так и нежелания работать по причине психологического дискомфорта, тяжёлых условий труда и т. д.

Текущая кадровая ПП ОГПУ по Сибири в конце 20-х годов, как и в целом по стране, составляла примерно 25 % ежегодно. Мобилизованные в ОГПУ коммунисты, как отмечал Л. М. Заковский в июне 1928 г., ознакомившись с условиями работы, «всеми силами рвутся уйти». В 1928 г. прошло большое увольнение сотрудников органов по собственному желанию из всех территориальных органов, причём большей частью вете-

ранов. Из нового пополнения 25 % оказалось уволено в том же 1928 г. Из них 38 % были уволены как не соответствующие, 35 % – по личному желанию, сокращению штатов (134), остальные – по болезни, за проступки и пр.

Для кадровой истории органов ОГПУ-НКВД огромное значение имели постоянные чистки оперативного и вспомогательного состава, которые инициировались как чекистским руководством, так и партийной властью. Полпред ОГПУ ЗСК Заковский строго следил за работоспособностью аппарата, выбрасывая из него тех, кто пьянствовал, манкировал службой и не давал требуемых результатов. В 1928–1929 гг. он избавился от большой группы видных чекистов – неработоспособных или скомпрометировавших себя. В августе 1928 г. был уволен начальник ИНФО полпредства латыш К. Э. Шенин; в те же месяцы покинул «органы» и старый чекист И. А. Кадушин, работавший начальником Барнаульского окротдела ОГПУ (135).

За служебные и личные проступки Заковским была изгнана целая когорта начальников окружных отделов. Основная их часть обвинялась в серьёзных служебных преступлениях, причём часть увольнений была инициирована партийными властями. Начальник Алданского окротдела ОГПУ Н. В. Теплов в 1928 г. был осуждён за некие злоупотребления, но затем амнистирован и в 1930–1931 гг. подвизался замначальника Вишерлага ОГПУ. М. Д. Мухин, замначальника Барабинского окротдела, в 1928 г. был осуждён на 2 года заключение за хищения вещественных доказательств. Начальник Канского окротдела И. А. Ардатов в 1928 г. был снят за барство, кумовство и постоянную нецензурную брань в обращении с подчинёнными; в 1933 г. он был осуждён за уголовное преступление (136).

Начальник Минусинского окротдела Н. Н. Зинуков в сентябре 1928 г. был уволен за допущение пьянства в аппарате окротдела и позднее переведён в милицию. Начальник Якутского облотдела ОГПУ В. К. Пуйкан, ранее бывший под судом за хищения, в сентябре 1928 г. оказался снят с должности за незаконный арест начальника республиканской милиции Дунаевского, не выполнившего распоряжения Пуйкана освободить арестованную контрабандистку Сибкрайком ВКП(б) просил ЦК ВКП(б) снять Пуйкана в связи с тем, что его дело «дискредитирует не только орган ГПУ, но и Советскую власть в целом» (137).

В 1929 г. чистка продолжилась. Начальник Киренского окротдела ОГПУ С. Т. Филипенко в июне 1929 г. был исключён из партии за организацию систематических пьянок окружного начальства, растрату, при-

своение конфискованного оружия и связь с адмссылными. Вскоре Филипенко был осуждён крайсудом на 10 лет, но смог очень быстро освободиться, восстановиться в партии и выхлопотать пенсию. Начальник Красноярского окротдела ОГПУ М. М. Чунтонов в 1929 г. был снят с работы за недостаточную бдительность с делом председателя Красноярского окрисполкома и члена ВЦИК В. В. Полюдова, разоблачённого как якобы агента колчаковской контрразведки.

Начальник Славгородского окротдела И. М. Иванов был снят в сентябре 1929 г. с работы за сокрытие убийства человека пьяным сотрудником ОГПУ И. П. Барановым. Вскоре за Ивановым был убран И. А. Медведев, начальник Иркутского окротдела ОГПУ: 9 октября 1929 г. крайком ВКП(б) снял его с должности с вынесением выговора за более чем 4-месячную задержку с решением вопроса о массовых изнасилованиях работниц (что привело к самоубийствам) на Тальцинском стеклозаводе (138).

Руководство 80-го Якутского дивизиона войск ОГПУ, которым была образована неформальная так называемая «Военная коллегия», погрязшая в пьянстве и разврате, было разогнано в начале 1929 г. Командир дивизиона В. В. Жеребцов и военком Г. А. Макушев, одновременно исполнявший обязанности наркома РКИ Якутии, были понижены, а двое командиров взводов за пьянство и изнасилования арестованы. Под суд Коллегии ОГПУ попал и политинструктор дивизиона И. К. Пляскин, в пьяном виде на квартире собутыльника разбивший портрет Сталина (139).

Часть руководящих чекистов, замеченных в злоупотреблениях, тем не менее благополучно сохранила должности. Замначальника Алданского окротдела ОГПУ А. С. Доля в 1929 г. обвинялся в присвоении контрабанды, но в 1929–1930 гг. работал помначальника Якутского облотдела ОГПУ. Низовой руководящий, а также рядовой состав также подвергались Заковским регулярной чистке, особенно это касалось сотрудников Сиблага и Отдела трудпоселений. Тем не менее новое пополнение немедленно втягивалось в атмосферу уголовщины и безнаказанности, существовавшую в «органах», и тоже подвергалось быстрой криминализации.

Чекисты Сибири, как и в начале 20-х годов, постоянно подвергались разоблачениям в связи со скрыванием компрометирующих фактов своих биографий. Такие личности считались «предателями» и подлежали такой же суровой расправе, как и в годы гражданской войны. В 1927 г. по обвинению в былой работе на охранное отделение был расстрелян инспектор ДТО ОГПУ Омской железной дороги поляк Ф. А. Мазуркевич.

Опытный чекист из аппарата ЭКО полпредства А. Д. Садовский в 1928 г. был разоблачён как пособник колчаковских карателей. Было ему при белой власти 15 лет, но всё равно оперативника арестовали за доносы на сторонников большевиков и в итоге зачли в наказание время, проведённое под стражей. Случалось, что необоснованное политическое обвинение заменялось «запасным»: начальник Барабинского окротдела Н. М. Беляков в феврале 1929 г. был уволен из ОГПУ и обвинялся сначала в службе в белогвардейском карательном отряде, а затем, когда эти обвинения не подтвердились, в неудовлетворительном состоянии окротдела и слабостью «агентурно-осведомительной работе в деревне» (140). Лица, исключённые из партии за поддержку Троцкого, подлежали безоговорочному увольнению из ОГПУ.

Часть чекистов подвергалась беспощадным репрессиям за смесь реальных и вымышленных преступлений. В этом отношении ярко выглядит судьба чекиста довольно высокого уровня Б. Д. Грушецкого (Н. М. Степанова), представлявшего собой типичную для начала 30-х годов фигуру авантюриста и дельца с тёмным прошлым и настоящим, нашедшего себя в карательной системе. Грушецкий, принадлежавший к старшему поколению чекистов (он родился в 1888 г.) начинал как эсер-максималист в Саратове, участвовал в ограблениях почты и нескольких винных лавок, дважды арестовывался, в 1911 г. бежал на Кавказ. В 1915 г. был мобилизован в армию, но дезертировал через две недели. С 1917 г. Грушецкий являлся членом Совета и комиссаром труда в Трапезунде от ПЛСР, затем добровольно поступил в РККА и с июня 1919 г. служил в военной разведке 9-й армии Южного фронта в Керчи. Являясь начальником информации, военный разведчик Грушецкий стал сексотом Особого отдела ВЧК 9-й армии и в конце 1920 г. оказался отправлен с особой группой «чистить» Крым. Там он разоблачал бывших белогвардейцев на советской службе (капитана Тульвина, полковников Кибичева, Лепёшкина и др. офицеров), которые, как указывал Грушецкий, «арестовывались и расстреливались».

По жалобам коммунистов, ходатайствовавших за расстрелянных, Грушецкий был арестован и месяц спустя освобождён за недоказанностью обвинения. Бывший сексот очень быстро продвигался по службе, однако, будучи врид начальника Кабардино-Балкарского облотдела ГПУ, в конце 1923 г. лишился должности за то, что ударил подчинённого. Грушецкого перевели в Алтайский губрозьск, где он отказался работать из-за низкого жалования. Несмотря на такое грубое нарушение дисциплины, Грушецкий получил назначение на должность помощника упол-

номоченного секретного отделения Барнаульского окротдела ОГПУ и отметился следствием в отношении группы местных иоаннитов, сплотившихся вокруг фигуры лже-наследника «Алексея Романова» и за это расстрелянных. В итоге Грушецкий был повышен и в 1930 г., являясь начальником КРО Томского окротдела ОГПУ, организовал фабрикацию «Зачулымского дела» на 203 чел., по которому осудили к расстрелу 186 крестьян-«повстанцев». Летом 1930 г. за эту фальсификацию, а также связь с неким «чуждым элементом» Грушецкий был арестован и в апреле следующего года по приговору Коллегии ОГПУ расстрелян. Наличие в его деле политических обвинений стало поводом для реабилитации Грушецкого в 1991 г. (141).

Большое значение для жизни «органов» имела партийная чистка летом–осенью 1929 г., жертвами которой стало значительное число чекистов, замеченных как в политических проступках либо неподходящем происхождении, так и в различных злоупотреблениях, пьянстве, политической неграмотности. Для Сибири, испытывавшей обширные мобилизации в армию Колчака, было характерно обилие чекистов, в юности служивших у белых. Провертройка Томской окружной КК ВКП(б) в сентябре 1929 г. предложила ячейке окротдела ОГПУ «пересмотреть весь наличный штат... с целью проверки их пригодности [для] работы в аппарате ОГПУ, с изучением их социального прошлого и участия в контрреволюционных армиях... и места работы в момент реакции Колчака» (142). Потом перегибы исправлялись, ибо исключённых было больше, чем хотелось бы начальству и среди них зачастую находились самые эффективные сотрудники. Именно отношение начальства определяло судьбу работников. По сравнению с грандиозной чисткой 1921–1922 гг., затронувшей огромный процент руководящего состава, чекистский аппарат в 1929 г. пострадал значительно слабее.

Однако кадровые вопросы осенью 1929 г. встали очень остро, т. к. одно только формирование райппаратов региона требовало свыше сотни новых чекистов. Поскольку пополнение отличалось привычно низким интеллектуальным, профессиональным и моральным уровнем, оно тоже постоянно подвергалось контролю и чистке, что, впрочем, позволяло избавляться лишь от наиболее одиозных чекистов.

Рост численности карательного аппарата и усиление нагрузки на него тут же отчётливо сказались на показателях ведомственной преступности. Неизменным фоном «раскулачивания» были мародёрство и обычно совершенно безнаказанные издевательства над ссыльными. За 1931 г. Коллегии ОГПУ рассмотрела 931 дело о должностных преступлениях

сотрудников ОГПУ, по которым было осуждено 1.285 чел., в том числе 361 ответственный оперработник. В итоге 42 чекиста были осуждены к расстрелу, 111 – к 10 годам ИТЛ, 761 – на срок от двух до пяти лет, а 371 сотрудник отдела уволен из «органов». По сравнению с 1930 г. налицо оказался значительный рост чекистской преступности, который объяснялся властями пополнением периферийных органов ОГПУ молодыми, без «чекистской закалки», работниками. Среди преступлений были отмечены принуждения к даче показаний угрозами и инсценировками расстрелов, а также случаи искусственного создания дел, каковых было, по официальной точке зрения, якобы «незначительное» количество. Распространены были самовольные расстрелы, а также финансовые злоупотребления, разглашение гостайны и – со стороны секретных сотрудников – ложные доносы. Наиболее суровые репрессии были предприняты Коллегией ОГПУ против работников системы спецпоселений, где максимум преступности дали Западная Сибирь и Урал.

Так, после прокурорской проверки в течение 1931 г. из адмсостава Сиблага ОГПУ было привлечено к уголовной ответственности 140 чел., часть из которых расстреляли – за бессудные убийства заключённых, «сажание в воду при 40–50⁰ мороза, подогревание на горячей печке, привязывание к столбу...». Политзаключённый Сиблага Б. Смирнов, сидевший в начале 30-х годов, запомнил рассказы о невероятных жестокостях (замораживание заживо, массовые убийства), которые творило в Туруханском крае лагерное начальство из уголовников, и о том, как приехавший с проверкой помначальника Сиблага М.П. Костандогло, обнаружив массовое захоронение заключённых, застрелил начальника лагпункта и приказал расстрелять его помощников (143).

О высочайшей уголовной преступности в среде работников сибирских «органов» говорят бесчисленные примеры. В первой половине 1930 г. комендант «кулацкого» посёлка Мартынов в Кежемском районе Канского округа «без суда расстреливал людей», в чём ему помогали милиционеры вместе с партийцами и комсомольцами, а местный уполномоченный ОГПУ Чернов обвинялся в терроризировании населения. Уполномоченный Тайгинской группы Сибуллона Л.Н. Померанцев в 1930 г. получил 10 лет лагерей за нарушения законности. В октябре 1930 г. прокурор ЗСК сообщал о случаях бандитизма со стороны работников «органов»: уполномоченный ОГПУ В.А. Гинкен за отказ от дачи показаний убил женщину в алтайском с. Белокуриха прямо во время ночного допроса, а в ночь на 3 сентября «комендант кулацкого посёлка с. Камышанки Алтайского района Синельников убил кулака Фефелова» (144).

Из 30 чекистов ЗСК, известных нам как совершившие серьёзные преступления в 1932 г., половина обвинялась в нарушениях законности. В марте 1932 г. начальник Мариинского РО ОГПУ Н.М. Куликов был снят и арестован вместе со своим помощником Ф.Н. Худяковым за убийство спецпереселенца. Тогда же помощник уполномоченного Бирлюсского РАП ОГПУ Салопов при «допросе арестованного применял физическое воздействие» и пытался его застрелить при якобы «попытке к бегству» (ранил), за что был отдан под суд Коллегии ОГПУ. В Анжеро-Судженском ГО ОГПУ за участие в пыточном следствии было наказано сразу пять оперативников-особистов, причём только один из них оказался отдан под суд (145). Работники ЭКО Сталинского ГО ОГПУ И.Г. Игнатьев и А.П. Санников в ноябре 1932 г. получили 20 и 15 суток ареста за «кантичекистские поступки при допросе обвиняемых». Мимходом на партсобрании один из чекистов мог обронить о нарымском коллеге И.Н. Серякове, обвинявшемся в неумеренном пьянстве, такую характерную фразу: «Им на пароходе пристрелен человек» (146).

В последующем ведомственная преступность росла, несмотря на все предпринимаемые меры, включая приказ ОГПУ от 15 сентября 1932 г. об изъятии из «органов» чуждого и разложившегося элемента. Циркуляр прокуратуры от 20 июня 1934 г., относившийся к процедуре привлечения к ответственности сотрудников ОГПУ, вызвал протест руководства «органов», поскольку в нём содержалась ссылка на возрастание случаев должностных преступлений чекистов, связанных с превышением власти и издевательствами над арестованными, вплоть до их убийств. Такая оценка показалась чекистам незаслуженной (147).

С 1933 г. в партии и «органах» развернулась новая кампания проверки коммунистов. В Восточной Сибири партийная чистка проходила в 1933 г., в ЗСК – на следующий год. Судя по данным о результатах чистки в ДТО ОГПУ Забайкальской железной дороги (Чита), за октябрь–ноябрь 1933 г. это крупное подразделение из 66 партийцев лишилось 12 чел. (18%), исключённых из партии. Ещё семеро были переведены в кандидаты ВКП(б), а один кандидат – в сочувствующие. Всего, таким образом, от чистки пострадали 30% коммунистов ДТО. И если в кандидаты переводили в основном за политическую малограмотность, прогулы партсобраний и пьянство, то исключали за скрытие происхождения (сыновей «кулака», мельника, торговца, зятя «раскулаченного»), участие в антисоветском восстании, злостное пьянство, «половую распущенность», должностные злоупотребления («широкое самоснабжение» и т. д.).

Один из чекистов ДТО был исключён за политическую близорукость: «замазал» дело о покушении на члена комиссии по чистке партии

Карасёву, якобы имевшее место на ст. Верхнеудинск. Секретарь ячейки ДТО и чекист с 1918 г. Е. Ф. Иванов поплатился партбилетом не только за связь с тестем-«кулаком», но и за «оппортунизм» при подписке на заём, публично высказавшись о том, что «политика – политикой, а карман – карманом». Однако, доказав отсутствие связи с «социально-чуждым элементом», Иванов был восстановлен в членах партии (148).

Начальник Киренского оперсектора УНКВД ВСК А. Д. Макаров в чистку 1933 г. исключался из ВКП(б) за то, что был в плену у генерала А. Шкуро и даже несколько дней проработал в контрразведке Н. Махно, но затем был восстановлен. Однако в октябре 1935 г. Макаров был снова исключён из партии за службу у белых и уволен из НКВД (149).

В УНКВД ЗСК во время партийной чистки с лета 1934 по февраль 1935 г. из 514 работников были уволены 62 (12 %). Оперсостав пострадал несколько меньше: из 270 оперативников новосибирского аппарата исключили 27 (10 %). Из этих 27 чел. 12 были признаны «социально чуждыми», 10 – «морально разложившимися», 3 – «нарушителями партдисциплины», 1 – «буржуазным перерожденцем», 1 – «обюрократившимся». Таким образом, чистили прежде всего за «чуждое» происхождение и прегрешения морального порядка. Среди остальных работников УНКВД вычищенных за неподходящее происхождение было в полтора раза больше (150). Значительная часть исключённых из партии смогла восстановиться и вернуться на оперативную работу.

Но в 1935–1936 гг. чистка партии фактически продолжалась, что прямым образом отразилось на чекистах, которых постоянно изгоняли из партии и, соответственно, из «органов» за допустимые ранее «дефекты» в биографиях: неподходящее происхождение, участие в оппозициях и уклонах, службу в белых армиях, контакты с репрессированными и т. п. Характерно выглядит судьба чекиста с 1922 г. И. В. Беляева, которого осенью 1934 г. исключили в ДТО НКВД Омской железной дороги за попытку скрытия службы у белых, но затем восстановили. Омским ГК ВКП(б) в декабре 1935 г. Беляев был вновь исключён из партии за активную службу в Белой армии, хотя на деле он от Колчака дезертировал. Омский обком ВКП(б) в марте 1936 г. отказал чекисту в восстановлении за «политическую неустойчивость», выразившуюся в том, что в 1924 г. Беляев, увидев в Новониколаевске бывшего белого офицера (работника СибРКИ), у которого служил вестовым, не доложил об этом в ОГПУ. Беляев был снят с оперработы, но избежал репрессий (151).

Изгонялись из «органов» и чекисты, обвинявшиеся в недостаточной работе. Хакас А. Д. Чикамбаев (Чекарбиев?) после окончания в 1933 г.

Центральной школы ОГПУ в Москве работал ЗНПО по оперработе и был снят за бездеятельность. Затем Чикамбаев короткое время работал в аппарате ПП ОГПУ ЗСК, где за плохой контроль противопожарных мероприятий на кожевенном заводе подвергся аресту на 15 суток. После перевода на должность ЗНПО по оперработе зерносовхоза «Политотделец» Тогучинского района ЗСК Чикамбаев в январе 1935 г. был снят и отдан под суд за халатное расследование пожара в трактороремонтной мастерской, якобы подожжённой кулаками. Чекист был оправдан Военной коллегией Верховного Суда СССР, работал в Тогучинском РО НКВД, но в 1937 г. оказался снова уволен и впоследствии осуждён к расстрелу как японский шпион (152).

Значительное влияние на кадровую политику в сибирском регионе оказали перемены в высшем эшелоне НКВД, инициированные Сталиным и Ежовым. Это и выдвижение начальников УНКВД ЗСК В. М. Курского в Москву, а С. Н. Миронова – в Монголию, и карьерный рост А. И. Успенского, который, став наркомом внутренних дел Украины, перевёл туда из Сибири и других регионов видных чекистов Г. М. Вяткина, Д. Д. Гречухина, И. А. Жабрева, А. А. Яралянца. В 1937–1938 гг. начальник регионального УНКВД служил на одном месте чаще всего лишь несколько месяцев. Это объясняется как обстановкой репрессий в руководстве НКВД, так и сознательной политикой Сталина, направленной на предотвращение складывания новых и разрушение прежних чекистских кланов путём постоянных переброек их лидеров.

С. Н. Миронов, Г. Ф. Горбач, С. П. Попов и другие начальники управлений НКВД, опираясь на указания Ежова, в 1937–1938 гг. активно выдвигали молодых оперативных работников, отметившихся как удачливые фальсификаторы: Г. М. Вяткина, М. И. Голубчика, Д. Д. Гречухина, Ф. Н. Иванова, К. К. Пастаногова, П. Р. Перминова, А. С. Ровинского, С. Я. Труша и др. Это были в основном начальники отделений, быстро повышенные на две-три ступени – до начальников отделов и заместителей начальников УНКВД. Для периода «Большого террора» было характерно досрочное получение званий и перепрыгивание через ступени: лейтенант ГБ мог сразу стать капитаном ГБ, а капитан – старшим майором ГБ.

Очень сильно аппарат госбезопасности обновился в ходе репрессий 1937–1938 гг. Огромная часть чекистов была уволена, нередко с арестом, по различным компрометирующим причинам. С 1 октября 1936 г. по 1 января 1938 г. из органов ГУГБ убыло 20 %, или 5.229 работников, из которых было арестовано 1.220, а прибыло – 5.359. Таким образом,

общая численность чекистов незначительно выросла, но из уволенных было репрессировано 23,3 %. Из 25 тыс. оперативников за конец 1936 и 1937 г. арестовали порядка 5 %. Это был сильный удар для замкнутой касты, связанной разнообразными клановыми взаимоотношениями, но чистка следующего года оказалась ещё сильнее. Только к середине августа 1938 г. было арестовано 1.053 сотрудника ГУГБ (153). Эти цифры означали, что в каждом крупном управлении НКВД были репрессированы многие десятки человек; особенно опустошению подверглись аппараты тех УНКВД, где руководство менялось неоднократно – Дальний Восток, Украина. Для классификации арестованных чекистов большие затруднения представляет то обстоятельство, что им вменялось в вину обычно несколько статей, и далеко не всегда все они были политическими.

Положение в Сибири соответствовало общей тенденции. С 1 декабря 1936 г. по 1 сентября 1937 г. в УНКВД ЗСК по служебной лестнице было продвинуто 98 оперативников. Отдел кадров УНКВД ЗСК-НСО в 1937 г. выдвинул на высшие должности 129 чел., а за первые полтора месяца 1938 г. – 38 чел. К концу августа 1937 г. работавшая в ОК А.П. Пуртова выявила 53 чекиста с подозрительными местами в биографиях, из которых 24 были намечены к немедленному увольнению. Её коллега А.И. Созонёнок-Григорьева из 300 чел., которые ею учитывались, выявила 120 чел. с компрометирующими материалами, но из них к немедленному увольнению намечалось лишь 13. К апрелю 1938 г. в аппарате УНКВД НСО оказалось изгнано почти 30 % старых кадров и продвинуто на высшие должности 33 % состава (154). Из УНКВД по Омской области с 1 августа 1937 по 1 августа 1938 г. уволили 223 работника. В УНКВД по Алткраю в феврале–ноябре 1938 г. уволили 55 чекистов, из которых 13 были арестованы (155).

В Восточной Сибири массовые аресты чекистов последовали во второй половине 1937 г. в связи с арестом начальника УНКВД ВСО Я.П. Зирниса и его помощника, руководителя Читинского оперсектора НКВД Х.С. Петросьяна. В не меньшей степени аресты коснулись красноярцев, где под удар попали замначальника УНКВД и ряд начальников отделов. В Омской области оказались арестованы руководители (Э.П. Салынь и его заместитель С.В. Здоровцев), а также начальники основных отделов. В Новосибирской области и Алтайском крае, где не было в 1937–1938 гг. арестов начальников управлений или их заместителей, репрессии против чекистов также были весьма интенсивны, но они носили общий характер, затрагивая в основном рядовых лиц, подозрительных по своему национальному и социальному происхождению.

Драматически сложились судьбы многих западносибирских чекистов, получивших свои персональные звания в начале 1936 г. Начальник УНКВД ЗСК в 1935–1936 гг. Каруцкий весной 1938 г. застрелился, А.К. Залпетер, И.А. Жабрев и А.И. Успенский в 1939–1940 гг. были расстреляны. Из пяти имевшихся капитанов госбезопасности трое (С.М. Вейзагер, Н.Д. Пик и М.М. Подольский) были расстреляны в 1938 г., С.Г. Южный погиб в тюрьме в 1940 г., а Ф.П. Малышев отбывал наказание за нарушения законности в совсем иную эпоху – с 1956 по 1971 г. (156). Таким образом, из 9 тогдашних новосибирских чекистов в ранге от подполковника до генерал-лейтенанта сталинскую эпоху пережил лишь один особист Малышев, затем также осуждённый. Итог потерь – 100 %. Из 32 старших лейтенантов, этого костяка среднего начсостава, являвшихся начальниками и заместителями начальников отделов в УНКВД и начальниками основных горрайотделений на местах, оказались репрессированы 15 чел., в т. ч. к ВМН осуждено не менее 8 чел., а один чекист застрелился. Итого – 50 % потерь.

Чрезвычайно сильно оказалась затронута чистками и прослойка лейтенантов ГБ. Из 96 лейтенантов были репрессированы 31, из которых 7 – расстреляны, а один умер в тюрьме. Один из лейтенантов застрелился. Итого – 33 % потерь. Из 302 младших лейтенантов оказались осуждены или подвергались репрессиям 54 чел., двое застрелились. Из 54 арестованных чекистов 17 оказались расстреляны или погибли в заключении. Итого – 18,5 % потерь среди младших лейтенантов ГБ.

В наименьшей степени пострадал низовой офицерский состав УНКВД ЗСК: из 292 сержантов ГБ оказалось репрессировано или осуждено 28 чел. (9,6 % потерь), в т. ч. 10 – расстреляны или погибли в заключении. Но следует учитывать, что данные на сержантов – самые неполные, поэтому пропуски в осуждениях, особенно по делам о корыстных и т. п. преступлениях, неизбежны. Почти все репрессии относятся к периоду 1936–1941 гг. и лишь единичные – к более позднему времени. Таким образом, по доступным и не совсем полным данным, из 730 офицеров УНКВД ЗСК образца 1936 г. пострадал 141 чел., или 19,3 %. Из этих 141 были расстреляны, погибли в заключении и застрелились 54 чел. (38,3 %), или 7,4 % от числа всех чекистов.

Ликвидация исполнителей террора в конце 1938 – начале 1939 г. прошла в Сибири по общему для страны сценарию. Были заменены все начальники управлений и их заместители, большинство начальников отделов, значительное количество руководящих работников городских отделов, транспортных и особых подразделений НКВД. Среди уволен-

ных руководителей очень высок был процент репрессированных. Но чистки руководящего состава оказались неравномерны. В УНКВД по Алт-краю, помимо начальника и одного из помощников, были арестованы и осуждены за репрессии начальники всех основных отделов и ряд чекистов среднего звена. Напротив, в Новосибирской области, кроме начальника УНКВД, был арестован только один руководитель отдела, но двое его коллег успели застрелиться. В Иркутской области оказались арестованы, помимо начальника УНКВД и его замов, руководители СПО и ещё ряд видных чекистов. Не избежали репрессий и крупные чекисты автономных республик.

Настоящий разгром чекистских кадров, произведённый в 1937–1938 гг., без остановки перешёл в глубокую чистку 1939–1940 гг. Только за 1939 г. по стране из 32 тыс. было уволено 7.372 оперработника, или 22,9 %. Среди уволенных 41,7 % оказались изгнаны в связи с наличием компрометирующих материалов, 17,4 % – за должностные преступления, 6,2 % – по личному желанию, 5,5 % – по служебному несоответствию, 5,1 % – по болезни, 2 % – за контрреволюционную деятельность, 1,3 % – как умершие. Среди уволенных было 937 арестованных (12,7 %). С жёсткой формулировкой «уволен вовсе» с НКВД расстались 45,3 % уволенных, с переводом в запас – 15,8 %, а каждый четвёртый (24,9 %) был переведён на службу в неоперативные подразделения НКВД (157).

Процессы значительной ротации имели место и в 1940–1941 гг., когда часть сотрудников продолжала изгоняться в связи с причастностью к массовым репрессиям, а другие перебрасывались в западные районы СССР для строительства карательных органов на новых советских территориях. Среди них были много тех, кого очевидным образом выводили из-под уголовной ответственности за репрессии: начальник отделения ДТО НКВД Томской железной дороги Л.А. Малинин, начальник Колыванского РО УНКВД НСО И.В. Захаров, ряд алтайских работников (158).

И в верхах, и в чекистской массе к концу 30-х годов большей частью исчезли мстители за погибших при царе и белых своих близких, фанатики революционного переустройства. Лиц с опытом участия в гражданской войне сменили обычные бюрократы. Но одинаково жестоко допрашивали и расстреливали как бывшие «комиссары в пыльных шлемах», так и вчерашние партчиновники и хозяйственники, попавшие в «органы» по разнарядке, озабоченные карьерой и материальными благами.

Чекистский аппарат перед войной состоял из молодых функционеров преимущественно крестьянского происхождения без революцион-

ных заслуг, без той большой доли самостоятельной деятельности, которая подразумевалась в годы становления «органов», когда строительство местных губернских и уездных ЧК зависело прежде всего от начальника этого подразделения. Их отличали более высокая грамотность и следовательская подготовка. С конца 20-х до конца 30-х годов был пройден путь от стихийного чекиста-борца с «гадами» из партизан или бывших военнослужащих до обученного в спецшколе или хотя бы на оперкурсах сотрудника тайной полиции с определённой специализацией (контрразведка, военная контрразведка, «обслуживание» транспорта и т. д.).

ЧЕКИСТСКИЕ КЛАНЫ

Как справедливо отмечают Н.В. Петров и К.В. Скоркин, ни исследование структуры и функций «органов», ни описание их деятельности невозможны без подробного изучения кадрового состава ВЧК-КГБ (159). Для того чтобы кадровая политика была более наглядной, есть смысл сосредоточиться на наиболее интересных и значимых фигурах, чтобы через них получить представление о личностях, наполнявших чекистский аппарат. Каждый из работавших в Сибири руководителей чекистского аппарата накладывал на его формирование и работу свой отпечаток. Полпред ОГПУ по Сибирскому (в 1930–1932 гг. по Западно-Сибирскому) краю Л.М. Заковский (Г.Э. Штубис) был особенно колоритной личностью. Как и очень многие советские деятели, он сообщал о себе разноречивые сведения, скрывая дореволюционное увлечение анархизмом и приписывая себе среднее образование (160). Это был закалённый деятель, прошедший все ступени чекистской карьеры: от рядового оперативника и занимавшегося расстрелами коменданта ВЧК до руководителя губчека в Подольской и Одесской губерниях, полпреда ОГПУ в Сибири и Белоруссии. Венцом его карьеры, логично оборвавшейся в 1938 г., стала должность заместителя наркома внутренних дел при Н.И. Ежове.

Несмотря на густой криминальный след (причастность к убийствам и ограблениям перебежчиков, присвоение контрабанды), приведший в итоге к конфликту с политическим руководством Украины, которое постановило 7 мая 1925 г. привлечь его к партийной ответственности, Заковский, считавшийся Дзержинским одним из лучших чекистов республики, смог получить повышение и возглавить ПП ОГПУ по Сибкраю. Вероятно, он оказался «пригрет» секретарём Сибкрайкома ВКП(б) С.И. Сырцовым, возглавлявшим Одесский губком КП(б)У в бытность

работы там Заковского в 1920 г (161). Хороший контакт с Сырцовым помог забыть о былых неприятностях, а в январе 1928 г. СибКК ВКП(б), «основываясь на отзывах и безупречности по работе тов. Заковского в Сибири», постановила прекратить дело за неподтверждением обвинений и удовлетворила просьбу полпреда об изъятии выписки о майском взыскании 1925 г. от ЦКК КП(б)У из его личного дела (162).

Анализ кадровой политики ПП ОГПУ Сибкрая-ЗСК позволяет увидеть формирование разветвлённого чекистского клана вокруг фигуры Л.М. Заковского, а также проследить особенности кадровых перемен при его преемниках. С конца 20-х годов, когда этот полпред ОГПУ по Сибкраю, занявший должность в начале 1926 г., обрёл устойчивость и авторитет в ведомстве, он интенсивно собирал вокруг себя лично обязанных ему людей. Заковский, покинувший Украину после трений с республиканским руководством, обвинявшего его в злоупотреблениях, формировал свой аппарат, не избегая лиц, обиженных властью, ставших жертвами каких-либо внутриведомственных конфликтов.

Образование коллектива близких сподвижников шло постепенно. В Отдел контрразведки полпредства Заковский сразу устроил на рядовую должность своего давнего знакомого по работе в Подольской и Одесской губчека М.П. Костандогло, который на Украине не прижился, будучи исключённым из партии по некоему делу «Основа». Видный чекист А.М. Снопковский, также работавший с Заковским на Украине, в 1926–1928 гг. возглавлял ДТО ОГПУ Томской железной дороги. Основная часть окружения Заковского поначалу рекрутировалась им из сибиряков. В 1926–1929 гг. заместителями Заковского последовательно являлись давно работавшие в Новосибирске Б.А. Бак, Г.И. Вaleyко и И.Б. Лернер, которые в итоге не стали его близкими сподвижниками и оказались откомандированы из края. Та же судьба постигла ряд начальников отделов полпредства ОГПУ Сибкрая. В 1928 г. полпред расстался с сильно пьющим начальником ИНФО, латышом К.Э. Шениным, уволенным из «органов» по состоянию здоровья; его заменил начинавший чекистскую работу на Украине Г.А. Лупекин. Тогда же из Сибири оказался откомандирован и Снопковский. В итоге Заковский опёрся на хорошо знакомых «украинцев» и пришлых «закавказцев». И если первые были его соратниками ещё с гражданской войны, то работавшие в ЗакЧК оказались втянуты в сферу интересов Заковского в конце 1920-х гг. довольно случайно.

В конце 1928 г. в Сибирь прибыли два опытных оперативных работника из Закавказья. Осенью 1928 г., после конфликта полпреда ОГПУ

по ЗСФСР И.П. Павлуновского со своим заместителем Л.П. Берией, начальник КРО ЗакОГПУ А.К. Залпестер уехал в Новосибирск, где получил должность руководителя КРО ПП ОГПУ. Возможно, полпред ОГПУ по ЗСФСР И.П. Павлуновский, ранее шесть лет руководивший чекистами Сибири и сохранивший связи в партийном аппарате края, помог Залпестеру, поддержавшему его в конфликте с Берией, переехать в Новосибирск без понижения в должности.

С собой Залпестер привёз уполномоченного КРО ЗакОГПУ М.И. Покалюхина, прославившегося в 1922 г. руководством операции по уничтожению руководителей Тамбовского восстания братьев Антоновых. Покалюхин стал начальником 1-го отделения КРО полпредства и ближайшим помощником Залпестера. Оба эти чекиста в следующие три года являлись опорой Заковского при проведении наиболее серьёзных чекистских операций, причём соплеменник Заковского А.К. Залпестер довольно быстро превратился в фактического заместителя полпреда; одновременно в 1930–1931 гг. должность заместителя полпреда не раз исполнял Г.А. Лупекин (163).

В 1929–1930 гг. в Новосибирске высадился второй десант «закавказцев». Залпестер подготовил плацдарм для переезда в Сибирь группы хорошо знакомых ему опытных чекистов из Азербайджана, попавших летом 1929 г. под фактическое «раскассирование» руководства ГПУ этой республики после обнаружения крупных уголовных преступлений со стороны чекистской верхушки. Несколько руководителей – зампред АзГПУ С.Н. Горобченко, начальники отделов Я.М. Мороз-Иосем, К.С. Жуков, Г.П. Закарьян, П.И. Дикий (Дымов), а также Матвеев и Назаров – пошли под суд за самовольный расстрел бакинского рабочего Р. Султanova, получили самое мягкое наказание и вскоре были переведены в систему ГУЛАГа (164). Остальные предпочли разъехаться. Начальник ЭКО АзГПУ М.А. Волков прибыл в августе 1929 г. в Новосибирск на аналогичную должность. Руководивший КРО АзГПУ М.М. Подольский оказался в начале сентября 1929 г. на должности начальника 2-го отделения КРО ПП ОГПУ по Сибкраю. Сотрудник КРО АзГПУ С.А. Динов с 1930 г. работал начальником отделения ЭКО у Волкова, а затем возглавил Инспекцию резервов полпредства.

Работавший в погранохране АзГПУ латыш М.И. Янкевич (большевик с 1909 г., до революции плывавший на пароходе «Курск» из Либавы в Нью-Йорк вместе с юным Заковским) в декабре 1929 г. получил должность начальника 1-го отделения Особотдела ПП ОГПУ Сибкрая, а впоследствии возглавлял Спецотдел и Оперод ПП ОГПУ-УНКВД по

ЗСК. Уполномоченные Особого и Секретного отделов ЗакЧК А.К. Супьев и А.В. Черноиванов заняли должности в Особом отделе СибВО, аджарский пограничник С.Г. Качарава служил в войсках НКВД ЗСК, к 1940 г. дослужившись до подполковника. Уволенный из АзЧК ещё в 1923 г. М.Л. Залкин работал в Баку, а в 1930 г. вернулся в «органы» и прибыл в Особый отдел СибВО (165).

Среди видных чекистов, вынужденно осевших в Сибири, следует назвать и прибывшего в Новосибирск в 1927 г. бывшего оперативника КРО центра и Ленинградского ОГПУ Г.С. Сыроежкина. Отличившийся в операциях против белоэмигрантов и имевший опыт закордонной работы, Сыроежкин был изгнан в провинцию за пьянство. Он сразу стал одним из главных специалистов по подавлению мятежей в Сибири, «отметившись» в 1927–1932 гг. на громадной территории – от Якутии и Забайкалья до Горного Алтая и Нарыма.

Что касается латышей, то их присутствие было заметно и на верхнем уровне (Залпетер, Янкевич, помначальника ИНФО ПП Я.М. Краузе, помначальника ЭКО ПП Ф.В. Бебрекаркле, начальник Канского окротдела Я.Я. Веверс, начальник Алданского окротдела ОГПУ П.Ю. Берзин, начальник Славгородского окротдела и Ойротского облотдела Я.П. Пакалн, начальник 4-го отделения УЧОСО ПП ОГПУ Т.М. Бошкин), и на более низком – уполномоченный полпредства по Туруханскому краю, а затем работник ЭКО ПП О.С. Стильве, сотрудник Иркутского окротдела ОГПУ Ж.В. Бебрекаркле, начальник ОДТО ст. Ужур Томской железной дороги Р.М. Озолин, уполномоченный Омского оперсектора ОГПУ К.А. Лунт и др. При этом следует отметить, что, кроме Залпетера и Янкевича, никто из них не стал приближённым Заковского, а некоторые были к началу 30-х годов понижены и переведены на периферию, как, например, Я. Краузе и Ф. Бебрекаркле (брат последнего, Жан Бебрекаркле, был, судя по некоторым данным, подвергнут уголовному преследованию, а П.Ю. Берзин умер в конце 1927 г.).

Типичная фигура среднего руководящего эшелона той поры – М.М. Подольский, имевший к концу 20-х годов большой опыт борьбы с повстанческим движением на юге России. О своей закордонной работе в 1923–1924 гг. уполномоченным Особотдела ЗакЧК в Эривани (Ереван), Подольский позднее рассказывал так: «Проводил операции на турецкой территории, так как там жили курды, которые периодически нападали на Армению и грабили крестьян... при их переходе [через “Волчи ворота”] 80 % [курдов мы] уничтожили» (166). В Сибири Подольский вместе с другими работниками Особого отдела активно фабриковал дела на крестьян и боролся с мятежами.

Среди других видных чекистов можно отметить Н.В. Волохова – начальника отделения Особого отдела СибВО, а в 1933–1934 гг. – помощника начальника Омского оперсектора ОГПУ. В 1920 г. этот активный комсомолец стал сексотом ОДТЧК ст. Барнаул, успешно выполняя роль агента-provokatora в руководстве эсеровского Сибирского Крестьянского союза, в следующем году был заброшен в отряд барона Р.Ф. Унгерна, а уже в 1922 г. стал начальником отделения КРО ПП ГПУ по Сибири, проявив себя в пыточном следствии по делу Базаро-Незнамовской «организации» (167). В конце 1934 г. Заковский затребовал Волохова к себе в Ленинград.

В 1929–1931 гг. Заковскому удалось расширить круг приближённых за счёт бывших подчинённых украинского периода. В 1929 г. полпред провёл в свои заместители хорошего знакомого по работе на Украине В.Н. Гарина (Жебенева), занимавшего там должность замначальника Особого отдела УкрВО. В конце 1929 г. должность начальника ДТО ОГПУ Омской железной дороги получил бывший украинский чекист-транспортник Ф.М. Платонов. В начале 1930 г. начальником Омского окротдела ОГПУ стал Ф.Г. Клейнберг, в бытность Заковского главой Одесского губотдела ГПУ работавший у него начальником Особого отдела. Своими украинскими коллегами Клейнберг обвинялся в кутежах с проститутками и сожительстве с осведомительницами на конспиративных квартирах, за что исключался из компартии (168). Откомандированный в конце концов с Украины, он нашёл себе руководящую должность под крылом Заковского.

Вскоре окружение полпреда пополнилось ещё одной криминальной личностью из ГПУ УССР. В июне 1930 г. в Сибирь прибыл бывший сотрудник Одесской губЧК при Заковском М.Ф. Гольмер-Зайцев, обвинявшийся украинскими чекистами в присвоении сумм, предназначенных для оплаты агентуры, а также активной контрабанде (169). Выведенный из руководства погранвойск Украины, Гольмер-Зайцев после нескольких месяцев ожидания получил сначала должность начальника Рубцовского окротдела, а затем – Минусинского и Нарымского оперсекторов ОГПУ. Работавший с Заковским в Подольской губЧК А.Д. Морозов, уволенный из «органов» и мобилизованный в ОГПУ в 1931 г., приехал в Новосибирск и получил работу в аппарате СПО, а затем в районе. Осенью 1931 г. дела в Сиблаге принял бывший руководитель ряда губчека Украины латыш И.М. Биксон.

«Обрастали» связями и выдвигенцы Заковского. Так, прибывший в Сибирь А.Г. Флоринский был креатурой Г.А. Лупекина (работал с ним

в Казахстане, будучи начальником КРО) и в первой половине 1930 г. являлся помощником Лупекина в УЧОСО. Возможно, с подачи Лупекина в 1929 г. в Сибирь прибыл и М. А. Плахов, ранее работавший с Лупекиным в Крыму (170).

Таким образом, с конце 20-х годов в руководстве ПП ОГПУ по Сибкраю происходили крупные перемены. Полпред Л. М. Заковский интенсивно окружал себя новыми людьми, которые стали активными членами его клана на многие годы вперёд. Первые годы своей работы Заковский довольствовался местными кадрами, но в 1928–1929 гг. смог сильно изменить руководящий состав полпредства и продолжал интенсивное кадровое обновление и далее. Таким образом, основными «пришельцами» аппарата Заковского стали люди, привезённые Залпетером и Волковым, а также «украинцы» И. М. Биксон, В. Н. Гарин, М. Ф. Гольмер-Зайцев, Ф. Г. Клейнберг, М. П. Костандогло, Г. А. Лупекин и Ф. М. Платонов. Отметим, что «украинцы», за исключением Лупекина, серьёзной карьеры в Сибири не сделали, в отличие от «закавказцев» Залпетера, Волкова и Подольского.

Выдвинутые Заковским начальники окружных отделов, большей частью давние работники ЧК-ОГПУ Сибири, неплохо показали себя в момент главной политической кампании – «раскулачивания». В июне 1930 г. Заковский представил почти всю чекистскую верхушку к награждению в связи с успешным проведением первой «массовой операции» по репрессированию «кулачества», особенно выделив пятерых кандидатов на орден Красного Знамени: А. К. Залпетера, Г. А. Лупекина, Я. Я. Веверса, И. А. Жабрева и М. А. Плахова (из них только Веверс с Жабревым являлись ветеранами-сибиряками). Были и местные инициативы, исходившие уже от советских властей: в мае 1930 г. президиум Томского окрисполкома за «ликвидацию повстанческих очагов» с помощью «своевременно нанесённого классово выдержанного удара», благодаря чему отсутствовали «бандвыступления», наградил денежными премиями помощника начальника окротдела ОГПУ В. И. Яновского, шестерых уполномоченных, секретаря и «запасника Иванова», предложив крайисполкому ходатайствовать о награждении начальника окротдела И. А. Мальцева «за особо напряжённую работу по руководству борьбой с кулачеством» (171). Правда, верховные власти тогда не сочли возможным награждать «коллективизаторов» орденами.

Но в том же 1930 г. Заковский был вынужден расстаться с частью своих выдвиженцев. Одни, как Гарин, оказались откомандированы в другие регионы на «укрепление», а начальник Томского оперсектора

ОГПУ И. А. Мальцев не только остался без ордена, но и вынужденно уехал на Урал после разоблачения фабрикация масштабного дела «Русь» и расстреля своего подручного Б. Д. Грушецкого. Осенью 1930 г. Заковский снял с должности и перевёл в резерв начальника Минусинского оперсектора ОГПУ А. Г. Флоринского, провалившего борьбу с крестьянскими восстаниями (172). Впоследствии за некие проступки был изгнан из ОГПУ с лишением наград начальник Барнаульского окротдела ОГПУ, а затем глава краевого адмтдела Ф. М. Скрипко.

Весной 1932 г. Заковский был откомандирован в Минск, и на его место прибыл из Воронежа полпред ОГПУ по ЦЧО Н. Н. Алексеев. Клан Заковского в лице главных представителей последовал за ним к новому месту службы. В Минск, где Заковский стал полпредом, перебрался основной руководящий состав: начальник Особого отдела А. К. Залпетер с видным оперативником Г. С. Сыроежкиным, начальники СПО и Спецотдела Г. А. Лупекин и В. И. Ринг, комендант полпредства Н. Х. Майстеров, получившие аналогичные должности в аппарате ОГПУ БССР. Начальник Управления пограничной охраны и войск ПП ОГПУ ЗСК Ф. Г. Радин возглавил внутренние войска БССР, глава Омского оперсектора ОГПУ Ф. Г. Клейнберг стал начальником Витебского оперсектора ГПУ, а И. М. Биксон, сдав дела в Сиблага, возглавил Могилёвский оперсектор ГПУ (173).

Тогда же покинули Новосибирск и многие чекисты, не востребованные Заковским в Белоруссии. Помощник Залпетера по Особому отделу И. Г. Булатов уехал на Дальний Восток, где уже работал в начале 20-х годов. Позднее С. А. Динов вместе с Н. Н. Хвалебновым тоже работали на Дальнем Востоке (Хвалебнов, будучи помощником начальника СПО в Новосибирске, в январе 1934 г. с большим понижением оказался откомандирован в систему Дальлага НКВД). Другой помощник Залпетера – М. И. Покалюхин – выбыл на курсы повышения квалификации, а затем получил назначение на Северный Кавказ. Опытный начальник Тюменского окротдела ПП ОГПУ по Уралу М. А. Плахов, который в 1929 г. был переброшен на должность начальника Барабинского окротдела, а затем руководил Томским оперсектором ОГПУ, возглавил Удмуртский облотдел ОГПУ. М. П. Костандогло до 1933 г. работал помощником начальника Сиблага, а затем был перемещён в Дмитлаг ОГПУ. Весной–летом 1932 г. покинули Новосибирск и помначальника ПП ОГПУ ЗСК по милиции Н. П. Пупков, и начальник Транспортного отдела полпредства Н. М. Василец (174).

Что касается нового полпреда, то Н. Н. Алексеев прибыл из Воронежа с небольшой командой – хорошо знакомый ему по работе в Москве

заместитель А. М. Шанин принял дела в Новосибирске на три недели раньше Алексеева, однако доверенным лицом полпреда стал, по всей видимости, начальник СПО в аппарате полпреда ОГПУ по ЦЧО И. Д. Ильин, получивший аналогичную должность в Новосибирске. Рядовой воронежский работник СПО С. П. Попов стал начальником 1-го отделения СПО ПП ОГПУ ЗСК (Алексеев верно угадал в нём задатки образцового следователя-фальсификатора). Из Воронежа в ЭКО Новосибирска в 1932 г. прибыл и А. И. Гаевский, но он не сделал особой карьеры, хотя, как умелый чекист, привлекался к чтению лекций молодым оперативникам. Уполномоченный ИНФО ОГПУ СССР П. В. Чистов в 1928 г. был убран Алексеевым в бытность последнего начальником ИНФО и уехал из Москвы с понижением в Иркутск, где быстро пошёл в гору. Когда Алексеев четыре года спустя прибыл в Новосибирск, он повысил Чистова с начальника отделения СПО полпреда до помначальника СПО, а затем сделал начальником Барнаульского оперсектора ОГПУ (175).

Работавшие в Воронеже комендант полпреда М. И. Пульхров стал комендантом ПП ОГПУ ЗСК, а В. С. Григорьев – начальником Общего отдела. Сохранил при себе Алексеев и оперсекретаря М. К. Соснина. Когда в июле 1933 г. Шанина отозвали, Алексеев провёл в свои заместители отличившегося при Заковском борьбой с «вредителями» и «валютчиками», а при его сменщике – фабрикации «сельскохозяйственного заговора» начальника ЭКО М. А. Волкова. Алексеев получил для Особого отдела СибВО опытных столичных контрразведчиков из Особого отдела – К. И. Науикоайтиса (не задержавшегося в Новосибирске), К. Ф. Роллера и Р. К. Баланду. Возможно, эти лица прибыли из Москвы по инициативе бывшего секретаря Коллегии ОГПУ и помощника начальника Особого отдела ОГПУ А. М. Шанина, пристроившего в Сибири разведчиков польско-литовского происхождения, оказавшихся в опале после изгнания из «органов» начальника Особого отдела ОГПУ поляка Я. К. Ольского (176). Новым работником в Сибири стал начальник Транспортного отдела А. М. Боярский, проработавший до 1934 г. Из сибирских чекистов важное назначение ожидало И. А. Жабреву, ставшего начальником СПО полпреда.

При Алексееве руководство Сиблага допустило массовую гибель ссыльных на о. Назино в Нарыме, в связи с чем в ноябре 1933 г. был снят начальник Сиблага А. А. Горшков. В 1934 г. наблюдалась чехарда в руководстве оперчекотдела Сиблага, где сменяли друг друга В. Т. Радецкий, Н. А. Гротов, А. В. Черноиванов. А в конце 1934 г. и сам Алексеев был обвинён в провале оперативной работы, из-за чего якобы был

допущен «саботаж хлебозаготовок». Партийное руководство края за борьбу с «саботажем» и высокие цифры заготовленного зерна получило награды, а начальник УНКВД ЗСК был принесён в жертву и лишился должности.

Поскольку карьера Алексеева в Сибири закончилась крахом и в начале 1935 г. он был переведён в систему ГУЛАГа, то его слабый клан тут же рассыпался, найдя себе новых покровителей. Обязанный Алексееву карьерой С. П. Попов ограничился тем, что и после ареста наставника случайно сохранил его фотокарточку, не забыв осенью 1937 г. лично сфабриковать дело на одного из бывших разведчиков полпреда, которого связал со «шпионской» работой Алексеева в резидентурах ИНО ВЧК-ОГПУ (177). Часть соратников Алексеева разъехалась (Ильин, Роллер), остальные на ближайшие месяцы остались в Новосибирске (Баланда, Волков, Гаевский, Жабрев, Попов, Пульхров) и нашли новых покровителей. Некоторые сибиряки выбыли в УНКВД по Ленинградской области, которое в конце 1934 г. возглавил Л. М. Заковский.

В связи с частыми перебросками начальников те не всегда успевали создавать обширные кланы, но в любом случае пытались привезти и увезти с собой побольше соратников. Довольно яркая страница кадровой истории связана с именем В. А. Каруцкого, начальника УНКВД ЗСК с февраля 1935 по июль 1936 г., приехавшего в Новосибирск из Алматы. При нём начальник СПО И. А. Жабрев сохранил должность, но сменилось руководство Особого отдела (его возглавили Н. Д. Пик и его заместители Ф. П. Малышев с А. Н. Барковским), а начальником ЭКО и помощником начальника УНКВД стал приближённый Каруцкого С. М. Вейзагер. Из Казахстана прибыл и К. С. Жуков, назначенный в УИТЛК. Помнач ЭКО НКВД БССР А. В. Гуминский с декабря 1935 г. работал начальником ТО УНКВД ЗСК, а украинский транспортник Н. С. Велигодский тогда же стал его замом (178).

При Каруцком появились видные сотрудники из УНКВД по Ивановской промобласти – Д. Д. Гречухин, помначальника Особотдела А. П. Невский. В 1935–1936 гг. заметен взаимообмен новосибирских и ивановских чекистов – помначальника ЭКО УНКВД ЗСК В. С. Булачёв убыл на ту же должность в Иваново, заменив Гречухина, а должность начальника Особотдела Ивановского УНКВД занял новосибирец Ф. П. Малышев.

В сентябре 1935 г. замначальника УНКВД ЗСК М. А. Волков убыл в Ленинград, а на его место из северной столицы довольно загадочным образом прибыл ближайший соратник Заковского А. К. Залпетер, привезший с собой несколько второстепенных оперативников. Полгода спус-

тя, помимо Залпетера, в УНКВД ЗСК в качестве второго заместителя появился А.И. Успенский, за интриганство изгнанный из УНКВД по Московской области, что означало неизбежную конкуренцию между этими двумя «столичными» чекистами (в УНКВД обычно имелся только один заместитель по работе УГБ, а также помощник по неоперативным отделам, одновременно возглавлявший УРКМ). Громких отставок при Каруцком не было, но в июне 1936 г. начальник Сиблага М.М. Чунтонов, работавший в бытность Каруцкого полпредом ОГПУ в Казахстане начальником ОСП и Карлага ОГПУ, подлежал снятию за «плохое руководство лагерем, невыполнение плана отправки рабочей силы на стройки НКВД и плохое использование заключённых» (179).

Вынужденный отъезд Каруцкого, снятого летом 1936 г. за пьянство и недостаток бдительности, помешал ему собрать убедительную команду. Правда, новый начальник УНКВД ЗСК В.М. Курский, выходец из клана чекистов Северного Кавказа, избавившись от Залпетера, выдвинутого в Красноярск, начальника СПО Жабрева, убывшего в Москву, и С.М. Вейзагера, прекрасно сработался с замначальника управления А.И. Успенским, ставшим единственным замом Курского. Курский в октябре 1936 г. выдвинул М.М. Подольского на помощника начальника УНКВД ЗСК. Замначальника СПО А.А. Ягодкин оказался повышен до главы Транспортного отдела, замначальника ЭКО Д.Д. Гречухин возглавил ЭКО, а его заместителем стал прибывший из Ленинграда А.А. Яралянц (180).

В августе 1936 г., сразу после прибытия в Новосибирск, В.М. Курский ознакомился с состоянием дел по «троцкистскому заговору» и решил всемерно форсировать следствие по нему. На некоторое время основные оперативные отделы краевого УНКВД перестали существовать, ибо Курский организовал особую следственную группу, которую перебросил на «троцкистское дело». В неё вошли Успенский, начальники отделов, их замы и начальники отделений – С.П. Попов, Г.Д. Погодаев, Д.Д. Гречухин, М.И. Голубчик, А.А. Яралянц, Г.М. Вяткин, А.П. Невский, вплоть до начальника оперотдела УПВО полковника Г.А. Петрова (181). Задача, поставленная перед этой грандиозной следственной группой – вскрыть мифический «Сибирский троцкистский центр», курировавший «заговорщиков» и «диверсантов» региона – в течение осени была успешно решена. Наградой стало повышение Курского до поста начальника СПО ГУГБ НКВД уже в конце ноября 1936 г.

Второй по счёту «северокавказец», С.Н. Миронов, проработал в Новосибирске немногим более полугода. Сначала его замом оставался Ус-

пенский, который активно интриговал: так, из-за конфликта с Успенским заместитель начальника Особотдела СибВО А.Н. Барковский несколько месяцев фактически не работал, будучи отозван в Москву, но после отъезда Успенского восстановил позиции (182). Миронов, дождавшись откомандирования Успенского, весной 1937 г. призвал с Северного Кавказа видных чекистов, которые последовательно сменяли его на должности начальника УНКВД ЗСК-НСО – заместителя Г.Ф. Горбача и помощника И.А. Мальцева. Для Мальцева это было возвращение с повышением в Сибирь, откуда он был вынужден уехать семью годами ранее за фабрикацию дела «Русь».

Начальниками основных отделов при Миронове были: С.П. Попов (СПО), Д.Д. Гречухин (КРО), А.П. Невский (ДТО). Дела в Особом отделе Миронов поручил своему помощнику М.М. Подольскому, но в мае 1937 г. раскритиковал деятельность особистов, которые не могли отыскать армейских «троцкистских заговорщиков», и поручил руководство Особым отделом в качестве дополнительной нагрузки начальнику СПО Попову, а затем – начальнику КРО Гречухину (183). Вскоре Подольский был откомандирован в Москву.

Летом–осенью 1937 г. из УНКВД ЗСК, считавшегося Ежовым одним из передовых, были отозваны многие начальники подразделений, получившие самостоятельную работу. В связи с этим сменивший в августе 1937 г. убывшего в Монголию Миронова Г.Ф. Горбач, работавший в Новосибирске до апреля 1938 г., выдвинул на должность начальников КРО и СПО начальников отделений этих отделов молодых чекистов Ф.Н. Иванова и К.К. Пастаногова. Заместителем Горбача был И.А. Мальцев, возглавивший УНКВД весной 1938 г. При нём был арестован начальник ДТО Невский (заменённый его заместителем Б.А. Розиним), а на должность заместителя начальника УНКВД выдвинут глава Сталинского оперсектора А.С. Ровинский.

После ареста Мальцева в конце января 1939 г. областное управление НКВД возглавили прибывшие с партийной работы Г.И. Кудрявцев и Ф.М. Медведев. Особым отделом ГУГБ НКВД СибВО с конца 1938 г. руководил майор ГБ А.П. Можин, бывший командир-комиссар железнодорожных войск. Начальником СПО в 1939 г. был выдвинут бывший замначальника Сталинского ГО НКВД И.Б. Почкай, Отдела кадров – новый в Новосибирске А.С. Киселев, 11-го отдела – бывший оперработник ДТО и КРО А.Д. Белкин, ДТО – бывший помощник и врид начальника ДТО НКВД Юго-Восточной железной дороги В.Е. Киселевич. И только КРО и 2-й спецотдел остались за их прежними начальниками Ф.Н. Ивановым и В.С. Судаковым.

Последний серьёзный этап кадровой истории УНКВД НСО рассматриваемого периода приходится на весну 1941 г., когда за необоснованные репрессии начальник УНКГБ Г.И. Кудрявцев и начальник УНКВД Ф.М. Медведев были сняты, руководители КРО и Следчасти Ф.Н. Иванов и Б.В. Панчурин – арестованы (ненадолго), а ещё ряд чекистов оказались понижены в должности (184). Одновременно с этими событиями шло трудное формирование аппаратов УНКГБ и УНКВД, испытывавших серьёзную нехватку работников.

Таким образом, если в первой половине 30-х годов руководство ПП ОГПУ-УНКВД ЗСК было весьма стабильным, то в 1935–1941 гг. управление НКВД ЗСК-НСО пережило череду начальников, которых сменилось семеро. Это обстоятельство, естественно, повлекло за собой чехарду перемен и в среднем руководящем слое управления.

РУКОВОДЯЩИЕ КАДРЫ

Начальствующий состав соседних западносибирских регионов в середине и второй половине 30-х годов выглядел следующим образом. В октябре 1937 г. УНКВД ЗСК был разделён на управления по Новосибирской области и Алтайскому краю. Начальником УНКВД по Алткраю стал капитан ГБ С.П. Попов. Вокруг Попова сформировался круг его новосибирских знакомых. Помощниками стали Г.Л. Биримбаум и П.Р. Перминов (он же – начальник СПО), начальником КРО – И.К. Лазарев, начальником ДТО – И.Я. Шутин, начальником Особого отдела – К.С. Жуков (в июне 1938 г. впавший в немилость и назначенный руководить ОмЗ). Прибывший из Москвы в начале 1938 г. на должность заместителя Е.П. Никольский стал близким соратником Попова. В этот период из крупных работников в июне 1938 г. был арестован начальник УНКВД Ойротской АО майор ГБ М.М. Жигунов, бывший по званию на ступень выше Попова; самого же Попова арестовали в декабре 1938 г. (185).

Клан Попова в лице основных представителей в 1939 г. оказался репрессирован либо изгнан из НКВД. Новый начальник УНКВД по Алткраю З.В. Николаев опирался преимущественно на местные кадры, выдвигая оперативников среднего звена, показавших себя в эпоху «Большого террора». Недавний оперработник ЭКО УНКВД М.А. Тополин был его заместителем в 1939–1941 гг., начальником СПО работал С.И. Миков, КРО – А.И. Антонов, Следчасти – сначала И.Я. Юркин, а после его ареста – И.И. Ренцев. В 1940 г. начальником 3-го ЭКО был И.И. Бетин, впоследствии дослужившийся до генеральских чинов. В 1940 – начале

1941 гг. аппарат управления, не испытывавший перемен в руководящем звене, был достаточно стабилен.

Руководство образованного в 1934 г. ПП ОГПУ – УНКВД по Обско-Иртышской области во главе с С.В. Здоровцевым пришло из подразделения полпреда ОГПУ по Уралу. Начальник Тюменского оперсектора ОГПУ-НКВД С.И. Поляков одновременно являлся заместителем полпреда ОГПУ – начальника облУНКВД. Начальником ЭКО УНКВД был Н.Г. Кузенко, бывший украинский эсер-максималист; начальником СПО – Ф.А. Наговицын (в конце 20-х годов работавший замначальника Тобольского окротдела ОГПУ и участвовавший в вымогательстве денег и ценностей у ссыльных (186); начальником Особотдела – П.М. Дудин (бывший сотрудник ПП ОГПУ по Уралу); начальником ОТП – И.А. Сеге. Уполномоченным спецотделения являлся Л.Я. Елизаров, видными работниками СПО – Д.С. Ляпцев, Н.Ф. Шеваров, М.М. Татаринцева.

Когда 13 декабря 1934 г. УНКВД по Обско-Иртышской области было расформировано, его основные работники получили должности в Омске, хотя нередко и с понижением. За счёт аппарата упразднённых УНКВД и Омского оперсектора УНКВД ЗСК был сформирован аппарат УНКВД по Омской области. Заместителем начальника УНКВД стал С.В. Здоровцев. Н.Г. Кузенко являлся начальником отделения ЭКО УНКВД, Ф.А. Наговицын – начальником отделения и помначальника СПО УНКВД, а И.А. Сеге получил должность начальника ОмЗ и ТП УНКВД по Омской области. П.М. Дудин сначала возглавил Тюменский ГО НКВД, а в 1936–1938 гг. руководил Остяко-Вогульским (Ханты-Мансийским) окротделом УНКВД по Омской области. Л.Я. Елизаров был повышен и занял должность особоуполномоченного УНКВД.

Основные посты достались выдвинутым начальником УНКВД Э.П. Салыня. После ареста Салынь показал, что при организации Омской области, куда он прибыл из Крыма, пришлось поначалу работать без начальников ведущих отделов и при большом некомплекте кадров. Тем не менее, опираясь на прибывших с ним и немного позднее чекистов, Салынь достаточно быстро создал работоспособный аппарат, состоявший из управления НКВД по Омской области, Тюменского оперсектора, Тарского, Тобольского, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского окружных отделов, ДТО НКВД Омской железной дороги.

Руководящий аппарат УНКВД был сформирован почти целиком из приезжих (сохранил прежнюю должность только К.Л. Стайко, проработавший начальником ДТО ОГПУ-НКВД Омской железной дороги с 1933 по 1937 г.). Начальником СПО, ставшим в начале 1937 г. и помощни-

ком начальника УНКВД, был работавший с Салынем в Крыму Я.П. Нелиппа. Начальником ЭКО УНКВД был назначен капитан ГБ И.С. Бажанов, начальником Отдела кадров – бывший руководитель ОК УНКВД ЗСК И.А. Воронцов. Оказалась заметна латышская группа – начальник отделения СПО А.К. Рудэнс, будущий начальник КРО А.Я. Сиекс, начальник отделения ЭКО-КРО УНКВД О.С. Стильве (187).

Начальником Особого отдела в 1935 г. работал видный чекист поляк Ю.И. Маковский, бывший помощник начальника КРО ОГПУ СССР, резидент ИНО ОГПУ в Париже и Польше. Соплеменник Маковского М.Л. Вшеляки также занял ответственную должность в УНКВД. Вшеляки давно работал с Салынем, принимал участие в поимке видного английского разведчика Сиднея Рейли. В Ленинграде, а затем в Крыму он работал под руководством Салыня, с ним и приехал на руководящую работу в Омск (188). Из Новосибирска и Томска прибыли особысты М.А. Маломет и М.И. Волоцкий, работник СПО УНКВД ЗСК Я.С. Турчанинов. В марте 1936 г. в Омск переехал бывший начальник Спецотдела УНКВД ЗСК М.И. Янкевич, назначенный начальником особотдела НКВД 73-й стрелковой дивизии (189).

Салынь, поддерживая обстановку повышенной бдительности после убийства Кирова, тут же провёл показательную акцию по чистке оперсостава, арестовав ряд сотрудников среднего звена. В январе 1935 г. были арестованы начальник особотдела 254-й авиабригады в Омске П.А. Капитонский (как представитель «исторической контрреволюции») и начальник отделения ДТО Омской железной дороги А.Я. Карклис (за антисоветскую агитацию). В самом конце 1935 г. был отозван в Москву и арестован начальник Особого отдела УНКВД Ю.И. Маковский, которого сначала обвиняли в растрате валюты в бытность резидентом, а затем – в шпионаже (190).

В конце июля 1937 г. Салынь был снят и вскоре арестован, а УНКВД в течение трёх недель возглавлял Г.Ф. Горбач, которого в августе сменил бывший помощник начальника УНКВД по Орджоникидзевскому краю К.Н. Валухин. Другой бывший «северокавказец» и помощник начальника УНКВД по Киевской области капитан ГБ В.А. Двинянинов с августа 1937 до конца 1939 г. работал начальником ДТО НКВД Омской железной дороги, а на июнь 1938 г. проходил по протоколам обкома ВКП(б) как замначальника УНКВД (191). В августе 1937 г. на должность начальника СПО прибыл из Архангельска, где занимал аналогичную должность, капитан ГБ Г.Н. Саенко. В декабре 1937 г. должность заместителя начальника УНКВД занял ещё один «северокавказец» З.А. Волохов.

Все основные начальники отделов при Горбаче и Валухине были сняты и арестованы. Одним из немногих уцелевших латышей (вместе с О.С. Стильве) был А.Я. Сиекс, работавший в ЧК-НКВД с 1919 г. и в 1937–1938 гг. занимавший пост начальника КРО УНКВД по Омской области (192).

Когда в начале мая 1938 г. Валухин был переведён на партийную работу, его сменил З.А. Волохов, работавший в основном с прежней командой – Саенко, Двиняниновым и др., которая тем не менее подвергалась чистке. Начальник Водного отдела УНКВД с сентября 1937 по сентябрь 1938 г. В.И. Шинкаров был снят за нарушения законности. Давно работавший в Омске начальник Особотдела УНКВД М.Л. Залкин в августе 1938 г. был исключён из партии за скрывание соцпроисхождения и снят с работы (193). Напротив, выдвинулся помощник Залкина В.Г. Каган, в сентябре 1938 г. назначенный начальником КРО УНКВД (194).

После ареста Волохова в январе 1939 г. его заменил М.Е. Захаров, проработавший в Омске до 1943 г. При нём за репрессии были арестованы Г.Н. Саенко, начальник отделения ДТО О.О. Вазбис, начальник Ямало-Ненецкого окротдела А.И. Божданкевич с группой сотрудников, начальник Ишимского РО Н.А. Бараусов, уволены некоторые начальники отделов. Начальник СПО НКВД Азербайджанской ССР А.С. Рассказчиков с сентября 1938 по декабрь 1939 г. являлся заместителем начальника УНКВД по Омской области, но был снят по инициативе М.Е. Захарова за помощь посылками и деньгами сосланным брату и тестю, а также необоснованные аресты свыше 40 чел., затяжку в «освобождении лиц, явно невиновных». Активный участник террора М.С. Коцнерубо к 1939 г. дослужился до начальника СПО УНКВД, но был снят за нарушения законности, использование вещей арестованных и в конце 1939 г. его заменил прибывший из Новосибирской области М.П. Бирюков (195).

Среди выдвинутых Захарова можно назвать Г.Л. Сигарева, с 1940 г. работавшего начальником ЭКО УНКВД, а в 1941 г. выдвинутого на должность замначальника УНКВД. Начальник Гольшмановского РО ОГПУ-НКВД Г.Г. Старинов (брат легендарного диверсанта И.Г. Старинова) был выдвинут в СПО и в 1939 г. стал помощником начальника СПО УНКВД (196).

В УНКВД по Омской области с 1935 по 1939 г. сменилось пять начальников, из которых четверо оказались репрессированы. Особенностью состава УНКВД было наличие до 1938 г. заметной прослойки руководителей из числа латышей и поляков, а также массовые репрессии

в отношении начальников отделов в 1937–1938 гг. Напротив, в 1939–1940 гг. за нарушения законности были арестованы сравнительно немногие руководители, репрессии коснулись большей частью представителей среднего и низшего чекистского звена.

Что касается созданного в августе 1930 г. полпредства ОГПУ – управления НКВД по Восточно-Сибирскому краю, то оно, несмотря на шестилетнее пребывание в должности полпреда и начальника Я. П. Зирниса, отличалось кадровой нестабильностью. Работа в Восточной Сибири не прельщала основную часть оперработников, и они не задерживались в Иркутске. Это касалось и заместителей полпреда, и начальников основных отделов. С сентября 1930 по декабрь 1931 г. заместителем Зирниса работал В. Н. Гарин, привезший в Иркутск опытных чекистов Я. Я. Веверса и Г. Д. Долгова, которые, впрочем, на новом месте не укоренились. Долгов, работавший начальником Киренского окротдела, с декабря 1930 г. руководил Киренским оперсектором ОГПУ, в 1932 г. работал начальником Канского ГРО ОГПУ и тогда же покинул край, получив в 1933 г. незначительную должность начальника инспекции пожарной охраны в Башкирии. Начальник ЭКО полпредства Я. Я. Веверс недолго сохранял пост и в 1931 г. оказался понижен до начальника Отдела спецпоселений, после чего тоже был откомандирован из региона.

После отъезда В. Н. Гарина последовал любопытный кадровый изгиб: из нафталина достали бывшего председателя Иваново-Вознесенской губчека и заместителя полпреда ОГПУ по ЛенВО И. Л. Леонова, уволенного в запас в 1927 г. и работавшего директором совхоза. И. Л. Леонов с июля 1931 г. по 1932 возглавлял СОУ и являлся заместителем полпреда, после чего снова был вынужден уйти с работы в ОГПУ. Можно предположить, что старый ленинградский чекист Леонов «перетасил» из северной столицы в Иркутск кого-то из сотрудников. Например, в 1931–1933 гг. помощником начальника СПО ПП работал бывший ленинградский чекист И. К. Петров-Давыдов.

С сентября 1932 г. по декабрь 1934 г. заместителем у Зирниса работал К. А. Павлов, ранее возглавлявший Шахтинский и Пятигорский оперсекторы ОГПУ. Видный украинский чекист, начальник Винницкого оперсектора ГПУ УССР А. Г. Грозный (Сафес) в декабре 1931 г. прибыл в Иркутск, вероятно, как креатура В. Н. Гарина, который в то время как раз убыл на Северный Кавказ, и до марта 1933 г. работал заместителем ПП ОГПУ ВСК по милиции, после чего уехал в Астрахань (197). В 1932 г. начальником СПО полпредства был Д. И. Просви́рин, в ноябре того же года сменённый старым чекистом В. И. Крестьянкиным, работавшим

в Орле, Крыму, Средне-Волжском крае, Иванове и Казани, и покинувшим Иркутск в январе 1935 г. (198).

В начале 30-х годов начальниками Особого отдела ВСВО работали опытные сотрудники КРО аргузовской школы А. М. Борисов и И. Ф. Чибисов. Начальник Тобольского окротдела и помначальника Особотдела ПП ОГПУ по Уралу Ф. И. Мухачёв с 1931 г. работал в Особом отделе ПП ОГПУ ВСК, а затем был переброшен на Дальний Восток. Чекист польского происхождения Н. Ф. Рунич (Краживковский), в середине 20-х годов работавший с Зирнисом в Особом отделе ЗапВО, с июля 1933 г. был начальником Особотдела ПП ОГПУ-УНКВД по ВСК, а с апреля 1935 по июль 1937 г. являлся замначальника УНКВД по ВСК-ВСО, после чего был арестован и в 1939 г. расстрелян. С 1929 г. в КРО ГПУ УССР трудился М. М. Хомяков, вероятно, прибывший в Иркутск вместе с Гариным и работавший замначальника Особого отдела, а в 1935–1936 гг. – начальником Особотдела УНКВД ВСК.

Кадровая чехарда в Иркутске касалась всех основных подразделений. Прибывший из Средней Азии Д. М. Денисов в 1931–1932 гг. руководил аппаратом ЭКО полпредства, затем работал начальником Красноярского оперсектора ОГПУ, возглавлял АХО и ОШОСДОР УНКВД ВСК. Приехавший из Крыма И. Д. Гибшман-Ивановский в 1934–1935 г. возглавлял ЭКО ПП ОГПУ-УНКВД ВСК (199). В 1936 г. начальником ЭКО УНКВД работал старший лейтенант ГБ Римский, арестованный в 1937 г. Прибывший из Ленинграда С. Ф. Монаков в 1936 г. руководил аппаратом Транспортного отдела ОГПУ-НКВД Восточно-Сибирской железной дороги, после чего убыл в Курск.

Драматически сложилась судьба старого чекиста Ф. М. Крумина, имевшего опыт работы в особых, пограничных и территориальных органах ОГПУ. С должности начальника 51-го погранотряда ОГПУ, базировавшегося в г. Троицкосавске БМАССР, этот кавалер ордена Красного Знамени в феврале 1931 г. прибыл в Иркутск на должность начальника УРКМ и помощника полпреда ОГПУ ВСК по милиции. Но уже в июле 1931 г. Крумин погиб в бою с повстанческим отрядом бывшего красного партизана И. Я. Князюка.

После Зирниса, отставленного в конце 1936 г., руководители УНКВД менялись каждые несколько месяцев. Сначала на должность начальника УНКВД ВСО прибыл – фактически в предарестную ссылку – снятый с должности начальника Особого отдела ГУГБ верный сподвижник Ягоды М. И. Гай, но уже в апреле следующего года он был снят и арестован. Его сменил Г. А. Лупекин, много лет проработавший с Заковским в Си-

бири, Минске и Ленинграде. Новый начальник активно разоблачал «врагов», связанных с арестованными Зирнисом и Гаем: Н.Ф. Рунича, капитана ГБ С.М. Долинского-Глазберга, работавшего замначальника УНКВД по Днепропетровской области и только весной 1937 г. прибывшего в Иркутск. В октябре 1937 г. за связи с врагами из партии был исключён начальник ДТО УНКВД И.Г. Рыбчинский, арестованный год спустя (200).

В 1936–1937 гг. начальником СПО УНКВД ВСО работал капитан ГБ А.К. Рождественский, сменённый М.В. Рогожиным. Помначальника УНКВД по Куйбышевскому краю Рогожин в июне 1937 г. получил строгий партвыговор за грубость, зазнайство, «некоторые элементы излишества и использование сотрудников для личных целей» и тогда же был переведён на должность начальника СПО и помначальника УНКВД ВСО – Иркутской области. В декабре 1937 г. Рогожин был арестован, сначала осуждён на 8 лет, а в 1939 г. расстрелян как «заговорщик» (201).

Работавший в Ленинграде В.В. Осокин прибыл в Иркутск вместе с Г.А. Лупекиным и возглавил там управление пограничной и внутренней охраны УНКВД; весной 1938 г. он был переброшен на Украину, а после бегства А.И. Успенского некоторое время руководил НКВД УССР. В январе 1938 г. Лупекин был откомандирован из Иркутска и получил назначение в Ростов. Его сменил выходец из северокавказского клана и заместитель начальника Отдела охраны ГУГБ НКВД Б.А. Малышев (Ф.Л. Ильюченко), проработавший год – до своего ареста в январе 1939 г. (202).

При нём, помимо Осокина, работали начальник КРО УНКВД А.Н. Троицкий, прибывший из Оренбурга и в мае 1938 г. отозванный на Украину к Успенскому (в мае 1938 – марте 1939 гг. аппаратом КРО руководил прибывший из Винницы капитан ГБ Г. Б. Толчинский), начальник ДТО П.Е. Помялов, начальник СПО М.П. Бучинский. В 1938 г. заместителями начальника УНКВД были П. Сарычев, бывший врид начальника Особого отдела (репрессирован), и Н.А. Васильюти, в конце года переведённый в ГУЛАГ и вскоре репрессированный.

В 1939 г., помимо Малышева-Ильюченко, были арестованы основные руководители управления. Работавший в Сибири и Татарии начальник ДТО Туркестано-Сибирской железной дороги П.Е. Помялов с декабря 1937 по 1939 г. руководил ДТО НКВД Восточно-Сибирской железной дороги, арестовав более 3.000 чел., после чего сам был «изъят» (203). Особополномоченный УНКВД по Иркутской области в 1938 г. П.А. Шевелев затем был расстрелян за нарушения законности. Начальник отдела

УГБ УНКВД старший лейтенант ГБ Ю.С. Степин не позднее 1939 г. был исключён из партии как арестованный (204). Были осуждены к заключению в лагерях руководители СПО УНКВД – М.П. Бучинский (начальник СПО), И.Д. Верещагин (заместитель), И.Ф. Котин (начальник отделения).

Таким образом, очевидно, что Зирнису не удалось создать сколько-нибудь заметного клана и аппарат при нём подвергался постоянной ротации. Этот процесс резко усилился при сменявших его в 1936–1939 гг. троих начальниках УНКВД, также, как и Зирнис, подвергнутых репрессиям.

О составе первого управления НКВД по Читинской области, которое в 1934 г. возглавлял С.Г. Южный (начальник Читинского оперсектора ОГПУ с августа 1933 г.), сколько-нибудь подробными сведениями мы не располагаем. Известно, что в сентябре–декабре 1934 г., после отъезда Южного, управлением руководил Х.С. Петросьян. После упразднения УНКВД Петросьян до июля 1937 г. руководил аппаратом Читинского оперсектора УНКВД ВСК, одновременно с августа 1936 г. являясь помначальника УНКВД ВСК и начальником Особотдела ГУГБ НКВД ЗабВО. В январе–июне 1937 г. Петросьян арестовал по оперсектору 438 чел., а в июле 1937 г. был сам репрессирован как участник правотроцкистской организации (205). После ареста Петросьяна оперсектором руководил его заместитель Н.С. Смирнов, затем назначенный начальником Водного отдела УНКВД по Читинской области (206).

Когда осенью 1937 г. было снова образовано УНКВД по Читинской области, его возглавил прибывший из Белоруссии майор ГБ Г.С. Хорхорин. Начальник СПО УНКВД Орджоникидзевого края капитан ГБ Н.Д. Крылов с октября 1937 г. являлся заместителем начальника УНКВД, подтверждая влияние чекистов «северокавказского клана» на очень многие региональные управления и наркоматы. Помощник наркома внутренних дел Туркмении А.И. Слюсаренко с октября 1937 по 1940 г. работал помощником начальника облУНКВД (207). Остальные руководители были привезены Хорхориным из Белоруссии: начальник СПО УНКВД капитан ГБ Г.Я. Врачёв, заменявший Хорхорина в периоды его отсутствия (208), начальник КРО Я.С. Каменев, особоуполномоченный УГБ УНКВД М.А. Перский, начальник Особотдела УНКВД и одновременно замначальника Особого отдела ЗабВО А.Д. Видякин (209). Начальником УРКМ УНКВД стал также выходец из Белоруссии И.Г. Бузузов.

Серьёзные репрессии в руководстве УНКВД были проведены Хорхориным весной 1938 г., когда подверглись аресту начальник Оперода

УНКВД Н. Ф. Кудрявцев и начальник Водного отдела Н. С. Смирнов. До того, в январе, начальник СПО УНКВД Г. П. Кусмарцев был арестован за разглашение во время поездки в поезде секретных сведений о работе НКВД, за что провёл полтора года в тюрьме (210). В июне 1938 г. арестовали как «заговорщика» заместителя начальника СПО УНКВД А. М. Белоногова. Начальник ДТО ГУГБ НКВД Забайкальской железной дороги (им. Молотова) капитан ГБ И. Ф. Мартынов, с октября 1937 г. по август 1938 г. арестовавший до 3.000 чел., сам затем был арестован и расстрелян (211). Начальник Агинского окротодела УНКВД бурят М. Х. Хамаганов в 1938 г. был арестован как член «панмонголистской контрреволюционной организации» (212). Много арестовано в 1937–1938 гг. было рядовых оперработников и руководителей среднего звена.

В конце 1938–1939 гг. за нарушения законности и прочие преступления подверглись репрессиям целый ряд видных чекистов. После ареста Хорхорина в декабре 1938 г. были арестованы Я. С. Каменев (расстрелян), замначальника ДТО НКВД М. Ф. Семёнов (расстрелян), М. А. Перский, Г. Я. Врачёв (осуждены на 10 лет). В 1939 г. арестовали за служебные преступления начальника облмилиции И. Г. Бутузова, но вскоре освободили. Начальник тюремного отделения УНКВД Д. Г. Потапейко в ноябре 1939 г. был арестован за злоупотребления властью и получил 4 года ИТЛ (213). Начальник УПВО НКВД ВСВО комбриг С. Д. Барановский был арестован в 1939 г. по политическим обвинениям, расстрелян и впоследствии реабилитирован. Замначальника Особотдела ГУГБ НКВД ЗабВО А. Д. Видякин в 1939 г. обвинялся в незаконном аресте 517 чел., впоследствии освобождённых, у которых изощрёнными издевательствами вымогались признательные показания. В 1940 г. Видякин был осуждён к расстрелу, его заместитель Л. П. Логачёв – к 10 годам ИТЛ. С 1938 г. начальником КРО УНКВД был М. В. Войнов, арестованный в январе 1940 г. и расстрелянный (214).

После ареста в начале 1939 г. замначальника УНКВД Крылова его заменил бывший руководитель Рухловского ГО НКВД П. Н. Куцерубов, с августа 1938 г. назначенный начальником отдела УНКВД и привёзший в Читинскую область целую группу «лучших мастеров-мордобоев», а с 1939 г. в чине капитана ГБ являвшийся заместителем начальника УНКВД по Читинской области. Куцерубов в 1940–1941 гг. находился под следствием за нарушения законности, но затем оказался освобождён. Помощник начальника УНКВД А. И. Слюсаренко отделался увольнением из «органов» за санкционирование массовых арестов (215).

При новом начальнике УНКВД по Читинской области П. Т. Куприне за нарушения законности были репрессированы десятки чекистов сред-

него и низшего звена, а многие арестованные Хорхориным сотрудники вышли на свободу. В конце 1939 г. Куприна перебросили в Хабаровск. В ноябре 1939 г. управление возглавили сотрудники Следственной части ГУГБ НКВД СССР: старший следователь Следчасти ГЭУ И. Б. Портнов и назначенный его заместителем В. И. Гавриш, бывший помощник начальника Следчасти ГУГБ НКВД (216). Контрразведывательный отдел был поручен младшему лейтенанту ГБ В. Ф. Артамонову, заместителем начальника Особотдела ГУГБ НКВД ЗабВО был А. П. Леонов. Начальниками отделов работали Д. С. Фельдман, Н. Ф. Широков, Г. Б. Москвичёв (217). На должность начальника Отдела кадров был выдвинут второстепенный партийный работник В. И. Аношкин. В 1939–1940 гг. врид начальника управления Букачачинского ИТЛ НКВД работал снятый с должности замначальника УНКВД НСО А. С. Ровинский. Начальник Агинского окротодела УНКВД А. П. Шаньгин в мае 1941 г. получил назначение начальником Разведотдела УНКГБ по Читинской области (218).

Для кадровой истории УНКВД по Читинской области 1937–1939 гг. были периодом непрекращавшегося жестокого разгрома кадров, в т. ч. нижестоящих работников, ставших жертвами как политических чисток от «заговорщиков» и «шпионов», так и расплаты за активное участие в репрессиях.

Одновременно с Омской областью в конце 1934 г. создавался Красноярский край, большая часть которого была сформирована из территории Восточно-Сибирского края с прибавлением входивших в Запсибкрай бывших Ачинского и Минусинского округов, а также Хакасской АО. Управление НКВД по Красноярскому краю возглавил (до сентября 1936 г., когда его сменил А. К. Залпетер) бывший заместитель начальника УНКВД по Восточно-Сибирскому краю К. А. Павлов. Обращает на себя внимание, что А. И. Горбунов, назначенный замначальника УНКВД по Красноярскому краю, прибыл в Сибирь одновременно с новым начальником УНКВД ЗСК В. А. Каруцким, у которого в 20-х годах Горбунов работал заместителем в Амурском губотделе ОГПУ и в ГПУ Туркмении; в январе 1936 г. Горбунов умер. Помощником Павлова и одновременно начальником СПО стал В. И. Крестьянкин, вынужденно уехавший с должности начальника СПО в Татарии и до января 1935 г. руководивший аппаратом СПО в Иркутске. Одним из начальников отделения в СПО УНКВД стал бывший активный работник Барнаульского оперсектора ОГПУ М. С. Матусевич, деятельно участвовавший в фабрикации «заговоров» 1933 г. (219). С июня 1935 г. начальником Транспортного отдела работал П. Ф. Коломийц – бывший замначальника ТО НКВД Восточно-Сибирской железной дороги.

Для УНКВД по Красноярскому краю первых лет существования характерна выраженная кадровая чехарда: в 1935–1938 гг. его возглавляли К. А. Павлов, А. К. Залпегер, Ф. А. Леонюк, Д. Д. Гречухин, А. П. Алексеенко. В сентябре 1936 г. работа Павлова была признана недостаточной, он оказался понижен до замначальника УНКВД по Азово-Черноморскому краю и лишь летом следующего года смог получить самостоятельную работу в Крыму.

С новым начальником УНКВД А. К. Залпегером в Красноярск осенью 1936 г. убыли из Новосибирска начальник Транспортного отдела А. В. Гуминский (на аналогичную должность), начальник УРКМ З. И. Рабинович, ставший начальником краймилиции и помощником начальника УНКВД, комендант М. И. Пульхров (на ту же должность), начальник ХОЗО УНКВД по ЗСК М. И. Пуговкин и его жена, оперработник СПО А. С. Пуговкина, а также снятый с должности замначальника УИТЛК УНКВД ЗСК Н. А. Грогов (220). Начальник Отдела трудколоний УНКВД ЗСК В. И. Анастасенко в 1937 г. работал в ДТО УНКВД. В Красноярск Залпегер увёз особоуполномоченного УНКВД ЗСК А. К. Супьева, а также замначальника Томского ГО НКВД В. П. Журавлёва и работника ЭКО Ф. В. Рязанцева, ставших активнейшими участниками террора. Из Иванова в Красноярск на должность начальника ЭКО прибыл В. С. Булачёв (221).

Залпегер избавился от бывшего начальника УСВИТЛ НКВД Р. И. Васькова, с 1935 г. руководившего аппаратом ОТП и МЗ УНКВД по Красноярскому краю. Васьков в январе 1937 г. был уволен и в том же году расстрелян. В апреле 1937 г. Залпегер получил ответственный пост начальника Отдела охраны ГУГБ НКВД СССР и был заменён Ф. А. Леонюком, бывшим зампредом ГПУ УССР и начальником УНКВД по Куйбышевскому краю. Но уже в июле 1937 г. Леонюк был раскритикован Ежовым за недостаточное рвение и в сентябре переброшен в ГУЛАГ, в итоге счастливо избежав репрессий. Его сменил прибывший из Новосибирска помощник начальника УНКВД ЗСК Д. Д. Гречухин, который в феврале следующего года убыл на Украину, в команду А. И. Успенского. Последним начальником краевого УНКВД эпохи террора стал А. П. Алексеенко, сохранивший должность до января 1939 г. (222).

Разгром партийной верхушки Красноярского края летом 1937 г. привёл к террору против ряда видных чекистов. Ещё при Леонюке в июне 1937 г. был арестован и вскоре расстрелян начальник СПО В. И. Крестьянкин. Сменивший его начальник СПО и помощник начальника УНКВД по Красноярскому краю М. Г. Бузулуков был арестован в сентябре

1937 г. и как участник правотроцкистской организации осуждён на 15 лет ИТЛ.

Начальником СПО при Гречухине и Анастасенко работал прибывший из Свердловска А. С. Блинов, начальником КРО – В. С. Булачёв, выдвинутый в начале 1938 г. в заместители начальника УНКВД. Замначальника и вридначальника Особотдела УНКВД в 1936–1937 гг. работал П. Ф. Коломийц, в октябре 1937 г. переброшенный в Новосибирск. Краслаг НКВД в 1938–1940 гг. возглавлял С. И. Шатов-Лифшен (223), сменивший Г. М. Почтарёвым. В феврале 1938 г. руководство УНКВД по Красноярскому краю пополнили выходцы из Белоруссии и Украины: начальник Витебского ГО НКВД И. А. Горбеленя стал помощником начальника УНКВД, а начальник Шепетовского окротдела НКВД УССР В. Е. Лебедев – начальником КРО.

Из других видных работников можно назвать Н. П. Хмарина – начальника УНКВД Хакасской АО в 1935–1938 гг., успевшего арестовать ок. 5.000 чел., затем руководившего милицией края, с 1939 г. начальника мобинспекции УНКВД, с 1940 г. – начальника 3-го ЭКО УНКВД по Красноярскому краю (224). В. Ф. Пазин в 1937–1938 гг. был начальником оперсектора, помощником начальника Водного отдела УНКВД, а в 1939 г. возглавлял Особый отдел и 3-й ЭКО УНКВД по Красноярскому краю. В 1939 г. этот старший лейтенант ГБ был уволен из НКВД за нарушения законности, исключён из партии, но Красноярский крайком ВКП(б) восстановил его в «рядах» (225).

В 1939–1940 гг. из УНКВД были изгнаны начальник СПО А. П. Стрельник, начальник КРО В. Е. Лебедев и ряд их подчинённых. За участие в терроре осуждены были Лебедев (освобождён в 1941 г.), начальник Минусинского оперсектора НКВД А. С. Алексеев и помощник начальника НКВД Хакасской АО И. И. Дзедатайс (226), начальник Водного отдела УНКВД В. И. Анастасенко, многие начальники райотделов и уполномоченные. Картина чисток и репрессий в Красноярском УНКВД типична для данного периода – репрессии против «своих» были жёстче, чем в Омске или Барнауле, но, пожалуй, уступали погрому в Читинском УНКВД.

Таким образом, для сибирского руководящего состава 1930-х годов это десятилетие было столь же драматичным, как и для элиты ОГПУ-НКВД в целом. Создавались и рассыпались кланы вокруг видных чекистов, заметная часть чекистов в первой половине 30-х годов разоблачалась и наказывалась за служебные злоупотребления. С середины 30-х годов ротация чекистов резко усилилась, достигнув апогея во второй половине 1937 – первой половине 1939 г. Из начальников УНКВД Си-

бири середины 30-х годов уцелели только К. А. Павлов и Ф. А. Леонюк, остальные были уничтожены или покончили самоубийством. Подверглась репрессиям и основная часть начальников отделов, многие руководители среднего звена. О. Б. Мозохин ложно утверждает, что при Ежове было арестовано 14 тыс. чекистов, большинство которых оказались приговорены к расстрелу (227). На деле жертвами ежовщины стали не более 2,5 тыс. оперработников, преимущественно активных участников террора, из которых расстреляли, вероятно, меньшую часть.

Везде в 1939–1941 гг. на руководящие посты среднего и высокого уровня выдвигались чекисты, показавшие себя беспощадными борцами с «врагами народа», но формально не настолько скомпрометировавшие себя участием в терроре, чтобы подвергнуться уголовному преследованию. Среди них было очень много лиц, виновных в тяжелейших и многочисленных преступлениях, но избавляться от них руководство НКВД не собиралось. Те, кто мог рассчитывать на покровительство начальства, заняли места изгнанных руководителей и сделали стремительную карьеру.

Чекистскую смену после 1938 г. можно разделить на недавних партийных чиновников, а также на чекистов среднего звена, избежавших компрометирующих обвинений и выдвинутых на руководящие посты. Эта элита была моложе, образованнее, с меньшим чекистским опытом, национально однородна и соответствовала тем социально-политическим и национальным критериям, которые предъявлялись сталинской верхушкой новой номенклатуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. – М., 2003. С. 9.
2. *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М.: АИРО-XXI, 2007. С. 190–191.
3. ГАНО. Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 5. Л. 267.
4. ЦДНИТО. Ф. 3791. Оп. 1. Д. 30. Л. 28.
5. История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. С. 231–233.
6. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008. С. 267; ОСД УАДААК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. П-11899. Т. 1. Л. 347–348.
7. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С. 269.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Регбланк № 00 887 536 партбилета А. П. Можина; *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999. С. 199, 201, 208, 430, 258.
9. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 204. Л. 136 об.
10. АУФСБ по НСО. Д. П-17386. Т. 7. Л. 547–555.

11. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С. 532–534.
12. История советских органов... С. 234.
13. *Петров Н. В., Скоркин К. В.* Кто руководил НКВД... С. 31.
14. История советских органов... С. 233; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С. 57.
15. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С. 265–269.
16. ГАНО. Ф. П-1204. Оп. 1. Д. 24. Л. 166; Ф. 47. Оп. 1. Д. 122. Л. 251.
17. *Белковец Л. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). – М., 1995. С. 227; АУФСБ по НСО. Д. П-2553. Л. 1, 34.
18. ГАНО. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 225. Л. 33.
19. Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. – М., 2006. С. 95.
20. ЦДНИО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1898. Л. 30; Д. 1901. Л. 60.
21. ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 222; Д. 350; ЦХИДНИКК. Ф. 26. Оп. 3. Д. 419. Л. 2, 3.
22. С 1 июня 1934 г. по 15 мая 1935 г. по материалам ДТО ОГПУ – ГУГБ НКВД Томской железной дороги было уволено 1.424 дорожных рабочих и служащих, в т. ч. 51 чел. – из аппарата управления дороги. ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 626. Л. 53.
23. *Мозохин О. Б.* Роль органов госбезопасности в экономической системе СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. – М., 2008. С. 91; ГАНО. Ф. П-460. Оп. 1. Д. 326. Л. 25; *Тепляков А. Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С. 251.
24. ЦДНИТО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 152. Л. 14 об. – 15; ГАЧО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 377. Л. 7–69.
25. Советское руководство. Переписка. 1928–1941. – М., 1999. С. 167; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001. С. 126–127.
26. ГАНО. Ф. 911. Оп. 1. Д. 51. Л. 700; Ф. П-3. Оп. 1. Д. 641. Л. 143.
27. Вопросы истории. 1995. № 2. С. 25; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С. 584–585.
28. *Золотарев В. А.* Секретно-политичний відділ ДПУ УСРС: справи та люди. – Харків, 2007. С. 138; *Мозохин О. Б.* Право на репрессию: Вне судебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953) – Жуковский–М., 2006. С. 154.
29. *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». Секретный приказ №00447 и технология его исполнения. – М., 2003. С. 272; АУФСБ по НСО. Д. П-4047. Л. 133; ГАНО. Ф. 1353. Оп. 2. Д. 8. Л. 29.
30. ГАНО. Ф. 47. Оп. 5. Д. 146. Л. 91; Д. 140. Л. 2.
31. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С. 67; *Вепрев О. В., Лютов В. В.* Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск, 2002. С. 279.
32. *Павлова И. В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. – Новосибирск, 2001. С. 203; ГАНО. Ф. 911. Оп. 1. Д. 201. Л. 16; Д. 169. Л. 184; Д. 188, 208.
33. Там же. Д. 201. Л. 16, 17; Д. 247. Л. 25.
34. Там же. Д. 255. Л. 129–130, 131.
35. Там же. Д. 92. Л. 124–125; Д. 258. Л. 3; Ф. 1020. Оп. 2. Д. 954. Л. 140.
36. Там же. Ф. 911. Оп. 1. Д. 192. Л. 153; Д. 201. Л. 4; Д. 170. Л. 278; Д. 169. Л. 100; Д. 154. Л. 37; Д. 207. Л. 78; Д. 209. Л. 60.
37. Там же. Д. 234. Л. 198, 217.
38. Там же. Д. 281. Л. 225; Д. 285. Л. 68; Д. 370. Л. 27–28, 104.
39. Там же. Д. 307. Л. 41; Д. 310. Л. 25; Д. 311. Л. 29; Д. 386. Л. 28; Д. 321. Л. 30; Д. 405. Л. 15.
40. Там же. Д. 300. Л. 56, 17; Д. 187. Л. 3–32; Д. 300. Л. 9, 17; Д. 372. Л. 10, 24.
41. *Тепляков А. Г.* Процедура: исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М., 2007. С. 32, 48, 55, 86; ГАНО. Ф. 1027. Оп. 8. Д. 39. Л. 62, 83; Ф. 911. Оп. 1. Д. 15. Л. 212; Д. 395. Л. 78; АУФСБ по НСО. Д. П-8139. Л. 235.
42. *Гришаев В. Ф.* Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). – Барнаул, 1999. С. 94, 259; ЦХАФАК. Ф. П-5762. Оп. 1. Д. 2. Л. 30; Д. 3. Л. 15; Д. 5. Л. 1, 19.

43. АУФСБ по НСО. Д.П-4457. Т.3. Л.413; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.281. Л.293.
44. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.419. Л.6, 20; Д.443. Л.28.
45. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 /Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. – М., 2006. С.106.
46. Там же. С.570.
47. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.34.
48. Там же. С.35.
49. *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Двести лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. – Томск, 2002; ЦХАФАК. Ф.П-10. Оп.5. Д.132. Л.106; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4651. Т.42. Л.14, 38.
50. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.118.
51. Жертвы политического террора в СССР. – М., 2007 (CD); Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.550.
52. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.279.
53. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.281. Л.56.
54. Ежов допускал самостоятельность местных НКВД в упорядочении своей структуры. Так, на Украине оперсекторы не создавались, а для разворачивания «массовых операций» действовали специальные межрайонные оперативные группы. *Золотарев В.А.* ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщині: люди та доли (1919–1941). – Харків, 2003. С.273–275.
55. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.68. Л.1–2; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-12311. Л.72.
56. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.265. Л.1–15.
57. АУФСБ по НСО. Д.П-8139. Л.281, 300.
58. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннот. перечень архивных документов и материалов. Избр. документы. Сост. А.И. Савин. – Новосибирск–СПб., 2006. С.483.
59. *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны //Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Новосибирск, 2004. С.262; *Гольдберг Р.* Книга расстрелянных. Т. 1, 2; Жертвы политического террора в СССР... (CD).
60. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4136. Т.1. Л.697, 702, 758; Д.П-5607. Т.7. Л.132; Д.П-10787. Л.152.
61. Опыт организации оперсекторов использовался и впоследствии, когда в 1943 г. был вновь создан НКГБ. А после войны оперативные секторы долгое время действовали на оккупированной территории Германии.
62. Сталин и Каганович... С.244; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.5. Л.67; Д.8. Л.6.
63. Там же. Д. 119. Л.188–190; ТОЦДНИ. Ф.7. Оп.1. Д.756. Л.179.
64. ГАКО. Ф.П-15. Оп.7. Д.240. Л.71–78, 91–92, 116; Главное управление внутренних дел Кемеровской области. 1917–2002 гг.: страницы истории. – Кемерово, 2002.
65. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3. 1930–1934. Кн. 2. 1932–1934. Документы и материалы. – М., 2005. С.695–696.
66. АУФСБ по НСО. Д.П-568. Л.16.
67. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3... Кн. 2... С.696; *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. //Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002. С.178, 180.
68. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.32. Л.67.
69. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3. Кн. 2. С.660, 696.

70. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.173–185.
71. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Вып. 2. – Новосибирск, 1993. С.322–323.
72. АУВД по НСО. Ф.19. Кор.39. Т.2. Л.758; ГАНО. Ф.П-3. Оп.7. Д.578. Л.532; Д.579. Л.546.
73. *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.263; АУФСБ по НСО. Д.П-8125. Т.4. Л.189.
74. Вопросы истории. 1994. № 12. С.11.
75. Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1935, 17 февр.
76. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.192.
77. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.5. Л.267; Призвание – Родине служить! – Новосибирск, 1997. С.36.
78. ЦДНИТО. Ф.3791. Оп.1. Д.30. Л.28.
79. *Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М., 2004. С.90–92; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. С.250.
80. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.9. Л.9; Д.8. Л.1.
81. Там же. Ф.П-22. Оп.3. Д.366. Л.22–24.
82. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.240–241.
83. Там же. С.241.
84. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.56.
85. АУМВД по Харьковской обл. (сведения В.А. Золотарёва).
86. Главное управление внутренних дел Кемеровской области... С.178–179.
87. *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.266–267.
88. *Гладков Т.* Король нелегалов. – М., 2000. С.15–16; РГАСПИ. Ф.17. Репбланк партбилета С.И. Корнильева.
89. *Плеханов А.М.* Проблемы места и роли органов безопасности в социально-политической структуре советского общества в 1920-е годы //Материалы исторических чтений на Лубянке. – М.: Великий Новгород, 2000. С.13–22.
90. *Зинухов А.* Комендант Саенко //Провинциальная ЧК. – Харьков. Спецвыпуск журнала «Клио», 1994. С.41 (указано В.А. Золотарёвым).
91. АУФСБ по НСО. Д.П-20865; ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.212. Л.249–251.
92. Советское руководство. Переписка... С.160, 161, 467.
93. *Палчинский А.А., Тушиц М.А.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. – М., 2001. С.10, 138–141, 179; *Бережков В.И.* Питерские прокураторы. – СПб., 1998. С.140, 143; ГАНО. Ф.П-16. Оп.1. Д.76. Л.397–398.
94. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.494, 499.
95. *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. – М., 1998. С.148–149; Огонёк. 1988. № 22. С.7.
96. ЦХАФАК. Ф.П-38. Оп.6. Д.18. Л.280.
97. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.238.
98. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.19; Ф.П-3. Оп.3. Д.362. Л.1 об.; Ф.П-76. Оп.1. Д.358. Л.45.
99. АУФСБ по НСО. Д.П-12628. Т.2. Л.2–4, 46; Д.П-14864. Л.106; ГАНО. Ф.П-2. Оп.5а. Д.107.
100. ГАНО. Ф.П-53. Оп.1. Д.81. Л.240.
101. ЦДНИО. Ф.940. Оп.3. Д.16. Л.4–5; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.961. Л.50.
102. ГАНО. Ф.П-29. Оп.1. Д.228. Л.70; Ф.П-58. Оп.1. Д.168. Л.113 об.; Ф.П-3. Оп.1. Д.464. Л.191–192.

103. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.155.
 104. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.280. Л.41; ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.607. Л.57–58.
 105. ГАНО. Ф.П-3. Оп.15. Д.9836 (ЛД Линке Г.А.).
 106. РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.2977. Л.86 об.; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.1697. Л.164; ГАКК. Ф.Р-2056. Оп.1. Д.36, 118 (сведения Красноярского «Мемориала»); ГАНО. Ф.П-6. Оп.1. Д.615. Л.96 об.
 107. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.133; Ф.П-4. Оп.18. Д.1962 (ЛД Волова Р.Н.).
 108. ГАКО. Ф.П-9. Оп.1. Д.412. Л.216–217; ЦДНИТО. Ф.206. Оп.1. Д.18. Л.122–123.
 109. ЦДНИТО. Ф.341. Оп.2. Д.1. Л.7.
 110. РГАСПИ. Ф.17. Оп.22. Д.1891; ТОЦДНИ. Ф.1749. Оп.1. Д.3. Л.20, 25–29.
 111. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.133; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-7014 (АСД Виер-Ульянова И.И.); АУФСБ по НСО. Д.П-6195 (АСД Макова Л.И.).
 112. ЦДНИТО. Ф.206. Оп.1. Д.87. Л.234; Ф.3791. Оп.1. Д.34. Л.6 об.; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.35. Л.5–48.
 113. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.738. Л.186; ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.643. Л.75.
 114. Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. – М., 2002. С.70–71, 77, 318–319; *Тепляков А.* Агент для «великого кормчего». Неизвестное «китайское лицо» ЧК-НКВД // Политический журнал. № 23–24 (166–167). 2007. 13 авг.; *Чжан Ю., Холлидей Дж.* Неизвестный Мао. – М., 2007. С.562.
 115. Жертвы политического террора в СССР... (CD).
 116. Из истории спецслужб Бурятии. – Улан-Удэ, 1997. С.93–94; Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. – М., 2000. С.55; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.143. Л.80; Оп.2. Д.496. Л.9.
 117. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.282; История советских органов... С.236.
 118. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.10. Л.63.
 119. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д. 208. Л.34.
 120. Новосибирская школа контрразведки, 1935–2005. Сб. – М., 2005. С.28, 30, 46.
 121. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.249; ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.793. Л.2.
 122. ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.854. Л.7.
 123. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.255–256; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Д.П-5485. Т.1. Л.45.
 124. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.255, 261; *Тумиш М.А.* ВЧК. Война кланов. – М., 2004. С.523; РГАНИ. Ф.6. Оп.3. Д.467. Л.167, 173.
 125. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР 1923–1960. – М., 1998. С.211, 212; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.365; *Золотарьов В.А.* Александр Успенский: особа, час, оточення. – Харьков, 2004. С.334; ЦДНИТО. Ф.27. Оп.1. Д.224. Л.73–74.
 126. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.202, 256, 258, 318, 376, 384.
 127. ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.2053 (ЛД Воронеля Л.А.); *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. – Новосибирск, 1997. С.100.
 128. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш»... С.31; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.222. Л.208.
 129. ГАНО. Ф.П-4. Оп.3. Д.22. Л.6–7.
 130. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. документов в 7 томах. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. – М., 2004. С.174–175, 47.
 131. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.262–263.
 132. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1997. Л.22–23.

133. См. Призвание – Родине служить!.. С.37, 42.
 134. *Исаев В.И., Угроватов А.П.* Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). – Новосибирск, 2006. С.148; *Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ... С.90–91.
 135. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.2. Л.107. Д.4. Л.146.
 136. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.248; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.228. Л.115.
 137. ГАНО. Ф.П-2. Оп.6. Д.1809 (ЛД Пуйкана В.К.). Л.1, 9–11.
 138. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С. 248–249.
 139. ГАНО. Ф.П-2. Оп.2. Д.381. Л.17–27.
 140. Там же. Ф.20. Оп.2. Д.195. Л.402, 598; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.250.
 141. ЦХАФАК. Ф.П-3. Оп.1. Д.163. Л.3, 11, 20, 35–39; *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). – Томск, 1995. С.38, 59; Жертвы политического террора в СССР... (CD).
 142. ЦДНИТО. Ф.3791. Оп.1. Д.29. Л.99.
 143. История сталинского Гулага... Т. 2. Карательная система: структура и кадры. – М., 2004. С.96–97; Т.6. Восстания, бунты и забастовки заключённых. – М., 2004. С.115; <http://www.memorial.krsk.ru/memuar/Smirnov2.htm>
 144. ГАНО. Ф.П-3. Оп.3. Д.109. Л.27–32; Ф.1027. Оп.3. Д.171. Л.44; *Ефремов М.А.* 80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937). – Новосибирск, 2002. С.207.
 145. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.11–12.
 146. Там же. Л.201; Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.8, 37.
 147. *Мозохин О.Б.* Роль органов госбезопасности... С.100; *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С.204. Характерно, что сообщивший об этих трениях Мозохин фактически солидаризировался с мнением ОГПУ о необоснованности прокурорских выводов.
 148. ГАЧО. Ф.П-1. Оп.1. Д.377. Л.7–80.
 149. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.794. Л.185.
 150. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.240.
 151. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.450. Л.32; Д.689. Л.153; Д.889. Л.16–17; ЦДНИОО. Ф.18. Оп.2. Д.61. Л.172.
 152. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11565. Л.44а, 58–63.
 153. Свободная мысль. 1997. № 6. С.114; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.78.
 154. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.256; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.125; Ф.П-1204. Оп.1. Д.104. Л.52.
 155. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11565. Л.35–37.
 156. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.456–457.
 157. История сталинского Гулага... Т. 2... С.173.
 158. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.262.
 159. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.5.
 160. Там же. С.199; *Кулеш А.Р., Пименов Л.В., Валаханович И.А.* Руководители органов государственной безопасности Беларуси. Краткий биографический справочник. – Минск, 1997. С.21.
 161. *Панчинский А.А., Тумиш М.А.* Щит, расколотый мечом... С.17; *Бережков В.И.* Питерские прокураторы... С.140, 143.
 162. ЦХАФАК. Ф.П-92. Оп.2. Д.5. Л.1.
 163. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.106. Л.17. Ранее мы, опираясь на визы под документами, указывали на Залпетера и Лупекина в качестве заместителей полпреда ОГПУ Сибкрая в 1930–1932 гг. См. *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.82. Но формально приказами ОГПУ они на эти должности не назначались. См.: *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.201, 278.

164. Советское руководство. Переписка... С.160; *Аллилуев В.Ф.* Аллилуевы – Сталин: хроника одной семьи. – М., 2002. С.91–93.
165. ГАРФ. Ф.374. Оп.27. Д.507. Л.75 об., 76; Д.488. Л.181, 198; Д.489. Л.146; ГАНО. Ф.П-22. Оп.1. Д.165.
166. ЦДНИО. Ф.341. Оп.1. Д.53. Л.126.
167. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.78, 79, 91, 140, 207.
168. *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьев В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. – Київ, 1997. С.274.
169. ГА УСБУ по Черниговской обл. Д.ФП-17740. Т.1. Л.64–66; Т.2. Л.125–126.
170. РГАСПИ. Ф.17. Регбланк партбилета № 0606050; ГАНО. Ф.П-3. Оп.15. Д.13372 (ЛД Плахова М.А.).
171. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.106. Л.44.
172. Там же. Ф.П-2. Оп.6. Д.2306 (ЛД Флоринского А.Г.).
173. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.151. Л.134; *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.76; *Папчинский А.А., Тумиш М.А.* Щит, расколотый мечом... Л.20.
174. АУВД по Кировской обл. Службная карточка на М.И. Покалохина от 20.1.1937; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.76.
175. *Папчинский А.А., Тумиш М.А.* Щит, расколотый мечом... С.145–146; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.436.
176. *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.86–86; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.134, 441; *Папчинский А.А., Тумиш М.А.* Щит, расколотый мечом... С.164–165.
177. Вопросы истории. 1994. № 11. С.10; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-6069. Л.20–36.
178. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.227, 126, 160, 286; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.19. Л.9, 10; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.265. Л.1–15.
179. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С.154, 163, 285, 392; АУВД по НСО. Ф.19. Кор.42. Т.2. Л.108.
180. *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.88; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.93. Л.257; *Золотарьев В.А.* Александр Успенский... С.73–74.
181. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.99.
182. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.7–19.
183. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.251–252.
184. Там же. С.277, 281, 261, 288, 264–266.
185. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.190.
186. ТОЦДНИ. Ф.7. Оп.1. Д.621. Л.11; Ф.23. Оп.1. Д.88. Л.161; Ф.7. Оп.1. Д.621. Л.1, 40; ЦДНИО. Ф.14. Оп.2. Д.429. Л.21; Словцовские чтения-2000. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – Тюмень, 2000. С.167.
187. РГАСПИ. Ф.17. Регбланк партбилета № 02 875 515 А.К. Руденца; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.19. Л.11; ЦДНИО. Ф.14. Оп.2. Д.403. Л.31; Д.533. Л.59; ТОЦДНИ. Ф.3. Оп.1. Д.1066. Л.19; Ф.7. Оп.1. Д.621. Л.176.
188. Репрессии против поляков и польских граждан. – М., 1997. С.15, 16, 20; *Смирнов Д.М.* Записки чекиста. – Минск, 1972; ЦДНИО. Ф.17. Оп.1. Д.19. Л.29.
189. РГАСПИ. Ф.17. Регбланк партбилета № 07605302 М.И. Янкевича.
190. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 4. – Омск, 2001. С.75, 85.
191. ЦДНИО. Ф.17. Оп.1. Д.1992. Л.21–24.
192. Там же. Д.926. Л.13. Д.1054. Л.125; Д.1682. Л.29; Д.1934. Л.38, 39.
193. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.504. Л.154; Оп.1. Д.595. Л.195; ЦДНИО. Ф.17. Оп.1. Д.2343. Л.6, 7, 10–14; Ф.18. Оп.2. Д.14. Л.306–307.

194. ЦДНИО. Ф.14. Оп.3. Д.20. Л.19; Ф.17. Оп.1. Д.1682. Л.31; Д.2343. Л.6, 10–13.
195. Там же. Ф.17. Оп.1. Д.2193. Л.80–82; Ф.14. Оп.2. Д.429. Л.20; Д.582. Л.155.
196. Там же. Ф.14. Оп.2. Д.582. Л.318; Ф.17. Оп.1. Д.1909. Л.61; Д.2222. Л.6; Ф.17. Оп.1. Д.921. Л.126; Д.1054. Л.1; Д.1117. Л.14; Д.1501. Л.10; Д.1901. Л.59.
197. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.329; *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьев В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні... С.456.
198. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3. 1930–1934. Кн. 2. 1932–1934. Документы и материалы. – М., 2005. С.711; РГАСПИ. Ф.17. Регбланк партбилета № 0488971.
199. *Горбунов Е.А.* Схватка с Чёрным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. – М., 2002. С.12, 178–181, 212; Сведения В.А. Золотарёва.
200. Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1931, 17 июля. С.4 (некролог); *Золотарьев В.А.* Секретно-политичний відділ ДПУ УСРС: справи та люди. – Харків, 2007. С.131; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.792. Л.76.
201. Расстрельные списки. Москва... С.347; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.129. Л.20.
202. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.308, 285–286.
203. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.391. Л.150–150 об.
204. Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1990, 20 янв.; ЦДНИО. Ф.123. Оп.2. Д.103. Л.78; РГАСПИ. Ф.17. Оп.21. Д.1229.
205. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.457, 340; *Соловьёв А.В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки. – М., 2002. С.119–130.
206. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.888. Л.140.
207. ГАРФ. Ф.9414. Оп.9. Д.357 (ЛД Слюсаренко А.И.).
208. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.937. Л.126; Д.1038. Л.44; Забайкальские обл. ведомости (Чита). 1999, № 14. С.10.
209. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.135. Л.10; Ф.П-1. Оп.1. Д.888. Л.138–140; Д.934. Л.75; Ф.П-3. Оп.1. Д.81. Л.62.
210. Там же. Ф.П-3. Оп.1. Д.626. Л.122–123; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.511. Л.70; Д.733. Л.172; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.199. Л.39.
211. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.491. Л.155; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.132. Л.106; *Соловьёв А.В.* Тревожные будни... С.131–142.
212. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.81. Л.138; Д.196. Л.43; Д.199. Л.116.
213. Там же. Ф.П-1. Оп.1. Д.377. Л.8, 74; Ф.П-3. Оп.1. Д.639. Л.93–94; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.88.
214. *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА... С.402, 203, 209, 225, 228; *Соловьёв А.В.* Тревожные будни... С.131–142; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.196. Л.7; Д.888. Л.139.
215. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.80. Л.166; Д.328. Л.46; Д.352. Л.176; Д.921. Л.78–79; История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.364; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.261; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.573. Л.111.
216. Забайкальские обл. ведомости (Чита). 1999, № 15. С.10; ГАЧО. Ф.П-1. Оп.1. Д.1053. Л.7; Ф.П-3. Оп.1. Д.578. Л.66; Д.655. Л.10.
217. АУФСБ по НСО. Д.П-14864. Л.301; ГАЧО. Ф.П-1. Оп.1. Д.1053. Л.8, 7.
218. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.354. Л.54; Забайкальские обл. ведомости (Чита). 1999, № 15. С.10; № 17. С.10.
219. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.152; РГАСПИ. Ф.17. Регбланк партбилета № 0488971 В.И. Крестьянкина.
220. См. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.86; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.160; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3... Кн. 2... С.704.

221. Против убывшего сначала на Северный Кавказ и в Крым, а затем в Магадан К.А. Павлова впоследствии замышлялась ведомственная интрига – вероятно, как на человека, связанного с арестованными руководителями Красноярского края. По крайней мере, новосибирские чекисты в начале 1938 г. яростно требовали сведения на Павлова как участника «заговора» от его бывшего сослуживца П. Ф. Коломийца. АУФСБ по НСО. Д.П-2743. Л.220. Но Карп Павлов, работавший начальником Дальстроя НКВД, успешно добывал колымское золото и оказался неуязвим.

222. Вестник Мемориала. Вып. 6. – СПб., 2001. С.163; ЦХИДНИКК. Ф.17. Оп.1. Д.393. Л.101; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.268, 156, 87.

223. *Папчинский А.А., Тумиш М.А.* Щит, расколотый мечом... С.313; Система исправительно-трудовых лагерей... С.211, 212.

224. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.428–429; *Гавриленко В.К.* Казнь прокурора. – Абакан, 2001. С.40–49, 51–72, 215–219.

225. РГАСПИ. Ф.17. Оп.22. Д.1446; ЦХИДНИКК. Ф.17. Оп.1. Д.520. Л.247.

226. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.544. Л.17; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.72–73.

227. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С.220.

Глава 2

АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Агентурно-оперативная работа подразумевала тот комплекс действий и мер, которые составляли основу деятельности в области политического сыска, разведки и контрразведки, следствия, тюремной обработки, и с помощью которых чекисты осуществляли свои тайные функции. Формы и методы такой работы были обусловлены не столько традиционным набором тех особых средств и приёмов, с помощью которых функционирует любая спецслужба, сколько спецификой роли и места органов госбезопасности в политической системе СССР.

Роль всеобъемлющей тайной полиции, обеспечивающей в большей степени не государственную безопасность, а проведение непрерывного террора и уничтожения целых социальных групп населения, диктовала опору на самые «острые» формы работы карательных органов. Агентурная работа с помощью вербовок негласных помощников позволяла получать самую разнообразную информацию обо всех интересующих чекистов лицах и событиях, в т. ч. вымышленную и необходимую для фабрикаций политических дел. Перлюстрация переписки, прослушивание помещений и телефонных переговоров, наружное наблюдение за подозрительными лицами, негласные выемки и открытые обыски давали возможность сбора информации, которая дополняла (либо заменяла) агентурные сведения и позволяла приступить к следующему этапу работы – следственному. Важной частью агентурно-оперативной работы являлись усилия работников учётно-архивных отделов и спецотделов предприятий, которые негласным путём собирали информацию о подозрительных лицах, накапливали и обрабатывали её.

После ареста обвиняемый оказывался в специально подготовленной обстановке, которая должна была подвигнуть его на признание своей антигосударственной и иной преступной деятельности. Допросы следователями, которые уличали арестованных с помощью улик, свидетель-

ских показаний, очных ставок, обнаружения противоречий в показаниях, а также внутрикамерная разработка и обработка давали информацию о деятельности обвиняемых и служили материалом для судебного или внесудебного рассмотрения. В тюрьме арестованных охраняли, допрашивали и зачастую расстреливали. Таким образом, агентурно-оперативные приёмы давали возможность полного цикла чекистской работы – от сбора предварительной информации до непосредственного уничтожения «врагов» государства.

Естественно, что функции реальной защиты интересов страны (разведывательная и контрразведывательная деятельность, защита границ и экономических интересов, охрана государственной тайны, дезинформация враждебных разведок и т. п.) также опирались на агентурно-оперативные мероприятия. Но мы согласны с мнением о том, что в 30-х годах обеспечение функций политической полиции занимало в деятельности ОГПУ-НКВД ведущее место, а разведывательно-контрразведывательные и пр. мероприятия по обеспечению собственно госбезопасности – второстепенное (1).

СУЩНОСТЬ АГЕНТУРНОЙ РАБОТЫ

Тема негласного сотрудничества с «органами» щекотливая. С одной стороны, в современном обществе существует крайне негативное отношение к секретным работникам госбезопасности, с другой – тайну их сотрудничества, в т. ч. давно минувших дней, охраняет законодательство. Известный публицист Юрий Щекочихин в своей книге «Рабы ГБ» мудро отметил: «Осуждать легко. Мы можем с гневом отвергать причины, толкнувшие на предательство тех, кто стал сексотами и стукачами из-за другого, сложившегося уже менталитета души, – и в этом, наверное, огромная заслуга последнего времени. Но давайте не будем забывать... страх перед Системой, жернова которой перемололи десятки миллионов, желание выжить... Я не оправдываю... просто напоминаю о том, что неизвестно, как бы мы сами в те годы сумели противостоять религии предательства» (2).

Агентурная работа, являющаяся сердцевинной деятельности любой спецслужбы, была одним из приоритетных направлений деятельности органов ОГПУ-НКВД. Каждый чекист обязывался вербовать агентуру, за работниками ОГПУ-НКВД закреплялись определённые участки работы, которые они, по жаргонному выражению чекистов, «обслуживали». Это «обслуживание» заключалось в том, что чекисты подыскивали

лиц, способных давать ценную информацию о каком-либо учреждении, предприятии, воинском подразделении или каких-то интересующих госбезопасность людях, после чего склоняли их к негласному сотрудничеству. Ведущим принципом агентурно-оперативной работы «органов» было стремление иметь осведомителей повсюду. В. Р. Менжинский подчёркивал, что ОГПУ должно знать всё, что делается в СССР, и вполне справляется с этой задачей (3). Приоритетными целями чекистских вербовок были лица, обладавшие связями среди ответственных работников советских учреждений, иностранцами и так называемыми «бывшими людьми», а также постоянно соприкасавшиеся с большим количеством посетителей: работники гостиниц, вокзалов, культурно-зрелищных учреждений и т. п. – вплоть до дворников.

В результате усилий «органов» значительная часть советского населения в течение долгого времени вела двойную жизнь, являясь тайными агентами ВЧК-КГБ. Эти незаметные (а подчас очень заметные и всем известные) люди в укромных местах встречались с чекистами, поставляя материалы разной степени важности и ценности: от бытовых сплетен и лжесвидетельств до сведений, напрямую затрагивавших государственные интересы.

Агенты ВЧК-КГБ несут тяжёлую ответственность за осуществлённые с их помощью политические репрессии; наиболее активные из них оговаривали и помогали уничтожать целые группы людей. Основные документы, рассказывающие о работе агентуры, хранятся на особо секретном режиме в Центральном архиве ФСБ и региональных архивохранилищах службы госбезопасности. Огромное количество личных и рабочих дел агентуры оказалось сожжено в ходе массированных чисток архивов КГБ середины 1950-х и начала 1990-х годов; неизвестно, были ли уничтожены исторически значимых материалов в последние полтора десятилетия (скорее всего, да). Но, несмотря на утраты, даже в открытых архивных хранилищах можно найти впечатляющее количество сведений, касающихся главного секрета работы карательных органов советского государства.

Хотя отчётные материалы об основной деятельности «органов» недоступны, весьма важные сведения об агентурной работе в райгоротделах ОГПУ-НКВД, периферийных транспортных и особых отделениях НКВД сибирского региона можно найти, например, в спецсообщениях в партийные инстанции, следственных делах на чекистов и работников милиции, материалах судебно-прокурорских органов, документах личного происхождения. Эта информация далека от полноты, но даёт воз-

возможность приблизительно оценить размах и «качество» конспиративной работы. Масса разнообразных фактов об агентурной работе госбезопасности опубликована к настоящему времени в печати (4). Деятельность некоторых видных агентов стала предметом подробного изучения (5), а сами принципы втягивания советских граждан в паутину доношительства исследованы отдельно (6).

Среди опубликованных документов очень ценная информация о многих агентах ОГПУ-НКВД содержится в записке комиссии Н.М. Шверника от 1964 г., посвящённой расследованию обстоятельств фабрикации «военно-фашистского заговора в РККА» (7). Важные документы, регламентирующие негласную деятельность «органов», опубликованы в новейших сборниках (8). Исключительную ценность представляют документы, приведённые в исследовании Д. Бурдса, в т. ч. подробная инструкция ГПУ УССР от 1930 г. о постановке информационно-осведомительной сети, а также в книге о Ежове Н. Петрова и М. Янсена.

Рядовые осведомители – лица, чей интерес для историка относителен. Их было очень много, причём значительная часть уклонялась от реальной работы или давала мало важные сведения. Да и обстоятельно изучить массив биографий рядовых стукачей можно будет ещё не скоро. Но вот активные агенты и резиденты, которые поставляли материалы провокационного характера и, таким образом, непосредственно помогали карательному аппарату в организации репрессий, должны быть по возможности выявлены и названы. Эта задача облегчается тем, что в архивно-следственных делах и реабилитационных материалах в первую очередь обычно фигурируют именно сексоты-активисты, о которых публицисты и историки пишут с перестроечных времён, что и позволяет к настоящему времени иметь большой массив открытых источников с достоверными сведениями о конспиративном аппарате ОГПУ-НКВД (9–10).

Основы агентурной работы советской тайной полиции были заложены ещё в период ВЧК, когда чекисты быстро создали масштабный осведомительный аппарат, опиравшийся на две основные категории конспиративных помощников: коммунистов и сочувствующих, с одной стороны, и выходцев из враждебных классов, с другой. Численность секретной сети сильно колебалась: если в последние месяцы существования ВЧК она превышала 60 тыс. чел., то вместе с резким сокращением в 1922–1925 гг. чекистского аппарата уменьшилось и количество агентуры. При этом в случае необходимости негласная сеть по определённой линии работы могла быть увеличена скачкообразно: так, по данным начальника 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучкова, только за

1924 г. «число осведомов среди церковников и сектантов» выросло в шесть раз (11).

Чекисты постоянно корректировали функционирование конспиративной сети. Ещё в июле 1921 г. руководители ВЧК, обобщив имевшийся опыт, выпустили инструкции, касавшиеся принципов агентурной деятельности и не терявшие актуальности в течение всех 20–30-х годов. Осведомительный аппарат делился на массовую осведомительную сеть, резидентов и секретную агентуру. Рядовые осведомители вербовались «на патриотической основе» в основном из социально близких слоёв населения для пресечения контрреволюционной, шпионской, вредительской, саботажнической и иной враждебной работы на предприятиях, в учреждениях, в армии и в деревне. Характерно, что вербовкой рядовых осведомителей и дальнейшей работой с ними занимались секретные уполномоченные (негласные оперативные сотрудники) информационных отделов. К секретной агентуре относились лица, завербованные из классово-враждебной среды: члены антисоветских партий, бывшие офицеры царской и Белой армии, старые специалисты, а также «враги» уже арестованные и использовавшиеся в качестве внутрикамерных агентов. Все эти сексоты были призваны разрабатывать отдельных лиц, а также группы и организации, занимавшиеся контрреволюционной деятельностью. Данных секретных агентов также часто именовали внутренней агентурой, подразумевая внедрение их во враждебную среду (12).

Агентов внедряли в окружение подозрительных лиц, и тогда они были «разовыми», т. е. нередко их исключали из сети после того как они заканчивали сбор сведений об объекте своего наблюдения. Правда, следует отметить, что многие лица находились в агентурной разработке по 10–15 и более лет. Например, сибирские чекисты с 1925 г. «вели» арестованного и расстрелянного в 1942 г. юрисконсульта райтрансторгпита Томской железной дороги В.В. Никитина, человека с солидным революционным прошлым: «Разрабатывался агентурно 7-ю источниками, которые систематически освещали его антисоветскую деятельность» (13).

Ещё в феврале 1921 г. для связи с осведомителями в деревне был создан институт резидентов. Губчека формировали резидентуры для связи с сексотами в сельских районах, которые действовали параллельно с осведомителями уездных политбюро. Резиденты становились политически грамотные коммунисты, пригодные для руководства рядовыми осведомителями. Вскоре резиденты стали использоваться и в городах, их численность постоянно росла. Резиденты были низовым руководящим звеном осведомительной сети. Фактически они являлись тайными

уполномоченными и исполняли роль передаточного звена между рядовым сексотом и штатным сотрудником ОГПУ-НКВД; в 1930-е гг. на одного резидента приходилось примерно 10 осведомителей, нагрузка в 20 чел. считалась предельной. Свои резиденты имелись и в воинских частях, и в крупных учреждениях. Обычно резидент «вырастал» из квалифицированного осведомителя.

На селе резидентов вербовали из тех, кто по службе часто контактировал с крестьянами: инструкторов РИКов, агрономов, кооператоров, работников МТС, страховых касс и сельбанков, культработников. На всех партийных и беспартийных работников райуполномоченные ОГПУ должны были заводить так называемые «обработки» с целью изучения этих лиц и отбора подходящих для негласной работы, причём анализировалась с помощью учётных материалов ОГПУ, милиции и судебных органов вся информация: от деловых и личных качеств кандидата до степени его зависимости от начальства и прочности занимаемого положения (14). С резидентами и важными агентами штатные чекисты регулярно встречались, получая информацию и направляя, путём устных указаний, их деятельность. Эти квалифицированные агенты были важным источником пополнения «органов» – многие резиденты со временем становились гласными сотрудниками госбезопасности.

К середине 1929 г. в окружных центрах Сибкрая имелось не менее двух городских резидентов. Так, в г. Камне (Камень-на-Оби) такими резидентами работали заведующий секретной частью окрисполкома Г. И. Вдовин и помощник участкового фининспектора И. Л. Будкин. В 1929 г. оба они стали официальными уполномоченными районных органов ОГПУ. Городские резиденты были связаны с работниками ИНФО окротделов ОГПУ, разгружая райуполномоченных и кустовых резидентов от связи с частью осведомителей.

В каждом районе с 1930 г. предписывалось иметь не менее двух резидентов (15), впоследствии эта цифра была увеличена в несколько раз. На мелких предприятиях должна была действовать одна резидентура, на крупных – не менее пяти. Резидентами по студенчеству должны были быть либо лица с высшим образованием, либо проверенные в качестве осведомителей студенты старших курсов. Резиденты следили за объективностью донесений осведомителей и давали им инструкции по каждой полученной сводке, наблюдали за их настроениями и политическими взглядами, при необходимости проверяли через других осведомителей. Раз в два месяца резидента полагалось вызывать в округ и дать указания. Запасные резиденты использовались как осведомители. Расшифровывать

резидентов перед партийно-советским руководством не полагалось, в крайнем случае – только «через окружное Бюро содействия».

В инструкциях руководителя ГПУ УССР прямо указывали ни в коем случае не вербовать зампредов РИКов и заведующих отделами РИКов, т. к. практика показала их непригодность для этой работы в районах с малым процентом коллективизированных хозяйств (16). Напротив, бывших чекистов рекомендовалось назначать резидентами, но только в тех случаях, когда об их бывшей работе не было известно населению. В марте 1935 г. приказ Ягоды рекомендовал местным органам НКВД пересмотреть кадры резидентов и привлечь к этой работе сотрудников милиции, погранохраны, пожарных, лесничих, работников ЗАГСов, в особенности на селе (17).

О той роли, которую приобретали некоторые резиденты, говорит эпизод с бывшим китайским коммунистом П. И. Сойкиным (он же Чжан Ю Чжан, он же Ей Фей Чжун). Сосланный в Сибирь как троцкист, он до 1936 г. являлся резидентом особого отделения Прокопьевского ГО УНКВД ЗСК. Бывший троцкист фактически руководил полком, состоявшим из тысячи с лишним китайцев, интернированных после перехода советской границы, поскольку среди них только двое знали русский язык. Сойкин не только вербовал из китайцев агентуру, но и пользовался правом вести в горотделе НКВД следствие по арестованным соотечественникам, заняв там положение внештатного уполномоченного (18–19).

Поиск враждебных режиму лиц практически целиком основывался на агентурной работе. Широкое использование негласных методов работы давало основной эффект и в пресечении деятельности криминальных элементов в тех областях, которые поручались чекистам: так, в 1929 г. с помощью агентуры было задержано 89 % всей контрабанды (20).

Мифологизация как внутреннего (якобы повсеместные заговоры) и внешнего (якобы постоянная угроза интервенции) противника советской тайной полицией приводила к дезинформации политического руководства и неадекватным реакциям. Так, использование недостоверных агентурных источников привело к информированию чекистами советской верхушки о грядущей в мае 1922 г. высадке в Крыму врангелевского десанта или о намерении У. Черчилля организовать в 1929 г. интервенцию ряда западных стран (21).

А в июне 1927 г., после неожиданного для чекистов проникновения в СССР нескольких агентов-боевиков РОВСа, попытавшихся взорвать общежитие работников ОГПУ на Малой Лубянке, власти, спешно расстреляв в качестве заложников 20 видных дворян, бросились массово

арестовывать так называемых «бывших», буквально за считанные дни подвергнув репрессиям 9 тыс. чел (22). Однако эти меры должны были не столько остановить внутрисююзных «террористов», сколько пополнить осведомительную сеть. Проникновение заграничных боевиков-белогвардейцев было расценено как провал имевшейся сети, поэтому её срочно принялись расширять. Например, в Сибири массовые аресты с целью пополнения агентуры были произведены уже в ночь с 14 на 15 июня 1927 г. (23).

В циркулярном письме полпредства ОГПУ по Сибкраю от 22 июня 1927 г. об усилении осведомительной работы в связи с обострением международной обстановки и активизацией контрреволюционной деятельности подчёркивалось, что чекисты должны изолировать контрреволюционные элементы путём ареста и высылки, ликвидировать враждебные группировки оперативными методами (изъятие) или агентурными (разложение через внедрённую агентуру). Агенты-спецосведомители должны были ориентироваться не на поставку информации, а на глубокую внутриагентурную работу; также им должны были ставиться не универсальные, а конкретные задачи (24).

Тон в агентурной работе, судя по всему, задавал первый зампред ОГПУ Г.Г. Ягода, который в июле 1927 г. ознакомил начальников ведущих отделов ОГПУ со своей точкой зрения на актуальные направления негласной работы. По мнению Ягоды, июньский удар оказался на 50 % нанесён по «старому контрреволюционному активу», который (в лице представителей антисоветских партий) уже, «испытыв сидку и внутреннюю тюрьму», малоопасен. Зато, по мнению Ягоды, «очень грозную опасность представляют сейчас антисоветские группировки на заводах», которые якобы «есть везде», а весь политический террор «исходит целиком от молодёжи». Зампред ОГПУ призвал чекистов искать «молодой актив» контрреволюции, поручив это лучшим чекистам и отказавшись от услуг старых агентов, «выдохшихся и расконспирированных». Закончил Ягода таким выводом: «Этой операцией надо воспользоваться для вербовки, вербовать пачками. Лучше завербовать, чем посадить его в лагерь, если он даже заслужил этого» (25). Таким образом, от высшего руководства «органов», убеждённого в повсеместном наличии антисоветских организаций, исходили установки на массовые вербовки в среде враждебных элементов с помощью элементарного принуждения – арестами и угрозами уголовного преследования в случае отказа сотрудничать (26).

При этом следует подчеркнуть, что мнение Ягоды восходило к установкам Сталина и лишь развивало их, нацеливая «органы» на продол-

жение карательно-вербовочной кампании. На необходимость широких акций в этом направлении Сталин лично указывал председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому в письме от 25 июня 1927 г. В нём вождь, знавший о проводившейся кампании арестов, потребовал «повальных арестов» конкретно от Контрразведывательного отдела ОГПУ во главе с А.Х. Артузовым – с целью парализации «английского шпионажа» и широкой вербовки арестованных в агентурно-осведомительную сеть. Также Сталин приказал шире вербовать комсомольскую молодёжь (27). А уже десять дней спустя появилось упоминавшееся выше письмо Ягоды начальствующему составу ОГПУ. Основными кандидатами на аресты с последующей вербовкой становились бывшие офицеры, студенты, техническая интеллигенция, журналисты, церковный актив.

К исходу 20-х годов органы ОГПУ имели широкую агентуру в партийно-государственных и хозяйственных органах, армии, церковных кругах, интеллигенции, политической ссылке, а также среди участников внутрипартийной оппозиции. К этому времени агентурной работой в Сибирском крае занималось около 1.000 оперативных работников полпредства ОГПУ, окружных отделов, транспортных и особых отделений, а также участковых уполномоченных. С осени 1929 г., после образования Сибулона ОГПУ, началась вербовочная работа среди заключённых лагерей. Вербовками либо наводками для кадровых чекистов на подходящих лиц активно занимались и резиденты органов госбезопасности.

Из-за подхода к вербовкам как самоцели должная регуляция численности информационной сети не производилась, отчего она уже во второй половине 20-х годов непомерно раздулась. В ряде оперативных подразделений, не справляясь с нагрузкой, резидентами стали руководить не только чекисты-оперативники, но и старшие резиденты, набравшиеся из наиболее опытных агентов. Это приводило к отрыву оперработников от непосредственных источников информации, но позволяло – за счёт перепоручения основной части работы резидентам – сохранять огромную по численности осведомительную сеть (28). Полноценная работа с громоздким конспиративным аппаратом затруднялась и тем, что централизованный учёт сексотов ОГПУ отсутствовал даже в конце 20-х годов, а в течение следующего десятилетия был неполноценным.

Оценивая усилия органов ОГПУ по вербовке осведомления, авторы учебника истории КГБ говорят, что состояние агентурной сети на 1929 г. было неудовлетворительным. Действительно, есть опубликованные данные о том, что в конце 20-х годов агентурная работа проводилась на сравнительно невысоком уровне, так что в некоторых сёлах и деревнях,

особенно украинских и сибирских, вообще не было осведомителей (29). Это было связано и с формальным подходом к вербовкам, и невозможностью с помощью небольшого аппарата окружного отдела (обычно 10–30 оперработников) завербовать осведомление во всех населённых пунктах округа, насчитывавшего обычно порядка 20 районов. На июль 1930 г. в Сибирском крае было 234 района и более 30 тыс. населённых пунктов. С разделением 30 июля 1930 г. Сибкрая на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский к Западной Сибири отошло 172 района с 4.390 сельсоветов и 18.570 населённых пунктов с общим числом населения 8.115 тыс. чел. (в т. ч. 1.294 тыс. горожан). В Восточной Сибири населения оказалось впятеро меньше (1.532 тыс. чел., в т. ч. 341 тыс. – городского), но в 43 районах края, насчитывавших 986 сельсоветов, оказалось целых 12,9 тыс. населённых пунктов, что означало наличие в каждом поселении в среднем 120 чел., тогда как в Западной Сибири в каждом посёлке в среднем жило 440 чел. (30).

Наличие огромного количества удалённых от районных центров мелких посёлков вызывало очевидные трудности для успешной агентурной работы, которая концентрировалась в более крупных поселениях. Только формирование районных аппаратов ОГПУ в течение 1930 г. позволило резко увеличить количество оперативных работников, приступив к более основательному формированию осведомления в сельской местности. Этот процесс был общим для всей страны и позволил сильно увеличить количество негласного аппарата. Районные уполномоченные ОГПУ обязывались не только вербовать резидентов, но и подготавливать запасных резидентов. Также они должны были встречаться с наиболее ценными спецосведомителями, а с остальными агентами работать через резидентов.

После ликвидации округов в 1930 г. для контроля работы районных отделений и аппаратов были созданы оперативные секторы ОГПУ. В городских и районных отделах оперативная работа велась в определённых рамках: уполномоченные вербовали преимущественно осведомителей, а вербовку агентов и специальных агентов (как и работу с ними, а также аресты, обыски и выемки, следствие) местные чекисты проводили с разрешения или по заданию вышестоящих органов. Главной функцией местных чекистов, таким образом, объявлялась информационная – как и ранее, в период существования окружных отделов и участковых уполномоченных в районах (31). Однако чекисты сельских и городских аппаратов были не только вербовщиками кадров для рядовой осведомительной сети. По заданию уполномоченных и руководящих

работников полпредств и оперсекторов они постоянно фабриковали дела, заставляя своих агентов давать провокационные показания на лиц, якобы причастных к антигосударственной деятельности.

Организация агентурного аппарата в конце 20-х годов Секретным, Экономическим и Информационным отделами регулировалась правилами 1922 г., а в Особом отделе имелись свои градации. Тем не менее, вся агентура делилась на две основные категории: рядовых осведомителей, сообщавших первичную информацию, и агентов (специальных осведомителей), которые участвовали в агразработках. Особую роль среди оперативных отделов играл ИНФО – его работники, получив компрометирующие данные на каких-либо лиц и сочтя эти данные пригодными для дальнейшей работы, передавали их в Секретный, Экономический и другие отделы, где оперативники на «антисоветчиков-одиночек» заводили дела-формуляры (досье), а на группы – агентурные дела, которые затем «разрабатывали» (32). Вероятно, основная часть разработок заканчивалась выводом о бесперспективности данного агентурного дела, и оно через положенный срок отправлялось в архив, откуда при необходимости могло быть затребовано назад.

Широкую фабрикацию политических дел в 1929 г. чекисты представляли как адекватный ответ поднявшему голову классовому врагу. На фоне повсеместной активизации враждебных сил логично выглядело мнение о необходимости реформирования и усиления агентурной работы. Например, в начале 1930 г. по линии Секретно-оперативного управления ОГПУ была установлена новая градация негласного аппарата.

Вводились следующие категории: специальный агент, специальный осведомитель, осведомитель (информатор). Спеагенты – профессиональные (то есть имеющие работу в гражданских учреждениях лишь для прикрытия) или полупрофессиональные секретные сотрудники, постоянно или периодически занятые на агентурной работе в СССР или за рубежом и пользующиеся доверием у работников госбезопасности. Они были призваны выполнять ответственные поручения руководящих работников ОГПУ-НКВД – от создания легендированных квази-организаций до разведывательно-диверсионных и террористических действий в стране и за рубежом. Именно спеагенты являлись важнейшими фигурами при организации масштабных чекистских провокаций.

Учёт спеагентов, как сообщает официальный источник, был централизован в соответствующих оперативных отделах полпредств ОГПУ. Но на самом деле, как сообщал Сталину Н.И. Ежов, на 1935 г. никакого централизованного учёта спеагентов не было. На местах количествен-

ный состав этой агентуры произвольно регулировался работниками УНКВД в зависимости от характера ведущихся агентурных разработок, насчитывая где десятки, а где – сотни человек. Спецагенты получали зарплату и дополнительные деньги на «оперативные расходы», т. е., как пояснял Ежов, на организацию пьянок с разрабатываемыми лицами (33).

Более распространённой категорией квалифицированной агентуры являлись спецосведомители – лица, завербованные из антисоветской либо лояльной среды для работы по конкретным заданиям на разработках или линиях оперработы. То есть в категорию спецосведомителей перешли те тайные агенты, которые наблюдали за подозрительными лицами, сопровождали их в поездках, получали командировки в какие-либо учреждения и пр. Перестала специально выделяться и прослойка агентуры из числа «бывших» – спецосведомителем могло быть лицо как из враждебной, так и сочувствующей социальной среды. Для освещения духовенства они вербовались из церковнослужителей, для «работы» с интеллигенцией – из инженеров, писателей, художников. Спецосведомители не находились на связи у резидентов, а были связаны непосредственно с чекистами.

Разновидностью спецосведомителей являлись агенты-маршрутники, которые выезжали для освещения (или нарочитого обострения) ситуации в те районы, где негласная сеть была слабой. Маршрутники контролировали действия имевшихся осведомителей, перепроверяли и перекрывали их информацию, выполняли специальные задания, непосильные для местных сексотов. Например, агент-маршрутник Н.И. Кузнецов, ставший впоследствии легендарным диверсантом, в начале 1930-х гг. «разрабатывал» ссыльных эсеров в нескольких населённых пунктах Коми-Пермяцкого округа.

Осведомители (информаторы) – самая широкая прослойка агентуры из всех слоёв общества, использовавшаяся для освещения конкретных вопросов в различных социальных группах, а также отдельных объектов и явлений. Вместе с тем, в ЭКО, транспортных отделах и их подразделениях на местах продолжали работать лица, именовавшиеся, как и прежде, агентами и осведомителями (34).

Возможно, что формальный подход, выразившийся в переименовании отдельных категорий агентуры, был выдан чекистской верхушкой за серьёзные новации, повысившие качество осведомления. Но возможно и то, что в связи со стремлением увеличить число вскрываемых «заговоров» чекисты стали больше внимания уделять высшему классу агентуры – спецагентам, способным вести провокационную работу

и помогать фабриковать «организации». Судя по всему, уже в начале 30-х годов таких агентов было много. Самые квалифицированные спецагенты находились в распоряжении Иностранного отдела ОГПУ-НКВД и выполняли реальные разведывательно-контрразведывательные задания за кордоном. Например, известный белоэмигрант-евразиец С.Я. Эфрон использовался как групповод и наводчик-вербовщик, лично заагентурировавший в середине 30-х годов 24 чел. из числа парижских эмигрантов (35).

В июне 1931 г. во всех территориальных органах ОГПУ должен был быть заведён учёт агентуры и её работоспособности. Такое внимание руководства тайной полиции к учёту конспиративного аппарата говорит о том, что элементарное требование учитывать агентуру и фиксировать качественные характеристики её работы повсеместно игнорировалось. Последовавшая в августе 1931 г. кадровая чистка, после которой активно занимавшийся оперативной работой зампред ОГПУ Г.Г. Ягода вынужденно ушёл на вторые позиции и был заменён непрофессиональным чекистом И.А. Акуловым, а многие крупные чекисты лишились должностей, вряд ли способствовала улучшению агентурной работы. Её стагнация очевидна на протяжении всех 30-х годов, но объясняется не столько субъективными факторами (тот же Ягода год спустя вернул и резко укрепил свои позиции в аппарате ОГПУ-НКВД, спокойно относясь к пренебрежению подчинённых агентурной работой), сколько повсеместным увлечением чекистов следственной работой, ибо с помощью жёсткого и пристрастного следствия оперативникам удавалось «компенсировать» недостатки своей работы с агентурой.

При анализе негласной работы видно, что в ОГПУ-НКВД торжествовал чисто бюрократический подход к делу. Так, с января 1930 г. должна была быть прекращена практика использования осведомителей из «антисоветской среды» для освещения политической обстановки в отдельных районах, настроений рабочих, крестьян-середняков и батраков, для выявления недостатков в советских учреждениях и общественных организациях. Для этой цели предписывалось использовать только проверенных и лояльных к власти агентов (36). Таким образом, сообщать о критике народом положения дел в стране, резко ухудшившегося после начала коллективизации, могли только «свои».

В особом циркуляре СОУ подчёркивалось, что вербовку следовало вести, хорошо подготовившись и изучив сильные и слабые стороны потенциального сексота, с «духовным превосходством» чекиста, тактом и сообразительностью. Вербовка осведомителей, особо интересных для

ОГПУ, поручалась лишь ответственным чекистам-руководителям. Предписывалось избегать насилия при вербовочных процедурах, однако это пожелание осталось на бумаге; привычно игнорировалось и должное изучение потенциальных агентов. Сами чекисты признавали, что вербовки большей частью совершали молодые и неопытные сотрудники, что приводило к срывам и расконспирации методов чекистской работы. Санкции на утверждение вербовок, которые должны были подписываться начальниками отделов, в середине 30-х годов были формальностью, из-за чего крупные чекисты обычно не видели агентов «живьём».

Работа же со спецосведомителями заключалась в простом получении сводок и даче новых заданий; зачастую не создавалось личного контакта агента с его чекистом-куратором, ибо последние то и дело менялись. Отсутствовало и нормальное взаимодействие между работниками разных чекистских подразделений, что приводило к нередким провалам агентуры. Со значительной частью агентов связь поддерживалась редко и нерегулярно, а встречи с ними плохо конспирировались.

Руководство ГПУ УССР в июне 1933 г., отметив, что работники ЭКО, даже наиболее квалифицированные, повсеместно слабо ведут агентурную работу, приказало всем руководителям аппарата ЭКО принять на связь самых ценных агентов, а также выделить наиболее грамотных и опытных чекистов для агентурной работы, не отвлекая их на прочие служебные мероприятия. В сентябре 1933 г. Ягода в своём приказе отмечал, что многие чекисты-руководители, в т. ч. низовые, не работают с агентами и не участвуют в следствии, в связи с чем реальная агентурно-следственная работа ложится на плечи чекистов-новичков (37). Однако и в середине 30-х годов в таком крупном подразделении, как ЛенУНКВД, спецосведомители почти всегда вербовались и находились на связи у самых неопытных чекистов – практикантов и помощников уполномоченных.

Что касается резидентов, то они, загруженные на основной работе, обычно редко встречались с осведомителями и не могли выполнять инструкторных требований по перепроверке сводок и повышению квалификации рядовых сексотов. Работа резидентов с рядовыми осведомителями пускалась на самотёк, из-за чего сводки, получаемые чекистами от резидентов, не были достаточно ценными. Ленинградские чекисты, как отмечал Н.И. Ежов в начале 1935 г., совершенно не вербовали осведомителей, перепоручая эту обязанность резидентам (38).

Инспекции 1930–1931 гг. показали, что во многих местных отделах ОГПУ в силу запутанности учёта или полного его отсутствия не было

даже приблизительной информации о количестве негласного аппарата, из-за чего связь с агентурой просто терялась. Такое положение было общим правилом в течение всего десятилетия (39). Проверка работы Убинского РО УНКВД ЗСК, проведённая в начале 1935 г., показала, что личные дела на спецосведомителей, резидентов и рядовых осведомителей не были оформлены и подшиты, отсутствовал учёт движения (пополнения и выбытия) сети, не была заведена особая тетрадь, в которой учитывалась агентура (40).

Обычным явлением на всех уровнях, в т. ч. в области внешней разведки, были недисциплинированность и пренебрежение правилами конспирации (41). Из-за грубых нарушений режима секретности нередко наблюдались случаи расконспирации и потери агентов. В конце 1929 г. новосибирские контрразведчики были вынуждены отказать от засылки в германское консульство под видом повара негласного работника, разболтавшего о своих связях с ОГПУ. А позднее в Москве по небрежности произошёл провал нескольких агентов контрразведывательного аппарата ОГПУ, «разрабатывавших» сотрудников одного из посольств (42).

Руководство ОГПУ принимало меры, которые должны были повысить качество агентурной работы. Они были очевидными: проверка кандидатов на вербовку; большее внимание не к рядовым осведомителям, а к немногочисленной квалифицированной агентуре (следует учитывать, что по условиям времени степень квалификации присваивалась в соответствии не столько с общим уровнем подготовки и возможностей агента, сколько с его умением помогать в фабрикации дел); постоянная работа с агентами, систематическая проверка сети, выявление двойников и дезинформаторов; организация учёта агентуры; повышение ответственности чекистов за вербовки.

Однако основные установки ОГПУ фактически ориентировали чекистов прежде всего на производство массовых арестов и вымогательство признаний (43). Весной 1937 г. Ежов констатировал, что 80 % в чекистской работе занимает следствие (хотя нужно наоборот), а чекисты занимаются агентурой лишь в «пределах, необходимых для того, чтобы начать следственное дело» (44). После измен ряда агентов-двойников чекисты стали сильно опасаться предательства своих негласных сотрудников. Основания подозревать часть осведомительного аппарата в недостаточной лояльности имелись, ибо в период коллективизации значительная часть агентуры на селе, с точки зрения чекистов, показала себя «двурушнической», отказываясь от разоблачения «кулаков-повстанцев» (45). Для нелояльности были основательные причины: и насильст-

венные методы вербовки, и упор на массовость агентурной сети среди лиц, враждебных властям.

Очистка сети от тех, кто избегал сотрудничать с чекистами и помогать им фабриковать бесчисленные дела на крестьян, стала одной из главных задач местных органов ОГПУ первой половины 30-х годов. Например, руководство ОГПУ, полагая, что на транспорте активизировались «контрреволюционные элементы», в феврале 1933 г. предписало транспортным отделам пересмотреть осведомительную сеть и вычислить тех, кто передавал искажённую информацию; одновременно предлагалось избегать случайных и непродуманных вербовок. При каждом факте нарушений нормальной работы транспорта линейным уполномоченным приказывалось агентурным путём искать виновников, исходя из того, что они являются членами контрреволюционной организации. В тот же период Ягодой был подготовлен приказ, угрожавший чекистам, которые допустят работу с агентом-двойником, заключением в концлагерь (46).

Тем не менее, даже с имевшимся не до конца лояльным негласным аппаратом чекисты Сибири, опиравшиеся в первую очередь на профессиональных агентов-provokаторов, смогли расстрелять по приговорам *тройки* свыше 5.000 чел. только в 1930 г., что стало рекордной цифрой для региональных чекистских структур СССР. Возможно, имея в виду подобные массовые расправы, авторы учебника по истории КГБ, дезинформируя читателей, сообщали, что в агентурную сеть в первой половине и середине 30-х годов проникло немало враждебных элементов и «участников антисоветских групп», которые сознательно оговаривали ни в чём не повинных людей и провоцировали органы ОГПУ на репрессии. На деле чекисты сами постоянно создавали всё новые «заговоры» и, например, весной 1932 г. работники ПП ОГПУ ЗСК только в сельской местности вели агентурную разработку целых 63 «контрреволюционных группировок», насчитывавших 573 участника (47).

Документы говорят, что на местах установки ОГПУ начала 30-х годов относительно повышения качества агентурной работы были очевидным образом проигнорированы, отчего, по официальной оценке, она в 1933–1934 гг. во многих территориальных, транспортных и особых отделах ОГПУ по-прежнему находилась на низком уровне. В некоторых подразделениях регулярная связь поддерживалась только с одной третьей агентурно-осведомительного аппарата, а многие оперативные работники передавали связь с агентами и осведомителями в руки исключительно резидентов. Таким образом, значительная часть оперсостава просто уст-

ранялась от повседневной агентурной работы, довольствуясь скоропалительными вербовками да рапортами, которые готовили резиденты. Основным ориентиром в оперативных подразделениях была установка на количественный рост осведомительной сети (48). Сотрудники СПО УНКВД ЗСК весной 1937 г. жаловались, что многие директивы прежнего начальства были стереотипны: «завербуйте», «вскройте», «углубите», и не имели конкретного содержания. Сами же новосибирские чекисты нередко составляли отчёты о встречах с агентурой ещё до явки (49).

В результате, например, большинство имевшихся в особых отделах разработок велось годами без каких-либо результатов. Но и прочие подразделения ОГПУ-НКВД не могли похвастаться эффективностью. Материалы проверок райотделов НКВД середины 30-х годов говорят, что в Западной Сибири аналогичные проблемы с непригодными для «реализации» агразработками были обыденностью. Насколько можно судить, почти в каждом РО ОГПУ-НКВД первой половины и середины 30-х годов велись разработки на всевозможные «повстанческие», «вредительско-диверсионные», «хищническо-саботажнические» и даже «шпионские» организации. Но по большинству вёдшихся в районах Запсибкрая в 1933–1936 гг. разработок на «троцкистские» и т. п. организации руководители ОГПУ-УНКВД не давали разрешения на их ликвидацию, ссылаясь на нехватку сколько-нибудь серьёзного обвинительного материала. В результате, например, в Завьяловском РО УНКВД по Алткраю к 1938 г. имелось до 20 «законсервированных разработок» (50).

В условиях, когда разработки большей частью заводились на различные «антисоветские группировки», которых на деле не существовало, иного результата – без откровенной фабрикация агентурно-следственных материалов – и быть не могло. Причинами слабой агентурной работы также были: низкая квалификация и недобросовестность оперработников; частая сменяемость местных работников (начальник райотдела нередко работал на своём месте только несколько месяцев), что приводило к потере агентуры; постоянные переброски партийно-хозяйственного актива и специалистов, среди которых вербовалась квалифицированная агентура; объективная трудность налаживания качественного осведомления силами одного-двух оперативников в небольших райаппаратах и райотделах. Торжествовала практика приписок, создававших иллюзию серьёзной негласной работы. Таким образом, все недостатки в агентурной работе, отмеченные на рубеже 20–30-х годов, были в полной мере характерны и для следующих лет, несмотря на многочисленные грозные приказы руководства ОГПУ-НКВД (51–52).

Количественный состав негласной сети в исследуемый период существенно колебался: в первой половине 30-х годов, когда политическая обстановка резко осложнилась, а численность аппарата ОГПУ выросла в разы, шло интенсивное разбухание сети, насчитывавшей, как отмечал в 1937 г. Н.И. Ежов, миллионы осведомителей (53). К началу 1935 г. НКВД располагал примерно 500 тыс. осведомителей, из которых более 270 тыс. работали в центральных и территориальных органах, а остальные (их сколько-нибудь точный учёт отсутствовал) – в армии, на транспорте и входили в так называемое «дворовое осведомление» Оперода. Численность конспиративной сети по регионам колебалась очень сильно: если в Ленинграде насчитывалось 50 тыс. осведомителей, из которых работоспособной была лишь меньшая часть, то в Северном крае – 12 тыс., а в Саратовском – только 1.200 (54).

Что касается резидентов, то их к началу 1935 г. насчитывалось по СССР 27.650 чел. Все они работали на НКВД бесплатно, совмещая нелегальную службу с работой в учреждениях и на производстве. Число спецосведомителей на тот период Ежову узнать не удалось, поскольку никакого централизованного учёта этой категории агентуры не существовало. Даже отделы ГУГБ НКВД не имели сведений о числе спецосведомления по линии СПО, ЭКО, Особых и транспортных отделов. Эта информация имела только в местных управлениях НКВД. В ЛенУНКВД спецосведомителей было до 2 тыс. чел. В основном они находились на связи у оперработников, а не резидентов, и работали практически всегда тоже бесплатно (55).

К середине 30-х был вновь осуществлён определённый сброс бесполезного осведомления и усилено внимание к специальной агентуре. В августе 1936 г. новый начальник УНКВД ЗСК В.М. Курский провёл оперативное совещание, на котором особо отметил, что работоспособность райотделов будет оцениваться не по количеству осведомительной сети, а по агентурным разработкам на врагов, заведённым местными работниками (56).

В период «Большого террора» перестройка агентурной работы происходила неоднократно. Оперативник Особого отдела ГУГБ НКВД СибВО В.Я. Чуйко летом 1937 г. сетовал, что за минувший год в агентурной работе по указанию свыше несколько раз кардинально менялись методы: «то вербовали пачками, то пачками избавлялись от агентуры» (57). В начале 1937 г. произошло значительное сокращение сети, а затем в оперативных отделах были выделены особые агентурные группы из нескольких опытных работников, занимавшихся работой с негласным со-

ставом и готовивших материал для следователей. Но оказалось, что основное количество следователей вообще не имеет времени на встречи с сексотами, а специальные группы весьма мало занимают агентурной работой из-за занятости на следствии, ибо всякий подготовленный чекист-агентурист почти неизбежно являлся и матёрым следователем.

В октябре 1937 г. лишь 20 % оперативников СПО УНКВД по Новосибирской области работали с агентурой, что касается специальной агентурной группы отдела, то она не была укомплектована сильными работниками и завела только 25 разработок. Работников СПО, много говоривших о необходимости новых вербовок, новосибирские чекисты в своей стенной газете ехидно именовали изобретателями «вербных воскресений». Были предложения в обязательном порядке закрепить за каждым чекистом по 5 агентов, но они остались пожеланиями. Агентурные группы создавались до конца периода «массовых операций», однако, как в конце 1938 г. отмечали в КРО УНКВД НСО, «созданная агентурная группа осталась только на бумаге» (58).

О крайне слабой эффективности агентурных групп говорят такие цифры: в декабре 1938 г. аппарат СПО УНКВД НСО мог отчитаться о годовой вербовке 21 сексота, аппарат КРО – 35, а 8-й отдел, курировавший промышленность, – 39. Хуже всего дела обстояли в 6-м отделе, надзиравшем за военизированными организациями – созданный в августе 1938 г. всего лишь из четырёх оперативников и не имевший арестованных, он к декабрю 1938 г. завербовал 5 осведомителей и ни одного агента. С формальной точки зрения лучшие результаты оказались у 7-го отдела, «обслуживавшего» оборонную промышленность – 75 агентов, включая троих резидентов, однако в этом отделе не велось ни одной агентурной разработки (59). Затем в управлениях НКВД были созданы следственные части, занимавшиеся ведением дел, а все остальные чекисты в основном переключались на агентурную работу, так что количество вербовок каждым оперативником становилось, как и до периода «Большого террора», главнейшим показателем его работы.

Весной 1941 г. нарымские чекисты сообщали в УНКВД НСО, что агентура «ориентируется на вскрытие фактов растраниживания семян на фураж, на цели хищения, порчу а/с элементами в целях срыва сева». Например, осведомитель «Локомотив» сообщил о том, что два работника Коломинской МТС умышленно занимались «порчей новых запчастей трактора». Тогда же барабинские чекисты сообщали в Новосибирск, что «имеющаяся агентурно-осведомительная сеть ориентируется на вскрытие к-р вредительской деятельности в области животноводства

и в подготовке к весеннему севу); продолжается «обставление агентурой» состоявшего на учёте «кулацкого элемента», подбираются кандидатуры на вербовку среди переселенцев для «освещения политнастрое- ний и проработки АСЭ» (60).

Таким образом, для 1937–1938 гг. характерны как массовые репрес- сии в отношении негласного аппарата из чуждых слоёв, так и одновременное значительное уменьшение масштабов вербовок в связи с пере- грузкой следственной работой, в которую были втянуты практически все оперативные сотрудники. Но с 1939 г. агентурная сеть снова стала быстро расти, причём особое внимание уделялось вербовкам на терри- ториях Польши, Румынии, Прибалтики и Финляндии, только что при- соединённых к СССР. Аппараты НКВД в новых регионах формирова- лись за счёт центральных и местных органов, в т. ч. сибирских.

Качество же осведомления по-прежнему оставалось невысоким и нередко вызывало претензии. Чекисты не имели иллюзий относитель- но качества большинства своих негласных помощников. Если предлагаемую ими информацию было невозможно использовать для фабрика- ции какого-либо дела, то подобное донесение подчас даже не считали нужным подшить в рабочее дело агента. О цене таких донесений свиде- тельствовали слова начальника УНКВД НСО И. А. Мальцева, в конце 1938 г. ругавшего подчинённых за несоблюдение конспирации: «...Ходят арестованные в уборную, где в ящиках не только бумага, а иногда и агентурные донесения, которые без разбора бросаются сотрудниками» (61).

В сентябре 1939 г. циркуляр НКВД СССР отмечал очень низкое ка- чество сводок по экономическим вопросам, поступавших из регионов, в т. ч. из Новосибирска и Барнаула. В этих записках не было аналитиче- ских выводов, а сообщаемая информация зачастую основывалась на «непроверенных донесениях малоквалифицированной агентуры». Зато явно фальсифицированные данные об активности в Новосибирской об- ласти германской и японской разведок, полученные из УНКВД в 1940 г., напротив, считались в наркомате очень ценными (62). При этом Отдел кадров НКВД СССР в 1940 г. констатировал, что работа по изучению негласного состава повсеместно поставлена недостаточно (63).

После разделения карательного ведомства весной 1941 г. на аппара- ты НКГБ и НКВД некоторые руководители управлений НКВД демон- стрировали очевидное пренебрежение к агентурной работе. Например, УНКВД НСО возглавил старый чекист, бывший начальник ДТО ГУГБ НКВД Орджоникидзеградской железной дороги, Г. П. Кудинов, который весь- ма мало заботился о качестве материалов, отправляемых для информи-

рования областного партийного руководства. В начале июня 1941 г. по- мощник 1-го секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) Г. Н. Пуговкина жаловался, что докладные записки Кудинова почти ничем не отличаю- тся от сообщений корреспондента газеты «Советская Сибирь», и приво- дил пример чекистской халтуры: «Трактор тракториста Поросенкова на второй день после выезда в поле встал на перетяжку», возмущаясь тем, что из докладной невозможно узнать ни причин поломки, ни даже на- звания МТС (64).

МЕТОДЫ ВЕРБОВКИ

У каждого оперативника ОГПУ-НКВД имелся вербовочный план, со- гласно которому он должен был в течение года заагентурить несколько человек. Не преуспевшие в вербовках оперативники регулярно прораба- тывались как по административной линии, так и в своих партийных организациях, что было постоянной практикой не только 30-х годов, но и последующих десятилетий (65).

Осведомителя вербовали из числа лояльных лиц, не проявлявших «советской активности» и не выглядевшими «коммунистами» в своей среде. «Кулацкие элементы» должны были освещаться лицами из той же среды, но не «идеологами» и «руководителями» – чтобы чекисты могли влиять на них. Для освещения сельской интеллигенции практико- валась вербовка инструкторов наробраза, земельные органы контроли- ровались сетью из агрономов и землеустроителей, кооперативные – агентами из состава правлений и ревизионных комиссий. Для осведом- ления о настроениях молодёжи в районе в начале 30-х годов считалось достаточным иметь двух-трёх осведомителей (66).

Отказ кандидата от негласного сотрудничества был серьёзной не- приятностью для «органов», поскольку существовала вероятность «рас- конспирации методов чекистской работы» со стороны несостоявшегося агента. Тем более, если ухитрившийся ускользнуть из сексотского ошей- ника ещё и отказывался дать подписку о неразглашении проведённой с ним «беседы», как официально именовалась попытка вербовки. При по- лучении сведений о том, что отказавшийся стать агентом распростра- няет сведения о попытке его завербовать, чекисты старались такого чело- века арестовать и отправить в ссылку. Для проверки благонадёжности агентов использовались другие агенты, а также наружное наблюдение и перлюстрация.

В конце 1920-х гг. одним из руководящих документов в негласной работе была «анкета предварительной обработки» объекта, предназначенного для вербовки. Помимо обычных вопросов (социальное происхождение, служба в белых армиях) в анкете были и специфические: личные качества, политические убеждения, политическая эволюция, среда, в которой вращается и степень авторитетности в данной среде, благоприятны ли формы связи с объектом. Указывалось и то лицо, которое должно было освещаться кандидатом на вербовку. Анкета заполнялась сотрудниками ОГПУ на основании данных, полученных негласным путём, и должна была помочь представить агентурные возможности человека, проработавшегося на роль сексота (67).

К попытке завербовать люди относились по-разному. Одни навязывались сами, другие соглашались без особых колебаний, третьих нужно было ломать, четвёртые уклонялись от сотрудничества с «органами» всеми способами. Отказ стать агентом характеризовался как очевидное проявление нелояльности; таких людей нередко старались наказать (добиться увольнения с работы, лишить избирательных прав, арестовать, сослать). Подвергшиеся преследованиям апеллировали подчас в высокие инстанции, но далеко не всегда находили поддержку. С точки зрения основателя ВЧК, принуждение к вербовке являлось нормой, важно было лишь не перегнуть палку и не спровоцировать вербуемого на протест. Дзержинский в записке своему заместителю Менжинскому от 30 марта 1924 г. указывал, что «при помощи обысков, высылки, арестов можно бы получить и информацию, и осведомителей» (68).

Арест всегда являлся эффективным средством приобщения к негласной работе. Например, после прекращения в 1931 г. дела о вредительстве «Паутина» на работников Общества изучения Сибири и её производительных сил, Западно-Сибирского географического общества и Сибирского геодезического управления из 8 освобождённых пятеро стали выполнять задания ОГПУ. После ареста подозреваемого в контрреволюции на него составлялась особая анкета, в которой отмечалась ценность арестованного как потенциального сексота. Если заключённый не давал показаний и демонстрировал нелояльность к органам следствия, то чекисты исключали его из кандидатов на вербовку. Например, поэт Николай Клюев, арестованный в 1937 г. томскими чекистами, категорически отказался признать вину. И в его анкете один из следователей нервно черкнул в графе, отмечавшей целесообразность или нецелесообразность вербовки арестованного: «Ни в коем случае!» (69).

Что касается общей процедуры вербовки, то она была отработанной и базировалась (при тщательном подходе к делу, который демонстрировался далеко не всегда, особенно в провинции) на представлении работника «органов» о характере кандидата в осведомителя, его агентурных возможностях и «качестве» имеющегося на него компромата. Наличие компрометирующих материалов было очень важным обстоятельством, поскольку помогало «зацепить» будущего агента и затем держать на «крючке». В 1930 г. чекисты УСССР в инструкции по агентурной работе отмечали: «Вообще следует учитывать, что обычно наши объекты идут на вербовку только путем определенного давления на них в результате использования имеющихся обстоятельств. Попытки вербовать “на авось”, что практикуется часто, в большинстве случаев заканчиваются неудачами. Как правило, не следует злоупотреблять вызовами на вербовку тех взятых на учет, на которых нет компрометирующих материалов или не обнаружено таких данных, которые способствовали бы успешной вербовке» (70).

Опытный чекист П.А. Судоплатов так напутствовал своих подчинённых: «Ищите людей ущербных, неудачников, озлобленных, совершивших какие-нибудь преступления». Осенью 1939 г. омские чекисты, признавая затруднительность вербовки баптистов, отмечали, что «без наличия на намечаемого к вербовке компрометирующих материалов, могущих обрабатываемого лица скомпрометировать перед общиной, вербовку производить нецелесообразно», ибо она обычно кончается провалом. Чекисты-руководители советовали подчинённым отбирать лиц, отошедших от секты, проверять, не являются ли они нелегальными проповедниками, а затем вынуждать их вернуться в лоно общины с покаянием, что позволяло бы вести «глубокую разработку нелегальных баптистских общин» (71).

Принцип опоры на чем-то замаранного человека, всецело обязанного своим хозяевам и боящегося их, был общим для советской кадровой политики: среди партийно-чекистской номенклатуры всегда хватало людей с каким-либо неблагополучием в анкетах. Чекисты понимали, что качественную информацию может дать только заинтересованный агент. Между тем основное количество агентуры работало за страх, ибо материальное стимулирование агентуры в сталинское время являлось весьма умеренным. Особое внимание чекистов привлекали добровольные доносчики, поскольку они являлись очевидными кандидатами для пополнения агентурной сети. Так, начальник отделения 2-го ЭКО УНКВД НСО В.С. Максимкин в 1938 г. «завербовал одну заявительницу; в ре-

зультате правильного её использования [была] вскрыта контрреволюционная группа». Аналогичные факты отмечались тогда же в работе и других чекистских подразделений (72–73).

Кандидата на вербовку приглашали в укромное место – на конспиративную квартиру, в отделение милиции, в помещение спецотдела предприятия, заводского комитета ВЛКСМ или профкома и т. д. Обычно начинали исподволь: сначала интересовались, считает ли себя собеседник советским человеком, а затем очень настойчиво, часто с угрозами, приглашали к сотрудничеству ради патриотической необходимости выявления антисоветских элементов. Вызывать могли неоднократно, а при отказе сотрудничать обязательно отбирали подписку о неразглашении разговора. Новоиспечённый конспиративный сотрудник заполнял подробную анкету, ему давали псевдоним и осведомляли о характере сообщений, графике и месте встреч. На каждого агента заводили не только личное, но и так называемое рабочее дело, куда подшивались его донесения.

Имя сексота было когда произвольным («Бойкий», «Колонист», «Учёный», «Лиса», «Пулемёт» и т. д.), когда «говорящим»: работник винокуренного завода мог получить кличку «Спирт». Зачастую кличка завербованного начиналась на ту же букву, что и его фамилия. Начальников РО НКВД в сельской местности, злоупотреблявших последним приёмом, периодически предупреждали, чтобы они не называли агентов кличками, совпадающими первой буквой с фамилиями, но в течение 1930-х гг. искоренить эту практику не удавалось (74).

При вербовке чекисты нередко вели себя предельно жёстко, особенно в первые годы существования «органов». Но и в последующем методы насильственной вербовки (угрозы арестом, в т. ч. членов семьи, действительное взятие под стражу и т. д.) применялись повсеместно. Даже официальными источниками отмечено поступление в 1930 г. в приёмную М. И. Калинина жалоб граждан на принуждение к сотрудничеству с ОГПУ под угрозой репрессий (75). Писательница Л. К. Чуковская оставила воспоминания о том, как её – бывшую ссыльную – в феврале 1935 г. вызвали в УНКВД по Ленинградской области и потребовали стать осведомительницей. Получив отказ, чекисты сначала кричали: «Привыкла, что тебя по голове гладят? Мы тебя отучим!», а потом несколько раз выстрелили – не то холостыми патронами, не то в воздух. Тем не менее Чуковская смогла настоять на своём отказе (76).

Номенклатура тоже вербовали очень жёстко (77–78). Важным источником, раскрывающим методы негласной работы ОГПУ-НКВД, является

стенограмма выступления Н. И. Ежова на встрече с мобилизованными в НКВД молодыми коммунистами и комсомольцами 11 марта 1937 г. В ходе встречи нарком предельно откровенно высказался относительно обычных методов вербовки органами ОГПУ-НКВД: «Агента не готовляли для вербовки, а просто вызывали в ЧК или в какую-нибудь тёмную квартирку, конспиративку. Угрожали, если он не соглашался быть агентом, и таким образом вербовали агентуру». С точки зрения Ежова, подобные способы заагентуривания были не только вполне допустимыми, но должны были применяться и далее: «...Можно и уголовное дело создать, имеется масса возможностей для этого. Вы должны создать такие условия и среду, при которых он [агент – А. Т.] сам к вам в лапы ползет, чтобы Вы его привязывали не ниточкой, а настоящим стальным канатом, и чтобы с него взять именно всё».

Заявив, что «у нас осведомительная сеть и сейчас очень широкая, а в своё время (в первой половине 30-х гг. – А. Т.) она была более широкой... временами она исчислялась миллионами людей», Ежов раскритиковал «валовой» подход, приводивший к раздуванию сети за счёт неквалифицированной и зачастую бесполезной агентуры. Также нарком отметил, что чекисты привыкли опираться на доносы неквалифицированных осведомителей, из сообщений которых не всегда ясно, что те хотели сообщить, и не умеют выращивать агентов, способных раскрывать сложные дела. Подчеркнув, что кадры резидентуры обычно готовились из осведомительской среды путём отбора наиболее грамотных и толковых секретных сотрудников, Ежов призвал наладить взаимодействие осведомителей и квалифицированных агентов, немедленно вербуя агентуру для качественного освещения тех дел, о которых первая и поверхностная информация поступает от осведомителей. Призвав отказаться от использования бесплатных агентов, нарком велел оплачивать сведения сексотов, исходя из их действительной ценности. Также Ежов потребовал умело руководить агентурой, воспитывать и поощрять её (79–81).

Чекисты с целью показать хорошую отчётность шли по самому простому пути: вербовали в основном рядовых осведомителей, зачастую перепоручая эту процедуру резидентам, которые становились фактически негласными уполномоченными. Со временем многие резиденты переводились на штатную оперработу – особенно в конце 1920 – начале 1930-х гг., когда срочно потребовалось сформировать органы ОГПУ в каждом районе. Несмотря на помощь резидентов, некоторые чекисты среднего уровня имели на связи свыше 100 агентов. Вряд ли при таких перегрузках можно было получать ценную информацию. Но, поскольку

чекистов интересовали прежде всего компрометирующие материалы на граждан, обилие подобных сведений считалось гарантией должного качества поступавших материалов.

В связи с тем, что карательная политика увеличивала контингенты недовольных, постоянно предпринимались усилия по расширению агентурного наблюдения. Приказом ОГПУ в июле 1931 г. была объявлена инструкция по учёту и разработке антисоветских и контрреволюционных элементов по линии СПО, в которой выделялись определённые контингенты. Приказы ОГПУ от 25 сентября 1931 г. «Об усилении агентурно-оперативной работы по ссыльному кулачеству» и от 8 декабря 1932 г. «Об агентурно-оперативной работе в деревне» показывали внимание тайной полиции к усилению наблюдения в деревне уже после нанесения основных террористических ударов 1930–1931 гг. по «кулакам» и «подкулачникам» (82). Большое внимание уделялось созданию осведомления в местах крестьянской ссылки.

В первой половине 1930-х гг. вербовка агентурно-осведомительной сети была поставлена очень широко и число сексотов быстро росло. О масштабах негласной чекистской работы в Западной Сибири некоторый материал дают следующие цифры: к январю 1939 г. в архиве УНКВД НСО насчитывалось 10 тыс. агентурных дел и 15 тыс. дел-формуляров, т. е. досье на «подучётный элемент» (83). Следует учитывать, что действительное число досье и разработок было намного большим, поскольку они заводились и определённое время хранились во всех местных подразделениях: райгоротделах, транспортных оперпунктах, оперчекотделах лагерных отделений, после чего – если не были «реализованы» – поступали в архив управления НКВД.

Из цифр, представленных в ноябре 1933 г. работниками Тяжинского РО Томского оперсектора ОГПУ, следовало, что контрольные цифры «насаждения сети на мирное и военное время» – 462 чел. (42 резидента, 33 спецосведомителя, 387 осведомителей) были непомерно велики, поэтому чекисты утверждали, что могут добиться «насаждения» в районе лишь 351 агента – 38 резидентов, 22 спецосведомителя и 291 осведомителя (84). Задание оперсектора означало не менее 100 осведомителей и 10 резидентов на каждого оперативника, из-за чего негласная работа становилась во многом формальной, а основные функции руководства осведомительной сетью ложились на плечи резидентов. Найти же в рядовом районе порядка 75 квалифицированных негласных работников для исполнения обязанностей резидентов и спецосведомителей, как указывалось в заданиях для Тяжинского РО ОГПУ, было практически не-

возможно. В связи с этим говорить о реальности принятых обязательств в районных отделах ОГПУ не стоит. Но если чекисты смогли «насадить», как запланировали, 38 резидентов и 22 спецосведомителя, это значит, что они, вероятно, завербовали основную часть районного начальства и специалистов.

Между тем нагрузка на заместителей начальников политотделов МТС и совхозов по оперработе (ЗНПО) была заметно меньше: 3–4 резидента, а также 7–9 спецосведомителей, занятых в агентурных разработках. Например, в Ададымском зерносовхозе (входил в сферу действий Томского оперсектора ОГПУ) сеть, которой руководил ЗНПО, насчитывала (на 1933 или 1934 г.) 28 чел (85). В других районах ЗСК нагрузка на ЗНПО также была в разы меньше, чем на работников райотделов.

Как сообщал начальник Венгеровского РО УНКВД ЗСК Д.И. Надеев, в середине 1930-х гг. в районе работало семеро ЗНПО по работе НКВД в совхозах. Семёрка «совхозных» чекистов на осень 1936 г. «обслуживала» общим счётом от 1.000 до 1.500 чел., располагая на всех лишь 25–30 работниками негласного аппарата. На каждый совхоз приходилось 150–200 работников, «обслуживаемых» НКВД – то есть той подозрительной массы, за которой велось наблюдение силами нескольких агентов. Напротив, райотдел НКВД, состоявший всего из двух работников – Надеева и его помощника – обслуживал (как уверял Надеев) с помощью почти 200 осведомителей и агентов 36 сельсоветов, 120 колхозов, 2 совхоза, т. е. порядка 5.000 чел. С точки зрения Надеева, эффективность агентурной работы ЗНПО была очень низкой и почти все проведённые ими дела носили общеуголовный характер (86).

Естественно, что в крупных городах агентурная сеть была особенно разветвлённой: Б.И. Сойфер, работавший в 1936 г. замначальника Барнаульского горотдела НКВД, имел на связи более 150 негласных сотрудников и, по его словам, сидел в горотделе за приёмом агентуры «день и ночь». Получалось, что Сойфер в одиночку курировал чуть ли не половину сети в 200-тысячном городе, ибо по секретно-политическому отделению горотдел имел к весне 1937 г. 190 агентов, а по контрразведывательному – 90; что касается штата, то ГО НКВД насчитывал менее 20 оперативников (87).

Чекисты подробно освещали настроения работников крупных предприятий. Например, перед праздниками в управлениях НКВД создавались специальные оперативные группы, ежедневно информировавшие руководство о ситуации на стратегических объектах и настроениях населения. Так, 30 апреля 1937 г. старший опергруппы УНКВД на левобе-

режной ГРЭС предъявил дежурному УНКВД по левобережному участку – помначальника СПО УНКВД ЗСК А. Р. Горскому – два агентурных донесения, из которых следовало, что за истекшие сутки каких-либо происшествий и «резких антисоветских настроений» на ГРЭС не наблюдалось, а было только недовольство культурным обслуживанием (мало новых кинофильмов, отсутствие ресторана) и урезанием премиальных (88).

Напротив, в сельских районах ситуация с осведомлением в совхозах и МТС зачастую могла быть весьма невыразительной. Из записки Тюменского оперсектора ОГПУ о полунегласном обследовании колхоза «Новая деревня» в д. Точкалово Тюменского района по состоянию на 15 марта 1932 г. следовало, что в колхозе из 25 дворов 17 были населены сектантами – адвентистами 7-го дня, а осведомитель был только один – завербованный месяцем раньше секретарь Аманадского сельсовета А. Н. Демидов, тоже член секты. Он характеризовался как «вполне грамотный», но чекисты подчёркивали, что «располагать на его откровенность и дачу нам правильных сведений нужно критически». Демидов «виделся один раз с сотрудником СПО Орловым при вербовке, от которого получил достаточный инструктаж», но с тех пор чекисты с агентом не встречались, и тот не мог передавать им материалы. Работники Тюменского оперсектора ОГПУ отмечали необходимость приобретения ещё одного осведомителя «для перекрытия донесений первого и дополнительного освещения группы адвентистов и колхоза» (89).

Резидентов, курировавших осведомителей, нередко приходилось заменять. Заместитель председателя Кочковского РИКа и одновременно районный резидент ПП ОГПУ ЗСК М. Е. Копейкин «был пристрастен к спиртным напиткам», за что в 1930 г. «населением от руководства в районе был отстранён», что наверняка сильно уменьшило его ценность как агента. А резидент в Тогучинском районе ЗСК коммунист и бывший партизан Крылов был в середине 1930-х гг. исключён из сети за неработоспособность (90).

Характерной и постоянной чертой чекистской критики и самокритики на местном уровне были сетования на невнимание к агентурной работе и её слабый уровень. Оперуполномоченный Особого отдела СибВО Мануйлов в июне 1937 г. признавал: «Если бы меня спросили, что я сделал в конвойном полку за время, которое я с ним работал, я бы не знал, что сказать, потому что таковы условия. Полк в подавляющем большинстве находится в разъездах, агентуру поймать трудно...». Тогда же в Транспортном отделе ГУГБ НКВД Томской железной дороги отмечали, что сотрудниками до сих пор не выполнены решения февральско-

мартовского пленума ЦК о перестройке работы с агентурой и о привлечении новых агентурных кадров (91). В 1937–1938 гг. на связи у начальника Куйбышевского оперсектора УНКВД НСО Л. И. Лихачевского было примерно 15 агентов. Оперативник Топчихинского РО УНКВД по Алткраю С. М. Чеботарёв в конце 1930-х гг. обвинял своего начальника в том, что тот встречался два раза в месяц всего с двумя-тремя агентами, а оперсовещание за восемь месяцев работы провёл лишь одно, да и то вопросы, касавшиеся осведомительной сети, обсуждал в присутствии милиции (92).

Особенно рьяно работники НКВД критиковали недостатки агентурной работы в период «массовых операций». Характерно, что при этом они ограничивались исключительно выражением своей крайней озабоченности в связи с повсеместной запущенностью ситуации, не предпринимая почти ничего для её исправления. Замначальника СПО УНКВД НСО К. К. Пастаногов 25 октября 1937 г. отмечал: «[Кулацкая] операция проводилась без агентурных данных и поэтому допускались казусы, мы арестовывали близких нам лиц. К операции подготовка велась только два дня, а отсюда и качество...». Тогда же начальник 7-го отделения КРО Н. А. Ульянов сокрушался по поводу того, что в течение сентября и октября «не дал ни одного рапорта об агентурной работе и с меня никто их не спрашивает. ... Старую агентуру потеряли, а новую не приобрели, имеющаяся же агентура работает неактивно. Существующее у нас 9 отделение имеет довольно большое количество агентуры, а принимается её мало, учёта агентуры нет». Ульянову вторил опытный чекист из СПО Г. К. Филимонов: «... К [резидентам] у нас самое лёгкое отношение. Это, по сути дела, негласные уполномоченные, а мы с ними не работаем» (93).

Начальство постоянно давало указания выправить ситуацию с агентурой. Бывший начальник Топчихинского райотдела НКВД П. И. Циунчик показывал, что 8 февраля 1938 г. в управлении НКВД по Алтайскому краю проводилось оперсовещание, на котором была дана установка «вербовать смелее из той среды, которую собираетесь разрабатывать». На вопрос следователя: «Однако на оперсовещании не было дано права вербовку производить без санкции краевого управления, тем более из числа лиц разрабатываемых?» Циунчик ответил: «Да... но было сказано, что вербовать смелее и немедленно для активизации разработки быв. партизан, контрреволюционно настроенных, сектантов и других...». В сентябре 1938 г. заместитель начальника УНКВД НСО А. С. Ровинский велел контрразведчикам «смелее вербовать из вражеской среды и заставлять врага работать по выявлению к-р подполья» (94).

Партком УГБ УНКВД НСО весной 1938 г. так планировал воспитание молодых чекистов: «Разбором агентурных разработок добиться ясного представления молодыми чекистами: а) порядка заведения агентурных разработок; б) вербовки агента и ввода [ее] в разработку; в) руководства агентурой в процессе ведения разработки; г) перепроверки донесений агентуры; д) вывода агентуры из разработки при оперативной ликвидации [группы]. В области следствия молодые чекисты должны были быть обучены оформлению следственных дел, использованию при допросах агентурных и других уликовых данных, умению вести “квалифицированный допрос обвиняемого”» (95).

Однако круглосуточно занятым на следствии оперативникам, как правило, было не до вербовок. Начальник ДТО А.П. Невский в апреле 1938 г. признавал, что, хотя и имеет на связи нескольких агентов, встречается с ними нерегулярно, не берёт на явки молодых работников и не учит их вербовать. Тогда же помначальника КРО УНКВД НСО Н.С. Великанов критиковался за то, что за январь-апрель «не завербовал ни одного агента», а оперативник КРО Ю.Д. Берман каялся: «...Я в течение шести месяцев с агентурой не работал, был занят на следствии. [...] Со мной работает тов. Головин. Я брал его на явки, я хожу с ним, но не указываю ему на линию поведения с агентом, т.к. я сам молодой, ни от кого не получал направления в агентурной работе...» (96).

В декабре 1938 г. помначальника КРО УНКВД НСО В.Д. Качуровский докладывал, что, с одной стороны, 80–85 % агразработок и дельформуляров в его отделе приведены в порядок и зарегистрированы Учётно-архивным отделом, но в агентурной разработке контрразведчиков находится только 38 % учитываемого отделом контингента, а негласных помощников завербовано за последний год 35 чел. Установив, что среди сексотов только трое являются агентами, а все остальные – рядовые осведомители, А.С. Ровинский недовольно заявил: «Спрашивается, зачем им (контрразведчикам – А.Т.) осведомители? Им нужно иметь исключительно агентов». Руководящие работники УНКВД тогда же отмечали, что ни в одном отделе не изучались на предмет надёжности новые агенты, так же как не было случаев перепроверки сведений путём наблюдения за агентом другого секретного сотрудника (97).

Репрессии в период «массовых операций» 1937–1938 гг. основательно выкосили агентурную сеть и усугубили провальную ситуацию в освещении. Контрразведчик УНКВД по Алтайскому краю А.В. Ковешников показывал, что в это время «большая часть старой агентуры б/Барнаульского гор. отдела [оказалась] пересажена», новые вербовки не производились и большинство оперативников совершенно не вели ра-

боту по созданию агентурного аппарата (98). В директиве ДТО ГУГБ НКВД Томской железной дороги от 3 марта 1939 г. отмечался крайне низкий уровень агентурной работы в местных отделениях: агентуры было мало, резиденты, а также целевые вербовки отсутствовали, работники редко выезжали на отдалённые станции, графики встреч с агентами руководством не контролировались, «пассивная» агентура не отсеивалась, имевшиеся агентурные «зацепки» не превращались в разработки (99).

О пренебрежении агентурной работой говорилось и в известном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». Недостаточное внимание к агентуре стало одним из поводов придаться к работе самого «железного наркома». Н.И. Ежов в письме Сталину от 23 ноября 1938 г., где просил отставки, соглашался с критикой негласной деятельности НКВД: «Главный рычаг разведки – агентурно-осведомительная работа – оказалась поставленной из ряда вон плохо» (100).

Чекистам пришлось принимать меры для исправления сложившейся ситуации, но они стали действенными только после окончания периода массовых чисток. В конце периода «Большого террора» чекисты приступили к восстановлению и преумножению агентурной сети. В июне 1939 г. бывший начальник СПО Кемеровского горотдела НКВД И.Т. Ягодкин писал в УНКВД и горком партии о своих недавних заслугах: «Принято мною по 4-му отделению (с января 1937 г. – А.Т.) 106 человек негласного аппарата, из них: 17 отсеяно как балласт, двурушники и провокаторы, 79 человек вновь завербовано отделением (за 1939 г. все завербованные не включены, не имею данных) и при сдаче отделения передано 163 человека. Новую агентуру лично сам приобретал... сам работал с агентурой... на личной связи имел 19 человек, также присутствовал на явках... 3-му отделению (контрразведывательному – А.Т.) передано три разработки (“Искатели”, “Колчаковцы”, дело Немировец), 2-му отделению (СПО – А.Т.) передано агентурных дел – 7 (“Сектанты”, “Химики”, “Церковники”, “Повстанцы”, “Русский Союз”, “Отопленцы”, “Технологи”) и другой одиночный учтённый АСЭ...» (101).

О масштабах работы по восстановлению сети в транспортном отделении НКВД ст. Барнаул говорит такой факт: в марте 1939 г. оперативник Ерёмин планировал в ближайшее время «завербовать агентуры целевого назначения 15–20 чел.» и приступить к насаждению резидентов в лестранхозах (целевое назначение означало, вероятно, подводу агентуры для освещения конкретного человека). В отчёте о работе с кадрами УНКВД НСО сообщалось, что в 1940 г. негласный оперсостав доста-

точно высокой категории – занимавшийся наружной разведкой и контролем переписки – насчитывал в области 85 чел. (102).

Большой проблемой являлась слабая общая подготовка чекистов: некоторые сибирские оперработники конца 1930-х – начала 1940-х гг. были настолько малограмотны, что оказывались не в состоянии письменно изложить полученную от агента информацию. Для обучения нового пополнения в управлениях НКВД на местах обобщался опыт массовых репрессий, анализировались особенно громкие, выдающиеся дела прошлых лет. В августе 1940 г. омским чекистам была разослана инструкция УНКВД за подписью его начальника М. Е. Захарова «Об агентурно-оперативной работе с контрреволюционной деятельностью церковников и религиозных национальных (немецких и др.) сект», в которой сообщалось о выпуске специального сборника справок по контрреволюционной деятельности церковников и сект в помощь оперативным работникам, т. к. в «органы НКВД на оперативно-чекистскую работу пришло много новых людей, не имеющих достаточного теоретического и практического опыта в агентурно-оперативной работе вообще и, в частности, по контрреволюционному сектантству и церковникам» (103).

Списки лиц, проработывавшихся агентурным путём, начальники райотделов периодически отсылали в областной аппарат – в виде отчёта о проделанной работе. Весной 1941 г. начальник Доволенского межрайонного отделения НКГБ отправил – по указанию начальника УНКГБ – в Новосибирск список 66 руководящих работников сельского хозяйства с указанием компрометирующих материалов, которые были получены от 73 сексотов, агентов и резидентов, а также с помощью анонимок и доносов. Уровень работы источников можно видеть из агентурных сообщений «Котова» и «Кларнета» в отношении заведующего Доволенской райбольницей А. И. Каца, которые гласили: «Высказывает диверсионные настроения по уничтожению колхозного скота. Подозрителен в умышленном распространении заразных болезней среди населения». На одного из председателей колхозов имелась информация сразу от пяти осведомителей, что свидетельствовало о значительной плотности агентурной сети, ориентированной на сбор данных о «вредительстве» (104).

МЕСТА ЯВКИ

Встречи чекистов с осведомителями происходили обычно на конспиративных квартирах, где либо вообще никто не обитал, либо жил проверенный человек, который во время встречи оперативников с агентами

просто уходил из дома. Тайных агентов их кураторы часто принимали на явочных квартирах, принадлежавших надёжным лицам, чья профессия помогала сексотам беспрепятственно посещать эти явки: врачам, адвокатам и т. д. (105). Содержателей явочных квартир старались привлекать из числа коммунистов, их родственные связи тщательно проверялись.

В сельской местности, где оборудовать тайную квартиру было сложно, агентура зачастую являлась прямо в здание райотдела ОГПУ-НКВД либо на квартиру к чекистам, что нередко приводило к лёгкой расшифровке осведомителей (резиденты же имели реальную возможность принимать осведомление только на дому). В середине 30-х годов врид начальника Убинского РО УНКВД ЗСК С. Ф. Мочалов пожаловался агенту, увидевшему скопление посетителей в здании райотдела: «Понимаете, нет конспиративной квартиры, очень неудобно принимать здесь народ» (106).

Но и в Новосибирске оперативники в середине 30-х годов принимали агентуру прямо в здании управления НКВД, в связи с чем положение о приёме сети резидентами на конспиративных квартирах вряд ли работало. Барнаульские чекисты-транспортники весной 1939 г. предлагали прекратить приём агентуры в здании отделения ДТО НКВД и подыскать конспиративную квартиру. Поэтому часто осведомители приходили к своим резидентам на дом. Для явочных целей использовал свою квартиру даже замначальника ИНО НКВД П. А. Судоплатов (107).

Для тайного проживания агентуры, которая на время приезжала из других регионов, чтобы потом быть отправленной с новыми заданиями, уже в начале 1920-х гг. оборудовались специальные конспиративные квартиры, содержащиеся проверенными сексотами. Так, в 1921–1922 гг. новониколаевские чекисты содержали большую трёхкомнатную конспиративную квартиру №4 по улице Барнаульской 56, которая использовалась для приёма приезжей агентуры (108). Подбор конспиративных квартир в условиях многолетнего жилищного кризиса представлял немалые трудности для чекистов. Начальники отделений сами должны были подыскивать конспиративные квартиры, которые к тому же периодически приходилось менять, чтобы не рассекретить свою работу. В конце 30-х годов такими точками стали квартиры даже в самом известном жилом здании Новосибирска – номенклатурном 120-квартирном доме, где селили преимущественно чекистов. Например, агент «Калиновский», в 1937–1938 гг. активно работавший по «церковной контрреволюции», был поселён именно в этом доме. Под некоторые явочные квартиры НКВД 30-х годов в Москве использовались коммуналки (109).

Молодые оперативники приходили на явки с куратором из числа опытных чекистов и учились работе с агентом. Но из-за безответственности начальства нередко случались различные казусы, приводившие к расконспирации чекистской работы.

Бывший томский особист С.С. Чернов пояснял – при допросе по делу исполнявшего обязанности начальника особого отдела 78-й стрелковой дивизии П.И. Циунчика, – что в 1936 г. он «обслуживал» 232-й полк и имел в своём распоряжении конспиративную квартиру, принадлежавшую домоуправлению полка. Она должна была содержаться за счёт так называемого «9-го параграфа», предусматривавшего расходы на оплату агентуры, но в течение года за эту квартиру чекисты не платили. В итоге помощник командира полка распорядился в один прекрасный день взломать замки и поселить в неё одного из командиров, который явился вечером в момент, когда Чернов принимал на этой явке своего агента. Командир принялся скандалить, требуя от чекиста удалиться, и мотивировал свои претензии тем, что днём в ней Чернова никогда не бывает и поэтому тот может без квартиры обойтись: «Этот командир следил за мной, кто ко мне ходит и почему обязательно вечером». Чернов также обвинял Циунчика в том, что тот расходовал конспиративные средства по «9-му параграфу» на дрова для отопления своей квартиры и требовал, чтобы Чернов содержал явку за собственный счёт (110).

Обыденной причиной нарушений конспирации являлись пьянство и распущенность чекистов, постоянно использовавших явки для пьянок и интимных свиданий. Пример здесь подавал сами наркомы Ягода и Ежов. В середине 30-х годов руководящие сотрудники УНКВД по Московской области А.П. Радзивилловский, А.В. Виктор-Вишняков, Г.М. Якубович и другие безнаказанно устраивали кутежи на конспиративных квартирах, оплачивая их деньгами, которые вымогались у агентов-священнослужителей (111). Начальник отделения ДТО УНКВД по Омской области М.Я. Завьялов в декабре 1938 г. был исключён из партии и вскоре уволен из «органов» за присвоение денег арестованных, а также за то, что в нетрезвом виде «допустил факт расконспирации, явившись на конспиративную квартиру с посторонней женщиной... буфетчицей ст. Омск, с которой имел связь» (112).

Часто конспиративных помещений не хватало даже в областных центрах, поэтому на отдел в областном управлении НКВД в 1938 г. могла приходиться единственная квартира, на пороге которой скапливались «очереди ожидающей приёма агентуры» (113). Порой чекисты ловили своих осведомителей в случайных местах. В конце 1938 г. начальник

8-го отдела УНКВД по НСО Н.Х. Мелехин озабоченно указывал, что оперативник С.М. Заяринов «встречал ценного агента на улице, и от этого качество агентурного материала невысокое». Его коллегу, опытного оперативника СПО УНКВД И. П. Губанищева, начальство распекало за то, что он «пошёл на конспиративную квартиру в форме, чего делать ни в коем случае нельзя». Такие же сложности были в рассматриваемый период и у чекистов Украины: в г. Сталино (Донецке) из-за недостатка явок чекисты некоторых сексотов принимали в собственных квартирах или прямо на улице (114).

Явочные квартиры удавалось конспирировать далеко не всегда. В сёлах и маленьких городах работников ОГПУ-НКВД знали в лицо и те, кто с ними встречался, нередко оказывались на виду. Сотрудников госбезопасности их настоящие противники могли и перехитрить. П.А. Судоплатов вспоминал, как после советской оккупации западно-украинских территорий местные националисты вели пристальное наблюдение за зданием НКВД во Львове, определяли по наличию характерных сапог советского образца переодетого в штатское чекиста, после выхода из здания секретно «вели» его и так вычисляли явки, которые посещали оперработники и их агенты (115).

РАСКОНСПИРАЦИЯ АГЕНТУРЫ

Секретность работы и кадров чекисты тщательно оберегали. Одной из причин существования органов внесудебной расправы было именно стремление скрыть деятельность агентуры, чья работа оказалась бы расшифрованной при гласном судебном рассмотрении. Однако в обыденной жизни случаев расконспирации негласной работы хватало: пьющие и недисциплинированные чекисты постоянно теряли секретные документы, включая списки агентов, делали достоянием гласности свои контакты с осведомителями.

Замначальника политотдела Таштыпского молмясовхоза по оперработе (Красноярский край) В.А. Хмыров в октябре 1935 г. был исключён из ВКП(б) за систематическое пьянство, устройство незаконных обысков и потерю записной книжки с псевдонимами сексотов. Начальник оперотдела УНКВД по Читинской области Н.И. Громов в ноябре 1938 г. оказался исключён из компартии за бытовую связь с осведомителем-«шпионом» Коротковым и нарушение «чекистской дисциплины», а затем уволен из НКВД (116).

Сами сексоты также нередко расшифровывали себя или коллег. Например, осуждённый за злоупотребления и воровство бывший ташкентский чекист С. В. Орлов был старшим осведомителем Информационно-следственной части Вишерских лагерей ОГПУ и в 1931 г. оказался осуждён за избивание заключённых. Также его обвиняли в утере списка осведомителей командировки Чувал – с именами, фамилиями и кличками (117).

За раскрытие своей связи с «органами» негласные агенты несли суровую ответственность – для этого проступка в уголовном кодексе существовала статья № 121, имевшая довольно широкое применение. Так, за 1924 г. органами ОГПУ СССР за расконспирацию было осуждено 138 чел., а в 1925 г. – 185. С июля 1926 по июнь 1927 г. по ст. 121 УК было осуждено 16 сексотов ПП ОГПУ по Сибкраю (118). Большинство осуждённых сексотов получало ссылку, но, начиная с тридцатых годов, их зачастую наказывали более сурово – тремя годами лагерей.

Необходимость вести двойную жизнь, регулярно встречаться с резидентами и оперработниками, сообщая им сведения о коллегах и знакомых, вызывали у сексотов серьёзный стресс. Бывали случаи, когда соглядатайство приводило агента к психическому срыву. В начале 1935 г. секретного сотрудника НКВД с пятилетним стажем А. И. Колчина, служившего инспектором госдоходов краевого финуправления в Новосибирске, работа на «органы» довела до сильнейшего невроза. Колчина, связанного с начальником отделения ЭКО В. Г. Болотиним, неожиданно передала на связь новому «оператору» – сотруднику Госстраха (ранее работавшему в горфинотделе) и одновременно резиденту НКВД Королёву. Тот при первой встрече назвал кличку Колчина – «Смелый» – показав тем, что знает про агента всё что нужно, и велел приходить для встреч на свою квартиру по ул. Коммунистической, 96 (неподалеку от здания управления НКВД). Две встречи произошли в феврале, три – в марте. Королёв поручил «Смелому» собирать сведения о настроениях в коллективе, а главное, связаться с «бывшими людьми», установив связь и наблюдение за С. К. Хмелевцевым и Губиным из госбанка, С. Плоткиным из крайисполкома, инженером Б. П. Лепаринским (расстрелян в 1937 г.), плановиком С. А. Меньшениным (в 1942 г. получил 8 лет за «антисоветскую агитацию»), Ив. Ульяновым – как подозрительными для чекистов лицами.

Но в марте 1935 г. «Смелому» вдруг стало казаться, что за ним следят. Взвинченный финработник пришёл к начальнику сектора госдоходов Комму и рассказал ему о слежке за собой и своей работе по осведомлению

соответствующих органов. Начальник тут же сообщил куда надо, после чего болтуна арестовали. Врачебная экспертиза показала, что Колчин здоров, но является невротической личностью. С него взяли подписку о невыезде и вскоре передали дело на предмет внесудебного решения. ОСО при НКВД СССР 28 октября 1935 г. осудило сексота на три года ссылки в пределах Западно-Сибирского края (119).

Некоторые граждане за смелость отказаться стать доносчиками платили высокую цену. Не поддавшийся чекистскому шантажу и сознательно нарушивший конспирацию техник новосибирского «Мелиоводстроя» В. М. Павчинский «за отказ сотрудничать с ОГПУ по выявлению антисоветски настроенных граждан» был осуждён Коллегией ОГПУ в апреле 1933 г. по ст. 121 УК РСФСР к трём годам лагеря (120).

Завербованные представители «чуждых социальных слоёв» нередко разоблачали свою негласную работу совершенно сознательно, хотя наказания за это могли быть жесточайшими, особенно в период «Большого террора». Наиболее ненадёжными агентами были верующие, чьи духовные устремления были максимально далеки от доносов и провокаций. Характерны в этом отношении провалы Славгородского окротдела ПП ОГПУ по Сибкраю. В марте 1930 г. славгородские чекисты обвинили арестованного немца-меннонита П. Нейфельда в том, что он активно вёл агитацию о необходимости эмиграции немцев, при этом, «являясь источником, не только не доносил о готовящейся эмиграции [в Германию] среди населения, а своими донесениями вводил нас в заблуждение, указывая на то, что никаких разговоров про эмиграцию нет и всё обстоит благополучно» (121).

Завербованный Славгородским окротделом ОГПУ в 1930 г. под псевдонимом «Штопор» проповедник-меннонит Я. А. Ремпель отказывался от работы и вместо порученного разложения сектантской общины, напротив, укреплял её. Арестованный омскими чекистами как «двурушник», Ремпель в начале 1933 г. твёрдо показал: «Я работать с самого начала дачи мною подписи отказывался... потому, что не хотел предавать людей в руки ГПУ». *Тройкой* ПП ОГПУ Ремпель за «антисоветскую агитацию» был осуждён на 10 лет заключения. В ходе следствия по делу Гальштадского восстания 2 июля 1930 г. в Немецком районе чекисты выявили нелояльность уже не осведомителя, а важного агента. Оказалось, что спецгент следственно-оперативной группы Славгородского окротдела ОГПУ П. А. Кригер в первой половине 1930 г. «не только не освещал действительное положение вещей в эмиграционном движении в районе, но сам принял активнейшее участие в этом движении». Кригер был осуждён на 10 лет лагерей (122).

В марте 1932 г. максимальные сроки заключения – по 10 лет концлагерей – получили томский ксёндз Ю. М. Гронский и один из его прихожан. Последний, ставший по принуждению ОГПУ сексотом для слежки за ксёндзом, позже раскаялся и всё чистосердечно рассказал своему духовнику. Эта «расконспирация» вызвала особую ярость чекистов, что отразилось на жестокости наказания (123).

Арестованный в феврале 1933 г. новосибирский священнослужитель Иосиф (Иннокентий) Ливанов – брат епископа Тарасия – показал: «Весной 1932 г. я дал обещание органам ОГПУ быть сотрудником, но в силу своих политических убеждений... я не мог сообщать в ОГПУ ни об одном факте известных мне контрреволюционных проявлений... я не сообщил и о известной мне существующей в Новосибирске к/р организации, в которой я состоял». Священник Змеиногорской церкви на Алтае П. В. Демидов в 1937 г. был арестован и, помимо антисоветской агитации, обвинён в том, что, будучи сексотом, «подавал неправильные материалы на контрреволюционный элемент и тем самым прикрывал свою подрывную деятельность». На допросе он признал, что «старался ввести в заблуждение органы НКВД, сознательно поступал как двурушник». В январе 1938 г. отца Павла расстреляли (124).

Аналогично поступали многие завербованные священнослужители и в соседних регионах. Например, арестованный в 1937 г. Челябинским УНКВД агент по разработке духовенства «Ручёв» показал: «Я считал недостойным выдавать своих близких...», а его коллега «Севастьянов» сделал такое заявление: «С органами НКВД я был связан 7 лет, но идейно не работал, а если и писал кое-что, то только из-за боязни репрессий» (125).

Верующие проявляли особенную твёрдость в противостоянии чекистам, но стремление сбросить с себя вериги осведомительства наблюдалось среди жертв массовых вербовок постоянно. В 1930 г. для разработки «красного профессора» А. Н. Слепкова был завербован арестованный и затем освобождённый Павел Кротов из самарской группы «рютинцев» (Слепков тогда жил в Самаре), который о своём сотрудничестве с ОГПУ сообщил Слепкову. Молодой московский поэт Иван Приблудный в начале 1930-х годов сознательно расконспирировал себя, категорически не желая доносить – и оказался за это в ссылке в Астрахани, где его снова завербовали, показывая, что он напрасно надеялся скинуть чекистскую удавку... (126).

В конце 1940 г. чекисты разоблачили и арестовали осведомителя-трудпоселенца «Романова» из пос. Берёзовка Пихтовского района Новосибирской области, работавшего в промартели. Он рассказывал знакомым

о получаемых заданиях, «приёмах конспирации при явке в райотделение НКВД», о разрабатываемых «органами» лицах и даже о том, кого они собираются арестовать. Работал на «органы» он с 1938 г., давая информацию о хозяйственной деятельности артели и антисоветских высказываниях председателя колхоза и заведующего фермой, но в 1940 г. стал уклоняться от явок и утверждать, что разрабатываемые им лица прекратили заниматься антисоветской деятельностью. По мнению чекистов, привлечших «бывшего кулака» по ст. 121 УК и осудивших постановлением Особого совещания на три года ИТЛ, «Романов» расконспирировал свою работу «в целях приобретения авторитета» среди окружающих (127).

Карательным структурам далеко не всегда удавалось спрятать следы работы своих негласных агентов. При очных ставках, а также во время ознакомлении с материалами следственного дела обвиняемый нередко мог без труда вычислить доносчика. Официально считалось недопустимым, чтобы сексоты выступали на суде свидетелями обвинения (за исключением особых случаев), но на практике подобные эпизоды были системой, поскольку во многих фальсифицированных делах только они и могли быть «разоблачителями» подсудимого, одновременно невольно раскрывая свою подстрекательскую и провокационную роль. Очевидно и то, что оставшийся на свободе человек, знакомые которого были репрессированы, неизбежно навлекал на себя подозрения в сексотстве.

Нередко сотрудники какого-либо учреждения знали «своего» сексота в лицо. Причинами могли быть небрежная работа связанных с ним сотрудников ОГПУ-НКВД, болтливость начальства, принимавшего агента на службу, неуклюжие действия сексота по провоцированию сослуживцев либо сознательная политика самого осведомителя. Так, из разговоров сотрудников новосибирского краеведческого музея в середине 1930-х годов всем было известно, что их коллега С. Г. Витте, бывший дворянин и ссыльный, «был устроен [в музей] по предложению органов НКВД». Сотрудничество с НКВД одного из основателей компартии Франции А. Я. Гуральского не было секретом для ряда его знакомых. «Я резидент одной могущественной державы», – намекая на НКВД, как-то сказал вращавшийся в военно-дипломатических и интеллигентских кругах Б. С. Штейгер, занимавший фиктивную должность в Большом театре и расстрелянный в 1937 г., а известный переводчик И. А. Лихачев, давший показания на Д. Хармса и др. обэриутов, в послевоенное время, не стесняясь, называл себя по-французски «Жан-ажан», т. е. «Иван-агент» (128). Следует учитывать, что какой-нибудь маловажный и отслуживший своё

осведомитель мог быть расконспирирован сознательно, чтобы создать у его сослуживцев иллюзию безопасности (своего стукача знаем!) и заставить быть откровенными с другим агентом, замаскированным лучше.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОСВЕДОМИТЕЛЬНИЦ

Одним из самых распространённых грехов в чекистской среде было сожительство с осведомительницами. Зависимость пойманных на каком-либо компромете женщин от своих «операторов» легко позволяла последним получать от запуганных агентесс сексуальные услуги. Даже будущий министр госбезопасности В.С. Абакумов в начале своего пути был замечен в интимных связях с сексотками (129), но сей грех в чекистской среде был настолько популярным, что не отразился на стремительной карьере Абакумова.

Работники ОГПУ-НКВД более низкого уровня также стремились использовать осведомительниц не по назначению, но в случае огласки могли поплатиться (130–132). Принуждение сексоток к сожительству процветало среди томских чекистов. В начале 30-х годов начальника ЭКО Томского оперсектора ОГПУ В.Д. Монтримовича сняли с работы за устройство пьяных оргий с сексотками. Один из коллег негодуяюще сообщал, что Монтримович учинил у себя на квартире пьянку, во время которой «расконспирировал и изнасиловал студентку музтехникума, ценную осведомительницу, связанную со мной по работе». Среди обвинений в адрес бывшего начальника Томского горотдела НКВД И.В. Овчинникова, осуждённого к расстрелу в марте 1941 г., значилось и такое: «Установил интимные отношения с нештатной сотрудницей “Ниловой”, чем расконспирировал её и ориентировал своих работников на неправильные взаимоотношения с нештатными работниками Горотдела НКВД». Новосибирский контрразведчик О.Ю. Эденберг сожительствовал с актрисой И.К. Мацур прямо в тюрьме, где та была внутрикамерной осведомительницей, а когда женщина забеременела, составил – без следственного дела – «альбомную справку» на неё с целью добиться расстрела наложницы как шпионки. Иоланту Мацур освободили, ибо на неё не оказалось следственного дела; что касается Эденберга, то какого-либо реального наказания он не понёс (133).

Справедливости ради отметим, что не только чекисты получали удовольствие от своих агентесс. Иногда и агенты «использовали как женщин» жён своих операторов. У видного алтайского чекиста Ф.Н. Крюкова в 1937 г. случилась неприятная семейная история, связанная с недозво-

ленной активностью почтенного агента с 17-летним стажем по кличке «Огонёк». Этот бухгалтер артели «Сбыт» в г. Рубцовске был на связи у начальника Рубцовского оперсектора НКВД Крюкова и при этом нагло сожительствовал с его женой. После того как Крюков поймал агента прямо у себя дома, «Огонька» арестовали и в самом конце 1937 г. как участника вредительско-диверсионной организации осудили к 10 годам. Несмотря на особенную тяжесть своего проступка, «Огонёк» оказался единственным из уцелевших фигурантов дела, все его многочисленные поделники пошли под расстрел (134).

Сексоток могли использовать в неоригинальных комбинациях с целью обыкновенной компрометации неугодного человека. Начальника Пудинского райотдела Нарымского окротдела НКВД А.А. Левченко секретарь РК ВКП(б) летом 1941 г. обвинил в том, что тот свою осведомительницу Клюско «подослал к [рай]прокурору Литвинову, чтобы она склонила его на половое сожительство, и этим хотел свести личные счёты с Литвиновым» (135).

Порой неформальные отношения с агентом служили поводом к увольнению того или иного политически скомпрометированного чекиста, что, например, произошло с оперативником КРО УНКВД НСО Г.И. Горбенко, который во время встречи нового 1938 г. оказался замечен в том, что «танцевал и гулял с агентом “Фиалка”, чем способствовал расконспирации агентуры» (136). В итоге Горбенко, обвинявшийся в самых разных грехах, был уволен из НКВД.

СЛЕЖКА В СВОЕЙ СРЕДЕ

Законом для работников любой спецслужбы является пристальная слежка друг за другом, результаты которой обычно не выходят за пределы ведомства. Как отмечал в 1926 г. один из руководителей Томского окружка ВКП(б), чекисты «имеют слабость следить один за другим и в то же время скрывать, что делается в их аппарате» (137).

Агентурные действия одних чекистов против других регулировались особо (138). Однако эффективно контролировать сотрудников госбезопасности возможно только негласным путём. В каждом региональном представительстве ОГПУ-НКВД в 30-х годах действовал аппарат так называемого особоуполномоченного при Отделе кадров, составленный из нескольких проверенных оперативников – прообраз современной службы собственной безопасности. Часто им приходилось выезжать куда-нибудь в глушь, чтобы в рамках так называемых «спецпроверок» выяснить

происхождение коллеги, проверить какие-либо подозрительные факты из жизни его родственников.

Чекисты активно следили друг за другом, выявляя как служебные преступления, так и политические ереси. В конце 1929 – начале 1930 гг. в центральном аппарате ОГПУ агентурным путём были выявлены трое троцкистов, которых немедленно расстреляли: Я.Г. Блюмкин, Б.Л. Рабинович, Г.А. Басов. В конце 1930 г. расстреляли уполномоченного КРО ОГПУ Н.Н. Жихарева (139). В 1933 г. за связь с женой-«шпионкой» расстреляли инспектора адморготдела полпредства ОГПУ по Московской области М.А. Капустина. В 1935 г. после доносов об антисоветских настроениях коменданта здания правительства в Кремле А.Б. Данцигера чекист Н.Н. Попов-Колчин начал сбор материалов о нём: «Я произвёл подробную агентурную проверку, всё полностью подтвердил и дал материал [начальнику Оперода НКВД СССР К.В.] Паукеру, который с ним направился к Ягоде. Через несколько дней Паукер вызвал меня, разругал и вернул мне весь материал, приказал его хранить, сказав: “Это наш человек, к Ягоде не ходите...”». Однако сохранившиеся материалы два года спустя привели к аресту и осуждению Данцигера (140).

Так называемые спецпроверки, которые стали обязательными с 1936 г., касались не только подробностей биографии самого работника НКВД, но и его родственников. В результате таких проверок выяснялось немало компрометирующих фактов. В 30-х годах многие сотрудники госбезопасности «разоблачались» кадровыми работниками, сверявшими чекистские анкеты разного периода, в результате чего обнаруживалось, что сомнительные факты биографии, сообщённые при поступлении на службу (служба в белых армиях, исключение из партии, пребывание на оккупированной территории, факты осуждения родственников и пр.), в последующее время, когда чистки стали придирчивее, часто выпадали из повторных анкет и автобиографий.

Агентурные материалы на чекистов, связанных с «врагами» или имевшими компрометирующее прошлое, были использованы для репрессий в отношении многих работников госбезопасности. Вместе с тем решение о судьбе того или иного сотрудника зависело прежде всего от воли начальника УНКВД и его окружения (за исключением случаев, когда решение о репрессиях в отношении того или иного чекиста инициировалось Лубянкой). Чекисты были прекрасно осведомлены о принципах кадровой работы своего ведомства: врагом будет назначен тот, на кого покажет вышестоящий начальник. В условиях клановости некоторые чекисты получали индульгенции и не подлежали спецпроверке.

Начальник УНКВД по Алткраю С.П. Попов легко продвигал на вышестоящие должности лично преданных чекистов, о которых давно имелись материалы агентурных разработок, зачастую с малодостоверными сведениями. Особоуполномоченный УНКВД И.Г. Бисярин в 1938 г. докладывал Попову сведения о разработках разного времени, заведённых на видных сотрудников управления. Их оказалось немало. Так, с 1929 г. в разработке находился старый чекист Г.Л. Биримбаум, который считался подозрительным в связи с былой принадлежностью к партии эсеров, происхождением из семьи торговца, службой у белых, пребыванием за границей. В официальном послужном списке Биримбаума его принадлежность к эсерам и пребывание за границей зафиксированы не были (141). Данная разработка не помешала Биримбауму сделать хорошую карьеру, став в 1937–1938 гг. помощником начальника УНКВД, поскольку его покровители, и прежде всего С.П. Попов, не придавали разработке значения и советовали Бисярину её прекратить.

Разработка на начальника КРО УНКВД по Алткраю И.К. Лазарева обвиняла его в связях с троцкистской молодёжью во время учёбы в совпартшколе. Свидетельскими показаниями замначальника СПО УНКВД ЗСК А.А. Ягодкина это обвинение было отвергнуто, но, после ареста Ягодкина в 1938 г., подозрения против Лазарева снова обрели силу. Начальник Ойротского облотдела НКВД М.Н. Буторин состоял под агентурным наблюдением как связанный в 1936 г. с троцкистами в бытность руководителем Киселёвского РО УНКВД ЗСК (142).

В 1938 г. аппарат особоуполномоченного закончил следственное дело на начальника Благовещенского РО НКВД А.В. Вирковского – как поляка и зятя жандарма. Однако С.П. Попов отказал в санкции на арест, заявив, что Вирковский – хороший работник. Дело М.А. Дятлова о принадлежности к правотроцкистской организации в бытность начальником Змеиногорского РО НКВД несколько раз докладывалось Попову и его заместителям, но в итоге его прекратили, и Дятлов отделался временным переводом в систему мест заключения. По указанию заместителя Попова Е.П. Никольского было прекращено дело и на начальника Павловского РО НКВД Н.А. Антонова, а также на шофёра помначальника УНКВД П.Р. Перминова Самойлова, обвинявшегося в «вооружённом избиении», поскольку за дебошира перед УНКВД походатайствовал сам Перминов (143).

Об интенсивном прицельном сборе компрометирующих материалов на местных работников НКВД говорит факт допроса в 1937 г. видного сибирского эсера И.Х. Петелина, в середине 30-х годов помогавшего

сдавать техминимум видным чекистам – начальнику ДТО ОГПУ-НКВД Томской железной дороги в 1933–1936 гг. А. М. Грищоку, начальнику ОДТО НКВД ст. Новосибирск А. Я. Мушинскому, начальнику ОДТО НКВД ст. Барнаул А. Ф. Мухину. Петелин обвинялся в том, что под видом решения технических задач с Грищоком и Мушинским якобы подсчитал, что в случае войны Томская железная дорога сможет пропускать по 100 эшелонов в сутки (144). Таким образом, при желании целый ряд видных чекистов мог быть обвинён в даче информации крупному «заговорщику». Типичным было использование чекистов в качестве внутрикамерных агентов для разработки их репрессированных коллег, которым те представлялись арестованными (145).

С окончанием «Большого террора» партийные структуры начали пресекать излишнюю агентурную активность в собственно чекистской среде. Начальник отделения УНКВД по Алткраю М. Ф. Яковенко в 1939 г. был исключён из ВКП(б) за издевательство над работниками УГБ и похвалбу заданиями от арестованного к тому времени начальника УНКВД С. П. Попова «разрабатывать начальников РО НКВД». Другое обвинение заключалось в том, что в агентурные сводки на сотрудников НКВД Яковенко «добавлял отсебятину»... Несмотря на такие серьёзные провинности, вскоре он был восстановлен в членах партии (146).

Партячкой Кемеровского горотдела НКВД в 1939 г. начальнику секретно-политического отделения И. Т. Ягодкину был дан выговор за антипартийные действия: он не только создавал фиктивные дела, но и «пытался разрабатывать работников горотдела НКВД (А. А. Царёва, П. В. Селезнёва, В. Г. Трындина и др.) без всякого на то основания» – видимо, после ареста прежнего начальника горотдела В. Д. Монтримовича (147). Таким образом, для самих работников ОГПУ-НКВД агентурная разработка коллег была обыденностью и могла захватывать значительную часть оперсостава местных подразделений.

ОСВЕДОМЛЕНИЕ В ЛАГЕРЯХ И ССЫЛКЕ

Особое внимание у чекистов было к постановке осведомления в местах заключения и политической ссылки. Размах агентурной работы в лагерях и спецпоселениях в первой половине 30-х годов скорее всего не был особенно велик, но информация о настроениях заключённых поступала постоянно. С начала 30-х годов в спецпосёлках активно вербовалась агентура, при этом особое внимание уделялось работе с молодёжью с целью её отрыва от «кулачества». Для розыска беглых «кулаков» ис-

пользовалась как противопобеговая, так и милицейская агентура, сведения партийно-комсомольских активистов, облавы и прочёсывания населённых пунктов и лесных массивов (148). С первых месяцев существования Сибуллона-Сиблага ОГПУ среди заключённых вербовали агентуру, которая сообщала как о готовившихся побегах, так и о враждебных власти высказываниях.

Чекистское «обслуживание» лагерного населения возлагалось на оперативно-чекистские отделы (в переписке именовались третьими), имевшими уполномоченных во всех лагпунктах. В апреле 1935 г. Ягода указывал, что «внутренняя и закордонная белогвардейщина» имеет весьма полное представление о режиме лагерей, численности заключённых «контрреволюционеров» и даже пытается связаться с лагерниками и подготовить налёты «диверсионных банд на подразделения приграничных лагерей». Между тем начальники оперчекотделов «бездействуют и агентурой не руководят», допускают осуждённых по ст. 58 УК к работе «в важнейшие звенья лагерного аппарата», поддаются на провокации агентов-двойников, которые создают «дела», отвлекающие чекистов.

Согласно положению от 14 сентября 1937 г., в составе оперчекотделов лагерей были контрразведывательные, секретно-политические, особые и учётно-статистические отделения. Работа контрразведчиков заключалась в агентурной проработке заключённых, осуждённых за шпионаж, измену родине, диверсию, а также активистов вредительских и повстанческих организаций с целью выявления не только враждебной деятельности в лагере и попыток связаться с волей, но и обнаружение не вскрытых при следствии их прежней контрреволюционной работы и связей. Работники КРО также разрабатывали вольнонаёмных, «подозрительных по шпионажу», выявляли и предотвращали вредительство, диверсии и какие-либо ненормальности в производственной деятельности лагерей. Секретно-политическое отделение прорабатывало осуждённых оппозиционеров, террористов, националистов, «фашистов», церковников, сектантов, а также вскрывало антисоветские проявления среди вольнонаёмного состава. Ещё одна функция СПО – освещение политических настроений заключённых и вольнонаёмных.

Особое отделение занималось «агентурно-оперативным обслуживанием» личного состава военизированной охраны. Учётно-статистическое отделение учитывало «контрреволюционный элемент» среди заключённых, а также агентуру и всю оперативно-следственную работу в лагерях. Отделение по борьбе с побегами насаждало агентуру, способную давать информацию о готовящихся побегах. Вербовки заключён-

ных производились с тем расчётом, чтобы использовать их и после освобождения. Вся ценная агентура должна была находиться на личной связи у оперативников, с остальной могли работать резиденты из числа вольнонаёмного состава. Все резиденты утверждались начальником территориального УНКВД (149).

Появление в местах заключения многочисленных детей репрессированных вызвало к жизни приказ НКВД от 11 февраля 1938 г. «Об агентурно-оперативном обслуживании трудовых колоний НКВД для несовершеннолетних и приемников-распределителей». Однако, как отмечал циркуляр оперативного отдела ГУЛАГа от 9 мая 1941 г., агентурно-оперативное обслуживание несовершеннолетних заключённых, содержащихся в трудколониях и приёмниках-распределителях, так и не было организовано. В связи с этим в колониях фиксировались как случаи бунтов, так и различных «контрреволюционных проявлений». Циркуляр предписывал начать широкие вербовки из числа обслуживающего персонала колоний и заключённых-подростков старших возрастов. При этом личные дела на завербованных несовершеннолетних не заводились, а только отбиралась подписка о неразглашении, в которой не указывалось о привлечении к сексотству. Особое внимание обращалось на несовершеннолетних, осуждённых по ст. 58 УК, детей репрессированных и перебежчиков. Резидентами должны были быть преимущественно партийные воспитатели (150).

Противопобеговая агентура не была эффективной до самого конца 30-х годов, благодаря чему из лагерей ежегодно бежали многие тысячи заключённых, включая политических. Особенно массовыми они были в первой половине 30-х. Только в апреле 1934 г. по 10 ИТЛ было зафиксировано 5.362 бежавших, а на учёте числилось 45 тыс. беглецов (151). Ярким эпизодом противостояния властям стал дерзкий побег летом 1934 г. за границу заключённого Белбалтлага И. Солоневича, ставшего затем известным эмигрантским публицистом. Впоследствии число побегов удалось значительно сократить, что было связано с усилением как режима, так и осведомления, которое и в относительных, и абсолютных цифрах было не так велико. Однако ещё в 1938 г. из ГУЛАГа бежали около 30 тыс. чел. В 1940 г. агентурно-осведомительная сеть в среде заключённых ГУЛАГа составляла 1 % от их числа в 1,3 млн чел., а к 1947 г. выросла до 8 % (152).

Постоянное чекистское внимание привлекала политическая ссылка. Сексоты, внедрённые в её среду, должны были предотвращать побег и давать полную картину настроений ссыльных. Исходя из полученных

данных, чекисты периодически фабриковали дела об антисоветской агитации и повстанческих намерениях тех или иных групп ссыльных. Уже в 1920-х гг. ссылку освещали агентурой настолько плотно, что у известного эсера Д.Д. Донского к 1927 г. создалось мнение о почти поголовном сексотстве вновь прибывших ссыльных в Нарыме. Агентам выплачивали дополнительное содержание, причём некоторые из них арестовывались специально, с целью последующей отправки в ссылку (не этапом) и внедрения в колонии адмссыльных троцкистов (153). Чекисты старались получить осведомление и в среде уголовных ссыльных, чья численность намного превышала количество политических.

Огромная нагрузка на аппарат управлений НКВД периода «Большого террора» приводила порой к сбоям в «оперативном обслуживании» ссыльных. Например, на сосланную в Кемерово как участницу «фашистской организации» и имеющую родственников за границей Зинаиду Венегер сводка-меморандум с места её прежнего жительства пришла в Новосибирск в 1936 г., а отправлена кемеровским чекистам «для ориентировки» она оказалась только в феврале 1938 г. (154). Правда, неизвестно, не стала ли к этому моменту З. Венегер жертвой массовых арестов.

Удовлетворительная степень агентурной работы была достигнута далеко не сразу. В марте 1931 г. «чекистское обслуживание» спецпосёлков Западной Сибири находилось на низком уровне как из-за нехватки охраны, так и в связи со слабостью осведомления. Планового насаждения сети по спецпереселенцам проведено не было, а её распределение по районам и поселкам оказалось случайным и неравномерным (1 осведомитель на 32–108 «кулаков»). Осведомление было малочисленным и некачественным, значительная часть сексотов «совершенно не отражала действительного настроения и деятельности спецпереселенцев и давала материалы, не имеющие агентурной ценности». Из-за огромной удалённости спецпосёлков от районных центров (от 100 до 700 км) «связь гласного состава с осведомлением и резидентами была очень редкой, случайной, материалы запаздывали и теряли свою ценность». Со стороны СПО центра полпредству ОГПУ ЗСК были даны конкретные указания по принятию «энергичных мер» к улучшению чекистского «обслуживания» ссылки. Однако летом 1931 г. чекисты Запсибкрая в отчёте для СПО ОГПУ вопрос об агентурно-оперативной работе среди крестьянской ссылки совершенно обошли (155). В связи с плохой охраной и слабым осведомлением из некоторых районов крестьянской ссылки в первые месяцы и годы смогла бежать основная часть высланных.

На август 1931 г. по Тобольскому округу на 8.788 «кулацких» семей имелось 613 осведомителей. Значительный процент осведомителей – от 25 до 30 – приходился на долю молодёжи. Если по Тагильскому и Пермскому округам Уральской области один осведомитель приходился в среднем на каждые 19–20 семей, то в Тобольском агентурная сеть была плотнее – 1 осведомитель на 14 семей. Реально по Тобольскому и Пермскому округам работало не более 45 % имевшихся осведомителей, остальные не только не использовались, но со многими даже не было установлено связи и не выяснено – из-за частых перебросок ссыльных – место проживания.

Связь с осведомлением осуществлялась обычно через участковых и поселковых комендантов, а также их помощников, однако многие коменданты, набранные из случайных людей, считались чекистами неподготовленными и даже ненадёжными. В связи с этим агентура передавалась не всем комендантам и «зависала», поскольку райотделы ОГПУ физически не успевали связаться со многими осведомителями. Попытки повсеместного насаждения резидентов из комендантов спецпосёлков, характерные для Сибири и Урала, вызывали у некоторых чекистов начала 30-х годов резкое отторжение: «Ведь комендантов в первую голову надо освещать, выявлять их безобразные поступки, вызывающие нередко волнения среди переселенцев. Коменданты скрывали фактическое положение вещей на местах». Для исправления ситуации намечалась подготовка резидентов из числа работников леспромхозов. Однако использование комендантов в качестве резидентов было характерно и для начала 1940-х годов (156).

Как отмечалось полпредством ОГПУ по Уралу, получаемый от сети агентурный материал отражал главным образом политические настроения, «контрреволюционную агитацию», отказ от работы и побеги. По 5 районам Тагильской опергруппы за 1930 – первую половину 1931 г. из 2.192 бежавших удалось задержать только 577 (26 %). Из задержанных подавляющая часть – 80 % – была арестована с помощью указаний агентуры. Вместе с тем были отмечены случаи, когда осведомители скрывали информацию о готовящихся побегах и даже содействовали беглецам. Благодаря агентуре чекисты осуществляли среди ссыльных крестьян жестокие репрессии. На середину 1931 г. по ОСП ПП ОГПУ Урала – в трёх округах, включая Тобольский – было заведено 17 дел на 91 чел., в т. ч. четыре групповых (на 65 чел.). По законченным делам основная часть осуждённых была приговорена к расстрелу (25 чел.), остальные – к заключению в концлагеря (21 чел.) и принудительным работам (157).

В сентябре 1931 г. ГУЛАГ издал циркуляр «О чекистском обслуживании спецпереселенцев», в котором «выявление ненормальностей» в обустройстве ссыльных, а также контроль за их «политнастроениями» возлагались на информационно-следственные отделы лагерей, а также отделы спецпоселений соответствующих полпредств ОГПУ. При этом ОСП вели дела о побегах и хозяйственно-должностных преступлениях, а дела «об активной контрреволюционной и антисоветской деятельности» должны были поручаться сотрудникам СПО райотделов и оперсекторов, курировавшие ссылку (158).

Некоторые выразительные штрихи, касающиеся агентурно-оперативной деятельности по спецпереселенцам Нарымского округа, обнаруживаются в протоколах партийных собраний окротдела НКВД за апрель 1939 г. Так, старший оперуполномоченный А.П. Булаев критиковал контрразведчиков за подмену подлежавшего чекистскому обслуживанию контингента на более «лёгкий», заявив: «Некоторые агентурные зацепки и разработки разрабатывались в б/3 отделении (КРО – А. Т.) на кулаков, дворян, которые должны были разрабатываться в б/4 отделении (СПО – А. Т.), тогда как националистические контрреволюционные западники находились без проработки». По агентурному делу «Интервенть» (в 1940 г. чекисты гордились ликвидацией этой разработки и арестом соответствующей «повстанческой группы» в Чаинском районе) агент «Наур» полтора месяца не давал материалов, так что озабоченный Булаев докладывал, что «сейчас эта разработка углубляется через более опытного агента-маршрутника» по кличке «Понт».

Другой нарымский оперативник констатировал, что по Колпашевскому району имеется пять агентурных разработок и столько же «зацепок», а всего по ним проходят 54 чел., в том числе 48 кулаков-спецпереселенцев. Но по разработкам и «зацепкам» работало только 20 агентов, что означало бездействие остальных. Чекисты пытались смотреть и на перспективу. Начальник СПО П.Г. Кипервас отметил: «Женских резидентур мы не имеем, есть необходимость создать две резидентуры. Это особенно нужно будет в военное время, когда большинство мужчин уйдут на войну». Но на тот момент остро не хватало не только резидентов, но и просто осведомителей-мужчин. Так, оперативник ЭКО окротдела С.Ф. Филиппович имел на связи всего шесть агентов, а его коллега А. Гришин сетовал, что оперативники не вербовали новую агентуру, а занимались «поднятием из архива старой» (159).

Массовое пополнение сибирской ссылки в 1940–1941 гг. за счёт высланных с территорий бывшей Польши, а также Прибалтики привело

к необходимости практически с нуля организовывать тайное осведомление среди новых контингентов репрессированных. В апреле 1940 г. агентурное обслуживание трудпоселенцев, спецпереселенцев, высланных из западных областей Украины и Белоруссии и занятых в промышленности и сельском хозяйстве, было возложено на ЭКО управлений НКВД. Коменданты спецпосёлков использовались как резиденты, курировавшие рядовых осведомителей, и передавались горрайотделам НКВД; что касается квалифицированной агентуры, то она поручалась оперработникам ГО и РО НКВД. Однако, как отмечало руководство УНКВД НСО, начальники райотделов в первой половине и середине 1941 г. совершенно не занимались насаждением агентуры среди ссыльных, а усилий предоставленных самим себе работников спецкомендатур в этом отношении было недостаточно. Среди осведомления было много лиц, реально не работавших, отсутствовало и необходимое количество «противопобеговой агентуры». Поселковые коменданты, руководившие осведомителями, должны были, по указанию начальника УНКВД М. Ф. Ковшука-Бекмана, исполнять обязанности не резидентов, а гласных оперативных работников; наиболее ценная агентура курировалась работниками РО НКВД и районными комендантами (160).

Таким образом, в 30-е годы, одновременно с формированием ГУЛАГа и массовой политической ссылки, чекисты организовывали негласное осведомление среди этой категории репрессированных. Агентура всё время ориентировалась как на борьбу с побегами, так и на выявление недовольных, а также подозреваемых в шпионской или вредительско-диверсионной и повстанческой деятельности. Огромное бегство из ссылки, а также лагерей и колоний в первой половине 30-х годов говорит о неэффективности борьбы с побегами, число которых удалось значительно сократить только к концу десятилетия. Зато материала для фабрикации политических дел от агентуры поступало более чем достаточно, в связи с чем из среды ссыльных и заключённых лагерей постоянно фабриковались групповые дела на всевозможные «антисоветские организации».

КРИЗИС АГЕНТУРЫ: НАКАЗАНИЕ И ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ

За состоянием агентурной сети руководящие структуры карательных органов наблюдали постоянно, проверяя её наличие и качество. В 1930-х гг. крайне слабая агентурная сеть неоднократно фиксировалась даже в крупных региональных представительствах ОГПУ. Так, летом 1936 г.

начальник УНКВД по Сталинградскому краю Г. Я. Рапопорт при вызове к наркомму не смог привести ни одного значимого агентурного или следственного дела. Ягода в приказе по НКВД с негодованием отметил, что этот начальник считал ниже своего достоинства встречаться с агентурой или участвовать в допросах (хотя несколько месяцев спустя на пленуме ЦК ВКП(б) признал, что с агентами не работали и начальники отделов ГУГБ НКВД). Начальник Свердловского управления НКВД И. Ф. Решетов в том же июле 1936 г. лишился должности за то, что действовал «методами периода борьбы с массовой контрреволюцией, которая часто опиралась на массовые аресты, не вытекающие из работы агентуры», в результате чего уральские чекисты ограничивались тем, что разузнавали «у колхозников и рабочих, где можно найти врага» (161).

Плохая агентурная работа объяснялась не только объективными (слабая подготовка, трудности связи с сетью и пр.), но и субъективными причинами, связанными со своеобразной моралью чекистов. Для работников госбезопасности было характерно стремление «подсидеть» коллег, перехватить ценного агента, «сбросить» во вновь образованное подразделение бесперспективные агентурные разработки.

Например, начальник Венгеровского РО УНКВД ЗСК Д. И. Надеев в середине 30-х годов сначала вмешался в разработку подчинённого замначальника политотдела совхоза по оперработе, но потом сам оказался жертвой младшего коллеги, присвоившего себе труды Надеева: ЗНПО совхоза №293 Венгеровского района Д. Г. Линов весной 1936 г., получив командировку в район для работы по агентурной разработке на «фашистов», которая была заведена аппаратом Венгеровского РО НКВД, впоследствии пытался выдать её новосибирскому начальству за свою (162).

Когда из Транспортного отдела НКВД Томской железной дороги летом 1937 г. выделили 11-й отдел для оперативного обслуживания водного транспорта, ОШОСДОРа и объектов наркомсвязи, то лучшую агентуру Транспортный отдел оставил себе, а водникам достались лишь полдюжины дел-формуляров с устаревшими сводками и ни одной агентурной разработки. Таким образом, вновь образованному отделу пришлось начинать агентурную работу с нуля. Начальник отделения Особого отдела СибВО П. И. Циунчик летом 1937 г. жаловался, что «моё отделение новое, дел в него никто не передавал, а свалили их, как в мусорную яму» (163).

Проверки постоянно доказывали, что в стране было немало районов, в которых агентурная сеть существовала только на бумаге и ограничивалась несколькими малоценными осведомителями. Отсутствие «выс-

ших» разновидностей негласного состава – агентов и резидентов – гарантивало чекистам-начальникам крупные неприятности, поскольку самым наглядным образом свидетельствовало о «развале агентурно-оперативной работы». Начальники райотделов ОГПУ-НКВД за недостаточное осведомление в колхозах постоянно получали взыскания, снимались с работы, а то и шли под суд за особенно выдающиеся случаи «развала агентурно-оперативной работы». Так, М. Л. Козьяк, работавший райуполномоченным ПП ОГПУ Уральской области по Верхнетавдинскому району, «халатно относился к борьбе с контрреволюционным элементом», в результате чего за 1933–1934 гг. не имел ни одной агентурной разработки и не вскрыл ни одной «вредительской группировки». За бездеятельность Козьяк был перемещён в систему Отдела мест заключения (164).

Проверка состояния агентурной работы Убинского РО УНКВД ЗСК показала, что в начале 1935 г. имевшиеся на оперативном учёте 24 дела-формуляра и четыре агентурные переписки не имели ценности, так как в них с весны – осени 1934 г. отсутствовала какая-либо агентурная проработка заведённых материалов. Например, агентурные переписки «Остатки незнамовцев» на 5 чел. (контрреволюционная деятельность) и «Андреевцы» (3 чел., вредительство в колхозе), заведённые в 1933 г., никак не освещались с марта–апреля 1934 г. Несколько дел-формуляров и одна агентурная переписка содержали только фамилии подозреваемых, причём без каких-либо дополнительных установочных данных. Работа с агентурой велась хаотично, осведомительная сеть то и дело прикреплялась от одного резидента к другому, из-за чего «некоторые резиденты знают сеть почти всего района», а контрольное осведомление отсутствовало полностью. Начальник Завьяловского РО УНКВД по Алткраю А. С. Сушинский, арестованный в начале 1938 г., показывал, что в момент принятия им дел в РО список агентуры насчитывал до 60 чел., но почти все они были неработоспособными: «Когда выезжаешь для связи, то очень редко удавалось найти кого-либо из них...» (165).

Часто возникали ситуации, когда агентурная работа неизбежна обречалась на практически полное забвение. Например, с начала 1937 г. в Марушинском РО УНКВД ЗСК-Алткрая агентура принималась лишь частично, так как оба помощника начальника райотдела И. Г. Бисярина – уполномоченные С. Ф. Севриков и К. И. Буль – были разоблачены в связях с «врагами» и уволены, после чего начальник райотдела долгое время работал один. Впрочем, Буль, «обслуживавший» сельские советы, был связан всего с 10–12 агентами, которые почти не давали информа-

ции. При этом с лета 1937 г. по февраль 1938 г. Бисярин был почти всё время занят на следствии в Бийском оперсекторе НКВД. В результате агентурная сеть, составлявшая в начале 1935 г. 113 чел., за три года сократилась до 28 чел. За 1937 г. выбыло 20 осведомителей, в т. ч. четверо были арестованы в «массовую операцию» как «повстанцы». Основная часть сети выехала из района, оставшаяся работала едва-едва и в ней не было ни одного резидента (166).

Восстановление сети шло постепенно. В феврале 1938 г. Марушинским РО был завербован агент-маршрутник «Приезжий» – разъездной инструктор райпотребсоюза, знавший семь языков и согласившийся работать на чекистов «в момент оформления на него следственного дела за хранение карманного оружия». Агент «Приезжий» сразу дал сведения о «вредительстве» в потребсоюзе. Тогда же «из архива» был поднят агент «Степняк» – учитель, проявивший инициативу в работе на НКВД. Однако эти достижения не могли обеспечить информирования обо всех основных объектах района – 64 колхозов, трёх МТС, машинно-тракторной мастерской и райорганизаций (167).

В 1937–1938 гг. недостатки в осведомлении становились поводом для тягчайших политических обвинений. Претензии в адрес арестованного в 1938 г. бывшего томского особиста П. И. Циунчика строились в значительной степени на его слабой агентурной работе, хотя на деле наблюдение за военными было поставлено на широкую ногу. Согласно приёмно-сдаточной ведомости от 14 февраля 1937 г., исполнявший обязанности начальника особого отдела 78-й стрелковой дивизии Циунчик оставил своему сменщику следующее оперативное хозяйство – 19 разработок (одна из них – «Стихотворцы» – была уже ликвидирована с арестом фигуранта) и две «агзацепки» (одна называлась «Родня», другая была заведена на преподавательницу немецкого языка Ташмелеву). Кроме того, Циунчик передал и 34 досье, в том числе на одного из командиров роты 234-го полка. Однако молодой оперативник М. Н. Гусев жаловался, что Циунчик всего лишь раз присутствовал с ним на явке. Из-за вялой вербовки всё осведомление по 232-му стрелковому полку в Томске, по словам Гусева, в конце 1936 г. составляло едва дюжину человек, «что явно недостаточно». Также Циунчик оценивал разработки шпионского характера «Уличённые» и «Приятельница» как «абсолютно бесперспективные», хотя чуть позднее, в том же 1937 г., фигуранты этих разработок были расстреляны как японские шпионы (168).

В следственном деле на начальника Залесовского РО УНКВД по Алткраю Е. М. Долматова, снятого и арестованного в конце 1937 г., говори-

лось, что свою работу начальник райотдела развалил и с начала массовой операции и до 20 сентября 1937 г. не завёл ни одного дела по «кулакам» и прочим контрреволюционным элементам. С начала 1936 г. в райотделе отсутствовали ликвидированные разработки и работа с негласным аппаратом. Дел-формуляров оказалось всего 11 штук и во всех этих досье агентурные материалы были старые. Сменивший Долматова И.Г. Писеев сообщал начальнику УНКВД о таком невероятном случае утраты политической бдительности в работе с агентурой из социально-враждебных слоёв:

«В июле месяце с/г. [1937] из Барнаульского ГО [НКВД] в Залесовский район приезжает осведомитель-маршрутник. Последнему Долматов наряду с заданием выдаёт... фиктивную справку на право свободного соблюдения религиозных обрядов – богослужение; этот маршрутник как поп приезжает в с. Пещерка Залесовского района, организует религиозную общину, при поддержке которой проводит богослужение, крещение детей и т. д. Больше того, маршрутник (кличка не установлена) среди общины повёл активную к-р. работу, которая была вскрыта сельской парторганизацией». Помощник оперуполномоченного того же райотдела НКВД А.С. Воронин показал о том, что Долматов велел ему напечатать удостоверение с разрешением этому священнику производить религиозные обряды в сёлах Пещерского сельсовета и всего Залесовского района. Начальник РО заявил, что Плотников «является нашим осведомителем», после чего «поп провёл религиозные обряды в церкви Пещерского с/совета», которая была закрыта с 1931 г. (169).

Многие прекращённые агентурные разработки получили вторую жизнь в годы «Большого террора». В 1934 г. Бийский РО НКВД завёл агентурную разработку «Братья» на повстанческое формирование в с. Енисейское, участники которого якобы имели оружие и готовили восстание. Вскоре эту разработку отправили в архив, а в начале 1938 г. подняли, лиц, проходивших по ней, обнаружили и взяли в «агентурную проработку». В Топчихинском РО ОГПУ-НКВД с помощью агента «Турка» чекисты взяли на заметку колхозников колхоза «Красный повстанец» Зиминского сельсовета и установили несколько «антисоветчиков» из числа красных партизан, жаловавшихся на притеснения со стороны коммунистов. «Турк» в 1933–1935 гг. постоянно давал компрометирующую информацию на недобросовестных колхозников (невыходы на работу в бригадах достигали 50 %), ругавших колхозные и советские порядки. Аналогичную информацию поставлял источник «Михайлов», но заведённая по всем этим материалам в апреле 1936 г. разработка

«Пекари» была несколько месяцев спустя сдана П.И. Циунчиком в архив как неперспективная и возобновлена весной 1938 г. уже новым руководством райотдела (170). В 1938 г. также были возобновлены действия по восьми делам-формулярам на лиц, обвинявшихся большей частью в антисоветской агитации, и сданных Циунчиком в архив.

Наказания за «развал агентурно-оперативной работы» были серьёзными, часто заканчиваясь увольнениями из «органов». В 1937–1938 гг. служебная халатность нередко возводилась в контрреволюционный саботаж, что имело плачевные последствия для нерадивых чекистов. За развал агентурной работы чекисты шли под суд и после эпохи «Большого террора». В 1941 г. был снят с работы и позднее осуждён на 6 лет заключения начальник Качугского РО УНКВД по Иркутской области Г.С. Сверчков – за срыв явок, плохое качество агентурных материалов и засорение аппарата НКВД чуждым элементом (171).

В первые годы советской власти агенты ВЧК-ГПУ получали как пайки, так и дополнительное денежное содержание. Но часто этих скудных материальных благ было недостаточно, чтобы прочно привязать агентуру. Г.С. Агабеков, вспоминая о своей чекистской работе в Тюмени в 1921 г., говорил, что из-за обесценивания денег агенты получали вознаграждение продуктами: «С агентурой в то время расплачивались не деньгами, так как деньги не имели почти никакой цены, а продуктами, водкой или же протекцией в учреждениях, где агенты служили. В распоряжении губчека имелся секретный фонд спирта, выдававшийся агентуре для угощения лиц, у которых можно было получать сведения» (172).

Денежное вознаграждение за услуги по осведомлению бывало очень разным: часто никакое либо очень скромное, в иных случаях – весьма высокое. В годы террора некоторые отличившиеся агенты смогли подзаработать: в декабре 1937 г. агенты ДТО НКВД Южной Донецкой железной дороги «Лёгкий», «Семёнов» и «Скромная» получили премии в размере от 200 до 300 руб. (173). Но такое вознаграждение полагалось только солидным агентам, остальным платили меньше либо вовсе не платили. Часто чекисты присваивали секретные суммы для агентуры – соблазн был велик, ибо агента было несложно уговорить расписаться в получении большей суммы, чем та, которая ему выдавалась на руки. Однако подобное мошенничество нередко раскрывалось, поскольку агенты не упускали случая пожаловаться на тех, кто «зажимал» их вознаграждение.

Чекисты могли содействовать служебному продвижению ценного сексота, а агент-заключённый за свою негласную работу порой мог по-

лучить главное – свободу. Арестованный публицист из бухаринской школы В.Н. Астров согласился давать любые показания на Бухарина и его окружение – и сам Ежов лично в 1937 г. велел Астрова выпустить из тюрьмы и дать ему работу в Москве. Бывший член Верховного суда СССР Я.Б. Шумяцкий в 1937–1938 гг. был агентом НКВД и после ареста отдался пятилетним сроком (174).

Небольшие шансы уцелеть были и у агентов из числа видных военнослужащих – даже в период повального истребления комсостава. При фабрикации дела «военно-эсеровской организации», разгромленной в начале 1938 г. (в неё входили бывшие эсеры маршал А.И. Егоров, командармы И.П. Белов и М.К. Левандовский, а также командарм М.Д. Великанов и комкор И.К. Грязнов, которые эсерами никогда не были) чекисты использовали своего агента Я.М. Фишмана. Член «центра» корпусной инженер Я.М. Фишман долгое время, до самого ареста, являлся негласным осведомителем НКВД и оказался единственным из членов «организации», кто избежал расстрела; впоследствии он ряд лет руководил в «шарашке» разработкой средств противохимической защиты (175).

Случаи освобождения агентов наблюдались и в Сибири. Согласившийся на роль одного из лидеров «белогвардейского заговора» в 1933 г. новосибирский зоолог М.Д. Зверев за согласие сотрудничать был досрочно освобождён из лагеря и продолжал негласно работать на «органы». Арестованных сексотов Омского оперсектора ОГПУ И.В. Антипина, Н.С. Ольшаневского, А.И. Рыбьякова и В.Д. Шалаева (все они были жителями Тевризского района) в деле о «белогвардейском заговоре» использовали недолго, но эффективно. Эта четвёрка, помещённая в отдельную камеру, весной 1933 г. обработала около 70 чел. из Тевризского района. Сексоты «помогли» арестованным признаться в заговорщицкой деятельности и были освобождены уже через несколько недель с прекращением дела (лишь Антипин получил 5 лет ссылки). Отметим, что Рыбьяков двумя годами ранее уже арестовывался как «повстанец» и, вероятно, в этот раз купил себе свободу, дав подписку о сотрудничестве. Был у чекистов эффективный рычаг давления и на Ольшаневского – тот был бесправным ссылкой (176). В декабре 1934 г. начальник УНКВД ЗСК Н.Н. Алексеев и его ближайший помощник И.А. Жабрев ходатайствовали перед крайисполкомом о восстановлении в правах шахтёра-спецпереселенца Ивана Шура в знак признания его заслуг в деле разоблачения «контрреволюционной деятельности ряда спецпереселенцев». Уже пять дней спустя власти выполнили эту просьбу (177).

Позднее, в 1940–1950-х гг., например, сексоты-ссылные из числа «наказанных народов» за свою ударную работу на НКГБ-МГБ могли рассчитывать на перевод в более благоприятную для жизни местность, другие льготы, а иногда и на досрочное освобождение (178).

«РАСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ»

В целом отношение чекистов к агентуре было сугубо потребительским. Если требовалось развернуть масштабное дело, а осведомитель или агент были «чуждыми людьми», то их легко осуждали вместе с теми, кого они оговорили. Впрочем, и конспиративные помощники из рабоче-крестьянской среды тоже могли быть отправлены за решётку или в расстрельный подвал. Агентуру с самого начала 1920-х гг. вербовали для активного использования в провокационных целях, после чего без особого сожаления «пускали в расход» вместе с теми, кого она оговаривала, таким образом надёжно обрубая концы очередного сфабрикованного дела (179–180).

Типичным примером чекистской расправы над отслужившим своё сотрудником является судьба «звезды» знаменитой операции «Трест» А.А. Якушева. В конце 1929 г. он был тайно, без ордера и санкции прокурора, арестован (фактически похищен) и надолго изолирован по обвинению в преступных связях с белоэмигрантскими лидерами, во встречах с которыми, собственно, и заключалась работа Якушева. В его деле не оказалось никаких компрометирующих свидетельств, но после четырёхлетнего заключения экс-агента осудили на 10 лет как шпиона и он погиб в заключении.

М.А. Тумшис предполагает, что Якушева попытались использовать заместители председателя ОГПУ в целях компрометации В.Р. Менжинского (181), но эта версия представляется нам излишне изощрённой. Скорее всего, Якушев «исчез» по более прагматическим соображениям: ненужный агент, недавно связанный с крупными чекистами и выезжавший за границу с ответственноими поручениями, слишком много знал и его пребывание на свободе было потенциально опасным для интересов ОГПУ. Отработанный «материал» чекисты, обжёгшиеся на перебежавшем в 1927 г. агенте-авантюристе А.О. Опперпуте-Стаунице, хотели видеть под надёжным замком, а не на свободе. Кстати, именно таким образом рассуждал сам Сталин о штатных сотрудниках госбезопасности: «У чекиста есть только два пути – на выдвижение или в тюрьму» (182).

Возможно, что Якушев – с учётом высочайшей чекистской квалификации – использовался в качестве внутрикамерного агента, ибо лиц, намеченных для работы «наседками», арестовывали именно тайным порядком. К тому же сексота легко можно было уговорить стать лидером очередной «контрреволюционной организации», которые с 1929 г. фабриковались конвейером – за 1929 г. чекисты СССР вскрыли 7.305 «контрреволюционных образований» (183). От чекистов требовали и регулярного раскрытия агентов-«двурушников», поэтому арест Якушева мог быть подан как разоблачение «предателя». Причин для его устранения много, и все они, с точки зрения чекистов, вполне логичны. Даже смерть агента должна была быть полезной и пополнить цифру разоблачённых врагов в нужной отчётной графе (184).

Пики репрессий 30-х годов самым трагическим образом сказались на судьбе множества видных агентов. Их в ещё больших масштабах делали лидерами всевозможных «заговоров» и уничтожали. Показательна в этом отношении судьба сексота А. С. Мальцева, расстрелянного в 1931 г. барнаульскими чекистами в рамках крупного дела «Охотники» (158 арестованных). Руководители «повстанческой организации» – торговец А. С. Мальцев и «кулак» П. М. Балахнин – якобы ездили по сёлам, «где имели районных организаторов и участковых резидентов», установили связь с бежавшими в тайгу «кулаками» и выдвинули лозунг: «Земля и воля для крестьянства!» Бывший агент по закупке пушнины А. С. Мальцев был человеком несерьёзным, болтливым и любителем жить за чужой счёт. Сотрудники «органов» были большими мастерами по вербовке таких вот слабых людей, которых можно было уговорить сыграть нужную роль. Мальцев имел задолженность перед госторгом и хотел поправить свои финансовые дела, согласившись на роль в спектакле, закончившуюся для него самым плачевным образом (185).

В среде бывшей внутрипартийной оппозиции работало множество тайных агентов, на которых в середине 30-х годов обрушился вал незаслуженных репрессий по обвинению в двурушничестве. Февральско-мартовский 1937 г. пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул, что в «процессе следствия по антисоветскому троцкистскому центру только по одной Москве было выявлено 65 агентов предателей, которые систематически дезинформировали органы Государственной Безопасности, запутывали всё дело, активно способствуя безнаказанной деятельности троцкистов» (186).

Особенно выкосили негласную сеть в период «Большого террора». В 1937–1938 гг. годам чекистам агентура была нужна в гораздо меньшей степени, поэтому её с лёгкой душой провели в качестве руководителей

бесчисленных повстанческих организаций (обещая, разумеется, помилование и скорое освобождение) и расстреляли вместе с теми, кого сексоты оговорили. Для следствия большую ценность имели показания арестованных на тех, кто ещё гулял на свободе – это были более основательные «улики», нежели сводки агентуры. Та просто не поспевала за темпами истребления врагов народа.

Видный работник КРО УНКВД по Алтайскому краю А. Д. Черных в 1939 г. показал: «...Барнаульским ГО НКВД по линии третьего отдела... была арестована почти вся сеть, [хотя] можно было некоторых освободить и с успехом использовать на свободе. На основе этого я вместе с тов. Ковешниковым писали [начальнику КРО] Лазареву несколько рапортов на вербовку и освобождение Белопольского, Лукашева, Автономова, Иванова, Бородина и др., но в их освобождении Лазаревым было отказано. По нашим рапортам были освобождены только Щегельский, Столяренко (арестовывался без санкции прокурора), Ковылин, Попцова и др., фамилии которых забыл. Причем из числа этих освобождённых Ковылин был заагентурен и передан на связь [А. Т.] Степанову, который Ковылина через непродолжительное время вновь арестовал на явке и без всяких документов сдал в комендатуру». Типичный пример расправы с рядовым агентом – судьба преподавателя средней школы взрослых в Барнауле, белоруса В. П. Супрановича, который являлся осведомителем по линии КРО. В 1938 г. он был расстрелян в числе группы из 5 человек, обвинявшихся как члены «ПОВ» (187).

Замначальника УНКВД ЗСК И. А. Мальцев 17 августа 1937 г. издал приказ о начале «польской операции», приказав, в частности, «пересмотреть всю агентуру из поляков» (что означало истребление основной её части) и приобрести новую, причём все вербовки должны были осуществляться только с его личной санкции. Помощник начальника КРО УНКВД НСО В. Д. Качуровский показывал, что в 1937–1938 гг. «много было арестовано и из числа негласных сотрудников органов, которые помогали в обработке других, давали любые показания, и затем были проведены по этим делам и осуждены». О размахе репрессий против агентуры косвенно свидетельствует такая цифра: в январе 1939 г. в архиве Новосибирского УНКВД хранилось 3.750 личных дел агентов, исключённых к тому времени из осведомительной сети (188).

О больших масштабах уничтожения агентуры наглядно свидетельствуют данные и Челябинского УНКВД, где по указаниям начальника П. В. Чистова (помнившего личный опыт работы в Барнаульском оперсекторе ОГПУ в 1933 г.) оперативные отделы арестовывали своих сексотов и добивались от них показаний, по которым затем шли массовые

аресты. Так, по делу «Повстанческого духовного центра» (из 1.127 арестованных расстреляно 714) было арестовано 22 агента, включая основных чекистских помощников в его фабрикация: обновленческого архиепископа Михаила (Вяткина) и копейского священника Бормотова (189).

Даже заведомо ценные сексоты – с большим стажем работы и возможностями по добыче нужной чекистам информации – нередко тоже арестовывались и уничтожались. Такая судьба постигла «Популярного» – многолетнего агента Днепропетровского, Запорожского и Донецкого окротделов ОГПУ-НКВД, бывшего близкого сторонника Н.И. Махно, одного из издателей махновской газеты «Набат». Поскольку сексот постоянно высказывал высокое мнение о талантах Махно, он подозревался как двойной агент и не раз арестовывался. В 1938 г. донецкие чекисты расстреляли «Популярного» (190). Генерал-перебежчик М.В. Фастыковский в эмиграции работал на советскую разведку, а после возвращения в СССР усердно доносил на знакомых военных работников. В 1937 г. Фастыковского арестовали и расстреляли. В 1939 г. были арестованы и два года спустя после пыток расстреляны ценные агенты ИНО С.Я. Эфрон и другие, вынужденные выехать из Франции в СССР после нашедшего убийства перебежчика И.С. Рейсса (191). Репрессии против многих сексотов были связаны и с тем, что их руководители-чекисты оказались «врагами народа».

Неумение агента раскрыть контрреволюционную организацию в осещаемом им учреждении могло вызвать желание «органов» избавиться от него как нерадивого или саботажника. Заведующий отделом денежного обращения крайконторы Госбанка Г.П. Гиргенсон с 1932 г. освещал сотрудников новосибирского госбанка и по заданию чекистов пытался внедриться в якобы существующую там контрреволюционную организацию: «Однако, несмотря на приложенные старания, Гиргенсон не обнаружил в банке контрреволюционной организации. Он доносил об отдельных ненормальных явлениях в работе банка, но органы НКВД не верили его сообщениям, что контрреволюционной организации в банке нет». В итоге Гиргенсон был в 1937 г. арестован по делу «контрреволюционной организации» в Госбанке и получил «вышку», полгода спустя заменённую 15 годами заключения. Попав в лагерь, он продолжил свою работу на «органы» (192).

Агенты, пытавшиеся сопротивляться следствию, подвергались изощрённым пыткам. Сибирские чекисты смогли отыскать и завербовать родственника одного из видных врагов советского режима белого генерала А.П. Кутепова (погибшего при похищении его в Париже чекистами в 1930 г.) – его брата, бухгалтера городской аптеки в Кемерове С.П. Ку-

тепова. Он был сексотом местного горотдела НКВД, но после ареста в марте 1937 г. по ст. 58-10-11 УК этот осведомитель (вполне возможно, формальный) категорически отказался признать вину. В деле Кутепова есть только обличительные показания на него двух арестованных, но отсутствуют материалы следствия, обвинительное заключение и приговор – и, как отмечалось в обзорной справке по его делу, «куда он вообще делся, неизвестно». В октябре 1939 г. новосибирские контрразведчики вынесли постановление о прекращении дела, так как Кутепов «нигде не установлен». На самом деле он был переведён из Кемерова в Новосибирск, где (по сведениям чекиста Н.А. Белобородова) выбросился из окна здания УНКВД, так и не дав показаний (193).

Ряд крупных многолетних агентов тем не менее уцелел. Видный деятель Коминтерна троцкист А.Я. Гуральский (Хейфец) с 1919 г. работал в Германии, с 1924 г. являлся представителем ИККИ при Компартии Франции, а затем подвизался в институте Маркса и Энгельса. Как сторонник оппозиции Гуральский сначала оказался в ссылке, но в качестве агента ОГПУ был возвращён в Москву и с 1929 г. работал в аппарате Коминтерна, а затем пять лет провёл в Южной Америке. Арестованный в августе 1936 г., Гуральский сначала оказался осуждён на 8 лет как троцкист, но в самый разгар террора, в мае 1938 г., его дело было прекращено как на негласного агента. Будучи преподавателем истфака МГУ, до 1948 г. он по линии МГБ работал в лагерях военнопленных. Правда, в 1950 г. неблагодарные чекисты вновь арестовали Гуральского, продержав в лагерях до 1958 г. (194).

С трудом удалось выжить П.А. Маслову, в середине 1920-х гг. являвшемуся резидентом Каменского окротдела ОГПУ по Сибкраю. В 1937 г. Маслов работал в Кузбассе бухгалтером и активно, как сам заявлял, помогал «органам ОГПУ-НКВД разоблачать врагов народа». Но его всё же арестовали как «врага» и только после нескольких месяцев пыточного следствия выпустили. Другим арестованным агентам могло повезти больше. Оперативник Новосибирского УНКВД, работавший в годы «Большого террора» по линии КРО, рассказывал, как однажды к нему в кабинет доставили арестованного хромого бывшего белого офицера, который оказался агентом помначальника СПО С.И. Плещова. Жертву нестыковки интересов КРО и СПО освободили сразу, без допроса, но впоследствии «этот агент по списку [бывших офицеров – А. Т.] несколько раз арестовывался и сразу же освобождался, о чём Плещов ругался» на начальника отделения КРО А.М. Волкова, занимавшегося как раз белыми офицерами (195).

Характерно, что агенты непринуждённо переходили от «благородного» выполнения заданий за рубежом к классическому «внутреннему осведомлению». Дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрон после возвращения в СССР регулярно встречалась с работниками НКВД как осведомительница, а в 1939 г. была арестована и осуждена (196). Пограничному жителю селения Нерчинский Завод современной Читинской области, учителю С.М. Бронникову, тоже довелось на собственном опыте узнать пределы «благодарности» хозяев. С 1923 г. двадцатилетний Бронников работал сексотом Забайкальского губотдела ОГПУ в Нерчинско-Заводском районе, собирая сведения о «контрреволюционных элементах». Весной 1933 г. он был отправлен в разведкомандировку в Маньчжоу-Го для сбора сведений о белоэмигрантах, вскоре был разоблачён японцами и в ноябре 1933 г. бежал в СССР.

Иркутские чекисты направили Бронникова в Красноярск, где тот работал в школе, сохраняя и чекистскую специализацию. Когда наступил 1937 г., работы у Бронникова резко прибавилось. Он писал: «Выявлял по г. Красноярску и его предместьям контрреволюционные элементы, делая на них донесения в III отдел (контрразведывательный – А. Т.) УГБ. Имел от III отдела командировку в г. Канск, где также были выявлены антисоветские элементы и дан рапорт на них в III отдел УГБ». Когда надобность в спецагенте отпала, его обрекли на «списание», осудив к расстрелу, который заменили 10-летним сроком (197).

Документы показывают, что от ставших ненужными сексотов чекисты старались отмежеваться, даже от мёртвых. Так, в реабилитационных материалах по делу О.И. Кухмана сказано, что никаких сведений о его секретной работе на «органы» нет. Но зачем бы руководителю евангельских христиан Западной Сибири Отто Кухману на заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР в Москве упоминать, что его единственная вина – дезинформация органов НКВД, агентом которых он являлся? (198). Может быть, эти материалы были уничтожены, может, искали плохо, но возможно, что Кухман как агент не давал подписку, а действовал по устной договорённости, ибо подобная практика была распространённым явлением (199).

ОСВЕДОМИТЕЛИ В ПАРТИИ

Агентурным путём подробно освещались отнюдь не только выброшенные на обочину жизни «бывшие», «антисоветчики» или лица, контактировавшие с иностранцами. Сама правящая партия и госаппарат были

пронизаны огромным количеством сексотов. В октябре 1919 г. ВЧК потребовала от своих местных органов «создать гибкий и прочный информационный аппарат, добиваясь того, чтобы каждый коммунист был нашим осведомителем» (200).

Вербовка осведомителей в коммунистической среде велась самым интенсивным образом, поскольку агенты из среды правящей партии отвечали важнейшим, с точки зрения ВЧК-ГПУ, критериям: лояльности и достаточной информированности. Видный партийный пропагандист С.Б. Ингулов в статье «Партии отдайся весь!», появившейся в августе 1924 г. на страницах бюллетеня Омского губкома РКП(б), восклицал: «Партия не знает чистой работы или чёрной работы, партия изгоняет всякие элементы честолюбия в партийной среде, любая работа – наркомали, красноармейца ли, фабзавкомщика ли, агента ли ГПУ – одинаково почётна и необходима для партии» (201).

Коммунисты активно сотрудничали с «органами» в выявлении враждебных элементов. Чекисты прекрасно знали о субъективности партийных донесений, часто ориентированных на сведение личных счётов, но относились к ним предельно серьёзно (202). Предметом особого внимания со стороны начальства являлись меры по конспирированию секретных сотрудников. От партийных переписей и всяческих форм разветлённого партийного учёта сексотов оберегали. Зато часто бывало, что «органы» просто теряли партийные документы агента, и сексот превращался в беспартийного, не смея из-за боязни расконспирировать себя открыто требовать восстановления партбилета. Так случилось с томским сексотом Б.И. Киселёвым, состоявшим на негласной работе с 1918 г. и как-то раз удостоенного чести быть сфотографированным с В.И. Лениным. В 1928 г. он выбыл из партии, поскольку партбилет, хранившийся в ОГПУ, потеряли. Много лет спустя после ряда апелляций престарелому Киселёву за его специфические заслуги перед томскими чекистами была назначена персональная пенсия (203).

Учебник истории КГБ утверждает, что Ленин «интересовался ходом оперативных разработок и следствия, давал указания по конкретным делам» (204). Ленин неоднократно указывал, что в своей повседневной деятельности чекистам следует опираться на комячейки, а сами партийцы должны «смотреть и доносить», ибо хороший коммунист – это хороший чекист. Будучи дисциплинированным партийцем, он тоже не уклонялся от конкретной помощи политической полиции. Когда чекисты в 1921 г. сфабриковали дело «Вихрь» (205), Ленин оказался задействован в этой операции, заверив своей подписью подложный мандат агента-

провокатора ВЧК (206). В августе 1932 г. Сталин озабоченно писал Л.М. Кагановичу, выражая недовольство слабой бдительностью партийно-чекистского руководства УССР: «Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор» (207).

Позднее Сталин помогал начальнику УНКВД по Оренбургской области А.И. Успенскому, Ежову, а также высшим чинам союзного МГБ, предлагая провокационные агентурные комбинации. Вождь постоянно контролировал использование наиболее крупных негласных агентов органов безопасности. Так, в 1940 г. Берия в письме Сталину просил санкцию использовать «агента НКВД Ярушевича Б.Д., архиепископа Ленинградской епархии», чтобы «создать нелегальную резидентуру НКВД СССР для организации агентурной работы среди церковников» (208). Особенно активно агентура ОГПУ-НКВД работала против внутрипартийной оппозиции (209). Особое внимание обращалось на окружение Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.П. Томского, бывших руководителей Московской парторганизации Н.А. Угланова, В.А. Котова и др. Характерным примером сотрудничества номенклатурного чиновника с «органами» в разработке лидеров правого уклона выглядит ситуация с управляющим делами АН СССР Волынским, который в 1931 г. по заданию начальника СПО ОГПУ Я.С. Агранова сблизился с Бухариным и часто с ним охотился (210). Указания по активной агентурной работе с оппозиционерами получили руководители региональных секретно-политических отделов ОГПУ. В результате все рядовые оппозиционеры даже после исключения из партии активно разрабатывались центральными и местными органами госбезопасности.

В ходе партийной чистки 1929–1930 гг. все материалы на исключённых передавались в ОГПУ, а во время чисток 1933–1935 гг. сотрудники ОГПУ-НКВД уже входили в состав центральной и местных комиссий по чистке и обмену партийных документов. В свою очередь они передавали компрометирующие материалы на коммунистов в партийные органы. С 1932 г. на всех исключённых из партии органы госбезопасности заводили специальные досье и принадлежность к оппозиции рассматривалась как государственное преступление. Когда в мае 1935 г. началась всесоюзная кампания проверки партбилетов, уже к декабрю 1935 г. только НКВД Украины предоставил партийным органам досье с компроматом на 17,4 тыс. коммунистов, а по СССР из 177 тыс. исключённых арестовали 15,2 тыс. чел. (211). В Венгеровском районе ЗСК в эту кампанию

по чекистским материалам были исключены более 30 коммунистов, в т. ч. председатель РИКа, райпрокурор, заведующий райзо, уполнаркомзаг, директор МТС... (212).

Внутри оппозиции агентуры «органов» было более чем достаточно. Это неудивительно, ибо оппозиция, воспитанная Лениным в духе сотрудничества с ЧК, не считала связь с политической полицией криминалом. Так, Н.И. Бухарин, ознакомившись в начале 1937 г. с провокационными показаниями своего бывшего ученика В.Н. Астрова, в письме к Сталину убеждал вождя: «Я – за агентов (Астров, напр.). Но нужно, чтобы агенты не врал и не клеветали... не занимались провокацией» (213).

Агентурная разработка внутрипартийной оппозиции велась, естественно, с помощью коммунистов. Но, выполняя разнообразные задания «органов», партийцы были вынуждены компрометировать себя связями не только с оппозиционерами, но и верующими, «бывшими» и прочими «чуждыми элементами». Нередко партиец или комсомолец сознательно выходил из партии или ВЛКСМ, чтобы снискать себе доверие лиц, неояльных власти (214). На низовом уровне коммунистов-сексотов, конспиративно проникавших в социально-чуждую среду, нередко «разоблачали», исключая из партии, но потом чекисты сообщали об истинном лице своего агента и правда торжествовала. Хотя чекисты из конспиративных сообщений не всегда торопились проинформировать партийные инстанции о принадлежности пострадавших к своему ведомству.

Случалось, что какого-нибудь коммуниста вдруг настигало эхо давней негласной работы. Например, К.Д. Зима по заданию Славгородского окротдела полпредства ОГПУ Сибкрая в конце 20-х годов был внедрён в некую «троцкистскую группу» и помог её разоблачить. Переехав в Тарский округ, где не были осведомлены о его заслугах, Зима во время проверки партийных документов в конце 1935 г. был исключён из ВКП(б) как бывший троцкист, скрывший своё участие в оппозиции. Объяснив ситуацию, он довольно быстро добился восстановления в партии (215).

Доносительство в компартии было развито так, что зачастую не было разницы между спецагентами ОГПУ-НКВД и кляузниками-доброхотами. Доносчики-добровольцы выискивались и вербовались чекистами, после чего из категории «любителей» переходили в «профессионалы». Типичным примером превращения доносчика в негласного агента является фигура Н.В. Никольского, осенью 1932 г. оклеветавшего видных работников госаппарата Н.Б. Эйсмонта, В.Н. Толмачёва и А.П. Смирнова как членов заговорщицкой группы, собирающей устранить Сталина. В своё время Эйсмонт убрал члена коллегии Наркомата снабже-

ния РСФСР Никольского из аппарата, и Никольский, ставший директором Северо-Енисейского комбината, смог отомстить обидчику. Уже в 1933 г. Никольский оказался в агентурной сети ОГПУ-НКВД (216).

Вполне профессиональным доносителем был секретарь Донецкого обкома КП(б)У и кандидат в члены ЦК ВКП(б) С. А. Саркисов, ранее, в 1927 г., исключавшийся из партии за активную поддержку оппозиции. Именно Саркисов прислал Сталину записку с показаниями против бывшего наркома юстиции первого советского правительства Г. И. Ломова (Оппокова), а также донёс на работника наркомпищепрома и бывшего председателя Сибчека М. Ф. Левитина как человека, десятью годами ранее выступавшего против репрессий в отношении троцкистов. И Ломов, и Левитин были вскоре расстреляны – как, впрочем, и сам Саркисов, по иронии судьбы казнённый в один день с Ломовым (217–221).

Сведения о номенклатуре чекисты получали прежде всего через окружение тех или иных начальников. Жена заведующего сектором крайплана Запсибкрая Г. В. Коршикова была агентом, доносившим о его окружении: «узнавала от мужа о поведении лиц, работавших вместе с ним и арестованных впоследствии, и сообщала в органы». Осведомительницей НКВД являлась и супруга замдиректора Барнаульского меланжевого комбината В. П. Тихомирова, работавшая заместителем секретаря парткома комбината. Видный организатор производства М. И. Гольдберг, перевозивший своих приближённых из Иваново-Вознесенска на строительство Барнаульского меланжевого комбината, наверное, не подозревал, что среди них находятся несколько информаторов «органов» – М. И. Лондон, О. Г. Адлер (222).

Вербовка непосредственно самих ответственных работников партийно-советских учреждений соблазняла чекистов всегда (223). А те нередко соглашались работать агентами. Из дела на бывшего начальника Ачинского окротдела ОГПУ К. П. Болотного видно, что в конце 1920-х гг. ачинские чекисты имели в агентах даже секретаря окружкома ВКП(б) М. Л. Бузова. Материалы дела на К. П. Болотного фабриковались путём его жесточайших избиений, но эпизод с давней вербовкой партийного начальника в контексте следствия выглядел второстепенным криминалом и, вероятно, соответствовал действительности. Тем более что Болотный был в настолько хороших отношениях с Бузовым, что получил от него большой архив троцкистов – десятки писем видных оппозиционеров и другие подобные документы – который загадочным образом не сдал после увольнения из ОГПУ, а хранил в доме родителей до самого ареста (224).

В годы «Большого террора» надзор за номенклатурой был наиболее плотным. Начальник СПО УНКВД НСО К. К. Пастаногов обвинялся в том, что в апреле 1938 г. разослал «явно провокационную директиву периферийным органам, в которой предлагалось всем начальникам органов организовать тщательную сугубо законспирированную аграрную разработку всех вновь прибывших на работу коммунистов, командированных Обкомом ВКП(б), этим самым периферийные органы нацеливались на избиение партийно-советских кадров» (225–227). Как отмечали в январе 1939 г. Л. П. Берия, А. А. Андреев и Г. М. Маленков, при Ежове усиленно создавалась «осведомительная сеть в партийных аппаратах (в обкомах, крайкомах, ЦК нацкомпартий и даже в аппарате ЦК ВКП [б])» (228). О методах, которые были в ходу у чекистов, говорит письма некоторых их добровольных помощников. В январе 1938 г. работник Мариинского РИКа (позже следователь НКВД, а затем партийно-советский работник) Г. Т. Бугай написал начальнику УНКВД НСО Г. Ф. Горбачу и секретарю обкома И. И. Алексееву разоблачительное письмо. В нём говорилось, что начальник Мариинского РО НКВД Д. Ф. Аболмасов, к тому времени уже арестованный как враг народа, и его заместитель Е. П. Гриднев после доноса Бугая на секретаря райкома ВКП(б) И. М. Молотова-Лучанского и других дали своему помощнику такое задание: «Ты, – говорит Гриднев, – напой допьяна дочь Лучанского-Молотова и соверши с ней половой акт, и тогда она расскажет, кто у них из родственников живёт за границей и где. В случае, [если] попадёшь впросак, мы тебя выручим...». Бугай гордо писал: «...Я не согласился и нашёл другой метод, по которому действительно подтвердилась связь Лучанского-Молотова с заграницей» (229).

В письме Сталину в январе 1939 г. исполнявшая обязанности редактора «Литературной газеты» О. С. Войтинская жаловалась на трудности своей работы с чекистами в 1937–1938 гг. Сразу после того как она, заведующая отделом критики «Октября», получила работу в «Литературной газете» и написала заявление в НКВД на заводском печатном ЦК ВКП(б) А. Е. Никитина, ей предложили сотрудничество с «органами». Войтинская отнеслась к своей негласной работе на НКВД «как к чему-то священному, как к особому поручению партии», а ей велели стать любовницей писателя Ф. И. Панфёрова и после отказа Войтинской «упрекали, что я плохая коммунистка, что для меня личное выше партийного. Я знала, что моя жизнь принадлежит партии, но стать любовницей врага я не могла». Курировал Войтинскую начальник отделения СПО ГУГБ НКВД А. С. Журбенко (230).

В конце 1938 г. Сталин дал чекистам формальную команду оставить партноменклатуру в покое. Специальный приказ НКВД СССР, утверждённый Политбюро ЦК ВКП(б) 26 декабря 1938 г., предписывал немедленно «прекратить вербовки из числа ответственных руководящих работников в партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организациях», а также «каких бы то ни было» (формулировка Сталина – *А. Т.*) работников, обслуживающих аппараты ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии». (Неясно, попадали ли военные органы в этот перечень, ничего не говорилось и о вербовках внеслужебного окружения.) Партийные органы внешне полностью выходили из-под чекистского контроля: получалось, что даже уборщицу в райкоме партии для слежки за начальством вербовать было нельзя, зато, например, секретаря при председателе облисполкома – пожалуйста. Со всеми ранее завербованными агентами из числа номенклатуры приказывалось немедленно порвать связь, а личные и рабочие дела подобных осведомителей и агентов подлежали уничтожению в присутствии представителей райкома, горкома и так далее. Приказ доводился до всей номенклатуры, начиная от секретарей райкомов, и до сведения всего оперсостава НКВД (231).

Но в реальности запрет на вербовки номенклатурных работников оказался фикцией. Ситуация, при которой даже самые высокопоставленные работники оказывались агентами госбезопасности, сохранялась и на деле весьма сильно ограничивала партийные власти в их руководстве карательными органами (232).

О пристальном наблюдении «органов» за партийным аппаратом уже после решения о прекращении заагентуривания номенклатуры свидетельствуют и другие факты. Например, в июне 1939 г. первый секретарь Читинского обкома ВКП(б) И.В. Муругов в письме Сталину обвинил руководство НКВД в провокации против своей жены И.А. Муруговой и невыполнении постановления ЦК и СНК от 17 ноября 1938 г. Руководство УНКВД по Читинской области связало Иоганну Муругову с польскими шпионами, которых она якобы ввела в окружение своего мужа. Чекисты сообщили и о том, что И.В. Муругов имеет «близкую связь» с одной из номенклатурных дам, которая «разрабатывается по подозрению в антисоветской работе и шпионаже». Сталин адресовал Берии, ознакомившего вождя с компроматом на чету Муруговых, следующую недвусмысленную резолюцию: «Муругова, видимо, нерусская (поганка!), почему не выясняют национальность Муруговой? Нужно немедленно арестовать Муругову... раскрыть шпионское гнездо в Чите». Муругова в январе 1940 г.

оказалась в расстрельном списке, в сентябре 1939 г. был арестован и в 1941-м – расстрелян сам И.В. Муругов (233).

Характерна и спецзаписка Кемеровского горотдела НКВД от 12 мая 1941 г. с некоей информацией «по 2-му и 3-му секретарям Кемеровского РК ВКП(б)», адресованная Новосибирскому обкому партии (235). Что касается прямых вербовок номенклатуры, то эта традиция благополучно дожила до конца сталинских времён. Так, начальник Новоаимского райотдела УМВД по Тюменской области А.Е. Башелин летом 1953 г., когда в связи с делом Берии областные власти проверяли работу «органов», обвинялся в том, что не только отказывался от партийных поручений, но и предложил секретарю райкома КПСС «быть внештатным работником органов» (236).

ПРОВОКАЦИЯ – ОСНОВА НЕГЛАСНОЙ РАБОТЫ

Агент был бесправен и полностью подчинялся чекисту-оператору. Его в любой момент могли арестовать и осудить по надуманным или реальным (особенно если он был криминальной личностью) обвинениям, а нередко и тайно уничтожить. Правда, этот хвост подчас мог вертеть собакой, разыгрывая какую-нибудь непредусмотренную провокационную комбинацию и заставляя чекиста – скажем, молодого и неопытного, который мог формально требовать честной работы – играть по своим правилам. Как гневно отмечал наркоминдел Г.В. Чичерин, «руководители ГПУ слепо верят всякому идиоту или мерзавцу, которого они делают своим агентом». Обычно сексот покорно выполнял любые, даже явно преступные указания своего куратора. Агент очень часто получал задание провоцировать собеседников на антисоветские высказывания (236) или какие-либо более острые противоправные действия, позволяя себе открытое подстрекательство к восстанию. Также ему могли дать задание сфабриковать улики, подбросить листовки или оружие.

С помощью агентуры людей сознательно срамливали друг с другом, разрушали их объединения. С 1931 г. под чекистским наблюдением находилась община новосибирских татар, группировавшаяся вокруг мечети. Как следует из материалов оперативного дела №405, «цели органов ОГПУ-НКВД... были направлены на разложение мусульманской общины в г. Новосибирске, внесение разлада в мусульманский совет, компрометацию руководителей общины муллы Галямова Нугмана и муллы Валеева Гарифа и отрыв от них верующих. Эта задача к 1935 году успешно была выполнена, в составе совета получился раздор, а Галямов

и Валеев – скомпрометированы». Расколоть общину чекисты смогли с помощью агента «Востокова» и ещё двух секретных сотрудников. Из этой тройки агентов двое в 1937 г. были расстреляны (237).

Со второй половины 1929 г. повсеместно и интенсивно пошёл процесс фабрикации больших и малых заговоров. Типичный пример чекистской работы этого периода – эпизод с провоцированием бывшего штабс-капитана Колчака А.И. Курчеева, счетовода Сибземууправления, который в течение ряда лет был осведомителем полпредства ОГПУ по Сибкраю, а примерно в 1927 г. по каким-то причинам оказался исключён из агентурной сети – возможно, именно для того, чтобы в будущем стать мишенью чекистской провокации. Летом 1929 г. его сослуживец И. Щербаков (секретарь месткома, имевший судимость за растрату) пришёл к Курчееву и, по словам последнего, «стал развивать мысль на создание банды с целью грабежа, но, получив от меня резкий отпор, начал развивать мысль о создании контрреволюционной организации». Вскоре подошёл бывший офицер Н. Бердиченко, знакомый жены Курчеева, и заинтересованно присоединился к разговору. Тут надо подчеркнуть, что бывшие белые офицеры (а также многие представители интеллигенции), из числа которых «заговорщицкие организации» фабриковались постоянно, уже в начале 20-х годов так хорошо знали о приёмах чекистской работы, что зачастую автоматически принимали за провокаторов всех активных критиков советского режима (238).

Поэтому Курчеев заподозрил неладное: «Меня, как ранее работавшего около пяти лет информатором КРО ПП ОГПУ, заинтересовал этот вопрос и я дал повод к развитию темы этой мысли». Обрадованные посетители Курчеева завели разговоры о необходимости выпуска листовок, после чего хозяин дома, «чтобы выявить их окончательно», сказал, что составить антисоветское воззвание для него – сущий пустяк. Уже через двадцать минут он представил гостям черновики двух решительных обращений – к бывшим офицерам и к крестьянам. Щербаков в ответ заявил, что навербует нужную публику за неделю... Но позже Щербаков и Бердиченко рассказали, что с вербовкой сторонников у них возникли трудности, и попросили у Курчеева его воззвание для распространения среди крестьян. Выяснив намерения чекистских агентов, Курчеев дал чётко понять, что никакого сотрудничества с ними вести не будет: ни когда Щербаков стал расписывать ужасы, творимые большевиками в деревне, ни когда осенью 1929 г. к нему забегал Бердиченко и снова стал «делать подход к созданию организации». На резкое заявление Курчеева («раз настаиваешь, то бери на себя инициативу... идём

сейчас же») Бердиченко тут же отыграл назад, заявив, что не готов и, вообще, у него жена, ребёнок...

В апреле 1930 г. Курчеева арестовали и уже в июне *тройкой* осудили на 10 лет лагерей за ведение «контрреволюционной агитации», которой стало составление проектов антиправительственных воззваний для Щербакова и Бондаренко. Курчеев пояснял, что не донёс на Щербакова в ОГПУ, потому что считал его сексотом – «это я ошибочно сделал, что не донёс». А Щербаков, естественно, показал, что это Курчеев инициировал разговоры о вербовке боевых «пятёрок» и якобы просил выяснить, где в военном городке находится оружейный склад. Свои впечатления о Курчееве провокатор Щербаков резюмировал так: «Тип он, несомненно, контрреволюционного направления и никогда не примирится с существующим положением». Пытаясь доказать лояльность, Курчеев просил дать ему возможность «работать по выявлению контрреволюционного элемента, особенно среди бывших военных, так как среди этого мира я имею большой круг знакомых и доверие к себе». Но чекисты отправили свою жертву в лагерь (239).

Зато другой бывший офицер – замдиректора сектора крайконторы Госбанка Я.А. Шарлаимов, служивший в частях генерала В.Н. Пепеляева, – якобы узнав о существовании в банковской системе ВСК «повстанческой организации», состоявшей преимущественно из бухгалтеров банков (бывших белых офицеров), в начале 1933 г. «современенно и исчерпывающим образом заявил соответствующим следственным органам» о вражеской деятельности сослуживцев, в связи с чем был вскоре освобождён из-под ареста. Из 10 оставшихся «повстанцев» во главе с Н.Д. Плехановым один умер в тюрьме, остальные были осуждены на сроки от 5 до 10 лет. Однако в 1937 г. Шарлаимов, работавший бухгалтером Госбанка в Якутске, был арестован как шпион и расстрелян (240). Несколько лет назад историк репрессий в отношении русского офицерства Я.Ю. Тинченко констатировал: «Тема доноительства до сих пор не изучена историками... [так как] данные о людях, когда-либо сотрудничавших с органами безопасности, категорически не подлежат разглашению. В силу этого мнение о том, что раскрутка всех громких процессов была осуществлена в основном благодаря осведомителям, носит лишь предположительный характер». Однако сегодня это предположение можно считать вполне доказанным (241). Практически все групповые дела 1920–1930-х гг. фабриковались с помощью провокаций агентуры. Только в период коллективизации чекисты СССР, опираясь на многочисленную агентуру, выдумали тысячи групповых дел на «повстанческие организации» (242).

Провокаторы участвовали в наиболее известных политических процессах (243). О массовости чекистской агентуры, вербовавшейся в том числе из уголовного элемента, говорит дело 1931 г., подготовленное Омским оперсектором ОГПУ на группу крестьян северных районов, обвинявшихся в подготовке восстания. Агент-уголовник К.А. Рассказов, бывший партизан, развезжал по деревням, уверяя крестьян в том, что против советской власти готовится выступить вооружённый отряд в 500 чел., снабжал некоторых завербованных им лиц винтовками (явно полученными в ОГПУ) и угрожал расправой тем, кто захотел бы его выдать. Провокатор объяснял, что «пароли я назначал с целью сообщить их уполномоченному ОГПУ для более лёгкого изъятия контрреволюционно настроенного элемента». Одновременно бандит и убийца Рассказов участвовал в вооружённом ограблении кооператива и, вступив в конфликт с членами шайки, в два приёма застрелил четверых из них.

В январе 1932 г., уже после осуждения 32 «повстанцев», уполномоченный Особого отдела ПП ОГПУ ЗСК Кузнецов сделал не очень типичный для чекистской «кухни» вывод о том, что осуждёнными руководили агенты К.А. Рассказов, А.Ф. Бармин (числился в розыске), А. Бахтин (вообще не привлекался) и другие лица, которые, «будучи заагентуренными, проводили в сельских районах Западно-Сибирского края провокационную работу среди крестьян». Кузнецов предложил арестовать Рассказова, который к тому времени был освобождён и негласно «работал по ликвидации банды».

Но следствие проводилось в самом Особом отделе и покрыло виновных в фабрикациях. В феврале 1932 г. другой оперативник-особист – В.И. Лешин – заключил, что оснований пересматривать дело нет. Рассказов был арестован Барабинским окротделом ОГПУ в 1930 г. в связи с ликвидацией бандитской шайки, его подписка о сотрудничестве, данная Кыштовскому райаппарату ОГПУ, официально не оформлялась, в связи с чем организованный вскоре Омский оперсектор ОГПУ не имел данных о Рассказове и узнал о его сотрудничестве с «органами» якобы только после ареста последнего: «Данное ему задание по выявлению мест беглого кулачества не давало права проводить работу по сколачиванию б[анд]организации». Так чекисты отреклись от провокаторства своего агента и не только прекратили дело в отношении Рассказова, но и снова направили его на конспиративную работу, в результате чего он исчез бесследно, возможно, ликвидированный своими же хозяевами.

Активными негласными сотрудниками Омского оперсектора выступали А.Ф. Бармин и Артемий Бахтин. Александр Бармин бежал из-под

ареста (явно с помощью чекистов), после чего получил провокационное задание. В показаниях свидетелей он фигурировал как «неизвестный бандит», ездивший по сёлам, вербовавший сторонников, грозивший убийством за разоблачение и уверявший, что весной 1931 г. начнётся интервенция против СССР. Арестованный по этому делу комсомолец И.К. Свириденко показал, что односельчанин Л.С. Недомолвкин говорил ему о побеге Бармина из тюрьмы, присовокупив, что подробностей рассказать не может, поскольку дело это секретное. Активно вербовал крестьян в повстанческую организацию и А. Бахтин. Другой осведомитель – «твердозаданец» Лука Мельников, завербованный в Кыштовке в 1930 г. – был обвинён в том, что он якобы присоединился к повстанцам и на время прекратил связь с уполномоченным ОГПУ: «известное ему о к-р организации скрыл, чем окончательно доказал свою преданность контрреволюционному элементу».

Оспаривая выводы Кузнецова, В.И. Лешин подчеркнул, что Бармин и Бахтин не являлись агентами ОГПУ, а были «наиболее активными бандитами», причём Бармин к тому времени уже был «убит одним из н[егласных]/агентов». Вопрос о том, отчего «активный бандит» Бахтин не был привлечён к ответственности, Лешин аккуратно обошёл (244). Значительная часть агентуры вербовалась без оформления подписки о сотрудничестве, что позволяло при случае легко от неё отрезаться. А пока провокаторы были нужны, их выводили из-под следствия, перебрасывали в другой район и поручали новое дело... Бахтина не искали, Бармина (и, возможно, Рассказова) уничтожили – так все концы липового дела были обрублены.

Следствие по огромному «белогвардейскому заговору» 1933 г. также основывалось на провокационном использовании внутрикамерной агентуры. В Новосибирске видных интеллигентов, поставленных в центр заговора, уговаривал признаться специально арестованный для подсадки бывший князь и давний агент ОГПУ С.П. Волконский. Подсаживаемый в камеры к экс-генералу В.Г. Болдыреву и бывшему товарищу министра финансов колчаковского правительства Г.А. Краснову, Волконский помог получить их признания, обещая за это лёгкое наказание.

Следовавший в обвинительном заключении под вторым номером (сразу за знаменитым генералом, учёным, мемуаристом В.Г. Болдыревым) Х.Е. Бутенко – бывший полковник царской армии и глава войск белого Приморского правительства – был агентом ОГПУ с 1923 г. Другим чекистским помощником являлся также записанный в руководители заговора Р.П. Степанов – бывший генерал-майор, командовавший 2-й Оренбург-

ской казачьей дивизией и воевавший в корпусе генерал-лейтенанта А. С. Бакича (245).

Из показаний бывшего начальника СПО УНКВД ЗСК И. А. Жабрева следует, что в среде сибирских чекистов первой половины 30-х годов «...было пущено крылатое выражение “соцзаказ”. Под этим “соцзаказом” разумелось проведение заведомо фальсифицированных дел в зависимости от политической обстановки». Упомянув дело «Степные», Жабрев указал, что его сфабриковали в Завьяловском и Тюменцевском районах Барнаульского оперсектора «на базе небольших антисоветских групп» с помощью агентуры, которая «была приведена в активное провокационное положение»: «Перед ликвидацией этого дела Чистов распространил по отдельным организациям через агентуру значительное количество оружия, взятого из комендатуры [оперсектора]. Это всё проводилось под моим руководством. Дело “Паспортисты”. По агентурной разработке по указанию быв[шего] ПП ОГПУ Алексеева готовился провокационный налёт на политотдел... Налёта не было только потому, что Алексеев испугался размера провокационных действий в агентурных разработках и следствии, проводимых [П. В.] Чистовым». Далее Жабрев пояснял, что налёт готовился Барнаульским оперсектором ОГПУ с целью доказать факт «покушения» на начальника политотдела Калманской МТС К. В. Рыневича (246).

Установка на провокацию чётко проскальзывала порой и в публичных чекистских высказываниях. В феврале 1935 г. ответработник ЭКО УНКВД ЗСК Б. В. Лукин, демонстрируя особую бдительность, заявил о своём беспокойстве в связи со скрыванием потенциальной нелояльности прорабатываемых чекистами лиц: «В работе с агентурой мы собираем только отрицательные факты и ничего не берём о тех людях, которые нами прорабатываются, но молчат и не реагируют на те или иные явления, например, по поводу убийства т. Кирова» (247). Здесь очевидно намерение давать агентам задания провоцировать наблюдаемых лиц, которые не давали поводов себя в чём-либо заподозрить, поскольку не допускали политически заострённых высказываний.

Отметим, что с помощью своей агентуры чекисты не гнушались фабриковать лёгкие дела и на несовершеннолетних (248). Грубые чекистские комбинации распространялись до самого нижнего уровня, о чём местные власти имели неплохое представление. Так, прокурор Павловского района ЗСК в январе 1934 г. информировал политотдел МТС о том, что «агентурная сеть по оперативной части в нашем кусте работает неправильными методами», явно имея в виду провокационные методы

агентуры. Чекист Г. Д. Планкин, работавший в Моховской МТС Алейского района ЗСК заместителем начальника политотдела по оперативной работе, занимался откровенными провокациями. В январе 1934 г. в тамошних колхозах были выявлены две группы расхитителей из 24 человек, организаторами которых оказались... осведомители Планкина; недостача в одном колхозе «Великий перелом» составила 1.500 центнеров зерна. Планкин «официально дал своим осведомителям задание участвовать в воровстве колхозного хлеба. В результате эти люди с маленького воровства под защитой политотдела перешли на массовое». Только что демобилизованный красноармеец Петухов, замеченный в неумеренном пьянстве, заявил политотделу, что пьёт по заданию Планкина, «чтобы кое-чего выявить» (249).

Фантазия чекистов-оперативников подсказывала им разнообразные способы провокационной работы с агентурой. Рядовой сотрудник ЭКО УНКВД ЗСК С. А. Шептунов в сентябре 1936 г. прибыл в командировку в Венгеровский район, где в связи с якобы случившимся отравлением пяти коров в одном из совхозов завёл разработку на вскрытую им «диверсионно-повстанческую группу», которую назвал «Урманцы». Найдя подходящего по социальному происхождению человека и сделав его руководителем несуществующей организации, Шептунов предпринял «стимулирующие» меры для вскрытия подрывной работы «врага народа».

В компании с работником Венгеровского РО НКВД В. Ф. Коротковым и агентом «Мишей» Шептунов приехал к «руководителю организации». Агент «Миша» должен был представить Шептунова, «вооружившегося чистыми бланками и паспортами», в качестве представителя контрреволюционной организации из другого района, посланного «для увязки и проведения работы». Планировалось, что Коротков затем арестует их вместе с фигурантом. Однако «фигуранта» спровоцировать не удалось, после чего незадачливые оперативники инсценировали бегство с поддельными паспортами «бандита», в роли которого выступил Шептунов. Однако чекистский спектакль оказался малоубедительным: «При побеге Шептунова Коротков бежал за ним с наганом, бежали и колхозники, стараясь помочь работникам НКВД. При задержании Шептунова колхозники требовали обыска и изъятия паспортов, тогда как Коротков, отказавшись это сделать – расконспирировался. Среди населения шли нездоровые толкования» (250).

Подобные методы были системой. Осенью 1935 г. заготовитель сельпо в с. Бородавкино Искитимского района ЗСК Иосиф Гончаров под диктовку замначальника политотдела по работе НКВД совхоза «Ворошило-

вец» А. А. Супрунюка записал следующую невероятную историю. Якобы к нему подошёл незнакомый человек (оказавшийся трактористом М. Евграфовым) и сообщил, что он на самом деле сын крупного кожьаводчика Скворцова, скрывается под чужой фамилией и вербует народ в повстанческую «Партию по борьбе с коммунистической зависимостью», у которой-де в Новосибирске есть «центральный секретарь». И к весне 1936 г. должен завербовать не менее 500 (!) чел. Арестованный Евграфов признал, что говорил только насчёт Троцкого и его высылки – дескать, коммунисты выслали Троцкого из страха – но остальное отрицал. Подумав, чекисты Гончарова на суд свидетелем не послали (возможно, не желая «светить» осведомителя) и вышеописанный эпизод не вошёл в обвинение Евграфова (251).

Чекисты в конспиративном порядке то и дело сами выдавали себя за организаторов контрреволюционной деятельности в надежде спровоцировать выбранных ими лиц из числа «подучётного элемента». По распоряжению руководства УНКВД ЗСК в середине 30-х годов заместитель начальника ЭКО Д. Д. Гречухин организовал провокацию среди спецпереселенцев в г. Прокопьевске: с помощью «ввода официального сотрудника активизировал... локальные группы» и так добился вскрытия крупной «контрреволюционной организации» (252).

О том, как кадровые чекисты под видом антисоветчиков и шпионов пытались провоцировать «подозрительных» интеллигентов, говорят показания новосибирского оперработника СПО С. С. Корпулева, который в 1936–1937 гг. через студента Планово-экономического института В. П. Жеребцова был внедрён в окружение инженера Б. П. Лепаринского, техника-строителя В. В. Теплова и других лиц из числа интеллигенции, подозревавшихся к причастности к немецкой разведке. Корпулев играл роль работника телеграфа Владимира Волкова, связанного с передачей важных телеграмм, и надеялся подставить себя мифическим шпионам. Согласно его показаниям, «несмотря на то, что агентурным путём ничего конкретного о шпионской деятельности этих лиц установлено не было, разработка была реализована» и её фигуранты арестованы.

Надо сказать, что настойчивые чекистские попытки войти в окружение лиц, ранее арестовывавшихся (как Б. П. Лепаринский), вызывали у них естественное подозрение. В. В. Теплов даже посетил телеграф, где ему сказали, что никакого Волкова у них не числится. Корпулев 20 лет спустя показывал: «Я пытался смягчить, рассеять его сомнение, заявляя, что на телеграфе работает много людей и всех на проходной не знают, показывал документ о работе на телеграфе. Внешне он [Теплов] верил

моему объяснению, а внутренне, видимо, нет. Об этом было доложено по инстанции и последовало распоряжение нач[альника] Управления – разработку ликвидировать, доработать через камерную агентуру и следственным путём» (253).

Исключительным цинизмом отличалась негласная деятельность И. Ф. Пушнина. В 1936 г. этот 25-летний технический инспектор горпрофсовета в Томске (и одновременно резидент горотдела НКВД) специально – для разработки мифических польских заговорщиков – женился на дочери одного из фигурантов, надеясь раздобыть побольше нужных сведений. А раздобыв, сбежал от жены и затем через третьих лиц сообщил ей о своей смерти. Чтобы жена поверила, он сфотографировался в гробу и отослал ей и другим родственникам карточки... В том же 1936 г. Пушнин был арестован и, после того как чекисты получили от него все нужные сведения на «польскую повстанческую группу», оказался осуждён как лидер заговорщиков к расстрелу, заменённому 10 годами лагерей (254).

Особенно активно агенты-провокаторы использовались при фабрикации групповых дел в период «Большого террора», когда требовалось в считанные дни «оформить» следственный материал на несколько десятков человек. Сексот Е. П. Врублевский в конце 1937 г. был назначен новосибирскими контрразведчиками руководителем организации «Польская организация войсковая», куда чекисты включили целых 110 чел. (все они были расстреляны). Врублевскому объяснили, что материалы дела на данную шпионскую группу будут представлены некоему зарубежному консульству, и он подписал все необходимые протоколы. Его самого арестовывали ненадолго в середине и конце 1937 г., но вскоре освобождали, хотя он формально являлся лидером польских заговорщиков; при этом в материалах дела на 110 расстрелянных было ложно указано, что обвинительные материалы в отношении Врублевского выделены в особое производство (255).

В доступных источниках сохранились сведения о прямых провокаторах, пытавшихся в 1937–1938 гг. открыто подстрекать народ к антисоветской деятельности. Один из работников Славгородского РО НКВД в начале 1939 г. доносил на арестованного к тому времени начальника Славгородского оперсектора УНКВД по Алткраю А. А. Жилкова: дескать, «от агента “Зыба” был получен материал о том, что один из преступников по фамилии Балин разъезжает по сёлам и ведёт вербовочную работу в контрреволюционную правотроцкистскую организацию. Таких донесений в июле месяце [1938 г.] было получено до 10 и не от одного агента,

однако Жилков эти материалы никому не передал для реализации, а агентура, которая давала такие документы, была у него на личной связи» (256). Очевидно, что «вербовщик» Балин был одним из агентов НКВД.

Для крупных чекистских разработок нередко было характерно использование единственного агента-provokatora, чьи показания сознательно не перепроверялись. Например, в 1931–1932 гг. и в последующие годы новосибирскими чекистами активно велась разработка «Медики» на «реакционную медицинскую интеллигенцию», причём основным поставщиком сведений о вольных разговорах врачей являлся агент Волчек. В 1937–1938 гг. его информация была использована для истребления известных медицинских работников – якобы распространителей «бактериологической диверсии». Об опоре на показания единственного агента при расследовании крупных дел с неудовольствием отмечал в своём приказе от 29 июля 1934 г. начальник Харьковского УНКВД К. М. Карлсон (257).

Об уровне используемых чекистами агентурных сообщений говорит совершенно фантастическая информация одного из сексотов о том, что в июле 1930 г. в с. Кочки Каменского района состоялся съезд эсеровской партии с более чем сотней участников из всех округов Сибкрая. На этом съезде сделал «нам доклад о политическом состоянии в СССР т. Керенский, который указал нам, что скоро будет Советской власти крах. Сталина ранили, промышленность [упала] на 50 %...» Алтайские чекисты тогда же указывали, что для организации повстанческой работы среди бывших красных партизан к ним якобы приезжал другой видный политэмигрант – атаман Г. М. Семёнов. Подобные вымыслы, касавшиеся конкретных исторических фигур, без зазрения включались в официальные обвинительные заключения по крупным групповым делам: дело «Чёрные», дело группы Т. Геримовича (258).

Всё же в отдельных случаях provokatorам приходилось держать ответ. Характерный пример мягкого наказания – дело агента «Кулика» (он же «Колонист» и «Учёный»), более известного в качестве будущего диверсанта НКГБ Николая Кузнецова. Агент-маршрутник «Кулик» был послан под видом бежавшего из ссылки кулака в Юрлинский район Коми-Пермяцкого округа, где недавно произошли крестьянские мятежи, и по заданию начальства агитировал крестьян восставать против коммунистов. Агент в октябре 1934 г. был арестован и, оказавшись в тюрьме Свердловского УНКВД, показал: «Даты, встречи, состав присутствующих – это неоспоримо верно, но там, где в моих донесениях начинаются чужие слова, заключённые в кавычках, [...] всё наиболее резкое... являлось вы-

думанной, намотанной мной грубой ложью. Я здесь руководствовался одним: если человек не говорил против Сов. власти, я ему ничего не выдумывал, но если этот человек настроен отрицательно к существующему строю и это мне в беседах высказывал, я ему приписывал не говоренное им... Приписки эти я делал, основываясь на своих предположениях».

После недолгой отсидки «Кулика», умолявшего дать ему возможность искупить вину работой, поскольку «в изоляции я не в состоянии бороться с к-р», отпустили и он продолжил свою негласную деятельность. Зато в тюрьме оказался начальник окротдела ОГПУ-НКВД И. И. Тенис, дававший установки провоцировать крестьян на антисоветские разговоры и фиксировать недосказанное ими «естественными словами» (259).

Случаи пресечения провокаций наблюдались постоянно, даже в 1937 г. Так, слушатель Института красной профессуры И. Г. Дубравин в сентябре 1937 г. был исключён из партии за то, что, будучи внештатным сотрудником НКВД, подбивал на антисоветские разговоры слушателя Ситникова (260). Однако от периодического разоблачения отдельных provokatorов подобные чекистские комбинации не становились менее частыми и оставались постоянным явлением и после эпохи террора 30-х годов. При этом они традиционно прикрывались желанием агента разоблачить очередного хитро замаскировавшегося врага советской власти.

Секретарь Косьминского сельисполкома Гурьевского района будущей Кемеровской области коммунист и сексот И. Г. Желтухин в марте 1941 г. во время довыборов в Верховный Совет СССР написал две листовки: одну с призывом не голосовать, вторую – с лозунгом борьбы с коммунизмом. А в райотдел НКВД донёс, что эти листовки написал и распространил его односельчанин Л. Е. Бабанак. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) отмечала: «В ходе длительного расследования... было установлено, что листовки написал и распространил сам Желтухин, который в этом признался как во время следствия, а также и на бюро Кемеровского обкома». Provokator объяснял, что этим хотел «добиться изоляции Бабанаква как опасного человека для общества» – бывшего кулака, вёвшего якобы подрывную работу. В результате шесть лет спустя Желтухин оказался под судом за контрреволюционную агитацию и использование служебного положения в корыстных целях (261).

В 1944 г. прервалась карьера одного из виднейших provokatorов западносибирского региона 52-летнего А. П. Левчука. С 1929 г. он жил в Новосибирске, служил в органах финансового контроля и, постоянно выезжая в командировки, оговаривал невиновных и помогал чекистам фаб-

риковать дела на крестьянские «повстанческие организации» (дело «Чёрные» в 1930 г. и др.). Способность входить в доверие к незнакомым людям у него была просто магнетическая. Летом 1937 г. этот финансист-консультант управления Чуйского военизированного тракта был внедрён под видом бывшего поручика в среду «бывших» в Бийске, участвовал в фабрикациях масштабного дела «Российского общевоинского союза» (РОВС), а также использовался как внутрикамерный агент в бийской тюрьме. В начале 40-х годов Левчук работал бухгалтером-ревизором в новосибирском облфинотделе, активно участвовал в фабрикациях эффективных шпионских дел, выезжал в районы области для разработки недовольных, а перед самой войной был устроен бухгалтером на авиазавод им. В.П. Чкалова, где сразу же обвинил ряд инженеров в изменнических намерениях. Чуть позже не избежал обвинений в шпионаже со стороны Левчука и эвакуированный в Новосибирск легендарный авиаконструктор Н.Н. Поликарпов. Всего Левчук уже после окончания «Большого террора» оклеветал многие десятки людей. Но в начале 1944 г. этот спецагент, гордость КРО УНКГБ НСО, провалил некую операцию и был избит в провокации, за что полгода спустя оказался осуждён на 10 лет лагерей (262).

ОПЕРАТИВНЫЕ УЧЁТЫ, СТАТИСТИКА И АРХИВЫ

Сатирик Е.Д. Зозуля в 1925 г. опубликовал «Рассказ об Аке и человечестве» – одну из первых советских антиутопий, перепечатанную в 1928 г. и запрещённую лишь в последующие годы. События в ней относятся к 1919 г., когда создана Коллегия Высшей Решимости – прозрачный намек на ВЧК. «Жители, признанные *ненужными* для жизни, обяжутся уйти из нее в течение 24 часов [...] Человеческий хлам, мешающий переустройству жизни на началах справедливости и счастья, должен быть беспощадно уничтожен». Право на жизнь определялось председателем Коллегии Аком, названного «Светлым Разумом», основным лозунгом которого являются слова: «Резать! Резать! Резать!» По его приказу создаётся каталог «ненужных» личностей. Например: «Ненужный № 15201. Знает 8 иностранных языков, но говорит, что скучно слушать и на одном. Очень самоуверен. Радость испытывает редко – “ликвидировать” в 24 часа» (264).

В советские годы каталог «ненужных» личностей существовал на самом деле, причём вёлся в государственном масштабе и непрерывно пополнялся. Политика очистки Советской России от «вредных насеко-

мых» опиралась на возможности карательных органов, которые с каждым годом пополняли свои секретные картотеки, называвшиеся на чекистском жаргоне «учётами». Соответственно, лица, проходившие по этим картотекам, именовались «учётниками». Картотеки ОГПУ-НКВД концентрировали компрометирующие материалы на огромное количество людей. Скромные люди, сидевшие в неприметных комнатах в зданиях полпредств ОГПУ и управлений НКВД, обрабатывали внушительные массивы данных на нелояльных и потенциально нелояльных лиц. С помощью осведомителей, а также кадровых работников учреждений и предприятий они заводили учётные материалы на всех подозрительных. Эти «учёты» давали работникам оперативных отделов информацию, которую те, собрав агентурные сведения, а нередко обойдясь и без оных, согласно лексике чекистов, «реализовывали».

Одними из первых в учёты попали агенты царской полиции. В 1926–1929 гг. органы ОГПУ подготовили два списка «секретных сотрудников, осведомителей и вспомогательных агентов бывших охранных отделений и жандармских управлений» за много лет, в которых находилось 9.777 чел. (265).

Особенно тщательно учитывали бывших царских и белых офицеров – как имевших опыт вооружённой борьбы с большевиками, а также руководителей политических партий, бывших повстанцев, дворян, священников, лиц, уже осуждённых за «контрреволюцию». Чекистские картотеки фиксировали чиновников царского и белых правительств, бывших коммунистов и членов других партий, участников антисоветских восстаний, бывших красных партизан, ссыльных, служителей культа, церковных старост, сектантов, торговцев, специалистов, перебежчиков, эмигрантов, военнопленных, работавших или живших за рубежом, переписывавшихся с другими странами, а также лиц, контактировавших с различными париями режима, иностранцами, работниками посольств и консульств. Учитывались валютчики, контрабандисты, фальшивомонетчики, участники бандитских шаяк. Собирались досье на партийно-советских и военных руководителей высокого уровня, а также самих работников ОГПУ-НКВД. Специфическим учитываемым контингентом выступали многочисленные секретные сотрудники «органов».

Чекистские картотеки росли постепенно, охватывая всё новые контингенты. В конце 20-х годов учётные материалы фиксировали заметную часть активного населения, но не касались основной части жителей страны. В первую очередь учитывались враги режима. Так, в 1928 г. на учёте сибирских работников госбезопасности стояло 36.674 «антисовет-

ских элемента». Самой массовой прослойкой были «кулаки», репрессированные в 1919–1922 гг. – 12.000, а также белые казаки (7.500) и бывшие офицеры (5.230). К повстанцам были отнесены 3.644, к членам политических и уголовных банд – 3.542, к бывшим контрреволюционерам – 700 чел. Служителей культа учитывалось до 2.000 чел. Членов антисоветских партий, а также троцкистов и прочих партийных отщепенцев насчитывалось 2.058 чел (266). Значительную часть «подучётного элемента» чекисты прорабатывали с помощью своей агентуры. После «великого перелома», когда ОГПУ принялось энергично «исправлять» социальную структуру общества, под колпаком «органов» оказалось уже гораздо больше нелояльных.

В новые категории «подучётного элемента» попали «раскулаченные» и бежавшие от коллективизации в города, рядовой и унтер-офицерский состав армии Колчака, перебежчики, лица, контактировавшие с иностранцами, специалисты и т. д. В 1930-х гг. на офицеров, служивших в Белой армии, а также чиновников военного времени чекистами Сибири был составлен огромный «список особоучётников», включавший отнюдь не только сибиряков. Судя по тому, что человек с фамилией Кучинский был зарегистрирован в нём под номером 13.324 (267), всего в списке оказалось порядка 25 тыс. бывших военных. Чекистские учёты пополнялись и за счёт постоянной рассылки на места распоряжений ОГПУ-НКВД о розыске «врагов советской власти», о чём говорят, например, материалы Читинского оперсектора ПП ОГПУ ВСК (268).

Работа составителей картотек постоянно совершенствовалась. В 1931 г. была введена новая инструкция по учёту и агентурной разработке «антисоветских и контрреволюционных элементов». В чекистских аппаратах вводилась единая форма оперативного учёта: агентурное дело, дело-формуляр, учётная карточка. Все подлежащие учёту и разработке подразделялись на группы «А» (основной учёт) и «Б» (предварительно-вспомогательный учёт). На оперативный учёт по литературе «А» брались лица, занимавшиеся «активной антисоветской деятельностью», например, все члены ЦК небольшевистских партий и пр. На всех из них составлялись дела: на одиночек – дела-формуляры, на группы или отдельных лиц, вокруг которых группировались «антисоветские элементы» (например, на каждого бывшего члена ЦК правых эсеров, сосланных в отделённые районы) – агентурные дела.

На учёте по литературе «Б» состояли те, о ком сведения поступали впервые и подлежали проверке. На этих лиц заводились только учётные карточки, а компромат находился в рабочих делах агентов, содержащих их

донесения. При получении дополнительных данных о нелояльности на контингент по литературе «Б» заводились дела-формуляры либо агентурные дела, что означало перевод учитываемых в категорию «А». Рабочие, крестьяне-бедняки, середняки и колхозники, при не подтверждении в течение года полученных на них компрометирующих материалов, с оперучёта снимались (хотя карточки на них не уничтожались). Интеллигенты, напротив, оставались на учёте в любом случае. Из проходивших по литературе «А» с учёта могли снять только тех, кто соглашался стать негласным сотрудником ОГПУ, а также арестованных, осуждённых, инвалидов и умерших (269).

На местах заводились отдельные картотеки на зажиточных крестьян: в 1932 г. в Центрально-Чернозёмной области все оставшиеся «кулацкие» хозяйства ставились под наблюдение органов ОГПУ и делились на семь категорий – в зависимости от предрасположенности к неповиновению (270). Особенное внимание вызывали лица, служившие в белых армиях. Выступая в феврале 1933 г. на объединённом пленуме Запсибкрайкома и крайисполкома, полпред ОГПУ Н. Н. Алексеев заявил, что в Барнауле офицеров бывшего 3-го Барнаульского полка «сидят 24 гаврика... начали искать дальше, оказывается, подполковник есть. Когда дальше стали искать – [нашёлся] полковник, а ещё дальше – начальник дивизии. Сидят все вместе живые. [...] Приходится нашим партийцам спрашивать наших хозяйственников – почему они подбирают такую сволочь?». На чью-то реплику: «Грамотные люди!» полпред воскликнул: «Это верно, но почему можно думать, что грамотные люди безопаснее безграмотных?!» (271).

Есть данные, что фиксировался и так называемый «социально-чуждый элемент», а также уголовники. Так, серия приказов ОГПУ ставила основной задачей при выдаче паспортов рабочим и служащим железнодорожного транспорта «тщательное выявление и точное установление их социального положения». Для этого предлагалось использовать не только материалы оперативного учёта, которые велись в ОГПУ и милиции, но и данные, поступившие от добровольных помощников – политотделов, профсоюзных, партийных организаций и «отдельных лиц» (272). Кемеровские чекисты в декабре 1934 г. определяли численность «чуждых» в Кемерове в 1.672 чел., из которых 999 работали на промышленных предприятиях. За первую половину 1936 г. с оборонных предприятий Кемерова чекистами было выявлено и удалено 521 чел. из числа «контрреволюционного, социально-чуждого и деклассированного элемента», однако к январю 1937 г. на кемеровских заводах вновь оказалось учтено свыше 1000 чел., подлежащих изгнанию (273).

В целом подучётный «контрреволюционный элемент» в начале 1930-х гг. делился на целых 14 категорий. Со временем число этих категорий росло. В соответствии с установленным в 1939 г. порядком списочного учёта «антисоветского элемента» для него насчитывалось 18 подучётных категорий, носивших к тому же расширенный характер. Так, в единую учётную категорию включались «церковники, сектанты и религиозный актив» (274). Если человек состоял на формулярном учёте и проходил по агентурной разработке, которая затем оказывалась прекращена, то его с формулярного учёта переводили на общий списочный учёт. Например, к 1938 г. в архиве Бийского РО НКВД находилось до 50 сданных туда досье на эсеров, которые затем были подняты и «реализованы» (275).

К сожалению, недоступность архивных материалов не позволяет получить сколько-нибудь полные данные о количественных и качественных параметрах чекистских учётов. Известно, что в 1936 г. в Марушинском РО УНКВД ЗСК был составлен список из около 100 «учётников» (276). Пресловутые лимиты, установленные на аресты в ходе операции по репрессированию «кулацких» и уголовных элементов в рамках приказа НКВД СССР №00447, вероятным образом ориентировались на имевшиеся компрометирующие данные на всех «социально чуждых». Однако налаженного учёта бывших «кулаков» и опасного уголовного элемента в большинстве УНКВД к 1937 г. не существовало, из-за чего лимиты на осуждение *тройками* давались весьма произвольно (277). По крайней мере, относительно утверждённых 20 октября 1937 г. Политбюро ЦК новых лимитов для Алтайского края (расстрел 4.000 чел. и заключение в лагеря 4.500 чел.) и опытный учётный работник УНКВД по Алткраю М. Л. Шорр, и сам С. П. Попов заявили следователям, что «такого количества подучётных органам НКВД лиц, которые бы проходили по агентурным делам, разработкам или делам-формулярам, не было» (278). Тем более нет оснований доверять мнению А. А. Петрушина о том, что начальник СПО ГУГБ НКВД Г. А. Молчанов к 1936 г. «поставил почти всё взрослое население страны на оперативный учёт» (279).

Материалы о настроениях подозрительных лиц концентрировались в делах оперативного учёта, поднимаясь от райотделений ОГПУ-НКВД в вышестоящие чекистские структуры. От районных аппаратов начальство постоянно требовало активного учёта враждебных элементов и разоблачения групповой «контрреволюционной активности». Правда, следует учитывать, что во многих местных органах ОГПУ-НКВД первой половины и середины 30-х годов серьёзного учёта «антисоветского элемен-

та» не велось. Проверки 1930–1931 гг. показали, что во многих местных отделах ОГПУ в силу запутанности учёта или полного его отсутствия не было приблизительной информации даже о количестве негласного аппарата, не говоря уже об учёте «антисоветского элемента» (280). О том, насколько формальным образом (но и с каким охватом «подучётного элемента») шло повседневное чекистское руководство периферийными органами, говорит фрагмент переписки Барнаульского оперсектора ОГПУ с Уч-Пристанским райотделением.

В октябре 1932 г. райотделение было строго предупреждено о недооценке ряда враждебных элементов, на которых была заведена агентурная разработка под кодовым названием «Противники». Временно исполнявший должность начальника оперсектора Г. Л. Биримбаум и уполномоченный учётно-статистического отделения Я. С. Турчанинов пеняли начальнику райотделения А. Д. Морозову на то, что уже год как состоящий на учёте по группе «Противники» Д. В. Саморуков «вами совершенно не освещается; предлагаем в декадный срок представить на него исчерпывающие данные о его настроениях и отношении к политике партии в данное время». Начальство обращало внимание Морозова на «полное невыполнение» майской директивы «о выявлении и взятии на учёт новых фигурантов по группе “Противников”, считаем такое отношение... полной недооценкой проработки этого объекта».

В чекистское поле зрения Саморуков попал из-за того, что с 1923 г. середняцкое хозяйство, которое он вёл с братом, было признано – из-за периодического найма батраков – кулацким. Неизвестно, как поступили с его имуществом в ходе коллективизации, но Саморуков вступил в компартию и был назначен директором местной МТС. Уч-Пристанское РО ОГПУ сообщало в Барнаул, что Саморуков не только не проводит никакой враждебной деятельности, но является заметной фигурой в районе: ударник, член райкома и недавно избран кандидатом в члены бюро РК ВКП(б). Получив такое сообщение, в Барнаульском оперсекторе ОГПУ Саморукова сняли с учёта. Но просто так из чекистской разработки выйти было нельзя. О том, что «Противников» стало на одного меньше, оперсектор в ноябре 1932 г., опираясь на сведения Морозова, известил 1-е отделение СПО ПП ОГПУ, чтобы и в Новосибирске скорректировали состав этой группы «противников советской власти». Только тогда «учётник» Саморуков оказался окончательно снят с оперативного учёта (281).

Рядовые оперативные работники обращали внимание на, с их точки зрения, недостатки в работе учётных служб. Как отмечали весной 1937 г.

новосибирские работники СПО, в управлении НКВД полностью отсутствовал учёт тех лиц, которые проходили по следственным делам последнего времени и не были арестованы. Между тем в угаре террора эти люди были верными кандидатами на арест, и чекисты сожалели, что их фамилии не под рукой (282). Особенно мешало чекистам в 1937–1938 гг. отсутствие учёта лиц из числа «враждебных национальностей» (их составляли, насколько можно судить, только в спецотделах крупных предприятий), на которых обрушился один из самых масштабных репрессивных ударов.

Руководство НКВД старалось заставить чекистов как можно больше «выжимать» из архивных материалов. Ежов, выступая 24 января 1938 г. на совещании руководящего состава НКВД СССР, особо остановился на состоянии учётов, заявив, что чекистам «надо вдолбить... что это не дело простой техники, а дело огромной политической важности». Три недели спустя он упрекал украинских чекистов за то, что у них архивы «крысы едят, а в архивах можно найти много интересных вещей» (283).

После разгромной критики со стороны ежовского руководства чекисты Украины, обвинённые в поверхностности и неконкретности собираемых материалов, бросились беспорядочно пополнять свои учётные. В феврале 1938 г. Ежов разнёс их за то, что они прозевали массу опасных людей и по новым учётным слишком поздно выявили, например, видных священнослужителей (284). В конце 1938 г. новосибирские чекисты отмечали, что «часть подучётного элемента состоит на учёте только потому, что по справке сельсовета они значатся в прошлом зажиточными» (285).

Чекистские учётные рядового райотдела перед войной могли выглядеть так. Летом 1941 г. чекисты Сузунского РО УНКВД НСО учитывали в районе на 47 тыс. жителей 114 «кулаков из числа проявляющих антисоветские настроения или подозреваемых в контрреволюционном вредительстве», 16 сектантов, 7 белогвардейцев, 5 адмсыльных и двух эсеров. Одновременно им приходилось «разрабатывать» 1.800 высланных осадников и беженцев-евреев из Польши, а также 280 адмсыльных из Молдавии (286).

Учётно-архивные отделы были загружены постоянной перепиской с соседними регионами, подготавливая ответы на запросы о том или ином подозрительном человеке, его родственниках и связях. Тщательно учитывались и попадали в агентурную разработку лица, отбывшие сроки заключения по политической статье, политссыльные, родственники репрессированных. В конце 1935 г. читинские чекисты информировали

начальника Рязанского ГО НКВД: «В город Читы из Рязани прибыл епископ тихоновской ориентации Фотий Пурлевский, поэтому вышлите имеющийся у Вас компром[етирующий] материал на Пурлевского» (287).

Обречённость на пожизненное нахождение в сфере «учётов» НКВД-МГБ демонстрирует типичная судьба «бывшего человека» П. Г. Зверкова. Осуждённый по делу ТКП бывший колчаковский чиновник Зверков после освобождения летом 1936 г. из Мариинского отделения Сиблага был взят на спецучёт, и новосибирские чекисты завели на него дело-формуляр. В него попало агентурное донесение источника «Коровина» от 15 октября 1937 г., из которого следовало, что Зверков в разговоре с «Коровиным» назвал избирательный закон сплошным обманом, а процессы Пятакова, Тухачевского и «других врагов» – чепухой. По мнению Зверкова, политико-экономическое положение страны будет ухудшаться, в результате чего последуют новые обвинения и процессы: «Мы же, бывшие люди, всегда будем в ответе».

Арестовать Зверкова не успели, поскольку он выехал из Новосибирска. В результате его дело-формуляр в августе 1939 г. сдали в архив. В мае 1941 г. на инженера-плановика Зверкова и его коллег по службе завели агентурное дело чекисты республики Немцев Поволжья, обвиняя в агитации пораженческого характера, но организационных связей не установили и в 1942 г. дело отправили в архив. Однако Зверков не ушёл окончательно от чекистского глаза: в соответствии с директивой МГБ СССР № 147 от 27 июня 1947 г. о розыске когда-либо репрессированных новосибирские чекисты подняли свои старые учётные и в 1950 г. завели на Зверкова агентурно-розыскное дело, обнаружив его на жительстве в Ялте (288).

В 1920-х гг. оперативной статистикой занимались регистрационно-статистические отделы ВЧК-ОГПУ. В уездных политбюро этой работой занимался один человек, в губчека – несколько. До конца 20-х годов количество учётных работников было очень невелико, а затем стало расти, поскольку делопроизводство в органах госбезопасности становилось всё более обширным. В 30-х годах эти отделы именовались учётно-статистическими и учётно-архивными, с декабря 1936 г. – 8-ми отделами, а с марта 1938 г. – 1-ми спецотделами (ниже мы будем их именовать, как правило, учётно-архивными отделами – УАО). В райотделах ОГПУ-НКВД учётом занимался секретарь, а в оперсекторах и горотделах – два-три сотрудника. В ДТО ГУГБ НКВД существовали учётно-статистические группы, в Особом отделе ГКГБ НКВД СибВО в 1940 г. существовало оперативно-учётное отделение (289). Летом 1933 г. в Учётно-статисти-

ческом отделе ПП ОГПУ ЗСК насчитывалось более 30 сотрудников-коммунистов. С разделением Запсибкрая число учётно-архивных работников в самостоятельных управлениях НКВД уменьшилось, а сами отделы вскоре получили обезличенное наименование «первых спецотделов». В 1940 г. 1-й спецотдел УНКВД по Новосибирской области насчитывал 17 партийцев, работавших в трёх отделениях и занимавшихся выполнением различных запросов и заданий, ведением розыскной картотеки, а также оформлением архивно-следственных дел и отправкой их в Москву (290).

Хотя в аппараты учётных отделов часто «сбрасывали» чекистов, непригодных по состоянию здоровья или каким-то компрометирующим материалам к оперативной работе, не следует видеть в них личностей, занимающихся исключительно делопроизводством и оторванных от «живой» чекистской работы. В 1933 г. секретарь СПО Барнаульского оперсектора ОГПУ А. В. Копейкина занималась не только оперативным учётом негласного состава, но и была связана с агентурой по духовенству (291). Секретари райотделов ОГПУ-НКВД часто выдвигались на оперативную работу.

Сотрудники УАО, как правило, присутствовали при приведении в исполнение приговоров. А нередко не только присутствовали, но и были в числе активных исполнителей. Например, в Омске 3–5 мая 1933 г. в казни 281 чел. участвовали семь работников Омского оперсектора ОГПУ, в т. ч. работники УСО В. Ф. Лешин и А. Н. Пономарёв, а в Барнауле при расстреле 28 апреля 1933 г. 327 чел. – 37 чекистов, включая особенно активных М. Л. Шорра и И. В. Большакова из аппарата УСО. Аналогично тогда же чекисты-учётчики «отметились» при массовых расстрелах в Томске, Бийске, Ойрот-Туре (292). В 1938 г. начальник УАО УНКВД по Алткраю М. И. Данилов и секретарь *тройки* УНКВД В. Ф. Лешин самым активным образом участвовали в массовых расстрелах (293).

Учётно-архивные отделы занимались хранением всех чекистских архивов, которые в системе госбезопасности являлись очень важным подсобным инструментом. Согласно положению о порядке хранения архивных материалов ГУГБ НКВД, утверждённому в июле 1936 г., в задачи Учётно-архивного отдела входили: 1) организация хранения архивных материалов в отделах ГУГБ НКВД по единому принципу хранения архивных материалов; 2) приём и хранение архивных материалов ГУГБ в архиве Учётно-архивного отдела ГУГБ; 3) систематизация и техническое оформление дел и документов; 4) оперативно-тематическая разработка архивных материалов и организация специальных кабинетов; 5) органи-

зация особого архива из обработанных наиболее важных в историческом и политическом отношении архивно-следственных дел; 6) учёт и выделение исторических документов; 7) учёт антисоветских и контрреволюционных документов, находящихся в архивных делах; 8) выдача архивных дел и справок; 9) руководство работой по систематизации и хранению материалов и хранению материалов в местных органах ГУГБ НКВД.

Из порядка классификации архивных материалов ГУГБ видно, какие категории документов оставались на хранении. Фонд №1 концентрировал следственные дела; фонд №2 – агентурные дела; фонд №3 – дела-формуляры; фонд №4 – учётные материалы (копии обвинительных заключений по делам, переданным в другие органы, учёты бывших белых офицеров, перебежчиков и т. д.); фонд №5 – личные дела бывших секретных сотрудников; фонд №6 – личные дела бывших сотрудников ВЧК-ОГПУ-ГУГБ НКВД; фонд №7 – приказы, циркуляры и инструкции ВЧК-ОГПУ-ГУГБ НКВД; фонд №8 – многотиражные и печатные издания ВЧК-ОГПУ-ГУГБ НКВД (обвинительные заключения, сборники следственных материалов, оперативные сводки, справочники и т. п.); фонд №9 – конфискованные антисоветские печатные издания, рукописи, листовки и т. п. (294).

В фонде №10 хранилось оперативное делопроизводство управлений и отделов ВЧК-ОГПУ-ГУГБ НКВД: а) литерные дела, агентурная переписка, контрольно-наблюдательные дела; б) дела по общему руководству (директивы, циркуляры, отдельные указания); в) дела с материалами, характеризующими работу подчинённых органов (доклады с мест, акты обследования); г) организационные дела (планы работ, протоколы оперативных совещаний, акты о приеме и сдаче дел); д) дела с подлинными протоколами комиссий и совещаний.

Фонд №11 содержал канцелярские дела отделов ГУГБ, не содержащие оперативных материалов, а фонд №12 – совершенно секретные и чекистские материалы других управлений и отделов ГУГБ. Хранением всего этого конгломерата дел и занимался аппарат УАО и его отделения в местных органах госбезопасности. С целью скорейшего наведения справок ряд фондов (1-й, 2-й, 3-й, 5-й и 6-й) находились на персональном учете, т. е. секретный агент, например, проходил по картотеке как по своей подлинной фамилии, так и по кличке, и т. д. Персональным учётом занималось 2-е отделение УАО, пополнявшее оперативно-справочную картотеку. Ещё отдел занимался вопросами статистики и регистрации контрреволюционных преступлений, а также работой с делами Особого

совещания – как правило, сотрудники УАО вели в качестве канцеляристов дела ОСО (295).

Несмотря на очевидную свою важность, учёты и архивы местных органов ОГПУ-НКВД обычно содержались отнюдь не в должном порядке. В 1938 г. архив УНКВД НСО хранил материалы по Иркутской и Омской областям, Алтайскому и Красноярскому краям, которые не были переданы при образовании соответствующих управлений. В некоторых областях чекистские архивы пополнялись за счёт партийных: в октябре 1940 г. бюро Омского обкома ВКП(б) постановило передать отложившиеся в фондах обкома материалы Ишимского политбюро и Тюменской губЧК в оперативный архив УНКВД (296). Фактически УАО оставались на периферии начальственного внимания, часто получали слабых сотрудников и им практически не добавляли штатных единиц в годы террора, как это было с оперативными отделами. Начальник УАО УНКВД НСО Ф.В. Бебрекаркле показывал, что НКВД СССР в 1937–1938 гг. несколько раз увеличивал численность оперотделов, но отказывал в увеличении аппарата УАО, нагрузка на который очень возросла (297). Это, разумеется, очень сильно сказалось на качестве учёта и обработки документооборота, резко возросшего в период «массовых операций».

Впрочем, местные архивы и учёты находились зачастую в неудовлетворительном состоянии задолго до периода «массовых операций». Небрежное отношение к делопроизводству было характерно для всех периферийных органов ОГПУ-НКВД. Например, в 1929 г. в хаотичном состоянии были обнаружены дела УСО ГПУ Азербайджанской ССР. Малограмотные сотрудники, слабо знакомые с делопроизводственными правилами, нередко по небрежности просто теряли дела. Так, в сентябре 1933 г. аппарат особоуполномоченного полпредства ОГПУ по Запсибкраю возбудил дело по факту утери следственного дела №80 на троих студентов техникума, обвинённых в террористической деятельности. Утерянное дело было восстановлено (298). Оперативник Особого отдела СибВО П.Н. Басюк в 1934 г. был осуждён на 2 года заключения (с заменой условным наказанием) за халатность – не проследил за уничтожением ненужных дел, и одно из них было продано на базаре «на обвёртку». Многие архивные документы ШП ОГПУ-УНКВД ЗСК в период 1933–1939 гг. не были подшиты в дела и пребывали в беспорядке, россыпью (299).

«Большой террор» привёл чекистское делопроизводство в совершенно расстроенное состояние. Из акта о работе УАО УНКВД НСО от 13 января 1939 г. следовало, что в ходе «массовых операций» оператив-

ный учёт оказался запущен так, что было невозможно установить, где находятся следственные дела. Картотека следственных дел, а их насчитывалось 60 тыс. (преимущественно групповых), была не единой, как предписывалось указаниями центра, а состояла из шести разделов: общесправочная, по делам, рассмотренным в особом порядке, по делам УРКМ, по жёнам врагов народа и др. По делам, рассмотренным в особом порядке, на тысячах карточек значились только фамилии, имена и отчества осуждённых, остальные были подробнее, но на 50 % оказались заполнены с браком. Сотни дел по правотроцкистскому заговору, военно-фашистскому заговору и др. крупным делам оказались зарегистрированы под одним и тем же номером, хотя одних так называемых линейных дел на «инонационалов» насчитывалось 1.520 и по ним проходило 11.033 чел. Чекисты отмечали, что ряд арестованных из-за такого учёта оказались фактически потеряны и сидели без допросов. Проверка показала, что некоторые следственные дела были утрачены, а отчётность, направлявшаяся в Москву, не соответствовала действительности (300).

В ходе «массовых операций» учёта дел-формуляров и агентурных разработок не велось совершенно, а также не были зарегистрированы архивные дела агентуры. Не было учёта репрессированных иностранцев, отсутствовал и учёт перебежчиков. У чекистов не имелось информации о политической ссылке: хотя у подавляющего большинства ссыльных срок закончился весной 1938 г., на их карточках не было отметок об окончании ссылки. Между тем, согласно приговорам, в Асиновском районе из 49 учтённых ссыльных к 1939 г. отбыли срок 45 чел., в Зырянском из 34 чел. – 28, Кожевниковском из 30 чел. – 20, в Томске из 38 чел. – 24 и т. д. Вероятно, что значительная (если не основная) часть политссыльных была расстреляна, но в УАО материалов с мест об этом не получили. В результате в 1939 г. работники УАО запрашивали томских чекистов относительно закончившего отбывать срок ссылки поэта Н.А. Клюева, который был расстрелян ещё в октябре 1937 г. (301).

Не лучше обстояли дела и с учётом ценностей: в финотделе УНКВД оказались налицо ценности около 500 арестованных, учётных карточек на которых заведено не было. Аналогично обстояли дела с ценностями, изъятыми у лиц, проходивших по делам милиции. Документы, изъятые у арестованных, были свалены работниками УАО в кучи тюками (302). Точно так же в общей куче навалом хранились дела-формуляры и агентурные дела.

Вполне логично предположить, что весь этот крайний беспорядок объяснялся не только нехваткой работников отдела, часть которых в 1937–

1938 г. к тому же передавалась в оперативные службы, а также низким качеством учётных материалов с мест, но и был выгоден его начальнику Ф. В. Бебрекаркле, который являлся не только опытным канцелярским и архивным работником, но и весьма криминальной личностью. Начав чекистскую карьеру с постов начальника общей части Особого отдела ВЧК 5-й армии Восточного фронта и общего отдела Иркутской губчека, Бебрекаркле до конца 20-х годов являлся помощником начальника ЭКО ПП ОГПУ Сибкрая. Однако затем он был сильно понижен, потом вовсе убран с оперативной работы, а в начале 1933 г. оказался за очковירתельство снят с должности врид начальника паспортного отдела краймилиции. В октябре 1934 г. Бебрекаркле арестовали за должностные преступления и отдали под суд. Тем не менее год спустя (при новом руководстве) он возглавил Учётно-архивный отдел УНКВД ЗСК-НСО. При аресте Бебрекаркле в июне 1938 г. в его сейфе были обнаружены многочисленные ценные вещи арестованных: семь пар часов, золотые и серебряные украшения, золотые коронки, пять сберкнижек (303).

Аналогичным, если не худшим образом дело с учётно-архивным хозяйством тогда же обстояло и на Алтае. Врид начальника УАО УНКВД по Алтайскому краю Н. А. Михайлов был уволен 17 февраля 1938 г.; вскоре его ожидали арест и расстрел. Новым начальником М. И. Даниловым отдел был принят в «самом хаотическом состоянии», ибо вместо единой оперативно-справочной картотеки Михайловым были заведены три: картотека «кулацко-уголовного элемента», картотека на всех остальных арестованных, включавшая также часть карточек на «кулацко-уголовный элемент», и картотека, заведённая не по алфавиту, а по номерам следственных дел. Помимо трёх основных картотек, часть карточек находилась на столах сотрудников в маленьких ящичках. На большинство лиц, арестованных в Барнауле, учётных карточек не нашлось ни в одной из картотек, из-за чего навести справку об арестованном было почти невозможно.

Приняв дела, М. И. Данилов отметил, что в отделе совершенно отсутствуют учёт и движение следственных дел. Вместо учёта дел под собственным номером Михайлов учитывал их (как и Ф. В. Бебрекаркле) по «окраскам преступления», давая им единые номера: дела на участников ПОВ получили №38181, «харбинцы» – №24440, участники «право-троцкистской организации» – №21671 и т. д., что совершенно запутало учёт. Карточки на осуждённых не имели отметок об осуждении и соседствовали с карточками на подследственных заключённых, не были учтены арестованные, находившиеся в тюрьмах УГБ УНКВД. Ежемесячная

отчётность об оперативно-следственной работе управления представлялась в НКВД СССР с опозданием на 15–20 дней и не соответствовала положению на указанный период. Архив бывшего Барнаульского горотдела НКВД в хаотическом состоянии был свален в углу россыпью и тюками, без разбора и нумерации.

М. И. Данилов нашёл в подходе Михайлова признаки вредительства, особенно подчеркнув факт заказа 30 тыс. учётных карточек, которые, как оказалось, не влезали в ящики и нуждались в обрезке со всех сторон. Формально вышеперечисленные примеры как будто могут свидетельствовать в пользу сознательного саботажа, тем более что Михайлов не был случайным в архивном деле человеком: он работал в «органах» с 1920 г. и характеризовался начальством как способный и усидчивый работник, способный трудиться по 16–18 часов в сутки (304). Однако то, что делопроизводство на Алтае велось так же сумбурно, как и в Новосибирске, скорее говорит в пользу того, что новосибирские архивные традиции оказались перенесены в Барнаул после разделения УНКВД ЗСК на аппараты управлений НКВД по Новосибирской области и Алтайскому краю.

Большой беспорядок в учётах и архивах отмечался в марте 1939 г. работниками ОДТО ГУГБ НКВД ст. Барнаул. Оперативные работники отделения халатно относились к регистрации дел-формуляров и различных запросов, архивные дела были свалены в непригодном для хранения месте, оперативный учёт оказался запущенным. Чекисты ОДТО, раскритикованные выездной бригадой ДТО ГУГБ НКВД Томской железной дороги, обязывались разобрать архивные дела по годам, привести в порядок агентурные дела, подсобный и оперативный учёт, составить картотеку на лиц, исключённых из ВКП(б), а также проверить старые дела-формуляры и завести новые (305).

Необходимо отметить, что учётные работники были послушным орудием в руках начальства, повсеместно фальсифицируя отчётность согласно его указаниям. Так, в феврале 1939 г. из партии был исключён заместитель начальника 1-го спецотдела НКВД УССР А. Д. Славин, который, подчиняясь директиве наркома А. И. Успенского, составил в 1938 г. фальсифицированный полугодовой отчет о социальном положении арестованных и осуждённых, «которым прикрыли вражескую практику избивения социально-близких людей» (306).

Грубейшие искажения социального и национального облика репрессированных были характерны и для других регионов. Так, начальник ДТО ГУГБ НКВД Восточно-Сибирской железной дороги П. Е. Помялов

в 1937–1938 гг. арестовал более 3.000 чел., а в докладе в НКВД СССР ложно указал, что среди всех арестованных рабочих было только 366 чел. (вместо 1.106), а деклассированных – 252 вместо 12 (307). В самых разных регионах поляками то и дело записывались белорусы, украинцы, русские. По всей видимости, работники НКВД повсеместно фальсифицировали сведения о социальном и национальном составе репрессированных, в связи с чем официальная статистика «массовых операций» не может считаться полностью достоверной (308).

Также следует учесть, что именно сотрудники УАО занимались уничтожением ненужных документов, среди которых очень многие, безусловно, имели историческую ценность. Например, в январе 1939 г. сотрудник 1-го спецотдела УНКВД НСО по приказу начальников «произвёл сожжение копий приказаний по решениям НКВД СССР и Тройки УНКВД НСО (линейным делам) в количестве 1650 листов и копий альбомов (черновики) в количестве 52 штук (по линейным делам) – как не требующихся для пользования» (309).

Можно утверждать, что весьма скромные по численности учётно-архивные отделы ОГПУ-НКВД сыграли в репрессиях коммунистического режима не меньшую роль, нежели основные оперативные подразделения. Для 30-х годов было характерно значительное усиление нагрузки на учётно-архивные службы в связи с резким увеличением как учётных материалов на всё новые категории подозрительных лиц, так и потоков оформленных следственных дел и различного рода агентурных материалов. Это обстоятельство подняло значение учётно-архивных отделов и вызвало увеличение их штатной численности. До осени 1937 г. «массовые операции» опирались прежде всего на данные УАО, затем – на выбитые из арестованных сведения. С конца 1938 г. оперативная работа НКВД снова стала опираться на данные учётных отделов. Следует учитывать, что из-за низкой квалификации перегруженных работой сотрудников, опиравшихся нередко на необъективные данные оперативных отделов, подготовленные в УАО статистические сведения могут считаться достоверными только до определенной степени.

Важной частью чекистской работы была система «внутреннего наблюдения» за деятельностью и кадровым составом предприятий и учреждений. Помимо внедряемой агентуры, с 1922 г. помощь в контроле за специалистами важных учреждений осуществляли так называемые Бюро содействия ГПУ-ОГПУ, которые формировались из двух-трёх коммунистов данного учреждения и регулярно связывались с «органами». В условиях резкого сокращения кадров после реорганизации ВЧК в ГПУ

эта мера позволяла частично заменить усилия штатных агентов наружного и внутреннего наблюдения.

Однако большинство партийцев не горели желанием выполнять за чекистов их работу. Большинство сибирских Бюро работали формально. Но хотя опыт работы Бюро содействия мог расцениваться критически, они существовали и в начале 30-х годов (310). После быстрого увеличения штатов ОГПУ в 1930-х гг. органы госбезопасности организовали более разветвлённую систему наблюдения за рабочими и служащими.

Для этого повсеместно насаждалась система так называемых спецотделов (они же спецчасти, спецсекторы, особые секторы, секретные части, секретные отделы, первые отделы) и обширная агентура, завербованная внутри важных учреждений. В конце 20-х годов в центральных аппаратах ВСНХ, НКВД, НКТ, НКПС были созданы секретные отделы, в остальных наркоматах – секретные части, а в главках, управлениях и отделах – секретные части и секретные отделения соответственно. На предприятиях и в учреждениях эти структуры назывались весьма произвольно – и секретными частями, и спецотделами, и т. д. Кураторство над ними осуществлял Спецотдел ОГПУ-НКВД, ведавший шифровальным делом и обеспечением режима секретности и до 1937 г. бессменно возглавлявшийся крупным чекистом Г.И. Бокием. О сохранности гостайны постоянно заботилось правительство: в 1926 г. СНК СССР была принята «Инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за постановкой секретного и мобилизационного делопроизводства», а в 1929 г. – инструкция местным органам ОГПУ по наблюдению за состоянием секретного и мобилизационного делопроизводства учреждений и организаций.

Для работы в секретных частях отбирали проверенных партийцев. Секретарь Н.И. Бухарина в течение десятилетия и член партии с 1919 г. Августа Петровна Короткова («белочка», как назвал её в «Четвёртой прозе» Осип Манделштам) одновременно работала и заведующей секретной частью редакции «Известий». В марте 1938 г. она была исключена из партии за «потерю бдительности» к Бухарину (311).

Среди начальников секретных частей было много бывших работников ВЧК-НКВД. Об отношении чекистов и властей к начальникам секретных частей учреждений наглядно говорит факт прохождения ими партийных чисток в структурах госбезопасности. Бывший чекист, заведующий секретной частью управления Кузнецкстроя, Ю.А. Щелев в 1929 г. проходил чистку в Томском окротделе ОГПУ, а в 1931 г. был возвращён в «органы». Бывшая сотрудница Нарымского оперсектора ОГПУ З.П. Шут-

кова в 1934 г. была заместителем заведующего особым сектором Нарымского окружкома ВКП(б) и проходила партийную чистку в ячейке оперсектора (312). Жалование работников спецчастей крупных учреждений было весьма высоким: в 1931 г. старший инструктор секретной части ЗСКИК получал 240 руб., а в начале 1937 г. заведующий спецсектором ЗСКИК – 720 руб. в месяц (313).

Выразительные публикации о деятельности спецотделов (314), а также архивные документы говорят о том, что эти учреждения не только обеспечивали режим секретности, но постоянно поставляли в органы ОГПУ-НКВД компрометирующие материалы о работниках предприятий и учреждений, де-факто являясь важным придатком карательной системы. В период чистки госаппарата от чуждого элемента Спецотдел ПП ОГПУ по Сибкраю 26 февраля 1929 г. обязал всех заведующих секретным делопроизводством государственных учреждений и организаций лично предоставлять в полпредство ОГПУ послужные списки и прочие документы вновь принятых лиц. Согласованию со Спецотделом ОГПУ на предмет отсеивания «чуждого элемента» тогда не подлежали только коммунисты, комсомольцы, а также рабочие, занятые в производстве. В сентябре 1933 г. Спецотдел ПП ОГПУ ЗСК затребовал от организаций списки белых офицеров и «бывших людей (дворяне, помещики), находящихся на службе в аппарате...» (315).

Работа «секретчиков» в учреждениях и на предприятиях отнюдь не ограничивалась охраной государственных тайн, ведением шифрованной переписки и предварительной фильтрацией «социально чуждых». Спецотдел барнаульского меланжевого комбината в середине 30-х годов, проверяя работников, составлял списки социально-чуждого элемента, лишённого избирательных прав, исключённых из ВКП(б), антисоветских элементов (в эту категорию зачисляли скрывших непролетарское происхождение, «примиренцев» по отношению к троцкистам и даже обвинённых в «морально-бытовом разложении»). Отдельные списки были на представителей «инонациональностей» (немцев, поляков, прибалтов, австрийцев, румын, венгров), а также «своих» национальностей, имевших в СССР автономные образования: казахов, алтайцев, татар, чувашей и пр. Также фиксировались лица, не лишавшиеся избирательных прав, но когда-то бывшие в ссылке, имевшие своё дело и замеченные в наличии прочих подобных компрометирующих эпизодах из своего прошлого. Даже знание иностранного языка оценивалось негативно: составление списков знающих немецкий и другие европейские языки также было обязанностью работников спецотделов. Если на предприятии случались

какие-либо происшествия, то о них спецотдел немедленно информировал, указывая ответственных за «вредительство» (316).

При необходимости спецотделы добывали компрометирующую информацию и с помощью коллег. Например, в конце 1937 г. спецотдел Ленинского приискового управления «Миассзолото» Челябинской области направил запрос в спецотдел горсовета с просьбой дать характеристику одному из работников. Требования к исполнению запроса были следующими: в характеристике должно было быть указано социальное происхождение родителей объекта, их занятия до и после 1917 г., размеры хозяйства, наличие родственников, служивших у белых или подвергавшихся репрессиям, любые компрометирующие данные на интересующего человека, а также его отношение «к мероприятиям партии и советской власти». Начальник спецотдела приискового управления давал конкретный срок на исполнение своего поручения и указывал, что копия данного письма направлена начальнику горотдела НКВД с просьбой проверить выполнение запроса спецотделом Миасского горсовета (317).

Насколько можно судить, начальник спецотдела фактически играл роль негласного уполномоченного «органов» (резидента), ибо к нему часто поступали доносы от работников, которые затем в копиях переправлялись в органы ОГПУ-НКВД. Например, в секретную часть краевого треста «Заготзерно» ЗСК прямо на имя заведующей А. И. Буровой поступали многочисленные «сигналы», как совершенно анонимные, так и с подписями «сотрудник», «зритель», «наблюдатель». Достаточно было написать, что «гр. Ворошилов... сын крупного кулака, бывший белый офицер, а брат его лишен избирательных прав... поэтому гр. Ворошилова желаю из аппарата выгнать стреском», или попросить «обратить внимание на Кармальского А. А. (чуждый сын священника)», чтобы Бурова тут же переслала эти доносы в ЭКО полпредства ОГПУ. Своей обязанностью Бурова считала и тайное копирование личных писем, оставленных сотрудниками на рабочих местах, а также комментарии о связях работников «Заготзерно», их планах и намерениях – вся добытая по результатам такого «внутреннего наблюдения» информация также поступала в ОГПУ (318).

В годы террора поток подобного рода заявлений усилился. В августе 1937 г. начальник спецчасти томской фабрики карандашной дощечки В. Савченко составил список из 24 работников, на которых имелись компрометирующие данные как на «бывших кулаков», офицеров, баптистов, родственников священнослужителей, ранее судимых и т. д. Из этих 24 чел. в 1937 г. были арестованы семеро, пятерых из которых расстреляли (319).

Начальники спецотделов сами ставили перед «органами» вопросы об арестах подозрительных людей: так, тот же В. Савченко в августе 1937 г. направил в ГО НКВД заявление повара А. А. Беляева на «троцкистскую группу», а в сентябре – просьбу выяснить по заявлению работника фабрики Т. П. Емельянука на своего брата, организовавшего баптистскую секту, «не является ли эта секта какой-либо шпионской организацией». Затем в горотдел был направлен перечень работавших на фабрике 26 «бывших кулаков» с пометкой Савченко о том, что все они «подлежат аресту органами НКВД». Из них в 1937 г. репрессировали шестерых, в т. ч. четверых расстреляли. 26 декабря Савченко обеспокоено сообщал, что на квартире жены арестованного польского перебежчика «систематически происходят... сборища» с участием двух надзирателей томской тюрьмы и двух красноармейцев, чьи фамилии установить не удалось. А 31 декабря 1937 г. Савченко отправил в НКВД акт о несанкционированном фотографировании станков и агрегатов фабрики учётчиком Л. М. Рубцовым, отметив, что тот «возможно имел шпионские задания о съёмке фабрики» (320).

Есть прямые свидетельства о том, что начальники спецотделов вели в иных случаях полноценную агентурно-оперативную работу, получая на связь значительное количество конспиративных сотрудников органов госбезопасности и становясь фактически оперработниками-чекистами. Так, в мае 1937 г. начальник спецотдела барнаульского меланжевого комбината В. А. Соловьёв представил в горотдел НКВД подробные сведения о своей деятельности. На тот момент беспартийному Соловьёву было 26 лет, он успел поработать и в милиции, и следователем прокуратуры. В июле 1936 г. начальник ЭКО и замначальника Барнаульского горотдела НКВД Б. И. Соيفер предложил этому работнику угрозыска работу в спецотделе комбината с одновременным кураторством агентуры экономического отделения. Через несколько дней оперативник ЭКО горотдела НКВД приехал к Соловьёву на комбинат и передал ему на связь свою агентуру. Другой оперативник, работавший в особом отделении, с помощью Соловьёва периодически устраивал на комбинат своих агентов. Из письма Соловьёва в НКВД видно, что он был сильно уязвлён недооценкой своих чекистских усилий со стороны штатных сотрудников Барнаульского горотдела:

«Сразу же по получении таковых [агентов – А. Т.] у меня создалось мнение, что или агентура Барнаульского ГО стоит не на высоте положения, или мне передали самую заваль. Ко мне был прикреплен осведомитель “Левый” – пьяница и мошенник, весьма безынициативные агенты

“Северный” и “Хлебный”. Каких-либо конкретных заданий по руководству агентурой мне дано не было. Лично меня Соифер обязал заводить знакомства “вообще” и вести агентурную работу методами не весьма умными для начальника спецотдела – вроде того, что[бы] заводить разговоры о недовольстве своим положением, Советской властью и тем вызывать на разговор. [...] Вся моя работа с агентурой была представлена самотёку. Вызывался я [в горотдел НКВД] в большинстве случаев для того чтобы представить на того или иного прорабатываемого фигуранта данные или попросту приходил, навязывался сам со своими сведениями.

С агентами “Северный”, “Хлебный”, “Деталь”, “Галандра”, “Брянский”, “Яков”, “Каска” с момента их вербовки оперативными сотрудниками ГО не велось никакой работы, некоторые, как, например, “Брянский”, были только завербованы и больше никого [из чекистов] не видели. Естественно, что это был совершенно сырой материал и заставить его работать было трудно. [...] Начиная с августа месяца [1936 г.] агентом “Северный”, который работал мастером прядильной фабрики, был дан ряд материалов о вредительском монтаже фабрики, о комплектных частях, нехватке моторов и др. оборудования. Все эти материалы остались, по моему мнению, нереализованными. ... “Орлов” начал давать очень интересные материалы о вредительских перерасходах по строительству комбината... [когда] липовых смет составлено [было] чуть ли не два миллиона рублей. [...] Осведомитель “Левый” прорабатывал некоего освобождённого из лагерей судимого за к/р Рустомова Александра. Последний вёл бешеную антисоветскую агитацию... За мою работу с агентурой в разное время мне... было выдано что-то такое около ста рублей». Как отмечал Соловьёв, начальник сметного отдела Дородный был в результате его сигналов в конце 1936 г. арестован, а вот прорабатываемый «Смелым» антисоветчик Рустомов смог скрыться, так как на сигналы о его агитации горотдел не прореагировал (321).

Активная работа в годы террора способствовала карьере работников спецотделов. Заместитель начальника спецотдела Кузнецкого металлургического комбината в г. Сталинске бывший чекист П. М. Мельников, ранее исключённый из ВКП(б) за превышение власти во время «ликвидации банды» в Ачинском районе в 1931 г., за активное разоблачение «вражеских элементов на заводе» в декабре 1938 г. был восстановлен в партии (322). К настоящему времени опубликована весьма подробная информация об активнейших контактах спецотделов предприятий Томска с НКВД в 1937 г (323).

В период «Большого террора» начальников спецотделов не только вызывали в управления НКВД со списками «чуждого элемента» (324), но и привлекали к следственным действиям. Так, И.П. Зенченко в 1938–1939 гг. являлся не только начальником спецотдела самого большого предприятия в Кемерове – порохового комбината №392, но и внештатным оперработником горотдела НКВД. В декабре 1939 г. Зенченко был исключён из партии в связи с «арестом за ложные составления материалов на ряд лиц по обвинению их в антисоветской деятельности и провоцирование ряда свидетелей на ложные показания... [будучи привлечённым] для участия в оперработе горотдела НКВД» (325).

Вместе с тем руководители спецчастей обкомов и крайкомов, будучи доверенными лицами руководства регионов, подверглись в 1937–1938 гг. репрессиям вместе с остальной номенклатурой. В ноябре 1937 г. секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеев сообщал А.А. Жданову, что в своей предыдущей записке секретарям ЦК он вынужденно опустил ряд фактов о «вражеской работе» видных коммунистов, поскольку «отправлял докладную записку через секретную часть Обкома, работников которой ещё надо проверять». Вскоре в письме к Сталину Алексеев указывал, что в секретной части обкома было целых четыре беспартийных работника (326). Руководители секретной части Запсибкрайкома Я. Я. Озолин и П. Т. Кукштель были расстреляны. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Красноярском крае: заведующий спецотделом крайисполкома А.В. Багров в июле 1937 г. был арестован и год спустя приговорён к расстрелу по делу секретаря крайкома П. Д. Акулинушкина.

Репрессии привели к серьёзным кадровым брешам среди работников спецчастей. В октябре 1937 г. директор томской швейной фабрики №5 обращался в Запсибкрайлегпром, горсовет («нач.[альнику] секретной части НКВД») и в секретную часть Росшвейуправления с просьбой срочно прислать нового начальника секретной части взамен арестованного, т. к. «не выполняется отчётность по спец. заказу и не даются ответы по секретной переписке» (327).

Среди начальников спецотделов как 1930–1940-х гг., так и последующих десятилетий значительный процент составляли бывшие чекисты, милиционеры, судебно-прокурорские работники. С 1937 г. помощником начальника секретного отдела новосибирского авиазавода №153, а затем – комбината №179 работал бывший видный чекист Ф.Т. Воротилов; на 1937–1951 гг. начальником спецсектора треста «Томлес» являлся бывший сотрудник ЭКО Томского ГО НКВД Г. В. Галактионов (328).

В предвоенный период часть изгнанных за нарушения законности чекистов нашла приют именно в спецотделах предприятий и учрежде-

ний, как, например, один из ведущих работников КРО УНКВД НСО А.В. Малозовский, с 1939 г. заведовавший спецчастью треста «Электромонтаж» в Новосибирске. Но, судя по всему, основную часть начальников спецотделов, особенно на второстепенных предприятиях, в 30-е годы составляли лица, не имевшие в прошлом отношения к гласной работе в ОГПУ-НКВД.

Случалось, что бывшие чекисты из спецотделов возвращались на оперативную работу: тот же Малозовский в начале войны был возвращён на работу в КРО, а бывший сотрудник Кемеровского ГО НКВД Н.М. Лукин, работавший начальником спецотдела гидрогенизационного завода, в январе 1941 г. оказался передан обратно в «органы» и через несколько лет занял должность замначальника Тюремного отдела УНКВД по Кемеровской области (329).

Таким образом, секретные части (спецотделы) предприятий и учреждений, начиная с 20-х годов, являлись важным дополнением к созданной чекистами системе учёта всех нелояльных и потенциально опасных граждан, поставляя в органы ОГПУ-НКВД потоки компрометирующей информации на работников. Другой важной частью их работы являлось обеспечение режима секретности. Начальники спецотделов фактически являлись негласными уполномоченными «органов» и нередко привлекались к выполнению оперативных поручений, включая руководство осведомителями и участие в прямых следственных действиях.

ЦЕНзуРА, ПЕРЛЮСТРАЦИЯ, ПРОСЛУШКА И НАРУЖКА

Для большевиков жёсткая цензура являлась одной из основ поддержания власти. Она, как и во времена Российской империи (330) отсекала население от критической информации, которую могли распространять нелояльные лица, и помогала идеологическому единообразию, необходимость которого соблюдалась очень строго. Факт наличия предварительной цензуры тщательно скрывался в СССР до середины 1980-х годов. Маскировкой цензуры занимался даже Основной закон: Конституции 1936 г. и 1977 г. провозглашали неприкосновенность частной переписки граждан, а уголовное законодательство предусматривало за перлюстрацию серьёзное наказание.

При строительстве советского цензурного аппарата использовался опыт царского режима (331). Контролирующие население функции органов безопасности расширялись (332). До начала 1931 г. в составе Информационного отдела ОГПУ действовало 3-е отделение, в которое был

преобразован бывший отдел ПК. После слияния ИНФО с Секретным отделом приказом от 5 марта 1931 г. функции почтово-телеграфного контроля перешли в Оперативный отдел ОГПУ, где для этой цели было создано специальное отделение. При этом функции контроля по досмотру ввозимых и вывозимых из страны литературы, антиквариата, чертежей, планов, фотографий и пр. были переданы в Главное управление погранохраны (333). Наверное, службу политконтроля было логичнее организовать в Спецотделе ОГПУ, занимавшемся шифровальной работой и обеспечением режима секретности, но руководство «органов» предпочло разбить её по разным отделам, хотя вряд ли в ГУПО имелось достаточно образованных пограничников для определения ценности вывозимых антикварных предметов или чертежей, а также опасности ввозимой литературы и фотографий. Непосредственное отношение к службе ПК в 30-х годах имели 4-е (затем 5-е) отделение СПО ОГПУ-НКВД, занимавшиеся организацией широкой осведомительной сети в художественной и научной среде.

Между тем и Спецотдел ОГПУ занимался делами, касавшимися проблем политконтроля. Весной 1930 г. чекисты обеспокоились тем, что из-за границы в СССР ввозится заметное количество «разной белогвардейской литературы и всевозможных контрреволюционных листовок». Эти документы вкладывались в почту и грузы, адресованные советским и хозяйственным учреждениям, сотрудники которых затем нелегально данную подрывную литературу распространяли. Спецотдел ОГПУ договорился с наркоматом почт и телеграфов о том, чтобы вся почта, поступающая на адреса учреждений и отдельных служащих, предварительно сдавалась бы на просмотр в секретные части этих учреждений. Что касается железнодорожных вагонов и отдельных упаковок грузов, то они должны были осматриваться заведующими секретными частями или (под надзором этих заведующих) специально выделенными лицами. При обнаружении нелегальных вложений их должны были передавать в местные отделы ОГПУ. Секретная часть Сибкрайисполкома 12 апреля 1930 г. отпечатала 20 экз. этой инструкции для рассылки во все окружные исполкомы (334).

Сотрудники Спецотдела оказывали помощь коллегам, выявляя тайнопись в переписке и проводя почерковедческие экспертизы, что было необходимым при розыске множества авторов анонимных критических писем, которые рассылали их в различные инстанции. Существовал порядок отправки таких документов в «органы». Получив анонимное письмо из газеты или секретной части какого-либо учреждения, чекисты

старались разыскать «клеветника» (335). Например, в мае 1941 г. секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Г.Н. Пуговкин распорядился направить в УНКГБ «для принятия соответствующих мер» анонимное «Письмо рабочего», в котором руководство области клеймилось в следующих выражениях: «...Цепные собаки... наняли печатать и радио брехать о достижениях... топчете нас в очередях за куском ржаного хлеба... если вы править не умеете, то уж сложите оружие как Югославия не мучайте народ в очередях» (336).

Что касается масштабов политконтроля, то пока доступны лишь отдельные данные, которые говорят о том, что цензуре подвергалась значительная часть переписки. В течение августа 1922 г. сотрудники ПК вскрыли и проверили 135.000 из 300.000 поступивших в РСФСР почтовых отправлений. Все 285.000 писем, отправленных за границу, также подверглись перлюстрации. С октября 1923 по октябрь 1924 г. было просмотрено более 5 млн писем и свыше 8 млн телеграмм. Нагрузка на цензоров была велика: они работали без выходных и праздничных дней, на одного сотрудника приходилось либо 2.500 телеграмм в сутки, либо до 250 писем в день (337).

Права ОГПУ на просмотр почты постоянно расширялись (338). С началом коллективизации был усилен контроль за корреспонденцией, отсылаемой в армию, поскольку информация о ходе «раскулачивания» считалась антисоветской агитацией, а лица, её посылавшие – агентурой классового врага. Также полному контролю подлежала вся международная корреспонденция, письма, отправляемые до востребования и на условные адреса, подозрительные (рассылаемые в одинаковых конвертах, надписанные одним почерком, с объёмистыми вложениями). Перлюстраторы обращали пристальное внимание на письма в приграничные районы, старались фиксировать многочисленные почтовые отправления по одному и тому же адресу, обнаруживать тайные знаки на конвертах и самих письмах, которые свидетельствовали бы о попытках шифрованной переписки. Естественно, что контролировалась переписка лиц, находившихся в агентурной разработке. Все иностранцы априорно считались потенциальной агентурой враждебных разведок, поэтому их переписка подвергалась тотальной перлюстрации. Для повышения уровня конспирации запрещалось изымать адресованную иностранцам корреспонденцию, за исключением вложенных в конверты антисоветских листовок и контрреволюционной литературы (339).

Примером многолетнего контроля за частной перепиской является цензурирование писем семейства Семёновых. В 1927 г. КРО ПП ОГПУ

по Сибкраю завёл дело на И.Г. Семёнова, бежавшего с сыновьями – офицерами Колчака – в Китай и наладившего оттуда переписку с женой, оставшейся в России. Дело в основном состояло из копий писем Семёнова жене, где тот выражал, в частности, «ненависть к советской власти и злобно клеветал и оскорблял основателя Коммунистической партии и Советского Государства». В феврале 1934 г. это дело было прекращено как не представляющее оперативной ценности (340).

Чекисты ухитрились контролировать даже почту русских эмигрантов. Так, в личном фонде консула СССР в японском г. Хакодате Д.Д. Киселёва сохранился фрагмент копии письма (видимо, мужу) жительницы Чикаго, относящийся примерно к концу 20-х годов: «Теперь ты можешь писать всё свободно, раз ты за границей, и не бояться цензуры...». Повседневная перлюстрация касалась и членов правительства – например, прокурор СССР И.А. Акулов в 1935 г. с негодованием писал секретарю ЦК ВКП(б) Ежову о грубом вскрытии писем, приходивших на его имя, и саркастически советовал чекистам: «если делают, пусть хоть делают поаккуратнее» (341).

Разумеется, почта самих чекистов тоже контролировалась: в парткоме ПП ОГПУ ЗСК проходили разбирательства по поводу перехваченного письма одного из рядовых сотрудников с подробностями его коллективных алкогольно-эротических походов, а в 1939 г. из партии был исключён инструктор МВД МНР А.Н. Лобиков, которому инкриминировалось не только «выполнение директив об истреблении монгольских кадров», но и вскрытие писем в адрес инструкторов МВД и в Москву (342).

Решение о перлюстрации в 30-х годах принималось начальниками отделов НКВД, которым рядовые оперативные работники предоставляли списки лиц, чья переписка подлежала контролю. По результатам перлюстрации нередко выносилось решение о начале агентурной разработки автора или адресата. Так, обнаружив в письме жены работника крайплана ЗСК Г.Ю. Харита фразу: «несчастное слово социализм», новосибирские работники ОГПУ взяли её и мужа в «разработку» (343).

А, например, в письме из Нижнетагильского ГО НКВД в УНКВД ЗСК в 1936 г. сообщалось об активной разработке бывшего городского головы г. Николаевска-на-Амуре А.И. Коваленко, подозревавшегося в шпионаже на Японию. В связи с тем, что Коваленко переписывался с высланным в Сибирь с Дальнего Востока Д.К. Маринкевичем, уральские чекисты просили новосибирских установить жителя Болотнинского района ЗСК Маринкевича и взять его в разработку. К своему посланию начальник Нижнетагильского ГО М.А. Плахов приложил копию пере-

хваченного письма Коваленко. Вскоре Маринкевич был обнаружен, год спустя включён в организацию «японских шпионов» и расстрелян (344).

Сельские чекисты, похоже, нечасто получали компрометирующую информацию с помощью перлюстрации. Судя по материалам Доволенского МРО УНКГБ НСО (курировало Доволенский, Здвинский и Кочковский районы), из 66 учённых руководителей сельского хозяйства, на которых к июню 1941 г. имелся компромат, только один человек попал в поле зрения чекистов благодаря перехваченному письму (345).

Подозрительные почтово-телеграфные отправления конфисковывались, служа основанием для репрессий. Когда секретарь райкома в Новосибирске Н.Ф. Силантьев в декабре 1937 г. дал телеграмму на имя Сталина об аресте своей жены, заводделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б) Ф.Д. Фрумкиной, эта телеграмма оказалась изъята работниками НКВД, а Силантьев тут же арестован. А в Кемерове жена арестованного А. Петровская в конце 1937 г. неудачно попыталась «передать за границу на имя Роллана письменную мерзко-клеветническую информацию». Вот цитаты из этой перехваченной агентурой телеграммы: «От имени миллионов обездоленных, униженных, оскорблённых обращаюсь к вам с призывом поднять голос гнева и протеста против произвола и насилия. В стране Советов царит небывалый террор, тюрьмы переполнены до отказа, сотни тысяч идут этапом с криками “дайте хлеба”» (346).

ГУГБ НКВД 7 января 1938 г. издало особый циркуляр о контроле переписки военнослужащих: «За последнее время в адреса военнотружущих РККА идет значительное количество документов, принявших массовый характер, в которых сообщается о репрессиях (аресты, высылки и т. д.), применяемых к врагам народа. [...] Все воинские документы такого содержания задерживать и направлять в распоряжение 5 [особых] отделов УГБ» (347).

Перлюстрированные чекистами сообщения нередко дают ценную информацию. Сведения о лагерном режиме первых лет существования ГУЛАГа сообщает письмо А.И. Курчеева родным от 1 октября 1930 г., перехваченное работниками информационно-следственного отдела Мариинского отделения Сибуллона: «Дорогая Галичка! Жизнь с каждым днём в Сибулоне становится всё хуже и хуже, режим вводится каторжный, на 58 статью идёт гонение... Жить дальше в Сибулоне стало нельзя, а потому на днях, возможно, уйду... больше терпеть издевательства не в силах. [...] Положение как международное, так и внутреннее настолько серьёзно, что нас могут каждую минуту сделать заложниками и при первой надобности уничтожить. ...За попытку к побегу здесь расстреливают» (348).

Благодаря цензуре чекисты фиксировали распространение информации о преступлениях сотрудников НКВД, о которых рассказывали своим близким люди, освобождённые из-под стражи. Примером является перехват новосибирскими чекистами в мае 1939 г. письма жены начальника ст. Инская Томской железной дороги Е. Д. Новожиловой, адресованного в Краснодар, по предположению работников НКВД, родственнице работника станции А. Д. Шевченко. В письме упоминались преступления работников ДТО Н. Г. Нефёдова и И. Т. Девятова: «Взятые в близкие времена с Алексеем Дмитриевичем [*Шевченко*] понемногу возвращаются. [...] Благодаря возвращению [*начальника оперпункта НКВД ст. Инская А. М.*] Балицкого и Очкасова [*Ачкасова*] открылись жуткие дела Нефёдова, а кто он, вы знаете, в данный момент он с работы снят из партии исключён, ходят слухи что посажен, но этого точно не знаю. На суде Очкасов... подпись в обвинительном акте объяснил пытками, запускание иголок под ногти и голодовки. ...Девятова из НКВД выгнали, работает в депо в столе найма и увольнения. Если вы знаете о Ал. Дм. [*Шевченко*], то быть может эти факты послужат ему облегчением» (349).

Многие граждане неплохо были осведомлены о перлюстрации и часто при переписке учитывали это обстоятельство. С другой стороны, функции политконтроля в некоторых местах были слабыми из-за нехватки подготовленных кадров: так, весной 1941 г. начальник оперотделения Томского ГО НКВД М. К. Буковец из-за отсутствия работника сам исполнял работу и по шифрам, и по политконтролю (350).

На должности политконтролёров обычно попадали случайные люди с начальным образованием, для которых эта работа нередко становилась ступенькой для дальнейшей карьеры в «органах». Отношение к цензорам было достаточно «лёгкое»: на них смотрели примерно так же, как на фельдъегерей, и, проверив на работе в ПК, затем решали, стоит ли превращать их в полноценных оперработников. Многие цензоры этот экзамен проходили успешно. Малограмотный кладовщик гостипографии П. Н. Черемичын в 1926 г. был принят в ОГПУ, став политконтролёром Якутского облотдела, а десять лет спустя возглавлял РО НКВД (351). Домохозяйка Е. Я. Шумилова в 1931–1932 гг. работала старшим политконтролёром Челябинского оперсектора ОГПУ, затем стала практикантом и работником УСО. Фельдъегерь Ларьякского РО ОГПУ М. А. Орлов с 1934 г. начал работу политконтролёром Ханты-Мансийского окротдела НКВД, в 1935–1940 г. являлся старшим пункта политконтроля Тюменского ГО УНКВД по Омской области, после чего стал оперработником горотдела (352).

На местах работник ПК (обычно один на окружной отдел) в конце 1920-х годов входил в штат учётно-осведомительного отделения. Дальнейшая специализация цензоров шла обычно по линии секретно-политического отдела. В 1929 г. уполномоченным по политконтролю Омского окротдела ОГПУ был К. А. Лунт, вскоре переведённый в секретный отдел, а затем в СПО Омского оперсектора ОГПУ. Заведующий эстонской школой И. Т. Юккам, человек с начальным образованием, в 1930 г. работал политконтролёром Томского окротдела ОГПУ, а год спустя был выдвинут на должность работника СПО Томопрсектора ОГПУ (353).

Случалось, что цензоры резко меняли специализацию. В. И. Евсеев с 1931 г. работал политконтролёром Бийского РО ОГПУ, затем практикантом Барнаульского оперсектора ОГПУ, а в апреле 1933 г., будучи уполномоченным особого отделения оперсектора, участвовал в расстреле 327 осуждённых по «заговору в сельском хозяйстве» (354). Политконтролёр Томского губотдела ОГПУ А. С. Куликов десятилетием позже стал комендантом УИТЛК УНКВД ЗСК (355).

Некоторые контролёры, напротив, брались за цензуру уже после участия в массовых расстрелах. Так, уполномоченный СПО Барабинского РО ОГПУ А. Н. Заев 30 апреля 1933 г. участвовал в расстреле 19 осуждённых по «заговору в сельском хозяйстве», в январе следующего года являлся уполномоченным политконтроля РО ОГПУ, а затем получил должность заместителя начальника Барабинского РО ОГПУ-НКВД (356). Томский цензор М. К. Буковец во второй половине 30-х годов одновременно с политконтролем активно участвовал в арестах, допросах и расстрелах (357).

Среди занимавшихся политконтролем попадались известные чекисты. А. А. Дзенис, работавший начальником отдела ПК в ОГПУ Крыма, затем руководил АОУ ПП ОГПУ ЦЧО, а в 1931–1934 гг. являлся замначальника Якутского облотдела ОГПУ. Политконтролёр ПП ОГПУ Сибкрая С. И. Корнильев десять лет спустя возглавил Тюремный отдел УНКВД НСО, а впоследствии занял должность начальника УМВД по Томской области (358).

Есть основания полагать, что контроль за перепиской в районах осуществлялся негласными работниками. В освещении жителей севера современной Новосибирской области чекистам активно помогал, например, бывший священник 22-летний Владимир Попов, который после снятия сана был в марте 1929 г. отправлен уполномоченным ОГПУ по Убинскому району Б. А. Свинтульским на работу секретарём сельсовета в Урочище Чёрный мыс Чумаковского района «с заданием выяснения

обстановки на месте». Полтора года экс-поп работал в сельсовете на чекистов, в частности, перехватывая письма находившихся в чекистской разработке лиц (359). Согласно инструкции, в начале 30-х годов оперсекторы ОГПУ должны были руководить секретными пунктами политконтроля в городах и крупных районах. Возможно, что политконтроль поручался почтовым служащим, завербованным органами НКВД (360).

Работа цензоров оберегалась от расконспирации, хотя и не всегда хорошо. Например, когда начальника спецчасти Яшкинского цемзавода П. Л. Лишевского (с окладом 415 руб.) чекисты запланировали в декабре 1934 г. устроить на негласную работу в связи с утверждением штатной единицы политконтролёра в Тайгинское райотделение связи ЗСК, были приняты меры, чтобы появление бывшего начальника спецчасти в роли сортировщика почты не вызвало подозрений. Лишевского с согласия начальника Оперода УНКВД ЗСК сначала перевели на должность секретаря Тайгинского РОМ (со ставкой в 165 руб.), а затем устроили начальником пункта связи при РО НКВД. Однако вскоре Лишевского отправили в школу НКВД, и в конце 1930-х годов он возглавлял ОДТО НКВД ст. Барнаул (361).

Следует учитывать, что политический контроль в СССР являлся делом сразу нескольких ведомств, находившихся – в силу принадлежности к различным структурам – в непростых взаимоотношениях как друг с другом, так и с партийными органами. Поскольку цензура литературы и театральных постановок требовала определённой квалификации, её функции были поручены более «интеллигентным» чиновникам Наркомпроса. Гражданская цензура, существовавшая при Наркомпросе – ЛИТО (Главлит; образован в июне 1922 г.), Главрепертком (Главный репертуарный комитет; создан в феврале 1923 г.) и Главискусство (Главное управление по делам искусств) – работала под двойным руководством – ЦК ВКП(б) и ВЧК-НКВД.

В 20-е годы, в период становления системы Главлита, органы ПК ОГПУ являлись в сущности сверхцензурными учреждениями, требуя на последующий контроль все вышедшие издания и проверяя их на предмет огрехов, допущенных штатными цензорами Главлита. Работники ПК готовили рецензии на литературные произведения, имели право вносить предложения об отмене решений Главлита и Главреперткома, если они оказывались положительными. Ряд изданий, разрешённых последними, был впоследствии конфискован органами ОГПУ, и цензорам приходилось не раз каяться перед ними в допущенных упущениях, вызванных «притуплением классовой бдительности». Фактически Главлит

подчинялся не столько Наркомпросу, сколько ОГПУ-НКВД, являясь своего рода их филиалом. В определённой степени карательная цензура, как отмечает А. В. Блюм, напоминала деятельность тайного сверхцензурного «Комитета 2-го апреля 1848 г.», созданного Николаем I для контроля и самих цензоров (362).

Для обеспечения возможности контроля над всеми исполняемыми произведениями театры и клубы были обязаны отвести для органов Главреперткома и отдела Политконтроля ОГПУ по одному постоянному месту, не далее четвертого ряда, «предоставляя для этого бесплатную вешалку и программы». Чекисты регулярно посещали театральные и эстрадные спектакли, другие массовые зрелища, составляли протоколы о подозрительных, по их мнению, эпизодах, на основании чего принимались решения о привлечении виновных к административной и уголовной ответственности. Уполномоченный 4-го отделения СПО ПП ОГПУ ЗСК А. М. Максимов (машинист-железнодорожник с начальным образованием) в 1934 г. выполнял работу по политконтролю, в связи с чем «театры посещал очень часто» (363).

Поскольку до 1933 г. на уровне районов практически цензуры Главлита не существовало, это добавляло работы органам ОГПУ. Когда в начале 1930-х гг. Отдел политконтроля ОГПУ был понижен до отделения в составе Оперода, функции «сверхцензуры», по мнению А. В. Блюма, сосредоточились в самом Главлите, который получил право конфисковывать печатные материалы, производить чистки библиотек от политически вредной литературы и пр. Но при этом постоянный контакт двух родственных учреждений – Главлита и ОГПУ – сохранился (364). Органы госбезопасности, передавая надзорные функции в цензуру, оставались более авторитетной контролирующей инстанцией, поскольку именно в них сосредотачивалась информация о настроениях, проступках и степени «выдержанности» того или иного литератора, деятеля культуры или политика.

Что же касается непосредственного участия тайной полиции в надзоре за печатным словом, то функции её сводились больше к профилактике. Если Главлит имел дело с уже написанным текстом, а партийные идеологические структуры давали директивы пишущим, то, как писал эмигрант Р. Гуль, задача чекистов заключалась в том, чтобы «...следить за тем, что могло быть написано, персонально освещать всех советских писателей, журналистов, пусть даже самых преданных режиму».

Агентурная сеть из штатных, внештатных (а нередко и добровольных) помощников проникала в творческие организации, издательства, редак-

ции, типографии, студии, не говоря уже о собственно главлитовских органах. Местные отделения Главлита настаивали, в целях «координации работы», на том, чтобы ОГПУ регулярно сообщало об авторах, произведения которых ни в коем случае не могут увидеть света, независимо от содержания. Например, в 1931 г. Ленобллит просил своё начальство «поставить вопрос перед ОГПУ о выработке совместно с Главлитом ориентировочного списка авторов, которые безусловно не могут быть допущены к печатанию», и «сомнительных», требующих более тщательного просмотра (365).

Такой список, вероятно, составлен не был, но чекисты, имея свою информацию о тех или иных литераторах, не упускали случая раскритиковать цензурное ведомство за выход книги «вредного» автора. Но бывали курьёзные случаи, когда под самым носом у чекистов практиковался «самиздат»: в 1934 г. начальник цеха типографии УНКВД ЗСК Т. А. Розина была снята с работы и исключена из партии за «печатание антисоветских стихов “Мурка” и распространение их среди рабочих» (366).

Органы ОГПУ-НКВД активно участвовали в так называемой «очистке» библиотек от «контрреволюционной литературы» и проверке фондов массовых библиотек. В каждую *тройку* по «очистке», создаваемую в губерниях и областях, непременно входил представитель ОГПУ-НКВД, мнение которого было решающим. Составляя списки на изъятие литературы из библиотек, Главлит непременно консультировался с «органами». Постоянные чистки, с которыми могли сравниться разве что позднейшие бесчинства китайской «культурной революции», уничтожили в 20–40-е годы основную часть дореволюционных книжных фондов. В 20-х годах уничтожалась «религиозно-мистическая и монархическая литература», книги эмигрантов, затем криминалом стали обычные дореволюционные издания и многие советские книги. Заведующая томской городской библиотеки в 1931 г. уничтожила десятки тысяч томов, включая комплекты журналов «Современник» и «Русское богатство», сочинения русских классиков, книги на французском и польском языках (367).

Приказ Главлита от 19 июня 1935 г. констатировал, что «при изъятии троцкистско-зиновьевской литературы из библиотек фактически проводилась никем не контролируемая и никем не руководимая чистка библиотек, расхищение и порча библиотечных фондов». Пытаясь навести порядок, Главлит составил список литературы, подлежащей конфискации, определив, что её изъятие в областных центрах производится непосредственно начальником обллита или его заместителем совместно

с представителем НКВД, а в библиотеках районов – начальниками райлитов совместно с районными уполномоченными НКВД. Изъятые книги печатались и отсылались в краевые и областные управления НКВД.

Однако последующие чистки проводились столь же варварским образом. Ретивые чиновники кое-где проверяли даже личные библиотеки и конфисковывали крамолу. В июне 1937 г. Запсибкрайком ВКП(б) отмечал, что «изъятие из библиотек и книготорговой сети контрреволюционной литературы идёт неудовлетворительно»: например, на ст. Тайга с санкции райкома партии цензоры изъяли и сожгли книги без составления актов на изъятие, а в Кожевниковском и Белоглазовском районах края было произведено «изъятие литературы из личных библиотек трудящихся» (368). К концу 1937 г. по спискам Главлита было изъято из библиотек и книготорговой сети 9.740 названий, включая учебники, художественную литературу, произведения русских классиков, партийные документы; уничтожалось до 10 % литературы, выписываемой из-за рубежа, что расценивалось как вредительство. Борясь с ним, ЦК ВКП(б) 9 декабря 1937 г. «установил порядок изъятия книг и брошюр врагов народа». Согласно этому «порядку» распоряжениями Главлита в 1938–1939 г. было изъято более 24 млн томов.

В 1938 г. контролю Главлита подвергались 8.550 газет, 1.762 журнала, 40 тыс. книг общим тиражом 693 тыс. экземпляров, 74 вещательные радиостанции, 1.200 радиоузлов, 1.176 типографий, 70 тыс. библиотек и 1.050 тонн печатной продукции, поступившей из-за границы. За 9 месяцев 1939 г. не было допущено в печать 12.588 сведений, не подлежащих оглашению, и 23.152 «политико-идеологических искажения». К концу 1930-х годов Главлит фактически напрямую подчинялся СНК СССР (369).

Помимо Главлита, в содержание наглядной агитации и книжных фондов самым активным образом вмешивались «органы». Об их повседневном контроле говорит сводка для Новосибирского обкома партии от 5 ноября 1937 г. «О недостатках в ходе подготовки к Октябрьским торжествам», в которой работники СПО УНКВД привели многочисленные чисто цензурные оценки: «В витрине универмага КОГИЗа среди выставки нот подвешена картина, которая должна показывать расцвет исполнительских дарований в СССР. Между тем на картине нарисован низкорослый дегенеративный тип с лицом мученика. Там же изображён портрет т. Сталина среди детей, причём дети представлены уродливыми и нежизнерадостными.

На здании универмага вывешен плакат, изображающий трактор. Когда на него смотришь, то кажется, что трактор разваливается. [...]

Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа вывесила на оконной раме портрет т. Сталина. Ввиду того, что снаружи портрет не освещается, а только изнутри, создаётся впечатление, что т. Сталин помещён за решётку.

В зоосаду вывешенный плакат показывает детей в грустном и забитом виде.

В библиотеке имени Чехова обнаружены: сочинения Ленина под редакцией врага народа Каменева, XVI партийный съезд с предисловием Бухарина, стенограммы, отчёты съездов и другая литература с выступлениями врагов народа, а также портреты Тухачевского, Гамарника и Ягоды». Чекисты сообщали, что приняли меры к изъятию раскритикованных ими плакатов, панно и литературы с публикациями «врагов» (370).

Чекистское охранительное рвение не знало пределов, хотя подчас особенно «выдающиеся» эксцессы вызывались элементарной халатностью. Начальник Зейско-Уссурийского РО УНКВД по Читинской области Ф. В. Сонин в марте 1938 г. был арестован и осуждён на 2 года заключения как за «античекистские методы воздействия» на арестованных, так и за халатность: он не читал подписанных им документов и в результате разослал по сельсоветам района – от имени председателя РИКа – политически вредную директиву «об изъятии портретов, статуй и литературы А. С. Пушкина». Но, очевидно, существовали циркуляры об уничтожении целых массивов литературы уже после эпохи террора: в Бийске работники госбезопасности приказали местному музею изъять из своей библиотеки и сжечь все книги местных издательств, изданные до 1940 г. – примерно три тысячи томов (371).

Партия постоянно контролировала действия цензоров, поправляя и повышая эффективность их работы. В постановлении Политбюро ЦК от 12 мая 1927 г. «О Политконтроле» ОГПУ обвинялось в «плохой постановке дела политконтроля за перепиской» и обязывалось принять меры «к улучшению постановки работы в этой области». Причиной оказалась наглая задержка цензорами ПК дипломатического послания, отправленного в Москву из Лиги Наций 29 апреля, а полученного в НКВД только 8 мая. Вскрытие документов, адресованных одному из важнейших ведомств, не имело отношения к контрразведке, а контролировало самих дипломатов. В результате нарком иностранных дел не смог своевременно отреагировать на этот документ. Скомпрометированные перед мировой прессой НКВДовцы были в ярости, и Политбюро отреагировало практически мгновенно. Однако несколько месяцев спустя грубые действия перлюстраторов на местах вызвали новые дипломатические осложнения.

В результате в феврале 1928 г. ОГПУ специальным приказом запретило вскрытие и контроль иностранной дипломатической корреспонденции. Этим тонким делом в исключительных случаях мог отныне заниматься только КРО ОГПУ (372).

Но привычки ОГПУ остались прежними. Политбюро ЦК 10 августа 1931 г. пришлось принять специальное постановление «О пакетах», в котором констатировалось нетерпимость того факта, что дипломатические пакеты «были вскрыты небрежно и долго задержаны». Политбюро предложило ОГПУ наказать виновных и обеспечить выполнение своего приказа от 17 февраля 1931 г., который в очередной раз запрещал местным органам ОГПУ вскрытие и проверку дипломатической и консульской почты. ОГПУ должно было организовать специальное отделение, которое бы умело вскрывало диппочту, гарантируя «чистоту и быстроту работы», и установить такой порядок, при котором бы сообщаемые М. М. Литвиновым «факты о недопустимом обращении с диппочтой немедленно были бы расследуемы». Также Политбюро велело близкому к ОГПУ работнику ЦКК Б. А. Ройзенману и наркому связи А. И. Рыкову организовать при участии работников ОГПУ проверку почтового ведомства, которое также грешило грубой перлюстрацией и задержками дипломатической переписки (373).

Парткомы на местах не упускали случая поставить чекистов, превышавших свои полномочия и способных лично остановить выпуск провинившейся газеты, на место. Так, райуполномоченный ОГПУ по Косихинскому району ЗСК С. Н. Петкевич (отец поэта Роберта Рождественского) примерно в 1930 г. получил партвыговор «за арест газеты» (374). Одновременно руководящие и не только работники госбезопасности то и дело доводили до сведения политического руководства информацию о различных промахах в сфере идеологии. Например, начальник УНКВД ЗСК В. А. Каруцкий мог сообщить секретарям крайкома, что в типографии в брошюре с отчётным докладом В. М. Молотова вклеили часть рассказа «Гроб полковника Недочетова» из журнала «Сибирские огни», заодно пожаловавшись на прокуратуру, которая не занимается расследованием этого «дела о безобразных нарушениях, граничащих с вредительством» (375).

Заявляли цензурные претензии и партийные органы чекисты и менее крупного ранга. Уполномоченный СПО ПП ОГПУ ЗСК Я. А. Пасынков, занимавшийся «разработкой» бывших партизан и имевший личные счёты с командиром 1-й Горной дивизии И. Я. Третьяком, был настолько возмущён выходом в 1933 г. его книги «Партизанское движение в Гор-

ном Алтае в 1919 г.», что заявил «резкий протест» председателю партколлегии ЗСК М.И. Ковалёву, руководившему комиссией по истории гражданской войны. Пасынков сообщил главному партконтролёру края, что на Третьяка ведётся агентурная разработка как на руководителя повстанческой организации. Тем не менее запретить книгу, подготовленную с деятельной помощью видного партийного историка В.Д. Вегмана, и изъять её из обращения удалось только после ареста легендарного алтайского партизана в 1937 г. (376).

Система политцензуры со временем усложнялась, дополняясь новыми элементами, например, прослушиванием телефонов, глушением вещания зарубежных радиостанций. В сентябре 1937 г. УНКВД по Свердловской области приняло от Наркомата связи контрольную радиостанцию и пеленгаторский пункт вместе с обслуживающим персоналом, приняв на себя функции радиоразведки и контрразведки (377).

В августе 1937 г. Ежов обратился к Сталину и Молотову с просьбой принять меры для глушения антисоветских радиопередач, которые велись на русском языке из Маньчжоу-Го. Они ловились на всей территории от Дальнего Востока до Западной Сибири, рассказывали о репрессиях и голоде в СССР, заканчиваясь призывами к восстанию. Германия вещала на Советский Союз по-немецки, Польша – на польском и украинском. Мощности советских передатчиков для забивки враждебного вещания не хватало, особенно на коротких волнах (378).

С целью глушения «антисоветского вещания иностранных радиостанций» ЦК ВКП(б) и СНК в сентябре 1937 г. постановили построить в Сибири и на Дальнем Востоке секретные радиостанции, которые не регистрировались в международных бюро радиосвязи. Два года спустя эти радиостанции было разрешено осторожно использовать для радиовещания населению – «под маркой существующих широкоэмиттерных радиостанций, с тем чтобы они не были расшифрованы». В октябре 1939 г. Политбюро постановило выделить 9 млн руб. на усиление борьбы с помехами работе советских радиостанций со стороны зарубежных станций и «проникновением антисоветского вещания»; планировалось дооборудование радиостанций и строительство «упрощённых радиопередатчиков»-глушилок. Руководство всеми мероприятиями по борьбе с помехами работе советских радиостанций возлагалось на НКВД (379).

Созданные в 1937 г. отделы опертехники (2-е спецотделы) ведали радиоразведкой, распознаванием почерков авторов анонимных антисоветских писем и изготовлением разного рода поддельных документов. С помощью новейших технических средств чекисты получали немало

ценной развединформации. В начале 30-х годов ОГПУ удалось с помощью радиоперехвата прослушать десятки тысяч переговоров сотрудников польского генштаба (380). Есть основания полагать, что новосибирские чекисты прослушивали здание германского консульства: в 1933 г. ими на крыше была проведена установка некоей линии связи, вёдшей прямо к зданию полпредства ОГПУ и в которой консул Г. Гросскопф подозревал часть подслушивающей аппаратуры. Консул потребовал от властей убрать эту проводку и отремонтировать повреждённую крышу (381).

В конце 30-х годов технические возможности чекистов заметно выросли (382). Сердцем 2-го спецотдела УНКВД НСО была мощная радиостанция, сооружённая под Новосибирском перед войной и перехватывавшая зашифрованные послания зарубежных посольств и разведывательных центров на огромной территории – от Турции до Индии. Эта радиостанция круглосуточно контролировала эфир, выявляя активность передатчиков и фиксируя новые точки, откуда велись зашифрованные радиопередачи. Обслуживали сверхсекретный объект «РС-71» многие десятки операторов, прослушивавших эфир; их работа тщательно контролировалась и в случае срывов слежения за эфиром операторы подвергались наказаниям. На «объекте РС-71» в начале 1941 г. имелось 53 сотрудника, не считая вспомогательного персонала. Многолетним начальником РС-71 с 1939 г. был Д.Г. Максимшин (383).

В январе 1939 г. всем начальникам 2-х спецотделов НКВД/УНКВД было направлено директивное письмо об усилении агентурного обслуживания линий и аппаратуры МТС, подозрительных радиолюбителей и т. д. В апреле 1939 г. во все пункты Хабаровской магистрали было дано указание о ликвидации или переделке антенн радиоприёмных устройств объектов и зданий иностранных представительств в городах Куйбышеве, Хабаровске, Иркутске, Новосибирске, Челябинске. Эти меры предпринимались для ликвидации угрозы подслушивания разговоров по правительственной ВЧ-связи (384). Насколько известно, переговоры по ВЧ-связи были недоступны для иностранных разведок, но иногда (как, например, было в 1944 г. с двумя сотрудниками) из любопытства подслушивались самими связистами (385). Для обслуживания ВЧ-связи в НКВД-МГБ со временем был создан специальный отдел (386). Есть, к примеру, сведения, что начальник Отдела правительственной охраны НКВД И.Я. Дагин по поручению Ежова прослушивал телефонные разговоры членов Политбюро ЦК (387).

Вместе с тем в 30-е годы телефон не был редкостью только в крупных городах, а население обычно старалось держать язык за зубами и в

телефонных разговорах не касаться скользких тем. Контроль телефонных разговоров и прослушивание помещений больше касались представителей номенклатуры и интеллигенции. О том, что технических средств для негласного прослушивания в глубинке у чекистов, скорее всего, не было ещё очень долго, говорит такой факт: в 1950 г. сотрудники УМГБ НСО отмечали, что на крупной станции Черепаново, где велась «разработка» по провокационному «диверсионному» делу, «перепроверить агентурные донесения агента “Фёдор” техникой... никакой возможности не было» (388).

Непосредственным контролем за жизнью и деятельностью подозрительных лиц занималась служба наружного наблюдения Оперативного отдела (Оперода) ОГПУ. Агенты наружной разведки («топтуны») должны были отличаться наблюдательностью, памятью и расторопностью. Они выступали под прикрытием и имели документы, доказывающие их принадлежность к какому-либо нейтральному учреждению. «Топтуны» работали группами, руководимыми уполномоченными, причём агенты разных групп не должны были знать друг друга. Каждый уполномоченный имел конспиративную квартиру, на которой ежедневно собирал своих «топтунов» и инструктировал их, разъясняя приёмы ведения наблюдения за интересовавших чекистов человеком, а также давал им задания на следующий день. С 1924 г. функции оперативной установки (выяснение личности, адреса и образа жизни проверявшихся лиц, круга их знакомых) выполняли сотрудники политического надзора Оперода ОГПУ, использовавшие для прикрытия документы участковых инспекторов милиции. Работники политнадзора имели широкую агентуру среди дворников, управдомов, активистов домоуправлений (389).

Сохранившиеся во многих следственных делах рапорты говорят о большой активности служб наружного наблюдения, фиксировавших передвижения своих «поднадзорных». Однако маскироваться они умели плохо, так что сами чекисты отмечали, что наружная разведка практически во всех губчека была расконспирирована (390). Сведений о работе «наружек» первой половины 30-х годов очень мало, но известно, что каких-либо существенных изменений в методике её использования не было (391). Нарком Н.И. Ежов в марте 1937 г. отмечал, что «топтуны» некавалифицированы и «ничего не стоят», их легко узнать хотя бы по стандартному пальто (392). Ежов заявил: «Нам нужен такой агент, который был бы хорошо одет, умел бы себя держать, который пришёл бы в Метрополь... мог бы станцевать фокстрот и не выделялся бы из той среды, у нас его тут же видно, что это чекист. ...[Мы] по преимуществу вербовали [в топ-

туны] красноармейцев, а надо вербовать людей, которые обладают способностями, например: инженер может быть неплохой разведчик» (393).

Наружное наблюдение в Сибири, даже за иностранными дипломатами, было поставлено весьма кустарно. Только в 1935 г. новосибирским особистам специально для слежки за автомобилем японского консульства была выделена легковая машина. Небольшой по численности аппарат наружного наблюдения (не более дюжины оперативников) не мог сохранить конспирацию, и всех «топтунов» японские и немецкие дипломаты знали в лицо. Один из агентов «наружки» жаловался коллегам на нахальство бывшего секретаря германского консульства К.Л. Кёстинга, который в середине 30-х годов якобы «вёл большую разведывательную работу на территории Новосибирской области... он буквально знал каждого разведчика, ходил мимо них, снимал головной убор и кланялся, приговаривая, что “можете сегодня за мной не ходить, так как я идти сегодня никуда не намерен”» (394).

Впрочем, то, что «топтунов» знали в лицо, неудивительно, поскольку стиль наружного наблюдения за дипломатами был крайне агрессивный: чекисты в середине 30-х годов ходили за ними по пятам, совершенно не таясь и грубо пресекая любые контакты иностранцев с населением. В июле 1936 г. консул Японии в Новосибирске Я. Коянаги жаловался на слежку и всяческие препятствия со стороны «охранителей НКВД» в НКВД, крайисполком и УНКВД: «12-го июня с. г. Секретарь Сайто и Сотрудник Одагири, пользуясь отпуском, попутешествовали по Кузбассу. С момента их выезда с поездом от ст. Новосибирска... за ними следили охранители НКВД, которые близко с Секретарями сидели или стояли постоянно рядом с ними, или подслушали их разговоры, или не допустили их даже беседовать с мирными русскими гражданами, а так [же] препятствовали им в ознакомлении с городом, и, в частности, когда Секретарь Сайто пошел в уборную в вагоне, то охранитель следили за ним и открыл насильно дверь и наблюдал за него, как за преступника. Между прочим на ст. Топки охранители препятствовали Секретарям в покупке проездных билетов и затеяли отнимать от них надежду дальнейшей поездки. Секретарь Сайто несколько раз спрашивали фамилию охранителей, но последние молчат и не отвечали на это ни слова» (395).

Когда в августе 1936 г. Коянаги ездил в Бийск, следить за ним и его окружением чекисты поручили завхозу гостиницы, а в соседнем с консулом номере была поселена группа из 4–5 чекистов (396). Для наблюдения за иностранными дипломатами чекисты Новосибирска, помимо наружного наблюдения, использовали некоторые технические методы:

негласное прослушивание и фотографирование. В апреле 1934 г. посетители германского консульства начали жаловаться консулу Гросскопфу на то, что некие лица в гражданском фотографировали их при выходе из консульства. Затем «топтуны» выясняли адрес посетителя, после чего последнего вызывали в ОГПУ. На допросе им в качестве доказательства того, что они были в консульстве, предъявлялась фотография.

Гросскопф проинформировал об этом своё посольство и дополнительно пояснил, что положение здания консульства облегчает ведение наблюдения: оно было зажато между жилыми домами, в которых обитали партийно-советские функционеры, а также сотрудники «органов». Здание ОГПУ находилось на параллельной улице и с его верхних этажей можно было с расстояния примерно 100 метров вести наблюдение за входом в консульство, который весной и летом с немецкой тщательностью освещался весь вечер (397).

В конце 1937 г. в обстановке крайней шпиономании консульства Германии и Японии, в т. ч. в Сибири и на Дальнем Востоке, были закрыты. Однако для сибирских контрразведчиков оставался такой важный дипломатический объект, как консульство Гомиьндана в Новосибирске, за которым сохранялось тщательное наблюдение и производилось тайное фотографирование всех посетителей (398).

В 30-е годы для руководства крайкомов-обкомов и крайисполкомов-облисполкомов была организована служба охраны, включавшая в себя очень небольшое число чекистов. Работников отдела охраны Запсибкрайкома и крайисполкома насчитывалось 5 чел., причём особой подготовкой или рвением они не отличались: весной 1937 г. чекисты калялись в том, что «тов. Эйхе ходил на прогулку, а наших сотрудников не было на месте». В районах начальники РО НКВД были обязаны организовывать негласную охрану партактива от покушений «враждебных элементов», а в праздничные дни охранять секретарей РК ВКП(б) и председателей РИКов (399).

В сущности, работа чекистов-охранников заключалась не столько в охране, сколько в пристальном наблюдении за первыми лицами регионов. Так, при В. А. Балицком чекисты следили за всеми областными партийно-советскими лидерами Украины, включая С. В. Косиора и П. П. Постышева, и постоянно сообщали Балицкому негласную информацию об их встречах и телефонных переговорах, в т. ч. с московским руководством, а также личной жизни. В 1938 г. по приказу А. И. Успенского во время 14-го партсъезда КП(б)У чекисты не столько охраняли делегатов, сколько следили за их благонадёжностью (400).

АРЕСТЫ, ОБЫСКИ И СЛЕДСТВЕННАЯ РАБОТА

Аресты производились в жилищах, на месте службы, на улице. Артистов могли арестовать в театре, а работника НКВД – прямо на оперсовещании или партсобрании (401). Очень ярко описаны различные способы арестов А. И. Солженицыным (402). Нередко аресты были публичными – для психологического воздействия, а бывало, что арестовывали тайно, в оперативных целях, чтобы, по мнению чекистов, не спугнуть членов какой-либо «организации». В ходе операции «Блок» первой половины 30-х годов, направленной против иностранных специалистов, часто практиковались тайные задержания лиц, намеченных к вербовке (403).

Для периодов «массовых операций» распространённым явлением были облавы. В начале 30-х годов чекисты и милиция Западной Сибири порой окружала рынки, арестовывая без разбора и торговцев, и покупателей, чтобы затем сослать как СВЭ и выполнить намеченную начальством цифру репрессий. Тогда же в Новосибирске массами арестовывали бездомных, нищих и бродяг, чтобы затем отправить полуголыми, в одних штанах на какую-либо дальневосточную стройку (404). Аналогично в 1937–1938 гг. вылавливали и «кулаков» с «инонационалами». Например, в сибирских городах облавами охотились на китайцев (405). Для периода террора также характерны были аресты без ордеров, которые выписывались задним числом. Подобные факты в массовом порядке известны как для чекистов Кузбасса, так и для работников Куйбышевского и Славгородского оперсекторов НКВД (406).

Нередко случалось, когда арестованному удавалось бежать, что расценивалось как вопиющая утрата чекистской бдительности. Сотрудник ПП ОГПУ ЗСК К. К. Пастаногов в начале 30-х годов получил 5 суток ареста за «побег бандита», которого сопровождал в Новосибирск. Сотрудник Ребрихинского РО УНКВД ЗСК С. П. Ефимов в 1935 г. за побег арестованного, привлекавшегося по ст. 58-10 УК, получил год исправработ (407). Когда при аресте в ночь на 24 февраля 1937 г. «террориста» Оболонкова тот смог бежать, серьёзным взысканиям подверглись упустившие его начальник 3-го отделения СПО УНКВД ЗСК З. Я. Жук, оперативник К. Ф. Шевченко и приданный им курсант МКШ Иванов (408).

Охрана и перевозка арестованных подразумевала внимательное наблюдение за ними и сигнализирование буквально о каждом их поступке. Во время транспортировки в декабре 1940 г. бывшего главного инженера стройконторы комбината № 179 наркомата боеприпасов СССР Х. Б. Атаева из Новосибирска в Москву начальник особого конвоя составил ра-

порт о том, что Атаев просил горячую пищу и прогулки, причём его заявления слышали другие заключённые (409).

Аресты обязательно сопровождалась обысками. Изъятию у арестованных подлежали оружие, документы, рукописи, ценности, политическая и религиозная литература. Например, в конце 1935 г. у новосибирского «церковника» М.К. Шараевского было изъято 77 религиозных книг, 12 «религиозно-фашистских книг» и «Протоколы сионских мудрецов». Но спектр отнятого и конфискованного в немалой степени отражал вкусы оперативников, проводивших обыски. При ликвидации обнаруженного весной 1932 г. в Новосибирске нелегального иоаннитского монастыря чекисты внесли в протокол и «песочек», которым монашки посыпали обыскиваемых как «нечистую силу» (410). В конце 1930 – начале 1940-х г. могли отобрать 20-томное собрание сочинений Ленина, книгу Сталина «Вопросы ленинизма», сборник о Беломорканале, альбом видов Новониколаевска или «Дни» В.В. Шульгина, а могли – готовальни, игральные карты, тетрадки с переписанными стихами, просто лист чистой бумаги. У писателя В.А. Итина, помимо документов и рукописей, изъяли словарь Даля и сборник «Ходячие и меткие слова» М.И. Михельсона (411).

У одних изымали десятки драгоценных предметов и украшений или почти килограмм столового серебра, у других – автомобиль или ружьё, у третьих – обручальное кольцо или старинный серебряный рубль. Отбирались бинокли, фотоаппараты и патефоны. Чекисты забирали все документы и справки, письма, грамоты, фотографии (412). Особенный интерес у них вызывали дневниковые записи, в связи с чем в архивно-следственных делах сохранилось немало интереснейших дневников, хотя значительная их часть была уничтожена, как, например, дневник строителя Турксиба В.С. Шатова на 120 листах или 12 тетрадей дневников новосибирского журналиста В.И. Мрачковского (413).

Если у чекистов было подозрение, что у обыскиваемого имеется оружие, нелегалщина или ценности, обыск шёл изошрённо и, как правило, обнаруживались даже очень тщательно спрятанные вещи и деньги. Например, летом 1938 г. у новосибирского «церковника», бывшего торговца М.П. Клевцова, в доме были найдены три тайника, где, помимо денег, были обнаружены 8,7 тыс. натальных крестиков, 503 венчика и 100 отпечатанных молитв. Обыскивая летом 1941 г. дом другого «церковника», Н.А. Адрианова, новосибирские чекисты обнаружили внутри «обшитой двери прихожей» экземпляр «Протоколов сионских мудрецов» (414). Арест и обыск венчали предварительную «разработку» арестованного,

хотя в период «массовых операций» они производились с минимальной подготовкой или вовсе без неё. Арест позволял изолировать «врага» и передать его в руки следователей.

Следствие считалось главной частью чекистской работы, поскольку в ходе следственных мероприятий обвиняемый должен был подтвердить предъявленные ему обвинения, после чего оставались судебные (или внесудебные) процедуры. В связи с этим всякий чекист должен был проявить себя на следственной работе и его квалификация оценивалась по тому, насколько эффективно оперработник мог «работать» с арестованными. Между тем собственно следовательская специализация в течение многих лет была отменена. Причиной этого являлось неизбежно пристрастное отношение штатных следователей к липовым агентурно-оперативным материалам своих коллег-оперативников, что мешало быстрому и решительному следствию. Зато чекист, который занимался как работой с осведомлением, так и допросами, мог влиять и на своего агента, требуя от него нужных сведений на арестованного, и на самого подследственного, вымогая необходимые признания изнурительными ночными допросами и прямыми избиениями. Бывший комиссар и чекист Жан Миклау, ставший начальником треста, в середине 30-х годов неосторожно поделился с подчинённым опытом прошлых лет, сказав, что «даже если человек невиновен, то его заставят признаться». Н.И. Ежов в январе 1935 г. честно отмечал, что совмещение функций агентуриста и следователя в одном лице даёт массу «дутых» дел (415–417).

Следственная работа в «чистом» виде до конца 30-х годов ни в центре, ни на местах обычно не выделялась. Чекист на оперативных курсах при ПП ОГПУ, в школах ОГПУ-НКВД или (чаще всего) при стажировке у более опытного следователя получал подготовку по двум главным специализациям: умению вести следствие и агентурной работе. В реальной жизни учитывалось, какая работа у кого лучше получается: один чекист успешно работал с агентурой и готовил различные оперативные комбинации, а у другого получалось быстро «расколоть» обвиняемого. Формально считалось, что много и постоянно работать с агентами, вербовать их, встречаться с ними должны были все чекисты. Обыденным являлся следующий распорядок службы: утром или вечером чекисты встречаются с агентами, а ночью – допрашивают арестованных. Однако с начала 30-х годов руководство ОГПУ рассылало на места указания о том, что следствие является более важным делом, чем работа с агентами, что лишь отражало реальность. Поэтому оценка квалификации чекиста больше зависела от его умения «работать» с арестованным и доби-

ваться от него нужных показаний. Что касается агентуры, то она почти всегда могла дать любые нужные показания.

Когда обстановка требовала значительного усиления следственной работы, вопрос решался на местном уровне за счёт имевшихся ресурсов. Например, в составе Учётно-осведомительного отдела ПП ОГПУ ЗСК в 1930 г. действовало следственное отделение. Помощь Лубянки также имела место. Появившийся 17 июля 1931 г. приказ ОГПУ «Об упрощении формальностей по следствию в органах ОГПУ» прямо нарушал законодательство, отменяя ряд процессуальных действий: чекисты могли игнорировать такие нормы, как составление постановлений о принятии дела к производству, об отстранении от должности, о приобщении к делу вещественных доказательств, об объявлении обвиняемому об окончании следствия (418).

На местах могли появляться небольшие временные структуры для решения конкретных задач. Так, в период «массовых операций» начала 30-х годов в сибирских карательных органах из опытных оперативников создавались так называемые следственно-оперативные группы. Например, весной–летом 1930 г. при Славгородском окротделе ПП ОГПУ Сибкрая действовала следственно-оперативная группа, занимавшаяся фабрикацией крупных дел на «повстанческие» организации. Она состояла из работников секретного отделения: уполномоченных А.В. Малозовского и П.А. Стаценко, старшего уполномоченного К.Г. Кестера. Аналогичную группу в Барнауле тогда же возглавлял уполномоченный секретного отделения Н.А. Сузов (419).

Для усиления работы основных отделов УНКВД ЗСК в 1937 г. из горрайотделов были прикомандированы многочисленные опытные оперативники. Так, в марте 1937 г. в аппарате Транспортного отдела НКВД Томской железной дороги, насчитывавшем порядка 30 штатных единиц, работало до 20 сотрудников, откомандированных в Новосибирск из станционных оперативных пунктов. Тогда же один из транспортников жаловался на то, что начальник отдела А.П. Невский распорядился в трёхдневный срок вскрыть контрреволюционную организацию в Новосибирском институте военных инженеров транспорта – «без учёта физических возможностей» следователей (420).

В годы «Большого террора» для ускоренного разворота следствия проявивший себя чекист-руководитель мог быть назначен исполняющим обязанности начальника второго, отстающего отдела. Так, в мае 1937 г. приказом С.Н. Миронова начальник СПО УНКВД ЗСК С.П. Попов стал также врид начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СибВО, после чего

он начал массовые аресты военных, выделив для начала самых «перспективных» арестованных своим лучшим следователям – Г.Д. Погодаеву, М.И. Длужинскому и С.В. Толмачёву. Те быстро выбили показания о наличии антисоветского центра в СибВО, подтвердив свою чекистскую квалификацию (421).

Опасение, что плохая агентурная работа не даст развернуться следствию по важным политическим делам, требовавшим тщательной негласной подготовки, продиктовало инициативу Н.И. Ежова о выделении следственного аппарата в самостоятельное подразделение. В апреле 1937 г. Ежов представил Сталину предложение об организации в трёхмесячный срок Следственного отдела при ГУГБ НКВД, поскольку отсутствие специализированных кадров «отрицательно отражается на постановке агентурной работы», которая постоянно приносится в жертву следствию. Сами же следователи, получив недостаточный агентурный материал, проводят следствие поверхностно, не выявляя всех участников «контрреволюционных формирований». Выделение самостоятельного Следственного отдела, по мысли Ежова, не только разгрузит отделы ГУГБ и развяжет им руки для проведения полноценной агентурной работы, но и обеспечит «взаимоконтроль агентурного и следственного аппаратов» (422).

Однако в условиях массового террора перегруженный следствием аппарат НКВД просто не смог провести такую реорганизацию. Агентурная работа была почти полностью заброшена, и все чекисты стали следователями. Опыт ударных следственно-оперативных групп из сильных оперработников был использован снова и дал, по мнению руководства «органов», вполне удовлетворительный результат. Начальник Омского УНКВД Салынь 21 июля 1937 г. потребовал, чтобы в управлении осталось только 50 чел. для текущей работы, а все остальные разъехались бы по районам для производства массовых арестов, начиная с 28 июля (423). Такая реакция Салыня объясняется нагоняем, полученным на июльском совещании в НКВД от Ежова.

В 1937–1938 гг. в Нарымском, Славгородском и других оперсекторах УНКВД ЗСК-НСО в длительных командировках находились оперработники из областного (краевого) управления на уровне начальника отделения КРО или СПО, которые курировали «массовые операции» и направляли следствие в нужном направлении. В Нарыме кураторами репрессий в отношении дела РОВСа и «враждебных национальностей» работали начальник СПО УНКВД К.К. Пастаногов и отделения КРО УНКВД ЗСК-НСО А.М. Волков, в Бодайбо – заместитель начальника

КРО УНКВД по Иркутской области Б.П. Кульвец, причём последний не только организовывал массовые аресты, но и непосредственно руководил исполнением многочисленных смертных приговоров (424).

В районах чекисты всё время занимались следственной работой, хотя их чекистская подготовка обычно была ниже, чем в аппаратах оперсекторов и УНКВД. В основном работники райотделов вели дела о хищениях, саботаже, антисоветской агитации, вредительстве. Оперсекторы и управления НКВД старались, чтобы возможно большее количество дел было групповыми, включавшими в себя жителей разных районов, и более «перспективные» дела с мест забирали себе. Однако нередко в райотделах почти не возникало дел по ст. 58 УК. В Уч-Пристанском районе ЗСК за 1935 г. в РО НКВД было проведено 45 дел на 45 чел., т. е. ни одного группового. Из этих 45 дел по ст. 58 ст. были только два (агитация). По ст. 162 было проведено 10 дел, по ст. 111 – 9 дел, по ст. 109 – 6 дел, по другим хозяйственным статьям – 18 дел. В 1936 г. дела также оказались на одиночек, причём репрессии ослабли: по ст. 111 – два дела, по ст. 109 – 2, по ст. 162 – 4, по ст. 73 – 1, по ст. 58-10 – 1 дело (425).

Тем не менее на районных чекистов в силу их малочисленности приходилась огромная как следственная, так и агентурная нагрузка. В 1937–1938 гг. районные чекисты провели колоссальное количество следственных дел по ст. 58 и 35 УК РСФСР. Достаточно стандартная нагрузка на районного следователя эпохи «Большого террора» видна на примере оперуполномоченного Знаменского РО УНКВД по Алтайскому краю С.А. Касаткина, который с августа 1937 г. являлся прикомандированным работником Славгородского оперсектора УНКВД ЗСК – Алткрая, а также его коллег. За 1937 г. Касаткин провёл в Знаменском районе два дела на 10 чел., в Славгороде – 6 дел на 20 чел. и в Волчихинском районе – одно дело на 6 чел., а всего три работника Знаменского РО в августе–октябре 1937 г. закончили 15 дел на 98 чел. С 19 октября 1937 г. по 2 февраля 1938 г. два оперработника Знаменского РО закончили 33 дела на 214 чел (426).

Только в конце 1938 г., когда количество арестованных стало уменьшаться и прекращение «массовых операций» поставило на повестку дня неизбежное возвращение к деятельной агентурной работе, новый нарком Берия вернулся к вопросу об организации самостоятельного следственного отдела. С оставшимися от «Большого террора» делами, по его мнению, уже могли справиться специально выделенные сотрудники-следователи. В декабре 1938 г. в областных и краевых управлениях НКВД были образованы следственные отделы (части), куда стали направлять

арестованных, числившихся за основными оперативными отделами. В силу специфики военной контрразведки свои следственные части были организованы и в Особых отделах военных округов (427).

Так в чекистской среде с 1939 г. появилась специализация: следователи (их было человек 10–15 на областное управление и 3–5 на городской отдел) занимались исключительно допросами, а все остальные чекисты являлись оперативниками-агентуристами, которые вербовали осведомление и готовили негласные материалы для поддержки обвинения. Потом с помощью этих сведений следователь должен был уличить арестованного. При этом руководители УНКВД и наиболее опытные чекисты также участвовали в допросах. На август 1939 г. в Следчасти УНКВД по Читинской области имелось 14 следователей, из которых двое просматривали дела, поступившие с периферии, пятеро занимались делами «по группе МНР» (вероятно, высланными из Монголии в первой половине 30-х годов), а остальные семеро вели дела на 90 подследственных (428).

В первое время следчасти состояли в значительной степени из практикантов, не все из которых закреплялись на этой работе. На заседании партбюро УГБ УНКВД по Читинской области упоминался практикант Н.Н. Плюснин, от которого отказывались опытные следователи, «т. к. он спал на допросах». В итоге Плюснина спровадили в отдалённый райотдел НКВД (429).

Работа следственных отделов налаживалась постепенно. Кемеровский горком ВКП(б), проверяя в июле 1939 г. качество исполнения решения ЦК и СНК от 17 ноября 1938 г., отмечал, что в ГО НКВД следственная часть до сих пор не создана, а её функции исполняет небольшая группа оперативников, не утверждённых в качестве следователей. Горком констатировал, что недостаточно изжиты «элементы упрощённого ведения следствия, признания обвиняемых слабо подкрепляются объективными данными», всё ещё ощущается «потеря вкуса к агентурно-следственной работе». Отметив «вскрытый факт грубейшего нарушения ведения следственных дел по Кировскому району», горком поручил начальнику ГО НКВД В.Г. Трындину лично руководить следствием по всем делам и принять меры по повышению квалификации следователей (430).

Следователи в предвоенный период много занимались пересмотром сфабрикованных следственных дел. Спецификой этого времени была работа следственных бригад из центрального аппарата НКВД, проверявших работу местных органов за период 1937–1938 гг. Информация о мас-

штабах фабрикации дел у нового руководства НКВД за счёт многочисленных и довольно основательных предвоенных расследований была полноценная. Начальник УНКВД по Житомирской области Г. М. Вяткин в 1939 г. обвинялся в уничтожении более 4.000 чел. В Челябинской области в 1939 г. было проверено более 3.000 следственных дел и сделан вывод о том, что они все сфабрикованы. Но, поскольку часть лиц оказалась «осуждена верно» по данным об их контрреволюционном прошлом и «антисоветским вылазкам», вина чекистов, по мнению проверявших, заключалась в репрессировании рабочих и номенклатуры (431).

В следственном деле на С. П. Попова утверждалось, что в конце 1937 г. он необоснованно арестовал на Алтае 4.894 чел., из которых 2.064 чел. были приговорены к расстрелу. В Новосибирске комиссия из центра в начале 1941 г. постановила арестовать за репрессии руководящих работников КРО во главе с Ф. Н. Ивановым (432).

Как правило, реабилитации в 1939–1941 гг. подлежали уцелевшие лица. Если речь шла об отменённом приговоре *тройки*, то оставшиеся в живых фигуранты объявлялись невиновными, а все остальные (нередко десятки, а то и сотни человек), расстрелянные по этому делу, продолжали считаться врагами. Чекисты не горели желанием пересматривать даже явно сфабрикованные дела, их позиция в этом вопросе определённо напоминала саботаж. За первые пять месяцев 1940 г. новосибирской облпрокуратурой было опротестовано 402 дела, а 850 – отправлено на проверку в УНКВД. Но количество дел, которые чекисты якобы «не могли отыскать» в своём архиве, стремительно росло и к маю 1940 г. их было уже 815. Из 225 запросов, направленных в УНКВД в начале года, к маю 1940 г. в прокуратуре были получены лишь несколько ответов. В горотделах Томска и Кемерова (их возглавляли матёрые фальсификаторы Я. А. Пасынков и В. Г. Трындин) не были доследованы даже те дела, «где были специальные предложения прокурора СССР по заданиям ЦК ВКП(б)». За 1939–1940 гг. только из числа арестованных КРО УНКВД НСО было реабилитировано 107 чел., а начальнику СПО УНКВД по Омской области Г. Н. Саенко в 1939 г. инкриминировался незаконный арест 443 чел., освобождённых из-под стражи (433).

Поскольку методы чекистской работы оставались прежними, это порой вызывало конфликты между отдельными подразделениями карательного аппарата. С осени 1940 г. фальсификации дел во всех оперативных отделах УНКВД НСО приняли настолько массовый характер, что это вызвало протест ряда работников Следственного отдела, вынужденных разбираться с «браком», предоставляемым оперативными служ-

бами, и одновременно противостоять фальсификаторам-коллегам, которые умело превращали «брак» в законченные дела и ходили в передовиках. Начальник УНКВД Г. И. Кудрявцев на попытки партийного бюро оказать давление на особенно рьяных следователей-карьеристов отвечал, что вмешательство в оперработу – не дело партийной организации, а всецело относится к компетенции начальника управления. Тогда несколько чекистов Следотдела пожаловались в Москву. Меры по их письму были приняты. В итоге проверка из центра не ограничилась наказанием работников КРО и Следотдела; за поощрение активной фабрикации дел в апреле 1941 г. были сняты с работы начальники управлений НКГБ и НКВД Новосибирской области Г. И. Кудрявцев и Ф. М. Медведев (434).

Круговая порука фальсификаторов действовала даже перед лицом собственного руководства. Начальник Следотдела УНКВД по Читинской области И. Н. Арутюнов в феврале 1940 г. раскритиковал на партсобрании руководителей управления – П. Т. Куприна (уже переброшенного в Хабаровск) и его заместителя В. И. Гавриша – за «незаконные» аресты работников ДТО Д. М. Лаврусика и Перегудова с начальником Хилокского РО УНКВД К. И. Филиновым, обвинявшихся в нарушениях законности и к тому времени благополучно освобождённых. В отношении себя Арутюнов также отрицал участие в фабрикации дел и избияниях арестованных, хотя на него имелись многочисленные жалобы. Он признал только факт избияния арестованного из г. Рухлова Богоявленского, который на допросе сначала пригрозил чекисту: «Я на арене цирка сшибал кулаком быков, а от тебя будет мокро», а затем сильным толчком «впечатал» Арутюнова в стену. После этого на Богоявленского «силами всего отделения» были надеты наручники, и начальник УНКВД Г. С. Хорхорин приказал «“дать” ему как полагается» (435).

Наука допроса была поставлена в «органах» на высокую ступень, благодаря чему большинство арестованных подтверждали то, что требовало от них следствие. Более высокопоставленный чекист являлся обычно и более опытным следователем, он лучше понимал, каких показаний следует добиваться, чувствовал перспективу конкретного следственного дела. Наиболее ценных обвиняемых «вели» (допрашивали) видные работники аппарата ОГПУ-НКВД. Помимо очевидных соображений относительно опытности крупного начальства в следствии значительную роль играло и то, что видный чиновник госбезопасности мог давать арестованному какие-либо обещания (смягчить режим, разрешив свидание, передачу, прогулки, книги, похлопотать о снижении наказания, а то и амнистировать, сохранить жизнь), которые тот воспринимал с большим доверием, нежели имея дело с рядовым следователем.

В главе об агентурной работе говорилось о том, что следствие с помощью шантажа и насилия «компенсировало» недочёты работы оперативных работников с осведомителями. В принципе, первичной агентурной разработки уже вполне хватало для следователя: убедившись, что перед ним «контрреволюционер» (т. е. человек, допускавший критические высказывания, имеющий связи среди подозрительных лиц или иностранцев и т. д.), следователь в жёсткой форме, угрожая расправой над арестованным и его близкими, требовал признания.

Как отмечал бывший работник КРО УНКВД НСО В. Д. Качуровский, следствие в 1937 г. «представляло собой какую-то дикую самодеятельность» – следователи могли «приписать» арестованного к любой антисоветской организации (аналогично чекисты действовали и в начале 30-х годов – *А. Т.*). Он же оценивал недостоверность протоколов 1937 г. в 100 %. Все протоколы, написанные следователями, корректировались начальниками отделов, а нередко и самим начальником УНКВД (436). Так, начальник УНКВД по Алткраю С. П. Попов, по информации его секретаря, «днями и ночами сидел за корректировкой протоколов», после чего их перепечатывали и отправляли в Москву. Поповым был выработан определённый шаблон для допросов, который использовался остальными следователями (437).

Подобные шаблоны использовались и новосибирскими чекистами: в специальных схемах значились названия «организаций», их руководители, филиалы на местах, основные вербовщики; по этим схемам следователи составляли протоколы. Начальник КРО УНКВД по Алткраю И. К. Лазарев показывал, что он и его заместитель В. Г. Крючков почти всё своё время тратили на корректировку протоколов и отсылку телеграмм в Москву (438).

Чекисты считали, что арестованный сам должен дать им сведения для фабрикация обвинения, поэтому сразу требовали перечня знакомых, из которых затем подбирали лиц, которые могли быть арестованы или допрошены в качестве свидетелей. Барнаульский оперативник-особист А. В. Каншин так помогал начинавшим чекистам: «вынимал архивную старую книгу с расстрелянными белыми офицерами и указывал, кого внести в тот или иной протокол допроса в качестве завербованного» (439).

Чем длиннее был список «заговорщиков», который удавалось выбить из арестованного, тем более успешной считалась работа чекистов. Так, от заведующего сельхозотделом Запсибкрайкома ВКП(б) А. И. Колотилова был получен список на 98 «врагов» из числа номенклатуры, а от секретаря новосибирского горкома И. М. Миллера – на 51 чел. В Яку-

тии от одного из видных чиновников чекисты добились показаний на 200 чел. (440). Каждый арест видного номенклатурного деятеля вызывал цепную реакцию репрессий. Например, после ареста весной 1938 г. бывшего секретаря Запсибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе начальник УНКВД по Алтайскому краю С. П. Попов дал установку насчёт того, «нельзя ли из ареста Эйхе извлечь хорошее дело». После этого «началось избивание арестованных», в т. ч. прокурорских работников края, с целью добыть какие-нибудь сведения об их с Эйхе «вражеской работе» (441). Аналогичным образом, только в меньших масштабах, чекисты работали и в районах.

Обычным делом являлась «кооперация» начальников региональных управлений с целью подготовки крупных дел, в результате чего нередко подходящего арестованного отправляли в то УНКВД, где имелись материалы для фабрикация эффективной антисоветской организации, или же чекисты договаривались об обмене протоколами допросов. В начале 1938 г. глава УНКВД Алткрая С. П. Попов и начальник СПО УНКВД НСО К. К. Пастаногов неоднократно по телефону договаривались об ускорении ареста прокурора Новосибирской области И. И. Баркова и прокурора Алтайского края Н. Я. Позднякова и о том, чтобы при допросах каждого из них не забыть сделать «выход» на Позднякова в одном случае, и на Баркова – в другом. Так было сфабриковано дело на большую группу прокуроров. Известно, что Попов также просил новосибирцев выслать ему протоколы допросов лидера местной «сионистской группы», чтобы с их помощью вскрыть аналогичный «заговор» в Барнауле (442).

Невозможность доказать обвинение считалось провалом работы следователя и вызывало серьёзные нарекания начальства. Обвинительный уклон был присущ чекистам всегда и всемерно поощрялся руководством «органов», поэтому освобождение арестованного за недоказанностью обвинения ложилось настоящим пятном на всех причастных к делу. Человек, ускользнувший из объятий ОГПУ-НКВД, считался хитрым врагом, запутавшим следствие и готовым распространять «клевету» о чекистах и методах дознания. Поэтому арестованного обязательно пытались осудить, особенно в периоды «массовых операций». Рядовой сотрудник УНКВД по Читинской области И. М. Лысов в 1938 г. заявил арестованному: «Чем оправдать человека, легче всего создать дело на... расстрел» (443). Начальник КРО УНКВД НСО Ф. Н. Иванов говорил подчинённым, что «совершенно неправильно было бы освобождать человека из-под стражи, поскольку он просидел в тюрьме несколько месяцев и

по выходе будет распространять антисоветскую клевету на органы НКВД» (444).

О том, что освобождения арестованного следовало избегать всеми силами, говорит указание НКВД СССР в середине 30-х годов (возможно, устное), которое прямо рекомендовало чекистам фальсифицировать следственные материалы. Показательно, что появилось оно одновременно с очередной инициативой Ягоды относительно искоренения недостатков в следствии, когда нарком 15 августа 1935 г. подписал приказ «О нарушениях элементарных основ следственной работы», в котором отмечались: недостаточная проверка фактов, полученных в ходе допросов, неиспользование очных ставок, свидетельских показаний, данных экспертиз, осмотра места происшествия и других следственных действий. В приказе осуждались безграмотные протоколы, затягивание сроков ведения следствия, попытки подсунуть сомнительные дела на заочное рассмотрение Особым совещанием (445). Однако другие распоряжения верхов (негласного характера) толкали чекистов на очевидные нарушения законности.

Прокурор СССР А. Я. Вышинский на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. рассказал, как в Азово-Черноморском крае один из руководящих чекистов – П. Ф. Булах, ссылаясь на указание из центрального аппарата, пояснял подчинённым: «Если допрашиваешь обвиняемого и он говорит то, что тебе выгодно для обвинения, и добавляет то, что невыгодно для обвинения, ставь точку на том, что выгодно, а то, что невыгодно, не записывай. А если обвиняемый будет настойчиво требовать, чтобы ты внёс в протокол всё, что он показывал, то ты занеси то, что невыгодно для обвинения, на отдельный лист и объясни обвиняемому, что это будет приложено к протоколу». На деле «невыгодные показания» уничтожались.

Н. И. Ежов тут же подтвердил сказанное Вышинским, переведя проблему в плоскость низкой чекистской квалификации на местах и указав на подобный же обвинительный уклон следователей прокуратуры: «... Всё это правильно, я могу привести и более разительные факты. К сожалению, у нас в низовых аппаратах очень скверно дело обстоит. Люди сидят замечательные, но люди малограмотные. В этом не только мы грешим, но не меньше грешат и следственные органы». Тогда же Ежов признал широкую практику корректировки протоколов допросов начальниками отделов НКВД СССР, вплоть до самого наркома Ягоды, прямо назвав её преступной (446). При этом сам Ежов, демагогически осуждая вмешательство следователей в записи показаний, активно поощрял практику

корректировки протоколов, которая при нём расцвела особенно пышным цветом: как правило, в 1937–1938 гг. следователи вообще не начинали вести протокол, пока арестованный не согласится с обвинениями, либо просто требовали подписать уже подготовленный чекистами текст.

Когда на кемеровской шахте «Центральная» в сентябре 1936 г. произошёл взрыв с человеческими жертвами, замначальника УНКВД ЗСК А. И. Успенский лично продиктовал стенографистке «показания» управляющего этой шахты И. И. Носкова, где было признание в диверсии с целью пролить кровь рабочих и возбудить недовольство против советской власти. Главный инженер этой злополучной шахты в то время был на курорте, но от его имени также быстро сделали протокол с признавательными показаниями в диверсионной деятельности, который тут же отправили в Москву (447). Как отмечал молодой работник Особотдела УНКВД по Алткраю, нередко «объект ещё только намечался к аресту, а протокол допроса уже был заготовлен» (448). Тамошний начальник СПО П. Р. Перминов «авансом» отправлял в Москву телеграммы с сообщениями о якобы раскрытых организациях, по которым на самом деле ещё не было арестов, а затем, в соответствии с «окраской» этих организаций, требовал от подчинённых фабрикацию дел по ТКП, эсерам и пр. В отправке в Москву «спецсводок вымышленного характера» обвинялся и начальник СПО УНКВД НСО К. К. Пастаногов (449).

Непременным условием чекистской квалификации было умение манипулировать свидетелями, у которых угрозами вымогались нужные показания. Очень часто им не показывали записи допроса, а требовали подписать изготовленный следователем протокол. При фабрикациях крупных дел допрашивалось множество свидетелей, что создавало внешне объективную картину. Но, например, когда проверялось «Зачулымское дело», по которому летом 1930 г. было расстреляно 186 крестьян Томского округа, свыше 100 свидетелей отказались признать подлинность своих показаний (450). Часто свидетелями выступали сексоты. Начальник Ояшинского РОМ УНКВД НСО П. Л. Пилюга показывал, что в 1937–1938 гг. свидетелями были в основном сексоты, которые хорошо знали и то, какие показания следует давать, и то, что в суд их не вызовут. Председатели сельсоветов, нередко бывшие негласными сотрудниками «органов», легко выдавали справки о кулацком происхождении и вредительской деятельности арестованных (451).

Начальник Мошковского РО УНКВД НСО С. И. Мельников имел группу «штатных» свидетелей, от которых путём обмана и запугивания вымогал нужные показания; при этом документы, характеризовавшие аре-

стованных с положительной стороны, в РО уничтожались (452). А начальник Кемеровского ГО НКВД И. Я. Голубев в 1937 г. создал группу из 11 внештатных следователей и 17 подставных свидетелей, оговаривавших тех арестованных, на которых не было никаких материалов (453). Институт «штатных свидетелей» был развит с начала 30-х годов, а в 1937–1938 гг. такие «свидетели» имелись повсюду. В лагерях ими были начальники лагпунктов и командировок, старосты и дневальные из числа заключённых-бытовиков (454). Также отметим, что часто выдержки из протоколов третьих лиц, якобы давших показания на обвиняемого и ставшие основой обвинения, при реабилитационных проверках оказывались ложными.

С момента возникновения ВЧК её работники полагали, что всякий, кто попадает в их учреждение – враг государства, обязанный признаться в своей преступной деятельности. Изначально в «органах» сложилась традиция долгих ночных допросов с единственной целью – изматывать арестованных отсутствием сна. Недаром бывший начальник КРО ОГПУ А. Х. Артузов на закате своей карьеры вспоминал, что целые годы провёл «за ночными допросами» (455).

Эффективным способом добычи признаний служил обычный обман, поскольку арестованный (по крайней мере, впервые) не знал заповеди: «Не верь следователю!» и был очень далёк от мысли, что арестован с конкретной целью добиться признаний в несуществующих преступлениях. Начальник Особого отдела УНКВД по Алткраю И. Я. Шутилин учил подчинённых: «...Нужно обмануть врагов, на то мы и чекисты “ежовской разведки”» (456). Оперативник М. Ф. Филимонов говорил коллегам из Венгеровского РО УНКВД НСО, что им нужно уметь «залить арапа», т. е. обмануть арестованного, принудив его подписать написанный чекистами протокол. И те зачитывали арестованным то, что они говорили, а не то, что было сочинено и записано следователями. Так, замначальника отделения КРО УНКВД НСО А. В. Малозовский, допрашивая немцев, записывал в протоколы то, что считал нужным, а заключённым «из протокола» зачитывал вслух, что они любят советскую власть, арестованы неправильно и просят их освободить, заканчивая чтение здравицами в честь Сталина (457).

Очень часто следователи подсовывали на подпись другой, уже сфабрикованный протокол, давая прочитать только часть его, или заставляли подписать внизу листа, оставив свободное место, на котором затем дописывали признание в антисоветской деятельности. Либо под каким-либо предлогом добивались подписи на чистых листах протокола. Бывший

секретарь Моховского с/совета Парфёновского района ЗСК М. Ф. Лебедев, арестованный летом 1930 г. за участие в «повстанческой организации», после избития следователем М. А. Майоровым оказался в больнице: «И тогда я вошёл в сознание... явился в больницу уполномоченный ОГПУ Петров, который мне предложил... для того чтобы тебя освободить, нужно заполнить протокол допроса, а ты сейчас не сможешь пойти со мной на допрос к Майорову, а поэтому, чтобы не ходить, дал мне чистый бланк протокола допроса и указал, где расписаться, и я, как дурак, расписался на чистом бланке в 3-х или 4-х местах...» (458).

Другие способы обмана эксплуатировали лояльность большинства арестованных. Майору Т. И. Поспелову, командиру-военкому 65-го полка войск НКВД, новосибирские чекисты-транспортники в 1938 г. внушали: «Тебя мыслят, как военного знатока, послать на помощь революционной Испании или в Китай. По документам же надо показать, что ты находишься под арестом как враг народа». Следователь «называл какую-то международную комиссию, куда требовалось представить собственноручно написанные обвинительные документы» (459). Аналогично провоцировали арестованного директора новосибирского авиазавода №153 И. М. Данишевского и многих других. В Нарыме арестованным говорили, что их показания нужны, чтобы «утереть нос Германии», на Алтае – чтобы дать материал для разоблачительных выступлений М. М. Литвинова за рубежом. Омские следователи убеждали арестованного: «Неужели ты не можешь понять, что твоя клевета в данной политической обстановке есть классовая правда, что ты врать будешь в интересах партии» (460). Малограмотные люди, составлявшие большинство репрессированных, легко верили в подобные объяснения, воспринимая работников «органов» как начальство, которому «виднее».

Немалое число арестованных легко соглашалось на сотрудничество, находя в нём идеологическое оправдание. Директора новосибирской конфектной фабрики Хорькова за показания на несколько десятков человек демонстративно «в камере кормили обедом, ужином и завтраком из ресторана... а в камере Хорьков говорил, что нужно как можно больше записывать коммунистов в протоколы... тогда в ЦК скорее обратят внимание на арестованных коммунистов и их освободят...» В начале 1938 г. в бане Барнаульской тюрьмы на стене появилась такая надпись с инициалами секретаря горкома: «Товарищи, вербуй больше, чем больше, тем лучше – скорее узнает ЦК» (461). Такая логика была характерна для многих арестованных партийцев и всемерно поддерживалась чекистами.

Моральные пытки нередко давали более эффективный результат, чем физические. К психологическому давлению относились уговоры подпи-

сать заготовленный следователем протокол (обещания лёгкого наказания, скорого освобождения и даже наград за помощь партии в борьбе с врагами), угрозы расстрелом, часто с демонстрацией оружия, имитация расстрела с выводом в подвал. Наказывали за подобные вещи лишь тех чекистов, кто не мог хорошо скрывать свои преступления. Так, когда прокураторе стало известно, что оперативник СПО ПП ОГПУ ЗСК В. А. Парфёнов, участвовавший в фабрикация дела о терроризме на троих новосибирских студентов техникума, угрожал одному из юношей расстрелом, полпред Алексеев в сентябре 1933 г. велел его символически арестовать на трое суток с исполнением служебных обязанностей (462).

Угрозы расстрелом были очень частыми и разнообразно варьировались: «расстрелять ржавой пулей», «расстреляю гада и отвечать не буду!», «девять грамм на тебя жалко». Другие угрозы были экзотического свойства: например, сибирскому партизану И. В. Громову грозили отрубить голову старым палашом. Следователи оперчекотдела Томско-Асиновского лагеря НКВД, видимо, уставая от мата, именовали арестованных и вполне цензурными кличками: «сопляк», «провокаатор», «киевский жених», «барон Галифе» (463).

Для запугивания арестованных могли использоваться подробности исполнения приговоров: особист Омского оперсектора ОГПУ М. А. Болотов в 1933 г. говорил одному из них, как «поведут в подвал... при этом сотрудник, который меня поведёт, будет идти сзади и даст мне несколько выстрелов в затылок...». Недаром арестованные в годы террора чекисты, отлично знавшие о способах расправы, иногда теряли самообладание: бывший начальник отдела УНКВД НСО старый чекист П. Ф. Коломийц ночами часто будил своего сокамерника «и, указывая пальцем на левую сторону лба и затылок, жаловался, что он чувствует в этом месте боль, он даже чувствовал, где должна пройти пуля при расстреле» (464).

С помощью жестоких допросов в начале 1930-х гг. было успешно сфабриковано, например, дело «Трудовой крестьянской партии». Один из осуждённых по этому делу – Сережников – писал журналисту «Известий» Л. С. Сосновскому: «Мы уцелели, хотя побуждение покончить с собой было у многих и многих... Постоянное предложение о сознании со ссылкой на реплику Горького “не сдающего врага – уничтожить”, тяжёлое положение семьи и безвыходность положения, с другой стороны – посулы сразу облегчить режим, дать свидание и возбудить ходатайство о выпуске, перспектива спасти семью... привели к тому, что я попросил бумаги и написал признание» (465).

Аналогично, с упором на провокации агентуры и морально-физическим принуждением, фабриковались дела и в Сибири. На допросе в 1939 г. С. П. Попов показал о делах шестилетней давности: «... На первых порах следствия мне стало ясно, что дело о белогвардейском заговоре [1933 г.] дутое и является сплошной фальсификацией. Ежедневно утром начальник СПО Ильин собирал следователей и давал им схемы будущих показаний арестованных. Следователи по этим схемам составляли протоколы, которые потом давали подписывать арестованным» (466).

Пожалуй, самым эффективным способом шантажа была угроза расправы над близкими. Так были сломаны меньшевик Н. Н. Суханов (в Омске) и беспощадный партизан И. В. Громов (в Новосибирске)... Во многих мемуарах (467) и показаниях отмечалось, что следователи размещали по соседству с арестованным женщин, которые плакали и кричали, называя имена арестованного и его детей, голосами, похожими на голоса их жён. Это сильно действовало на заключённых. Обострение чувств, происшедшее в тюрьме, делало узников очень восприимчивыми к таким следственным приёмам. Например, сидевший в новосибирской тюрьме помощник начальника Томского ГО НКВД К. Г. Веледерский в августе 1937 г. сообщал начальнику УНКВД о том, что «узнал» доносившийся из соседней камеры голос отца, над которым издевался сокамерник (468).

Некоторые следователи проявляли исключительное понимание психологии своих жертв. Например, заместитель начальника СПО УНКВД по Омской области З. А. Пешков следующим иезуитским образом добился показаний от упорствовавшего старообрядческого епископа А. С. Журавлёва. Во время допроса следователь вышел из кабинета, где в большом ящике из-под архивных дел в углу был заранее спрятан «малогабаритный» сотрудник угрозыска, после чего тот на мгновение высунул из ящика икону и тихо сказал: «Отец Анфилофий, я вижу твои страдания, подпиши, и я тебе всё прошу». Вскоре следователь вернулся и, потрясённый явлением «чуда», Журавлёв без колебаний подписал оговор. После этого Пешков говорил подчинённым: «Вот как нужно учиться колоть!» (469).

Сам жестокий тюремный режим выступал лучшим агитатором за скорейшее признание. А физическое воздействие на арестованных фиксировалось в советской Сибири с весны 1918 г. В начале 20-х годов оно было повсеместным, о чём немало свидетельств (470–471). Обыденным явлением применение избиений и пыток к арестованным было и в конце 1920 – начале 1930-х гг. Об их распространённости по всей стране свидетельствует появление ряда документов ОГПУ. В обращении Г. Г. Ягоды

ко всем чекистам от августа 1931 г. говорилось, что, хотя подавляющая часть жалоб на методы следствия в ЦКК, Прокуратуру и лично Ягоде «представляет собой гнусную ложь наших классовых и политических врагов», несколько из них всё же были обоснованны. Зампред ОГПУ демагогически восклицал, что издевательства, «избиения и применение других физических способов воздействия являются атрибутами всей белогвардейщины», а ОГПУ «всегда с омерзением отбрасывало эти приёмы как органические чуждые». Одновременно Ягода предостерегал, чтобы чекисты «под видом критики существа дела не вносили бы элементов жалости и снисхождения к врагу» (472).

О том, что в этом циркуляре Ягоды чекисты обратили внимание только на слова о недопустимости жалости к врагу, говорит известное и более решительное письмо нового первого зампреда ОГПУ И. А. Акулова от 27 июля 1932 г. «Ко всем чекистам», в котором как недопустимые отмечались многочисленные случаи пыточного следствия в Москве и в провинции. В 1931–1932 гг. проверки показали наличие огромного числа вопиющих нарушений законности: фабрикация дел, издевательства над арестованными, допросов агентов в качестве свидетелей «без особой необходимости» (473). Дальше ситуация только усугублялась за счёт расширения репресслируемых контингентов и бесчинств огромного числа бесконтрольных работников лагерей и спецпоселений. Ещё в октябре 1929 г. во время чистки партячейки Барабинского окротдела ОГПУ прозвучали заявления сотрудников относительно нередких избиений арестованных. Так, арестованного Федякина заставили неподвижно сидеть двое суток, ночью запугивали расстрелом, и он «принял вину на себя, но судом был оправдан». Тем не менее члены ячейки ограничились просто обсуждением этих фактов, приняв к сведению заявление чекиста Л. Ф. Волобоева о том, что он, разумеется, никогда никого не избивал (474).

Помощник уполномоченного Канского окротдела ОГПУ П. Е. Самойлов в 1929 г. за избиение арестованного получил трое суток ареста. В декабре 1930 г. Рыбинский РК ВКП(б) бывшего Канского округа постановил предать суду уполномоченного райаппарата ОГПУ Рунева за избиения «бедняков, середняков и кулаков во время допросов» (475). Ответственный работник ПП ОГПУ ВСК О. М. Арит в мае 1931 г. получил строгий партвыговор за применение «недопустимых при следствии методов» во время допросов арестованных (476).

Следственные дела начала 30-х годов изобилиют фактами пыточного следствия. Вымогая в 1930 г. признания у жертв «повстанческой организации», проходившей под наименованием «Чёрные», чекисты ПП ОГПУ

ЗСК Д. Фомин, П. А. Костенко, М. А. Петрович, И. И. Лагуткин избивали крестьян Доволенского и других районов до потери сознания: сваливали на пол ударом бутылки или ребром ладони по шее, а потом били кулаками, ногами, рукоятками наганов. Член сельсовета с. Комарье Доволенского района бывший партизан Леонтий Газукин в 1958 г. показал, что его вынужденно оговорил односельчанин Д. В. Дудин, чуть ранее (явно по чекистскому заданию!) сообщивший Газукину о том, что в селе есть «организация», и угрожавший убить его, если выдаст. Чекисты не пощадили своего агента: Газукин показал, что Дудин его оклеветал, поскольку «от избиения сотрудниками ОГПУ находился в тяжёлом болезненном состоянии» (477).

В Анжеро-Судженском РГО ОГПУ в 1932 г. со стороны пяти работников «применялись недопустимые методы допроса подследственных (грубость, запрещение долгое время курить, пить, сидеть, спать и пр.)», за что приказом полпреда ОГПУ Алексева от 10 июля 1932 г. уполномоченный особого отделения М. Т. Соболев был отдан под суд, а четверо его помощников отделались административным арестом (478). Ситуация с методами следствия в Сибири принципиально не отличалась от положения в прочих регионах страны: изощённый шантаж и беспощадное физическое воздействие в течение 30-х годов сибирскими чекистами использовались не менее рьяно, чем где-либо, хотя распространённые в Москве, Ленинграде, на Украине резиновые дубинки, насколько известно, не применялись. Зато, например, в захолустном Минусинске в 1933 г. была известна пытка электротоком. Обыденным делом были многодневные голодовки, лишение воды, содержание в холодных карцерах, а также в подвалах по колено в воде, где на арестантов бросались крысы (479).

Пыточное следствие в Сибири за период 1930–1933 гг. развилось повсеместно и являлось нормой также в 1934–1936 гг., несмотря на определённое ослабление репрессий. Начальник отделения Транспортного отдела ПП ОГПУ ЗСК Г. М. Вяткин в 1934 г. наганом выбил зубы одному из арестованных. В 1936–1937 гг. зверским избиениям и многодневному стоянию без пищи и воды подвергались арестованные в Карасукском РО УНКВД ЗСК, за что его начальник А. П. Черемшанцев и оперуполномоченный И. И. Пилипенко в сентябре 1937 г. были осуждены на 5 и 3 года заключения (480). В 1937 г. постоянные избиения на допросах и перед расстрелом стали нормой для всех центральных и местных структур НКВД. Пример показывали работники центрального аппарата: сам нарком Ежов и его заместители лично избивали арестованных. Начальник

СПО УНКВД ЗСК С.П. Попов, прибыв весной или летом 1937 г. из московской командировки, дал указания бить арестованных и не отпускать их из следовательских кабинетов в камеры, пока не дадут признаний (481).

Для массового внедрения избиений заместитель Ежова, комиссар госбезопасности 2-го ранга Л.Н. Бельский специально, разъезжая по регионам, давал установки бить всех арестованных. Как показывал один из чекистов НКВД УССР, в августе 1937 г. Бельский «всем дал ясную установку на оперативном совещании работников наркомата: “шпик или участник организации, всё равно он будет расстрелян. Так, чтобы взять от него [всё] – дайте ему в морду”». Все с одобрением отнеслись к этому» (482). Прибыв осенью 1937 г. (либо в январе 1938 г.) в Новосибирск, где пыточное следствие процветало уже давно, Бельский спросил: «Арестованных бьёте? Бейте, мы бьём». Первый заместитель Ежова комкор М.П. Фриновский в августе 1937 г. в Иркутске показательно избил высокопоставленного арестованного – для примера местным чекистам (483).

Соответственно, и начальники управлений НКВД, как, например, Г.Ф. Горбач, И.А. Мальцев, С.П. Попов лично избивали арестованных. Если начальству вдруг казалось, что подчинённые мало бьют, оно проявляло беспокойство. Так, в октябре 1937 г. глава УНКВД по Алткраю С.П. Попов выговаривал своему секретарю: «Почему у нас в Управлении тишина? Что, следователи пьют чай с арестованными? ... Я не люблю тишины, а люблю, чтобы всё шумело и гремело» (484). Сотрудник Ленинск-Кузнецкого ГО УНКВД НСО А.И. Савкин показал, что арестованных держали сутками сидя и стоя без еды и сна, и что он не помнит ни одного из них, кто бы подписал признание без физического и морального воздействия, а оперативник СПО Б.И. Сойфер, находясь в тюремной больнице, днём и ночью слышал крики избиваемых (485).

Один из руководителей Челябинского УНКВД Ф.К. Луговцев, уже сам попав в тюрьму, оправдывал предпринятые им избиения арестованного, который под пытками «несколько раз якобы терял сознание», заявив: «Правильно Гусихину была применена такая мера, так как он, по моему, безусловно, является сволочью и врагом, а с ними только так и надо поступать...». Разочарованный однообразием следственных приёмов, в апреле 1938 г. на партсобрании в УГБ УНКВД НСО уполномоченный СПО П.К. Чупин пожаловался: «Нас, молодых, не учат, как надо допрашивать. Мы работаем так – давай, сознавайся, и всё» (486).

Пытка бессоницей была одной из самых эффективных; быстродействующим средством для большинства являлись так называемые «выстойки» (они же «стойки»). В Барнауле и Омске широко практиковалась

так называемая «высидка» – сажание копчиком на край стула, что заканчивалось сильнейшей болью и падением на пол. Несложно было и оставить зимой легко одетого заключённого на улице или в помещении с открытыми окнами. В районных отделах НКВД часто практиковалось содержание тепло одетого арестанта у раскалённой печи, ослепление электрической лампой (487).

Из поступивших в партколлегию КПК по Новосибирской области в 1938 г. заявлений арестованных коммунистов известно, что чекисты Нарымского окротдела, помимо избиений, держали своих жертв «без питания по несколько суток у раскалённой печи, в одежде, стоя на ногах или сидя на табуретке, [с] угрозами ареста членов семей» и убеждений вроде: «Подписывайте, это нужно партии и правительству в интересах страны». В Маслянинском районе одного из арестованных держали голодом на ногах 10 дней: «стал я без сознания, ничего не помню, что делал» (488). Чтобы добиться от 2-го секретаря Алткрайкома ВКП(б) И.П. Сипченко «генеральных показаний» о право-троцкистском заговоре в руководстве края, его довели до состояния, как отмечали сами чекисты, «самого жуткого»: он был в «состоянии галлюцинации, с опухшими, как колодки, ногами» (489).

О каких-то специфически сибирских видах пыточного воздействия говорить трудно: известно, что применяли и дыбу, и посадку копчиком на край стула или ножку табуретки, стояние с поднятыми вверх руками или с какой-либо тяжестью в них, разнообразные порки, оттаптывание каблуками пальцев ног... Чаше всего использовалась многочасовая (при необходимости – многодневная) выстойка, причём человека привязывали к несгораемому шкафу, чтобы он не падал, ибо главным нужным эффектом при долгом стоянии было мучительное распухание ног. Выстойка в сочетании с непрерывным многочасовым или многодневным голодным допросом с минимальными перерывами на сон именовалась «конвейером». Затем шли разнообразные избиения (490). Изодрённые пытки, требовавшие грамотных специалистов и продолжительного времени, применялись к отдельным заключённым, чьи показания были особенно необходимы.

Например, арестованный осенью 1937 г. начальник СПО УНКВД по Омской области Я.П. Нелиппа указывал на два десятка применявшихся к нему разновидностей физического воздействия. Так, «умертвление и воскрешение» состояло в том, что жертву лишали сознания сильнейшими ударами по голове, в область сердца и позвоночника, а потом «воскрешали» искусственным дыханием и даже вливанием камфары. Также

Нелиппу замораживали в мокрой рубашке, пороли различными предметами и даже окуривали ядовитыми веществами. Пытавший его начальник отделения КРО Г. Л. Ракита вспоминал, как начальник УНКВД К. Н. Валухин «заявил, что допрашивать арестованных надо “по-настоящему”, избивать до тех пор, пока они не сознаются... Я принял это приказание Валухина, как важное партийное дело, и в тот же вечер... сильно избил Нелиппу. [...] Я его бил от всей души, т. к. был ориентирован, что он один из крупных врагов...» (491).

Пытаясь сломать какого-либо важного для себя узника, следователи, даже нерядовые, вроде начальника 1-го отделения СПО УНКВД по Омской области Г. Я. Витковского и др., занимались тем, что часами, до хрипоты, кричали в уши: «Признавайся!» (часто через бумажный рупор), или, подобно начальнику СПО УНКВД НСО К. К. Пастаногову, его помощникам М. И. Длужинскому и И. В. Большакову (всего участвовало семь следователей), также целыми часами устраивали «карусель» вокруг арестованного, посаженного на табурет, крича нецензурщину и неустанно требуя признания: «...Мы тебя заставим писать, нас больше, видишь, мученик, контрик!..». Другого арестанта могли заставить пять дней сидеть на табурете с подложенными острыми металлическими предметами, резавшими тело (492). Упорствовавших заключённых ждали мучения, нередко заканчивавшиеся гибелью (493).

Местные тюрьмы были ничуть не мягче центральных, о чём наглядно говорят многочисленные случаи смертности тех же чекистов. В результате исключительно жестокого следствия в Алтайском крае в 1937–1939 гг. были замучены до смерти краевой прокурор Т. Т. Блекис, начальник барнаульской гормилиции Н. Г. Чечулин, несколько чекистов районного звена – К. Г. Кестер, С. А. Касаткин, И. П. Чаповский. В новосибирской тюрьме в 1938 г. умер начальник Барзасского РО НКВД С. М. Вакуров. В Читинской тюрьме в мае 1939 г. погиб от избиений своим преемником Д. С. Фельдманом бывший замначальника СПО УНКВД А. М. Белоногов, впрочем, характеризовавшийся арестованными как «самый страшный садист» (494). Бурятский особист Д.-Ц. Ц. Чимытов умер в Иркутской тюрьме в марте 1939 г. Начальник финотдела УНКВД по Иркутской области Л. С. Туник и ещё один чекист, Н. И. Студенов, арестованные в 1938 г., умерли в тюремной больнице Иркутска в мае–июне 1939 г. (495).

В отношении следователей, забивавших своих жертв до смерти, существовал избирательный подход. Замначальника Следчасти УНКВД по Алткраю Т. К. Салтымакова за фабрикацию дел и убийство двух арестованных,

в т. ч. прокурора Блекиса, расстреляли. А когда в 1939 г. сотрудник ДТО НКВД железной дороги им. Молотова (Забайкальской) Н. Н. Безвесельный был арестован за фальсификации дел и убийство двух подследственных, его дело несколько месяцев спустя оказалось прекращено военной прокуратурой (496).

Если возиться с упорным арестантом было некогда, в ход шли прямые фабрикация документов. В сентябре 1937 г. в Новосибирске арестовали зав. библиотекой института марксизма-ленинизма И. В. Третьякову. Впоследствии выяснилось, что её подписи под признательными протоколами оказались подделаны. Так же оказались подделаны покаянные заявления руководству УНКВД начальника строительства новосибирского авиазавода № 153 И. Н. Бернштейна, выполненные за него работниками КРО Ф. Н. Ивановым и И. П. Деевым (497). Криминалистическая экспертиза, проведённая в 1988 г., доказала и подделку подписей погибшего в тюрьме томского профессора Л. А. Вишневого, обнаруженных в протоколах его допроса и очной ставки (498).

Практика подделывания подписей была настолько распространена, что сами чекистские начальники были вынуждены порой осаживать самых очевидных фальсификаторов. Так, в октябре 1937 г. был арестован и затем осуждён на 7 лет заключения начальник 1-го отделения Особого отдела ГУГБ НКВД СибВО Б. М. Резниченко, подделавший десятки документов (499). Замначальника 9-го отдела УНКВД НСО Е. Н. Смирнов в 1938 г., направляя дела в Особое совещание, приказывал сотрудникам подделывать документы, фабрикуя вымышленные запросы, постановления о розыске и пр. (500).

В районах подделки подписей обвиняемых под протоколами также были обыденным явлением и периодически разоблачались. Осенью 1937 г. командированный в г. Мариинск оперработник Сталинского ГО УНКВД ЗСК И. Е. Громов для «ускорения» работы подделал подписи арестованных, за что в октябре 1938 г. был осуждён на 3 года ИТЛ. Его коллега, помощник оперуполномоченного Мариинского РО НКВД И. П. Шахов, весной 1938 г. был арестован и осуждён на 5 лет за «связь с контрреволюционными элементами» (сообщил трём гражданам об имеющихся на них материалах) и фабрикации подписей в делах обвиняемых Воронина и Левашова (501). Уполномоченный ОДТО НКВД ст. Омск Н. Г. Сметанин в сентябре 1937 г. составил фиктивный протокол допроса Струтинского и подделал его подпись, за что не позднее января 1939 г. был осуждён на 5 лет ИТЛ. Начальник особотдела ГУГБ НКВД 15-й кавдивизии ЗаБВО А. П. Боборыкин в 1940 г. в Чите получил партвыговор за извра-

шение следствия и учинение подложной подписи на протоколе допроса (502). Но, скорее всего, прокурорскими работниками была обнаружена только часть фактов фальсификаций подписей арестованных.

Иные чекисты не без успеха перекладывали свои следовательские обязанности на самих арестованных, заставляя их допрашивать и избивать друг друга. Исполнявший обязанности начальника ОДТО НКВД ст. Зима Иркутской области С.И. Павловский в мае 1939 г. был уволен из НКВД за то, что пытал арестованных и заставлял их допрашивать друг друга (503).

В конце 1938 г. во многих тюрьмах наступило затишье: допросов стало меньше, избияния стали реже. Ошеломление, испытанное чекистами после постановления ЦК и СНК от 17 ноября 1938 г., привело к недолгому ослаблению привычной следственной работы. Партийные органы стали исключать из партии и арестовывать чекистов за «несвойственные», «античекистские» методы следствия. Однако пауза в применении «допроса третьей степени» была минимальной, да и она наблюдалась не везде. Сталин счёл нужным своевременно заступиться за самый, с его точки зрения, эффективный способ допроса упорного арестованного.

Показательно, как Сталин оценил в знаменитой телеграмме от 10 января 1939 г., посвящённой разъяснению необходимости пыток, тот факт, что многими чекистскими начальниками метод физического воздействия был «изгажен» путём превращения «из исключения в правило»: эти перегибы ничуть не опорочивают сам метод, если «он правильно применяется на практике». Прекрасно зная о массовых пытках, Сталин заявил, что они, будучи разрешены ЦК в 1937 г., «намного ускорили дело разоблачения врагов народа» и только «впоследствии» оказались скомпрометированы разоблачёнными весной–осенью 1938 г. Л.М. Заковским, М.И. Литвиным и А.И. Успенским. После разоблачения этих «мерзавцев» пытки снова становились разрешёнными с прежней ничего не значащей оговоркой – как якобы исключение. Целью телеграммы было защитить основной оперсостав управлений НКВД, поголовно участвовавший в пыточном следствии, и дать понять партийному руководству, что у «органов» было и остаётся право пытать тех арестованных, кто «нагло отказывается выдать заговорщиков, месяцами не давая показаний» и продолжая «борьбу с Советской властью также и в тюрьме» (504). Соответственно, применение пыток, освящённое санкцией Сталина, оставалось привычным методом следовательского воздействия до 50-х годов.

После этой телеграммы Сталина фраза «бил и буду бить» стала для чекистов привычной в общении с прокурорами и судьями. Например,

9 февраля 1939 г. замначальника СПО УНКВД по Читинской области Д.С. Фельдман избил на допросе арестованного. Поскольку избитый попал в больницу, делу дали ход. Прокурор области допросил пострадавшего в присутствии Фельдмана. Чекист не отрицал факта избияния и заявил, «что он бил и будет бить». Вскоре Фельдман был переведён из Читинской области с повышением. Начальник Особого отдела НКВД Черноморского флота Лебедев в ответ на вопрос прокурора флота по поводу избияния арестованных заявил: «Бил и бить буду. Я имею на сей счет директиву т. Берия». Начальник КРО УНКВД НСО Ф.Н. Иванов в 1940 г., давая свидетельские показания на процессе по делу работников Мошковского РО НКВД, обвинявшихся в нарушениях законности, заявил, что «лично бил морды обвиняемым раньше и бьёт он им и сейчас» (505).

Арестованный продолжал оставаться совершенно беспомощным перед следователем и после директивы от 17 ноября 1938 г. В 1939 г. заключённых избивали и в Барнауле, и в Горном Алтае, и в Новосибирске, и в Чите. В январе 1939 г. оперработник 9-го отдела УНКВД по Алтайскому краю Н.Л. Баев вымогал признания выстойкой, а начальник этого отдела С.Я. Труш избил арестованного до потери сознания. По словам помощника начальника УНКВД по Алткраю Г.Л. Биримбаума, в 1939 г. избияниям подвергалось 80 % арестованных (506).

Часть чекистов, включая руководителей Следчасти УНКВД по Алткраю И.Я. Юркина и Т.К. Салтымакова, поплатились за пыточные излишества, совершённые в 1939 г. Салтымаков признал, что избивал в 1939 г. «по схемам и по санкции руководства», но к Биримбауму «применял физические меры по своей инициативе». Оперативник Турочакского (Ойротия) РО УНКВД по Алтайскому краю В.И. Кузютин в декабре 1939 г. был исключён из партии и уволен из НКВД за незаконные аресты и избияния арестованных после постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. (507). Следователь Читинского УНКВД И.М. Пациора среди своих коллег числился «доктором мордобойных наук» и весной 1939 г. садистски избивал арестованных. Врид начальника 4-го отделения Особого отдела ГУГБ НКВД СибВО К.П. Алпатов после ноября 1938 г. «продолжал вести следствие старыми вражескими методами», за что в 1939 г. был уволен из НКВД (508).

Для 1940–1941 гг. методы физического воздействия также являлись самым привычным делом. В октябре 1940 г. Новосибирским обкомом ВКП(б) были рассмотрены предоставленные управлением НКВД дела начальника отделения Следотдела УНКВД В.П. Бурцева и начальника

Каргатского РО НКВД М.П. Семернева по обвинению в издевательствах над коммунистами, а также оперуполномоченных Зыряновского РО НКВД С.М. Жарова (члена обкома ВЛКСМ) и А.Д. Паукаева по обвинениям в избииении арестованных во время допросов, которые Жаров проводил в нетрезвом состоянии, и присвоении имущества арестованных. В итоге по рекомендации «органов» Бурцев и Семернев в партийном порядке были оправданы (509). В июне 1941 г. по доносам сослуживцев были взяты под стражу руководители переселенческого отдела при Новосибирском облисполкоме С.П. Пулькин, П.И. Васехо и П.Н. Ребров. В суде Васехо говорил, что его 25 июня 1941 г. «следователь Негреев ударил большим ремнём по спине... [замначальника КРО УНКГБ] Чайченко ударил под сердце, отчего я упал» (510).

Чекисты в предвоенный период предпринимали явно незаконные следственные акции, прямо заявляя о необходимости терроризирования «врагов». В июле 1940 г. Томскому горкому пришлось вмешаться в незаконные аресты, предпринятые горотделом НКВД. Перед пасхой чекисты арестовали около 20 активных верующих с целью «терроризирования церковников», активно занимавшихся нелегальным изготовлением свечей, крестильных крестиков, венчиков и другой православной атрибутики. Арестованных от 5 до 13 дней держали в здании горотдела и допрашивали как свидетелей, но с одной целью – добиться необходимых признаний и по ним подвергнуть уголовному преследованию. В итоге козлом отпущения был назначен старший следователь Н.М. Сергеев, уверявший горком, что «врагов» никак нельзя было отпускать (ему вынесли строгий выговор и перевели в Нарым), а дававший приказы арестовывать свидетелей начальник ГО Я.А. Пасынков сохранил должность (511).

Следственная работа до конца 1938 г. была главной частью деятельности практически всех чекистов, компенсируя недостатки агентурной подготовки того или иного дела. В условиях «массовых операций» 1929–1933 и 1937–1938 гг., проходивших в основном без серьёзного агентурного обеспечения, только жестокое следствие, основанное на шантаже и физическом насилии, могло обеспечить признание арестованного в несуществующих преступлениях. Специфика следственной работы того времени накладывала вполне определённый отпечаток на всех чекистов, превращая их в мастеров выбивания нужных показаний. Поэтому выделение следовательской специализации в конце 30-х годов хотя, с формальной точки зрения, и повысило качество следствия, но не смягчило его варварских методов.

ТЮРЕМНОЕ ДЕЛО, ТЮРЕМНЫЙ ПЕРСОНАЛ И «ОБСЛУЖИВАНИЕ»

В карательной практике тюрьмы занимали своё особое место. Тюрьма в репрессивной системе – отнюдь не только место изоляции, но и важнейшая следственная подпорка. Тюремный режим должен был максимально способствовать признанию арестованного. В тюрьмах работали оперативные части с несколькими оперуполномоченными, которые следили за заключёнными, предупреждая побеги и «разрабатывая» тех из них, кто допускал враждебные власти высказывания или мог признаться агенту в какой-либо преступной деятельности, неизвестной следствию. В тюрьме же зачастую исполнялся и приговор, причём в расстрелах участвовали тюремные работники всех специализаций и уровня – от начальника тюрьмы до рядового надзирателя.

Таким образом, тюрьмы были не только местами постоянного сосредоточения огромных масс заключённых – следственных, осуждённых, этапников. В тюрьмах не только допрашивали, расстреливали, тайно убивали. В них прежде всего ломали людей по специально отработанной методике, используя особо обученные кадры – как самих тюремщиков, так и заключённых-провокаторов. Однако изучение советской тюрьмы пока делает лишь первые шаги (512).

С 1920-х годов ОГПУ располагало многочисленными, но относительно небольшими внутренними тюрьмами в зданиях полпредств ОГПУ, а также системой специзоляторов для политзаключённых. Домзаки и колонии находились в ведении Наркомата юстиции, имевшего в регионах управления ИТУ. В июле 1934 г. вновь организованному Тюремному отделу АХУ НКВД были переданы все бывшие политизоляторы ОГПУ, а для остальных мест заключения создавалась другая структура. В октябре 1934 г. все колонии (колонии массовых работ, трудовые коммуны несовершеннолетних) и тюрьмы (изоляторы и близкие к ним по режиму дома заключения) были переданы из НКЮ в НКВД с образованием Отдела мест заключения. Это отражало рост полномочий и авторитета «органов», концентрировавших у себя все элементы карательной системы. В Сибири ИТУ были переданы в УНКВД ЗСК к январю 1935 г. (513). Отдел, объединявший места заключения, именовался в УНКВД ЗСК Управлением исправительно-трудовых лагерей и колоний, трудовых поселений и мест заключения (УИТЛиК, ТП и МЗ). В конце 1936 г. был организован Тюремный отдел НКВД СССР с отделениями в местных УНКВД.

В конце 30-х годов в областях и краях Сибири и Урала насчитывалось примерно по 6–7 тюрем и ряд так называемых тюремных камер в окружных и городских отделах НКВД. Самый жёсткий режим имели так называемые особые тюрьмы ГУГБ, в Сибири к ним относились Мариинская и Тобольская. Широкий размах репрессий подразумевал многочисленность тюремного населения. Всего в тюрьмах СССР на 1 октября 1935 г. за органами ГУГБ числилось 24.275 арестованных, в т. ч. 19.592 – в общих следственных тюрьмах, и 4.323 – во внутренних. На январь 1939 г. во всех тюрьмах находилось 352,5 тыс. заключённых. Из них 239 тыс. находились под следствием, 139 тыс. числилось за ГУГБ, осуждённых к тюремному заключению было 9.142 чел. На январь 1940 г. в тюрьмах находилось 186,3 тыс. чел., из них за ГУГБ – 41,7 тыс. Коллебания карательной политики обуславливали резкие скачки в численности заключённых – на январь 1941 г. в тюрьмах находилось 470,7 тыс. чел., в т. ч. 61 тыс. числилась за ГУГБ. На июль 1939 г. тюремный персонал примерно 620 тюремных помещений СССР составлял 43 тыс. чел. (514).

Статистика заключённых в Сибири известна весьма отрывочно. На январь 1930 г. по Сибкраю насчитывалось 23 тыс., на 1 апреля 1930 г. – 25.121 арестованный, в т. ч. осуждённых – 8.671, подследственных – 14.131 и пересыльных – 2.319 (515). Число арестованных быстро росло. На 1 декабря 1930 г. в системе мест заключения Западно-Сибирского края находилось 3.939 осуждённых, 5.468 подследственных, 2.886 пересыльных и 16.277 отбывающих принудительную работу на предприятиях отдела мест заключения. Помимо этих 28.570 чел., находилось в ссылке (не считая «раскулаченных») ещё порядка 16 тыс. – в основном, уголовников. На осень 1932 г. около 25 % заключённых являлись рецидивистами, основная часть которых была сосредоточена в закрытых колониях Томска и Омска. Многим из них удавалось бежать. Из прошедших по всем ИТУ ЗСК за 1932 г. 89.996 чел. бежало 8.508, или 9 % (516).

Отметим, что организация разветвлённой системы мест заключения в Сибири, начавшаяся в конце 1929 г., сопровождалась полной неразберихой, продолжавшейся несколько лет. В ноябре 1930 г. выяснились многочисленные факты содержания ссыльных в домзаках, задержек заключённых после окончания срока, а также был выявлен факт отправки 400 чел., подлежащих ссылке в Туруханский край, в колонию. Проверка осенью 1932 г. выявила всё то же: незаконное задержание в местах заключения после отбытия срока, а также помещение в домзак тех, кто был приговорён только к высылке (517).

Катастрофические последствия имела безответственная ликвидация в октябре 1930 г. домзаков в Славгороде, Рубцовске, Щегловске (Кемерове) и Камне. Вскоре были закрыты домзаки в Томске, Таре, Каинске. В Томске домзак был передан угольному институту, в Кемерове – милиции и суду, в Таре и Камне – милиции (и в Камне здание пустовало), в Каинске – горкомхозу под квартиры железнодорожников. Это при том, что на июнь 1933 г. в ЗСК имелось всего 9 домзаков с полезной площадью менее 5 тыс. кв. метров, где теснились 4.735 заключённых (площадь закрытых домзаков превышала 10 тыс. кв. метров). Вопрос об открытии ликвидированных домзаков в апреле 1932 г. возбуждался перед ЗСКИК, но разрешения не получил. Сеть мест заключения расширялась в последующие годы: так, осенью 1934 г. изолятор был организован в Кемерове (518).

В ноябре 1933 г. начальник краевой милиции ЗСК И.Г. Домарев общал, что в Сталинске из-за отсутствия мест заключения осуждённые лица живут на частных квартирах, и ставил вопрос об организации домзака и тюремных бараков. О положении в тот же период заключённых в Томске управляющий местной ИТК несовершеннолетних К.Р. Берковский вспоминал: «Тут царил такая неразбериха, что позволяла всем желающим заключённым жить в частных квартирах в городе и деревне, выписывать себе жён и детей... кое-кто даже покупал жильё или строил его. Многие из них, как и администрация лагпункта Сиблага, сами не знали, кто они – заключённые, трудпоселенцы или спецпереселенцы», поскольку там вместе отбывали наказание как беспризорники (6 тыс.), трудспецпереселенцы (700 чел.) и ссыльные (до 60 чел.), так и осуждённые к лагерям (2 тыс.). В январе 1935 г. Ягода отмечал, что принятые от НКЮ тюрьмы напоминают «богоугодные заведения», где отсутствуют режим, порядок и дисциплина, велики побег, а личный состав «засорён преступным и разложившимся элементом». Эпизоды, связанные с проживанием отдельных осуждённых вне тюремно-лагерных стен, фиксировались в ЗСК и в 1936 г. (519).

В мае 1936 г. по указанию Запсибкрайкома ВКП(б) прокуратура проверила работу местных органов НКВД, а также разгрузила места заключения. При лимите в 3,5 тыс. арестованных в тюрьмах к 1 июня осталось 2.934 чел., причём при лимите подследственных в 1.950 чел. налицо оставалось 1.845 чел. На 1 июня 1936 г., после разгрузки тюрем и районных арестных помещений, в тюрьмах и ИТК края насчитывалось 8.399 заключённых. Но эти цифры держались недолго. Зная о подготовке масштабного карательного удара, заместитель Ежова М.Д. Берман 21 и

23 июня 1937 г. потребовал от начальников УНКВД быстро очистить тюрьмы от осуждённых и отправить их в лагерь (520). Освободившиеся места должны были вскоре занять бесчисленные новые враги народа.

Организовывая террор, начальник УНКВД ЗСК С.Н. Миронов в телеграмме Ежову от 8 июля 1937 г. сообщал, что он подготовил 10 новых тюремных помещений, рассчитанных на 9 тыс. чел., что охранять и конвоировать заключённых будут, помимо милиции, небольшие группы комсомольцев, а в местах концентрации арестованных размещены гарнизоны войск НКВД (521). За вторую половину 1937 г. в Запсибкрае было арестовано 55 тыс. чел., и одновременно в тюрьмах находилось, вероятно, не менее 20–25 тыс. одних только политзаключённых.

В 1937 г. в Новосибирске было три тюрьмы: внутренняя; пересыльная тюрьма №2, расположенная за городом, рядом с авиазаводом им. Чакалова; и самая большая – следственно-пересыльная тюрьма №1, располагавшаяся на ул. 1905 года. Под новые тюрьмы приспособляли самые разнообразные помещения. Барак в конце ул. Кирова за р. Каменкой – бывший инкубатор – стал в 1937 г. временной тюрьмой, получившей название «птичник». О режиме, который существовал в «птичнике», наглядно свидетельствует такой факт: одного радиста, сошедшего с ума на допросах, там специально для устрашения держали в камере, куда было вбито 250 чел., пока несчастный не бросился в принесённую бочку с горячей баландой, обварился и умер (522).

В ходе «Большого террора» чекисты создавали тюремные «филиалы» повсеместно. В г. Рубцовске Алткрая в бывшей казарме оборудовали тюремный барак на 400–450 чел. В марте 1938 г. руководство УНКВД по Челябинской области организовало на территории одной из ИТК специальный барак, в котором содержалось более 400 подследственных. В этом тюремном филиале производилась «обработка» арестованных руками самих заключённых. Староста Далиев, бывший тяжелоатлет и борец, вместе с активом из специально отобранных заключённых изощённо издевался над арестованными, не желавшими давать показания. Как отмечали чекисты, Далиев «раскалывал» очень успешно – обычно упорствовавшие выдерживали не более двух суток режима в этом спецбаре, после чего соглашались подписать любой протокол (523–525).

Политика «раскулачивания» резко увеличила тюремное население. Уже в начале 1930 г. власти Сибири понимали, что угроза эпидемий – реальность. И эпидемии не преминули разразиться, когда массовые аресты и фабрикация сотен «заговоров» резко увеличили численность заключённых. К ноябрю 1930 г. в домзаках ЗСК на одно место приходи-

лось четверо арестованных. Тогда же на представительном совещании Л.М. Заковский предлагал судить начальника КУИТУ И.С. Корзилова за беспорядок и голод в местах заключения: «Люди раздирают живых кошек, не дают уносить покойников...» (526). В конце 1931 г. в ряде домзаков вспыхнула эпидемия тифа, из-за чего приём и передвижение заключённых были прекращены до 10 января 1932 г. В результате часть уголовного элемента избежала заключения под стражу (527).

В июне 1932 г. по указанию ВЦИК была осуществлена кампания по разгрузке мест заключения в городах Сибири и Казахстана, но в крае по её итогам освободили всего 3 тыс. чел. К маю 1933 г. в тюремных помещениях СССР, рассчитанных на 200 тыс. мест, находилось более 800 тыс. чел. К июню 1933 г. (без Сиблага и открытых колоний ИТУ) в Западной Сибири насчитывалось до 50 тыс. заключённых, что означало примерно четырёх-пятикратную перегрузку (528). На октябрь 1933 г., уже после очередной директивы о разгрузке тюрем, в барабинском домзаке сидело уже не 700, а 434 чел. – при лимите в 150 чел. В марте 1934 г. тюремные лимиты в ЗСК были превышены на 1.186 чел., в ВСК – на 417 чел. (529).

В начале 30-х годов тиф и голод буквально бушевали в местах заключения. За 1932 г. только в тюрьмах и колониях края от голода и болезни погибли 2.519 чел. Особенно высокая смертность наблюдалась в Томске, где в январе–мае 1932 г. умерло 930 арестантов (для сравнения: за январь–апрель 1932 г. во всех ИТУ края умерло 992 чел. из 84.019 прошедших, или 1,18 %). Главными причинами заболеваемости и смертности являлись истощение, болезни желудочно-кишечного тракта, тифы и туберкулёз лёгких (530). Реальной борьбы с болезнями не было: так, начальник новосибирской ИТК при исправтруддome П.И. Редько в апреле 1932 г. получил партвыговор за антисанитарное состояние колонии и отсутствие санобработки заключённых во время эпидемии брюшного тифа. Только священников в новосибирской тюрьме в начале 30-х годов умерло несколько человек; показательно, что их трупы в тот период выдавали для церковного погребения (531).

Летом–осенью 1932 г. с прекращением эпидемии сыпного тифа и появлением в рационе овощей смертность снизилась (532). Но голодный 1933 г. вновь сопровождался эпидемией тифа в местах заключения и колоссальной смертностью, когда в Сиблаге умерло 15,9 % состава (7,7 тыс. чел.), в Бамлаге – 12,5 % (4,8 тыс. чел.), в Вишерлаге – рекордные 34,4 % (5,9 тыс.) – при 15,2 % умерших для всего ГУЛАГа (533). В октябре 1933 г. состояние домзаков проверяла комиссия ЗСКИК, от-

метившая, что начальник КУИТУ П. А. Трофимов перевёл заключённых новосибирского домзака в новое здание, где не было отопления, водоснабжения, канализации, остекления, ограждения и охраны. На 500 мест там содержалось 1.974 чел. Начальник этого домзака С. А. Карлаков тогда же был снят и отдан под суд за организацию охраны силами заключённых, пропуск внутрь посторонних, содержание вместе мужчин и женщин, игнорирование бытового и медицинского обслуживания, допущение пожара и т. д. Карлаков получил 3 года условно (534).

Руководители КУИТУ ЗСК И. С. Корзилов и А. Е. Емец в 1933 г. были осуждены, но не за допущение массовой смертности заключённых. Корзилов в июле 1933 г. оказался исключён из партии за засорение аппарата классово-чуждым элементом, результатом чего стали убытки по КУИТУ в 780 тыс. руб., «искривление классовой линии в области трудовой и воспитательной политики заключённых», и отдан под суд, но в заседании ВТ СибВО был оправдан, поскольку все обвинения (кроме пьянства) не подтвердились, прибыль же по КУИТУ в 1932–1933 гг. составила 6 млн руб. Емец как «перерожденец, сросшийся с классово-чуждым элементом», был отдан под трибунал вместе с Корзиловым за развал работы и искривление классовой линии (535).

Однако те тюремные начальники, кто был отдан под суд за высокую смертность, тоже отделались лёгкими наказаниями. Начальник Томского ИТУ Л. М. Буда в октябре 1933 г. ВТ СибВО был осуждён на 7 лет концлагеря за допущение массовых побегов заключённых, высокую их смертность и невыполнение производственных планов, но наказания не отбывал, так как вскоре приговор был смягчен и заменён на условный (536). Его преемник И. И. Тельминов в январе 1934 г. был осуждён за бесхозяйственность на 3 года ИТЛ, затем срок заключения был снижен до 1 года. Впоследствии Тельминова перевели на должность начальника Гурьевского ИТУ УНКВД по Казахской АССР (537).

В отдалённых районах Сибири обыденностью было не только фактическое истребление голодом и болезнями, но и сознательные расправы над заключёнными. Проведённая в 1932 г. проверка вскрыла грубейшие нарушения законности в системе КУИТУ, которая, несмотря на принадлежность гражданскому ведомству, отличалась теми же порядками, что и места заключения ОГПУ. Особенно были отмечены преступления администрации Колпашевского ИТУ во главе с Алфёровым, отданной в мае 1932 г. под суд за самочинные расстрелы заключённых и создание «нечеловеческих условий»: оставление без еды на шесть суток, содержание вместе мужчин и женщин, здоровых и венерических больных и т. п.

При этом районные власти потворствовали преступлениям работников ИТУ (538).

Замначальника КУИТУ ЗСК Емец, проверявший в мае 1932 г. колпашевских подчинённых, отметил, что в ИТУ, где содержались в основном лишенцы, «кулаки», середняки, молодёжь, «попавшая за пустяки», творилось «безобразия, превосходящее всякое нормальное воображение» и «адские условия нарочито созданы для физического истребления людей», получавших в день по 300 граммов полусырого хлеба и пивших гнилую воду из болота, из-за чего за короткое время погибло более 100 чел. Комиссия установила, что в декабре 1931 г. леспромхоз прекратил снабжение больных и раздетых заключённых, работавших на лесозаготовках, из-за чего из 300 чел. в тайге умерли и пропали без вести 270. По словам Емца, «бежавших из ссылки местное население, руководимое представителями власти... расстреливает, топит в реках, заживо закапывает в могилу целыми пачками...» (539).

После 1933 г. ситуация стала нормализовываться, но лишь относительно. Смертность в местах заключения значительно сократилась, однако режим остался прежний. Весьма характерно выглядит факт партийного взыскания, наложенного в 1934 г. на замначальника тюрьмы в Ойрот-Туре ЗСК С. А. Семёнова (Саженова) «за плохое состояние кладбища тюрьмы» (540), на котором, вероятно, валялись незахороненные трупы. Начальник Кузнецкого изолятора В. П. Денисов и замполит П. А. Хохрин в декабре 1934 г. Сталинским ГК ВКП(б) были сняты с работы за «безобразное состояние работы изолятора, допущение хищений и пьянства со стороны лишённых свободы, а также обслуживающего персонала». Комиссия партконтроля при ЦК ВКП(б) в январе 1936 г. постановила обратить внимание Прокуратуры и НКВД СССР на «исключительные безобразия, творящиеся в Минусинской тюрьме» (541).

В марте 1936 г. замначальника УИТЛиК, ТП и МЗ УНКВД ЗСК Н. А. Гротов сообщал в крайисполком о январской проверке Старокузнецкой тюрьмы (г. Сталинск), колоний массовых работ в Прокопьевске (2.778 чел.) и Сталинске (2.093 чел.). Везде были выявлены голодный паёк, грубость охраны и избияния заключённых, перебои с водой, антисанитария, нехватка спальных мест, одежды и обуви, содержание малолетних со взрослыми. За 1935 г. Сталинская ИТК перевела в УИТЛК УНКВД 2,27 млн руб. чистой прибыли, а получила на закупку одежды 56 тыс. и с огромными переборами снабжалась средствами на продовольствие. В январе 1936 г. в колонии за врачебной помощью обращалось до 250 чел. в день, т. е. каждый 8–9 заключённый. В Старокузнецкой тюрьме

кормили мороженой капустой и водой, а деньги, имевшиеся у заключённых, отбирали. По итогам проверки питание «несколько улучшилось», а помощник начальника тюрьмы, который пьянствовал и принуждал женщин к сожительству, был отдан под суд (542).

Привычные для 30-х годов условия содержания тем не менее меркли перед режимом 1937–1938 гг., когда люди месяцами содержались в камерах, набитых так, что там можно было только стоять, поскольку в одну большую камеру, рассчитанную на 30–40 заключённых, втискивали 200–300 чел., а в Красноярске в 1938 г. в одной из камер находилось свыше 500 арестованных. С точки зрения чекистов-руководителей, жестокий режим в тюрьме был необходимостью, поскольку помогал добывать признания. Когда начальник барнаульской тюрьмы С.М. Стычковский осенью 1937 г. заявил начальнику УНКВД С.П. Попову, что в ней содержится до полутора тысяч заключённых, которых нечем кормить и налицо угроза эпидемии, тот обвинил Стычковского в либерализме, заявив, что арестованных «нужно не садить, а втискивать коленкой» (543).

В результате в отдельных тюрьмах смертность в эпоху «Большого террора» была сопоставимой со смертностью в период голодно-тифозного мора 1932–1933 гг. За 1938 г. в тюрьме Улан-Удэ умерло 428 чел., из которых 387 числились за НКВД БМАССР (544). К сожалению, это единственный известный нам случай обнародования подобной тюремной статистики. Согласно явно неполным данным, в тюрьмах Красноярского края только политзаключённых умерло в 1937 г. – 24 чел., в 1938 г. – 127 чел., в 1939 г. – 121 чел., в 1940 г. – 24 чел. Из зафиксированных картотекой красноярского «Мемориала» 212 арестованных в 1937–1938 гг. представителей северных народностей (якутов, эвенков, долган), совершенно непривычных к тюремной баланде, умерло во время следствия 49 чел., или 23 %. Согласно Книге памяти жертв репрессий Омской области, там в 1937–1939 гг. умерло в тюрьмах 85 чел. (545).

В новосибирской тюрьме, как отмечал официальный источник, «в результате так называемого “конвейерного” допроса и ужасных тюремных условий умерло в тюремной больнице в 1938 г. арестованных 28 чел. и четверо выбросились в окно во время следствия». Массовая смертность узников от голода зимой 1937–1938 гг. наблюдалась в Барабинской тюрьме УНКВД НСО, где их не хоронили, а закапывали в снег (546). В небольшой Славгородской тюрьме УНКВД по Алткраю в 1938 г. умерли 34 политзаключённых (28 чел. – с апреля по сентябрь), в 1939 г. – 10 (547).

За 1940 г. в советских тюрьмах погибло 3.277 чел., или 0,11 % в месяц. Учитывая, что в 1939 г. среднемесячный коэффициент смертности

равнялся 0,25 %, а тюремное население было почти вдвое больше, то в тюрьмах за этот год погибло в 4–5 раз больше людей, чем в 1940 г. Основной причиной смертности в 1939–1940 гг. являлись туберкулёз и желудочно-кишечные инфекции. Экономия на содержании узников была сознательной политикой, ибо нужные финансовые возможности у карательной системы имелись: за 1937 г. у заключённых конфисковали 26,4 млн руб., а потратили на содержание заключённых и ссыльных – 27,2 млн. Для того чтобы максимально затруднить получение волей информации о тюремных порядках, циркуляр ГУГБ НКВД от 21 января 1938 г. запрещал администрации тюрем разрешать свидания и передачи заключённым, выдавать справки о нахождении заключённого в данной тюрьме, вступать в переговоры и переписку с родственниками осуждённых (548).

Окончание «Большого террора» принесло арестованным лишь временное улучшение условий содержания. После указа от 26 июня 1940 г. барнаульская тюрьма вновь была переполнена осуждёнными за прогулы так, что в 20-местных камерах держали по 100 и более чел., отчего многие люди умирали от удушья (549). В апреле 1941 г. Сталинский ГОМ УНКВД НСО отказался заключать под стражу осуждённых нарсудами, поскольку тюрьма находилась на карантине из-за эпидемии, а все камеры предварительного заключения были переполнены. В связи с этим на свободе оказалось 159 чел (550). С началом войны тюремное население вновь существенно увеличилось, что привело к значительному росту смертности от истощения (551).

Вместе с населением тюрем росло и количество «обслуживающего персонала». В начале 30-х годов в аппарате полпредства ОГПУ ЗСК появилось немало сверхштатных вахтёров, надзирателей и помощников комендантов, что отражало напряжённую обстановку с пополнением тюремных кадров. Что касается КУИТУ ЗСК, то там на 1 октября 1932 г. имелось 8 домзаков и 17 колоний с 22 тыс. заключённых. Персонал этих учреждений насчитывал 922 вольнонаёмных сотрудника, в т. ч. 138 коммунистов и комсомольцев, а 7 – из ссыльных (552).

Очередной скачок численности тюремных работников произошёл в самом конце 1936 г., когда, например, для работы в новосибирской тюрьме надзирателями из числа фельдъегерей было мобилизовано 15 чел. Тюремный персонал был достаточно внушительным: служба внутренней тюрьмы УНКВД НСО в начале 1941 г. насчитывала 38 только членов и кандидатов партии. Барабинская тюрьма, располагавшаяся в г. Куйбышеве НСО, являлась одним из основных «предприятий» небольшого

города: в начале 1940-х гг. там служило 100 чел., в том числе 20 коммунистов (553).

Для 20-х годов характерны чрезвычайно частые наказания тюремных начальников и сотрудников за взятки, отпуск заключённых домой, допущение побегов, внесудебные расправы, а также за пьянство и принуждение к сожительству арестанток (554). В 30-е годы принципиально ничего не изменилось. Аппарат мест заключения всё так же составляли случайные люди, тюремных помещений не хватало, а снабжение арестантов было совершенно неудовлетворительным. Маленькое жалование не позволяло привлекать в охрану подходящие кадры, в силу чего тюрьмы и колонии обслуживали лица, видевшие в заключённых объект издевательств и наживы.

Тюремное руководство очень часто наказывалось за целый «букет» нарушений с непременным пунктом – «издевательство над заключёнными». Начальник Щегловского (Кемеровского) домзака Ф.А. Брокер, бывший видный советский работник, в 1930 г. оказался уволен из ОГПУ за систематическое пьянство с заключёнными, избиения и издеательства над арестантами, «понуждение заключённых женщин к половому сожительству». Оправдываясь, он заявлял: «Адская работа у нас, я просил, чтобы меня полечили... [от алкоголизма – А. Т.] я потрёпан, дайте подлечиться» (555).

Среди персонала процветали воровство и нарушения законности. В 1932 г. коменданты ИТУ в Омске и Искитиме – Башмаков и Солоницын – были осуждены за принуждение женщин к сожительству, начальник барабинских лесозаготовок получил два года за избиение заключённых и растрату продуктов, предназначенных для них. Начальник Каргатского отделения ИТК Федянин с надзирателем Снегирёвым избивали заключённых, несколько сотрудников барнаульского домзака систематически похищали вещи арестованных, а старший надзиратель домзака в Ачинске Галактионов был отдан под суд за избиение женщины. Тогда же за развал работы предали суду помначальника Омского ИТУ Травина. При содействии ОГПУ и прокуратуры осенью 1932 г. была проведена аттестация, по результатам которой уволили 123 сотрудника ИТУ (556).

Чистки тюремных работников, как и прочих чекистов, шли без перерыва. Начальник барнаульского домзака С.С. Никитин за злоупотребление служебным положением в 1933 г. был осуждён на 2 года условно (557). Начальник минусинского домзака Г.Я. Горбачёв в 1935 г. был под следствием и исключался из партии за «злоупотребление служеб-

ным положением и бытовое разложение». Замначальника тюрьмы в Кемерове Н.С. Коленский в мае 1937 г. «при выпивке с приятелем на квартире утерял оружие», за что был снят с должности (558).

Но, несмотря на ведомственный и партийный контроль, тюремная система устойчиво воспроизводила самые непривлекательные свои черты, а среди её работников огромный процент всё время составляли в полном смысле отбросы общества. Лица, изгнанные с военной и советской службы за пьянство и различные проступки, были важным источником пополнения тюремных кадров. Попадали в эту систему и проштрафившиеся чекисты. Так, осуждённый за участие в бессудном расстреле видный чекист К.С. Жуков в 1935–1936 гг. работал замначальника отдела охраны УИТЛиК, ТП и МЗ УНКВД ЗСК, а в 1938 г. возглавлял ОМЗ УНКВД по Алткраю (559). Командир войск ОГПУ-НКВД А.А. Мануйлов в 1933–1934 гг. получил первый выговор за пьянство и грубость, а второй – за оскорбление помощника командира дивизии им. Дзержинского в Москве. Убранный из столицы, он в 1936–1937 гг. руководил Тюремным отделом УНКВД ЗСК (560).

Непременным фоном деятельности тюремных работников являлось принуждение к сожительству арестованных женщин (пожалуй, наряду с пьянством, самое распространённое обвинение), избиения заключённых и содержание в нечеловеческих условиях, воровство вещей арестантов. Начальник Каменского изолятора А.Ф. Строев в 1935 г. получил год ИТР за издевательство над заключёнными, невыполнение плана и самоснабжение (561). Сотрудник Минусинской тюрьмы М.И. Исаев осенью 1935 г. был исключён из партии и затем осуждён на год принудработ за «использование в половом отношении заключённых-женщин и как разложившийся». Замначальника Старокузнецкой тюрьмы Ф.И. Черненко в 1936 г. был арестован за то, что пил, «насиленно принуждал заключённых-женщин к сожительству... проявлял грубое издевательство над заключёнными» (562). За допущение издевательств над заключёнными и «морально-бытовое разложение» персонала, за что нескольких надзирателей отдали под суд, начальник Барабинской тюрьмы Н.И. Даньков в марте 1937 г. получил строгий партвыговор, а его помощник И.П. Шульга был арестован (проявлял крайнюю грубость, «не давал в камеры параш») и осуждён на 3 года ИТЛ (563).

Постоянными были избиения арестантов, в т. ч. подростков. Начальник Нерчинской тюрьмы УНКВД ВСК И.В. Каверзин, ранее исключавшийся из ВКП(б) за пьянство и драку, в апреле 1936 г. был изгнан из партии за избиение в нетрезвом виде подростка-заключённого и участ-

кового милиционера (564). Начальника Ойротской облтюрьмы НКВД Г.Е. Флягина в марте 1941 г. сняли за «нарушение революционной законности и развал работы». Дежурный помначальника тюрьмы Тюменского ГО НКВД А.С. Черепанов в мае 1941 г. избил несовершеннолетних заключённых и получил 3 года заключения (565).

Недозволенные контакты тюремного персонала с заключёнными наказывались. В марте 1930 г. неграмотный надзиратель томского изолятора К.С. Каморицын был исключён из партии за то, что передавал с воли записки арестованному в 1929 г. видному троцкисту Л.С. Сосновскому (566). Начальник Алданской тюрьмы НКВД ЯАССР В.Ф. Фирсов в октябре 1937 г. был исключён из ВКП(б) за выдачу положительной характеристики заключённому, использование служебного положения и развал дисциплины. Помначальника Бодайбинской тюрьмы УНКВД по Иркутской области Н.Т. Смолина в феврале 1938 г. исключили из партии за связь с заключёнными, пьянство и развал работы (567).

Не менее жёстко преследовались связи с жёнами арестованных. Заведующий передачей Кемеровской тюрьмы Н.Е. Кушнаренко и надзиратель А.И. Степанов в марте 1938 г. были исключены из ВКП(б) в связи с арестом за ряд проступков: «содействовали в передаче нелегальных писем, имели связь с заключёнными врагами народа, с жёнами этих врагов устраивали на квартирах попойки... устраивали дебош и пьянки на глазах у населения...» (568). Бывшему замначальника Красноярской тюрьмы Д.А. Вараксину после отбытия заключения по ст. 58 УК в 1940 г. было отказано в восстановлении в партии за систематическое пьянство и связь с жёнами заключённых (569).

Работники тюрьмы нередко связывались с преступным миром. В.А. Васильев, работавший политорганизатором Омского изолятора и начальником адмчасти Омской сельхозИТК, в конце 1935 г. был исключён из ВКП(б) за содействие за взятку побегу троих заключённых и отделался годом исправительных работ. Помощник начальника тюрьмы НКВД БМАССР в Улан-Удэ Д.В. Стрельцов в ноябре 1935 г. был исключён из партии и уволен из НКВД за систематическое пьянство и связь с уголовным элементом (570). Выпускник пограншколы и помощник начальника Барабинской тюрьмы К.Ф. Ноздринов летом 1937 г. был исключён из партии и арестован за связь с дочерью «шпиона» и продажу браунинга бандиту. В начале 1937 г. в Барнаульском ГО НКВД отмечалось, что почти все тюремные начальники имеют судимости (571).

Среди тюремных работников процветало мародёрство. Старший надзиратель внутренней тюрьмы УГБ УНКВД по Омской области Е.К. Но-

восёлов в 1937 г. похищал и присваивал обувь, одежду и деньги арестованных, за что в 1940 г. был осуждён на 2 года ИТЛ (572). Однако случалось, что сам нарком Ежов лично приказывал освобождать тюремных работников, замешанных в непотребных деяниях. Когда надзиратель тюрьмы УГБ УНКВД по Омской области Я.Д. Цуканов в январе 1938 г. был исключён из кандидатов в члены партии за присвоение денег и вещей заключённых и арестован, распоряжением Ежова его освободили «в связи с большой оперативной работой, проделанной Цукановым» (вероятно, участием в расстрелах), и восстановили на работе, а полтора месяца спустя вернули кандидатскую карточку (573).

Часть тюремных начальников наказывалась за политические преступления. Начальник омского домзака Н.С. Сигачёв в мае 1934 г. был исключён из ВКП(б) за утерю классовый бдительности, засорение аппарата чуждым элементом, самоснабжение и пьянство. Начальника Читинской тюрьмы НКВД И.П. Китицина обвинили в сочувственном отношении к родственникам арестованных, которым он советовал уезжать, чтобы не стать жертвами чекистов, в январе 1938 г. арестовали и осудили на 5 лет ИТЛ за «злоупотребления служебным положением и халатность» (574). Работник тюрьмы №1 УНКВД НСО К.М. Кошкин, четыре раза привлекавшийся к партийной ответственности за «бытовое разложение», в июне 1940 г. был исключён из ВКП(б) за пьянство и выражение «в общественном месте» недовольства организацией торговли хлебом (575).

Частые побеги заключённых приводили к серьёзным наказаниям тюремных работников. Начальник Незаметнинской тюрьмы в Алданском РО УНКВД по ЯАССР С.Р. Жилинский в ноябре 1936 г. получил условный срок за то, что при розыске бежавшего заключённого была поднята беспорядочная стрельба, в результате чего погиб освобождённый из тюрьмы человек. Дежурный помощник начальника Якутской тюрьмы И.Ф. Ковалёв в мае 1938 г. был арестован и осуждён на 2 года ИТЛ за допущение побега двух заключённых (576). Надзиратель Омской тюрьмы М.И. Иконников получил 2 года за то, что в ноябре 1936 г. оставил незапертыми ворота дежурного помещения тюрьмы, в результате чего бежали 12 заключённых. Начальник Колпашевской тюрьмы К.И. Мосолов в 1940 г. пострадал за допущение побегов – первый раз он был арестован в адмпорядке, а за повторное упущение арестованных отдан под суд (577).

Основная часть тюремных работников, как в центре, так и на местах, представляла собой малограмотных бывших военнотружеников, полу-

чивших некоторый опыт административной работы. Однако начальниками крупных тюрем порой становились опытные чекисты-оперативники. Например, П. П. Клобуков, сотрудник ЧК-НКВД с 1921 г., после пребывания в аппаратах СПО Омского оперсектора и ПП ОГПУ ЗСК, с 1938 г. работал начальником Барнаульской тюрьмы №1 УНКВД по Алткраю и за принуждение подчинённых сотрудниц к сожительству получил строгий партвыговор, а в 1940 г. был уволен из НКВД. Старый чекист А. Г. Сектарев в 1937–1947 гг. возглавлял Мариинскую тюрьму НКВД-МВД (578).

После завершения террора изгнанные с оперработы чекисты нередко находили приют в тюремно-лагерной системе. Обычный чекист среднего звена А. П. Сполохов начинал свою службу, получив орден Красного Знамени за участие в гражданской войне. Он работал председателем сельсовета и инструктором райкома партии, с 1929 г. был комендантом Каменского окрсауда Сибкрая, затем нарсудьей. С 1931 г. служил в ОГПУ – уполномоченный, начальник Берёзовского РО УНКВД по Омской области; вёл следствие, участвовал в расстрелах. В 1940 г. получил выговор за «извращённые методы следствия» и оказался переведён на работу начальником Тобольской тюрьмы НКВД (579). Арестовавший сотни жителей Чистоозёрного района НСО начальник РО НКВД М. Ф. Матросов в 1939 г. был назначен начальником Барабинской тюрьмы (580).

В свою очередь, происходило выдвижение на оперработу и тюремных сотрудников: начальник омского домзака А. А. Свицерский в 1933 г. расстреливал осуждённых, а в 1940 г. работал старшим оперуполномоченным СПО УНКВД по Омской области. Замначальника по оперчасти омской общей тюрьмы №1 И. С. Андрианов весной 1941 г. был выдвинут на должность начальника Одесского РО УНКВД по Омской области (581). Замначальника томской тюрьмы и комендант Томского ГО НКВД в 1938 г. Н. К. Козлов, участник казней, позднее был назначен помощником оперуполномоченного горотдела (582).

В системе мест заключения попадались любопытные фигуры с «историческим именем»: начальником Осинового лагеря и Томского распрепункта Сиблага был бывший чекист и военный комиссар Урала В. В. Яковлев (Стоянович-Мячин), перевозивший царскую семью из Тобольска в Екатеринбург (583), а в 1934 г. политруком Омского изолятора по протекции Н. В. Крыленко стал сын легендарного провокатора Р. В. Малиновского. Руководители прокуратуры Алтайского края рассказывали, что Крыленко до революции скрывался на квартире Малиновского и впоследствии считал долгом опеку над его сыном (584).

Особой прослойкой «тюремных чекистов» являлись комендантские работники, отвечавшие за расстрелы осуждённых – коменданты и дежурные коменданты (т. е. помощники комендантов). Об их работе будет рассказано в конце главы. Здесь же мы оценим некоторые специфические черты этой чекистской разновидности (585). Коменданты работали в комендатурах (их не следует путать с комендатурами – территориальными подразделениями, управлявшими крестьянской и национальной ссылкой) при полпредствах ОГПУ и управлениях НКВД, Особых и Дорожно-транспортных отделах, а также оперсекторах и горотделах ОГПУ-НКВД. Коменданты, в зависимости от количества приговорённых, либо расстреливали лично, либо, наряду с начальниками тюрем, возглавляли расстрельные команды. Коменданты ПП-УНКВД обычно являлись доверенными лицами полпредов ОГПУ и начальников УНКВД, входя в их окружение и очень часто передвигаясь за ними на новые места службы.

Часто коменданты чередовали свою деятельность с работой в фельдсвязи, откуда в немалой степени черпались комендантские кадры. Фельдъегерь Нарымского окротдела НКВД И. П. Короткевич в 1939 г. был назначен комендантом окротдела. Напротив, дежурный комендант Томского окротдела ОГПУ М. М. Кукин к 1932 г. был понижен до фельдъегеря Томского оперсектора (586). Помощник коменданта ПП ОГПУ ЗСК И. В. Малюков, расстрелявший в начале 30-х многие десятки осуждённых, в 1934 г. руководил пунктом связи Чарышского РО Барнаульского оперсектора ОГПУ. Дежурный комендант УНКВД ЗСК Т. И. Шатайло весной 1937 г. был отправлен фельдъегерем в отдалённый райотдел НКВД (587).

А. М. Матроз работал шофёром в Томске, затем стал комендантом, с 1934 г. руководил фельдсвязью Томского оперсектора НКВД, а в 1937–1938 г. работал комендантом АХО УНКВД НСО. Комендант ДТО ОГПУ Омской железной дороги И. Д. Шестаков потом работал в Отделе связи УНКВД НСО, а с 1939 г. был комендантом УНКВД по Омской области (588). Комендант Омского губотдела ОГПУ Г. И. Мигучкин позднее работал начальником фельдотделения и снова комендантом Омского окротдела ОГПУ, а на 1932 г. опять находился в штате Отдела связи ПП ОГПУ ЗСК (589). Приходили на комендантскую работу и оперативные работники: С. И. Корнильев с уполномоченного Особотдела ОГПУ Забайкальской группы войск в Чите был в 1935 г. выдвинут на должность коменданта УНКВД ВСК, а в 1938 г. работал начальником внутренней тюрьмы УНКВД НСО (590).

Характерно, что исполнители приговоров были в числе кандидатов на повышение квалификации и выдвижение на агентурно-следственную работу. Дежурный комендант УНКВД по Омской области П. Д. Волосников с 1935 г. учился в новосибирской МКШ ГУГБ НКВД, а затем был оперработником в Омской области (591). Дежкомендант УНКВД ЗСК Н. Д. Лапшин, бывший фельдъегерь, расстреливавший и крестьян, и уголовников, в 1936 г. был направлен на учёбу в новосибирскую МКШ, после чего подвизался оперработником КРО на Алтае и в Кузбассе (592).

Однако основная часть исполнителей переводилась на агентурно-оперативную работу без специального повышения квалификации. Дежкомендант ПП ОГПУ по Сибири Л. И. Ушаков в 30-х годах перешёл в систему особых отделов, получив награды за ликвидацию «повстанческих организаций» и «выкачку валюты». А. И. Миронов с коменданта в 1934 г. был выдвинут на должность уполномоченного Ямало-Ненецкого окротдела ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области (593). Служивший в Томском дивизионе войск ОГПУ М. В. Орлов был принят фельдъегерем в Томский оперсектор ОГПУ, затем выдвигался дежурным комендантом, сотрудником УСО, уполномоченным ДТО НКВД. Рядовой РККА Н. Л. Потапчук с 1931 г. работал в Томске: дежурный комендант, сотрудник СПО Томского оперсектора ОГПУ, в середине 30-х – комендант Томского ГО НКВД (594). Молодой рабочий И. Р. Коркин поступает в Томский оперсектор НКВД сначала шофёром, с 1936 г. работает комендантом, с конца 1937 г. – в СПО Томского горотдела, а к 1941 г. дослуживается до начальника ЭКО Нарымского окротдела НКВД (595). Дежурный комендант и помкоменданта ПП ВЧК-ОГПУ по Сибири П. М. Хренов в 1933–1934 гг. работал помощником начальника Отдела связи ПП ОГПУ ЗСК, а перед войной – начальником АХО УНКВД по Красноярскому краю (596).

Моральные прегрешения были основными причинами наказаний и увольнений комендантов. Дежурный комендант Омского оперсектора ОГПУ Е. Б. Дубинкер в 1933 г. был исключён из ВКП(б) за продажу оружия беспартийному, незаконные передачи арестованным, халатность. Его коллега М. Н. Зайцев летом 1934 г. был исключён из партии за пьянство с проститутками, но сохранил на некоторое время должность. Комендант Алданского оперсектора НКВД ЯАССР М. И. Вахненко в 1938–1939 гг. присваивал вещи арестованных, за что был исключён из партии (597).

Часть комендантов была изгнана в связи с неподобающим политическим прошлым. Комендант Ойротского облотдела НКВД П. В. Тузовский

в 1934 и 1935 гг. исключался из ВКП(б) за службу в Белой армии и присвоение партстажа, после чего был назначен директором совхоза НКВД. Комендант Ямало-Ненецкого окротдела УНКВД по Омской области М. В. Иванов в феврале 1936 г. был исключён из партии и уволен из «органов» за сокрытие добровольной службы у белых (598).

Однако всё же комендантами дорожили. Наборщик в типографии Томского окротдела-оперсектора ОГПУ С. Т. Денисов в 1934–1935 гг. работал комендантом Томского оперсектора НКВД, исправно участвуя в расстрелах. За пьянство и дебоширство он понижался до фельдъегеря, но в 1938 г. обнаруживается в должности коменданта Томского ГО НКВД и снова расстреливает (599).

Если случаи привлечения к суду комендантов сибирских управлений НКВД нам неизвестны, то их коллеги в транспортных и особых отделах иногда оказывались под судом или в розыске. Помощник коменданта ДТО НКВД железной дороги им. Молотова в Чите А. М. Барыбин в январе 1939 г. был исключён из партии «за развал работы комендатуры... растрату... 1.395 руб.» и как сбежавший от уголовной ответственности. Комендант Особотдела ГУГБ НКВД ЗабВО Н. М. Киселёв в декабре 1939 г. был (по неизвестным нам обвинениям) осуждён на 5 лет заключения (600).

Похоже, большинство комендантов выдерживало на такой работе только несколько лет или даже месяцев (601), но попадались лица, имевшие продолжительный стаж расстрельной практики. Кучер Барнаульского окротдела ОГПУ И. Г. Сергованцев сначала был выдвинут вахтёром (надзирателем), а с 1932 г. в течение всего десятилетия работал комендантом ОГПУ-НКВД в Омске и Барнауле. С 1920-х до 1940-х гг. на ответственных должностях в комендатуре ПП ОГПУ Сибкрая – УНКВД НСО работал Я. Г. Коновалов, в те же годы с ним там же трудился и К. В. Сидоровский (602).

Работа комендантов считалась очень ответственной и постоянно поощрялась денежными премиями, ведомственными наградами и официальным уважением. Дежурный комендант ПП ОГПУ ЗСК И. И. Сердюков в 1932–1933 гг. избирался на городскую партконференцию и являлся членом президиума райКК (603). Многие бывшие коменданты становились видными партийно-советскими работниками; наиболее характерный случай – карьера бывшего коменданта Крымской ЧК И. Д. Папанина, дважды Героя Социалистического Труда. В декабре 1937 г. многочисленные комендантские работники сибирских (и не только) УНКВД были награждены орденами – вместе с руководящими работниками и отличившимися следователями (604).

«Работа» с арестованным фактически начиналась с первых минут его пребывания в тюрьме. Человек обычно был шокирован грубым обращением, циничным личным обыском, атмосферой камеры, особенно в 1937–1938 гг., когда они повсеместно были так переполнены, что в них можно было только стоять. На допрос часто брали сразу, пока арестованный ещё не пришёл в себя после ареста и обыска. Как отмечал один из ведущих барнаульских «колольщиков» Т.К. Салтымаков (коллеги его именовали «зверем» и «дядей-мухомором»), «лучший успех допроса, когда арестованный берётся в ежовые рукавицы, не понюхав ещё тюрьмы и не обдумав всего происшедшего с ним» (605).

Но часто арестованного специально долго выдерживали в камере, чтобы он понял – под влиянием уже сломленных сокамерников – что у него нет иного выхода, кроме как подписать протокол, написанный следователем. Многие арестованные, услышав доносившуюся отовсюду отвратительную ругань следователей и крики избиваемых жертв, соглашались подписать «признание» немедленно. Для сопротивлявшихся тюремная «обработка» продолжалась столько, сколько было нужным, нередко многими месяцами и годами.

В зависимости от условий (важности дела, наличия свободного места и, прежде всего, дефицита времени у следователей) сопротивлявшегося заключённого помещали в одиночную камеру и долго держали в ней, не вызывая на допросы и рассчитывая, что сидение в каменном мешке рано или поздно сломит волю. Либо допросы могли быть непрерывными и проводимыми в ночное время, что крайне изматывало арестованного. Характерно, что специфический термин «мотать» у чекистов обозначал именно систему жёстких допросов.

Как показывал в 1939 г. особист К.П. Алпатов, в практике УНКВД НСО в 1937–1938 гг. обычным являлось нахождение арестованных в кабинетах управления в течение нескольких суток подряд. Таким образом, следовательские кабинеты УНКВД становились пыточным тюремным застенком. Следователь мог отправить арестованного в тюрьму только с разрешения начальника отдела, а тот давал его лишь в том случае, если обвиняемый подписывал признание в предъявленном обвинении. Аналогично поступали и чекисты Алтайского края, не давая допрашиваемым в своих кабинетах ни пищи, ни воды (606). Важных арестованных немедленно подвергали непрерывному допросу, ломая большинство из них в первые же дни и недели.

Основная часть арестованных допрашивалась в так называемом особом корпусе новосибирской тюрьмы № 1, где чекистам выделили второй

этаж. Там в камерах оборудовали кабинеты на двух-трёх следователей. Всего чекистов в 1937–1938 гг. в этом особом корпусе работало свыше сотни, в основном прикомандированных из периферийных органов НКВД (607). В Алтайском крае в общей тюрьме также были оборудованы изолированные помещения для допросов политзаключённых. Из-за огромного количества арестованных следователям мест не хватало, так что начальник отделения ГУГБ НКВД СибВО К.П. Алпатов в декабре 1938 г. жаловался на отсутствие условий для допросов в особом корпусе и тюрьме: «приходится ждать очереди, чтобы получить комнату» (608).

В тюрьмах организовывались специальные камеры, где практиковались особенно изощрённые издевательства над упорствовавшими заключёнными. Согласно показаниям И.Г. Бисярина, в Бийской тюрьме по приказу начальника оперсектора Г.Л. Биримбаума для получения признаний была выделена особая «камера обработки арестованных», которой ведал бывший начальник Смоленского РО НКВД старый чекист В.П. Картушин (вскоре арестованный). Как вспоминали чекисты, после недолгого пребывания в этой камере все арестованные признавались (609).

Начальник барнаульской тюрьмы №1 П.П. Клобуков и начальник внутренней тюрьмы УНКВД по Алткраю К.И. Леонов в 1937–1939 гг. оборудовали специальные карцеры и камеры-холодильники, предназначенные для строптивых заключённых (610). В других регионах тоже морозили заключённых: о камерах-холодильниках вспоминали новосибирские и омские чекисты, а в декабре 1938 г. по вине начальника ОИТК УНКВД по Читинской области В.К. Казаченко в камере погиб от холода заключённый Якименко (611). В январе 1939 г. Клобуков по приказу нового начальника УНКВД З.В. Николаева оборудовал в тюрьме специальный изолированный кабинет, который посещали видные работники управления И.Я. Юркин, Т.К. Салтымаков, А.Д. Черных и др., жестоко, до потери сознания избивавшие арестованных и запрещавшие вызывать к избитым врача (612).

В 1938–1939 гг. из внутренней тюрьмы УНКВД в тюрьму №1 неоднократно доставляли полуживых секретных узников, которых поднимали на ноги в больнице и снова отправляли в тюрьму. Выживали не все: в декабре 1937 г. умер краевой прокурор Блекис, а в апреле 1938 г. из внутренней тюрьмы в распоряжение Клобукова был доставлен «заключённый № 1» с повреждениями головы и позвоночника, по мнению Клобукова, «кажется... японец, изъятый из-за кордона». Узник провёл в больнице полтора месяца и умер. В феврале 1939 г. там же скончались заключён-

ные А.Ф. Кондратов и Г.А. Столяренко. Арестованного И.М. Гшеновского чекисты не успели довести из внутренней тюрьмы в больницу, забив по дороге. Вскрытие трупов делать запрещалось, и тюремные врачи сочиняли протоколы о естественных причинах смерти (613). В 1938 г., когда из новосибирской тюрьмы забирали осуждённых к расстрелу, там стояла «особая тишина, которая усугубляла и без того тревожное состояние арестованных» (614).

Естественная солидарность узников была одним из серьёзных препятствий для успешной чекистской работы, нередко разрушавшейся теми заключёнными, которые объясняли новичкам тюремные правила, разоблачали методы чекистской работы и обман следователей. Чекисты «заливали арапа», арестанты верили им на допросах, но потом приходили в себя и часто отказывались от показаний. Работник Особого отдела ГУГБ НКВД СибВО В.Я. Чуйко в июне 1937 г. жаловался на то, что в камерах не создана «надлежащая обстановка» для арестованных, в результате чего «там их разлагают... над арестованными работаешь сутками, но как только он попал в камеру, всю работу нужно начинать сначала» (615).

О том, как «работали над арестованными» непосредственно в управлениях НКВД, красноречиво говорит заявление 21 августа 1937 г. замначальника отдела кадров УНКВД ЗСК Г.И. Орлова: «...Позорный факт это то, что у следователей, работающих со шпионами, эти шпионы выбрасываются из окон. Это говорит за потерю бдительности чекистами-коммунистами» (616). Впрочем, Политбюро ЦК ещё 7 марта 1937 г. по представлению А.Я. Вышинского приняло решение «указать НКВД на продолжающиеся случаи самоубийства заключённых в следственных тюрьмах» (617). Но НКВД здесь оказался бессилён.

Самоубийства (а особенно попытки) во время допросов и содержания в камерах были массовым явлением. Арестованный осенью 1937 г. начальник УНКВД по Приморской области Я.С. Визель отравился сулемой, которую заранее спрятал в куске мыла. Другие арестованные резали себе вены припасенными бритвенными лезвиями, осколками стекла и пр., вешались, во время пути от камеры в кабинет следователя бросались в лестничные пролёты, разбивали головы о стены и радиаторы водяного отопления (618). Такая распространённая форма протеста против издевательств, как выбрасывание из окна, очень беспокоила чекистов, поскольку нередко становилась известной населению (619–620). В Омске выбросился с третьего этажа здания УНКВД заведующий облоно М.И. Агеев (выжил). В октябре 1937 г. при исключении из партии

начальника ДТО УНКВД по Иркутской области И.Г. Рыбчинского ему инкриминировали, помимо прочего, и «упущение государственного преступника»: важный арестант – начальник политотдела Восточно-Сибирской железной дороги Весны – выбросился во время допроса в окно и разбился насмерть (621–622).

Чекисты отреагировали на вал самоубийств по-своему. Появившийся 4 октября 1937 г. специальный циркуляр ГУГБ НКВД об ужесточении надзора за арестованными в следственных тюрьмах констатировал: «Некоторые работники ГУГБ забывают, что враг не прекращает своей борьбы и после ареста, прибегая нередко, в целях скрывания своей преступной деятельности, к самоубийству... Имевшие место случаи самоудушения и самоповешения арестованных [...] и особенно выбрасывание из окон во время допроса – результат отсутствия элементарных предупредительных мер со стороны многих НКВД-УНКВД». Циркуляром устанавливались более строгие правила проведения обысков, очки и пенсне отбирались и выдавались арестованным только по требованию следователя, запрещалось иметь собственные (с воли) лекарства, пролеты лестниц затягивались сетками и т. д. (623).

Но и после этого циркуляра часто фиксировались аналогичные случаи самоубийств во время допросов: в апреле 1938 г. с четвёртого этажа здания УНКВД выбросился новосибирский облпрокурор И.И. Барков; в Барнауле старший помощник крайпрокурора В.Н. Минин в марте 1939 г. бросился в лестничный пролёт, но выжил. В том же Барнауле выведенный на улицу арестант бросился под грузовик и погиб. В конце 1939 г. повесился в камере бывший начальник СПО УНКВД по Омской области Г.Н. Саенко (624).

Существовали и другие способы морального давления на подсудимых. Самый простой заключался в смягчении режима: перед судом истощённых заключённых, давших показания, подкармливали. С теми, кто упорствовал, активно «работали» следователи, уговаривая дать суду необходимые признания. Такой обработкой в Барнауле руководил помощник начальника УНКВД П.Р. Перминов. Новосибирские особисты Н.Х. Мелехин, Ф.В. Воистинов и др. запугивали отказавшихся от показаний во время судебного процесса: «Всё равно тебя расстреляют как собаку, поэтому пиши сейчас в показании, что ты обманул пролетарский суд!» (625).

Другие способы были изощрённее: например, по приказу начальника УНКВД НСО И.А. Мальцева перед заседаниями военной коллегии в июне–июле и октябре–ноябре 1938 г. чекисты писали на стенах камер

фамилии известных людей с информацией о том, что они осуждены на разные сроки – от 3 до 15 лет (например, секретарь Новосибирского горкома ВКП(б) И. М. Миллер якобы получил 15 лет), хотя на деле все эти лица были расстреляны. Также было сострепано письмо, в котором арестованный сообщал, что он отказался на суде от показаний и был приговорён к расстрелу. Это письмо «забыли» в камере, в которую затем под разными предложениями ненадолго помещали арестованных, которые широко распространяли содержание фальшивки среди заключённых. В этом же ключе обрабатывали арестантов внутрикамерные агенты-provокаторы (626).

Важной задачей следствия было обеспечение изоляции узников от внешнего мира и друг друга, чего тюремный режим был не в состоянии обеспечить. О хорошо отлаженной системе поступления тюремных новостей говорит высокая информированность заключённых. Сидевший в Бутырской тюрьме писатель Р. В. Иванов-Разумник, например, знал об аресте Л. М. Заковского и С. Ф. Реденса как шпионов (627). Лежавший с лета 1937 г. до марта 1939 г. в тюремной больнице УНКВД НСО Б. И. Сойфер знал о расстреле весной–летом 1938 г. начальника отделения КРО Г. И. Беймана, бывшего оперативника Особого отдела Г. Л. Кацена и экс-полковника конвойной дивизии НКВД Б. М. Оберталлера (628). Начальник УНКВД НСО Мальцев летом 1938 г. запретил выдавать бумагу заключённым, однако полгода спустя он сетовал, что в тюрьме арестанты знают все новости, в т. ч. с воли (629).

Лидер евангельских христиан ЗСК и сексот НКВД О. И. Кухман в 1937 г. откровенно показывал о методах связи заключённых: в новосибирской тюрьме все арестанты переписывались друг с другом, пряча записки в уборной за водопроводными трубами, камеры перестукивались друг с другом кружками; в ряде камер можно было общаться с соседями с помощью дыр между трубами отопления (630). К тому же арестованных часто переводили в другие камеры, что способствовало круговороту новостей.

Находившийся в апреле–мае 1938 г. в камере № 4 новосибирской тюрьмы осведомитель П. С. Федерякин докладывал своему куратору А. П. Булаеву о поведении томского профессора истории техники И. Г. Левина. Мало того, что Левин подготавливал всё тюремное население 1 мая пять «Интернационал» (с помощью агентов чекисты сорвали эту акцию), он ещё и активно перестукивался по трубам водопровода и отопления, а также через стены с другими камерами и делал сообщения о международном и внутреннем положении: захвате Чехословакии немцами, аре-

стах маршалов А. И. Егорова и В. К. Блюхера, Р. И. Эйхе, Л. М. Заковского, брата Л. М. Кагановича, самоубийстве Будённого. Часть информации, неверной на тот момент (относительно Блюхера, Кагановича и Будённого), позже подтвердилась, когда в октябре 1938 г. действительно был арестован Блюхер. Левин говорил, что начальник политотдела Томской железной дороги А. Л. Ваньян на суде отказался от показаний, и советовал сокамерникам (а их было в тот период от 47 до 96 чел.) не признавать вину на суде. В результате агитации профессора подавляющее большинство заключённых, по информации сексота, решили отказаться от показаний (631).

Нарушения тюремного режима карались лишением прогулок и передач, заключением в карцер. Чекист И. И. Виер-Ульянов, находившийся во внутренней тюрьме УНКВД по Алткраю, в июле 1940 г. получил за перестукивание с соседями 15 суток карцера, а во время обыска у него обнаружили запись азбуки Морзе, кусочек стекла и зашитые в пальто два куска шпатага. Виер обвинялся в том, что «учинял песни в камере, на предупреждение надзоров состава отвечает всегда разными надсмешками...». После объявления голодовки Виер был заключён в карцер на трое суток, после чего, согласно инструкции, подвергнут искусственному кормлению (632). Летом 1939 г. начальник Следчасти УНКВД по Алткраю И. Я. Юркин, обойдя тюрьму, запретил узникам лежать с пяти утра до девяти вечера, на что заключённые, по словам П. П. Клобукова, «реагировали резким повышением в нарушении камерного и тюремного режима» (633).

ВНУТРИКАМЕРНАЯ АГЕНТУРА

Использование внутрикамерных агентов, или «наседок», – давняя традиция правоохранительных и репрессивных органов (634). «Наседок» стандартно покупали льготными условиями содержания, очень часто они ломались под угрозой расстрела или ареста родных. Потом входили в роль и «работали». Подсадить «наседку» чекисты старались к любому важному для них арестанту. Очень важную роль внутрикамерные агенты играли при фабрикациях «заговоров» в первой половине 1930-х гг. (635).

Руководство ОГПУ Сибирского края в ходе фабрикаций крупного дела «Чёрные» на три сотни крестьян требовало летом 1930 г. от начальника Каменского окружного отдела ОГПУ «тщательно проработать вопрос о рассадке арестованных и обеспечения камер надёжным освещением», для чего «одновременно с арестом лиц, проходящих по

разработке, необходимо арестовать и осведомление, связанное с ними». Также начальник окротдела должен был проследить, чтобы все наиболее активные фигуранты, а также осведомители были препровождены в тюрьму окротдела «для рассадки по заранее заготовленным камерам». Для давления на подследственных использовались и криминальные элементы: в 1933 г. арестованных крестьян, отказывавшихся признавать участие в «белогвардейском заговоре», барнаульские чекисты переводили в камеры к уголовникам, которые их избивали (636).

Помимо наседок-«профессионалов» использовались и сломленные арестанты. Большая часть камерных агентов вербовалась из самих заключённых. Подследственные с санкции руководящих чекистов перемещались между тюрьмами и камерами в определённом порядке, в зависимости от своего непризнания, признания и согласия сотрудничать с «органами». Соглашавшийся сотрудничать становился примером для других; его подсаживали к другим и поручали обрабатывать колеблющихся.

Так, в период фабрикации дела «Весна» на видных военных специалистов руководство Особого отдела ОГПУ 21 марта 1931 г. просило «содержащегося в специзоляторе Шильдбаха-Литовцева перевести в Бутырскую тюрьму. На его место перевести содержащегося в спец. изоляторе Карума. На место последнего принять из приема арестованных – Сергеева Ивана Федоровича. Содержащегося в специзоляторе Ораевского и Головкина переместить одного на место другого» На следующий день чекисты просили содержащегося в специзоляторе Головкина перевести в камеру, где содержится Богомягков: «Вместо Головкина перевести из Бутырского изолятора Гатовского Владимира Николаевича. Последнего [Гатовского] перевести в том случае, если Головкин уже был переведен в камеру, где помещался Ораевский. Вопрос о Богомягкове с пом. нач. ОО Ивановым согласован».

Эти документы позволили автору ценной книги о репрессиях против русского офицерства Я. Ю. Тинченко сделать вполне логичные выводы. Вузовского преподавателя К. К. Шильдбаха-Литовцева, как отказавшегося давать нужные показания, отправляли с Лубянки в Бутырскую тюрьму, где он должен был ждать окончания следствия. Его коллега Л. С. Карум, вероятно, сидел с кем-то, кто его обрабатывал и заставил признаться, и теперь этот кто-то должен был взяться за «новичка» – военрука И. Ф. Сергеева. Преподаватель «Выстрела» В. К. Головкин сознался ранее И. Ф. Ораевского, а, коль скоро его следственное дело отсутствует, скорее всего был завербован. Сначала он добился признаний Ораевского,

а затем был направлен на «уговаривание» недавно попавшего в тюрьму начальника 5-го управления РККА Н. С. Богомягкова. Сломленный же Ораевский автоматически становился наглядной агитацией «признания». Поэтому именно к нему и направили вчерашнего коллегу, «нерасколывшегося» преподавателя академии ВВС, В. Н. Гатовского (637).

Особенно значительная роль была отведена «наседкам» в годы «Большого террора», когда сотни тысяч заключённых прошли обработку многочисленной тюремной агентурой. Для агентурной работы 1937–1938 гг. было характерно использование главным образом внутрикамерного как осведомления, так и давления, благодаря чему следователи не только получали информацию об арестованных, но и руками агентов вынуждали их признаваться. Как утверждал новосибирский чекист С. С. Корпулев, следственная работа «повседневно подменялась камерной обработкой арестованных», отличавшейся тем, что была построена «на шантаже и издевательствах над арестованными» (638).

У каждого начальника оперативного отдела в областном или краевом управлении периода «Большого террора» были собственные тюремные агенты. В 1937–1938 гг. был расцвет использования «наседок»: даже начальники отделений основных оперативных отделов имели своих внутрикамерных агентов и с их помощью успешно фабриковали многочисленные дела. Часть таких агентов не являлась арестованными, хотя фактически отбывала заключение, причём в суровых условиях, находясь в переполненных камерах и неустанно агитируя подследственных. В КРО УНКВД ЗСК была в 1937 г. создана специальная группа для камерной обработки, состоявшая из бывших красных партизан и белых офицеров (639). Например, у замначальника КРО И. К. Лазарева агентами, в частности, были бывшие чекисты И. И. Лагуткин (не арестовывался) и упрятанный в застенок «герой» красного террора на Алтае А. А. Табанаков. Алтайский контрразведчик А. Д. Черных пояснял, что начальники отделов управления и лично его начальник С. П. Попов «давали указания о широком использовании камерной обработки арестованных. В этих целях в специальных камерах сидели бывшие агенты НКВД, арестованные за различные контрреволюционные преступления. Они пропускать себя арестованных, призывая их признаться и дать показания» (640).

Без «наседок» чекисты не смогли бы столь быстро и массово ломать психику арестованных и получать от них «признания» в антисоветской деятельности. Среди них были свои чемпионы, давшие «материал» либо обработавшие в нужном духе многие десятки человек каждый. Я. Р. Ель-

кович, бывший секретарь Алтайского губкома РКП(б) и редактор ленинградской «Красной газеты», после исключения из партии за принадлежность к оппозиции уехал на Урал и до своего ареста в 1935 г. трудился в Свердловской области редактором газеты «Колхозный путь». После ареста Елькович стал камерным осведомителем УНКВД по Свердловской области и дал показания об антисоветской деятельности более 140 чел., включая маршала Блюхера. В период 1936–1938 гг. он получил от «органов» за свои труды более 16 тыс. руб. – несколько приличных годовых зарплат. Это при том, что Сталин дважды – 27 февраля и 19 марта 1937 г. – подписал подготовленные НКВД списки подлежащих осуждению к высшей мере, в которых значился и этот сексот. Но Елькович как ценный агент избежал расстрела, отсидев в лагерном сроком, и дожил до реабилитации (641).

Видных «наседок» из числа осуждённых чекисты берегли, даря им отсрочку от расстрела. Такие «живые трупы», не подозревавшие, что *тройка* или сам Сталин давно уже вынесли им смертный приговор, составляли немалый процент внутрикамерных осведомителей. Санкцию задержать расстрел важного осуждённого руководство УНКВД запрашивало в Москве, как, например, в случае с полковником запаса В. М. Шишковским, осуждённым к ВМН 19 января 1938 г. постановлением комиссии НКВД и Прокуратуры СССР. О Шишковском замначальника УНКВД НСО Мальцев 2 февраля 1938 г. писал начальнику Особотдела ГУГБ НКВД Н. Г. Николаеву-Журид: «Приведение в исполнение приговора задерживаю в связи с тем, что Шишковский будет необходим для очных ставок с проходящим по делу Военпрокурором СибВО Нелидовым, справка на арест которого выслана Вам... Для этой же цели нами задерживается приведение в исполнение приговора в отношении Киш Людвиг Стефановича». Л. С. Киш был казнён уже 11 февраля 1938 г., а Шишковский – только 14 ноября 1938 г. (642). Если речь шла об осуждённом *тройкой*, то всё решал начальник управления. Так, когда железнодорожник П. И. Сабанов, осуждённый *тройкой* УНКВД ЗСК 27 августа 1937 г. к расстрелу, согласился дать новые показания, исполнение приговора было отложено (643).

Как показывал чекист И. А. Жабрев, молодой троцкист С. И. Ежов после ареста помогал чекистам – в качестве «наседки» – фабриковать известный московский процесс «параллельного центра» на Пятакова, Радека, Сокольников и др. Этим Ежов продлил свою жизнь: агента осудили в Москве только в марте 1939 г., после минования надобности в его услугах, за связь с Троцким, Радеком и Смилгой. Приговорённый

к расстрелу с заменой на 25 лет заключения, Ежов был уничтожен в сентябре 1941 г. вместе с другими узниками Орловской тюрьмы (644).

Арестованные представители партийно-советской номенклатуры особенно охотно выполняли чекистские задания. Например, коммунисты Ю. А. Иордан и Ф. А. Хоробрых уговаривали специально помещённого к ним в камеру уполномоченного евангельских христиан по Западной Сибири О. И. Кухмана «непреренно соглашаться с тем, что предлагает следователь, и что они тоже подписали». Под сильнейшим давлением следователей и «наседок» Кухман подписал «признание» (645).

Председатель кемеровского горсовета и бывший высокопоставленный милиционер А. А. Токарев, оказавшись в новосибирской тюрьме как враг народа, так обрабатывал Д. И. Власова, осуждённого в декабре 1937 г. по делу «Трудовой Крестьянской партии»: «Надо стараться давать показания... меньше получишь наказание». Токарев советовал Власову взять на себя участие в правотроцкистской организации, а не в ТКП, так как по ТКП «проходят отбросы интеллигенции, старые специалисты, которым даётся самая суровая мера наказания», зато коммунисты пойдут как правые троцкисты и им будет снисхождение. По словам Власова, за такие советы Токарева очень ругал секретарь Венгеровского райкома партии Д. А. Шевченко. Их сокамерник Д. Андреев запомнил, что Токарев обрабатывал всех насельников камеры: раз вы находитесь в советской тюрьме, то идти против следствия – значит, выступать против советской власти. В 1937 г. внутрикамерным агентом работал и бывший председатель Ойротского облисполкома С. С. Сафронов. И Токарев, и Сафронов были расстреляны (646).

Наиболее способные «наседки» превращались, по сути, в негласных уполномоченных НКВД и вели сравнительно свободный образ жизни, хотя нередко были обречены на целые годы содержания под стражей и последующее уничтожение. Среди них могли быть и «почтенные» осведомители с немалым стажем работы на «органы», и «свежие», завербованные уже после ареста. Работники ОКДВА полковник И. Л. Карпель и военинженер 1-го ранга М. И. Кашеев использовались чекистом Л. М. Хорошилкиным в качестве провокаторов, которые давали любые показания на знакомых и незнакомых людей. Осуждённый в 1940 г. Хорошилкин показывал: «Самые гнуснейшие мои преступления связаны с личностью... Кашеева. Он назвал... участников контрреволюционной организации 198 человек, которые были арестованы. Кашеев был окончательно разложен, сидел в привилегированных условиях, получал обеды из столовой и деньги...» По миновании надобности в агентах и Карпель, и Кашеев весной 1938 г. были расстреляны (647).

Работник УНКВД по Алтайскому краю М. Л. Шорр показывал, что поведение впоследствии расстрелянного начальника барнаульского аэроклуба Б. М. Попова «по отношению других арестованных было крайне вызывающе. Он, будучи разложенным Шутилиным, по сути дела, являлся ходячей рекламой и главным уговорщиком ряда арестованных подписывать показания, [чтобы] этим самым облегчить себе участь и создать более выгодные условия содержания» (648). Ещё более цинично вёл себя в томской тюрьме в период 1937–1938 гг. осуждённый на 10 лет опытный сексот И. Ф. Пушкин, заработавший там репутацию главного провокатора. Он не только шантажировал и избивал сокамерников, отказывавшихся подписывать «признания», но и свободно ходил по кабинетам следователей, расспрашивая их о ходе следствия по тем или иным делам и даже упрекая нерасторопных в плохой работе. В 1956 и 1989 гг. в реабилитации Пушкину было отказано как активному участнику фальсификации дел. Однако в апреле 1990 г. его всё же реабилитировали – как «лицо, не являвшееся штатным сотрудником НКВД» (649).

В новосибирской тюрьме самыми эффективными «наседками» были Б. М. Оберталлер и С. Е. Франконтель; всей тюрьме был известен и провокатор И. Ф. Молотилов, получавший от чекистов даже пиво. Бывший военком дивизии конвойных войск НКВД и участник троцкистской оппозиции, полковник Оберталлер дал признательные показания сразу после ареста и 27 марта 1937 г. оказался в «сталинском списке» среди обречённых на расстрел. Но, выразив желание давать угодные чекистам показания, экс-полковник был оставлен в живых и почти полтора года оговаривал всех, кого требовали, даже тех лиц, с которыми не был знаком. Его услугами пользовались начальники всех оперативных отделов УНКВД. В отличие от Франконтеля, он сидел в общей камере и, после вызовов на допросы, возвращался туда с охалками хорошей еды («приносил колбасу, папиросы, рыбу, масло, белую булку и пр.»), уверяя заключённых, что за ценные услуги руководству УНКВД его вскоре освободят и даже наградят. Летом 1938 г. Оберталлер оказался увезён в Москву, снова попал в сталинский расстрельный список и был предан быстрой казни (650).

Методом кнута и пряника новосибирские чекисты работали с инженером С. Е. Франконтелем – троцкистом, арестованным в 1936 г. и осуждённым на 10 лет. В начале 1937 г. его фамилия дважды оказывалась в расстрельных списках, утверждённых Сталиным. Но Франконтель уцелел, ибо оказался воистину золотым внутрикамерным агентом, искусно обрабатывавшим всех, кто оказывался подсажен к нему. Франконтелю начальник СПО К. К. Пастаногов устроил в камере № 6 удобную постель

и ресторанное питание по выбору, давал деньги, разрешал читать газеты и книги, устраивал свидания с женой. В эту образцовую камеру и подсаживали арестованных (651). Более 100 видных арестованных, включая фигурантов московского процесса «параллельного центра» – Н. И. Муралова, Я. Н. Дробниса, М. С. Богуславского, Б. О. Норкина – прошли через камеру агента, и только 5–7 чел. смогли противостоять аргументам «наседки» (среди них, например, были председатель новосибирского облсуда А. В. Островский и секретарь Ленинск-Кузнецкого ГК ВКП(б) Г. В. Ганкин).

Остальных узников, имея на каждого от одного до трёх дней, агент успешно уговаривал признаться. Эти партийно-советские начальники, хозяйственники, церковнослужители, интеллигенты, партизаны, военные оказались сломлены провокатором, как, например, дивизионный комиссар Н. И. Подарин, с которого начали «раскручивать» военный «троцкистско-фашистский заговор» в СибВО, или председатель Новосибирского облисполкома С. А. Шварц. Последние свои задания Франконтель выполнял в начале 1939 г., будучи уже два года как смертником, о чём он, разумеется, не догадывался. В 1940 г. Франконтель подробно показал о том, как помогал следователям «ремонтить» заключённых, не дававших показаний или пытавшихся от них отказаться. В частности, он рассказал, как «работал» с упорным баптистом А. С. Ананьиним, чью фамилию запомнил нетвёрдо: «Последнее задание от Пастаногова я получил 15 марта 1939 года в отношении баптиста Ананьева. Моя роль состояла в том, чтобы: 1. Войти к нему в доверие и сделаться баптистом; 2. Достать из него явки в баптистскую организацию на волю, т. е. были предположения меня из заключения освободить и 3. Выявить, что из себя представляет Ананьев в политических убеждениях. С этой задачей, я считаю, что справился вполне, хотя для меня это стоило очень много трудов...» (652). Франконтель жаловался на постоянные угрозы со стороны своих кураторов, требовавших от него как можно быстрее «ремонтить» важных арестантов, отказывавшихся от прежних показаний.

Арестованный начальник СПО К. К. Пастаногов тогда же показал, что Франконтель с ведома бывшего начальника УНКВД НСО И. А. Мальцева и сменившего его Г. И. Кудрявцева «мною был подсажен к председателю Сибирского союза баптистов Ананьину, последним “обращён” в баптистскую веру, снабжён конспиративными явками в Новосибирске. Я намеревался перевести его [Франконтеля – А. Т.] (с ведома Наркома) на нелегальное положение в целях глубокой разработки к-р сектантского актива». Снятие Пастаногова с должности прекратило работу Фран-

контеля, из кандидата на освобождение превратившегося в свидетеля преступной деятельности руководства новосибирского УНКВД (653).

Некоторые наседки освобождались и арестовывались неоднократно. Агент УНКВД по Красноярскому краю учитель С. М. Бронников так писал о своей негласной работе: «29.8.1937 был УГБ арестован для работы в камерах тюрьмы среди бывших б/гвардейских офицеров. По окончании с ними дел был 11.12.1937 уволен. С помощью III отдела УГБ был в правах восстановлен и опять работал учителем в школе №38. 29.4.1938 арестовываюсь опять для работы в камерах тюрьмы среди группы кулаков и высланных с ДВК и Читинской области. Эта террористическо-повстанческая группа была выявлена мною на совхозе “Солонцы”... арестована и привлечена к ответственности. По окончании с ними дел 2.6.1938 меня III отдел уволил. 3.6.1938 был командирован с оперуполномоченным III отдела Акулининым в Больше-Муртинский район Красноярского края на Придивинскую судостроительную верфь, где выявлено и арестовано более 70 чел. контрреволюционных элементов».

Далее Бронникова арестовали в Красноярске 26 июля 1938 г. по обвинению в шпионаже, после чего привлекли к привычной работе: «18/XII вызвали из городской тюрьмы во внутреннюю НКВД и я до 22.1.1939 работал среди арестованных со следователями Сойфером и Прокофьевым». В 1939 г. Бронников был осуждён как «шпион» к расстрелу с заменой на 10 лет лагерей и ему оставалось только жаловаться на неблагодарность «органов» (654).

С помощью осведомителей чекисты могли не только уговаривать заключённых подписать протоколы или, как минимум, негласно получать от них информацию, но и срывать попытки арестованных противостоять следствию, как в случае с бывшим военным прокурором РККА и начальником политуправления СибВО Н. Н. Кузьминым, который осенью 1937 г. пытался склонить заключённых новосибирской тюрьмы к отказу от показаний (его и других разоблачили осведомители П. Милевский, С. Кулик, а также майор И. Д. Огар). В той же тюрьме в 1940 г. внутрикамерные агенты силой вымогали признания, по приказу начальника Следчасти УНКВД Б. В. Панчурина жестоко избивая тех арестованных, кто не желал давать показаний (655).

Нередко «наседками» становились весьма известные люди. Так, в камеру к Г. Г. Ягоде был посажен один из известнейших драматургов 30-х гг., рапповец В. М. Киршон. П. П. Постышева и других видных арестантов уговаривал признаться бывший нарком просвещения А. С. Бубнов. В качестве «наседки» использовался будущий посол в Румынии и замминистра иностранных дел С. И. Кавтарадзе, арестованный в 1930-е гг.

как бывший троцкист. Вполне возможно, что свою жизнь Кавтарадзе спас именно сотрудничеством с «органами» – и, вернув расположение Сталина, достиг затем номенклатурных высот.

Особенно активно в качестве камерных агентов привлекали арестованных чекистов, поскольку те наиболее сознательно и «творчески» относились к подобной работе. К выступившему с разоблачениями Ежова и Берии работнику контрразведки И. М. Кедрову был посажен арестованный ранее бывший комиссар ГБ 3-го ранга Н. Г. Николаев-Журид, который, по словам одного из бериевских выдвиженцев П. Я. Мешика, «и разложил его в направлении дачи признательных показаний». Арестованный начальник УНКВД по Свердловской области Д. М. Дмитриев поил своего сокамерника маршала В. К. Блюхера коньяком и требовал признаться в шпионаже, мешая посулы с угрозами. К бывшему начальнику СОУ ОГПУ Е. Г. Евдокимову был посажен крупный экс-работник НКВД С. С. Шварц (656).

Что касается агентурной работы из числа работников НКВД, то некоторым осуждённым чекистам довелось выполнять задания особой важности – так, несколько из них в мае 1939 г. были привлечены к тайной ликвидации заключённых большевиков-цекистов К. Б. Радека и Г. Я. Сокольников, осуществлённой по приказу Сталина в Верхне-Уральской и Тобольской тюрьмах. Благодарностью за выполнение особо важного задания вождя стало скорое освобождение (657).

Хороший чекист был обязан ориентироваться в работе с «наседками». Видный следователь-«забойщик» Б. В. Родос, будучи преподавателем Высшей школы НКВД СССР, читал слушателям специальный курс по «внутрикамерной разработке арестованных». Позднее опыт предшествовавших десятилетий в работе с заключёнными был обобщён, и для МГБ бывший работник печально знаменитой Лефортовской тюрьмы К. Зильберман подготовил учебное пособие под красноречивым названием «Тюремное дело» (658). Такой подход к специфике тюремной работы наглядно свидетельствовал о том, что вербовка и использование внутрикамерных агентов играли колоссальную роль в следствии, являясь одними из основных методов оперативной работы.

ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРОВ

Завершали «работу» чекистов над многими осуждёнными расстрел и захоронение. Исполнение смертных приговоров в течение десятилетий было одной из важнейших разновидностей оперативной работы, окружённой

особой секретностью. Соответствующие инструкции, а также основная часть актов об исполнении приговоров и сведения о местах захоронений остаются на закрытом хранении до сих пор. Массовые расстрелы советского времени сделали профессию палача очень распространённой – исполнителей приговоров насчитывалось в 30-е годы многие тысячи. Среди них выделялись профессионализмом коменданты и начальники тюрем, через которых подчас проходили сотни и тысячи жертв. Однако значительная часть расстреливаемых уничтожалась руками рядового оперсостава.

В течение 1920-х годов процедура исполнения смертных приговоров обрела свои постоянные черты: секретность исполнения и захоронения, определённая вольность в трактовке инструкций: сбрасывание трупов в реки вместо погребения в землю, частое игнорирование прокурорского и врачебного надзора, что иногда приводило к захоронению ещё живых людей. После массовых казней начала 20-х наблюдался сравнительно мягкий период, прерванный многими сотнями расстрелов в ряде регионов во время кампаний борьбы с бандитизмом (в Сибири массовые внесудебные казни уголовников практиковались особыми *двойками* в составе полпреда ОГПУ и его заместителя с конца 1925 по 1928 г.). С 1929 г. массовые казни по политическим обвинениям возобновились, надолго став одной из главных сторон деятельности ОГПУ-НКВД (659). Насколько можно судить, в сибирских городах в 30-х годах уже не сбрасывали трупы в реки, а старались захоронить на городских кладбищах или прямо на территории тюрьмы (660).

Функционирование целой «расстрельной промышленности» было большой тайной власти. Сталин на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1936 г., вспоминая инициативу члена ЦК Г.Л. Пятакова поручить ему лично расстрелять Зиновьева, Каменева и других фигурантов первого московского процесса, особо оговорил секретность расстрелов: «...Мы никогда не объявляли лиц, которые приводят приговоры в исполнение» (661). Массовые экзекуции 30-х годов заставили власти вернуться к практике периода гражданской войны, когда к расстрелам привлекались не только комендантские работники губернских и уездных чека вместе с членами коллегий чека, но и рядовые чекисты, а также милиция, военнослужащие, партийные активисты.

В нашей работе о расстрелах довоенного времени (662) подробно рассказано о ритуале смертной казни. Здесь мы подчеркнём наиболее важные черты: крайняя жестокость расстрелов, сопровождавшаяся насилием (в т. ч. сексуальным) над приговорёнными и повальным маро-

дёрством, а также замена расстрелов удушениями и убийствами с помощью подручных предметов. Необходимо отметить, что участие в казнях рассматривалось как неотъемлемая часть воспитания молодых чекистов.

Практика замены штатных палачей рядовыми оперативниками и руководителями местных отделений ОГПУ-НКВД характерна для всех 30-х годов: очень многие участники бесчисленных сибирских «повстанческих организаций» в 1930–1933 гг. были казнены чекистами – начальниками ГО-РО, рядовыми уполномоченными, а подчас и фельдъегерями. Часто к ликвидации привлекались и милиционеры всех уровней – от начальника горотдела до участкового уполномоченного, а также судьи и прокуроры. Крупных чекистов нередко расстреливали их коллеги из начсостава. Так, бывшего заместителя начальника УНКВД ДВК С.А. Барминского казнили по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 10 февраля 1938 в 23 часа. Акт о расстреле подписал замначальника КРО УНКВД М.П. Рысенко (663).

Активно участвовавшие в казнях поощрялись. Надзиратель тюрьмы УНКВД ЗСК-НСО А.М. Евтютов, участник расстрелов, летом 1938 г. числился среди «лучших работников» внутренней тюрьмы УНКВД НСО. Г.И. Ершов начинал с фельдъегеря, с 1935 г. работал в комендатуре УНКВД ЗСК-НСО, в декабре 1937 г. за участие в расстрелах награждён орденом «Знак Почёта» и к 1941 г. дослужился до поста начальника внутренней тюрьмы УНКВД НСО (664). Ещё более впечатляет карьера М.И. Данилова, сотрудника авиаотделения Отдела связи УНКВД ЗСК, налетавшего на У-2 в течение 1936 г. 66 часов (665), а в 1937 г. взятого на оперативную работу и ставшего в качестве начальника УСО одним из основных исполнителей приговоров в Барнауле.

И в начале 30-х, и в 1937–1938 гг. массовые казни в областных и краевых центрах осуществлялись либо в подвалах управлений ОГПУ-НКВД, либо в укромных местах за городом. Трупы хоронили тайно в ночное время на окраинах кладбищ и в городских окрестностях. Например, расстрелянные в Иркутской тюрьме вывозились для захоронения на территорию пригородного совхоза НКВД. Массовые захоронения находятся в окрестностях барнаульской тюрьмы, в овраге на Каштаке в Томске. Очень много захоронений прямо на территории тюрем: в Канске, Киренске, Колпашеве, Салехарде, Тобольске... Но до сих пор известно лишь про небольшую часть тайных могильников сталинской эпохи.

О проведении массовых казней в Сибири можно судить по рассказу чудом спасшегося (впрочем, ненадолго) колхозника Г.Н. Чазова, содержавшегося в Ягуновской тюрьме под Кемеровом. 22 марта 1938 г.,

около девяти вечера, всем 312 заключённым было приказано немедленно собраться для отправки на этап. Их по одному выводили из камеры и направляли за дом, где уже была приготовлена братская могила. Чазова комендант тюрьмы сзади ударил по голове, «а двое неизвестных, насунув ему шапку на глаза, повели за дом и сильным толчком бросили его в глубокую яму. Упав в яму, Чазов почувствовал под собой тела стонущих людей. По этим людям неизвестные ему лица ходили и стреляли в них. Чазов, лёжа между трупами, не шевелился и таким образом остался жив. А когда расстреливавшие люди уехали, оставив яму незакопанной, – вылез и пошёл домой в колхоз, находившийся за 45 километров от места происшествия» (666).

Обречённые при расстреле часто кричали: «Да здравствует Сталин!», другие: «Я – не враг народа! За что нас убивают?» Иногда смертники сопротивлялись палачам. Чекист В.С. Кожев показывал, как 9 января 1939 г. 40 смертников, находившихся в камере №6 Читинской тюрьмы, «отказались выйти на расстрел, кричали, что они не виноваты и требовали прокурора, подняли бунт». Начальник управления П.Т. Куприн «приказал расстрелять этих арестованных в камере. Было выпущено более 300 патронов в эту камеру (автоматов тогда не было, поэтому такое количество израсходованных боеприпасов говорит о массовости участников побоища – А. Т.). Таким образом приговор привели в исполнение. За ночь очистили камеру, затёрли стены, побелили. Об этом случае хорошо знают работники тюрьмы» (667).

Одним из самых отвратительных чекистских ритуалов было частое жестокое избиение осуждённого перед казнью – своеобразное чекистское «напутствие» на тот свет. Известное с гражданской войны, в годы «Большого террора» избиение расстреливаемых отмечается повсеместно, причём Ежов (в качестве наркома) и Берия (как секретарь ЦК КП(б) Грузии и бывший чекист) прямо приказывали подчинённым избивать людей перед смертью. Недаром Ежов, помня об этой практике, специально просил в своём последнем слове: «Прошу об одном, расстреляйте меня спокойно, без мучений» (668).

Сами казни в 1937–1938 гг. нередко совершались садистскими способами: исполнители могли изрубить приговорённых топорами, задушить, утопить... Политрук барнаульской тюрьмы Ю.Г. Логвинов рассказывал знакомому, что по приказу начальника УНКВД по Алткраю С.П. Попова приговорённых к расстрелу сначала пытали, а потом «убивали ломом и сваливали в большую яму, которую я, будучи на работе в тюрьме, осматривал». В Красноярском крае при массовых расстрелах

пьяными исполнителями под руководством начальника Минусинского оперсектора НКВД А.С. Алексеева «многие из репрессированных оставались ранеными и по указанию Алексеева их добивали ломом».

В г. Куйбышеве НСО в 1937–1938 гг. казнили около 2 тыс. чел., из которых до 600 с санкцией УНКВД были задушены. На суде начальник оперсектора Л.И. Лихачевский с эпическим спокойствием повествовал, что удушение вместо расстрела вызывалось некими особыми условиями, а процесс был организован очень чётко: «в одной комнате группа в 5 чел. связывала осуждённого, а затем заводили в др. комнату, где верёвкой душили. Всего уходило на каждого человека по одной минуте, не больше». В приговоре 1941 г. над руководящими работниками УНКВД по Алткраю глухо упоминалось, что начальник Бийского оперсектора В.И. Смольников допустил, а его подчинённый Г.С. Каменских «производил исключительные зверства и циничные издевательства над женщинами при приведении приговоров с высшей мерой наказания» (669). Таким образом, в садистские расправы была вовлечена значительная часть чекистов.

Таким образом, формы и методы агентурно-оперативной работы 30-х годов полностью отражали суть карательной политики и практики органов безопасности, требовавших массовых арестов и уничтожения «враждебных элементов». Применение преступных методов в агентурно-следственной работе и тюремном содержании обусловили крайнюю жестокость и массовость советских репрессий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. С.9.
2. *Щекоцихин Ю.П.* Рабы ГБ. XX век. Религия предательства. – Самара. 1999.
3. Цит. по: *Млечин Л.М.* История внешней разведки. Карьеры и судьбы. – М., 2008. С.40.
4. *Белковец Л.П.* Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.) //Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М., 1999; *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск, 2002; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – М., 2004; *Петров Н.В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. – М., 2005; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008; *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006; *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. – М., 1998; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М., 2007; *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. – М., 2000; *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий. Особа, час, оточения. – К., 2002.

5. См. *Кудрова И.М.* Гибель Марины Цветаевой. – М., 1995; *Голдин В.И.* Лихоlette. Судьба генерала М.В. Фастыковского: русский офицер, секретный агент, узник НКВД. – Архангельск, 2006; *Тумишс М.А.* ВЧК: Война кланов. – М., 2004; *Панчинский А.А., Тумишс М.А.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. – М., 2001.
6. *Шекочишин Ю.П.* Рабы ГБ... Самара, 1999; *Бурдс Д.* Советская агентура: Очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). – М.– Нью-Йорк, 2006; *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА... – М., 1998; *Semystiaha V.* The role and place of secret collaborators in the informational activity of the GPU-NKVD in the 1920s and 1930s (on the basis of materials of the Donbass region) //Cahiers du Monde Russe, 42/2–3-4 Avril-decembre 2001. – Paris, 2002. P.231–244.
7. Военные архивы России. Вып. 1. – М., 1993. Характерно, что в последних перепечатках этого сенсационного документа сведения об агентах ОГПУ-НКВД раз за разом вырываются.
8. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003; Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. 1937–1938. – М., 2004; Политбюро и крестьянство: высылка, спецселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1. – М., 2005; *Бурдс Д.* Советская агентура... – М.–Нью-Йорк, 2006; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008.
9. *Перегудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917 гг.). – М., 2000. С.210, 235.
10. *Плеханов А.М.* Проблемы места и роли органов безопасности в социально-политической структуре советского общества в 1920-е годы //Материалы исторических чтений на Лубянке. – М., 1999.
11. Архивы Кремля. Кн. 2. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – Новосибирск–М., 1998. С.442.
12. История советских органов государственной безопасности. – М., 1977. С.141.
13. *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны //Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Новосибирск, 2004. С.280.
14. История советских органов... С.142; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 //Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. – М.–СПб., 1997. С.242; *Бурдс Д.* Советская агентура... С.179–180, 184–185.
15. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.238; *Бурдс Д.* Советская агентура... С.180–181.
16. *Бурдс Д.* Советская агентура... С.184, 187, 189, 180. Но в Сибири летом 1930 г. зампред Кочковского РИКа М.Е. Копейкин одновременно являлся районным резидентом по кличке «Каргат», агентами которого были как работники райисполкома («Бойкий», «Маркс»), так и крестьяне. АУФСБ по НСО. Д.П-17386. Т.7. Л.539–540, 616.
17. *Бурдс Д.* Советская агентура... С.184; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.550.
18. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.242.
19. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.27–28; История советских органов... С.145.
- В период 1925–1930 гг. в системе особых отделов действовала своя схема организации конспиративного аппарата: агенты и осведомители. Опытные сексоты – агенты – привлекались к участию в конкретных разработках по заданиям особых отделов. Что касается осведомителей, то они делились на три категории: освещавшие настроения красноармейской среды; предоставлявшие сведения о работе учреждений РККА и личного состава; высококвалифицированные осведомители из наиболее важных отделов аппарата РККА. Часть осведомителей находилась на связи у военных комиссаров, выполнявших, таким образом, функции резидентов.

20. История советских органов... С.220.
21. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006. С.61, 325.
22. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. – Т. 5. Кн. 1. 1937. – М., 2004. С.10.
23. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ... С.314. Из-за грубой ошибки автора невозможно понять, сколько было арестовано, ибо у Плеханова значится: «арестовано – 112, из них в оперативных целях – 166 человек». Следует отметить массовость произведённых тогда же арестов на Северном Кавказе и Украине – до полутора тысяч чел.
24. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ... С.338–339.
25. Там же. С.315. Мнение Ягоды о широких террористических настроениях рабочей молодёжи четыре года спустя отразилось в перечне объектов внимания Секретно-политического отдела ОГПУ (см. главу 1).
26. Обнародовавший данное письмо А.М. Плеханов утверждает (С. 315), что анализ Ягоды отличался глубиной и его предложения о переориентации агентурной работы носили конструктивный характер.
27. Трагедия советской деревни... Т.5. Кн.1. 1937... С.10–11.
28. История советских органов... С.204.
29. *Полянский А.И.* Ежов. История «железного сталинского наркома». – М., 2001. С.87.
30. Административно-территориальное деление Сибири. – Новосибирск, 1966. С.107–114, 117.
31. История советских органов... С.234.
32. Там же. С.203.
33. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008. С.235.
34. *Михеев В.И.* Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму и повстанческим проявлениям в Центральном Черноземье в 1922–1934 годах. – М., 2003. С.222; *Хинштейн А.Е.* Подземелья Лубянки. – М., 2005; История советских органов... С.240.
35. *Кудрова И.* Гибель Марины Цветаевой... С.144, 147. Тем не менее, в начале 30-х годов начальник самого элитного отдела ОГПУ – Иностранного – А.Х. Артузов отмечал, помимо халатности работников своего аппарата, неактуальности и фактографичности готовившихся ими сводок, также и нерегулярную работу агентурной сети. А выступавший на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов отметил, что от агентуры ИНО постоянно поступали сведения, основанные лишь на газетных сообщениях, а также регулярно шла дезинформация о якобы готовившихся покушениях на Литвинова. *Панчинский А.А., Тумишс М.А.* Щит, расколотый мечом... С.264; Стенограмма февральско-мартовского Пленума ЦК 1937 г. //НИПЦ «Мемориал».
36. История советских органов... С.240.
37. *Золотарьев В.А.* ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщине: люди та доли (1919–1941). – Харьков, 2003. С.216–217; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.543.
38. История советских органов... С.201, 202, 238; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.236–237.
39. История советских органов... С.238; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т.1. Л.104.
40. АУФСБ по НСО. Д.П-2553. Л.147.
41. *Тепляков А.* Провал в Китае //Секретное досье. Вып. 1. – СПб., 1998. С.89–94.
42. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.195–196; История советских органов... С.238.
43. *Золотарьев В.А.* ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщине... С.217.

44. Стенограмма февральско-мартовского Пленума 1937 г. //НИПЦ «Мемориал»; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.580, 583.
45. *Михеев В.И.* Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму... С.177.
46. *Мозохин О.Б.* Роль органов госбезопасности в экономической системе СССР //Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. – М., 2008. С.90; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.577.
47. История советских органов... С.238, 283; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. Т. 3. Конец 1930–1933. – М., 2001. С.346.
48. История советских органов... С.282–283.
49. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.48; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.135.
50. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т.1. Л.33; Д.П-12311. Л.50; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.56.
51. *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма /Под ред. Ю.Г. Фельштинского. – М., 1994.
52. *Царев О., Костелло Дж.* Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. – М., 1995. С.224, 228.
53. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.574.
54. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.234; *Павлюков А.Е.* Ежов. Биография. – М., 2007. С.137.
55. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.235.
56. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.9 об.
57. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.49.
58. Там же. Д.2. Л.133, 134, 207; Д.225. Л.33.
59. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.258; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.70
60. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.110 об., 111, 143 об.
61. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.258.
62. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов. Т. 1: Накануне. Кн. 1: Ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г. – М., 1995. С.99–100, 39–40.
63. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. – М., 2004. С.179.
64. *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов //Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. – Новосибирск, 1997. С.101.
65. См.: ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.32. Л.48.
66. *Бурдс Д.* Советская агентура... С.191, 195.
67. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.233.
68. *Измозик В.С.* Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. – СПб., 1995. С.118.
69. Власть и интеллигенция в сибирской провинции (1933–1937 годы): Сб. документов. – Новосибирск, 2004. С.274; *Пичурин Л.Ф.* Последние дни Николая Клюева. – Томск, 1995. С.88.
70. *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий... С.48.
71. *Хенкин К.* Охотник вверх ногами. – М., 1991. С.168; Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Т. 2. – Новосибирск, 2008 (в печати).
72. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.259.

73. *Тепляков А.* Провал в Китае... С.90; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. С.808.
74. См. АУФСБ по НСО. Д.П-2553. Л.243, 244, 246, 257, 264.
75. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.233–234; История советских органов... С.237.
76. Цит. по *Лукьянова И.В.* Корней Чуковский. – М., 2006. С.612.
77. Голодомор 1932–1933 років в Україні: документи і матеріали /Упорядник Р.Я. Пиріг. – Київ, 2007. С.294–295.
78. *Хинштейн А.Е.* Подземелья Лубянки. – М., 2005; *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА... С.175.
79. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.574–577.
80. *Павлюков А.Е.* Ежов... С.432; *Кудрова И.* Гибель Марины Цветаевой... С.252; *Судоплатов П.А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. – М., 1997. С.68.
81. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. Т.1. – М., 2000. С.127; *Петров Н.В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. – М., 2005. С.160.
82. *Михеев В.И.* Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму... С.121.
83. АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.74, 116–122.
84. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. //Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002. С.180; ЦДНИТО. Ф.341. Оп.1. Д.21. Л.74.
85. *Патков С.А.* Сталинский террор в Сибири 1928–1941. – Новосибирск, 1997. С.64.
86. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.151–152.
- Так называемый саботаж хлебозаготовок осени 1934 г. в ЗСК привёл к некоторым изменениям в агентурной работе. По распоряжению замначальника УНКВД ЗСК М.А. Волкова руководитель Венгеровского РО НКВД Д.И. Надеев прикрепил к заместителям начальников политотделов по оперработе прилежавшие к «их» совхозам и МТС сельсоветы и колхозы. Те, привыкшие «обслуживать» только совхозы или МТС и крайне недовольные увеличением объемов агентурной работы, считали это указание инициативой Надеева и издевательски говорили ему: «Ты за эту идею получишь орден Ленина». Но, когда устное распоряжение Волкова было подкреплено приказом управления, за невыполнение этого приказа несколько ЗНПО были начальником УНКВД арестованы в административном порядке. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.152.
87. АУФСБ по НСО. Д.П-8918. Л.431.
88. АУФСБ по НСО. Д.П-491 (пакет).
89. *Чернышев А.В.* Протестантские религиозные течения XX–XXI веков в Западной Сибири. – Тюмень, 2005. С.84.
90. АУФСБ по НСО. Д.П-17386. Т.7. Л.616; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11565. Л.63.
91. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.49; Д.326. Л.66; АУФСБ по НСО. Д.П-8139. Л.249.
92. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11544. Л.131–132, 134.
93. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.135.
94. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11544. Л.112; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.225. Л.12.
95. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.66.
96. Там же. Д.2. Л.135, 185, 174.
97. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.258, 259.
98. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5509. Л.203.
99. ЦХАФАК. Ф.П-2521. Оп.1. Д.2. Л.7–10.

100. Исторический архив. 1992. № 1. С.130, 131.
 101. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.75. Л.237–239.
 102. ЦХАФАК. Ф.П-2521. Оп.1. Д.2. Л.7, 9; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.263.
 103. *Чернышев А.В.* Материалы ВЧК-ОГПУ-НКВД как источник по изучению Русской Православной Церкви в Тюменском крае (1921–1945 гг.). – Тюмень. Изд. 2-е, доп. 2002. С. 112–113.
 104. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.267–268.
 105. История советских органов... С.72.
 106. *Бурдс Д.* Советская агентура... С.189; АУФСБ по НСО. Д.П-2553. Л.38; Д.П-8139. Л.249.
 107. См. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10040. Л.17; ЦХАФАК. Ф.П-2521. Оп.1. Д.2. Л.7.
 108. *Тепляков А.Г.* Сексотка Люба //Родина. 2000, № 9. С.72–73.
 109. АУФСБ по НСО. Д.П-5038. Л.298–299; *Судоплатов П.А.* Спецоперации... С.68.
 110. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11544. Л.131–132.
 111. *Павлюков А.Е.* Ежов... С.489; *Шрейдер М.П.* Воспоминания чекиста-оперативника (Архив НИПЦ «Мемориал»). С.239.
 112. ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.473. Л.282; Д.608. Л.3–4.
 113. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.59.
 114. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.258–259, 269; *Semystiaha V.* The role and place of secret collaborators... P.231–244.
 115. *Судоплатов П.А.* Спецоперации... С.158.
 116. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.250. Л.99; Оп.2. Д.279. Л.136; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.354. Л.89–90.
 117. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-20024. Л.30–91.
 118. *Мозохин О., Гладков Т.* Менжинский. Интеллигент с Лубянки. – М., 2005. С.372, 377; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.241. В современной реабилитационной практике все уголовные дела на агентов, осужденных за «расконспирацию», подлежат автоматическому прекращению с любопытной формулировкой: поскольку секретные сотрудники не являлись штатными работниками карательных органов, то не могут быть наказаны за расконспирацию работы, которой де-юре не занимались. Деловая негласная служба на ОГПУ-МГБ таким образом приравнивается к некоей общественной нагрузке.
 119. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. – Новосибирск, 2005. С.149; АУФСБ по НСО. Д.П-3763.
 120. Книга памяти жертв... С.222.
 121. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннот. перечень архивных документов и материалов. Избр. документы /Сост., вступительная статья и комм. А.И. Савина. – Новосибирск–СПб., 2006. С.341.
 122. *Савин А.И.* (сост.) Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920–1941 гг. Документы и материалы. – Новосибирск, 2004. С.291, 292; Этноконфессия в советском государстве... С.379, 388.
 123. *Ханевич В.А.* Белорусские ксёндзы в Сибири. 1920–1930-е гг. <http://homoliber.org/gr020111.html>.
 124. АУФСБ по НСО. Д.П-16012. Л.18; *Гришаев В.Ф.* Невинно убиенные. – Барнаул, 2004. С.136.
 125. *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск, 2002. С.291.
 126. АУФСБ по НСО. Д.П-9625. Т.6. Л.16; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.28; *Куняев Ст., Куняев С.* Растерзанные тени. – М., 1995. С.234–240.

127. АУФСБ по НСО. Д.П-3957. Л.1, 11, 14, 34, 48.
 128. Там же. Д.П-14452. Т.5. Л.126; *Пантелеев М.* Тайная война. – М., 2005. С.197–198; *Кобринский А.А.* Даниил Хармс. – М., 2008. С.199.
 129. *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. – М., 1995. С.61–62.
 130. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.133. Л.22.
 131. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 /Архив Сталина. Документы высших органов партийной и гос. власти. – М., 2006. С.115–116, 567.
 132. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.386. Л.1.
 133. Боль людская. Книга памяти репрессированных томичей. Т. 5. – Томск, 1999. С.152; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.76.
 134. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5626 (конверт).
 135. Нарымская хроника 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. – М., 1997. С.132.
 136. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.261.
 137. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.262.
 138. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.381.
 139. Жертвы политического террора в СССР. – М., 2007 (CD).
 140. АУФСБ по НСО. Д.П-3964. Л.6, 43, 114, 122.
 141. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т.1. Л.59–60; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.68. Л.1–2 об.
 142. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т.1. Л.60, 64.
 143. Там же. Л.63–64.
 144. АУФСБ по НСО. Д.П-379. Л.57–62.
 145. См. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10040. Л.213 об.
 146. ЦХАФАК. Ф.П-10. Оп.22. Д.95. Л.259.
 147. *Галкин Н.* Кадры порешили всё. Из истории органов госбезопасности в Кемерове //Кузбасс (Кемерово). 1997, 21 февр.; ГАКО. Ф.П-15. Оп.7. Д.242. Л.37.
 148. *Бурдс Д.* Советская агентура... С.195; История советских органов... С.261.
 149. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 6. Восстания, бунты и забастовки заключённых. – М., 2004. С.117; ГУЛАГ 1918–1960. – М., 2000. С.452–454, 495.
 150. Дети ГУЛАГа: 1918–1956. – М., 2002. С.278–279; ГУЛАГ 1918–1960... С.497–498.
 151. История сталинского ГУлага... Т.2. Карательная система: структура и кадры. – М., 2004. С.112.
 152. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.362; *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) //Социологические исследования. 1991, № 7. С.3–16.
 153. *Байтальский М.Д.* Троцкисты на Колыме //Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. – М., 1990. С.353.
 154. АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.73.
 155. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1. – М., 2005; История сталинского ГУлага... Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. – М., 2004. С.155.
 156. Политбюро и крестьянство... Кн. 1. – М., 2005; Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939–1945 гг. Вып. 4. – Новосибирск, 1996. С.163–165.
 157. Политбюро и крестьянство... Кн. 1. – М., 2005.
 158. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Вып. 2. – Новосибирск, 1993. С.320; История сталинского ГУлага... Т. 4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. – М., 2004. С.146–147.
 159. ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.22. Л.79–80; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.264.

160. Спецпереселенцы в Западной Сибири 1939–1945... С.163–165; История сталинского ГУлага... Т.5. Спецпереселенцы в СССР. – М., 2004. С.746.
161. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ... Январь 1922 – декабрь 1936... С.561–567.
162. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.152 об., 159.
163. Там же. Д.П-379. Л.33 об.; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.47.
164. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1899. Л.55.
165. АУФСБ по НСО. Д.П-2553. Л.147–149; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-12311. Л.67.
166. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т.1. Л.50, 102, 274.
167. Там же. Л.274–275.
168. Там же. Д.П-11544. Л.123–129.
169. Там же. Д.П-5607. Т.2. Л.95–96, 101 об.
170. Там же. Д.П-11776. Т.1. Л.2, 3, 33; Д.П-11544. Л.143–144.
171. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.750. Л.184.
172. *Агабеков Г.С.* Секретный террор. – М., 1996. С.52.
173. *Semystiaha V.* The role and place of secret collaborators... P.231–244.
174. *Павлюков А.Е.* Ежов... С.246; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 – начало 80-х годов. – М., 2003. С.628; *Ваксберг А.И.* Нераскрытые тайны. – М., 1993. С.184.
175. Военно-исторический архив. Вып. 2. – М., 1998. С.75–76; Сталинские расстрельные списки. – М., 2002 (CD); *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА... С.181; *Мозохин О.Б.* Роль органов госбезопасности... С.126–127.
176. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 1. – Омск, 2000. С.106; Т. 6. – Омск, 2003. С.163; Т. 7. – Омск, 2003. С.131; Т. 9. – Омск, 2004. С.71.
177. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.146. Л.166, 167.
178. *Белковец Л.П.* Спецпоселение немцев в Западной Сибири (1941–1955 гг.)... С.158.
179. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.143, 206–207.
180. *Мозохин О.Б.* Право на репрессию: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – Жуковский–М., 2006. С.71.
181. *Тумишис М.А.* ВЧК. Война кланов. – М., 2004. С.47–50.
182. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.491.
183. *Мозохин О.Б.* Право на репрессию... С.121.
184. *Папчинский А.А., Тумишис М.А.* Щит, расколотый мечом... С.255–257; Жертвы политического террора в СССР... (CD).
185. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т.1... С.29; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-19838. Т.2, 4, 5.
186. Вопросы истории. 1995. № 2. С.22.
187. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5509. Л.195; Д.П-5485. Т.1. Л.20; Т.2. Л.94.
188. АУФСБ по НСО. Д.П-4495. Т.6. Л.36; Д.П-777. Л.116–121.
189. *Вепрев О.В., Люттов В.В.* Государственная безопасность... С.291–292.
190. *Semystiaha V.* The role and place of secret collaborators... P.231–244.
191. *Голдин В.И.* Лихолевье. Судьба генерала М.В. Фастыковского... С.85–88, 92–95, 121; *Кудрова И.* Гибель Марины Цветаевой... С.154.
192. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.239; АУФСБ по НСО. Д.П-7142. Т. 2. Л.72, 81–91.
193. Разыскания. Вып. 3. – Кемерово, 1994. С.57; АУФСБ по НСО. Д.П-7520. Т.2. Л.228, 229.
194. *Пантелеев М.* Тайная война... С.194–202.
195. ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.7784. Л.3 об., 6; АУФСБ по НСО. Д.П-3593. Т.2. Л.454; Д.П-8213. Л.402.

196. *Кудрова И.* Гибель Марины Цветаевой... С.77, 78, 152.
197. Сведения Красноярского «Мемориала».
198. АУФСБ по НСО. Д.П-5038. Л.218; *Савин А.И.* (сост.) Советское государство и евангельские церкви Сибири... С.323.
199. См. АУФСБ по НСО. Д.П-17195. Т. 3. В середине 30-х годов агентами НКВД являлись основные руководители конфессий Запсибкрая: от новосибирского митрополита Никифора (Асташевского) и обновленческого епископа А. Введенского до лидера евангельских христиан края О. Кухмана.
200. *Измозик В.С.* Глаза и уши режима... С.74.
201. Цит. по: *Олех Г.Л.* Кровные узлы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. – Новосибирск, 1999. С.63.
202. *Semystiaha V.* The role and place of secret collaborators... P.231–244.
203. ГАНО. Ф.1020. Оп.2. Д.1542. Л.184.
204. История советских органов... Л.67.
205. В.И. Ленин и ВЧК. – М., 1987. С.531, 540, 541, 135–136; *Петров М.Н.* Операция ВЧК «Вихрь» // Вопросы истории. 1991, № 7–8. С.217–223.
206. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т.40. Л.51, 121; Т.54. Л.265–266.
207. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. С.135; Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001. С.274.
208. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.650; цит. по: *Кузнецов И.Н.* Тайны истории. – Минск, 1998. С.220; цит. по *Ардов М.В.* Всё к лучшему... Воспоминания. Проза. – М., 2006. С.784.
209. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР: 1923–1927. Т. 4. – М., 1990. С.189–202.
210. *Старков Б.А.* Роль органов государственной безопасности во внутрипартийной борьбе 1920–1930-х годов // Исторические чтения на Лубянке. – М., 1999; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.234.
211. См. *Старков Б.А.* Роль органов государственной безопасности... – М., 1999; *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992. С.57; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.52.
212. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.153.
213. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.634.
214. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.204.
215. ЦХАФАК. Ф.П-3. Оп.2. Д.129. Л.69; ЦДНИОО. Ф.940. Оп.3. Д.127. Л.6.
216. См. подробнее: *Тепцов Н.* Тайный агент Иосифа Сталина. Документальная история о доносах и доносчике // Неизвестная Россия. XX век. – М., 1992. С.56–128.
217. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.227; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.73. Л.7–42.
218. *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА... С.181.
219. *Лихоя Р.Г.* Советский Союз: История власти. 1945–1991. – Новосибирск, 2000. С.33.
220. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д. П-5700. Т.8. Л.237.
221. *Петров Н.В.* Первый председатель КГБ... С.157–158.
222. АУФСБ по НСО. Д.П-9625. Т.6. Л.46–47; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы по-смертно... С.12–16.
223. *Semystiaha V.* The role and place of secret collaborators... P.231–244.
224. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.239; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10787. Л.36–37.
225. *Глебов В.* Война без правил... С.11.
226. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.634, 641, 646.

227. АУФСБ по НСО. Д.П-872. Т.1. Л.86–87.
 228. Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»... С.360.
 229. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.58. Л.77.
 230. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. – М., 2005. С.489, 503–506.
 231. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.631–632.
 232. Богданов Ю.Н. Строго секретно. 30 лет в ОГПУ-НКВД-МВД. – М., 2002. С.412.
 233. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш»... С.95–97, 566; Жертвы политического террора в СССР... (CD).
 234. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.35.
 235. ТОЦДНИ. Ф.124. Оп.78. Д.85. Л.45.
 236. Источник. 1995. № 6; См. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА... С.187–188.
 237. АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т.2. Л.39–40.
 238. См. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»... С.205.
 239. АУФСБ по НСО. Д.П-16381. Л.2, 5, 13 об., 15–15 об.; Д.П-14864. Л.17, 123.
 240. Там же. Д.П-7142. Т.1. Л.53, 87; Т.2. Л.137; Жертвы политического террора в СССР... (CD).
 241. Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. – М., 2000; см. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»... С.132–146, 203–208, 221, 239–243; Венрев О.В., Лютов В.В. Государственная безопасность... – Челябинск, 2002; Золотарьев В.А. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРСР: справи та люди. – Харків, 2007 и др.
 242. *Semystiaha V.* The role and place of secret collaborators... P.231–244.
 243. Наумов Л.А. Сталин и НКВД. – М., 2007. С.56; Боль людская... Т.5. С.150.
 244. АУФСБ по НСО. Д.П-17195. Т.1–3.
 245. Красильников С.А. «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири (по материалам архивно-следственного дела) //Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2005, № 2. С.61; АУФСБ по НСО. Д.П-7496. Л.90, 118, 249–252, 285.
 246. АУФСБ по НСО. Д.П-10390. Л.187. В 1937 г. П.В. Чистов, став начальником УНКВД по Челябинской области, будет давать задания агентуре подбрасывать фигурантам заговорщицких дел оружие и яды. Венрев О.В., Лютов В.В. Государственная безопасность... С.293.
 247. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.22а. Л.33.
 248. РГАНИ. Ф.6. Оп.3. Д.534. Л.192, 195.
 249. Тепляков А.Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.179–180.
 250. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.152 об. —153.
 251. Там же. Д.П-18477. Л.1, 10, 12–14.
 252. Там же. Д.П-10390. Л.187.
 253. Там же. Д.П-5931. Л.170, 173.
 254. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С.106.
 255. АУФСБ по НСО. Д.П-4495. Т.6. Л.438; Д.П-8440. Л.191.
 256. Этноконфессия в советском государстве... С.456–457; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-9923. Л.91–93.
 257. АУФСБ по НСО. Д.П-3580. Т.3. Л.65, 70. Золотарьев В.А. ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщині... С.179.
 258. АУФСБ по НСО. Д.П-17386. Т. 7. Л.538–539; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-19606. Т. 12.
 259. Хинштейн А.Е. Подземелья Лубянки... С.316–318.
 260. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.760. Л.65.

261. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.1261. Л.62.
 262. Гришаев В.Ф. Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). – Барнаул, 1999. С.68; Тепляков А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.279.
 263. История советских органов... С.237.
 264. Цит. по Блюм А.В. Запрещённые книги русских писателей и литературоведов. 1917–1991. Индекс советской цензуры с комментариями. – СПб., 2003.
 265. Перегудова З.И. Политический сыск России... С.235.
 266. Угроватов А.П. Красный бандитизм в Сибири (1921–1929 гг.). – Новосибирск, 1999. С.187.
 267. Боль людская... Т. 5. – Томск, 1999. С.78.
 268. ГАЧО. Ф.Р-1650. Оп.1. Д.3.
 269. Цит. по Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. – М., 2004. С.416; История советских органов... С.240–241.
 270. Михеев В.И. Деятельность органов безопасности... С.209–211.
 271. Тепляков А.Г. Портреты сибирских чекистов... С.85; ГАНО. Ф.П-3. Оп.2. Д.411. Л.210.
 272. Попов В. Паспортная система советского крепостничества //Новый мир. 1996. № 6.
 273. ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.608. Л.168; Д.772. Л.10.
 274. Михеев В.И. Деятельность органов безопасности... С.209–211; Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Т. 2. – Новосибирск, 2008 (в печати).
 275. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.257; Гришаев В.Ф. Дважды убитые... С.168.
 276. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т.1. Л.241.
 277. Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»... С.97–98.
 278. Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно... С.38–39; Этноконфессия в советском государстве... С.431–432.
 279. Петрушин А. Проклятье шамана //Родина. 2006. № 3. С.60.
 280. История советских органов... С.238; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т. 1. Л.104.
 281. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-2155. Л.196–197. Пользуясь служебным положением, чекисты могли негласно «подчищать» картотеки. Согласно анонимному заявлению на начальника отделения СПО УНКВД по Донецкой области М.У. Рабиновича, его жена – «в прошлом активная сионистка, состояла на нашем учёте, снята недавно, благодаря мужу...». ОГА СБУ (Киев). Д.ФП-70117. Л.182.
 282. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.47.
 283. Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»... С.315, 342.
 284. Мозохин О.Б. Право на репрессии... С.174; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец»... С.331, 334.
 285. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.60.
 286. Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991. – Новосибирск, 1997. С.207.
 287. Осипова И.И. «Сквозь огонь мучений и воды слёз...»... С.141.
 288. АУФСБ по НСО. Д.П-12628. Т.6. Л.24–29.
 289. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.2186. Л.26; АУФСБ по НСО. Д.П-3715. Материалы доп. проверки по делу В.М. Шишковского. Л.10а.
 290. ГАНО. Ф.П-22. Оп.3. Д.366. Л.22–24; Ф.П-1204. Оп.1. Д.31. Л.108. Подобная структура оказалась долговременной: на 1950 г. в УМГБ по Омской области отдел «А», выполнявший учётно-архивные функции, насчитывал не менее трёх отделений. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.5669. Л.56.
 291. АУФСБ по НСО. Д.П-14452. Т.4. Л.40.

292. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4651. Т.42. Л.8, 17, 38, 46, 47, 65. И.В. Большаков в 1954 г. дослужился до начальника УМВД по Томской области.
293. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т. 1. Л.66.
294. Например, осенью 1936 г. из дела осуждённых в Запсибкрае баптистских проповедников были изъяты и отправлены в московское книгохранилище Учётно-архивного отдела ГУГБ НКВД СССР сочинения А.В. Светличного «Иноплеменник» (направленное против ортодоксального христианства) и «Притча о милосердном самарянине», а также книги П.И. Маматюка: «Учение о проповеди» Д. Беккера и «Zeit Gafeln zur Bibel». АУФСБ по НСО. Д.П-10809. Т.2. Л.237, 252.
295. Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. – М., 2006. С.87; АУВД по НСО. Ф.19. Коллекция приказов, циркуляров, распоряжений за 1919–1968 гг.; Сведения М.А. Тумшиса.
296. АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.122; ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.2285. Л.13.
297. АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.109.
298. Берия: конец карьеры. – М., 1991. С.331; АУФСБ по НСО. Д.П-6352. Л.44.
299. ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.754 (ЛД Басюка П.Н.); АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.54. Двадцать лет спустя, в 1957 г., в УКГБ НСО работу УАО критиковали с точки зрения недостаточной длительности и аккуратности: в нарушение соответствующих приказов дела из архива сотрудники поднимали, не затрудняя себя надлежащим оформлением, доступ в архив сотрудников самого УАО не ограничивали. Дела поднимались по требованиям рядовых сотрудников отдела без ведома начальства. Отношение к документам было легкомысленное – «...дела находились даже в мусоре, что могло привести к утрате». ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.103. Л.111.
300. АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.68–69.
301. Там же. Л.69, 72–73; Пичурин Л.Ф. Последние дни Николая Клюева... С.43.
302. АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.73.
303. Там же. Л.42, 51, 56.
304. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-7328. Л.62–64, 182.
305. ЦХАФАК. Ф.П-2521. Оп.1. Д.2. Л.7–10.
306. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.535. Л.34.
307. Там же. Д.391. Л.150, 150 об.
308. См. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М., 2006. С.568. В ноябре 2007 г. о гораздо больших цифрах арестованных и расстрелянных на территории Украины, чем это считалось ранее, официально заявило руководство СБУ. Мудров А. «Большая чистка» в Украине //Зеркало недели (Киев). 2007. № 42–43 от 10–16 ноября.
309. АУФСБ по НСО. Д. П-3715. Материалы доп. проверки по делу В.М. Шишковского. Л.11.
310. Олех Г.Л. Кровные узы. РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х годов: механизм взаимоотношений. – Новосибирск, 1999. С.71–72; Бурдс Д. Советская агентура... С.189.
311. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.292. Л.91.
312. ЦДНИТО. Ф.3791. Оп.1. Д.31. Л.9; Ф.206. Оп.1. Д.46. Л.76.
313. ГАНО. Ф.47. Оп.2. Д.114. Л.98, 103.
314. Рапопорт А. Юрий Кондратюк (А. Шаргей): Траектория судьбы. – Новосибирск, 1990. С.111–113; Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно... С.22–23; Из истории земли Томской. Год 1937... Сб. документов и материалов. – Томск, 1998.
315. ГАНО. Ф.П-6. Оп.1. Д.660. Л.102; Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма... С.308–309.
316. Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно... С. 22–23.
317. Вепрев О.В., Люттов В.В. Государственная безопасность... С.260.

318. Рапопорт А. Юрий Кондратюк... С.111–112.
319. Из истории земли Томской. Год 1937... С.164–167.
320. Там же. С.180, 209–210, 274, 277. Характерно, что даже в угаре 1937 г. чекисты не стали арестовывать фотографа.
321. АУФСБ по НСО. Д.П-8918. Л.213–214.
322. Бедин В., Кушникова М., Тогулев В. От Кузнецкого острога до Кузнецкстроя: 3000 имён в архивных и библиографических источниках (опыт биографического словаря). – Кемерово, 1998. С.247; ГАНО. Ф.П-3. Оп.3. Д.367. Л.40.
323. Из истории земли Томской. Год 1937... С.62–63, 73–74, 118, 139–141, 153–154, 164–167, 200–205, 209–210, 222–223, 230–232, 238–240, 251–254, 262–264, 270–274, 277–282.
324. Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно... С.36; АУФСБ по НСО. Д.П-7552. Л.236.
325. Разыскания. Вып. 3. – Кемерово, 1993. С.59; ГАКО. Ф.П-15. Оп.7. Д.244. Л.151.
326. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.5. Л.24; Наша малая родина... С.166.
327. Жертвы политического террора в СССР... (CD); Из истории земли Томской. Год 1937... С.219–220.
328. АУФСБ по НСО. Д.П-4809. Т.4. Л.496, 808; ГАНО. Ф.П-3. Оп.3. Д.369. Л.46; ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.832. Л.15 об.
329. АУФСБ по НСО. Д.П-4514. Т.4. Л.7; Д.П-4809. Т.4. Л.496, 808; ГАКО. Ф.П-15. Оп.8. Д.2. Л.106; Ф.П-75. Оп.1. Д.134. Л.2.
330. Руд Ч., Степанов С. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. – М., 1993. С.110.
331. Измозик В.С. Первые советские инструкции по перлюстрации //Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. – М.: СПб., 1997. С.155–158.
332. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.25, 30, 39.
333. Там же. С.49–50.
334. ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.1224. Л.224.
335. Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб... С.87; Большая цензура... С.428.
336. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.160–161.
337. Измозик В.С. Первые советские инструкции... С.158–159.
338. История почты Орловского края в XX веке //www.ufps.orel.ru/kniga/oglavlenie.html
339. История советских органов... С.241.
340. АУФСБ по НСО. Д.П-7557. Л.182.
341. Тепляков А. Борода многогрешная. Дмитрий Киселёв – подпольщик, резидент, «большой учёный» //Голоса Сибири: литературный альманах. – Выпуск пятый /сост. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово, 2007. С.448; Источник. 1995. № 5. С.160.
342. РГАНИ. Ф.6. Оп.3. Д.601. Л.72.
343. Вепрев О.В., Люттов В.В. Государственная безопасность... С.301; АУФСБ по НСО. Д.П-491 (пакет); Д.П-10390. Л.153.
344. АУФСБ по НСО. Д.П-18961. Л.5, 6.
345. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.253–260.
346. Там же. Д.74. Л.150; Д.31. Л.42.
347. Сведения НИШЦ «Мемориал».
348. АУФСБ по НСО. Д.П-14864. Л.135.
349. Там же. Д.П-1213.
350. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.194.
351. РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.3711. Л.176–176 об.; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.126. Л.20.
352. ТОЦДНИ. Ф.124. Оп.4. Д.25. Л.197, 198; Д.31. Л.241, 242.
353. ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.533. Л.202; ЦДНИТО. Ф.341. Оп.1. Д.18. Л.1, 8; Д.31. Л.9.
354. ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.3358 (ЛД). Л.1–18; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4651. Т.42. Л.8–14.

355. ЦДНИТО. Ф.3788. Оп.1. Д.2а. Л.137; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.24. Л.12; Д.25. Л.11.
356. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4651. Т.42. Л.49; ГАНО. Ф.П-29. Оп.1. Д.269. Л.12; Д.274. Л.81–82.
357. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.193–195; Ф.1027. Оп.10. Д.13. Л.23.
358. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11612. Л.17; *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.105; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.89.
359. АУФСБ по НСО. Д.П-20632.
360. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.509; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.263.
361. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.102. Л.22–24, 33, 143; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.222. Л.120.
362. *Блюм А.В.* Советская цензура в эпоху тотального террора 1929–1953. – СПб., 2000.
363. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10040. Л.211, 213.
364. *Головской В.* Материалы о цензуре из смоленского архива //http://www.index.org.ru/journal/20/smolensk20.html; *Блюм А.В.* Советская цензура... – СПб., 2000.
365. *Блюм А.В.* Советская цензура... – СПб., 2000.
366. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.10. Л.97–98.
367. *Блюм А.В.* Советская цензура... – СПб., 2000; ГАНО. Ф.П-3. Оп.2. Д.421. Л.223.
368. ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.833. Л.21–25.
369. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. – М., 1997. С.311, 327, 316.
370. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.31. Л.21.
371. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.646. Л.120; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.639. Л.108–109; *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые... С.62.
372. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. С.130, 795.
373. Там же. С.279.
374. ГАНО. Ф.П-3. Оп.3. Д.367. Л.54; ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.429. Л.20.
375. ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.635. Л.255–256.
376. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.723. Л.150 об.; *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые... С.40. При этом в своих воспоминаниях от 1924 и 1935 гг. Пасынков положительно отзывался о Третьяке. См. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.623. Л.55.
377. Сведения Денисевич М.Н., Кузнецова С.Н., Смыкалина А.С.
378. Источник. 1999. № 1. С.111–112.
379. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш»... С.125–127. Сталину доклады вали о несанкционированных выходах в эфир советских радиолюбителей. Узнав, что лондонская пресса сообщила информацию нелегальной радиостанции «о том, что Сталин будет убит 1 мая [1938 г.] на Красной площади», генсек указал НКВД: «Составить список всех радиостанций, проконтролировать сугубо. Это дело чести ЧеКа. ЧеКа должна открыть мерзавцев и их радио». *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С.178.
380. История советских органов... С.241–242.
381. *Belkowitz L., Belkowitz S.* Gescheiterte Hoffnungen. Das deutsche Generakonsulat in Sibirien 1923–1938. – Essen, 2004. S.103.
382. *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий... С.271–273.
383. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.31. Л.109; Ф.П-460. Оп.1. Д.19. Л.41; Д.21. Л.204.
384. Правительственная связь СССР. 1931–1941. Сб. документов. Т. 1. – М., 1997. С.254–257.
385. РГАНИ. Ф.6. Оп.3. Д.377. Л.109.
386. *Шенгалинский В.А.* Донос на Сократа. – М., 2001. С.421–422.

387. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш»... С.340–341; Генрих Ягода: Нарком внутренних дел СССР; Генеральный комиссар государственной безопасности: Сб. документов. – Казань, 1997. С.147; *Полянский А.И.* Ежов... С.262–263.
388. АУФСБ по НСО. Д.П-17782. Л.431.
389. История советских органов... С.146.
390. *Морозов К.Н.* Судебный процесс над эсерами 1922 года в «освещении» ОГПУ //Вопросы истории. 2006. № 11. С.3–20; ГАНО. Ф.1096. Оп.1. Д.419. Л.53, 112; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД... Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003... С.366.
391. История советских органов... С.240.
392. Таким образом, опыт филёров царского времени, легко вычислявшихся по своим знаменитым гороховым пальто, ничему не научил органы ВЧК-НКВД.
393. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.579.
394. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.45; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.259–260.
395. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.220. Л.139–141.
396. *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые... С.80.
397. *Belkowitz L., Belkowitz S.* Gescheiterte Hoffnungen... S.103, 105.
398. Призвание – Родине служить! – Новосибирск, 1997. С.210–211.
399. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.43, 44; *Гавриленко В.К.* Казнь прокурора: Документальное повествование. – Абакан, 2001. С.67.
400. *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий... 242–243; *Золотарьев В.А.* ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщине... С.303.
401. См. АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т.2. Л.331 об.; Д.П-8213. Л.407; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.222. Л.261 об.
402. См. главу «Арест» в первом томе «Архипелага Гулаг».
403. История советских органов... С.250.
404. Из истории земли Томской. 1933 г. Назинская трагедия. – Томск, 2002. С.213; ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.162. Л.82.
405. Во время облав с целью выполнения лимитов в феврале–мае месяце 1938 г. на рынках в городах Туркмении чекистами было арестовано свыше 1.200 чел., в подавляющей массе трудящихся, среди которых были члены компартии, депутаты Советов и т. п. История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.344–345.
406. АУФСБ по НСО. Д.П-8139. Л.281; Этноконфессия в советском государстве... С.482.
407. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.120; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.428. Л.120.
408. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.27, 77–80; Новосибирская школа контрразведки, 1935–2005. Сб. – М., 2005. С.38.
409. АУФСБ по НСО. Д.П-4155 (конверт).
410. Там же. Д.П-12067. Л.67; Д.П-17189. Л.17.
411. *Тепляков А.* Дело «Трудовой крестьянской партии» 1937 года //Голоса Сибири: литературный альманах. – Выпуск шестой /сост. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово, 2007. С.837; АУФСБ по НСО. Д.П-3745. Л.5; Д.П-16458. Л.7.
412. См. АУФСБ НСО. Д.П-359. Т.1. Л.73–76, 88, 143, 233; Т.4. Л.70, 84, 200, 301.
413. Там же. Д.П-2853. Т.1. Л.2–13; Д.П-7198. Л.9.
414. Там же. Д.П-12576. Л.25; Д.П-12067. Л.102.
415. История советских органов... С.56, 57.
416. *Шубкин В.Н.* Свидетельство о смерти //Социологические исследования. 1994, № 1.
417. *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба... С.132; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.238–239.

418. История советских органов... С.262; *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С.94.
 419. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-3509. Л.18; Д.П-19838. Т.5. Л.142; Этноконфессия в советском государстве... С.152, 342–346, 388.
 420. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.326. Л.22.
 421. АУФСБ по НСО. Д.П-8213. Л.395.
 422. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.582–584.
 423. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.102.
 424. 1937–1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на Томской земле. Сб. документов и материалов. – Томск: М., 2006. С.365, 386; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.63; *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.224.
 425. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-2155. Л.189.
 426. Там же. Д.П-2780. Л.2–3, 10–13, 22–32.
 427. В своих мемуарах Судоплатов негативно оценивал создание следчестей, где выбивали показания, противопоставляя им якобы более гуманную прежнюю практику. *Судоплатов П.А.* Спецоперации... С.69.
 428. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.655. Л.26.
 429. Там же. Д.352. Л.10; Д.655. Л.53.
 430. ГАКО. Ф.П-15. Оп.7. Д.241. Л.103–105.
 431. Реабилитация: как это было... Т.2. С.613; *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность... С.289–290.
 432. Без грифа «Секретно». Автор-составитель И.Н. Кузнецов. – Новосибирск, 1997. С.140; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.266.
 433. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.262; АУФСБ по НСО. Д.П-8440. Л.195.
 434. *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.265.
 435. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.655. Л.10–23.
 436. АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.172, 173; Д.П-8426. Л.212–213.
 437. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.8. Л.243; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.42–43.
 438. АУФСБ по НСО. Д.П-8440. Л.196; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4649. Т.5. Л.518.
 439. См. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.117; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5607. Т.6. Л.23–24; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.42.
 440. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.673. Л.3; АУФСБ по НСО. Д.П-5257. Л.37–63.
 441. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.673. Л.3.
 442. *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.182; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.178.
 443. Откровенно о многом... – Улан-Удэ, 2003. С.160.
 444. АУФСБ по НСО. Д.П-3593. Т.2. Л.447.
 445. Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб... С.89.
 446. Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. //НИПЦ «Мемориал».
 447. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Т.1. Л.168–169.
 448. *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.42; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5607. Т.6. Л.24.
 449. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4136. Т.1. Л.714; АУФСБ по НСО. Д.П-872. Т.1. Л.87.
 450. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.38, 59.

451. *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири... С.234–235; АУФСБ по НСО. Д.П-8125. Т.4. Л.213–214 об.
 452. *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири... С.235.
 453. АУФСБ по НСО. Д.П-7977. Л.331, 332; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.568. Л.112.
 454. *Бирюков А.М.* Колымские истории. – Новосибирск, 2004. С.69. Следствие по делам работников НКВД Туркмении установило «сотни так называемых “штатных свидетелей”, которые в результате угроз, обмана, а иногда за деньги давали по указке следователя на любого человека любые показания». История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.349.
 455. *Гладков Т.К.* Награда за верность – казнь. – М., 2000. С.492.
 456. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5607. Т.6. Л.24.
 457. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.307, 309; История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.316.
 459. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.143–144.
 460. 1937–1938 гг. Операции НКВД... С.364; *Самосудов В.М.* О репрессиях в Омском Прииртышье. Исторические этюды. – Омск., 1998. С.23.
 461. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.157; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.8. Л.244.
 462. АУФСБ по НСО. Д.П-6352. Л.23, 42.
 463. *Тепляков А.* Партизанский герой Игнатий Громов: Штрихи к портрету //Голоса Сибири: литературный альманах. – Выпуск шестой /сост. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово, 2007. С.829; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.129.
 464. Забвению не подлежит... Т.3. – Омск, 2001. С.38; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.40–41.
 465. Большая цензура... С.427.
 466. Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып. 2. – Новосибирск, 1994. С.66–67.
 467. См. *Быстролётов Д.А.* Путешествие на край ночи. – М., 1996. С.29, 40.
 468. АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.140–142; Из истории земли Томской. Год 1937... С.145.
 В Туркмении практиковался так называемый допрос «на яме», когда упорствовавшего арестованного следователя в числе осуждённых к расстрелу вывозили за город к месту приведения в исполнение приговоров и, расстреливая в его присутствии осуждённых, угрожая смертью ему самому, требовали признания. Такой допрос обычно заканчивался оговором десятков и даже сотен людей. История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.349.
 469. *Самосудов В.М.* О репрессиях в Омском Прииртышье... С.48–49.
 470. См. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.). Сб. документов и материалов /Сост. и ответ. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск, 2005. С.21; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.148, 206–208; «Руководствуясь революционной совестью...». Сб. документов по истории Алтайской губЧК 1919–1922. – Барнаул, 2006. С.210.
 471. *Герштейн Э.Г.* Лишняя любовь //Новый мир. 1993. № 11.
 472. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ... Январь 1922 – декабрь 1936... С.277–279.
 473. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.537–538; История советских органов... С.234–235.
 474. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.251.
 475. ГАНО. Ф.П-6. Оп.1. Д.936. Л.98; Ф.П-3. Оп.3. Д.95. Л.37 об.
 476. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.35. Л.5–34.

477. АУФСБ по НСО. Д.П-17386. Т.7. Л.351, 583 об., 593, 594, 601, 724.
 478. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.111.
 479. Книга памяти жертв политических репрессий республики Хакасия. Т.1. – Абакан, 1999. С.460; Забвению не подлежит... Т.3. – Омск, 2001. С.37–49.
 480. АУФСБ по НСО. Д.П-6510. Т.28. Л.71; Д.3832. Л.1–224. В конце 1938 г. начальнику УНКВД по Житомирской области Г.М. Вяткину инкриминировались убийства арестованных во время допросов.
 481. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.8. Л.201.
 482. ГОА СБУ (Киев). Ф.16. Оп.31. Д.95. Л.205–206.
 483. Боль людская... Т.3. – Томск, 1992. С.436; *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.269.
 484. АУФСБ по НСО. Д.П-3580. Т.3. Л.180; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.44.
 485. АУФСБ по НСО. Д. П-4421. Т.5. Л.422–423; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.178.
 486. *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность... С.314; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.171.
 487. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-1900. Т.5. Л.219; АУФСБ по НСО. Д.П-3593. Т.2. Л.471; Д.П-5687. Т.2. Л.86; Д.П-7520. Т.2. Л.200.
 488. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.51. Л.69–70.
 489. *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.62; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4649. Т.5. Л.108.
 490. Расправа. Прокурорские судьбы... С.303.
 491. *Папков С.А.* Сталинский террор... С.228; Забвению не подлежит... Т.6. – Омск, 2003. С.29–30.
 492. *Самосудов В.М.* О репрессиях в Омском Прииртышье... С.32, 34; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.148, 151.
 493. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.135, 167, 369, 403, 430, 457, 449.
 494. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т.7. 1920–1965. – Барнаул, 2005. С.341, 343; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-2780; Забайкальский рабочий (Чита). 1988, 19 дек.
 495. *Курас Л.В.* Очерки истории органов государственной безопасности Республики Бурятия. – Улан-Удэ–Иркутск, 1998. С.99; Жертвы политического террора в СССР... (CD).
 496. *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.109-111, 188; ГАЧО. Ф.П-1. Оп.1. Д.934. Л.173; Ф.П-3. Оп.1. Д.882. Л.152–153.
 497. АУФСБ по НСО. Д.П-8426. Л.202; Д. П-4783. Л.153–157.
 498. 1937–1938 гг. Операции НКВД... С.416.
 499. *Бобринев В., Рязанцев В.* Палачи и жертвы. – М., 1993. С.99–100; *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.215.
 500. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.771. Л.159.
 501. Там же. Д.929. Л.48; Д.1488. Л.111; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.58. Л.82; *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.269.
 502. ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.607. Л.14; *Самосудов В.М.* О репрессиях в Омском Прииртышье... С.35; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.903. Л.53. Для представителей нацменьшинств характерно было под видом подписи делать на своём языке записи, разоблачавшие следствие. Новосибирский чиновник «Заготзерно» венгр Шамоди написал под протоколом вместо подписи по-венгерски слово «неправда». Арестованные летом 1937 г. в Новосибирске татары Н. Галямов и А. Сагитов под следственными документами написали: Галя-

- мов – «виновным себя не признаю» (по-русски, но арабской вязью), Сагитов – «ложь», «написано ложно, отказываюсь», «от показаний отказываюсь» (по-татарски). ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.174; АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т.2. Л.52, 93–96.
 503. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.533. Л.233.
 504. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш»... С.14–15.
 505. История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.364; *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.265. Одновременно Лебедев заявил прокурору, что имеет указание «смелее направлять дела» на Особое совещание «даже в том случае, если в деле ничего нет».
 506. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.242. Л.13; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.8. Л.289.
 507. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.673. Л.3; Оп.18. Д.21. Л.277; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.746. Л.100.
 508. История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.364; АУФСБ по НСО. Д.П-8426. Т.2. Л.210–220.
 509. Там же. Д.П-12408. Л.5, 177, 193–196; ГАНО. Ф.П-4. Оп.33. Д.238а. Л.26.
 510. *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.283.
 511. ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.955. Л.1–4.
 512. См. весьма ограниченный материал о тюрьмах в: *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. – Екатеринбург, 1997; *Базунов В.В., Детков М.Г.* Тюрьмы НКВД-МВД СССР в карательной системе Советского государства. – М., 2000.
 513. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4564. Т.2. Л.86.
 514. *Базунов В.В., Детков М.Г.* Тюрьмы НКВД-МВД СССР... С.14, 17; История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.219.
 515. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.144. Л.129.
 516. Там же. Ф.П-3. Оп.3. Д.107. Л.41–42; Ф.288. Оп.5. Д.1. Л.60.
 517. Там же. Ф.47. Оп.5. Д.106. Л.100–101; Ф.288. Оп.5. Д.1. Л.57.
 518. Там же. Ф.47. Оп.1. Д.1889. Л.96; Ф.П-3. Оп.2. Д.576. Л.19.
 519. *Ефремов М.А.* 80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937). – Новосибирск, 2002. С.250–251; *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.129; История сталинского Гулага... Т.4. Население ГУЛАГа: численность и условия содержания. – М., 2004. С.581; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.22а. Л.18; Ф.П-3. Оп.1. Д.772. Л.74.
 520. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.227. Л.84; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.95.
 521. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.4. Д.586.
 522. АУФСБ по НСО. Д.П-5590. Т.3. Л.5; Д.П-4421. Т.5. Л.354 об.; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.162.
 523. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-1900. Т.5. Л.219; *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность... С.310–311.
 524. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.148.
 525. ГАНО. Ф.П-1. Оп.2. Д.163. Л.338; ГАКО. Ф.П-107. Оп.1. Д.4. Л.40.
 526. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.106. Л.100.
 527. Там же. Ф.П-3. Оп.2. Д.218. Л.4–13.
 528. *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.120; История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.67; *Ефремов М.А.* 80 лет тайны... С.283–285.
 529. ГАНО. Ф.П-29. Оп.1. Д.253. Л.101; *Ефремов М.А.* 80 лет тайны... С.284; История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.198.

530. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири... С.120; ГАНО. Ф.288. Оп.5. Д.1. Л.60.
531. ГАНО. Ф.П-22. Оп.1. Д.19. Л.138; АУФСБ по НСО. Д.П-16012. Л.77 об.; Д.П-17189. Л.61–67.
532. ГАНО. Ф.288. Оп.5. Д.1. Л.61.
533. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири... С.91–114, 120, 128–130; История сталинского ГУЛАГа... Т. 4. Население ГУЛАГа... С.477.
534. ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.1889. Л.185–186; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.244. Л.181.
535. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.153. Л.86; Д.157. Л.88 об.; Д.293. Л.173–174; ЦДНИТО. Ф.206. Оп.1. Д.18. Л.62 об.
536. ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.593. Л.68.
537. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.168. Л.5; ЦДНИТО. Ф.1134. Оп.1. Д.1. Л.4.
538. ГАНО. Ф.288. Оп.5. Д.1. Л.59–60.
539. Там же. Ф.911. Оп.1. Д.362. Л.28; Ф.47. Оп.5. Д.162. Л.30–33. Краевед М.А. Ефремов (см. *Ефремов М.А.* 80 лет тайны... С.285–286) ошибочно датировал коллапшевский эпизод 1933 г. и сильно искажил содержание докладной А.Е. Емеца.
540. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.692. Л.103–104.
541. ГАНО. Ф.П-3. Оп.7. Д.579. Л.81; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.109. Л.125.
542. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.227. Л.7–21.
543. Сведения Красноярского «Мемориала»; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.45.
544. Откровенно о многом... – Улан-Удэ, 2003. С.137.
545. Жертвы политического террора в СССР... (CD).
546. Без грифа «Секретно»... С.144; *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири... С.232.
547. Жертвы политического террора в СССР... (CD).
548. *Базунов В.В., Детков М.Г.* Тюрьмы НКВД-МВД СССР... С.24, 25; *Литвин А.Л.* Красный и белый террор в России... С.418; Сведения НИПЦ «Мемориал».
549. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5037. Л.15 об.
550. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.153.
551. См. Боль людская. Книга Памяти репрессированных томичей... Т. 1–5; *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.274, 280, 285.
552. ГАНО. Ф.288. Оп.5. Д.1. Л.57.
553. Там же. Ф.911. Оп.1. Д.281. Л.1; *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.267.
554. См. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.42.
555. *Бедин В., Кушникова М., Тозулев В.* От Кузнецкого острога до Кузнецкстроя... С.61; ГАКО. Ф.П-9. Оп.1. Д.320. Л.8 об., 14–14 об.
556. ГАНО. Ф.288. Оп.5. Д.1. Л.58–61, 65.
557. Там же. Ф.П-3. Оп.1. Д.698. Л.67; Оп.7. Д.579. Л.502, 503.
558. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.244. Л.116; Д.290. Л.103; ГАКО. Ф.П-15. Оп.7. Д.213. Л.28.
559. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.265. Л.1–6, 13, 15.
560. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.255; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.322. Л.71.
561. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.243. Л.28.
562. Там же. Д.876. Л.123; ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.751. Л.298.
563. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.434. Л.126–127; ГАНО. Ф.П-58. Оп.3. Д.3. Л.17–25, 32–38; Д.12. Л.29.
564. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.776. Л.55.
565. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.18. Д.12. Л.8; ТОЦДНИ. Ф.7. Оп.1. Д.949. Л.22.

566. ЦДНИТО. Ф.77. Оп.1. Д.236. Л.473.
567. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Л.293. Л.203; Д.820. Л.106.
568. ГАКО. Ф.П-15. Оп.7. Д.212. Л.111; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.52. Л.64.
569. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.561. Л.12.
570. ЦДНИОО. Ф.18. Оп.2. Д.12. Л.664; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.258. Л.25–26; Д.410. Л.54.
571. ГАНО. Ф.П-58. Оп.1. Д.19. Л.79; Д.53. Л.87–88; ЦХАФАК. Ф.П-10. Оп.20. Д.129. Л.24 об.
572. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.2270. Л.37; Ф.18. Оп.2. Д.12. Л.401.
573. Там же. Ф.14. Оп.2. Д.588. Л.176; Ф.18. Оп.2. Д.12. Л.382.
574. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.102. Л.29 об.; *Соловьёв А.В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки... С.131–142; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.885. Л.34.
575. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.694. Л.111.
576. Там же. Оп.1. Д.867. Л.31; Оп.2. Д.391. Л.206.
577. ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.545. Л.198; ЦДНИТО. Ф.534. Оп.2. Д.2. Л.17.
578. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.115; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.336. Л.228; Ф.П-10. Оп.22. Д.96. Л.216–217; Главное управление внутренних дел Кемеровской области... С.362.
579. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.859. Л.176, 176 об.; ГАНО. Ф.1027. Оп.8. Д.31. Л.55.
580. ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.7823 (ЛД); Ф.П-58. Оп.1. Д.78. Л.114; *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири... С.217.
581. ГАНО. Ф.1027. Оп.8. Д.23. Л.252, 423; ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.2209. Л.36; Д.1960. Л.63; Д.3156. Л.33.
582. ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.541. Л.63; Д.892. Л.141; ГАНО. Ф.1027. Оп.10. Д.13. Л.4.
583. *Алексеев В.В.* Гибель царской семьи: Мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). – Екатеринбург, 1993. С.53–82.
584. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4564. Т.2. Л.83.
585. Подробно о комендантах и их службе см.: *Тепляков А.Г.* Процедура... С.21–28, 31–33, 47, 57, 70–75, 86–87.
586. ЦДНИТО. Ф.206. Оп.1. Д.213. Л.161; Д.300. Л.15; Д.459. Л.76; Д.690. Л.28; Ф.3791. Оп.1. Д.18. Л.52; Ф.341. Оп.1. Д.5. Л.37; Д.12. Л.47; Д.32. Л.47.
587. *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.83; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.9. Л.15; Ф.911. Оп.1. Д.10. Л.48; Д.396. Л.18, 20, 21.
588. ГАНО. Ф.П-6. Оп.1. Д.273. Л.42; Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.11, 317; Ф.1027. Оп.8. Д.23. Л.190; РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.2978. Л.29; ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.74. Л.7; Ф.17. Оп.1. Д.1922. Л.28.
589. *Шангин М.* Террор против совести. – Омск, 1994. С.70; ЦДНИОО. Ф.7. Оп.5. Д.51. Л.61; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.10. Л.12; Ф.П-6. Оп.1. Д.202. Л.125 об.
590. *Ларьков Н.С., Чернова И.В.* Полицейские, комиссары, начальники: (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). – Томск, 1999. С.149–150.
591. ТОЦДНИ. Ф.124. Оп.9. Д.59. Л.153, 154; Оп.54. Д.114. Л.21; ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1938. Л.66–67.
592. ГАНО. Ф.1027. Оп.8. Д.31. Л.70; Д.43. Л.6; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5485. Т.2. Л.42, 54.
593. АУФСБ по Томской обл. Д.П-14075. Л.1, 2; ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.195. Л.709; ТОЦДНИ. Ф.23. Оп.1. Д.9. Л.23, 33.
594. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.255. Л.131; ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.839. Л.95; Ф.341. Оп.1. Д.53. Л.21; Д.541. Л.56; Ф.341. Оп.1. Д.52а.

595. АУФСБ по НСО. Д. П-4423. Л.131–133; ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.541. Л.43; Д.838. Л.153; Ф.537. Оп.1. Д.29. Л.14 об., 50.
596. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.3. Л.183; Д.4. Л.210; ЦХИДНИКК. Ф.26. Оп.3. Д.419. Л.6.
597. ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.58. Л.57; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.27; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.541. Л.205.
598. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.800. Л.87–88; Оп.2. Д.533. Л.103.
599. ГАНО. Ф.1027. Оп.8. Д.31. Л.51; ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.541. Л.59; Ф.341. Оп.1. Д.52а. Л.51, 75, 173.
600. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.630. Л.145–146; Д.616. Л.129.
601. Кладовщик ПП ОГПУ ЗСК М.П. Серебrenников, ранее выбывавший из партии как психически больной, в мае–июне 1932 г. в течение пяти недель проработал комендантом полпредства, после чего был уволен. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.53, 87.
602. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.87; *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.82; ГАНО. Ф.П-22. Оп.1. Д.165. Л.331.
603. ГАНО. Ф.П-76. Оп.1. Д.357. Л.106.
604. Подробнее см. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.86–87, 89–91.
605. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4649. Т.5. Л.125.
606. АУФСБ по НСО. Д.П-8426. Л.212; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10787. Л.156.
607. АУФСБ по НСО. Д.П-4514. Т.4. Л.191 об.; Д.П-4513. Т.2. Л.61.
608. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.62.
609. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т.1. Л.126–127.
610. Такие камеры организовывались с первых лет советской власти: в 1922 г. пыткой содержанием на льду были подвергнуты фигуранты Базаро-Незнамовской «организации», а в начале 1933 г. в барнаульской тюрьме через ледяные казематы прошли многие узники и был насмерть заморожен один из участников «заговора в сельском хозяйстве» В.С. Атюнин. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.206, 207; *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые... С.26.
611. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.2343. Л.76; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.630. Л.117–118.
612. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4649. Т.5. Л.114–115.
613. *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.64; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4649. Т.5. Л.113–114, 117.
614. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006. С.163; АУФСБ по НСО. Д.П-5738. Т.3. Л.119.
615. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.50.
616. Там же. Д.2. Л.101. Здесь, скорее всего, имелся в виду случай с чекистом Б.И. Соيفером, который 3 августа 1937 г. выбросился из окна кабинета следователя. Ему посчастливилось выжить после падения с третьего этажа, отделавшись переломом позвоночника. АУФСБ по НСО. Д.П-12265. Л.1; Д.П-8918.
617. Сведения НИПЦ «Мемориал».
618. *Буяков А.М.* Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923–2003 гг. – Владивосток, 2003. С.86–87; *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий... С.334.
619. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.409; *Павлюков А.Е.* Ежов... С.453.
620. РГАНИ. Ф.6. Оп.3. Д.594. Л.144–154; Берия. Конец карьеры... С.315.
621. Забвению не подлежит... Т. 9. – Омск, 2003. С.56; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.535. Л.2.
622. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.386.

623. ЦА ФСБ (сведения НИПЦ «Мемориал»).
624. *Тепляков А.* Последний полёт прокурора Баркова //Новосибирские новости. 2003, 13 нояб., № 45. С.29; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10787. Л.178; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.64.
625. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.155; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10787. Л.156; АУФСБ по НСО. Д.П-5030. Т.3. Л.80.
626. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.159.
627. *Иванов-Разумник Р.В.* Тюрьмы и ссылки. – Нью-Йорк, 1953. С.240, 303.
628. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.158, 168, 178.
629. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.257; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.65.
630. АУФСБ по НСО. Д.П-5038. Л.87–105.
631. 1937–1938 гг. Операции НКВД... С.270–271.
632. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-7014 (пакет).
633. Там же. Д.П-4649. Т.5. Л.115.
634. АУФСБ по НСО. Д.П-20841. Л.21–22.
635. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ... С.323; *Semyistiaha V.* The role and place of secret collaborators... P.231–244.
636. АУФСБ по НСО. Д.П-17386. Т.7. Л.543; *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые... С.25–26.
637. *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. – М., 2000.
- О вербовке в тюрьме мужа сестры Михаила Булгакова Л.С. Карума, выведенного в «Белой гвардии» под фамилией Тальберг, косвенно свидетельствуют как мягкий приговор (ссылка в Новосибирск), так и зафиксированные агентурой резкие высказывания осенью 1937 г.: «Своими действиями большевики сами создают кадры контрреволюционеров. [...] Я обошёл 12 учреждений, везде есть места, но на работу не принимают. [...] Сейчас нужно использовать предстоящие выборы и разъяснять массам, какой произвол допускает советская власть на двадцатом году революции». ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.21. Л.15. Предложение Карума разъяснять массам советский произвол сильно отдаёт провокацией, и характерно, что за такое предложение он не понёс ни малейшего наказания.
638. АУФСБ по НСО. Д.П-8440. Л.183–186.
639. Там же. Д.П-4457. Т.3. Л.111.
640. *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые... С.57; АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т. 2. Л.215; *Гришаев В.Ф.* Убитые дважды //Алтай. 1992. № 3. С.130.
641. *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА... С.187; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.11.
642. АУФСБ по НСО. Д. П-3715. Л.120, 122; Там же. Материалы доп. проверки по делу В.М. Шишковского. Л.10; Д.П-10637.
643. АУФСБ по НСО. Д.П-1213. Л.205.
644. Там же. Д.П-8437. Т.3. Л.347; Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). В одной из работ С.И. Ежов отождествлён с братом наркома внутренних дел И.И. Ежовым. См. *Самосудов В.М.* Большой террор... С.266.
645. *Савин А.И.* (сост.) Советское государство и евангельские церкви Сибири... С.323.
646. *Тепляков А.* Дело «Грудовой крестьянской партии» 1937 года... С.839; *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые... С.57.
647. *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА... С.188; Расправа. Прокурорские судьбы... С.98.
648. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.8. Л.246.
649. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.106. Вероятно, эта порочная формула-уловка не просто придумана прокурорами, которые из опыта пересмотра громадного количества дел прекрасно понимают роль сексотов в их фабрикации, а является результатом гласной либо негласной договоренности с чекистами, оставаясь в силе до сих пор.

650. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10040. Л.206, 219; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.158; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.11.
651. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.157.
652. АУФСБ по НСО. Д.П-5038. Л.204; *Панков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.190.
653. В 1940 г. Франконтель был направлен в Орловскую тюрьму, а оттуда – в Норильлаг НКВД, где и умер в 1945 г. АУФСБ по НСО. Д.П-5038. Л.212; Сведения Красноярского «Мемориала».
654. Сведения Красноярского «Мемориала».
655. АУФСБ по НСО. Д.П-10670. Л.45; *Бобринев В.А., Рязанцев В.Б.* Палачи и жертвы... С.98; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.265.
656. *Сухомлинов А.В.* Кто вы, Лаврентий Берия? – М., 2003. С.309–310; Реабилитация: как это было... Том I. – М., 2000. С.325, 330.
657. *Петров Н.В.* Первый председатель КГБ... С.313–315.
658. *Ваксберг А.И.* Нераскрытые тайны... С.120, 140.
659. См. подробнее: *Тепляков А.Г.* Процедура... С.31–33, 41–50.
660. Сведения о том, что старообрядческие епископы Амфилохий и Тихон в 1938 г. были утоплены в Амуре в 18 км от г. Свободного (см. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. – М., 1996. С.283), следует признать легендарными, поскольку Амфилохий (А.С. Журавлёв) был расстрелян 1 ноября 1937 г. в Омске.
661. Сведения НИПЦ «Мемориал».
662. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.5, 9–10, 13–14, 35–38, 45, 49, 58–61, 69–76.
663. ГА СБУ. Д.ФП-47838. Л.318–320.
664. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.5. Л.98; Ф.1027. Оп.8. Д.39. Л.57, 58. *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.97.
665. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.281. Л.123.
666. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.61.
667. Забайкальский рабочий (Чита). 1989, 5 окт.
668. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.71–75; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.156; *Наумов В., Краюшкин А.* Последнее слово Николая Ежова //Московские новости. 1994. № 5, 30 янв.
669. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.58, 72–76.

Глава 3

«МАССОВЫЕ ОПЕРАЦИИ»

Так называемые «массовые операции» являлись наиболее ярко выраженными репрессивными кампаниями, затрагивавшими целые социальные слои (1–3). Обычно их целью было физическое уничтожение, изъятие и ограбление тех категорий населения, которые, с точки зрения государства, подлежали постоянным чисткам. «Массовые операции» задавались верхами, отличались определёнными временными рамками, утверждёнными сверху лимитами на число подлежащих репрессиям, быстрым осуждением огромного количества людей в упрощённом порядке с помощью внесудебных органов – Коллегии ОГПУ, Особого совещания при НКВД СССР, Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР, *троек* ОГПУ-НКВД, «Законные» судебные инстанции – спецколлегии областных судов, окружные и районные суды, линейные транспортные суды, Военная коллегия Верховного суда СССР и военные трибуналы округов – также вносили ударной работой свою немалую лепту в осуждение жертв «массовых операций».

К «массовым операциям» принадлежит и кампания «валютных операций» 1930–1934 гг. – с её периодическими лимитами на проведение массовых обысков и арестов, а также плановыми заданиями на «выкачку» тех или иных валютных сумм. Хорошо заметно, что в более спокойные периоды методы «массовых операций» также оставались инструментом карательных органов. Таким путём производились по мере необходимости локальные репрессии в регионах, которые заключались в быстрых акциях по высылке или осуждению многих сотен лиц из выбранной целевой группы. «Массовые операции» распространялись и за пределы СССР. За рубежом первой известной нам такой акцией являлся арест в Монголии в период подавления грандиозного народного восстания весной–летом 1932 г. множества русских эмигрантов с последующей принудительной высылкой в СССР как членов «японской шпионско-повстанческой организации» (4).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Новая широкая волна репрессий в деревне началась осенью 1929 г., когда Сталин организовал чекистское обеспечение начинавшейся массовой коллективизации (5). Директива Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 октября 1929 г. предписывала ОГПУ и органам юстиции «принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления», осуществляя эти меры «через ОГПУ» (6), то есть во внесудебном порядке. Широкая формулировка относительно «и других контрреволюционных выступлений» давала возможность быстрой расправы с любыми противниками режима.

Когда ОГПУ начало массовые аресты в связи с «противодействием кулачества» хлебозаготовкам, полпред Л. М. Заковский колебался лишь несколько дней. Информационный отдел ОГПУ 24 октября 1929 г. отметил, что наиболее широко применяют репрессии против «кулаков» чекисты Украины и Северного Кавказа, «а в последнее время втянулась и Сибирь», дав 3.027 арестованных – при том, что на 7 октября их было в крае всего чуть более 200 чел (7). Сибирские чекисты немедленно приступили к фабрикация крупных «повстанческих организаций». Например, в октябре–ноябре 1929 г. Рубцовский окротдел ОГПУ вскрыл «контрреволюционную организацию» из 66 чел. Расправа с «повстанцами» последовала скоро: 14 декабря 1929 г. они были осуждены, причём 12 чел. получили высшую меру наказания. Всего за вторую половину 1929 г. сибирские чекисты репрессировали 6.319 «кулаков».

О террористическом характере проводимой кампании борьбы с «организующимся кулачеством» говорит то, что чекисты нередко расстреливали только за разговоры против мероприятий власти. Так, в сентябре 1929 г. Бийским окротделом ОГПУ были арестованы девять зажиточных крестьян с. Караколь Солонешенского района во главе со священником-старообрядцем К. И. Крупениным. Эту «кулацкую группу» обвинили в агитации, направленной против выборов в сельсовет и заготовительной кампании, а также в распространении слухов о скором конце света. Особая *тройка* при полпредстве ОГПУ 24 октября 1929 г. приговорила всех крестьян к высшей мере наказания (8).

Следует отметить, что *тройка* при ШП ОГПУ по Сибкраю для внесудебного рассмотрения дел была создана с санкции Коллегии ОГПУ ещё 28 декабря 1928 г. – для заочного рассмотрения дел о политическом

и военном шпионаже, контрреволюционных организациях, вредительстве и диверсиях, уголовном и политическом бандитизме. В её состав входил прокурор, имевший право опротестовывать решения *тройки*. Прокурор Сибкрая И. Д. Кунов уже 29 декабря 1928 г. издал циркуляр об усилении наблюдения за чекистами, обязав прокуроров присутствовать при допросах обвиняемых. Однако в марте 1929 г. Заковский в письме Сибкрайкому заявил, что не будет исполнять циркуляр, обвинив прокуратуру в том, что она берёт под сомнение деятельность ОГПУ и дискредитирует чекистов, обвиняя их в фальсификациях дел и пытаясь – вместо надзора – руководить следствием. В итоге полпред вышел победителем. Постановлением бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 9 марта 1929 г. было принято предложение СибКК об отстранении крайпрокурора Кунова от работы «в связи с рядом компрометирующих его материалов, появившихся в краевой печати с дискредитирующими сведениями о работе в Смоленске» (9).

Формально прокуратура могла обжаловать решение *тройки* в Коллегию ОГПУ и приостановить исполнение приговора, но в реальности прокуроры верно служили принципам «классового правосудия», для ускоренного совершения которого и создавались органы внесудебной расправы. Прокурорский надзор над *тройкой* оказался условным и не смог помешать массовым репрессиям. Сибирская практика показывает, что некоторые крупные дела признавались необоснованными, но уже после расстрела фигурантов.

Тройки в сущности являлись региональными филиалами Коллегии ОГПУ и действовавшего при ней Особого совещания. Создание *троек* мотивировалось слишком большим потоком дел, с которым не справлялись в Москве. Поначалу приговоры *троек* утверждались Коллегией ОГПУ, но с расширением террора власти на местах получили право выносить и немедленно исполнять смертные приговоры. *Тройка* напоминала коллегию губчека (в которую обычно входили представители местных партийных, советских и военных властей), пачками после формального рассмотрения дела отправлявшую на расстрел разоблачённых «контрреволюционеров».

Сибирская *тройка* ШП ОГПУ постоянно рассматривала крупные дела, по которым выносились сразу десятки смертных приговоров. Только с 21 ноября 1929 г. по 21 января 1930 г. ею было рассмотрено 156 дел, по которым оказалось осуждено 898 чел., в том числе 347 (38,6 %) – к расстрелу. Предписания работникам комендатуры о расстреле осуждённых подписывал лично председатель *тройки* Заковский. Однако темпы

репрессий рубежа 1929–1930 гг. не могли удовлетворить сталинскую группировку. Она достаточно неожиданно для чекистов выступила с инициативой резкого усиления репрессий и проведения их путём развёрстки по регионам конкретных лимитов на аресты. Решение Политбюро о высылке сотен тысяч крестьян и репрессировании десятков тысяч «кулаков» обязывало карательные органы к совершенно новому качеству своей деятельности.

Для проведения операции по массовому репрессированию «кулачества» 3 февраля 1930 г. в аппарате ОГПУ была создана оперативная группа из шести видных чекистов (С.В. Пузицкий, В.А. Кишкин и др.), руководимая начальником СОУ Е.Г. Евдокимовым и его помощником Я.К. Ольским (10). Аналогичные опергруппы создавались и на местах. Л.М. Заковский, получив приказ ОГПУ СССР от 2 февраля 1930 г., предписывавший репрессировать по Сибири 25 тыс. семей «кулаков», а 5–6 тыс. «организаторов терактов и контрреволюционных выступлений» немедленно арестовать, заключить в концлагеря либо расстрелять (11), сразу наметил конкретные цифры «антисоветских элементов», подлежащих аресту окружными органами ОГПУ. Для нанесения удара по «кулаку» Заковский сформировал специальную оперативную группу из 9 чел., которая активно действовала до апреля 1930 г., организовывая и координируя работу по «раскулачиванию», переселению и вскрытию «повстанческих организаций».

В результате усилий опергруппы московские лимиты оказались быстро перекрыты: к 5 февраля 1930 г. по Сибири было арестовано 3.691 чел., на 15 февраля – 6.067 чел., к концу марта – ок. 9 тыс. В апреле аресты получили новое ускорение, и к 24 апреля 1930 г. чекисты края «изъяли» фактически тройной лимит – 15.189 чел., в том числе «кулаков» – 9.279, середняков – 1.999. Было ликвидировано 28 крупных «антисоветских организаций» из 3.195 чел., причём «кулаки» составляли в них меньшую часть – 918. «Группировок» чекисты ликвидировали 540, арестовав по ним 4.287 чел. Среди всех арестованных чуть более половины – 7.707 чел. – составляли так называемые антисоветчики-одиночки, из которых 2.655 были отнесены к числу «бандитов»-повстанцев (12). В мае темпы арестов сократились. Что касается «раскулаченных», то в Сибири было конфисковано имущество 60 тыс. хозяйств, а выслано 16 тыс. семейств.

Материалы следственных дел дают некоторую информацию об оперативных задачах, которые ставило полпредство перед аппаратами окружных отделов. В феврале 1930 г. работники учётно-осведомительного

отдела Барабинского окротдела ОГПУ А.Г. Луньков и Н.Г. Чечулин сфабриковали дело на повстанческую кулацкую группу из 9 чел. Но сделали это так топорно, что вскоре получили настоящую отповедь от новосибирского начальства: уполномоченный УЧОСО ПП М. Туркин составил официальное письмо, подписанное руководством отдела, где отмечалось «исклчительно поверхностное отношение как к агентурной разработке данной группировки, так и ведению следствия». Туркин отметил, что представленные протоколы допросов пестрят выражениями типа «имел органическую злобу», «как классовый враг», «питал ненависть к Соввласти» и подкреплены «весьма жиденькими данными». Дело было направлено на дополнительное расследование, причём предписывалось не только допросить новых свидетелей, но и привлечь в качестве обвиняемых двух человек – явных провокаторов – которые дали нужные чекистам показания о себе и других, за что оказались в числе не арестантов, а свидетелей. Однако в результате доследования никого из привлечённых не освободили, напротив, один из них был расстрелян, а пятеро – отправлены в лагерь (13).

Такое формально строгое отношение к некоторым делам, сфабрикованным провинциальными чекистами, не было инициативой новосибирского начальства. Ещё 16 февраля 1930 г. Г.Г. Ягода в своих пометках, адресованных начальнику Особого отдела Я.К. Ольскому, выражал беспокойство за ход «кулацкой» операции: «Я боюсь, что начнут стрелять за к/р агитацию, этого делать ни в коем случае нельзя, [а можно] только если он – вожак-вдохновитель». Там же Ягода, анализируя сводки от ПП Северного Кавказа и Ленинградского военокруга, указывал, что «не обязательно взять норму, можно [арестовывать] и меньше», т. к. в настоящий момент не стоит задача целиком очистить деревню от попов, торговцев и «прочих», это задача следующих месяцев, а сейчас «надо бить верно, по цели – кулаку...» (14).

В полномочных представительствах предпринимались символические попытки следовать сдерживающим указаниям Центра. М. Туркин и его начальники в конце письма напоминали, «что основной задачей проводящейся операции по кулачеству является разгром наиболее активной, политически зрелой его части. Между тем эта операция Вами превращена в чистку округа от кулацко-антисоветского элемента вообще». Критикуя деятельность барабинцев (начальника окротдела М.А. Плахова и его заместителя М.С. Панкратьева), новосибирские работники УЧОСО подчёркивали: «Указанное подтверждается превышением Вами нормы намеченного к изъятию кулачества почти вдвое, причём абсолютное

большинство поступающих от Вас следдел на изъятых по обвинению их в антисоветской агитации... содержат весьма натянутые обвинительные материалы, исходящие главным образом от деревенских коммунистов, соработников и ранее скомпрометированных лиц, которые и являются преобладающим контингентом свидетелей» (15).

Но местные партийные структуры поддерживали именно массовую чистку: в феврале 1930 г. Минусинский окружком ВКП(б) поручил начальнику окротдела ОГПУ П. П. Соколову с целью бесперебойной работы по коллективизации в Бейском и Абаканском районах «изъять явно антисоветский и контрреволюционный элемент из этих районов» (16). Приказ ОГПУ СССР от 18 марта 1930 г. указывал, что на местах вместо удара по «кулацкому к-р активу» операция превращается «в общую чистку района от антисоветских элементов». Помимо «кулаков» и «подкулачников», арестовывались торговцы, бывшие офицеры и церковный актив. По данным крайсовета Союза воинствующих безбожников, к июню 1930 г. по Сибири было привлечено к судебной ответственности до половины «всех попов» (17).

Для Заковского старательные чекисты были намного предпочтительнее тех, кто не стремился перевыполнить лимиты. Созданная им специальная опергруппа объединила основной начсостав ПП и обеспечила нанесение организованного сокрушительного удара по сибирскому крестьянству. Все эти чекисты были представлены полпредом к поощрениям, включая предложение наградить пятерых наиболее отличившихся орденами Красного Знамени. Согласно наградным характеристикам, подписанным Заковским в июне 1930 г., начальник опергруппы ПП В. Н. Гарин провёл всю подготовительную организационную работу к «массовым операциям», непосредственно в течение двух месяцев руководил на месте ликвидацией повстанческих выступлений в Ойротской области. Эти восстания выглядели наиболее тревожно для властей, в связи с чем их подавлением занимался сам глава опергруппы.

Замначальника опергруппы Г. А. Лупекин «руководил аппаратом Учосведотдела, организующим практически удар по кулацким контрреволюционным группировкам, кулацкому, антисоветскому активу и работой по организации выселения наиболее злостных кулаков на север. В результате работы за время операции ликвидировано по линии Учосведотдела 539 контрреволюционных группировок с общим количеством участников до 5000 человек, кроме того, изъято до 2000 одиночек. Кроме того, руководил аппаратом политической информации, своевременно отражавшей ход и результаты всех мероприятий».

Начальник КРО А. К. Залпетер с октября 1929 г. и в «кулацкую операцию» зимы–весны 1930 г. ликвидировал «46 контрреволюционных организаций чисто повстанческого характера и 24 политические банды с общей численностью участников более 2000 человек. За это же время ликвидировано активных контрреволюционных группировок 103, с количеством участников до 1000 человек, и сотни контрреволюционных белогвардейских одиночек. Лично... руководил непосредственно на месте ликвидацией серьёзной казачьей контрреволюционной организации в Бийском округе».

Член опергруппы П. М. Кузьмин как начальник Секретного отдела «руководил работой аппарата по ликвидации наименее уязвимо, сложного участка работы контрреволюционной и антисоветской деятельности антисоветских политических группировок и организаций. За время операции ликвидировано по линии СО 1 политическая контрреволюционная организация, 30 антисоветских политических группировок и изъято свыше 200 человек активных, ведущих политическую антисоветскую работу».

Под руководством начальника ЭКО М. А. Волкова были «проработаны вопросы экономической целесообразности расселения кулаков в отдельных районах», вскрыт ряд вредительских группировок, проходила работа по борьбе с диверсиями и пожарами. Н. П. Пупков «руководил аппаратом Административно-организационного Управления, в задачу которого входило содействие обеспечения успешной деятельности оперативно-боевой работы органов края. Выезжая на места в округа для устранения создавшейся угрозы срыва организационных мероприятий по выселению кулачества в необжитые районы».

Начальник Адмотдела полпредства В. И. Некраш «руководил разработкой плана и развёртыванием-мобилизацией аппаратов органов ОГПУ... правильно распределил силы по округам, чем значительно способствовал успехам оперативно-боевой деятельности по ликвидации контрреволюционных организаций и группировок и выселению кулачества... проявил особую энергию и добросовестность в работах по выселению кулачества, сбору натурфондов и т. д.».

Начальник управления пограничной охраны и войск ОГПУ Ф. Г. Радин «обеспечил политическую охрану границ, участие погранчастей в успешной ликвидации бандвыступлений в пограничных районах Бурят-Монгольской АССР и участие отдельных подразделений внутренних войск в ликвидации отдельных бандвыступлений внутри Сибирского края». Начальник Транспортного отдела Н. М. Василец «разработал план

перевозок выселяемых кулаков из южных округов Сибкрая, обеспечил его своевременным выполнением. Обеспечил охрану движения эшелонов с кулаками, как перевозимыми внутри Сибири, так и следующими в Сибирь с Украины и Запада. Руководил оперативной работой на транспорте, обеспечив тем самым такой от каких-либо эксцессов, диверсионных актов. Принимал участие с исключительной энергией в работах по хлебоперевозкам на транспорте» (18).

Таким образом, деятельность членов опергруппы делилась на непосредственно организацию разгрома «кулацкой контрреволюции», а также подготовку и осуществление выселения крестьянства, которой преимущественно занимались руководители неоперативных отделов. В 1930 г. было выселено 80,8 тыс. сибирских «кулаков» (19), а ещё не менее 20 тыс. – арестовано. Таким образом, «кулацкая операция» в 1930 г. дала до 100 тыс. репрессированных сибиряков, из которых каждый пятый оказался в заключении или был расстрелян.

На местах основными руководителями «кулацкой операции» были начальники окружных отделов ОГПУ. Исходя из общего лимита на репрессирование по краю 5–6 тыс. чел., на каждый округ должно было приходиться в среднем 300 арестованных. Учитывая большую разницу в населении, первоначальные лимиты должны были находиться в пределах от 500 до 100 чел. на округ.

Однако для передового сибирского окротдела в период первой «кулацкой операции» типичным было «выявление» 2–4 крупных контрреволюционных организаций, охватывавших несколько сотен человек, и от 25 до 85 группировок из нескольких человек каждая, а также нескольких десятков «контрреволюционных одиночек». На этом фоне выделялся охарактеризованный как лучший начальник окротдела И. А. Жабрев, который в Бийском округе разгромил 11 организаций и 109 группировок, арестовав 1.500 чел. На счету начальника Барабинского окротдела ОГПУ М. А. Плахова, занявшего в соревновании по арестам второе место, были две организации с количеством участников до 500 чел., 109 группировок с 855 участниками и 80 «одиночек». Жабрев и Плахов продемонстрировали очень близкие результаты по числу арестованных. Их округа считались наиболее «кулацкими» и отличавшимися сильными «повстанческими» традициями.

В целом же результаты окружных начальников сильно отличались как в количественном, так и в «качественном» отношении. Если Жабрев и Плахов почти всех арестованных оформили по групповым делам, то начальник Иркутского окротдела И. К. Шевченко ликвидировал три не-

больших организации общей численностью 131 чел., 25 группировок и целых 427 «антисоветских одиночек». Учитывая, что в группировку входило около 10 чел., на счету Шевченко оказалось порядка 750–800 арестованных. Справившись, надо полагать с лимитом на аресты, Шевченко дал мало организаций, более всего ценившихся начальством, но всё же оказался среди передовиков.

В Омском округе Ф. Г. Клейнберг организовал ликвидацию трёх организаций, 85 группировок и значительного количества «одиночек», а всего репрессировал свыше 900 чел. Начальник Томского окротдела И. А. Мальцев ликвидировал две организации с 300 участников, 41 группировку (около 320 чел.) и до ста «контрреволюционных одиночек», арестовав более 700 чел. В Канском округе Я. Я. Веверс ликвидировал две организации, 38 группировок и до 150 чел. «контрреволюционного актива – одиночек», а всего – 600 чел. Начальник Минусинского окротдела ОГПУ П. П. Соколов «данную контрольную цифру на округ по выселению на север особо злостных кулаков выполнил на 100 % и в срок». Однако Соколов не раскрыл ни одной организации, ограничившись 37 группировками и более 100 одиночками, что в целом дало не более 500 арестованных. Был поощрён начальник Рубцовского окротдела Н. Н. Хвалёбнов, который, несмотря на незначительность аппарата, «проявил должную энергию, инициативу и чекистскую изворотливость», ликвидировав четыре организации, 25 группировок и «значительное количество контрреволюционных одиночек».

Также Заковский выделил заслуги заместителей начальников Иркутского и Барабинского окружных отделов Ф. И. Кривошеева и М. С. Панкратьева (20). Остальные руководители окружных и областных отделов арестовали, надо полагать, меньшее количество крестьян и не удостоились поощрений.

О конкретном наполнении понятий «контрреволюционная организация (группировка)» можно судить по некоторым делам, сфабрикованным чекистами в марте–апреле 1930 г. Так, 87 чел. было арестовано в Верхне-Чебулинском районе Томского округа: у «организации» чекисты изъяли 34 единицы «ручного оружия», 35 пудов сухарей и 10 пудов мяса, якобы приготовленных для «банды». В Назаровском, Берёзовском и Ачинском районах Ачинского округа была вскрыта организация бывшего белого офицера Елизарьева, занимавшаяся «вербовкой повстанческих кадров» и стремившаяся связаться с повстанческим отрядом Н. Пимщикова; арестовано 76 чел. В с. Чум Кузнецкого округа готовила восстание «организация» под руководством Матренина. По ней было арестовано 87 чел., изъято пять револьверов, 10 винтовок и 20 ружей.

Согласно чекистским отчётам, в трёх районах Бийского округа буквально за несколько часов до выступления была ликвидирована большая повстанческая организация «Общество Народной Воли», один из лидеров которой якобы связывался с германским консульством. В Васинском районе Новосибирского округа была ликвидирована «повстанческая кулацкая организация» во главе с бывшим партийцем Шустовым, возникшая в конце 1929 г. и достигшая численности 161 чел. Чекисты сообщали, что у повстанцев были клички, шифр и нелегальные резидентуры в населённых пунктах. При этом оружие повстанцы планировали покупать (!), а также отбирать у коммунистов. Восстание намечалось на 1 апреля 1930 г., ОГПУ было арестовано 49 чел., большинство из которых сознались в принадлежности к этой организации. Один из её руководителей (видимо, сексот), опасаясь ареста, бежал, помешав чекистам арестовать большую группу связанных с ним лиц (21).

Вот самые значительные «организации», прошедшие только в течение первой декады апреля 1930 г. через *тройку* во главе с Заковским. Согласно чекистской версии, в ноябре 1929 в г. Ново-Омске (пригороде Омска) возникла антисоветская социал-демократическая организация. Из 18 участников половина оказалась рабочими, а трое – бывшими коммунистами. Чекисты приписали «меньшевикам» террористические намерения: взрыв пороховых складов и правительственных учреждений. Десять «террористов» были приговорены к расстрелу. Некая кулацкая группировка ряд лет существовала в двух сёлах Рыбинского района Канского округа. Чекисты арестовали 31 «повстанца» и 18 из них приговорили к расстрелу.

В большом алтайском селе Тогул было арестовано 16 кулаков-лишенцев, из которых 14 расстреляли. В с. Куяган Бийского округа действовала повстанческая группа, по которой было арестовано 44 «кулака» и священник. 20 из них получили высшую меру наказания, остальные отправились в лагерь. В Майминском аймаке Ойротской области были арестованы 11 кулаков-лишенцев, обвинённых в антисоветской агитации, а также намерении вооружиться и уйти в горы; расстреляли десятерых. Основная часть множества «группировок», пропущенных через *тройку* в течение первой апрельской декады, насчитывала не более 5–10 чел., но расправа с ними была такой же жестокой, как и с крупными «организациями» – к расстрелу приговаривалась большая часть осуждённых (22).

В ходе «массовых операций» случались незапланированные эксцессы и факты нарушения управляемости карательными чекистскими подразделениями, чему способствовала крайняя удалённость многих си-

бирских районов. Вспышка повстанчества в Якутии в начале 1930 г. вызвала со стороны властей террор в отношении зажиточного туземного населения. При этом чекисты-войсковики проявили инициативу в репрессиях и открытый ведомственный сепаратизм. Руководитель опергруппы войск ОГПУ ЯАССР Н.Н. Кононов, направленный для экспроприации «кулачества», причастного к бандитизму элемента и проведения коллективизации, вместо территории Якутии хозяйничал в Хатангско-Анабарском районе Туруханского края Красноярского округа, причём его действия от партийно-чекистских властей Восточной Сибири и округа скрывались. Группа приезжала на стойбища туземцев, где Кононов объявлял, что «в тундре настал 1917 год» и производится экспроприация у богатых, после чего произвольно изымал имущество. Кроме того, под угрозой оружия туземцев заставляли вступать в организованные Кононовым колхозы, арестовывали и высылали за пределы районов. Большую часть изъятого имущества он отправил в ЯАССР, часть раздал новым колхозам, но многое попросту присвоил или раздал членам своей группы.

В результате произошёл ведомственный конфликт между Красноярским окротделом ОГПУ и руководством войск ОГПУ Якутской АССР по поводу неправомерных действий последних на территории Красноярского округа. Долгое время Кононов не подчинялся требованиям работников ОГПУ Красноярского округа, которые совместно с Хатангским туземным РИКом требовали прекращения действий «коллективизатора». В итоге подействовала лишь угроза ареста Коконова и разоружения его отряда (23).

Сопrotивление, в т. ч. вооруженное, оказанное сибирским крестьянством, вызвало крайне жестокую расправу с ним. Внесудебные органы осудили по Сибири в течение 1930 г. 17.752 чел., или 9,9 % от числа осуждённым *тройками* по СССР. За 1930 г. *тройка* ОГПУ Западной Сибири осудила 16.553 чел., в т. ч. 4.762 – к расстрелу, или 28,8 %. Отправлено в лагерь было 8.576 (51,8 %), в ссылку – 1.456 (8,8 %), выслано – 1.759 чел. (10,6 %). Таким образом, количество расстрелянных *тройкой* значительно превышало численность ссыльных и высланных, что отражало крайнюю жестокость карательного тандема Заковский–Эйхе. В Восточно-Сибирском крае, где *тройка* начала работу с октября 1930 г., из 788 осуждённых было расстреляно 187 чел., или 23,7 %. Меньший, чем в ЗСК, процент расстрелянных объясняется тем, что наиболее жестокие приговоры выносились общесибирской *тройкой* в первой половине 1930 г. Зато якутские чекисты продемонстрировали крайнюю жестокость, расстреляв 43,3% от 401 чел., осуждённых (24).

Если учесть расстрелянных *тройками* в ЗСК, ВСК и Якутии, то общее число жертв 1930 г. составит в Сибири 5.127 чел., или 25,4 % от числа расстрелянных по СССР. Это при том, что население Сибири в 1930 г. составляло 9,7 млн чел., что составляло от населения страны (159,8 млн) всего 6 %. Таким образом, удельный вес осуждённых в Сибири более чем в полтора, а расстрелянных – более чем в четыре раза превысил средний общесоюзный показатель.

Результаты деятельности чекистов Сибири намного превосходили официальные итоги расстрельной работы любого другого регионального представительства ОГПУ. Вторым результатом, принадлежавший чекистам Северного Кавказа, отставал более чем вдвое – 2.515 расстрелянных. Третье место заняли чекисты Центрально-Чернозёмной области – 1.280 казнённых, на четвёртом оказалось полпредство по Казахстану – 1.218, а на пятом и шестом – чекисты Нижневолжского края и Украины: 1.012 и 1.000 расстрелянных. Всего местными *тройками* к расстрелу в среднем приговаривалось 10,6 % осуждённых (в ДВК и на Урале – по 9,8 %, в УССР – 4,5 %, Нижневолжском крае – 11,8 %). Наиболее высокий процент расстрелов дали *тройки* ПП ОГПУ по Казахстану (15 %) и Средней Азии (18,8 %), что объяснялось размахом повстанческого движения в этих регионах.

Вторая фаза «раскулачивания», прошедшая весной 1931 г. «в целях полной очистки от кулаков», снова сопровождалась огромным количеством вскрытых «заговоров». В январе–марте 1931 г. сибирские власти в ходе двух локальных депортаций выслали три тысячи семей, а с мая обрушили основной удар, выселив за два месяца в Нарым почти 40 тыс. хозяйств (170.734 чел.), что составило 3 % от общего числа хозяйств региона. Во время этапирования от голода и болезней погибло около 2 тыс. крестьян. Помимо штатных работников ОГПУ, в этой операции участвовало до 200 чекистов запаса. Всего за 1930–1931 гг. в отдалённых районах Сибири оказалось 357 тыс. ссыльных «кулаков» (265 тыс. в Западной и 92 тыс. – в Восточной), из которых две трети были коренными сибиряками (25).

В ходе майско-июньской высылки 1931 г. чекисты «попутно» арестовали 19 тыс. чел. Только в январе–мае 1931 г. по Сибири было выявлено и ликвидировано 53 «повстанческих организации» с 2.284 членами и 335 «группировок» преимущественно повстанческого характера с 2.460 членами, а всего – 4.744 чел. В течение июня, июля и первых пяти дней августа чекисты ликвидировали ещё 20 организаций из 659 чел., 103 группировки (884 участника) и 9 бандшак (160 чел.), всего 1.703 чел.

Точно такое же число – 1.703 – было арестованы в качестве «антисоветчиков-одиночек» за агитацию, анонимки, террор и вредительство. Из этих 3.406 чел. уголовников оказалось менее десятой части – 326 чел (26).

По стране *тройки* за 1931 г. осудили 182,8 тыс. чел., в т. ч. 9.170 (5 %) – к ВМН и 90,8 тыс. (49,7 %) – к заключению в лагерь. *Тройка* ПП ОГПУ ЗСК осудила 12.070 чел., в т. ч. 1.378 (11,4 %) – к ВМН, а 6.968 (57,7 %) – к ИТЛ. *Тройка* ПП ОГПУ ВСК расстреляла 572 чел., или 19,6 % от 2.917 осуждённых, а к заключению в ИТЛ было приговорено 1.183 чел., или 40,6 %. Количество расстрелянных *тройками* ПП ОГПУ ЗСК и ВСК за 1931 г. оказалось в 2,5 раза меньше, чем в 1930 г. – 1.950 чел., или 13 % от числа осуждённых (данные по Якутии неизвестны, но расстрелы там были). Тем не менее, ближайший по числу казней регион – ЗСФСР – с 1.207 жертвами – почти вдвое отстал от Сибири. На третьем и четвёртом местах оказались Украина (1.097 расстрелянных) и Казахстан (1.001).

По Восточной Сибири в 1931 г. оказалось расстреляно около 20 % от осуждённых *тройкой*. К этому рекорду ближе всего оказались Казахстан (15,2 % расстрелянных), ДВК (11,8 %) и ЗСФСР (11 %). ПП ОГПУ по Средней Азии и Украины оказались на уровне средних для СССР значений – 5,6 % и 5 % расстрелянных (27).

Следственные дела подтверждают тенденцию заметного снижения накала репрессий в Западной Сибири в 1931 г. Во многих «повстанческих» группах, в отличие от 1930 г., к ВМН приговаривалась меньшая часть осуждённых. Так, в начале 1931 г. новосибирские особисты сфабриковали дело о «повстанческой организации» в г. Колывани, готовившей уже к весне восстание, приуроченное к японской интервенции. Из 55 чел. только 9 признали за собой такое преступление, как антисоветские разговоры относительно коллективизации. За недоказанностью вины было освобождено 25 чел., из 30 осуждённых четверых расстреляли, большинству остальных дали от трёх до пяти лет концлагеря. Один из выживших много лет спустя рассказал, что следователи арестованных колыванцев не изобличали, а «прямо говорили нам, что мы якобы нужны государству как рабочая сила», что «нужно Кузбасс строить» (28). Из 50 чел., арестованных в Черепановском районе ЗСК в сентябре 1931 г. за участие в «контрреволюционной организации» *тройкой* 25 ноября 1931 г. часть была осуждена на срок от 3 до 10 лет, а остальные сосланы в трудпосёлки (29).

Как отмечают современные исследователи, с 1931 г. антикрестьянские репрессии стали превращаться из конфискационных в инструмент

плановой хозяйственной политики, а ОГПУ – выступать подрядчиком на поставку и использование принудительного труда спецпереселенцев различным наркоматам и ведомствам, заключавшим с ГУЛАГом соответствующие договоры (30). Есть и другие доказательства смягчения карательной политики в 1931 г. Повстанцы-спецпереселенцы Парбигской комендатуры Сиблага не проявили в июле 1931 г. заметного террора к представителям властей (погибли 4 чел.) и в отношении мятежников не было казней, за исключением расправ на месте. Вспыхнувшее тогда же Чумаковское восстание сопровождалось истреблением партийно-советского актива, и впоследствии по нему расстреляли 33 чел (31). Однако чекисты ВСК расстреливали мятежников в 1931 г. гораздо с большей жестокостью, чем в ЗСК, что можно объяснить накалом крестьянского повстанческого движения в Восточной Сибири.

Оценивая масштаб «массовых операций» 1930–1931 гг., видно, что во внесудебном порядке по всей Сибири было осуждено порядка 33 тыс. чел., из которых св. 7 тыс. (21,6 %) оказались расстреляны. Наиболее жестокие репрессии пришлись на первую половину 1930 г.

РЕПРЕССИИ 1933 ГОДА

В разгар проведения второй кампании массового «раскулачивания» власти решили ограничить карательные возможности чекистов. В литературе указывается, что в мае 1931 г. Политбюро отняло у *троек* право расстреливать политзаключённых, постановив, что все дела по ст. 58 УК с ВМН не могут быть одобрены прокуратурой, Верховным судом, краевыми и облпарткомитетами без санкции ЦК компартии (32). Действительно, размах репрессий сильно уменьшился, однако право на расстрелы у *троек* сохранялось. Так, в мае–июне 1931 г., согласно Книге памяти Алтайского края, зафиксировано более 100 чел., расстрелянных по приговорам *тройки* ПП ОГПУ ЗСК от 11 мая и 2 июня 1931 г.; близкое количество было расстреляно на той территории будущего Красноярского края, которая входила в состав ЗСК (33).

Во второй половине 1931 г. массовые расстрелы нам неизвестны, а в течение 1932 г. Книги памяти фиксируют лишь единичные казни политзаключённых. Официальная статистика гласит, что в 1932 г. в Сибири было осуждено 11,3 тыс. чел. (в основном – органами ДТО ОГПУ), из них 44 – к расстрелу (34). Продолжавшийся более полутора лет период смягчения карательной политики был взорван весной–летом 1933 г., ко-

гда репрессии вспыхнули с новой силой. Как и в 1930 г., они особенно ярко проявились в Сибири.

На январском объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г. Сталин заявил, что «уничтожение классов достигается не путём потухания классовой борьбы, а путём её усиления». Он поставил задачу «развеять в прах последние остатки умирающих классов», дав подробный список подлежащих арестам и физическому уничтожению. Формулировки вождя были самыми широкими: «частные промышленники и их челядь, частные торговцы и их приспешники, бывшие дворяне и попы, кулаки и подкулачники, бывшие белые офицеры и урядники, бывшие полицейские и жандармы, всякого рода буржуазные интеллигенты шовинистического толка и все прочие антисоветские элементы» (35). По всей стране органы ОГПУ всемерно усилили фабрикацию дел, а всего за 1933 г. было осуждено 283 тыс. «контрреволюционеров».

Полпред ОГПУ ЗСК Н.Н. Алексеев в конце 1932 – начале 1933 г. добился, чтобы имевшиеся у его подчинённых материалы по отдельным «антисоветским группировкам» были выделены в два сверхкрупных производства. Фактически Алексеев выполнял указание Сталина, отправившего в декабре 1932 г. на места записку зампреда ОГПУ Г.Е. Прокофьева и начальника ЭКО ОГПУ Л.Г. Миронова о разоблачённых контрреволюционных организациях в Ветеринарном управлении Наркомзема СССР и Трактороцентре. Вождь приказал: «Ввиду исключительного значения рассылаемых материалов предлагается обратить на них серьёзное внимание» (36).

Минские чекисты отчитались о вскрытии заговора «кулацких» и «белогвардейских» элементов в системе Трактороцентра уже к началу февраля 1933 г., когда секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Н.Ф. Гикало запросил у Политбюро право рассмотреть это дело на *тройке* с правом расстрела. В Сибири фабрикация аналогичных громких заговоров («белогвардейского» и «сельскохозяйственного») также началась немедленно после сталинского указания и была успешно завершена к весне 1933 г. Одновременно было создано и менее крупное так называемое «лесное дело», по которому в июне 1933 г. Коллегия ОГПУ и местная *тройка* осудили 338 работников лесного хозяйства (37).

Алексеев 14 апреля 1933 г. доложил на бюро крайкома ВКП(б) о раскрытии «белогвардейского» и «сельскохозяйственного» заговоров. Партийное руководство Сибири к тому времени уже хорошо знало о гигантском размахе «вредительства» и «повстанчества», позаботившись, чтобы все «враги» были быстро осуждены во внесудебном порядке. За-

слушав полпреда, крайком постановил просить Коллегию ОГПУ «при рассмотрении дел этих организаций применить самые суровые репрессии к контрреволюционным белогвардейским, повстанческим и вредительским элементам». Ещё 7 марта 1933 г. Эйхе в телеграмме, адресованной Сталину, просил дать *тройке* право применять высшую меру наказания в отношении «контрреволюционеров». Месяц спустя, 4 апреля 1933 г., Политбюро ЦК ВКП (б) предоставило *тройке* полпреда ОГПУ ЗСК «право рассмотрения дел по повстанчеству и контрреволюции». В реальности это означало и право расстреливать «заговорщиков».

Именно через *тройку* ПП прошло основное количество «заговорщиков» (наиболее видных из них осуждала Коллегия ОГПУ). Массовые казни по «заговору в сельском хозяйстве» были произведены в том же апреле и начале мая. Из 2.092 участников основная часть – 1.954 – прошла через *тройку* полпреда, а 138 – через Коллегию ОГПУ. Было расстреляно 976 чел. (46,7%). Что касается «белогвардейского заговора» из 1.759 участников, то точное число расстрелянных по нему пока неизвестно. 247 расстрелянных относились к трём четвертям осуждённых; неизвестны приговоры *тройки* ПП в отношении 477 чел (38). Таким образом, можно предположить, что всего по этому делу казнили порядка 300 чел., или 17%. Данными, которые бы помогли объяснить, почему по «белогвардейскому заговору», в числе участников которого было до 400 бывших офицеров, интеллигенция, 800 красных партизан и сотни «церковников-монархистов», расстрелянных оказалось втрое меньше, нежели по «сельскохозяйственному заговору», составленному преимущественно из крестьян и десятков специалистов-аграрников, мы не располагаем. Возможно, это было связано с тем, что жертвы «белогвардейского заговора» осуждались позднее, чем «сельскохозяйственного», когда *тройка* уже не имела полномочий расстреливать.

Следует отметить полную недостоверность традиционно приводимых данных о расстрелах по СССР за 1933 г. – якобы 2.054 чел., поскольку в них не включены сведения о расстрелянных *тройками* в Западной и Восточной Сибири, а также на Дальнем Востоке, Северном Кавказе, Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях. Между тем в Западной Сибири в 1933 г. только по «заговору в сельском хозяйстве» было расстреляно 976 чел., по «белогвардейскому заговору» – не менее 247 чел., по делу «Глубинка» на «заговорщиков» в Хакасии – 68 чел. Чекисты Дальнего Востока тогда же по делу «ТКП» расстреляли 84 чел., а по делу казачьей организации «Амурцы» – 56 чел. Террору, царившему в 1933 г. на Украине, никак не соответствуют приводимые О.Б. Мозохиным

цифры – 69 чел., заниженные более чем в 20 раз. Согласно обнародованным официальным данным из архивов Службы безопасности Украины, за 1933 г. ГПУ УССР осудило 45 тыс. человек, из них 774 – к высшей мере наказания. Ещё 750 чел. были приговорены к расстрелу по делам ГПУ гражданскими судами республики (39). Таким образом, только уже известные цифры дают по Сибири, ДВК и Украине порядка трёх тысяч расстрелянных за 1933 г., что намного больше цифры в 2.054 чел. для всего СССР.

Массовые аресты по этим заговорам особенно болезненно сказались на алтайских крестьянах. Барнаульский оперсектор ОГПУ под руководством И.А. Жабрева за 1933 г. репрессировал 2,5 тыс. чел. В колхозах одной только Сросткинской МТС в 1933 г. было арестовано более 320 мужчин, из-за чего некоторые колхозы лишились до половины работников (40). Картину массовых репрессий 1933 г. дополняют внесудебные расправы над жителями национальных окраин, а также крупное дело на «церковно-монархическую организацию» в Томске, якобы связанную с харбинскими белоэмигрантами. По этому делу, именовавшемуся старообрядческой повстанческой организацией «Сибирское братство», в 1932–1933 гг. было осуждено 283 чел., в том числе три епископа, 32 священника и 74 монаха. Массовые репрессии обрушились и на работников Томской железной дороги: *тройка* ПП ОГПУ по двум делам в марте 1934 г. осудила 149 «контрреволюционеров» (41).

По мнению С.А. Папкова, до самого 1937 г. «органы» не предпринимали подобных карательных акций, нанёсших опустошительный удар по так называемым «бывшим». По числу расстрелянных «сельскохозяйственный заговор» превосходит все остальные западносибирские «заговоры» 1933 г., вместе взятые, и выдерживает сравнение со своими прямыми продолжениями – наиболее крупными «заговорами» 1937–1938 гг. Количество расстрелянных за 1933 г. в Сибири вряд ли менее 2 тыс. чел. и близко к числу уничтоженных ОГПУ в регионе в течение 1931 г.

«Массовые операции» очевидным образом сказались на ужесточении общей карательной политики. В марте 1934 г. наркомюст Н.В. Крыленко констатировал, что в ЗСК вопреки инструкции от 8 мая 1933 г. в третьем квартале 1933 г. по сравнению с первым кварталом наблюдалось резкое увеличение числа осуждённых по всем социальным прослойкам: кулаков – 725 и 386 чел.; зажиточных – 273 и 127; середняков – 733 и 330; бедняков – 296 и 214; колхозников – 589 и 464; должностных лиц – 519 и 324 чел. При проверке в Майминском арестном помещении Ойротского облотдела ОГПУ из 185 чел. в один день было освобождено 117

неправильно арестованных. А в 1935 г. только милицией было неосновательно привлечено к уголовной ответственности свыше 800 тыс. чел. (42).

Следует учитывать, что в период 1934–1935 гг. наблюдались, хотя и в гораздо более скромных масштабах, рецидивы масштабных и в сущности внесудебных расправ. Фактически по типу *троек* работали выездные сессии спецколлегии Запсибкрайсуда осенью 1934 г., в ускоренном порядке приговаривая к расстрелам и большим срокам сотни крестьян и специалистов, обвинённых в саботаже хлебосдачи. Характерно, что санкции утверждать высшую меру наказания получил секретарь крайкома Эйхе, чьи постановления имели окончательную силу. В 1935 г. партийные власти края добились от Москвы разрешения выслать в северные районы около тысячи семей «единоличников, саботирующих сев» и замеченных в «саботаже хлебосдачи»: в мае выслали 2.615 чел., примерно столько же – в октябре. Тогда же в Нарым были высланы сотни евангельских христиан. В начале 1936 г. из Горного Алтая было выселено в Казахстан свыше 300 «байско-кулацких и бандитских семей» (43). Множество людей осуждалось по политическим обвинениям без суда, решением Особого совещания при НКВД СССР. Таким образом, политика «массовых операций», прекращённых в прежних объёмах с образованием НКВД, тем не менее давала в ближайшие годы постоянные рецидивы.

«КУЛАЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ» 1937–1938 гг.

Кампании по истреблению как политических врагов, так и уголовников, проводившиеся сибирскими чекистами в 1920-х и начале 1930-х гг., стали подготовкой к «Большому террору». В 1937–1938 гг. известные чекистам рецепты фальсификации социального происхождения и провокационного шантажно-пыточного следствия использовались в небывалых масштабах, обеспечив быстрое осуществление приказа НКВД СССР №00447. Проведённая по этому приказу так называемая «кулацкая операция» оказалась самой кровопролитной карательной акцией советского времени.

Решение о проведении «массовой операции» против беглых кулаков, белогвардейских заговорщиков и уголовников логично вытекало из дискуссии на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б), где местные руководители хором жаловались за рост активности «антисоветских элементов». Так, Р.И. Эйхе заявил, что среди сосланных в Сибирь «кулаков» осталась «немалая группа заядлых врагов, которые будут пытаться всеми мерами продолжать борьбу...» (44).

На совещании руководства ГУГБ НКВД 19 марта 1937 г. Ежов заявил: «Мы громим врага, и громим крепко. Погромили троцкистов... громим эсеров, громим шпиков и немецких, и польских, и японских, но это пока что, как говорят, с наскока, это ещё не всё». Приказ Ежова №00447 от 30 июля 1937 г. о «кулацкой операции» в известной степени стал следствием не только развёртывания кампании повсеместной борьбы с врагами народа, но и «творческих поисков» энергичного начальника УНКВД ЗСК С.Н. Миронова, вступившего в карательное соревнование с коллегами из других регионов и сфабриковавшего огромный «ровсовский» заговор.

Материалы, присланные Ежову из Новосибирска и касавшиеся «заговора» РОВСа, были замечены вождём и послужили поводом для организации внесудебных органов НКВД на местах – с последующим изданием 30 июля специального приказа НКВД СССР №00447. Формально с предложением Сталину о массовой внесудебной расправе над бывшими «кулаками» в одном отдельно взятом регионе обратился первый секретарь крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе – и в Москве 29 июня 1937 г. начали создание *троек* именно с Западно-Сибирского края. Пока неизвестно, была ли это «чистая» инициатива влиятельного сибирского наместника, или же кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Эйхе был дан соответствующий совет сверху. Скорее всего, без указаний не обошлось, ибо сразу за организацией «западно-сибирской» *тройки* НКВД последовало решение о распространении этого опыта на всю страну (45).

Не дожидаясь результатов разгрома «ровсовской» организации в Сибири, Сталин велел предпринять внесудебные чистки в отношении «кулаков» и «антисоветчиков» повсеместно. Хотя С.Н. Миронов представил подробную картину совместного заговора монархистов и эсеров, опиравшихся на крестьянскую ссылку, Сталин дал регионам упрощённую задачу. Уже три дня спустя после разрешения организовать «ровсовскую» *тройку* в ЗСК, 2 июля, он написал директиву «Об антисоветских элементах», а Политбюро, подчиняясь ей, постановило распространить деятельность *троек* на все регионы страны и начать массовую операцию против «кулаков», уголовников и всех антисоветских элементов, обвинённых в том, что они «являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений».

К 8 июля Сталин велел начальникам управлений НКВД прислать сведения о подлежащих репрессиям по 1-й и 2-й категориям. Значительная часть региональных чекистов не справились с поручением, затянув сроки. Но Миронов успел – 8 июля он отправил шифровку в Мо-

скую, где указал, что по 110 городам и районам, а также 20 станциям края было учтено 25.960 чел., обречённых на репрессии, из которых «кулаки» составляли 57,2 %. Расстрелу подлежало 6.642 «кулака» (44,7 % всех «кулаков») и 4.282 уголовника (38,5 %), заключению – 8.201 «кулак» и 6.835 уголовников. Миронов указал, что в число этих «кулаков» частично вошла «низовка», подлежащая аресту по делу РОВСа, но зато не вошли около 6.500 хозяйств беглых «кулаков» со всей страны, самовольно осевших в Нарыме за 1930–1935 гг. (46).

Два дня спустя Миронов запросил у Ежова санкцию рассматривать на *тройке* дела «не только кулаков, но и на всех бывших людей и бело-гвардейско-эсеровский актив, являющихся организаторами этого [ровсовского] заговора». Ежов ознакомил с телеграммой членов «пятерки» Политбюро – Сталина, Молотова, Ворошилова и Кагановича, после чего перечисленные Мироновым категории были включены в текст приказа №00447 (47).

Характерно, что даже такие активисты террора, как начальники УНКВД по Свердловской и Ростовской областям Д.М. Дмитриев и Г.С. Люшков, отстали от Миронова, предложив расстрелять соответственно 4,7 и 5,7 тыс. «кулаков». Соседняя же Омская область отстала от Запсибкрая более чем на порядок: там было предложено для репрессий 2.429 чел., в том числе 479 должны были быть расстреляны. Ответом стало скорое снятие начальника УНКВД Э.П. Салыня, а сменивший его Г.Ф. Горбач рапортовал Ежову, что «ударной работой по состоянию на 1 августа с. г. арестовано по первой категории всего 3008 человек». Оперсекретарь на этой шифротелеграмме отметил: «Нарком одобряет действия Горбача» (48). 16 июля 1937 г., после получения с мест сведений о контингентах, подлежащих репрессиям, в Москве было собрано руководство местных органов НКВД для обстоятельного обсуждения вопроса о лимитах на осуждение «кулаков». Ежов дал установки общего характера, а его заместитель М.П. Фриновский обсудил с каждым начальником УНКВД ситуацию в регионе и определил лимиты на репрессии «кулако-белогвардейского и уголовного элемента». Чекисты сразу ориентировались Ежовым на то, что неизбежно будет расстреляна какая-то часть невинных людей, чего не следует опасаться (49).

Вернувшийся с этого совещания С.Н. Миронов уже 25 июля 1937 г. рассказал оперсоставу о решении ЦК ВКП(б) осуществить сплошные аресты всех лиц, учтённых в качестве антисоветского элемента, заявив, что для арестов достаточно одной агентурной сводки либо просто каких-либо материалов о чуждом социальном облике. А руководящим ра-

ботникам управления он отдельно сообщил о масштабах предстоящих расстрелов – от тысячи и более человек на основную часть оперсекторов НКВД. Решение о ликвидации всех «бывших» вызвало у основной части рядовых чекистов большой энтузиазм (50).

Первоначально операцию планировалось провести в течение августа–ноября 1937 г. Основная работа по поиску «кулаков» выпала аппаратам районных отделений НКВД, где на «антисоветский элемент» велись нередко многочисленные агентурные разработки. Например, на 1 мая 1937 г. Асиновский РО УНКВД ЗСК имел 8 разработок по «контрреволюционным организациям». Но были примеры и иного рода. Перед началом операции начальник Немецкого РО УНКВД ЗСК К.Г. Кестер заявил руководителям раймилиции, что «все кулаки и фашисты были арестованы ещё в 1933 г., поэтому в данное время в Немецком районе арестовывать не придётся» (51). Многие райотделы НКВД, где была слабо поставлена агентурная работа, не имели на учёте сколько-нибудь значительного числа «враждебных элементов». Поэтому новая кампания для провинциальных чекистов с чисто технической стороны оказалась непростой.

Основной удар по «кулакам» в ЗСК наносил аппарат СПО, но активность проявляли также работники ДТО НКВД. Рядовой сотрудник ДТО Г.Б. Румшевич, руководивший небольшой опергруппой, заявлял, что летнюю операцию в Новосибирске «провёл успешно, репрессировав до 50 человек к-р элемента». Тогда же 45 «кулаков» на ст. Эйхе (Инская) под Новосибирском арестовали работники ОДТО НКВД (52). Сотрудники КРО специализировались по «национальным линиям», но обычно в составе КРО было отделение, занимавшееся белыми офицерами и «кулаками». В Новосибирской области и Алткрае работники КРО активно фабриковали дела по РОВСу.

Хотя основная часть «кулацкого» контингента арестовывалась по формальным учётным признакам, есть основания полагать, что заметная часть арестов «врагов» была произведена по доносам. По словам оперативника КРО УНКВД НСО Л.А. Маслова, «кулаки... арестовывались по агентурным материалам, заявлениям граждан и, безусловно, без предварительной проверки, что неизбежно вело к аресту середняков...» (53). Начальник Томского горотдела НКВД И.В. Овчинников отмечал, что «кразмах операции и огромная волна заявлений в ГО давали несравненно более, чем самая идеальная агентурная работа». Начальник Куйбышевского райотдела УНКВД по НСО И.Д. Малышев показал, что примерно в конце 1937 – начале 1938 г. «у нас за один месяц поступило около 200

заявлений, которые не проверялись... и на основании этих заявлений мы производили арест граждан» (54) (в Куйбышеве в начале 1939 г. проживало около 13 тыс. чел.). Такие факты говорит о большой доносительной активности населения, хотя значительная часть заявлений была наверняка спровоцирована чекистами и исходила от агентуры.

В районы из УНКВД и оперсекторов поступали конкретные задания на аресты. Первоначальная «норма» арестованных на каждый район составляла не менее 100–200 чел. Начальник Муромцевского РО УНКВД по Омской области И.Н. Воронович показывал, что в момент начала «кулацкой операции» начальник Тарского окротдела НКВД О.С. Стильве сказал ему: «Ты чекист, тебе понятно, кого изымать, ну и поезжай». Утвердил мне к изъятию человек около 200, и я с этим поехал. Дал установку также своему аппарату, что... если ты убеждён, что он враг и не сознаётся, нужно всеми средствами заставить, добиться признания вплоть до того, что дать подписать ему готовый протокол» (55).

Как сообщал начальник Кожевниковского РО УНКВД по НСО Д.К. Салтымаков, после начала «массовой операции» он составил список на 150–160 чел., куда вошли бывшие кулаки, «антисоветский актив церковников и сектантов», бывшие участники Колыванского восстания 1920 г., бывшие белогвардейцы и часть адмссылных. При этом на арестованных были получены справки сельсоветов о социальном происхождении и положении. Все они были арестованы в июле-августе 1937 г. Далее в районы спускались всё новые и новые лимиты. Начальники райотделов должны были ежедневно докладывать в УНКВД о количестве арестованных (56).

Исполнявший обязанности начальника Куйбышевского оперсектора УНКВД НСО А.Г. Луньков показал, что ему осенью 1937 г. поступали из Новосибирска лимиты на аресты «кулаков» и прочих контингентов, которые работниками оперсектора развёрстывались по районным отделениям НКВД. Оперсектор должен был контролировать работу РО, но из-за огромного потока дел ограничивался формальным утверждением списков, поступающих с мест. Эти списки на аресты отсылались оперсектором в УНКВД, где они и санкционировались начальством. Луньков утверждал постановления об арестах и обвинительные заключения «в большинстве своём не читая их» (57).

Массовые аресты поначалу вызвали в местных органах НКВД большую неразбериху. 13 августа 1937 г. вновь прибывший начальник Тобольского окротдела УНКВД по Омской области С.К. Тарасов сообщил в УНКВД, что большое количество заключённых арестовано без всяких

материалов и даже без каких-либо учётных данных, причём никто из его подчинённых не знает точного числа арестованных. Аппараты Тобольского района и оперсектора «к следствию ещё не приступали, а продолжали ещё подбирать [арестовывать – А. Т.] остатки по 1-й категории... Весь наиболее квалифицированный аппарат определил на дела, которые представляют определённую ценность с точки зрения выводов на организованную деятельность и вскрытие контрреволюционных организаций, а весь остальной аппарат посадил на дела, которые нужно оформить для “тройки”, чтобы скорее от них освободиться» (58).

Руководство НКВД лично нацеливало местных работников на широкие репрессии. В середине ноября 1937 г. начальник УНКВД по Алткраю С.П. Попов, баллотировавшийся в Верховный Совет СССР, приехал в Солтонский район «своего» Бийского округа, сильно отставший в выполнении зернопоставок, для встречи с избирателями. Однако собрание не удалось провести из-за неявки населения, после чего Попов заявил своему помощнику Г.Л. Биримбауму, что его кандидатура на выборах может быть провалена из-за засилья контрреволюционеров в районе, составлявшем около половины численности избирательного округа. Попов собрал весь чекистско-милицейский состав РО НКВД и дал указания немедленно провести аресты в сельсоветах порядка 200 чел. – без ордеров, по личному усмотрению (ранее в районе было «изъято» более 100 чел.). Выполняя лимит, сотрудники на основании информации сельского актива и с его непосредственной помощью в течение нескольких дней провели аресты ранее судимых и плохо работавших колхозников, а сельсоветы под давлением «органов» покорно оформили справки о якобы кулацком происхождении арестованных и проведении ими враждебной деятельности (59).

Как показывал Биримбаум, во время нахождения его и Попова в с. Карабинка «арестованных с криком и воплем сопровождали родственники, я, заметив это в окно, обращаясь к Попову, прямо ему сказал, что политически неправильно, когда ваш приезд сопровождается арестами граждан. На эти мои замечания Попов сказал: “Ничего, кулаки крепче будут помнить Советскую власть”» (60).

В декабре 1937 г. Попов и Биримбаум посетили Марушинский РО НКВД. Недовольный малым количеством арестов, Попов спросил у начальника РО И.Г. Бисярина и уполномоченного угрозыска РОМ Мишина: «Членами какой к-р организации вы состоите?». Затем Попов выслал в Марушинский район опербригаду из чекистов и милиционеров, которая за несколько дней арестовала 200 «кулаков» и середняков, что, по

позднейшей оценке чекистов, «вызвало отрицательное настроение среди колхозников» (61).

О давлении руководства на местные органы НКВД красноречиво рассказывал начальник Киселёвского ГО УНКВД ЗСК В.Д. Качуровский: «В процессе работы [начальник Сталинского оперсектора НКВД] т. Ровинский вызывал к себе на короткое совещание начальников РО и ГО, входящих в его сектор. На этих совещаниях, продолжавшихся не более 1½–2 часов... выдвигались требования: в эту пятидневку вы даёте столько-то по кулакам и столько-то по РОВС. Когда заявляешь, что цифра большая, аппарат не сумеет подготовиться и отработать материалы, то обычно услышишь: “Вы с ума сошли, с меня требуют столько-то, а вы даёте единицы. Дайте официальное заявление, что у вас в районе кулаков и офицеров больше нет, а потом мы проверим и поговорим”. Конечно, после такого вразумительного разговора едешь на место и соответственно накачиваешь аппарат. Во вр[емя] этих совещаний узнаёшь, что лимит по такой-то категории убавился, а по такой-то прибавился» (62).

Руководство НКВД требовало от чекистов на местах прежде всего отчёты о раскрытых «контрреволюционных организациях». З.Ф. Дубоносов, будучи начальником одного из РО НКВД Алткрая, сфабриковал дела на 92 «кулака»-одиночку, но все эти дела вернули с *тройки* и заставили оформить в «организацию» (63). Часть арестованных «кулаков» сибирские чекисты всё же не смогли объединить в группы и осудили как «антисоветчиков-одиночек». Вернувшиеся на родину «раскулаченные» были одной из приоритетных мишеней. Высказывавшиеся ими настроения становились материалом для обвинения в антисоветской агитации, которого часто оказывалось достаточно для расстрела.

Методы допроса массы арестованных были соответствующими: младший брат начальника ГУЛАГа Ю.Д. Берман, работавший в КРО, показывал, что в особом корпусе новосибирской тюрьмы «приходилось видеть, как в кабинете у следователей стояло по несколько человек на ногах лицом к стенке, а на стенке было написано: “Если враг не сдаётся, то его уничтожают” и “Кто первый подписывает?”» (64).

Требование признания вины было обязательным и в Новосибирской области, и в Омской области, и в Алтайском и Красноярском краях. Бывший работник Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД А.И. Савкин показал, что арестованных держали сутками сидя и стоя без еды и сна, и что он не помнит ни одного из них, кто бы подписал признание без физического и морального воздействия. Помощник начальника КРО УНКВД НСО И.И. Коннов разрешал своим подчинённым составлять протоколы о не-

признании вины не более чем на 10 % арестованных (65). Непризнававшихся жестоко избивали, нередко до смерти.

Новосибирский оперативник С.П. Чуйков в 1940 г. показывал, что документы на арест оформлялись по большим спискам, подписанным начальством отдела, где были только установочные данные и какой-либо компромат (офицер, кулак, участник контрреволюционной организации) без указания на его источник. Прокурор на списке писал, что «арест с №1 по №№ санкционирую». Это соответствовало указанию Прокурора СССР А.Я. Вышинского от 7 августа 1937 г. о том, что «соблюдение процессуальных норм и предварительные санкции на арест не требуются». Составленные в страшной спешке данные часто были ошибочны – чекисты приходили с ордером туда, где давно уже не жил подозреваемый, или он уже был арестован, или этот адрес вообще не существовал (66). *Тройка* же по справкам, подготовленным следователями, осуждала за один вечер к расстрелу от нескольких десятков до 500–1000 чел., а иногда и более 2.000 чел.

Начальник Куйбышевского РО УНКВД НСО И.Д. Малышев с ноября 1937 г. составлял справки для доклада на *тройке*: «На *тройке* я успеваю только называть фамилии привлечённых... [И.А.] Мальцев говорит: “Дальше, следующее дело”. И так проходили [через] *тройку* все дела» (67). Докладчиками на заседаниях *тройки* были и работники оперсекторов, и начальники РО НКВД, и сотрудники областных аппаратов. Например, алтайский чекист Н.Л. Баев в начале 1938 г. писал повестки на *тройку* по более чем 90 делам, присланным из Чарышского РО НКВД. Начальник КРО УНКВД НСО Ф.Н. Иванов показывал, что на *тройке* «никогда вопрос по существу дела не разбирался, дела сваливали в приёмной, а тройка решала вопрос по одной повестке...» (68).

Репрессии достигли апогея к концу 1937 г. и поддерживались на высоком уровне также в первые месяцы 1938 г. Как рассказывал С.П. Попов, на московском совещании руководящего состава НКВД в январе 1938 г. никто из начальников местных управлений не заявлял, что массовые операции можно считать законченными. Когда выступил Г.Ф. Горбач и «заявил, что им в Новосибирской области арестовано 55 000 человек, Фриновский, перебив Горбача, обратился к присутствующим: “Вы слышали? 55 тысяч арестованных! Ай да Горбач! Вот молодец!”. Горбач вместе с большинством других начальников доказывал, что операцию необходимо продолжать» (69).

Следует отметить, что в наиболее отдалённых районах «кулацкая» операция разворачивалась с опозданием, одновременно с репрессива-

нием «инонационалов». Так, в малонаселённом Бодайбинском районе Иркутской области «массовые операции» начались в начале 1938 г. с приездом опергруппы во главе с помощником начальника КРО УНКВД Б. П. Кульвецом. В первый же день было арестовано до 500 чел., затем цифра арестованных превысила 1.000 чел. Никаких компрометирующих материалов не требовалось: «из кулацких посёлков брались все, кто мог двигаться». Кульвец загонял в одну комнату 100–150 чел. и сутками не давал садиться и спать. В помещении находился стол с письменными принадлежностями. Когда арестованный соглашался написать показания, ему разрешали лечь и отдохнуть (70).

Нередко, выполняя лимит на аресты, чекисты и милиционеры, чтобы не тратить времени на разъезды по населённым пунктам, арестовывали нужную цифру «врагов» в ближайшем колхозе, лишая его основной части работников. Следствие по «кулакам» вели в райотделах, на крупные группы – в оперсекторах и областных (краевых) центрах. Там же осуществлялись и расстрелы по приговорам *троек*. Казнями в городах занимались специально созданные опергруппы, руководимые начальствующим составом. Так, в Кемеровском ГО НКВД осуждённых расстреливала бригада под руководством помощника начальника горотдела Н. А. Белобородова, в Сталинске акты о расстрелах подписывал начальник оперсектора А. С. Ровинский. Завершение основной фазы «кулацкой» операции вызвало целую вспышку расстрелов. О ликвидации тюремного населения в марте 1938 г. свидетельствует факт массового расстрела узников Ягуновской тюрьмы под Кемеровом, когда 22 марта 1938 г. было казнено и погребено рядом с тюрьмой свыше 300 чел. (71).

Цифровые итоги «кулацкой операции» в Сибири (в Якутии она не проводилась, т. к. наркомвнудел ЯАССР И. А. Дорофеев заявил, что в Якутии нет «кулаков», а в связи с отсутствием промышленности нет и шпионов) пока можно оценить только приблизительно. По данным НКВД СССР, на 1 января 1938 г. в Сибири было арестовано, включая заключённых Бамлага и Сиблага, 79 тыс. чел., а на 1 марта – 86 тыс. чел. (без заключённых Бамлага). Основное число арестованных к марту 1938 г. дали Новосибирская и Омская области (почти 40 тыс. чел.), в остальных регионах количество арестованных находилось в диапазоне 9–12 тыс. В Иркутской и Омской областях, Бурятии, Красноярском крае за январь–февраль 1938 г. по «кулацкой операции» арестов почти не было, основной прирост дала Читинская область, где арестовали почти 4,5 тыс. чел., а также Новосибирская область и Алтайский край, где продолжались чистки «ровсовского» контингента (72).

Что касается расстрелов, то к 1 марта 1938 г. чекисты Алтайского края осудили к ВМН в рамках приказа № 00447 5.638 чел., Красноярского края – 5.289, Иркутской области – 6.095, Бурят-Монголии – 2.717 чел., Новосибирской области – 8.351 чел., Омской – 11.250. Всего – 37.898 чел. Из них бывшие кулаки составили 21.872 чел. (57,7 %), «прочий контрреволюционный элемент» – 10.888 (28,7 %), уголовники – 5.138 (13,6 %). В эту разбивку не вошли данные по читинской *тройке* – 5.261 осуждённый к ВМН, поскольку достоверное деление по категориям расстрелянных в них отсутствует. Таким образом, всего по Сибири в рамках «кулацкой операции» на 1 марта 1938 г. было приговорено к расстрелу 43.159 чел., не считая примерно 4–5 тыс. заключённых лагерей (73).

Однако все восточно-сибирские регионы в марте–апреле 1938 г. получили дополнительные расстрельные лимиты: Красноярский край – на 4.500 чел., Иркутская область – на 4.000 чел., Читинская – на 3.000 чел. В мае 1938 г. лимит на расстрел 1.000 чел. получила Омская область, в конце августа – на осуждение 3.000 чел. – снова Читинская область (74). Очень интенсивно продолжались расстрелы в Новосибирской области, где на 15 марта 1938 г. по «кулацкой операции» было осуждено к ВМН 10.365 чел., из которых 2 тыс. чел. – за первые две недели марта (75). Даже если принять, что одна половина лимитов касалась «кулаков» (решение Политбюро от 29 апреля 1938 г. разрешало иркутским властям дополнительно расстрелять 4 тыс. именно «кулаков»), а другая половина – представителей нацменьшинств, число арестованных по «кулацкой операции» в Сибири окажется в районе 95–100 тыс. чел., а расстрелянных – до 50 тыс. чел., не считая «ровсовцев» и заключённых лагерей. По СССР в рамках «кулацкой операции» было осуждено 767,4 тыс. чел., в т. ч. к расстрелу – 386,8 тыс. (50,4 %). Следовательно, в Сибири процент арестованных и расстрелянных по этой операции оказался почти вдвое выше, чем по СССР в целом.

«Кулацкая операция», основывавшаяся на предшествовавшем опыте массовых репрессивных кампаний, явилась одной из вершин профессиональной нагрузки для карательных органов Сибири. Она тесно сочеталась с очень близкой к ней по масштабам «ровсовской» операцией и охватывала предельно широкий спектр опасного с точки зрения властей элемента. С помощью открытого террора была уничтожена масса населения, подозревавшегося в нелояльности; одновременно данная акция послужила мотором для проведения в тот же период массовых репрессий по национальному признаку.

«РОВСОВСКИЙ ЗАГОВОР»

Дело «заговора» сибирского филиала белоэмигрантского Русского Общевоинского союза (РОВС) было самым крупным политическим делом в регионе. Его размах в огромной Новосибирской области точно соответствовал шедшей параллельно «кулацкой операции», причём в НСО и Алтайском крае, где были вскрыты наиболее масштабные звенья «заговора», осуждения по нему было разрешено проводить безлимитно. Интенсивная фабрикация дела гигантского «эсеро-монархического» вооружённого заговора, якобы организованного в Западной Сибири эмиссарами РОВСа и японской разведкой, началась в крае в мае 1937 г. по инициативе начальника УНКВД ЗСК С. Н. Миронова. Из его справки от 17 июня 1937 г., адресованной крайкому ВКП(б), следовало, что в Запсибкрае была раскрыта совместная кадетско-монархическая и эсеровская повстанческая организация со многими сотнями участников (арестовано 382 чел., вскрыто агентурно-следственным путём – 1.317 чел.), готовившая переворот по заданиям Японии и РОВСа (76). Дело РОВСа стало исключительно ценным материалом для Ежова и Сталина, использовавших его для обоснования грандиозной чистки советского общества.

Нельзя не отметить, что организация РОВСа была составлена по канонам 1920–1921 гг. и в большой степени повторяла сфабрикованную тогдашним полпредом ВЧК по Сибири И. П. Павлуновским версию об организации общесибирской повстанческой «бело-эсеровской» организации Сибирского Крестьянского союза, состоявшей из эсеров, бывших белых офицеров и «кулаков» (77). Успех дела о «заговоре Сибирского Крестьянского союза» вдохновлял местных чекистов много лет. Например, широкий «белогвардейский заговор» в 1933 г. объединял бывших белых офицеров, торговцев, священников с массой красных партизан.

Очень похожую картину мы видим и в 1937 г., когда чекисты заявили об объединении в 1934 г. ссыльных «кулаков», дворян и бывших офицеров из монархического «Союза спасения России» с организацией, якобы созданной ссыльными эсерами – «Сиббюро ПСР». Наличие в Сибири масштабной политической ссылки позволяло легко найти любых фигурантов для всевозможных чекистских провокаций. Миронов, опираясь на особенности региона и прежние наработки, «соединил» в одно целое «эсеровский центр», составленный чекистами из арестованных в начале 1937 г. ссыльных эсеровских лидеров (И. Х. Петелина, В. С. Осипова-Занозина, И. Л. Гороха), и монархистов из числа ссыльных дворян и царских офицеров (М. М. Долгорукого, В. С. Михайлова, Н. А. Эскина).

Вооружённой опорой организации должны были стать ссыльные крестьяне комендатур Нарыма и Кузбасса (208 тыс. чел.) и ссыльные из «бывших» (5.350 чел.).

Подготавливая дело «ровсовской организации», Миронов подробно изучал материалы на ссыльных и особо отметил перспективного кандидата на роль одного из повстанческих лидеров – выдающегося поэта Николая Клюева, отбывавшего ссылку в Томске. На оперсовещании руководящего состава 25 марта 1937 г. начальник УНКВД указал: «Клюева надо тащить именно по линии монархически-фашистского типа, а не на правых троцкистов. Выйти через эту контрреволюционную организацию на организацию союзного типа» (78). Но в итоге тяжелобольного Клюева, недавно перенесшего инсульт и частичный паралич, арестовали только 5 июня, а уже в октябре 1937 г. поэт, категорически отказавшийся давать «признания», был расстрелян. В руководящий центр РОВСа были записаны другие лица из «бывших», согласившиеся дать нужные показания, во главе с бухгалтером Новосибирского ТЮЗа экс-генералом В. С. Михайловым.

Одновременно с арестами видных «бывших» в крае развернулась повсеместная фабрикация «ровсовских» филиалов. Например, сотрудники Нарымского окротдела НКВД 28 июня 1937 г. составили справку на арест эсеро-монархической повстанческой организации РОВСа из 66 чел. В июле 1937 г. Миронов велел начальникам оперсекторов все «повстанческие» организации с участием бывших белых офицеров и «кулаков» оформлять как ячейки РОВСа (79). Если «кулацкая операция» опустошала преимущественно сельскую местность, то по делу РОВСа, помимо крестьянской ссылки, очень активно арестовывали неблагонадёжное городское население.

Аресты «ровсовцев» нередко производились облавами. В конце июля 1937 г. опербригада работника СПО УНКВД ЗСК П. И. Молостова, в значительной степени составленная из курсантов межкраевой школы НКВД, ходила по предприятиям и стройкам Новосибирска, выясняя у администрации наличие «антисоветского элемента» – без всяких протоколов, ограничиваясь записями вроде «антисоветски настроен», «кулак» и т. д. Затем чекисты ночью оцепили огромную площадку строительства оперного театра и в течение трёх дней арестовали до 200 рабочих (арестов было бы ещё больше, но многим потенциальным жертвам удалось бежать через заборы). Среди чекистов шли разговоры, что это была не оперативная работа, а просто какая-то охота, когда работники НКВД бегали по баракам, где жили строители, и хватили тех, кто значился в наскоро изготовленных списках (80).

В начале операции на места во главе бригад следователей посылались ответственные работники УНКВД, чтобы придать операции должное ускорение и показать пример в следствии местным оперативникам. Так, Кузбасс курировали руководящие сотрудники КРО и СПО М.И. Голубчик и Е.Ф. Дымнов, Нарымский округ – С.П. Попов и К.К. Пастаногов. В июле 1937 г. в Прокопьевск из УНКВД ЗСК приехал начальник отделения СПО Е.Ф. Дымнов, который кратко проинструктировал местных чекистов, которые в полном составе были брошены на аресты. Один из них позднее показал: «Ночью к зданию городского отдела были подогнаны около 15 грузовых автомашин с вооруженной охраной. По указанию Дымнова мы выехали на посёлок Южный, где в основном жили спецпоселенцы, и... подвергли аресту всех мужчин. Ордеров на арест у нас не было... брали всех подряд, кто окажется дома. [...] В этот раз было арестовано свыше 200 человек... Руководством городского отдела, видимо, с участием Дымнова, был составлен список всех арестованных, которых вписали в заранее заготовленную схему повстанческой организации... Как правило, первые два-три дня арестованные отказывались подписывать протоколы. Тогда некоторые оперативные работники подвергали арестованных избиению или вели длительные допросы без обедов и сна. Была организована внутрикамерная обработка арестованных, чтобы склонить их к подписанию протоколов» (81).

В конце июля 1937 г. несколько опергрупп под руководством сотрудников управления УНКВД ЗСК прибыли в центр Нарымского округа – г. Колпашево, где начали широкие аресты в сёлах округа и последующую доставку арестованных крестьян-спецпереселенцев на баржах в окружной центр (82).

Для городских «ровсовских» дел были характерны высокая численность (часто больше 20 чел.), стремительное следствие (в пределах недели-двух) и очень высокая доля осуждённых к расстрелу, обычно превышавшая 90 %. Например, *тройкой* УНКВД ЗСК 25 августа 1937 г. по делу РОВСа были осуждены 42 чел., в т. ч. 39 – к расстрелу. *Тройкой* УНКВД НСО 5 ноября 1937 г. было осуждено 39 «ровсовцев», арестованных 27 и 28 октября, из них 38 расстреляли уже на следующий день (83). По словам работника КРО УНКВД НСО В.Д. Качуровского, на деле РОВСа «как некоторые следователи говорят, [они] “набили себе руку” до того, что заканчивали допросы на 5–6 человек в сутки. [...] “Колунство” было символом оперативных качеств работника. Были просто “колуны” и “смертельные колуны” – это такие следователи, от которых, как говорили, сам чёрт не уйдет без признания» (84).

По делу РОВСа было репрессировано огромное количество интеллигенции и служащих. Рекорды скорости новосибирские чекисты ставили в конце 1937 г., когда темпы арестов и расстрелов в ожидании окончания операции резко усилились. Начальник УНКВД Горбач всемерно раздувал дело РОВСа, после отъезда Миронова увеличив число фигурантов почти на порядок. 10 декабря 1937 г. он послал Ежову меморандум о том, что организация РОВС в Западной Сибири «частично ликвидирована» – при том, что количество арестованных составляло уже около 15 тыс.! Одновременно Горбач сообщал, что в Новосибирске в ноябре 1937 г. вскрыт запасной повстанческий штаб, а разветвлённая сеть РОВСа вскрыта в 17 лагпунктах Сиблага. Сталин наложил резолюцию: «Ежову. Всех бывших офицеров и генералов по записке Горбача нужно расстрелять». Ещё одна резолюция Сталина на письме Горбача, появившаяся после ознакомления вождя с приложенным списком бывших офицеров, дворян, жандармов и священников на 399 чел., была лаконичнее: «Расстрелять всех». Сталинский секретарь А.Н. Поскрёбышев тут же пометил: «Исполнено. Послана телеграмма 16.XII.37 г.» (85).

Из конкретных дел видно, каким образом аппарат Горбача подбирал контингент для своего главного заговора. Аппарат КРО УНКВД НСО 6 декабря 1937 г. арестовал по РОВСу 77 чел., добавив к ним ещё двух, арестованных чуть раньше. Состав привлечённых был самый разнообразный: врид завотделом искусств облисполкома М.Л. Мильштейн, учёный-зоолог Н.Г. Гуляев, преподаватели техникумов Л.А. Бейман и Б.Д. Покровский, три инженера, юрист, завотделом стола заказов ТПО УНКВД, несколько чернорабочих совхоза №1 УНКВД. В тот же день были проведены допросы почти всех «ровсовцев» и уже 8 декабря *тройка* осудила всех арестованных к ВМН (86).

Характерным примером истребления интеллигенции является дело на 65 новосибирцев, которое фабриковалось во второй половине декабря 1937 г. 5-м отделением КРО УНКВД, возглавлявшимся опытным оперативником А.М. Волковым. Среди осуждённых примерно половину составляли служащие и интеллигенция, в том числе член Союза писателей М.И. Ошаров, один из руководителей строительства оперного театра С.А. Польшалин, бывший подполковник царской армии М.М. Барковский, администратор филармонии, учителя, инженеры, агрономы, геологи, техники, фотографы, 7 бухгалтеров, два экономиста и другие служащие.

Схема была отработанной – чекисты находили бывшего царского или белого офицера и «назначали» его руководителем организации, состоявшей из небольших ячеек и подчинявшейся заговорщицкому центру.

Бывший подполковник Барковский, по версии чекистов, будучи в отпуске в Ярославле в 1935 г., встретился там с ссыльным А.Н. Пепеляевым и договорился с ним о развёртывании контрреволюционной работы в Новосибирске. Свою же деятельность на месте Барковский должен был увязывать с Н.А. Эскиным.

Обвиняемым вменяли в вину проведение диверсионной работы. Бывшего псаломщика Г.А. Лазарева, заведовавшего ларьком конторы «Союзутиль», обвинили в том, что он летом отравил «заразными бактериями “титр-котт” фруктовые воды и квасы, вызывая этим массовые желудочные заболевания», одновременно «под видом обёртки... распространил до 20 томов контрреволюционных статей Троцкого, Зиновьева и Каменева». Сходные преступления вменялись служащему конторы Гидрометуправления К.Г. Соломину: «В целях создания недовольства среди рабочих бросал в продукты питания мышей и крыс и заражал продукты заразной палочкой “титр-котт”, чем добился массовых заболеваний рабочих». Разумеется, чекисты придумали «вражеские действия» и «диверсии» для остальных арестованных. Из 65 чел. были расстреляны 62 (87).

Бывший штабс-капитан деникинской армии Т.П. Дудник, отсидевший за службу у белых два года в Соловках, в том же декабре 1937 г. был назначен главарём «ровсовской» организации из 26 чел. (22 – расстреляны). Часть дел по РОВСу фабриковали и сотрудники военной контрразведки. В течение четырёх дней Особым отделом в декабре 1937 г. было оформлено дело на 64 чел. из Новосибирска и Бердска. Среди них были начальник военторга СибВО М.М. Семёнов, директор Дальторга И.Л. Каратов, секретарь председателя крайисполкома И.С. Достовалов, доцент Сибстрина Д.Е. Романов, начальник стройконторы Аэрофлота П.П. Губанов, учителя, инженеры, юрисконсульт. Были чех, еврей, немец; семеро осуждённых являлись коммунистами. 24 декабря 1937 г. 62 чел. *тройкой* были приговорены к расстрелу, двое – к 10 годам лагерей (88).

«Инонационалов», судя по документам, нередко проводили по «ровсовским делам». Так, по РОВСу прошло дело на 20 чел. (Хилькевич и др.), арестованных в июле и октябре, из которых 19 чел. в конце ноября 1937 г. были осуждены к ВМН и в тот же день расстреляны. При этом четверо из них обвинялись как участники татарской заговорщицкой организации «Гаскери Уешма» (89).

К январю 1938 г. в Новосибирской области и на Алтае по РОВСу к расстрелу было осуждено более 18 тыс. чел. (90), в 1938 г. – ещё почти

7 тыс. До 15 марта 1938 г. Мироновым и Горбачом в ЗСК-НСО было осуждено 24.383 «ровсовца», относившихся преимущественно к так называемым «бывшим людям»: белым офицерам, чиновникам царского и колчаковского времени, «раскулаченным», торговцам, священникам, а также лицам, которые ранее уже подвергались репрессиям. Подавляющая часть прошедших по РОВСу – 21.129 чел., или 86,7 % – была расстреляна (91). 15 марта 1938 г. «кулацкая» и «ровсовская» операции были завершены, но новосибирская *тройка*, судя по всему, ещё возвращалась к репрессированию лиц из «кулаков» и «ровсовцев». *Тройкой* УНКВД по Алткраю оказалось осуждено 5.145 «ровсовцев», в т. ч. к расстрелу – 3.724 чел., или 72,4 % (92).

Когда в марте 1938 г. в г. Прокопьевске разом произошло несколько происшествий – взрыв динамитного склада, завал в шахте, убийство комсомолки – туда прибыл замначальника УНКВД НСО Мальцев и вместе с начальником горотдела поручил оперативнику В.Ф. Тюлькову немедленно составить список на арест 100 спецпереселенцев (93). Одновременно Горбач 17 марта 1938 г. запросил у НКВД разрешения продолжить рассмотрение дел оставшегося «кулацкого» контингента в Кузбассе (его базу составляли 13 тыс. спецпереселенцев, а также беглые «кулаки») на «ровсовской *тройке*». Этот вопрос решал Фриновский (94), и можно предположить, что ответ был положительный, поскольку дела по офицерам, «церковникам» и пр. рассматривались *тройкой* неоднократно и «ровсовский» контингент продолжал оставаться объектом репрессий до самого конца «массовых операций».

Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеев 4 сентября 1938 г. отправил в Москву запрос на репрессирование *тройкой* ещё одной тысячи человек «активного кулацко-белогвардейского элемента», установленного в одном лишь Кемерове. Правда, неизвестно, утвердило ли Политбюро этот запрос (95). Но известно, что *тройка* УНКВД НСО в сентябре–ноябре 1938 г. приговаривала к смерти не только «инонационалов», но и лиц из контингентов, привлекавшихся ранее по «кулацкой» и «ровсовской» операциям. Например, 8 сентября 1938 г. *тройкой* были приговорены к расстрелу 7 участников «террористической бело-офицерской группы» во главе с бывшим поручиком Колчака С.Е. Лыхиним, работавшим бухгалтером кондитерской базы. Осуждённый *тройкой* в Новосибирске 2 ноября 1938 г. за антисоветскую агитацию к расстрелу активный «церковник» В.Н. Сосновский был казнён 20 ноября (96).

В Красноярском крае по делу РОВСа активно осуждали многочисленных местных казаков. В материалах по делу «Красноярского филиала

РОВСа» указывалось, что казаками-реэмигрантами были созданы повстанческие и диверсионные организации на территории Минусинского округа и Хакасской области, в районах компактного проживания енисейских казаков, в бывших казачьих станицах. В районах компактного расселения казаков было «вскрыто» несколько «районных штабов Западно-Сибирского филиала РОВС» (97). К началу марта 1938 г. чекисты в отдалённых районах края арестовали по «кулацко-эсеровской» организации 300 чел. из Енисейского, Казачинского и других районов, 300 ссыльных, множество «церковников» и добивались их включения в дополнительный лимит по краю, полученный уже неделю спустя. «Ровсовская» организация была вскрыта и в Иркутской области. Замначальника ИНО ГУГБ С.М. Шпигельглаз, знавший что у РОВСа не было возможностей для сколько-нибудь заметной работы в СССР, в своих показаниях приводил примеры, когда начальники УНКВД «одолживали друг у друга генералов, чтобы те возглавляли ровсовские организации» (98).

Хотя «кулацкая операция» закончилась в основном к апрелю, но летом–осенью 1938 г. по дополнительным лимитам *тройки* продолжали работать во многих областях, включая Иркутскую и Читинскую области (99). Так, М.П. Фриновский 13 июня 1938 г. разрешил УНКВД НСО рассмотреть на «ровсовской» *тройке* дела «церковно-монархической организации» на 255 чел (100). Помимо Москвы и Ленинграда, «кулацкая операция» и её «ровсовское» ответвление были продолжены в отдельных северных (Карелия) и южных (Ростов) регионах, частично на Урале и в Западной Сибири, а также на всём протяжении от Красноярска до Владивостока. Ещё 7 октября 1938 г. чекисты Татарии получили разрешения НКВД пропустить через особую *тройку* дела на членов «военно-офицерской организации РОВСа», арестованных до 1 августа – в соответствии с неким циркуляром НКВД №189 (101).

Хотя «ровсовский заговор» активно громили на Украине (1.213 арестованных к 10 июня 1938 г.) (102), Дальнем Востоке и на Урале, только в Новосибирской области и Алтайском крае дела РОВСа оказались не просто огромными, а в разы превосходящими любые другие крупные дела о «заговорах». По РОВСу в этих двух регионах было осуждено 29.528 чел., в т. ч. 24.853 (84,2 %) – к расстрелу (103), причём жестокость репрессий в Новосибирской области оказалась заметно больше, чем на Алтае. Тот факт, что по «ровсовскому делу» расстреливалась не половина, как по «кулацкой» операции, а подавляющее большинство осуждённых, свидетельствует в пользу того, что чекистами оно считалось приоритетным. Уже в 1939 г., расследуя дело начальника УНКВД

по Новосибирской области И.А. Мальцева, прокуроры установили, что никакого «ровсовского» заговора не существовало. Но официальная реабилитация осуждённых по этой грандиозной провокации НКВД началась только в середине 1950-х гг.

Таким образом, по «кулацкой» и «ровсовской» операциям в течение года было репрессировано свыше 130 тыс. сибиряков. Только в Новосибирской области к середине марта 1938 г. по ним был осуждён 50.541 чел. (104). Репрессии по приказу №00447 унесли в Сибири примерно 80 тыс. жизней, или пятую часть от жертв операции по стране. Учтя удельный вес Сибири в населении страны, можно сделать вывод, что всего по приказу №00447 в регионе расстреляли примерно втрое больше людей, чем в среднем по СССР. Подавляющая часть расстрелянных оказалась «кулаками» и «контрреволюционерами», доля же уголовного элемента среди жертв террора составила не более 10 %. В связи с крайней жестокостью «ровсовских» расправ расстрельная статистика по Сибири сильно отличается от общесоюзной: если в целом по стране уничтожалось не более половины осуждённых жертв «кулацкой» операции, то в Сибири – порядка двух третей.

РАСПРАВА С «ИНОНАЦИОНАЛАМИ»

Внесудебные расправы начала 30-х годов очень сильно ударили по национальным окраинам, равно как и в предыдущие годы (105–107). В феврале–марте 1933 г. чекисты Минусинского оперсектора и Хакасского облотдела ОГПУ сфабриковали дело «Глубинка» на жителей юга Западно-Сибирского края. Минусинский оперсектор арестовал 158 чел. (12 подпольных ячеек), Хакасский облотдел – 129 (7 ячеек). По мнению чекистов, «повстанческая организация» намеревалась свергнуть советскую власть и установить буржуазный строй. Восстание приурочивалось к моменту объявления Японией войны Советскому Союзу, которая ожидалась не позднее текущей весны. Сформированные ячейки боевиков в период до восстания должны были заниматься вредительством и диверсиями в колхозах, совхозах и на предприятиях. После пыточного следствия 27 апреля 1933 г. *тройка* ПП ОГПУ ЗСК осудила 194 чел., в том числе 42 – к расстрелу (108).

В марте 1933 г. в Ойротии было арестовано свыше 40 участников «контрреволюционной организации» во главе с М.А. Кучуковым, Табаковым и др. В 1934 г. были вскрыты новые «повстанческие ячейки» в четырёх аймаках автономии и осуждена большая группа южно-сибир-

ской национальной интеллигенции и номенклатуры, якобы образовавших повстанческий «Союз сибирских тюрок». Среди них были председатель Таштыпского райисполкома К. Майтаков, художник-алтаец Г. Гуркин-Чорос (бывший член Сибирской областной думы, вернувшийся из эмиграции), инспектор крайоно И. Михайлов-Очи, редактор Шорской секции ОГИЗа Я. Тельгерек. Алтайцы (в 30-х годах именовавшиеся ойротами), хакасы и шорцы якобы опирались на помощь японских интервентов, у которых хотели найти деньги и оружие. В состав будущего буржуазно-демократического государства они планировали включить и Тувинскую республику, а потом намеревались связаться с контрреволюционными элементами Средней Азии. В число предъявленных обвинений входили также «ставка на поднятие национальной культуры, внедрение родного языка и усиление коренизации государственного и хозяйственного аппарата». Одних хакасов по этому делу было арестовано 30 чел., алтайцев – около 50 чел (109).

В начале 30-х годов советские чекисты активно участвовали в «зачистке» населения стран-сателлитов. Например, сотрудник УПВО ПП ОГПУ ЗСК М.И. Жучек с мая 1930 до лета 1932 г. находился в «особо-секретной командировке» в качестве старшего инспектора управления Госполитохраны в Туве и занимался как подавлением крестьянских мятежей, так и поисками «вредительства». Чекисты обеспечили подавление огромного восстания в МНР в 1932 г., при этом погиб бывший видный сотрудник КРО ОГПУ В.С. Кияковский, являвшийся главным инструктором ОГПУ в ГВО Монголии (помощником главного инструктора ГВО в 1932–1933 гг. являлся бывший северокавказский чекист М.Л. Успенский).

Примером «массовых операций» в отношении «иностранцев» является карательная акция, предпринятая в начале 1934 г. иркутскими чекистами, арестовавшими около 100 граждан Монголии. В их числе было до десятка сексотов ГВО МНР: монголы Д. Бастуев и Ш. Бастуев, буряты Д. Мункуев, Б. Ринчинов, Ч. Ринчинов, Р. Содномов, Ц. Сундупов, Т. Цибийжалов, С. Цыренов. Несколько монголов были коммунистами: сотрудник ГВО Б. Бубеев, помощник командира эскадрона 7-й дивизии МНР Ч. Балданов, завклубом дивизии Д. Агоров, Б. Бислаев и др. Среди арестованных был и монгольский писатель И. Бужудаев. Вероятно, всех этих лиц под благовидным предлогом вывели на советскую территорию и 3 февраля 1934 г. арестовали. Всего три дня спустя *тройкой* ПП ОГПУ ВСК их осудили за участие в повстанческой шпионской организации на 5–10 лет лагерей каждого (110). Пятилетний срок заключе-

ния для большинства осуждённых по такой серьёзной статье, как 58-6 УК, даже в то время ясно говорил о явной недостоверности дела, сфабрикованного с очевидной целью предьявить начальству очередную крупную «шпионскую» организацию.

Таким образом, в первой половине 30-х годов в Сибири крупные репрессивные акции в отношении «нацменов» основывались на обвинениях в направляемой японцами повстанческой деятельности, и наиболее остро задевали зажиточные и культурные слои. Также они имели тенденцию выходить за границы СССР, затрагивая население сопредельных государств.

Массовый террор против «инонационалов», развёрнутый в 1937–1938 гг., был невиданным по масштабу. В кампании истребления сотен тысяч «инонационалов» большое значение сыграли фобии советской верхушки. Для Сталина характерно было деление наций на передовые и отсталые, более важные и менее значимые, лояльные и враждебные. Обращаясь 2 мая 1933 г. к участникам первомайского парада, Сталин назвал русскую нацию «основной национальностью мира», поскольку именно она внесла наибольший вклад в дело создания большевистского государства (111).

Повсюду опасаясь шпионов, великорусский шовинист Сталин особенно не доверял немцам, полякам, прибалтам, финнам, корейцам, китайцам, грекам, иранцам – то есть национальностям, живущим в СССР, но этнически связанным с государствами, враждебными советской державе. С точки зрения Сталина, не враждебных стран и не существовало: СССР не имел стратегических союзников и поддерживал партнёрские отношения с немногочисленными второстепенными странами вроде Турции и Чехословакии. Жители союзных республик и автономий также считались потенциально нелояльными в силу распространённости в их среде «националистических» настроений.

Истребительная работа против «националов» – этнических представителей враждебных СССР государств – диктовалась приказами и распоряжениями руководства НКВД, видевших в нерусском населении потенциальных националистов и шпионов. Логика террора продиктовала переход от выборочных репрессий в отношении «инонационалов», ранее только «подозрительных по шпионажу», к сплошным безлимитным арестам в их среде с целью ликвидации «шпионской базы». Приказы НКВД о массовых арестах по «национальным линиям» санкционировались решениями Политбюро.

Широкие репрессии в отношении «инонационалов» готовились после февральско-мартовского Пленума ЦК, когда Ежов разослал на места

указания «в связи с возможностью военного нападения фашистских государств» и «лихорадочной деятельностью разведок этих государств» перестроить работу НКВД так, чтобы «быть способными к активному наступлению против всех врагов советского строя». Одновременно начальник КРО ГУГБ Л. Г. Миронов разработал проект приказа о задачах контрразведывательных отделов, в котором констатировалось, что разведки Германии, Японии и Польши создали в СССР огромное количество безнаказанно действующих резидентур и диверсионных организаций. Органы НКВД ориентировались на разработку всех категорий иностранцев, особенно немцев, австрийцев, поляков, японцев, итальянцев. К категориям населения, определённого в качестве потенциальной вербовочной базы иностранных разведок, были отнесены харбинцы, лица, работавшие и обучавшиеся за границей, бывшие военнопленные, вернувшиеся из Германии, Австро-Венгрии и Турции, перебежчики из Польши, Румынии и Маньчжурии, а также немцы, поляки и корейцы (112).

Уже на совещании НКВД 16 июля 1937 г. Ежов говорил о предстоящих арестах харбинцев, поляков и немцев. Это свидетельствует о том, что нацоперации планировались одновременно с исполнением приказа №00447. Широкие репрессии по национальному признаку начались с немцев и поляков одновременно с проведением кампании ликвидации «антисоветских элементов», будучи логичным её развитием. Усиление размаха нацопераций отмечается также в самый разгар арестов по «кулацкой» операции. 3 ноября 1937 г. на места была разслана телеграмма Ежова с требованием «форсировать проведение операций [по] антисоветским элементам, немцам, полякам, харбинцам, женам изменников родины» и закончить проведение этих операций к 10 декабря 1937 г. В начале 1938 г. увеличился террор в отношении немецкого населения: Ежов 1 февраля 1938 г. в своей директиве потребовал нового усиления репрессий (113).

Добиваясь масштабной чистки в отношении «инонационалов», Сталин довёл до местных партийных руководителей свою точку зрения на сочетание провозглашаемых принципов интернационализма с террором против целых народов. Из показаний бывшего помначальника 11-го отдела УНКВД по Красноярскому краю В. Ф. Пазина следовало, что «на оперативных совещаниях у нач[альника] УНКВД секретарь крайкома Соболев давал установку арестовывать всех поляков, латышей, немцев и т. д.». При этом С. М. Соболев не стеснялся в выражениях, заявляя, что транслирует чекистам указания Сталина: «Довольно играть в интернационализм, надо бить всех этих поляков, корейцев, латышей, немцев и т. д.,

всё это продажные нации, подлежащие истреблению... Всех националов надо ловить, ставить на колени и истреблять как бешеных собак» (114).

В рамках нацоперации Особый отдел ГУГБ НКВД СССР примерно в июне 1938 г. разослал на места указания всех уволенных из армии «нацменов» при наличии компроматериалов арестовывать и судить в особом порядке. В том же июне 1938 г. на места был разослан оперативный приказ М. П. Фриновского с указанием усилить репрессии в отношении «инонационалов» – всего по 13 «линиям». Для разъяснения этого приказа и ориентирования работников в оперсекторы прибывали ответственные работники управления НКВД. Например, в Куйбышевском оперсекторе УНКВД НСО инструктаж проводил начальник КРО Ф. Н. Иванов, давший контрольные цифры на аресты (115). Горбач и Мальцев приказывали арестовывать всех, кроме русских, опираясь на справки сельсоветов и показания лжесвидетелей о «разлагательской работе». Согласно установке Мальцева, на каждые 7 арестованных «инонационалов» мог приходиться только один русский, не более. Мальцев, передавая директиву Фриновского, указывал, что если в районе останется хоть один латыш или поляк, который совершит что-либо «контрреволюционное», то ответственность наряду с ним будет нести и начальник райотдела НКВД. Начальники отделений КРО по приказу Ф. Н. Иванова соревновались между собой в арестах поляков, латышей, немцев (116).

Один из руководителей КРО УНКВД НСО В. Д. Качуровский показывал, что по «нацоперациям» из НКВД СССР сначала требовали отчётность по арестам каждые 12 и 24 часа, затем – каждые 2–5 суток. По его оценке, «вопрос стоял о стопроцентной ликвидации этих категорий лиц» (117). То есть чекисты были готовы уничтожить и изолировать всё взрослое мужское население, принадлежавшее к «враждебным национальностям», и их карательный пыл остановил только приказ о прекращении «массовых операций». Это лишний раз опровергает тезис Р. Конквеста о физической невозможности для НКВД продолжения массовых репрессий к концу 1938 г. (118).

Некоторые чекисты, как В. Д. Качуровский, признавали, что во время нацопераций «дров наломали крепко». А другие были совершенно согласны с уничтожением «инонационалов»: так, алтайский оперативник Т. У. Баранов в письме Сталину демонстрировал пафос, противоположный мнению Качуровского: «...Помня Ваши слова о капиталистическом окружении – я и другие исходили при аресте контрреволюционного элемента именно только вокруг этого – т. е. изъять не только активный вражеский контингент, но и базу для его, которой у нас являются нем-

цы, поляки, харбинцы и прочая сволочь, еще притаившаяся, но готовая в любую минуту взять оружие в руки и выступить против страны социализма» (119).

Массовые фабрикации «шпионских» дел начались с первых лет существования ВЧК, став характерной чертой работы «органов» (120–121). Первой вспышкой широких репрессий против сибирских немцев стала кампания арестов активистов эмиграционного движения Славгородского округа в 1929 г., протестовавших против коллективизации попыткой организовать массовый переезд соотечественников в Германию. Как подчёркивал впоследствии тогдашний начальник отделения Особого отдела ОГПУ СибВО М. М. Подольский, «эмиграцию мы приостановили путём выхвата руководителей» (122). Советская власть в немецких меннонитских посёлках, как показывает А. И. Савин, была в начале 30-х годов в значительной степени фиктивной, ибо все основные дела в них решались руководителями религиозных общин (123). Для власти такое положение было совершенно неприемлемым.

В 1934 г. нарком внутренних дел Украины В. А. Балицкий инициировал в записке секретарю ЦК КП(б)У С. В. Косиору волну преследований немцев-колонистов, которую поддержал ЦК ВКП(б), в специальном циркуляре 5 ноября 1934 г. обвинивший местные власти и органы безопасности в недостаточной борьбе с агентурой гитлеровской разведки, якобы вольготно чувствовавшей себя в местах немецких поселений. Опираясь на чекистские сведения, ЦК обрушился на немецкое население ряда регионов, «нарушающее элементарную лояльность к советской власти», предложив «принять по отношению к активным контрреволюционно и антисоветски настроенным элементам репрессивные меры, произвести аресты, высылку, а злостных руководителей приговорить к расстрелу». От немецкого населения требовалось «полное прекращение связи с заграничными буржуазно-фашистскими организациями: получение денег, посылок» (124).

Широкая кампания «гитлеровской помощи» пострадавшим от коллективизации и голода немцам больно ударила по престижу СССР. Между тем есть основания полагать, что сибирские чекисты на определённом этапе в провокационных целях способствовали расширению контингента получателей денежных переводов из Германии. Так, в декабре 1934 г. на заседании актива одной из сельскохозяйственных артелей Немецкого района ЗСК была открыта деятельность члена правления кооператива Сусанны Гиберт, которая в 1933 г. активно уговаривала женщин писать на имя Гитлера заявления о помощи, утверждая потом, что «ей поруче-

но от ГПУ организовать эту работу» (125). Характерно, что в обстановке террора, развязанного в Немецком районе, С. Гиберт не была репрессирована.

Исполняя требование ЦК, руководство Особого отдела СибВО 25 декабря 1934 г. сообщило крайкому, что репрессии в отношении немцев начались 10 дней спустя после получения циркуляра ЦК и в течение месяца специальными опербригадами были ликвидированы две крупные фашистские организации и 36 группировок, участники которых «проводили активную к-р фашистскую работу в немколониях, широко популяризируя материальную помощь, идущую из Германии... внедряя в сознание немцев, что они на случай войны Германии с СССР должны будут оказать помощь Германии в тылу СССР... проводили срывательскую саботажническую работу в колхозах». Всего же за 1934 г. в ЗСК было арестовано 577 немцев (до 4 % взрослого мужского населения), и их в основном распределили по пяти «фашистским организациям» и 84 «группировкам». Аресты продолжались и в следующем году. По СССР за 1934 г. советских немцев было арестовано до 4 тыс. чел. (126).

Для дополнительного нагнетания атмосферы террора были осуждены по обвинению в фашистской деятельности даже партийно-советские руководители Немецкого района на Алтае. Во время поездки В. М. Молотова по Сибири осенью 1934 г. ему сообщили о «саботаже хлебопоставок» в Немецком районе бывшего Славгородского округа, после чего член Политбюро дал соответствующие указания. Вскоре чекисты подготовили к открытому процессу 33 руководящих работника-немца, включая двух секретарей райкома и председателя райисполкома. В апреле 1935 г. в Новосибирске спецколлегия крайсуда рассмотрела это беспрецедентное дело на номенклатуру районного уровня и вынесла суровые приговоры – трое были расстреляны, остальные осуждены на лагерные сроки (127).

Аресты немцев продолжались и далее. Например, особист Е. В. Климко с августа 1936 г. около трёх месяцев работал в Немецком районе ЗСК по «ликвидации шпионских ячеек» и участвовал в арестах «шпионов» (128). Постоянные репрессии против немцев логично перетекли в широкую кампанию истребления 1937–1938 гг., в ряде регионов носившую опустошительный характер. При этом репрессии в отношении «немецких шпионов» выглядели для чекистов настолько привычно и логично, что для их обоснования в 1937 г. не потребовалось даже особого приказа. Ежов ограничился установками общего характера, которые требовали дежурного усиления террора в отношении «инонационалов». В Алтай-

ском крае, где существовал национальный Немецкий район, чистки имели такой размах, что из многих немецких сёл забирали и в основном расстреливали всё мужское население от 16 до 60 лет. По самому крупному, так называемому «Славгородскому делу», в декабре 1938 г. было репрессировано 298 немцев из шести районов, обвинённых в участии в повстанческой организации, созданной «майором гестапо» Нейманом. Все обвиняемые были расстреляны (129).

К началу декабря в промышленно развитой Новосибирской области было арестовано 1.644 немца, обвиненных в участии в 42 шпионских резидентурах. В декабре 1937 г. в Ояшинском районе НСО арестовали 44 немца по обвинению во вредительстве, диверсиях и шпионаже. Среди них преобладали рабочие и колхозники; также были арестованы директор и учитель начальной школы. Чтобы картина диверсионной деятельности была наглядней, чекисты даже придумали никогда не существовавший в районе цементный завод. 14 января 1938 г. тройка приговорила к расстрелу 43 чел (130).

«Нацконтингенты» осуждались в Москве так называемой *двойкой* – комиссией НКВД и Прокуратуры СССР. В реальности присланные из регионов «альбомы» со справками на «инонационалов», где уже предлагалась мера наказания, рассматривались начальниками отделов ГУГБ НКВД, которые автоматически огромными списками осуждали людей, после чего «альбомы» подписывались Ежовым и Вышинским. Для срочного рассмотрения «альбомов» московские власти, не справлявшиеся с потоком дел, поступавших с мест, 15 сентября 1938 г. поручили создать в регионах особые *тройки*, чтобы те в течение двух месяцев рассмотрели дела по «нацоперациям». Такие *тройки* были созданы в большинстве регионов к началу октября (в Новосибирской области очень крупная партия «инонационалов» оказалась осуждена 2 октября) и осудили 105 тыс. чел. В Новосибирской области эта тройка рассмотрела дела на более чем 4 тыс. чел., приговорив к расстрелу свыше 94%; в среднем по СССР расстреляли 79,4% от числа осуждённых «инонационалов» (131).

По Сибири в ходе «немецкой операции» всего было осуждено *тройками* и *двойкой* 7.367 немцев и причисленных к ним. Наибольшее число дали Алтайский край и Новосибирская область – 5.872 чел. (80 %), в «средней» категории были Омская область и Красноярский край (579 и 658 осуждённых), наименьшее количество – в Иркутской и Читинской областях (149 и 98 чел.). Из числа репрессированных в Сибири к ВМН оказались приговорены 5.935 чел., или 80,6 %. Это превышало уровень

репрессий по «немецкой операции» в масштабах страны – 76,2 %. По всем сибирским регионам наблюдалась крайне жестокая расправа с немцами: от 96,3 % расстрелянных в Новосибирской области и 91,8 % – в Читинской, до 83 % – в Красноярском и 76,1 % – Алтайском краях. Особняком выглядит минимальный процент расстрелянных по Омской области – 24,7 %. Этнические немцы среди фигурантов операции насчитывают примерно 70 % (132). С другой стороны, часть немцев прошла по другим нацоперациям, а также была репрессирована военными трибуналами, спецколлегиями и т. п. органами.

Польское население Сибири было обширным и вызывало подозрение чекистов в нелояльности с первых лет Советской власти (133). В середине 30-х годов треть всех «шпионских» дел касалась польского шпионажа (134). В мае 1935 года Венгеровским РО УНКВД ЗСК без санкции прокурора были арестованы четыре бывших польских перебежчика: В. А. Кебич, В. П. Говзбит, К. А. Сидоркевич и С. И. Ярцевич. Кебича обвинили в том, что он, будучи польским шпионом, создал контрреволюционную диверсионную группу, которая травила совхозный скот. В фабрикации дела чекистам помогла обычная небрежность в хранении ядовитых препаратов, из-за чего в районе были случаи отравлений скота, а также усилия внештатного агента. Пять погибших коров в совхозе №52 были записаны на счёт мифических диверсантов. Из дела неясно, откуда взялись упоминаемые в нём 650 граммов мышьяка, но ВТ СибВО, основываясь на показаниях сексота Ф. С. Ракетского, признал поляков виновными и осудил двоих к расстрелу (замененному в Москве 10-летним заключением), двоих – на 8 и 5 лет ИТЛ. Провокатор Ракетский, отсидевший два месяца, был освобождён с прекращением дела (135).

Постоянным репрессиям подвергались священнослужители. В июне 1935 г. в Красноярске арестовали ксёндза, настоятеля Красноярского костела И. И. Церпенто. После ареста в Томске и высылки официального представителя Ватикана в Сибири Ю. М. Гронского Церпенто являлся неофициальным папским администратором Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краёв. Вместе с ним арестовали шестерых прихожан. ВТ СибВО в 1936 г. осудил Церпенто на 10 лет, а в январе 1938 г. этого представителя Ватикана расстреляли как главного руководителя, наряду с барабинским ксёндзом В. А. Миржвинским, организации «ПОВ» в Сибири. Крупной репрессивной акцией стало и дело «Партии народных героев Польши», сфабрикованное Томским ГО НКВД в 1935–1936 гг. (136).

Приказ НКВД СССР от 11 августа 1937 г. №00485 дал чекистам установку арестовать значительную часть всех взрослых поляков – от со-

трудников НКВД и их агентов до перебежчиков, от рабочих и служащих военных заводов до колхозников – как якобы причастных к созданной по заданию польского генштаба диверсионно-повстанческой организации «ПОВ» («Польская организация войсковая»). Организации мифической «ПОВ», занимавшиеся всем спектром политических преступлений – шпионажем, террором, диверсиями, созданием повстанческих групп в городах и на селе – предписывалось искать повсюду. На местах этот приказ, рисовавший устрашающую картину широчайшего проникновения польских агентов во все звенья госаппарата, был воспринят как указание на поголовное истребление польского населения.

Как показал работник КРО УНКВД ЗСК-НСО П.Н. Шестовицкий, перебежчиков-поляков оформляли как шпионов и диверсантов, всех остальных поляков записывали членами «ПОВ», приписывая им различную враждебную деятельность. Обнаружив, что все дела поначалу сводились к описанию вербовок друг друга членами «организаций», начальник УНКВД велел работникам КРО приписывать арестованным шпионскую и диверсионную деятельность (137).

Ещё в июне 1937 г. Куйбышевский оперсектор и СПО УНКВД ЗСК сфабриковали дело на 7 чел. из шпионско-диверсионной группы на ст. Барабинск, арестовав 6 поляков и белоруса, осуждённых *тройкой* к расстрелу в августе. Руководителем «организации» был признан И.Д. Гронский, бывший сотрудник Могилёвской губЧК и сексот Могилёвского окротдела ГПУ БССР, который в 1929 г. как участник «шпионской организации» оказался осуждён на 10 лет лагерей, но вместо этого просто «выехал в Сибирь». Бывший (или действующий?) сексот Гронский снова послужил чекистам, но в этот раз был признан «отработанным» материалом и уничтожен (138).

С 27 ноября по 3 декабря 1937 г. в Новосибирске по одному из дел арестовали 51 участника «ПОВ», из которых 2 января 1938 г. *двойкой* к расстрелу было приговорено 49 чел. Поляков в этой группе оказалось 21 чел. (41 %), белорусов – 11 (22 %), русских и украинцев – по 5 чел. (по 10 %), литовцев, латышей и эстонцев – 4 чел. (8 %), евреев – 3 (6 %), немцев и венгров – по 1 чел. (по 2 %). Половина осуждённых относилась к лицам умственного труда, среди них было несколько врачей и четверо студентов. По делу новосибирской группы «шпионов» во главе с бывшим перебежчиком и провокатором Я.И. Плебанеком приговор *тройки* состоялся 23 ноября, исполнение – 5 декабря, а обвинительное заключение было составлено лишь 27 декабря 1937 г. По делу на 110 новосибирцев (все расстреляны в феврале 1938 г. как члены «ПОВ»),

сфабрикованного с помощью провокатора Е.П. Врублевского, прошло порядка 40 представителей польской, русской, еврейской интеллигенции – преподавателей, юристов, экономистов, врачей, инженеров, музыкантов. Из 110 чел. поляков оказалось 42 (38 %), остальные были русскими, белорусами, украинцами, евреями, немцами, чехами, венграми.

Контролёра новосибирского почтамта поляка М.И. Коновальчика в 1938 г. расстреляли по обвинению в том, что он якобы умышленно путал адреса посылок и не вёл борьбы с крысами, которые «испортили большое количество специальной остродефицитной мешкотары, этим тормозил работу почтамта». Оценивая «качество» дел по «ПОВ», начальник Куйбышевского оперсектора НКВД Л.И. Лихачевский на суде показал: «Дела я тщательно не рассматривал, т. к. сам был поляк и придирается к следователю боялся, ибо меня самого могли арестовать» (139).

Поскольку учётные данные 30-х годов не носили всеобъемлющего характера, у чекистов отсутствовали развёрнутые данные на нерусских граждан. Не было даже учёта польских перебежчиков, которых, по мнению Ежова, насчитывалось более 100 тыс. (140). По данным Переписи 1937 г., в стране проживало 636 тыс. поляков, в т. ч. 92 тыс. – в РСФСР; из них репрессировали почти пятую часть. Западная Сибирь была одним из главных мест проживания польского населения.

В месяцы «Большого террора» на поиски «инонационалов» были мобилизованы крупные силы, причём не только из вспомогательных служб. Например, оперативник КРО УНКВД НСО Вацлав Гридюшко под видом электромонтёра получал доступ к домовым книгам и выписывал ежедневно по 5–8 нерусских фамилий. Так же работали и в области (Мошковском районе), и в Барнауле, где, не мудрствуя лукаво, в поляки записывали всех с фамилиями, оканчивающимися на «-ский» (141). Руководство Мошковского РО УНКВД НСО во главе с С.И. Мельниковым было осуждено за то, что, в частности, арестовало 50 русских, украинцев и белорусов, записав их как поляков и уничтожив документы об истинной национальной принадлежности. В одном колхозе «Красный моряк» Болотнинского района НСО в декабре 1937 – январе 1938 гг. было арестовано и расстреляно в качестве «поляков» 49 чел. (142). Аналогичные методы выявления «инонационалов» характерны для всех регионов. С другой стороны, часть поляков была осуждена, например, в рамках «латышской операции».

Уже к 10 сентября 1937 г. в ЗСК было арестовано 1.490 членов «ПОВ». За вторую половину 1937 г. аппарат КРО УНКВД ЗСК-НСО (в этом ему помогли работники особого и транспортного отделов) арестовал

4 тыс. участников «ПОВ». С 25 августа 1937 по 15 ноября 1938 г. в «альбомном порядке» и особыми *тройками* из арестованных в Новосибирской области было осуждено 7.444 поляка, из них 7.012 – к расстрелу (и по делам ДТО НКВД Томской железной дороги был осужден 381 поляк, в том числе 365 чел. расстреляно).

Среди регионов Сибири по числу жертв «польской» операции Новосибирская область резко лидировала – 7.825 осуждённых, 7.377 расстрелянных (при отнесении всех осуждённых ДТО Томской железной дороги к НСО, хотя, скорее всего, часть жертв ДТО относилась и к Алтайскому краю). Затем выделялись Красноярский и Алтайский края, Омская область – 2.269, 1.540 и 1.364 осуждённых (соответственно, 1.859, 1.230 и 592 расстрелянных). Иркутская и Читинская области дали 725 и 432 осуждённых (676 и 372 расстрелянных), Бурятия и Якутия – 86 и 68 осуждённых (74 и 34 расстрелянных) (143). Всего по «польской» линии в Сибири оказалось репрессировано 14.309 чел., в т. ч. расстреляно – 12.214, или 85,4 %. Львиную долю репрессированных – 55 % – дало УНКВД по Новосибирской области.

УНКВД по Омской области и НКВД ЯАССР резко выделялись более снисходительным отношением к делу «ПОВ» – 43 и 50 % расстрелянных от числа репрессированных. Близки между собой показатели Алтайского и Красноярского краёв – 80 и 82 % расстрелянных. Бурят-Монгольская АССР, Читинская и Иркутская области дали от 86 до 93 % расстрелянных, а рекордный показатель принадлежит УНКВД НСО – 94,3 % расстрелянных от общего числа осуждённых.

Массовому уничтожению подверглись и многие латыши, эстонцы, литовцы и латгалцы. «Латышская» операция стала результатом инициативы начальника УНКВД по Западной области А. А. Наседкина, рассказавшего в ноябре 1937 г. Ежову о вскрытом им «латышском националистическом центре». Ежов оживился и два дня спустя сообщил Наседкину, что согласовал в ЦК проведение «массовой операции» против латышей. Видный московский чекист А. П. Радзивиловский показывал: «Я спросил Ежова, как реализовать его директиву о раскрытии антисоветского подполья среди латышей, он мне ответил, что стесняться отсутствием конкретных материалов нечего, а следует наметить нескольких латышей из числа членов ВКП (б) и выбить из них необходимые показания... С этой публикацией не церемоньтесь... Надо доказать, что латыши, поляки и др., состоящие в ВКП (б), шпионы и диверсанты...». По «латышской линии» с декабря 1937 г. по ноябрь 1938 г. было осуждено 22.360 чел., в т. ч. 16.573 (74,1 %) – к расстрелу. Больше всего репрессировали по этой «ли-

нии» в Ленинградской, Московской, Новосибирской и Смоленской областях (144).

Схема Ежова, предписывавшая разворачивать «латышскую» операцию «по типу польской» внедрялась повсеместно, и в этом направлении действовали также начальники региональных управлений НКВД Сибири. В Чановском районе Новосибирской области с ноября 1937 по февраль 1938 г. чекисты оформили 6 дел на 100 чел. по «шпионско-повстанческой организации латвийско-германской разведки» во главе с А. Д. Эйсулем и др. В неё были включены бывшие военнопленные австро-венгерской армии, а также лица, служившие в армии Колчака – представители 13 национальностей, как правило, малограмотные рабочие. Из 100 чел. эстонцев оказалось 31 чел., латышей – 17 чел., австрийцев – 14, русских – 10, поляков – 9, латгалцев – 9, литовцев – 3, немцев – 2, украинцев, белорусов, русин, румын, мадьяр – по одному. Таким образом, на 60 % «организация» состояла из прибалтов. 98 фигурантов дела были расстреляны (145).

Для пополнения шпионских национальных групп использовались и чекисты соответствующих национальностей. Сотрудники госбезопасности, как и военнослужащие, и прочие представители номенклатуры подлежали осуждению военными трибуналами, поэтому к «ровсовской» и «кулацкой» операциям присоединяли обычно только технических работников из комендатур НКВД. Но чекистов «враждебных национальностей» нередко «пропускали» через *тройки* либо Комиссию НКВД и Прокуратуры. Так, чекисты латышского происхождения – оперативник СПО Прокопьевского ГО УНКВД НСО Р. П. Крускоп, инспектор ОК УНКВД А. А. Зейза, бывший фельдъегерь С. А. Зейза – были арестованы в январе 1938 г. и расстреляны по постановлению *двойки* от 13 февраля 1938 г. как участники латышской шпионской группы (146).

Одним из крупных дел в отношении прибалтийского населения является дело на 86 чел., сфабрикованное УНКВД НСО в апреле 1938 г. В него были включены и бывшие чекисты-латыши Я. К. Ренц (управляющий облпромлессоюза) с Э. Ф. Буллисом, а также работник ОК УНКВД латыш А. И. Красноусский. В этом деле латышей насчитывалось 30 чел., эстонцев – 19, литовцев – 3, русских – 17, евреев – 7, поляков – 6, латгалцев, мордвин, австрийцев и немцев – по 1 чел. Из 86 чел. было расстреляно 70, один умер во время следствия, двое освобождены, остальные отправлены в лагерь (147).

Аресты и расстрелы шли до глубокой осени: 22 латыша, литовца и латгальца из Венгерского района НСО были осуждены *тройкой* 4 ок-

тября 1938 г. и только один избежал расстрела. Массовое истребление латышей происходило и в Восточной Сибири. Так, 13 января 1938 г. *двойка* приговорила к расстрелу 130 «латышских националистов» из сёл Красноярского края, арестованных в конце 1937 г. В конце 1937 – начале 1938 г. в Уярском районе Красноярского края было арестовано 126 участников «националистической шпионско-диверсионной организации», в феврале 1938 г. осуждённых к расстрелу (148). Латышей, латгальцев и литовцев в Красноярском крае было осуждено более 1.000 чел.; из них к расстрелу приговорили 64 % латышей и латгальцев, а также 51 % литовцев (149).

Аресты многочисленных эстонцев в Сибири были заметны задолго до начала массовых нацопераций. Весной 1933 г. чекисты Минусинского оперсектора ОГПУ сфабриковали дело о «повстанческой организации» эстонских крестьян Я.А. Таля, И.Л. Михельсона (всего на 32 чел., из которых эстонцы составили меньшую часть), которых в июне 1933 г. осудила тройка ПП ОГПУ ЗСК. Расстрельных приговоров по этому делу не выносилось (150). В конце 1937 г. НКВД включило эстонцев в перечень «линейников», подлежащих массовым арестам.

Новосибирские чекисты организовали активное истребление эстонского населения. Уже в апреле 1937 г. они «вскрыли» диверсионно-повстанческую организацию «Фонтанники» с филиалами в районах под руководством председателя Радиокomiteта ЗСК эстонца Я.Я. Пельдемаа. К декабрю 1937 г. новосибирскими чекистами была сфабрикована и очень крупная «диверсионно-повстанческая» организация из эстонцев, являвшаяся «филиалом фашистской организации с центром в г. Ленинграде» (151). Обычным групповым делом на эстонских «кулаков-диверсантов» выглядит сфабрикованное в ноябре 1937 г. Мошковским РО УНКВД НСО дело на колхозников Я.Я. Озолина, А.Д. Пелло (всего 42 чел.). На постановлении об аресте вместо прокурора расписалась секретарь РО НКВД. После жестоких избиений 36 чел. были расстреляны как участники «буржуазно-националистической шпионско-диверсионной террористической организации». Всего чистка в Мошковском районе затронула 68 эстонцев (152).

В марте 1938 г. в Тогучинском районе НСО было арестовано 22 эстонца: директор школы Э.И. Керганд, учитель Г.Ю. Карбац, заведующий машинно-тракторным парком совхоза К.К. Бергман, а также рядовые колхозники колхоза «Уус-Элу», слесари, шофёры, счетоводы. Эстонцев обвиняли в том, что они травили скот, сжигали скотные дворы, конюшни, хлеб и сено. Почти все арестованные были расстреляны (153). По базе

Красноярского «Мемориала» нами учтено 480 эстонцев, арестованных в 1937–1938 гг., из которых 218 (45 %) были осуждено к ВМН и ещё 8 чел. умерли во время следствия. Одиночные аресты начались с сентября 1937 г., а основные прошли в феврале–июле 1938 г. Большинство приговорённых к ВМН были казнены чекистами Красноярского края в июле–августе 1938 г. – 156 чел (154).

Для Омской области процент смертных приговоров в отношении прибалтийского населения очень близко пересекается с данными по Красноярскому краю. Согласно Книге памяти Омской области, из 527 репрессированных латышей, литовцев и эстонцев было расстреляно 244 чел. (46,3 %). В Читинской области было репрессировано порядка 100 прибалтов, в т. ч. 55 % расстреляно (при этом процент уничтоженных латышей доходил до 64, а для эстонцев равнялся 35 %). Томская книга памяти, вполне репрезентативная для всей территории тогдашней Новосибирской области, даёт наиболее жестокую статистику: из 682 осуждённых латышей, литовцев и эстонцев было расстреляно 594 (87,1 %).

Для сибирских регионов со значительной прослойкой прибалтийского населения во многих населённых пунктах были нередки аресты всего взрослого мужского населения национальных посёлков с расстрелом большей его части. Общие данные о жертвах латышской и эстонской «линий» в Сибири пока не обнародованы, но речь должна идти о нескольких тысячах человек.

«Харбинцами» именовали в основном бывших служащих КВЖД, переехавших в СССР после оккупации японцами Маньчжурии и продажи КВЖД Маньчжоу-Го (фактически – Японии). Локальные репрессии проводились в отношении этих лиц уже с середины 30-х годов, поскольку для чекистов слишком соблазнительно выглядели возможности фабрикации громких шпионских дел на прибывших из-за рубежа специалистов. В 1937 г. аресты харбинцев резко усилились и к лету их было репрессировано 4,5 тыс. чел. Специальный приказ НКВД № 00593 20 сентября 1937 г. потребовал скорейшего разгрома «диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и промышленности». С точки зрения НКВД, все харбинцы являлись агентурой японской разведки и подлежали репрессиям. Приказ требовал арестовать всех вернувшихся из Китая граждан – 25 тыс. чел.

Подобно приказам по «национальным линиям», харбинский исходил из того, что имеется связанный с зарубежными разведками враждебный контингент, который от разведывательной деятельности переходит к террору, диверсиям и подготовке восстаний. Принадлежность к категории

людей, выражаясь чекистским жаргоном, «подозрительных по шпионажу» объявлялась поводом для жесточайших репрессий. Единственным отличием от прочих «линий» в случае с харбинцами было их, как правило, русское происхождение. С точки зрения чекистов, харбинцы идеально сочетали в себе две главные черты: они являлись, во-первых, очень часто «бывшими», а во-вторых – «шпионами». Это обусловило высокий процент расстрелянных по данной операции.

Наибольшее количество харбинцев было выявлено в промышленно развитых районах Сибири, Урала и Центрального региона. Первоначальный лимит оказался значительно превышен: по неполным данным, к ноябрю 1938 г. было репрессировано 42.507 чел., в т. ч. расстреляно – 28.348 чел., или 66,7 % (155). Такие успехи были достигнуты чекистами за счёт приписывания к «харбинской» операции всех реэмигрантов с Дальнего Востока периода 20–30-х годов, включая так называемых «монголистов» – русских эмигрантов, насильственно выселенных из Монголии после подавления там народного восстания 1932 г. В Сибири лидировало по арестам харбинцев УНКВД по Читинской области, где к 1 января 1938 г. их было арестовано 1.553 чел., а ещё полгода спустя – 2,5 тыс (156).

Среди харбинцев было очень много специалистов с высшим образованием, большим опытом работы. Избиение харбинцев напоминало «ровсовские» операции в городах с их высоким процентом уничтожаемой интеллигенции. В Новосибирске, где осело очень много харбинцев, практиковалось почти поголовное их уничтожение; шадил только юнцов, некоторых женщин и сексотов. В Новосибирской области к началу декабря 1937 г. числилось 1.846 чел. арестованных «японских шпионов», распределённых на 13 резидентур японской разведки и 123 диверсионные группы (157). К харбинцам присоединяли группы «монголистов», которые так же старались оседать в городах, где работали в различных учреждениях. Группа жителя Новосибирска бурята Ц.Г. Бадмажанова обвинялась в том, что её члены занимались шпионажем в пользу Японии и в 1932 г. готовили восстание против монгольских властей, за что были высланы в СССР. На деле только два человека из этой группы арестовывались, а остальные переехали в СССР в 1935–1936 гг. (158).

В районах под «харбинскую» операцию оформляли «сборный» контингент. В сентябре–октябре 1937 г. Болотнинский РО УНКВД НСО ликвидировал «повстанческо-диверсионную шпионскую организацию» из 9 чел., которые все были расстреляны постановлением *двойки* от 31 декабря 1937 г. Восьмерых осудили как японских шпионов, одного – как

польского. В организацию были включены два китайца, а также высланные в 1933–1934 гг. с Дальнего Востока «кулаки», «белогвардейцы-семёновцы» и бывшие работники японской концессии на Сахалине (159).

Статистика по репрессированным «харбинцам» такова: на 10 июля 1938 г. было арестовано в Алтайском крае – 1.334 чел., Красноярском – 1.076, Иркутской области – 1.030, Новосибирской – 1.982, Омской – 349, Читинской – 2.564, Бурят-Монголии – 24, Якутии – 30 чел. (160). Всего по Сибири на этот момент было репрессировано 8.389 «харбинцев», а по стране – 22.680. Наиболее обширные репрессии наблюдались в Читинской и Новосибирской областях, наименьшие – в Омской, а в остальных регионах Сибири цифры репрессированных были довольно близки. Поскольку общий итог репрессий оказался почти вдвое выше зафиксированного к июлю 1938 г., то для Сибири, на которую пришлось 35–40 % от числа репрессированных харбинцев, их численность должна составлять 15–17 тыс. чел., а расстрелянных – до 10 тыс. Таким образом, харбинцы в сибирских «линейных операциях» были, наряду с поляками и немцами, самым многочисленным из репрессированных контингентов.

Китайское и корейское население в 1937–1938 гг. было объявлено базой японской разведки. Китайцев в городах Сибири старались ликвидировать полностью, нередко устраивая облавы. Секретарь Алткрайкома Л.Н. Гусев упрекнул барнаульских чекистов, спросив: «Почему у вас до сих пор китайцы по улицам бродят?..» В Барнауле было много китайцев-сапожников, в Славгороде имела артель «Восточный кулинар» (репрессировано 12 чел.). По данным Книги памяти, в Алтайском крае репрессировали 188 китайцев, из которых 85 (45,2 %) расстреляли. Основная их часть была арестована в первые месяцы 1938 г. Обращает внимание высокая смертность китайцев в тюрьмах: из приговорённых к ВМН около 10 чел. не дожили до расстрела (161).

Многие китайцы и корейцы очень плохо владели русским языком, и чекистам было легко фабриковать от их лица признательные показания. Показательно дело на 38 «шпионов», арестованных в Новосибирске и допрошенных в течение трёх дней, с 15 по 17 декабря 1937 г. Из них корейцев оказалось 28 чел., китайцев – 9, а один был русским. Месяц спустя 36 чел. приговорили к расстрелу. Среди осуждённых были студенты новосибирского института транспорта, мединститута, сельхозтехникума, банковский служащий, экономист мясокомбината, но преобладали малограмотные или вовсе неграмотные рабочие. За правдоподобностью деталей «диверсионно-шпионской работы» арестованных чекисты не

гнались: приписали поджоги авиазавода, обувной фабрики и кожзавода, а также сбор сведений о количестве самолётов, произведённых на новосибирском комбинате № 179, который на самом деле выпускал снаряды (162).

О том, каким образом за счёт китайцев пополнялись сборные «шпионские» организации, откровенно говорили сами чекисты. Начальник Куйбышевского РО УНКВД НСО И. Д. Малышев показал: «У нас не хватало одного китайца, а нам сообщили, что прибыл какой-то китаец, и мы его арестовали, а затем включили в группу, которая оформлялась на *тройку*» (163). Часть китайцев, арестованных в Тисульском районе НСО в июне 1938 г., расстрелять не успели, и полтора года спустя Особое совещание осудило их на символические по тем временам три года ИТЛ. На территории современной Томской области было осуждено 20 китайцев и 73 корейца, из них расстреляно 85 % осуждённых китайцев и 98,6 % – корейцев (164).

В Восточной Сибири китайцев было намного больше, чем в Западной, и там повсеместно фабриковались дела на многие десятки человек. Массовые аресты китайских и корейских рабочих из числа интернированных в 1931–1933 гг. были произведены в 1938 г. на Черногорских коях в Хакасии – до 700 чел. В Читинской области оперативник ОДТО НКВД ст. Шилка Забайкальской железной дороги А. А. Бастов один в течение двух недель путём избиений и выстоек оформил дела по ст. 58 УК на 40 китайцев. Процент расстрелянных китайцев и корейцев в Читинской области был намного меньше, чем в Западной Сибири – из примерно 1.500 осуждённых оказалось расстреляно 36 %.

В малонаселённом Бодайбинском районе Иркутской области «массовые операции» начались в начале 1938 г. с приездом опергруппы Б. П. Кульвеца. Ею «китайцы и корейцы арестовывались все без исключения», для их поголовного ареста в Бодайбо в марте 1938 г. устраивались облавы. Переводчиков не было, поэтому все протоколы сочинялись без присутствия обвиняемых. Кульвец доносил в УНКВД по Иркутской области: «Китайцев подобрал всех. Остались только старики, хотя часть из них, 7 человек, изобличаются как шпионы и контрабандисты. Я думаю, что не стоит на них тратить время. Уж слишком они дряхлые. Наиболее бодрых забрал» (165).

Террор в Якутии отличался выраженной спецификой и относится к 1938 г., когда наркомвнудел И. А. Дорофеев, вероятно, с большой неохотой взялся за преследование инонационалов, причём его основными жертвами стали именно китайцы и корейцы – 1.777 чел. Китайцев было

арестовано 1.441 чел., в т. ч. расстреляно трое, из 336 корейцев уничтожено 8 чел. (2,4 %). Всего в Якутии было расстреляно в 1938 г. внесудебными органами, согласно Книге памяти, 92 чел., а к ИТЛ приговорено – 1.128 чел. А 56 чел., арестованных в период «Большого террора», получили лагерь либо ссылку в период 1939–1941 гг. Осуждённые *тройкой* составили меньшую часть, остальные были приговорены НКВД, причём в Книге памяти они все объявлены жертвами приговоров Особого совещания НКВД СССР (166).

Статистика «китайской» операции пока не обнародована, но, опираясь на свидетельства Книг памяти, можно сказать, что в Западной Сибири были репрессированы сотни китайцев и корейцев, а в Восточной – тысячи.

В числе оставшихся в Сибири военнопленных австро-венгерской армии было много венгров, австрийцев, румын, встречались итальянцы, чехи, словаки, болгары. Так, по «венгерской линии» в Алтайском крае было репрессировано более 100 венгров, к расстрелу приговорено 77 %. На территории Томской области осуждено 76 венгров, из них 94,7 % – к расстрелу. Для Сибири было характерно довольно большое количество финнов: например, в Томской области их было осуждено 76 чел., в т. ч. 93,4 % расстреляны, а в Омской области их репрессировано около 300 чел., в т. ч. 89 расстреляны (30,3 %). В отношении финнов действовал приказ № 49990, определявший порядок их репрессирования по «латышской линии» (167).

Евреи обнаруживаются практически в каждой значительной группе осуждённых в УНКВД НСО периода террора: «ровсовской», «польской», «харбинской». Но в отношении их фабриковались и «специализированные» дела. О создании масштабного «сионистского заговора» в Новосибирске сохранилось яркое признание одного из крупных фальсификаторов дел, матёрого борца с «японскими шпионами» Г. И. Беймана. Работник КРО Бейман в конце 1937 г. получил задание замначальника УНКВД И. А. Мальцева вскрыть еврейскую сионистскую организацию. Бейман нашёл в архиве единственную агентурную разработку по сионистам, которые были осуждены еще в 1923–1924 гг. Тогда чекист за полдня прочитал две брошюры о сионистах, откуда вынес название для организации – «Поалей-Цион». Бейман выбрал одного старика-еврея, «сделал его раввином» и начертил схему сионистской организации, ячейки которой располагались в учреждениях, где было достаточное количество евреев: Заготзерно, аптеки, мастерские. Составленный Бейманом меморандум о вскрытии «организации» был одобрен Мальцевым, а его копия отправлена Ежову.

Бейман рассказывал сокамернику: «Я арестовал старика, значившегося раввином, и продержал его два дня на конвейере, и он мне подписал протоколы по этой организации “Полецион”, но я успел только арестовать 250 человек и конвейерным допросом оформить на них дела; эти дела я договорился с Мальцевым докладывать ему, когда на *тройке* он будет заседать один... и 90 с лишним процентам арестованных он писал “р”, т. е. “расстрелять”. Всего уже при мне по протоколам прошло до 800 человек этой моей и Мальцева контрреволюционной организации, но я уже не успел остальных арестовать, потому что был сам арестован. [...] [Начальник УНКВД по Алтайскому краю] Попов просил провести по протоколам допросов арестованных в Новосибирском УНКВД одного барнаульского еврея и [говорил, что тогда] он вскрыет у себя тоже контрреволюционную организацию “Полецион”» (168).

Спецификой «сионистских» организаций, фабриковавшихся в УНКВД НСО, была их связь с харбинцами. «Сионисты-заговорщики» были отнесены – как руководившиеся харбинскими эмигрантами – к агентам японской разведки, поэтому ими занимался ведущий работник «японской линии» в КРО Г.И. Бейман. Одна из сфабрикованных в КРО «сионистских шпионско-диверсионных организаций» состояла из 13 чел. Чекистский удар должен был подкосить религиозное ядро еврейской общины Новосибирска: среди арестованных оказались уполномоченный при синагоге 63-летний Л.Г. Гольдман (руководитель «организации»), кантор синагоги Х. Богомольный, члены правления синагоги А. Высок, Г. Шмулевский и В. Бумагина. Четверо «заговорщиков» были пожилыми иждивенцами.

Обвиняемые якобы с 1934 г. работали на японскую разведку с целью объединения евреев для борьбы с советской властью и создания независимого еврейского государства, а руководились «фашистской партией» сионистов «Брит-Трумфельдор» из Харбина. Японская разведка в благодарность за осуществление шпионажа и диверсий должна была помочь евреям в создании национального государства. Кантору Богомольному была цинично приписана служба в охране Петлюры, что вызвало лёгкое недоумение у чекистского руководства. Допросы вели курсанты школы НКВД, избивавшие арестованных и добившиеся признаний. Из 13 обвиняемых 24 декабря 1937 г. были расстреляны 12, уцелел лишь 20-летний студент мединститута (169).

Чекисты Украины на июнь 1938 г. по делу «ЦК сионистов» и его «националистическому подполью» арестовали 460 чел. Согласно отчетности НКВД СССР, в 1937 г. по «сионистским» делам было арестовано 420 чел., а в 1938 г. – 1.926 (170).

О репрессиях в отношении цыган материала пока крайне мало: у этого народа нет традиции письменной истории, а в анкетах арестованных их почти всегда записывали под какой-нибудь другой национальностью. В связи с этим в книгах Памяти сибирского региона среди более 200 тыс. репрессированных значатся всего несколько цыган. В результате при анализе репрессий против цыган исследователя ожидают труднопреодолимые преграды.

Первый массовый репрессивный удар нанесла по цыганской общине, насчитывавшей примерно 150 тыс. чел., паспортизация, когда в рамках очистки ряда крупных городов ОГПУ осуществило массовые аресты и высылки цыган. Только с 23 июня по 3 июля 1933 г. арестовали и выслали 5.470 цыган, большинство (до 5 тыс.) – из Московской области. В океане высланных в 1933 г. «чуждых элементов» цыгане представляли собой единственную этническую общность, объявленную властями – в силу кочевого образа жизни, замкнутости, неконтролируемости и заметной криминализированности – социально вредной и нетерпимой (171). В 1933 г. в Западной Сибири (в Томске и Нарыме) оказалась основная часть высланных цыган – 5.200 чел., часть которых сослали также за Полярный круг, в Норильск. Судьба этих ссыльных до сих пор не прослежена.

В феврале–марте 1937 г. из центральной России и ряда союзных республик в Сибирь выслали многие сотни цыган, которых сконцентрировали на ст. Тайга ЗСК. В охраняемых бараках разместили около 1.800 цыган. Несмотря на охрану, многим удалось бежать: пойманные беглецы получали уже лагерные сроки. Дальнейшая судьба этого посёлка также не выяснена. Иногда репрессиям подвергались целые цыганские артели, в частности, лудильщиков. И если в 1934–1935 гг. обвиняемые лудильщики получали длительные тюремные сроки, то в годы «Большого террора» их приговаривали к расстрелу: документирована гибель цыганских артелей в Москве, Ленинграде и Смоленске (172).

Крупное дело на цыган было сфабриковано в начале 1938 г., когда новосибирская милиция передала в УГБ дела на 26 чел., произвольно арестованных по ст. 35 УК как воры и конокрады. Оперативник КРО УНКВД О.Ю. Эденберг объединил в одно шпионско-диверсионное дело материалы на 13 лудильщиков и слесарей из трёх артелей, цыганский ансамбль, приехавший на гастроли и арестованный прямо в театре, а также 9 безработных цыган. Из 26 обвиняемых один оказался русским, один – венгром и один – австрийцем, остальные – цыганами. Только у троих цыган ранее были судимости за уголовные преступления. Все обвиняе-

мые прошли как румынские шпионы, похитившие генплан авиазавода, разбиравшие железнодорожные пути, вредительски лудившие посуду и отравившие рабочих. Из 26 чел. 14 оказались расстреляны (173).

Артели ассирийцев, повсеместно работавших чистильщиками обуви в крупных городах, были объявлены резидентурами иранской разведки. Из 11 новосибирских чистильщиков-ассирийцев, арестованных в марте 1938 г., два месяца спустя были расстреляны 9 чел., уничтожения избежали только 25-летняя женщина и 19-летний парень. К этой группе, состоявшей из неграмотных и малограмотных людей, был подвёрстан и топограф со средним образованием ассириец П. А. Адамов, осуждённый на 10 лет лагерей (174). С аналогичной жестокостью на территории Новосибирской области расправлялись с греками: данные Томской книги памяти говорят о 94,1 % расстрелянных.

В Иркутске в феврале 1938 г. были репрессированы четыре чистильщика-ассирийца, в т. ч. трое расстреляны. В Красноярском крае в 1938 г. расстреляли несколько ссыльных ассирийцев, живших в Богучанском районе. А в Омске оба чистильщика обуви ассирийского происхождения, арестованные в феврале 1938 г., дождались либеральных времён и в следующем году отделались ссылкой в Казахстан (175).

Для эпохи террора была типична фабрикация дел и на «свои» нацменьшинства. Директива ГУГБ НКВД СССР «Об агентурно-оперативной работе по антисоветским тюрко-татарским националистическим организациям» от 8 июня 1937 г. имела своё значение и для тех регионов, где «восточники» не составляли значительной доли населения. В Омской области фабриковались крупные дела на представителей татарского и казахского этносов, в Красноярском крае – на хакасов, Алтайском крае – на алтайцев. Бурятские чекисты организовали разгром «панмонголистских» организаций, «свои» националисты были разоблачены в Туве и Якутии. Не было народа, который бы не обвинялся в национализме. Массовый террор особенно болезненно сказался на малочисленных народностях сибирского севера, подвергавшихся репрессиям в Омской и Иркутской областях, Красноярском крае. Так, *тройка* УНКВД по Омской области 3 января 1938 г. рассмотрела дела 106 участников «кулацко-повстанческой шаманской организации» Тюменского севера и всех приговорила к расстрелу (казнили в г. Ханты-Мансийске). Двум шаманам было по 78 лет, одному – 76 (177).

В Западной Сибири выделяются дела на татарских «националистов». В КРО УНКВД ЗСК начальником отделения И. К. Лазаревым и его помощником Г. А. Тарасовым было сфабриковано дело разветвлённой пов-

станческой мусульманской организации «Гаскери Уешма» («Военная организация»). Эта организация, якобы созданная в 1936 г. З. С. Гайсиным (бывшим членом Сибирской областной Думы, экономистом Бюро краеведения) по заданию «зарубежного мусульманского центра» из организаций «Идель-Урал», «Алаш-Орда» и «Союз сибирских тюрок», объединяла все «нацменские» антисоветские структуры. Гайсин также был якобы связан с партизанским командиром И. Я. Третьяком, руководителем штаба «РОВСа» В. С. Михайловым и лидером алтайских националистов И. С. Алагызовым. Гайсин был осуждён вместе с четырьмя подельниками к расстрелу. По делу одной из террористических групп в августе 1937 г. в Новосибирске было осуждено 16 татар по делу Х. Мамлеева, в т. ч. 11 – расстреляны. Руководящий центр «Гаскери Уешма» в составе новосибирского муллы Невмяна Алямова, бывшего купца Ахмета Шагимарданова, «заводчика» Мисима Фатыха (агента НКВД) и сына муллы Кадыра Хамитова был уничтожен по другому делу – на 30 чел (178).

Часть осуждённых татар оказалась «растворена» в более крупных операциях. Арестованные в октябре 1937 г. в Новосибирске А. Х. Сибгатулин, М. З. Сулейманов, М. Х. Файзулин (всего 20 чел.) в справках на арест обвинялись в принадлежности к мусульманской организации «Гаскери Уешма», но в итоге были осуждены по делу РОВСа – как более «актуальному» для чекистов (179). В Томске по делу «Гаскери Уешма» было арестовано 68 чел., в т. ч. 13 членов совета старейшин – прямо в соборной мечети. Что касается Алтайского края, то там репрессии против татар были сравнительно невелики – около 50 осуждённых, из которых 60 % оказались расстреляны (180).

В Омской области репрессии против многочисленных татар были, напротив, очень заметны и продолжались в течение года. В октябре 1937 г. *тройкой* была осуждена повстанческая группа татар из омской организации «Гаскери Уешма» во главе с Х. Бекбаевым, связанная как с «сибирским троцкистским центром», так и с зарубежным центром (расстреляны все 22 фигуранта). На следующий день были уничтожены и нескольких ячеек «татарских националистов» из Тобольского округа. 2 ноября *тройка* осудила 48 участников татарской организации «Милли Шура» из районов Тарского округа, ставившей задачу свержения советской власти и образования пантюркистского государства под протекторатом Японии, 4 ноября – 16 татар-повстанцев из районов современной Тюменской области, 10 ноября – 11 членов «Милли Шуры» из Омска (все к ВМН), 14 ноября – организацию в Большереченском районе под

руководством муллы (9 чел. к ВМН). В марте 1938 г. *тройка* Омского УНКВД осудила 13 татар – членов «Гаскери Уешма» в Тевризском районе (8 чел. – к ВМН), 7 участников Усть-Ишимского филиала татарской «националистическо-повстанческой» организации «Милли Шура» (5 – к ВМН), а также 30 членов «Милли Шуры» в тюменских районах. В июне 1938 г. *тройкой* был осуждён и ряд татарских групп в Омске (181).

В Омской области к началу октября 1937 г. чекисты «вскрыли» связанную с границей казахскую организацию «Алаш Орда» (более 100 чел.). Численность казахов-«повстанцев» быстро росла. 26 октября 1937 г. *тройка* Омского УНКВД осудила 33 участника «диверсионно-повстанческой организации» казахов Азовского района, из которых 29 расстреляли. На следующий день было расстреляно свыше 40 казахов из Черлакского района, а 17 ноября – осуждено 82 члена «Алаш Орды» из южных районов области, в т. ч. 64 – к расстрелу. В следующем году дела против «казахских националистов» были продолжены, и в июне 1938 г. известны новые расстрелы по организации «Алаш Орда» (182).

Важно остановиться на фактах из карательной практики, относящихся к первому периоду после завершения «массовых операций». Речь идёт о характерных практически для всех управлений НКВД «зачистках», когда в нарушение запрета исполнять приговоры *троек* после 17 ноября 1938 г. до самого декабря продолжались многочисленные расстрелы. Составители документальной серии «Трагедия советской деревни» утверждают, что расстрелы по приговорам *троек* продолжались лишь несколько дней после директивы ЦК и СНК от 17 ноября 1938 г. – до 21 ноября. Но это не соответствует действительности (183).

В Читинской области с 17 до 30 ноября было расстреляно 102 чел., в т. ч. 52 китайца, 20 русских, 16 бурятов, 11 прибалтов и поляков. Причём характерно, что П. Т. Куприн, сменивший в начале декабря 1938 г. прежнего начальника УНКВД по Читинской области Г. С. Хорхорина (арестованного 5 декабря), тоже активно практиковал эти незаконные ликвидации, расстреляв в течение декабря не менее 59 чел., в т. ч. 52 чел. – 5 декабря и 5 чел. – 24 декабря 1938 г. В Чите «дорасстреляли» лиц, осуждённых местной *тройкой* в октябре – ноябре 1938 г., а также нескольких, приговорённых к ВМН *двойкой* и ОСО НКВД СССР; среди казнённых преобладали жертвы «нацопераций». Большие промежутки между казнями говорят о том, что жертв, видимо, было не просто отыскать и их выявление заняло почти полтора месяца (184).

В Красноярском крае начальник УНКВД А. П. Алексеев 22 и 27 ноября 1938 г. расстрелял 50 и 58 чел., из которых только семеро оказа-

лись осуждены *тройкой*, а остальные были в основном жертвами «польской» и «китайской» операций, осуждёнными *двойкой* ещё в мае 1938 г. С 29 ноября по 30 декабря были казнены 6 чел., из которых троих осудила *тройка* ещё в декабре 1937 г., а остальные были приговорены *двойкой* в мае – сентябре 1938 г. Учитывая, что расчёт произведён по буквам «А-К», данные цифры (114 чел.) следует умножить примерно вдвое. В Омской области начальник УНКВД З. А. Волохов успел, в частности, расстрелять с 17 ноября по 2 декабря 1938 г. 54 чел. – 47 финнов, по одному карелу и эстонцу, четырёх русских.

Тройкой УНКВД по Новосибирской области 2 ноября 1938 г. была приговорена к расстрелу очень крупная группа людей, обвинявшихся в польском, немецком и японском шпионаже, часть которой не успели уничтожить до середины ноября. Из репрессированных на территории современной Томской области 17 и 20 ноября расстреляли троих – двух поляков и русского священника. 21 ноября был расстрелян 41 чел., с 24 по 29 ноября – 11 чел. А 10, 16 и 18 декабря оказались расстреляны ещё четверо, в т. ч. один «ровсомолец», и двое, осуждённые годом ранее. Всего с 17 ноября по 18 декабря 1938 г., согласно Томской книге памяти, оказалось уничтожено 60 чел. В Новосибирске 21 и 24 ноября 1938 г. расстреляли украинца («японского шпиона») и немца; они также были осуждены *тройкой* 2 ноября (185). Учитывая неизвестные пока данные по Кемеровской и Новосибирской областям, можно сказать, что смертельная «зачистка» управлением НКВД НСО коснулась порядка 200 чел.

Аналогично действовали и чекисты Иркутской области, где начальник УНКВД Б. А. Ильюченко-Мальшев был арестован в январе 1939 г. и осуждён к расстрелу в т. ч. за то, что «вопреки правительственному указанию от 15.XI. и 17.XI–1938 г. продолжал приводить приговора в исполнение на лиц, ранее осуждённых на *тройке* к ВМН» (186).

Таким образом, во второй половине ноября и декабре 1938 г. чекисты Сибири в тайном порядке расстреляли не менее 1.000 чел., преимущественно осуждённых в рамках «нацопераций», избежав передачи дел на них в судебные органы. В СССР с августа 1937 по октябрь 1938 г. в рамках «национальных операций» было репрессировано 335.513 чел., из которых 247.157 расстреляли (73,66 %); наибольший процент расстрелянных наблюдался по немецкой и польской операциям (187).

Для Сибири точная статистика пока неизвестна. Можно сказать лишь то, что по немецкой и польской «линиям» было репрессировано около 22 тыс. чел. Общее число осуждённых «инонационалов» в регионе вряд ли будет меньше 30 тыс., а с «харбинцами» – порядка 45 тыс. чел. По-

давяющее большинство участников так называемых «национальных формирований» осуждено в самой крупной в Сибири Новосибирской области к высшей мере наказания; очень высоким был процент казнённых и в других регионах, за счёт чего, скорее всего, в Сибири на операции отличались большей жестокостью, чем в большинстве других районов страны. И только в Омской области и Якутии процент расстрелянных «националов» оказался значительно меньше, чем по стране.

«ВАЛЮТНЫЕ» ОПЕРАЦИИ

Специфической и важной стороной репрессивной деятельности ОГПУ явилась продолжительная и очень масштабная кампания первой половины 30-х годов, связанная с «выкачкой» валютных ценностей у населения. В условиях тяжелейшего экономического кризиса государство, «раскулачившее» зажиточное крестьянство и ликвидировавшее нэпманов, решило поправить дела за счёт всех тех, кто не сдал иностранную валюту, а также золотую и серебряную монету, тем самым «подрывая финансовую систему СССР». Эти акции, как подчёркивает современный исследователь, были восприняты населением как «новый вид раскулачивания» (188). Выполнение государственного задания по выявлению держателей ценностей и их фактическому ограблению было поручено ОГПУ.

Властям было хорошо известно, что у части граждан хранится значительное количество валюты, монет, слитков и изделий из драгоценных металлов. Несмотря на массовые конфискации периода военного коммунизма, у людей оставались сбережения, чаще всего царские монеты. Основными каналами распространения и концентрации в частных руках драгоценных металлов были нелегальная старательская добыча золота, накопление золотых и серебряных монет царской и советской чеканки. Чёрный рынок драгоценных металлов был развит, особенно в таком золотодобывающем регионе, как Сибирь. В принципе, любой зажиточный крестьянин мог иметь в «кубышке» какое-то количество царских червонцев или хотя бы советских серебряных рублей и полтинников. Добираться до этих семейных тайников чекисты считали своим долгом.

Работники ОГПУ имели определённые агентурные возможности для отслеживания нелегального оборота валюты, золота, платины и серебра. В условиях свёртывания нэпа предприниматели старались превратить свои доходы в драгоценный металл. Активно вели нелегальную скупку золота владельцы крупных ювелирных магазинов в Омске Черепагин

и Мерина, владелец часовой мастерской в Бийске Михайлов, другие предприниматели. Особым спросом пользовалась царские монеты и золото-сырец. Цена на золотую десятирублевку на этом нелегальном рынке составляла от 12 до 18 руб., 1 доллар США – 2,5 руб. Золото 56-й пробы скупалось по цене 3,5 руб. за грамм, что на 65 коп. было больше банковской.

Поскольку спрос на золото значительно превышал предложение, широкое распространение получили поездки желающих приобрести драгоценный металл непосредственно на прииски. Так, торговец из Канска Москвитли, отправив в восточном направлении партии своих товаров, лично выехал за получением денег. На обратном пути на Алданских золотых приисках он нелегально обменял всю выручку на золото. В конце 20-х годов, по оценке Е.В. Демчика, лишь небольшая часть дельцов «чёрной биржи» с большими трудностями была обнаружена, поймана с поличным и арестована местными отделами ОГПУ (189). В начале 30-х этих людей тщательно разыскивали и подвергали издевательствам с целью получить спрятанное золото.

Оценивая масштаб карательных-конфискационных мероприятий власти, можно утверждать, что для борьбы с держателями валюты использовались методы «массовых операций». Сначала по личному указанию Сталина была проведена кампания борьбы с держателями серебряной разменной монеты, уже к весне 1929 г. почти исчезнувшей из обращения. Сталин в запросе Менжинскому от 2 августа 1930 г. интересовался, «сколько серебра отобрано и за какой срок», кто арестован, не забыв осведомиться относительно «роли заграницы и её работы». Узнав, что из находившихся в обращении и осевших у населения 240 миллионов отобрано монеты на 280 тыс. руб., Сталин сердито указал на ничтожность полученной суммы (190).

Согласно воспоминаниям активно занимавшегося этим вопросом оперработника ЭКУ ОГПУ М.П. Шрейдера, его вызвал сам Менжинский и сказал, что внезапная пропажа разменной монеты (из-за чего население было вынуждено переплачивать за дешёвые товары и ездить в общественном транспорте бесплатно) – это не только результат экономических затруднений и действий спекулянтов, но и следствие работы политических врагов-провокаторов, рассчитывающих вызвать озлобление народа. Шрейдеру было поручено организовать оперативный штаб для выявления и изъятия спрятанной серебряной монеты (191).

После сталинской критики ОГПУ, опираясь на свои войска и милицию, за месяц провело 430 тыс. обысков, арестовало 9,2 тыс. чел. и от-

читалось о конфискации (на 12 сентября 1930 г.) чуть более 2 млн руб. серебром. В последующие две недели акция стала ослабевать: 55 тыс. обысков, 200 арестованных и 300 тыс. руб. добытой разменной монеты (192). Таким образом, массовые обыски, если их к осени 1930 г. было уже полмиллиона, коснулись, вероятно, большинства сколько-нибудь зажиточных людей. Каждый такой обыск давал государству в среднем 5–6 руб. серебра. Держателей монет, у которых находили свыше 300–400 руб. серебром, расстреливали, в концлагеря к концу лета 1930 г. отправили 438 чел. Таким образом, основная часть из примерно 10 тыс. арестованных, у большинства которых, вероятно, не находили ничего, а остальные соглашались расстаться с ценностями, вскоре после ареста освобождалась.

Операция «серебро» принесла Сталину ощутимые политические дивиденды. На вполне рыночное предложение наркомата финансов закупить на 4 млн руб. серебра за границей и отчеканить новые порции разменной монеты Сталин ответил стремительной репрессивной кампанией, которая «выкачала» серебра почти на два с половиной миллиона, лишив население примерно 1 % придержанной монеты. Вскоре нарком финансов Н.П. Брюханов и председатель Госбанка Г.Л. Пятаков были сняты с должностей как, по оценке Сталина, «сомнительные коммунисты» (193).

Опыт первого этапа борьбы с держателями серебряной монеты был признан удачным, и ОГПУ приступило к следующей операции: широкому выявлению «укрывателей золота и валюты». Следственные дела подтверждают мемуарные свидетельства о массовых арестах в начале 30-х годов «бывших людей» с целью вымогательства золота. Кампания началась во второй половине 1930 г., но особое ускорение получила в 1932–1933 гг. Удары по зажиточной части населения носили волнообразный характер. Так, операция «по валюте», проведённая с декабря 1931 по февраль 1932 г., чекистами прямо именовалась массовой. Её результаты оценивались руководством ОГПУ положительно, но с констатацией того, что достигнуты они были без достаточной агентурной проработки (194). Это, вероятно, означало, что основная часть обысков и арестов не давала результатов.

Органы ОГПУ работали и «адресно», выискивая всех потенциально зажиточных, составляя списки бывших золотопромышленников, старателей, владельцев ювелирных магазинов, а также купцов, нэпманов и пр. Но часто чекисты и милиционеры действовали по более простой схеме: отнимали валютные переводы, следили за посетителями торгсинов и

арестовывали их прямо у прилавка, конфискуя принесённые в магазин ценности. Списки лиц, получавших валютные переводы из-за границы, работники торгсинов передавали в ОГПУ (195).

Работникам «органов» помогало то, что ими давно учитывались лица, которые могли иметь какие-то ценности. Например, чекисты Сибири с 1923 г. собирали материал на И.И. Туренко как «имеющего золото» и недовольного властью. В декабре 1932 г. он был арестован как «вредитель и спекулянт», а месяц спустя освобождён – возможно, как «добровольно» расставшийся с ценностями. В том же году «органы» по подозрению в хранении валюты арестовали в Новосибирске Н.П. Смирнова, но были вынуждены два месяца спустя его отпустить. Подозревавшегося в несдаче ценностей человека могли отправить в тюрьму неоднократно: бывшего торговца М.П. Клевцова арестовывали в 1934 г. «за золото» дважды – в Бийске и Томске (196).

Лица, когда-то имевшие отношение к добыче и продаже золота, арестовывались поголовно. Так, в 1932 г. красноярскими чекистами «за злостное хранение золота» были подвергнуты заключению дореволюционные арендаторы приисков С.И. Левинский и И. Ельцов. В ходе основательной «разработки» возможного наследства енисейского золото-промышленника Севастьянова чекистов Красноярского оперсектора ОГПУ ожидал успех: у троих его сыновей, перебравшихся из Красноярска в Ленинград, удалось обнаружить несколько больших слитков золота общим весом более 50 кг (197).

В ходе кампании не щадили и женщин: владелица колбасной мастерской М.Ф. Ольшевская-Врублевская в 1932 г. была арестована красноярскими чекистами за хранение золота. Преследовали и наследников: дети Г.В. Юдина, знаменитого красноярского купца и библиофила, Агния и Леонид, арестовывались в 1932 г. Упорствовавшие несдатчики сидели подолгу, подвергаясь пыткам: так, Ф.П. Литвин в 1931–1932 гг. провёл 8 месяцев в красноярской тюрьме, отказываясь отдать золото и периодически попадая в «морозильник», где его сажали на лёд (198).

Агентурная проработка вместе с шантажом и созданием невыносимого режима для арестованных принесли чекистам немало крупных удач. У известного валютного спекулянта эпохи нэпа З.П. Жданова, хранившего свои сбережения в доме в Павловске, в 1933 г. было обнаружено ценностей на более чем 1 млн руб. Ещё 650 тыс. франков, хранившихся в Парижском банке, его «уговорили» подарить государству. Один из руководителей ЭКО ПП ОГПУ по Ивановской промобласти С.И. Броневой «выкачал» за 1932–1934 гг. 6 млн руб. золотом и получил орден Красной Звезды (199).

Продолжавшиеся полтора десятилетия поиски сокровищ Романовых, спрятанных в Сибири перед эвакуацией царской семьи в Екатеринбург, в конце концов увенчались впечатляющим успехом. В ноябре 1933 г. в Тобольске у благочинной Марфы Уженцевой, много лет прятавшей порученные ей ценности, были обнаружены 215 предметов, оценённые почти в 3,3 млн руб (200).

Сибирские чекисты показывали высокие темпы изъятия ценностей и стремились перевыполнить спущенные на места планы. Лица, у которых находили крупные суммы, осуждались за вредительство. Известный новониколаевский предприниматель С.И. Трунченков, разбогатевший на продаже немецких швейных машин и дочиста ограбленный революцией, смог накопить в 20-е годы 1.780 руб. серебром. Он был арестован в Новосибирске в сентябре 1930 г. и осуждён на 5 лет концлагерей за нарушение валютного обращения и подрыв экономики, а также антисоветскую агитацию. Кассир А.К. Григорьев, снабжавший Трунченкова монетами царской чеканки, был тоже арестован и выслан на 3 года в Туруханский край. Другой бывший новониколаевский купец, А.М. Михалёв, в 1933 г. получил три года за скупку золота (201).

Имевший до 1929 г. в Томске шляпную мастерскую и торговлю Г.М. Аронов в 1931 г. был арестован как «злостный держатель золота» и Особым совещанием при Коллегии ОГПУ осуждён на 3 года заключения. В декабре 1932 г. как «злостные неплательщики» по ст. 59-12 УК (нарушение правил о валютных операциях) были преданы суду новосибирцы Я.А. Честных, П.С. Честных, И.Г. Гвоздён и А.С. Гуревич. По мнению чекистов, супруги Честных, имевшие два дома, «жили не по средствам» и занимались широкой скупкой золота, тем «доказывая несостоятельность и обесценивание червонца, предвещая скорую гибель Соввласти» (202). А богатейший из остяков Ларьякского района Остяко-Вогульского (Ханты-Мансийского) округа родовой князь Е. Кунин-Шатин в декабре 1932 г. был арестован чекистами и, после конфискации у него 8.235 руб. золотом, тайно расстрелян (по другой версии – сослан), причём начальник Остяко-Вогульского окротдела ОГПУ Н.Н. Петров безуспешно пытался отыскать могилу отца Кунина, в которой, по слухам, находилось много золотых монет и изделий (203).

Кампания по «выкачиванию» ценностей шла около четырёх лет и подкреплялась соответствующими ведомственными инструкциями и плановыми обязательствами. Стремясь выполнить план, только что назначенный начальником ЭКУ ОГПУ Л.Г. Миронов 20 сентября 1931 г. подписал циркуляр ЭКУ, в котором местным органам давалось указание изымать

золотые и серебряные предметы домашнего обихода. После этого «органы» стали отбирать у людей все ценные вещи – серебряную посуду, украшения, оклады икон и проч. Лишь год спустя, 19 сентября 1932 г., ЭКУ объяснило, что изымать предметы обихода из драгоценных металлов можно только в тех случаях, когда количество их является товарным и представляет валютную ценность или же их хранение «носит явно спекулятивный характер». Однако на местах поход за серебряными ложками и обручальными кольцами продолжался, причём отнятое тут же обезличивали, не дожидаясь решения ОГПУ о конфискации (204).

Конфискационные мероприятия направлялись высшими партийными инстанциями. Политбюро ЦК 16 мая 1932 г., после завершения операции по изъятию валюты и ценностей у населения, поручило комиссии в составе Я.Э. Рудзутака, наркомфина Г.Ф. Гринько и работника Госбанка Г.М. Аркуса рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего изъятия серебра у населения (205). Судя по тому, что эти операции продолжались ещё два года, комиссия санкционировала очередной этап «выкачки» ценностей. А руководство ОГПУ утвердило планы новых конфискаций и развёрстало их по своим региональным органам.

Известно, что плановые задания ОГПУ в 1932 г. в Западной Сибири были выполнены досрочно, в ноябре 1932 г., при этом особо отмечалась «упорнейшая работа» куратора кампании – начальника ЭКО полпредства М.А. Волкова (206). В декабре 1932 г. награды за перевыполнение плана получили 26 отличившихся работников полпредства. Из них 12 (оперативники ЭКО, СПО, Особого отдела ПП ОГПУ ЗСК, Минусинского, Омского и Томского оперсекторов) получили револьверы с надписью: «За успешное выполнение ударного задания Коллегии ОГПУ», 6 чел., в т. ч. работники из Абакана, Боготола, Тевриза и Пospelихи – часы, трое уполномоченных районных аппаратов – по месячному окладу. Также оружие и часы получили начальники Ачинского и Боготольского райотделов ОГПУ, двое райуполномоченных и практикант Томского оперсектора (207). Характерно, что наиболее успешно «качали» валюту работники не столько «профильного» ЭКО, сколько Особого отдела и СПО. Среди награждённых были сделавшие затем карьеру в годы террора Н.С. Великанов, К.К. Пастаногов, И.Б. Почкай, А.Т. Степанов. География награждений показывает, что особенно ударно потрудились чекисты Новосибирска, Ачинска, Боготола, Минусинска, Омска, Томска и ряда алтайских районов.

«Золотозаготовительная» кампания не ограничилась городами. Задания по «выкачке» валюты и драгоценностей были спущены во все сель-

ские райотделы. Кампания по ограблению населения в Сибири интенсивно продолжалась до 1934 г. Так, в 1933 г. врид начальника Павловского РО Барнаульского оперсектора ОГПУ Д. И. Надеев получил выговор за бездеятельность в выявлении держателей валюты. В начале 1934 г. личный состав пункта связи Солонешенского РО Барнаульского оперсектора использовался «частично на оперработе по выкачиванию золотой валюты» (208). Кампания по изъятию ценностей проходила так же жестоко, как и «раскулачивание» (209–213).

Конфискация массы драгоценного металла неизбежна влекла за собой хищения. Чекисты, контролировавшие изъятые ценности и торгсины, нередко впадали в соблазн. При обыске в семье крупного красноярского купца и благотворителя П. И. Гадалова в январе 1932 г. изъяли два слитка золота (около 5,5 кг), но в деле фигурировал только один слиток. Сотрудник полпредства ОГПУ ЗСК П. П. Чернявский в 1933 г. был осуждён к заключению в концлагерь на 5 лет за присвоение и продажу через торгсин «казённого золота», однако в 1937 г. он числился в аппарате УНКВД ЗСК (214). Начальник Томского оперсектора НКВД М. М. Подольский летом 1934 г. сообщил, что в местном торгсине было расхищено ценностей на 5 тыс. руб. золотом. Уполномоченный Боготольского РО ПП ОГПУ ЗСК К. Ф. Барабашкин был исключён из ВКП(б) за продажу в 1933 г. (вместе с начальником РО Боготским) на 86 руб. серебряного лома, изъятых при обысках (215). Другие преступления, совершённые во время этой кампании сибирскими чекистами, были более серьёзными.

Так, в апреле 1934 г. аппарат особоуполномоченного ПП ОГПУ ЗСК составил обвинительное заключение на группу оперработников Старобардинского райаппарата ОГПУ: П. Ф. Рябова, В. И. Бужерю, И. А. Леонтьева и заместителя начальника политотдела маслосовхоза №171 по оперработе Г. А. Михайлова. В 1933 г. для воздействия на «несдатчиков» они использовали холодный сырой подвал и конюшни, где неделями держали крестьян, заподозренных в утаивании ценностей. Чекисты арестовывали без санкции прокурора и издевались как могли: допрашивали целыми днями, не давали еды и воды, избивали.

Особенно усердствовал уполномоченный Леонтьев – новичок, работавший в ОГПУ с 1932 г. В августе 1933 г. по подозрению в хранении золота были арестованы три человека, в том числе М. Бжицкий и 85-летний В. Чашалов. Их держали в подвале на голой земле, а на допрос Леонтьев волок их за бороды. Уставая бить, Леонтьев приказывал арестантам самим хлестать друг друга по щекам. Начальник райаппарата Рябов, грозя застрелить, наставлял на Бжицкого ружьё. Не выдержав,

Бжицкий «признался», что золото у него есть и хранится в подвале. Леонтьев сделал обыск и, ничего не найдя, сильно избил Бжицкого. Проведя несколько дней без питья, узник почувствовал себя плохо. Его поспешили освободить, и Бжицкий, привезённый домой, умер на следующий же день.

Леонтьев и Рябов запугивали расстрелом С. Иванову, подозревавшуюся в хранении «кулацких вещей». Г. А. Михайлов в декабре 1933 г. пьяным вызвал на допрос гражданку Суртаеву и, требуя золото, сначала выбил ей зуб, оглушил, ударив рукояткой нагана, а затем отвлёк очнувшуюся женщину в ледяной подвал, где избил и, забрав одежду, оставил сидеть в одном белье. Коллегия ОГПУ в мае 1934 г. осудила Рябова на два года лагерей; о привлечении к уголовной ответственности остальных сведений нет (216).

Следует учитывать, что действия «золотоискателей» подкреплялись и местными инициативами: так, в 1932 г. был ограблен и взорван склеп героя Бородина генерала П. И. Багратиона, а в Сибири наблюдались скандальные случаи раскопок могил священников партийно-комсомольскими активистами в надежде поживиться серебряными и золотыми крестами, что вызывало возмущение населения и лёгкое уголовное преследование гробокопателей за дискредитацию власти (217). Грабили и живых священников. При обыске в апреле 1932 г. у настоятеля Туруханской церкви в Новосибирске С. З. Скрипальщикова изъяли два серебряных нагрудных креста, один из которых был украшен золотой пластиной, и 10 руб. серебром (218).

По всей видимости, с образованием НКВД в июле 1934 г. кампания и плановые задания на «выкачку» ценностей прекратились. За 1930–1934 гг. ценности были отобраны у многих тысяч сибиряков, у небольшой части которых чекистам удалось обнаружить запасы монет царской чеканки и ювелирных изделий. Полные итоги «валютно-заготовительной» кампании пока не обнародованы. Известно, что за 1930 г. ОГПУ сдало государству 10,2 млн руб. золотом: на 5,9 млн. руб. иностранной валюты, 3,9 млн. руб. в золотой монете и слитках, 390 тыс. руб. в серебряной монете, слитках и изделиях (количество серебра не совпадает с указанными выше цифрами изъятых серебряной монеты в августе–сентябре 1930 г., поскольку итоги первой кампании по «выкачке серебра», вероятно, были учтены отдельно). Ягода 4 мая 1932 г. доложил Сталину, что уже собрано 15,1 млн руб. (в эту цифру, вероятно, не вошли значительные ценности, переданные Союззолоту). Сталин поблагодарил: «Надо сказать спасибо чекистам» (219). Таким образом, если в одной Иванов-

ской области удалось «выкачать» свыше 6 млн рублей, то можно предположить, что чекисты за четыре года операций изъяли по СССР десятки миллионов валютных рублей.

Органы ОГПУ-НКВД огромную часть вырученных средств концентрировали на своих собственных счетах. О том, что чекисты неохотно расставались с изъятими ценностями, говорит постановление Политбюро от 5 сентября 1931 г., согласно которому вся валюта и золото, «накопившиеся в ОГПУ», должны были быть переданы в Госбанк. В январе 1937 г. Ежов доложил Сталину, что на счетах НКВД находилось более 108 млн руб. золотом, а в личном сейфе Ягоды обнаружены ценности на несколько миллионов рублей (220). Из этой информации следует, что органы безопасности смогли в течение ряда лет бесконтрольно распоряжаться огромными валютными суммами. Таким образом, у кампании «выкачки» золота и валюты у населения «для нужд индустриализации» имеется и такая, неожиданная сторона.

Можно предполагать, что рецидивы валового репрессивного подхода к держателям ценностей сохранялись и после 1934 г. Так, из прекращённых в НКВД за 1935 и первые 9 месяцев 1936 г. 5 тыс. дел подавляющее большинство – 79 % – оказались делами на так называемых «валютчиков» (221). «Валютные операции» оказались в прямой связи и с террором 1937–1938 гг. Если смотреть формально, то большая часть арестовывавшихся по подозрению в хранении ценностей отделалась непродолжительным заключением. Но факт попадания в чекистские учёт в связи с валютной кампанией часто приводил к последующей трагической развязке. В период «Большого террора» лица, ранее арестовывавшиеся по подозрению в хранении ценностей, или тем более судившиеся «за золото», считались патентованными антисоветчиками и активно истреблялись как враги государства.

Так, по новосибирскому крупному «делу ТКП» в декабре 1937 г. осудили к расстрелу 72-летнего Н. Н. Полфёрова – домовладельца, в 1932 г. бравшегося под стражу по обвинению в сокрытии золота. В 1937–1938 г. в Красноярске были расстреляны бывший «злостный несдатчик» Ф. П. Литвин, арестовывавшийся в 1932 г. бывший владелец гончарной мастерской П. И. Беляевский, Р. С. Синец и др. (222). Почти два миллиона обысков, предпринятых в 1937–1938 гг., являлись фактически ещё одной валютной операцией, поскольку у лиц, осуждённых в этот период по ст. 58 УК, имущество конфисковывалось. А в 1939–1941 гг. массовые репрессии и конфискации коснулись сотен тысяч жителей присоединённых к СССР областей.

Изъятие ценностей у населения в первой половине 30-х годов – яркая страница в истории большевистских экспроприаций. Особенный цинизм этой беспощадной кампании придавало то, что она проводилась в момент продолжительного голода (223). И тем не менее все ценности государству получить не удалось. Когда в 1937–1938 гг. у сотен тысяч репрессированных было конфисковано имущество, выяснилось, что немалая часть населения сумела сохранить и сбережения, и монеты, и ювелирные изделия (224). У известного красноярского хирурга Н. А. Щепетова осенью 1938 г. было изъято золотых монет царской чеканки на 350 руб. Очень внушительный золотой запас семьи дворянина Б. С. Колубакина (десятки золотых ювелирных изделий, включая украшенные бриллиантами), полковника штаба СибВО, арестованного и ограбленного новосибирскими чекистами в июне 1937 г. (225) и многие подобные факты говорят о том, что длительная эпоха насильственных конфискаций, как следует обогатив государство, не смогла «выкачать» у населения всех ценных вещей.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ДЕКЛАССИРОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И УГОЛОВНИКОВ

Для большевистской власти наличие деклассированного и криминального слоёв было неприемлемым с разных точек зрения. Уголовники, бродяги, нищие не только давали основной процент преступлений и нарушений общественного порядка, подрывали престиж властей, но и своим открытым неподчинением правилам бросали государству вызов. В своё время большевики использовали уголовников в качестве помощников при дореволюционных экспроприациях, пытались организовывать из них боевые отряды в период гражданской войны, но после завоевания власти постоянно предпринимали самые жёсткие меры по отношению к преступному миру. С точки зрения властей, лица, избегавшие работать на государство и занимавшиеся неподконтрольными промыслами, спекуляцией, а также бродяжничеством и нищенством, были «социально-вредным элементом» (СВЭ), питающим преступность и подлежащим насильственному искоренению (226).

Насильственная маргинализация общества в 30-е годы, голодомор и репрессии колоссально увеличили количество лиц, выпавших из социума. Среди них преобладали не уголовники-рецидивисты, а изгои, оставшиеся без средств к существованию и неизбежно пополнявшие криминальную среду. *Тройки* при полпредствах ОГПУ, созданные для разгрома

«кулацкой контрреволюции», активно занимались заочным осуждением «социально-опасных» и уголовно-маргинальных личностей. В 1931 г. на территории ЗСК было арестовано 1.831 лиц из так называемого «социально-вредного элемента» (СВЭ), а за первые 8 месяцев 1932 г. – 1.540 (227).

Колебания в репрессивной политике по отношению к криминалитету были выражены слабее, нежели чем в отношении «контрреволюционеров». С криминалом и его средой боролись методами массовых внесудебных расправ в течение всего периода 1929–1938 гг., постоянно получая лимиты на аресты и высылки. Рецидивисты и маргиналы до середины 1934 г. осуждались заочными решениями *троек* полпредств и Коллегии ОГПУ. Для массовой чистки «преступного и иного антиобщественного элемента» с августа 1933 г. в течение года при полпредствах ОГПУ действовали так называемые паспортные чекистско-милицейские *тройки*, состоявшие из начальника УРКМ, начальника паспортного стола УРКМ и начальника Оперода ПП ОГПУ, осуждавшие лишенцев, «раскулаченных», бывших заключённых, лиц, задержанных без документов, а также неработающих, летунов и дезорганизаторов производства). После ликвидации ОГПУ и паспортных *троек* в мае 1935 г. для репрессирования уголовных и деклассированных элементов при УРКМ были организованы милицейские *тройки*, имевшие право заочно рассматривать дела на СВЭ и заключать его в концлагеря на срок до 5 лет (228).

Сибирь была традиционным местом концентрации ссыльного криминального элемента. В конце 1930 г. в Сибири находилось, помимо «раскулаченных» крестьян, 16 тыс. ссыльных, в основном, уголовных. Криминализация сибирского региона была во многом искусственной из-за многолетней ссылки уголовников со всей страны. Доходило до того, что ссыльные рецидивисты в начале 30-х годов терроризировали население целых районов, провоцируя местных жителей на самосуды (229–232). Бессудные высылки из городов и сёл в первой половине 1930-х гг. широко затрагивали также инвалидов, многочисленных деревенских дурачков и тому подобную публику. В феврале 1930 г. руководители Лубянки указывали полпреду ОГПУ по Средне-Волжскому краю Б. А. Баку: «Установлено, что в Вашем эшелоне №501 имеется ... большое количество наклонных больных, есть сумасшедшие, идиоты». В 1933 г. среди высланных в Нарым горожан оказалось много безруких, безруких, а также «слепых, явных идиотов, малолетних детей без родителей» (233). Всего в 1933 г. в Западно-Сибирский край было ввезено 132 тыс. чел. деклассированных элементов и «колхозников-саботажников». Из этого количества сбежали 15,5 тыс., или 12 %. По оценке С. А. Красильникова, вы-

сылки 1933 г. являлись как завершающей фазой массовой депортации крестьянских семей, так и прологом к «Большому террору», поскольку репрессиям подвергались и городские, и сельские жители (234).

Повышению уровня преступности в первой половине 1930-х гг. способствовало бегство в Западную Сибирь ок. 100 тыс. спасавшихся от голодной смерти казахов, не имевших никаких средств к существованию. В связи с наводнением края маргинальным и преступным элементом деятельность сибирских внесудебных органов была усилена.

За второе полугодие 1933 г. *тройкой* ОГПУ было осуждено 1.814 чел., отнесённых к категории «социально-вредного элемента», за первый квартал 1934 г. – 3.109 чел., а за второе полугодие 1934 г. – 3.381 человек. Почти половина этих «изъятых» пришлась на Новосибирск, где за 1933 г. был арестован 931 чел. из СВЭ, а также задержано 1.690 беспризорных. Всего за 1934 г. *тройкой* ПП ОГПУ ЗСК было осуждено 8.322 представителя «социально-вредного элемента». Эти цифры показывают, что борьба с СВЭ велась методами «массовых операций» в течение всего 1933–1934 гг. Затем темпы очистки значительно снизились: за первый квартал 1935 г. осудили как СВЭ 809 чел., за первые три недели апреля 1935 г. – 261 чел. Когда в мае 1935 г. в краях и областях начали организовываться милицейские *тройки*, приказ НКВД указывал на недопустимость производства «массовых операций» при арестах уголовников и деклассированных (235). Однако, судя по числу репрессированных этими *тройками*, борьба с СВЭ проводилась методами именно «массовых операций».

Наиболее опасные преступления совершались уголовниками-рецидивистами, нередко действовавшими в бандах. В сентябре 1932 г. ПП ОГПУ ЗСК начало трёхмесячную кампанию (аналогичную кампаниям второй половины 20-х) изъятия уголовно-бандитского элемента с рассмотрением дел на *тройке* ПП, получившей право приговаривать бандитов к ВМН. С 1 октября 1932 по 1 октября 1933 г. в ЗСК была ликвидирована 151 банда и шайка скотокрадов, к уголовной ответственности *тройкой* ОГПУ привлечено 809 участников, из которых 294 (36,3 %) получили высшую меру наказания. Тогда же в лагеря было отправлено 1.924 чел. из СВЭ. За 1934 г. удалось ликвидировать 269 «бандитско-грабительских групп» из 1.010 участников, у которых изъяты 300 винтовок, 800 револьверов и 1.000 охотничьих ружей. За первые шесть месяцев 1934 г. *тройка* ОГПУ осудила по делам о бандитизме 176 чел. к расстрелу, а 251 – к заключению в лагеря. Помимо *тройки* (то есть уже в общесудебном порядке) за 1934 г. по делам о бандитизме и разбое

в ЗСК было приговорено к ВМН 85 преступников (236). Всего, таким образом, в 1933–1934 гг. в ЗСК было расстреляно до 600 бандитов – конечно, лишь небольшая часть самых опасных преступников.

Количество тяжких преступлений всё время росло, поскольку пополнение криминалитета обгоняло меры по его изоляции. Ежегодно из сибирских мест заключения и ссылки бежали тысячи осуждённых, включая большой процент опасных рецидивистов. За первые 9 месяцев 1933 г. из Сиблага и КУИТУ ЗСК бежало 12.362 чел., из уголовной ссылки (за первую половину 1933 г.) – 2,5 тыс. чел. Из мест крестьянской ссылки с 1930 по осень 1933 г. бежало более 48 тыс. чел. (237).

Как отмечали в 1934 г. власти Томска, заполненного ссыльным «социально-вредным элементом», улицы, рынки, станции, магазины и учреждения города были «наводнены группами взрослых и беспризорных подростков-рецидивистов, творящих всякие безобразия и терроризирующих население». Периодически власти издавали указания об усилении репрессий в отношении СВЭ, приказывая изымать весь активный уголовный элемент, а также громить воровские притоны и подпольные «притоны разврата» (238). Но эти кампании давали лишь кратковременный эффект. В 1934–1936 гг. в СССР было осуждено, преимущественно милицейскими *тройками*, 260 тыс. «социально-вредных», из них 123 тыс. в ходе кампании 1935 г. по «очистке городов» (239). Тем не менее перелома не наступало, поскольку истинное число представителей криминальной среды было многократно выше, а среди арестованных СВЭ оказывалось не так много настоящих преступников. В результате омских рабочих вечерней смены «обязывали ночевать на заводе, чтобы не подвергаться риску быть избитыми и ограбленными», а в 1935 г. рабочие ст. Тайга Томской железной дороги, спасаясь от эпидемии скотокрада, на ночь помещали всех домашних животных – от кур до коров – к себе в дома (240).

Реальную направленность усилий милиции на аресты не столько рецидивистов, сколько «чуждых» и «спекулянтов», можно видеть по списку достижений поощрённого командованием уполномоченного угрозыска Болотнинского РОМ УНКВД ЗСК Е. А. Ефремова, который за январь–февраль 1937 г. оформил 13 дел на 14 спекулянтов, арестовал 9 чел. из «социально-вредного элемента», установил 19 чел., скрывавшихся от уплаты алиментов, а также раскрыл группу, ограбившую ларёк, и задержал 8 беглецов из ИТЛ (241). Таким образом, из 54 чел., дела на которых за два месяца прошли через Ефремова, только четверых грабителей ларька и некоторых беглецов из лагерей можно было считать опасными

преступниками. Оформление дел на СВЭ, в отличие от поиска рецидивистов, не требовало от милиции значительных усилий и давало внушительную цифру арестованных и осуждённых.

О размахе и направленности деятельности внесудебных и судебных учреждений говорит лагерная статистика. На январь 1936 г. среди 68.957 заключённых Сиблага НКВД за «контрреволюционные преступления» отбывала наказание основная часть осуждённых – 11.921 чел. (17,3 %). Вторая по массовости категория осуждённых относилась к «социально-вредному элементу» – 11.528 чел. (16,7 %). Затем шли наказанные за имущественные преступления – 10.486 чел. (15,2 %), по указу от 7 августа 1932 г. («о колосках») – 9.972 чел. (14,5 %), за должностные преступления – 5.839 чел. (8,5 %), за преступления против порядка управления – 5.622 чел. (8,2 %) и за нарушения правил всеобщей паспортизации – 4.139 чел. (6 %). Отдельно считали шпионов – 1.527 чел. (2,2 %). Совершивших преступления против личности содержалось 2.971 чел. (4,3 %), бандитов – 2.428 чел. (3,5 %), валютчиков – 1.645 чел. (2,4 %), фальшивомонетчиков – 111 чел. (242).

Таким образом, опасных преступников, совершивших преступления против личности, в Сиблаге насчитывалось 5,4 тыс. чел. (7,8 %), «контрреволюционеров» и «шпионов» – 13.448 чел. (19,5 %), а СВЭ, жертв закона «о колосках», совершивших, как правило, небольшие хищения государственной собственности, нарушивших правила паспортизации и «валютчиков» (обычно тех, кого записали в «злостные неспдатчики ценностей») – 27,3 тыс. чел., или 39,6 % от общего числа осуждённых. Основную часть лагерного населения составляли лица, которые стали жертвами жесточайших советских законов – политзаключённые, «социально-вредные», беспаспортные, «укрыватели ценностей», расхитители колхозно-совхозной собственности, а также спекулянты (вероятно, зачислявшиеся в графу осуждённых за «имущественные преступления»), и те, кто был осуждён за невыполнение плана, неисполнение налоговых обязательств, неповиновение властям и т. п. «преступления», особенно распространённые в сельской местности.

Грандиозная чистка советского общества в 1937–1938 гг. сопровождалась новой, ещё более массовой атакой на криминальную и околокриминальную среду. Директивы НКВД ориентировали милицию на массовые аресты ещё до начала основных операций. Приказ НКВД СССР «О проведении особой операции по г. Томску», появившийся в июне 1937 г., предписывал милиционерам выявить и изъять весь «уголовный рецидив и социально-вредный элемент», после чего только за июнь–август 1937 г. в Томске был арестован 371 чел. (243).

В 1937–1938 гг. работники РКМ арестовывали облавами ранее судимых, бездомных, беспаспортных, неработающих (как и при чистке городов в 1933 г.); нередко задерживали и тех, кто приходил в милицию, чтобы заявить об утере документов. Милицейская *тройка* судила в Новосибирске по 35-й статье УК, каравшей за принадлежность к СВЭ, по 300 и более чел. за одно заседание. За январь–ноябрь 1937 г. в Новосибирске было изъято около 7 тыс. чел. «социально-вредного и уголовно-преступного элемента», из которых около 5 тыс. к концу года были уже осуждены милицейской *тройкой* (244). Тем не менее, *тройка* не успевала судить арестованных. Как вспоминал начальник новосибирской облмилиции М. П. Шрейдер, он, прибыв в Новосибирск в январе 1938 г., застал невероятно переполненную «своим» контингентом тюрьму и был вынужден срочно, не разбирая дел, «пропускать» массы заключённых через заседания милицейской *тройки* (245).

В Новосибирске к ноябрю 1937 г. насчитывалось 464 тыс. человек, причём за 10 месяцев 1937 г. прирост населения составил 43 тыс. Взрослого населения было более 200 тыс., в том числе мужчин – порядка 100 тыс. Таким образом, в течение второй половины 1937 г., когда поднялся шквал арестов, было «изъято» (учитывая, что среди арестованных резко преобладали мужчины и, помимо новосибирцев, было много уголовников-«гастролёров» и приезжих бродяг) не менее 5 % взрослого мужского населения города.

В областных и краевых управлениях РКМ определялись лимиты на аресты «социально-вредного» и уголовного элемента, которые доводились до местных начальников. А. П. Пульцин, возглавлявший Рубцовский райотдел милиции УНКВД по Алткраю, до ноября 1937 г. не проводил широких арестов, но затем получил в УРКМ указание о немедленном аресте 300 уголовников. На операцию был дан месяц. Выполняя лимит, Пульцин под видом уголовников организовал арест множества случайных лиц. В ноябре 1937 г. двумя милиционерами был избит кладовщик А. Савин. С целью скрыть это преступление Пульцин приказал сфабриковать на Савина материалы о его якобы приводах в милицию, после чего тот был осуждён милицейской *тройкой* по ст. 35 УК на пять лет лагерей как СВЭ. В числе арестованных милицией оказался и 12-летний мальчик Орлов, который был вместе с остальными отправлен в Барнаул и провёл под стражей несколько месяцев (246).

С августа 1937 г. по февраль 1938 г. оперативник Павловского РОМ УНКВД по Алткраю А. Н. Агафонов оформил около 400 дел на «социально-вредный элемент». Большею частью в этот период он работал в Новосибирске и Барнауле, будучи прикомандированным для помощи

в оформлении дел. По словам Агафонова, в начале «массовых операций» Павловский РОМ получил лимит на арест 100 чел. СВЭ, а затем – ещё на 70 чел. В итоге начальник РОМ А. В. Ядринцев заявил подчинённым, что придётся «где-то людей брать для выполнения плана» (247). Таким образом, в Павловском районе милиция арестовала больше людей, нежели было по её учётам на СВЭ.

Массовые осуждения не причастных к противозаконной деятельности лиц фиксируются повсеместно. Уполномоченный угрозыска Шегарского РОМ УНКВД НСО Свешников вместе с начальником РОМ С. К. Вавришем незаконно привлекли к уголовной ответственности 30 чел. как якобы «социально-вредный элемент», а также оформили расстрельные дела на ряд «контрреволюционеров», за что весной–летом 1938 г. были арестованы и затем осуждены. Начальник особой инспекции УРКМ И. Г. Чуканов в апреле 1938 г. участвовал в следствии по данному делу и «установил, что на это преступление милиционеров толкнули чекисты» (248). Известно, что в разгар террора работники барнаульской милиции сфабриковали дело на группу из примерно 10–12 работниц текстильного комбината, обвинив их во вредительстве, проституции и воровстве (249).

Как могли, набирали лимиты милиционеры и в регионах Восточной Сибири. Уполномоченный угрозыска Черногорского РОМ Хакасского облотдела НКВД Ф. М. Григорьев в 1937 г. арестовал по обвинению в кражах 8 подростков 14–15 лет, которые затем были осуждены как «деклассированный элемент» к разным срокам заключения. Все подростки имели родителей, посещали школу и были впоследствии освобождены как необоснованно осуждённые (250). Но основная часть арестованных по графе СВЭ была осуждена и попала в ГУЛАГ.

Огульный подход к осуждению СВЭ несколько встревожил власти, и 21 мая 1938 г. НКВД была принята инструкция, согласно которой аресты уголовно-деклассированного элемента милицейскими *тройками* должны были осуществляться повседневно, без «массовых операций» и кампаний. Критиковались «извращения» при осуждении колхозников, имевших прежде судимости или приводы в милицию, но работавших и не связанных с уголовной средой. При этом отмечалось, что настоящие уголовники получают минимальные сроки заключения как нарушители паспортного режима (можно предположить, что часть уголовников в милицейские *тройки* «сбрасывали» чекисты, чтобы не возиться с ними в условиях нехватки лимитов на репрессии «врагов народа» – А. Т.). Как была исполнена эта инструкция, и стал ли май 1938 г. временем окончания «массовых операций» в отношении СВЭ, пока неизвестно. «Милицейские *тройки*» в 1937–1938 гг. осудили около 420–450 тыс. чел. из чис-

ла деклассированных и беспаспортных (251). Для Сибири это должно было вылиться примерно в 40–50 тыс. осуждённых СВЭ, а возможно, учитывая жестокость региональной политики, и больше.

О политических репрессиях в отношении уголовников-рецидивистов, которых «пропускали» через *тройки* НКВД вместе с «врагами народа», имеется отрывочный, но весьма характерный материал. Прошлое человека, его репутация определяли судьбу как «политических», так и уголовных. Представителям преступного мира, наряду с общеуголовными, предъявлялась ст. 58 УК: так, 9 августа 1937 г. за бандитизм и антисоветскую агитацию *тройкой* был осуждён к ВМН житель Кыштовского района ЗСК А. С. Духович. Приписывание враждебной агитации превращало человека, типичного для контингента СВЭ, в подлежащего высшей мере врага: так, 59-летний Ф. А. Сыромятников был расстрелян омской *тройкой* за «подпольное врачевание», нищенство и контрреволюционную агитацию (252).

Иногда заседания *троек* бывали полностью посвящены рассмотрению уголовных дел. *Тройка* УНКВД по Омской области 7 сентября 1937 г. рассмотрела дела на 206 уголовников, расстреляв 120 чел. (58,3 %). В большинстве случаев к уголовным статьям были присоединены обвинения в контрреволюционной агитации, дискредитации партийно-правительственного руководства, террористических высказываниях, сочувствии к расстрелянным врагам народа – Тухачевскому, троцкистам и т. д. Обвинения в антисоветской агитации предъявлялись и лицам, задержанным за хищения, в т. ч. железнодорожной милицией. 15 сентября 1937 г. омская *тройка* рассмотрела около 30 дел транспортной милиции о хищениях и «разбойных группах», осудив к расстрелу 23 чел. Месяц спустя процент расстреливаемых уголовных элементов резко снизился: из примерно сотни дел по хищениям *тройкой* было осуждено к ВМН 4 чел., а 20 и 21 октября 1937 г. *тройка* осудила преимущественно по уголовным делам 1.224 чел., из которых расстреляла 22,5 % (253).

Часть уголовников «отбиралась» у милиции и присоединялась к групповым политическим делам. В декабре 1937 г. к 64 фигурантам дела «РОВСа» новосибирские чекисты подверстали и расстреляли арестованного милицией несколькими месяцами ранее за уголовное преступление П. П. Жукова (254). Пополнение «политических» групповых дел криминалом видно и на примере «инонационалов». Характерно дело белоруса Ф. С. Ракетского, прибывшего из Польши и работавшего шофёром в совхозе № 160 на ст. Ояш ЗСК. Он был известным в Ояше вором и несколько раз обкрадывал местный клуб и ларьки. Вероятно, сотрудничество с НКВД, где Ракетский подвизался агентом-provokatorом,

помогало ему уходить от ответственности. Ночью 30 августа 1937 г. его взяли с полчиным в магазине рабкоопа, доставили в политотдел совхоза № 78, откуда сразу же отправили в Новосибирск, причём не в угрозыск, а в Отдел контрразведки УНКВД (вероятно, в политотделе были соответствующие инструкции). Ракетский признал вину в краже, но был осуждён в рамках «линейной операции» как польский шпион и уже 4 октября 1937 г. расстрелян. Примерно тогда же чекисты Ояшинского района присоединили к делу «польских шпионов» местного бандита Перики-Пуйгу (255).

Человека с криминальным прошлым могли расстрелять и без применения 58-й статьи. Житель Омской области Ефим Родионов в 1937 г. был признан виновным в хищении крупного рогатого скота и по статье 166 УК, имевшей верхний порог наказания в 8 лет, осуждён *тройкой* к расстрелу. Для осуждения оказалось достаточным показаний потерпевшего и свидетелей, в которых Родионов характеризовался как ранее судимый известный конокрад, но не было конкретных фактов его преступной деятельности (256).

В годы «Большого террора» уголовники составили сравнительно небольшую часть осуждённых *тройками*. Поначалу их процент в «кулацкой операции» был значителен. В рамках первоначального пятитысячного лимита в УНКВД по Восточно-Сибирской области к 30 сентября 1937 г. было арестовано 3.410 чел., из которых уголовники составляли 34,7 % (257). Затем этот процент стал падать. На 25 ноября 1937 г. по приказу № 00447 в Алтайском крае было арестовано 15.365 чел., в т. ч. по РОВСу – 3.337 (21,7 %), «кулаков» – 10.766 (70,1 %) и уголовников – 1.262 (8,2 %). По «кулацкой операции» в СССР, согласно итогам 1937 г., уголовников среди расстрелянных оказалось 15 % (258).

Согласно статистике на 1 марта 1938 г., в рамках «кулацкой операции» в Московской области чистка криминала проходила намного жёстче, чем где-либо: из 11.845 осуждённых к ВМН оказалось 5.170 уголовников, или 43,6 %. Напротив, по Украине уголовников среди осуждённых к ВМН оказалось только 10,7 %, Свердловской области – 7,9 %, Ростовской – 6,4 %, в Краснодарском крае – 3 %, Тамбовской области – 0,15 %. Но был ряд регионов, где процент уголовников среди расстрелянных был гораздо выше, чем в среднем по стране – 40,8 тыс. чел., или 15,07 %. Например, в Куйбышевской области уголовников среди осуждённых к ВМН оказалось 26,9 %, а в ДВК – 28,6 %.

На тот момент Сибирь оказалась ближе к средней цифре в 15 % расстрелянных уголовников относительно к числу жертв «кулацкой операции». К 1 марта 1938 г. из числа осуждённых *тройками* к расстрелу уголовники составили: в Бурят-Монголии – 19,5 %, Алтайском крае – 11,2 %,

Красноярском крае – 8,2 %, Иркутской области – 17,5 %, Новосибирской – 17,4 %, Омской – 11,6 %, Читинской – 6,3 % (приблизительно), а в среднем по Сибири – 13,3 % из 43.159 чел. (без Якутии), осуждённых к ВМН по «кулацкой операции» к концу зимы 1938 г. (259). Таким образом, в Сибири с августа 1937 по февраль 1938 г. было расстреляно порядка 6 тыс. уголовников, далеко не все из которых были опасными рецидивистами.

При этом следует учитывать, что в связи с параллельной «ровсовской» операцией, к которой уголовников почти не причисляли, а также другим массовым операциям («право-троцкистской», по «инонационалам») реальный процент расстрелянных уголовников по отношению к политзаключённым, особенно в Новосибирской области и Алтайском крае, гораздо ниже. Так, *тройкой* УНКВД по Красноярскому краю с августа 1937 по ноябрь 1938 г. из 19.652 репрессированных *тройкой* оказалось осуждено по общеуголовным обвинениям 1.520 чел. (7,7 %), из них приговорены к расстрелу были 705 чел., или 46,4 % (260).

Аналогичная картина видна и в Западной Сибири. В ходе «кулацкой» и «ровсовской» операций по ЗСК-НСО, согласно первоначальному июльскому лимиту, зафиксированному С.Н. Мироновым для ЗСК (25.960 чел.), на 14.843 «кулака» приходилось 11.117 уголовников (43 % лимита). Но уже к 30 сентября 1937 г. арестованных уголовников в ЗСК к общему числу жертв «кулацкой операции» было только 22 % (261). В Новосибирской области по РОВСу, «кулакам», лагерникам и уголовникам (без «инонационалов», жертв «правотроцкистского заговора», осуждённых спецколлегиями и т. п.) с июля 1937 по март 1938 г. оказалось осуждено *тройкой* 50.541 чел., из них к расстрелу – 33.893 чел. Из числа казнённых оказалось 1.749 уголовников (5,2 %). И если в целом по «кулакам», «ровсовцам» и заключённым лагерей было расстреляно 67 % осуждённых, то среди уголовников расстрелянных оказалось 42,1 % (262).

Несмотря на кампании физического уничтожения и массовой изоляции в отношении криминалитета, в СССР в 30-е годы повсюду налицо был крайне высокий уровень преступности, статистика которой всемерно занижались властями (263–264). Преступность в Новосибирской области в течение 1939 г. резко выросла, не было раскрыто 1.700 преступлений, а в 1940 г. она ещё больше скакнула вверх (265).

Репрессии 1937–1938 гг. значительно превзошли массовостью и жестокостью первую репрессивную волну. По оценке современных исследователей, Западно-Сибирский край летом 1937 г. стал своеобразным полигоном для сталинского руководства по организации «чистки» страны от потенциальной «пятой колонны» (266). Лимитные репрессии в отно-

шении «кулаков» здесь шли параллельно с ликвидацией гигантского безлимитного «ровсовского заговора», что фактически вдвое увеличило число осуждённых по приказу №00447 на огромной территории. Чистки «инонационалов» в ЗСК также отличались исключительно большим размахом и крайней жестокостью.

Для доказательств вины чекистами использовались формальные признаки чуждого социального и национального происхождения, связи с враждебными власти лицами, контакты с иностранцами. Что касается доносов, то они играли хоть и заметную, но вспомогательную роль. Для «массовых операций» начала 1930-х годов и особенно 1937–1938 гг. характерен большой процент лиц, осуждённых к расстрелу лишь за антисоветскую агитацию, хотя по ст. 58-10 УК РСФСР применение ВМН разрешалось только в военное время. В ходе «массовых операций» 1937–1938 гг. секретари обкомов и крайкомов непосредственно участвовали в оперативных совещаниях и давали чекистам политические установки, подчас в крайне циничной форме.

О том, как выглядели репрессивные акции 30-х годов в рядовых районах Сибири, даёт представление следующая статистика. В Сузунском районе НСО (с населением в 41 тыс. чел. на октябрь 1936 г.) за 1930–1938 гг. органами ОГПУ-НКВД было репрессировано 554 чел. (267). В Быстро-Истокском районе Алткрая (54 тыс. чел. на октябрь 1936 г.) райотделом НКВД в 1937 г. были ликвидированы две «контрреволюционные организации» казаков, кулаков и духовенства – всего 112 чел., включая пятерых священников. Помимо того, в 1937 – начале 1938 гг. в районе арестовали 11 «контрреволюционных кулацких групп» (38 чел.), а также 112 «контрреволюционных одиночек» и «шпионско-диверсионную организацию» немцев и латышей из 11 чел (268). Всего, таким образом, в ходе «массовых операций» 1937–1938 гг. в рядовом районе было репрессировано 273 чел., причём сюда не вошёл арестованный «социально-вредный элемент». В Бодайбинском районе Иркутской области в 1938 г. было репрессировано более 1.000 чел (269).

Поскольку в Сибири было колоссальное дело РОВСа с огромным процентом казнённых, а также очень высокие цифры расстрелянных по нацоперациям, то можно утверждать, что, как в 1930 и 1933 гг., жестокость репрессий в Сибири была существенно выше, чем в среднем по стране. В силу нехватки статистических данных, оценка репрессированных может быть только весьма приблизительной. Для расчёта жертв периода до «Большого террора» мы используем число расстрелянных на территории современного Красноярского края со второй половины 1929 г. по первую половину 1937 г., которое составляет 968 чел (270). Хотя

данная цифра включает только реабилитированных и скорее всего очень неполна, огромный Красноярский край – вполне репрезентативная территория, поэтому методом экстраполяции можно приблизительно оценить число жертв расстрелов во всём сибирском регионе за указанные восемь лет. По Красноярскому краю почти половина расстрелянных приходится на 1930 г. Учитывая, что по всей Сибири за 1930 г. чекисты расстреляли 5.127 чел., распространение красноярских цифр на всю Сибирь даёт примерно 10 тыс. казнённых с конца 1929 до начала 1937 г., почти все из которых стали жертвами «массовых операций» 1929–1931 и 1933 г.

По «кулацкой операции» 1937–1938 гг. вместе с «ровсовцами» и расстрелянными лагерниками было уничтожено не менее 80 тыс. чел. По нацоперациям – до 30 тыс. чел. Учитывая расстрелянных по «право-троцкистскому», «военно-фашистскому» и другим крупным заговорам, мы получим не менее 130 тыс. расстрелянных сибиряков за период с конца 1929 до конца 1938 г., из которых уголовники составляли примерно 8–10 тыс. чел. Но цифра потерь резко возрастёт, если учесть огромную смертность в лагерях, спецпоселениях и тюрьмах, заметную часть которой составили не только жертвы голода и эпидемий, но и те, кто был убит и замучен работниками тюремно-лагерной системы. В общей сложности это десятки тысяч погибших.

Сверхвысокий масштаб репрессий руководители НКВД готовы были поддерживать и далее, но были остановлены решением Сталина, который счёл цели чистки достигнутыми. Алтайский чекист Н. Л. Баев подчёркивал, что начальник УНКВД Попов «в течение одного-двух лет при помощи своих “методов” мог истребить половину взрослого населения в Алтайском крае» (271). Поэтому невозможно согласиться с известным тезисом Р. Конквеста, разделяемым и современными исследователями, о том, что «Большой террор» закончился в связи с невозможностью поддерживать заданный уровень репрессий имевшимся в наличии карательным аппаратом. Как в начале 20-х и в начале 30-х годов, массовые чистки прекращались в соответствии с политическими решениями верхов, когда цели очередного витка террора считались достигнутыми.

Карательная система к осени 1938 г. была максимально отработана: увеличена в размерах, избавлена от сомневавшихся и получила огромный опыт массовых арестов и казней. Основные контингенты, подлежащие репрессиям, уже были уничтожены и отправлены в лагеря. Поэтому фраза начальника УНКВД НСО И. А. Мальцева о том, что «попов сажать некуда» (272), адресованная начальнику СПО и на которую опира-

ется С. А. Папков, доказывая правоту Конквеста, отражает не столько проблему физической невозможности новых арестов (в случае острой необходимости в тюрьме место бы нашлось, ибо в тот период расстрелы шли очень активно), сколько конкретику репрессивных ударов осени 1938 г., когда перед УНКВД стояла задача быстро закончить тысячи дел по «национальным операциям». На фоне зачистки «инонационалов» арест очередной сотни «попов и церковников» выглядел второстепенной задачей и мог быть отложен, тем более что за 1937 г. основные религиозные деятели уже были репрессированы.

В разгар «Большого террора» наблюдались демонстративные акции против властей: так называемая «чёрная демонстрация» в центре Новосибирска, когда 5 тыс. верующих 2 мая 1937 г. хоронили митрополита Никифора (по иронии судьбы, многолетнего осведомителя ОГПУ), резкая антиправительственная листовка, появившаяся в ноябре 1937 г. на дверях отделения Госбанка в Новосибирске или выступление четырёх единоличниц с Щербенёвского Колыванского района НСО, которые 27 февраля 1938 г. оделись в рваньё, посадили одну из них на санки и «ездили по селу с антисоветскими контрреволюционными выкриками о колхозах и колхозниках, перемешивая контрреволюционные частушки с парнографическими (так! – А. Т.) песнями», за что были арестованы и преданы суду спецколлегии областного суда. Тогда же в другом селе Колыванского района арестовали шестерых единоличников – за «саботаж» и пение частушек, «направленных на компрометацию колхозного строя» (273).

Главным следствием сталинского террора стало радикальное изменение социального и, частично, национального состава общества, физически избавленного от «антисоциалистических элементов». И если путём «массовых операций» руководству СССР не удалось остановить рост уголовной преступности, то в области социальной инженерии успехи режима были очевидны. Та часть общества, что была наиболее общественно активной, а также критически настроенной к большевистской идеологии и практике, подверглась такой «прополке», что необходимости в новых акциях подобного масштаба у режима больше не возникало.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Павлова И. В. Сталинские репрессии как способ преобразования общества // Возвращение памяти. Вып. 3 – Новосибирск, 1997. С. 4–36; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. – М., 2003. С. 215, 248–249.

2. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М., 2001; *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим»... С.213.
3. Чисткам 20-х годов в Сибири посвящена наша работа: *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М.: АИРО-XXI, 2007.
4. Призвание – Родине служить! – Новосибирск, 1997. С.35; *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим»... С.70.
5. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.118–119, 132–147.
6. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. Т. 2: Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – М., 2000. С.23.
7. Там же. С.787–808.
8. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.225–226.
9. *Исаев В.И., Узроватов А.П.* Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920-е гг.). – Новосибирск, 2006. С.89–92; ГАНО. Ф.П-2. Оп.4. Д.33. Л.113 об.
10. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. – М., 2003. С.46.
11. Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. – М., 1993. С.109.
12. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931. Документы и материалы. – М., 2003. С.106, 109, 135.
13. АУФСБ по НСО. Д.П-17512. Л.115–120.
14. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3... С.107.
15. АУФСБ по НСО. Д.П-17512. Л.121–122.
16. ГАНО. Ф.П-2. Оп.2. Д.399. Л.27.
17. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3... С.812; *Савин А.И.* Образ врага: протестантские церкви в сибирской прессе 1928–1930 гг. //Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002. С.77.
18. ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.122. Л. 233–237.
19. *Красильников С.А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М., 2003. С.209.
20. ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.122. Л. 233–237.
21. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3... С.273; АУФСБ по НСО. Д.П-17386. Т.7.
22. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3... С.273–275.
23. *Ефремов И.* Крестьянские восстания в Иркутской области и Красноярском крае как ответ на коллективизацию сельского хозяйства. <http://search.stipendiat.memo.ru/schools/spring2006/efremov.html>
24. Рассчитано по данным: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – Жуковский–М., 2006. С.287.
25. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. Вып. 2. – Новосибирск, 1993. С.309; *Красильников С.А.* Серп и Молох... С.211.
26. *Красильников С.А.* Серп и Молох... С.89; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3... С.749, 757.
27. Рассчитано по: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С.294–295.
28. АУФСБ по НСО. Д.П-11210. Т.1. Л.415, 462–471.
29. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Т. 2. – Новосибирск, 2008 (в печати).
30. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1. – М., 2005. С.18.
31. АУФСБ по НСО. Д.П-20632. Т.6. Л.5, 49.

32. *Михеев В.И.* Основные направления деятельности органов ГПУ-ОГПУ Центрального Черноземья в 1922–1934 гг. – М., 2003. С.122; Большая цензура: Писатели и журналы в Стране Советов. 1917–1956. – М., 2005. С.199.
33. Рассчитано по: Жертвы политического террора в СССР. – М., 2007 (CD).
34. Подсчитано по: *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С.303–306.
35. *Сталин И.В.* Собр. соч. Т.13. – М., 1951. С.206–208.
36. *Красильников С.А.* «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири (по материалам архивно-следственного дела) //Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 2005, № 2. С.59–62; *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири 1928–1941. – Новосибирск, 2007. С.93.
37. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. С. 810; *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.93–96.
38. *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.94–96.
39. *Николаев С.* Выстрелы в спину //Дальний Восток. 1991, № 2, 3; *Никольский В.М.* Репрессивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження. Монографія. – Донецьк, 2003. С.389.
40. *Красильников С.А.* «Белогвардейский заговор» 1933 г. в Западной Сибири... С.60; *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. //Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002. С.180.
41. Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов. – Т.1. Томск, 1991. С.345; АУФСБ по НСО. Д.П-6510. Т.28. Л.149.
42. *Папков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.93–94; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.195–197, 221.
43. *Красильников С.А.* Серп и Молох... С.236.
44. *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. – М., 1996. С.195.
45. *Жуков Ю.Н.* Репрессии и Конституция СССР 1936 г. //Вопросы истории. 2002. № 1. С.23. Историк, проверивший дело, на которое ссылался Жуков, не обнаружили в нём указанной записки Эйхе, хотя в принципе не отрицают факта её существования. См. *Павлова И.В.* 1937: выборы как мистификация, террор как реальность //Вопросы истории. 2003. № 10. С.36.
46. *Вьлцан М.* Гарантируется высшая мера //Труд. 1997. 2 авг. С.5; ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.4. Д.586.
47. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. 1937–1938. – М., 2004. С.644.
48. Там же.
49. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. – Т. 5. Кн. 1. 1937. – М., 2004. С.33–34; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008. С.100.
50. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 //Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. – М.–СПб., 1997. С.254; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.242. Л.35–50; Боль людская... Т.5. – Томск, 1999. С.110–111.
51. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.300. Л.17; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4935. Л.38.
52. АУФСБ по НСО. Д.П-7557. Л.288; Д.П-1213. Л.158, 162.
53. Там же. Д.П-8213. Л.401.
54. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). – Томск, 1995. С.89; АУФСБ по НСО. Д.П-2743. Л.268; Д.П-8139. Л.245.

55. *Гришаев В. Ф.* Реабилитированы посмертно. – Барнаул, 1995. С.39; *Самосудов В. М.* Большой террор в Омском Прииртышье. 1937–1938. – Омск, 1998. С.53.
56. *Уйманов В. Н.* Репрессии. Как это было... С.315–316; АУФСБ по НСО. Д.П-8357. Л.75.
57. *Белковец Л. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х – 1930-е годы). – М., 1995. С.227–228; АУФСБ по НСО. Д.П-8139. Л.300–304.
58. *Петрушин А. А.* «Мы не знаем пощады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории тюменского края по материалам ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – Тюмень, 1999. С.166–167.
59. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4637. Л.202–207.
60. Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг./ Сост. Р. Биннер, Г. Д. Жданова, В. И. Кутищев, В. Н. Разгон, М. Юнге. – Барнаул, 2009 (в печати).
61. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т.1. Л.54–55; АУФСБ по НСО. Д.П-7520. Т.2. Л.201.
62. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.80. Л.10.
63. АУФСБ по НСО. Д.П-7520. Т.2. Л.201.
64. Там же. Д.П-4436. Т.2. Л.277.
65. Там же. Д.П-4421. Т.5. Л.422–423; Д.П-4457. Т.3. Л.110–110 об.
66. Там же. Д.П-4505. Л.355; Д.П-4436. Т.2. Л.291; *Брюханов Б. Б., Шошков Е. Н.* Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина 1936–1938 гг. – СПб., 1998. С.76–77.
67. АУФСБ по НСО. Д.П-8139. Л.245.
68. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.7. Л.256; АУФСБ по НСО. Д.П-4784. Л.208.
69. *Гришаев В. Ф.* Реабилитированы посмертно... С.39.
70. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том I. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000. Л.336–337.
71. *Тепляков А. Г.* Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М., 2007. С.61.
72. Подсчитано по данным: Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. 1937... С.387–393; Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М., 2006. С.57–61.
73. Подсчитано по данным: Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2... С.57–61.
74. Там же. С.68–71, 554–555; История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.293.
75. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.5. Д.1678. Л.430.
76. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. 1937... С.256–257.
77. *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»... С.137–147.
78. *Пичурин Л. Ф.* Последние дни Николая Клюева. – Томск, 1995. С.55.
79. АУФСБ по НСО. Д.П-8213. Л.369; Д.П-7520. Т.2. Л.199.
80. Там же. Д.П-4421. Т.5. Л.280–281.
81. Щит и меч Кузбасса. – Кемерово, 2003. С.479–480.
82. АУФСБ по НСО. Д.П-8426. Т.1. Л.12, 29.
83. Там же. Д.П-7142. Т.2. Л.65; Д.П-3710. Т.1. Л.214.
84. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.80. Л.5, 9.
85. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.454–457.
86. АУФСБ по НСО. Д.П-5738. Т.3. Л.128–141.
87. Там же. Д.П-4457. Т.3.
88. Там же. Д.П-5738. Т.3. Л.201.
89. Там же. Д.П-4575. Л.1–13.
90. Трагедия советской деревни... Т.5. Кн.1. 1937... С.387.
91. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.5. Д.1678. Л.430.
92. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. 1937... С.597.
93. АУФСБ по НСО. Д.П-4428. Т.2. Л.112.

94. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.5. Д.1678. Л.479.
95. *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим»... С.141–142.
96. АУФСБ по НСО. Д.П-7315. Л.1–190; Д.П-7520. Т.1. Л.4.
97. *Аблажей Н. Н.* РОВС и енисейское казачество //Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. – Новосибирск, 2004. № 2. С.84–87.
98. Трагедия советской деревни... Т.2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930... С.554; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.653.
99. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2... С.548.
100. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.5. Д.87. Л.320.
101. Там же. Д.1570. Л.513.
102. Там же. Д.1681. Л.526.
103. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. 1937... С.597.
104. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.5. Д.1678. Л.430.
105. ЦХАФАК. Ф.П-2. Оп.9. Д.37. Л.4.
106. *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»... С.36–37, 148, 167; *Шекшеев А. П.* Гражданская смута на Енисее: победители и побеждённые. – Абакан, 2006.
107. *Плеханов А. М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006. С.52.
108. Книга памяти жертв политических репрессий республики Хакасия. Т. 1. – Абакан, 1999. С.459–462.
109. АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т.1. Л.172; ГАНО. Ф.П-3. Оп.2. Д.575. Л.18 об.
110. ГАНО. Ф.П-3. Оп.2. Д.163. Л.28; Ф.П-4. Оп.18. Д.3815 (ЛД Жучека М. И.); Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.35–38; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.150. Л.116; Жертвы политического террора в СССР... (CD).
111. *Невежин В. А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. – М.–СПб., 2003. С.44–45.
112. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.637, 639.
113. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.109; *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. //Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. – М., 1999. С.43.
114. www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/KK/391204.htm; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.114.
115. АУФСБ по НСО. Д.П-8426. Т.2. Л.216; Д.П-8139. Л.275, 237.
116. Там же. Д.П-8139. Л.241, 242, 277; Д.П-4436. Т.2. Л.292.
117. Там же. Д.П-777. Л.170, 176; Д.П-10413. Л.124.
118. *Конквест Р.* Большой террор. – Флоренция, 1974. С.584.
119. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.241. Л.14.
120. *Тепляков А. Г.* «Непроницаемые недра»... С.89–91, 193–196.
121. *Брандес Д.* Защита и сопротивление российских немцев (1917–1930-е гг.) //Наказанный народ... С.26–33.
122. ЦДНТО. Ф.341. Оп.1. Д.53. Л.124–125.
123. *Савин А. И.* Религиозная жизнь немцев Сибири в 20-е гг. //Толерантность и взаимодействие в переходных обществах. Мат-лы региональной научной конф. – Новосибирск, 2003. С.73–83.
124. Советские немцы: у истоков трагедии. Публикация В. И. Шишкина //Наука в Сибири. 1992, № 28.
125. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннотир. перечень архивных документов и материалов. Избр. документы / Сост., вступительная статья и комм. А. И. Савина. – Новосибирск–СПб., 2006. С.413.

126. Советские немцы: у истоков трагедии... //Наука в Сибири, 1992, № 30; Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. – М., 1999. С.77.
127. *Панков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.109–113; Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып.2. – Новосибирск, 1994. С.100–124.
128. АУФСБ по НСО. Д.П-5407. Л.12.
129. *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции»... С.52; Этноконфессия в советском государстве... С.219, 474, 478–479.
130. Наша малая родина. Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991. – Новосибирск, 1997. С.163; АУФСБ по НСО. Д.П-8125. Т.3. Л.353.
131. *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. //Репрессии против поляков и польских граждан. – М., 1997. С.31, 33, 37.
132. Наказанный народ... С.64–66, 69–70.
133. АУФСБ по НСО. Д.П-20905. Л.192–193, 297–298.
134. *Хаустов В.Н.* Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. //Репрессии против поляков и польских граждан. – М., 1997. С.14.
135. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.298–302, 327; Д.П-9246. Л.1–8.
136. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.187–194.
137. АУФСБ по НСО. Д.П-8139. Л.285, 286.
138. Там же. Д.П-5455. Т.1. Л.20–22; Т.2. Л.170–178; Т.4. Л.105–119.
139. Там же. Д.П-4102. Л.25–44; Д.П-8213. Л.445; Д.П-4495. Т.1, 6; Д.П-5239. Л.219; Д.П-8139. Л.240.
140. *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД... С.25.
141. АУФСБ по НСО. Д.П-4505. Л.352.
142. *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири... С.225.
143. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.362; *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД... С.41–43.
144. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.662; *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937–1938. – М., 1998. С.208; История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.658–659.
145. АУФСБ по НСО. Д.П-10582. Л.91–110.
146. Там же. Д.П-4510. Л.95–105, 140–145, 256–297.
147. Там же. Д.П-4514. Т.3. Л.480–568.
148. Там же. Д.П-5685. Л.201–202; Д.П-4510. Л.146.
149. Подсчитано по базе Красноярского «Мемориала» В.П. Ермоловичем.
150. Сведения Красноярского «Мемориала».
151. АУФСБ по НСО. Д.П-20632. Т.6. Л.76–76 об.; Д.П-4510. Л.264; Наша малая родина... С.164.
152. АУФСБ по НСО. Д.П-4510. Л.146; Д.П-8440. Л.191; Реабилитация: как это было... Том I. – М., 2000. С.200; *Белковец Л.П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири... С.225.
153. АУФСБ по НСО. Д.П-4505. Л.264–267.
154. Подсчитано по базе Красноярского «Мемориала» В.П. Ермоловичем.
155. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск, 2007. С.133.
156. *Соловьёв А.В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки. – М., 2002. С.131–141.
157. Наша малая родина... С.163.
158. АУФСБ по НСО. Д.П-5738. Т.3. Л.237.
159. Там же. Д.П-18961. Л.101–109, 170.
160. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток... С.260 (сведения А.Б. Рогинского, Н.Г. Охотина, О.А. Горлановой).

161. *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.87; Подсчитано по: Жертвы политического террора в СССР... (CD).
162. АУФСБ по НСО. Д.П-4543. Т.1. Л.5–191, 221–228.
163. Там же. Д.П-8139. Л.246.
164. Подсчитано по: Жертвы политического террора в СССР... (CD).
165. *Гавриленко В.К.* Казнь прокурора: Документальное повествование. – Абакан, 2001. С.69; *Власов А., Петров О.* Хорхоринские «стрелочники», или Игры в социалистическую законность //Забайкальский рабочий (Чита). 1989, 5 окт.; Реабилитация: Как это было... Т. 1... Л.336–337.
166. Расчёты В.П. Ермоловича.
167. Подсчитано по: Жертвы политического террора в СССР... (CD); Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.652.
168. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.178; *Панков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.221–222.
169. АУФСБ по НСО. Д.П-4534. Л.49, 52, 56, 235.
170. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.5. Д.1681. Л.526; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.660.
171. *Куртуа С., Верт Н., Панне Ж-Л., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж-Л.* Чёрная книга коммунизма. – М., 1999. С.180–181; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С.153.
172. Цит. по *Бессонов Н.* Цыгане в России: принудительное оседание //Россия и её регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. – М., 2005. С.632–637.
173. Из истории земли Томской. Год 1937... Сб. документов и материалов. – Томск, 1998. С.338–339; АУФСБ по НСО. Д.П-8440. Л.191.
174. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Т. 2. – Новосибирск, 2008 (в печати).
175. Жертвы политического террора в СССР... (CD).
176. Сведения НИПЦ «Мемориал».
177. *Самосудов В.М.* Большой террор в Омском Прииртышье... С.166–167.
178. АУФСБ по НСО. Д.П-4381. Л.355–357, 147; Д.П-4436. Т.1. Л.58.
179. Там же. Д.П-4436. Т.2. Л.160.
180. *Сафиуллина Е.* Татарская слобода //Начало века. Литературный и краеведческий журнал. – Томск. 2007. № 3. С.179–180; Жертвы политического террора в СССР... (CD).
181. *Самосудов В.М.* Большой террор в Омском Прииртышье... С.121, 126, 134–135, 137, 142, 143, 185, 207.
182. Там же. С.106, 127, 130, 145, 207.
183. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М., 2006. С.571; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.92–93.
184. Все подсчёты нами сделаны по неполной Книге памяти жертв репрессий Читинской области, доведённой только до буквы «О» включительно, поэтому расстрелянных должно быть больше примерно на треть: 200–250 чел.
185. Жертвы политического террора в СССР... (CD).
186. Сталинские расстрельные списки. – М., 2002 (CD).
187. *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* «Польская операция» НКВД... С.33.
188. *Зима В.Ф.* Голод 1932–1933 годов в письмах трудящихся России //Отечественная история. 2006. № 2. С.53.
189. *Демчик Е.В.* Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. – Барнаул, 1998. С.182.
190. *Хлевнюк О.В.* Политбюро... С.32.

191. Шрейдер М.П. Воспоминания чекиста-оперативника // Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). С.397.
192. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. С.803; *Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. – М., 2004. С.215.
193. *Хлевнюк О.В.* Политбюро... С.31–33.
194. *Мозохин О.Б.* Из истории борьбы органов ВЧК-ОГПУ с незаконными валютными операциями // www.pseudology.org/Mazoxin/Borba_valuta.htm.
195. *Осокина Е.А.* Доллары для индустриализации. Валютные операции в 1930-е годы // Родина. 2004. № 3. С.76–81; *Она же.* Советская жизнь: обыденность испытания (на примере Торгсина и ОГПУ) // Отечественная история. № 2. 2004. С.113–124; ГАНО. Ф.356. Оп.2. Д.6. Л.5.
196. АУФСБ по НСО. Д.П-4984. Т.2. Л.146, 106; Д.П-12576. Л.27.
197. Сведения Красноярского «Мемориала»; *Бушуев В.М.* Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. – Красноярск, 2000. С.279–293.
198. Сведения Красноярского «Мемориала».
199. *Осокина Е.А.* Доллары для индустриализации... С.76–81; *Шановал Ю.И., Золотарев В.А.* Всеволод Балицкий. Особа, час, оточення. – К., 2002. С.306.
200. *Алексеев В.В.* Гибель царской семьи: Мифы и реальность. (Новые документы о трагедии на Урале). – Екатеринбург, 1993. С.158–159.
201. АУФСБ по НСО. Д.П-14841. Л.13, 19, 50, 79–81; Д.П-359. Т.4. Л.27.
202. Сведения Красноярского «Мемориала»; ГАНО. Ф.6. Оп.1. Д.192. Л.100–101.
203. *Петрушин А.* Проклятье шамана // Родина. 2006. № 3. С.64.
204. *Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ... С.222–223.
205. *Мозохин О.Б.* Из истории борьбы... // www.pseudology.org/Mazoxin/Borba_valuta.htm.
206. Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып.2... С.59, 60.
207. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.316–316 об.
208. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.262; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.114. Л.2.
209. *Мозохин О.Б.* Указ. соч.
210. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.96. Л.2.
211. *Зима В.Ф.* Голод 1932–1933 годов в письмах... С.53.
212. In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка. – М.–СПб., 1995. С.141–210.
213. *Зима В.Ф.* Голод 1932–1933 годов в письмах... С.54.
214. *Киселев Л.* Противостояние ОГПУ – Гадаловы // Красноярский рабочий. 1990, 5 мая; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.7. Л.77; Д.8. Л.25.
215. ЦДНИТО. Ф.341. Оп.1. Д.53. Л.125; ЦХИДНИКК. Ф.26. Оп.1. Д.92. Л.11.
216. АУФСБ по НСО. Д.П-17386. Т.7. Л.499–504.
217. В начале 1930 г. в д. Дербино Балахтинского района Красноярского округа председатель сельсовета, уполномоченный РИКа и старший милиционер велели раскопать свежую могилу умершего священника, а найдя всего два маленьких креста, распорядились снять с трупа одежду, если та окажется хорошей. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.144. Л.85 об. В мае 1934 г. замначальника политотдела Авангардной МТС по комсомольской работе Семёнов и учитель-комсомолец Ершов с четырьмя школьниками вскрыли в центре с. Лобино Краснозёрского района ЗСК у самой церкви могилу священника, умершего в 1912 г., и забрали три серебряных креста общим весом ок. 500 гр. Сорвав с мумии одежду и нанеся ей несколько ударов железной палкой, Семёнов приказал устроить над раскопанной могилой школьную уборную (председатель сельсовета данное указание отменил). За этой процедурой с возмущением наблюдали около сотни сельчан, среди которых сразу распространи-

- лись и слухи, что политотделы в поисках золота будут раскапывать все «поповские могилы», и «контрреволюционная агитация». Семёнов получил сначала партийный выговор, а потом – год исправительных работ по месту службы. ГАНО. Ф.П-175. Оп.1. Д.69. Л.159–161.
218. АУФСБ по НСО. Д.П-17189. Л.1.
219. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ... С.260; *Мозохин О.Б.* ВЧК-ОГПУ... С.224.
220. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.276; Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ... С.805.
221. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М., 2006. С.26.
222. АУФСБ по НСО. Д.П-3590. Т. 4. Л.7; Сведения Красноярского «Мемориала».
223. Куда более эффективным способом перераспределения валютных ценностей в государственный карман стала организация магазинов торговли с иностранцами – торгсинов. В голодном 1933 г. население страны отнесло в торгсины около 45 тонн золота и 1.420 тонн серебра (для сравнения: общесоюзная добыча золота в 1930 г. составила 28 тонн, в 1933 г. – 50,5 тонны). Несложный подсчёт говорит, что каждая семья страны (4–5 чел.) отнесла в 1933 г. в торгсины около 45 граммов серебра и 1,5 грамма золота – эквивалент пяти полтинников царской или раннесоветской чеканки (по 9 гр. серебра каждый) и одного золотого кольца или серьги. *Осокина Е.А.* Борец валютного фронта Артур Сташевский (1890–1937) // Отечественная история. 2007. № 2. С.37.
224. См. АУФСБ по НСО. Д.П-359. Т.1. Л.73–76, 181–182.
225. Сведения Красноярского «Мемориала»; АУФСБ по НСО. Д.П-6681. Т.2. Л.10–12.
226. *Теляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.131, 201, 202.
227. *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Двести лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. – Томск, 2002.
228. История сталинского Гулага... Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.156–157; Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М., 2006. С.556.
229. ГАНО. Ф.П-3. Оп.3. Д.107. Л.42; Из истории земли Томской. 1933 г. Назинская трагедия. – Томск, 2002. С.23–26.
230. *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим»... С.195; История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.68.
231. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг. Вып. 3. – Новосибирск, 1994. С.97, 111–113.
232. Из истории земли Томской. 1933 г. Назинская трагедия... С.213; *Красильников С.А.* Серп и Молох... С.100, 99.
233. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3... С.163; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг... С.113.
234. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ... С.810; *Красильников С.А.* Серп и Молох... С.107.
235. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.175. Л.6; Д.192. Л.44; *Мозохин О.Б.* Право на репрессии... С.142.
236. *Исаев В.И.* Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом в конце 1920-х – 1930-е гг. // Социально-демографическое развитие Сибири в XX столетии. Сб. науч. трудов. Вып. 3. – Новосибирск, 2004. С.76–77; ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.175. Л.6–7, 22–23; Д.192. Л.38; Ф.П-3. Оп.2. Д.648. Л.21, 128–129, 359–361.
237. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.175. Л.7.
238. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С.154; *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Двести лет на страже порядка... – Томск, 2002.
239. *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим»... С.195.
240. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С.67; *Павлова И.В.* Роберт Эйхе // Вопросы истории. 2001. № 1. С.82.
241. ГАНО. Ф.П-30. Оп.1. Д.167. Л.82.

242. Там же. Ф.1027. Оп.7. Д.60. Л.8–12; *Патков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.131.
243. *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Двести лет на страже порядка... – Томск, 2002.
244. *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов // Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. – Новосибирск, 1997. С.96; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.255; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.78. Л.5; Ф.1020. Оп.4а. Д.5. Л.290.
245. *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри... С.87–88.
246. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5380. Т.1. Л.97, 99.
247. Там же. Д.П-18330. Л.78, 82.
248. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.109; Боль лодская... Т. 5. – Томск, 1999. С.186; АУФСБ по НСО. Д.П-8213. Л.390.
249. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4564. Т.7. Л.29 об.
250. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.338. Л.99.
251. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М., 2006. С.16–17, 557.
252. *Самосудов В.М.* Большой террор в Омском Прииртышье... С.116.
253. Там же. С.68, 50, 52, 56, 74, 115.
254. АУФСБ по НСО. Д.П-4457. Т.3.
255. Там же. Д.П-10015. Л.298–302, 327; Д.П-8125. Т.4. Л.189.
256. http://cripo.info/index.php?aid=3967&_id=1.
257. Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. 1937... С.370.
258. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.4. Д.162. Л.707; Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 1. 1937... С.387.
259. Подсчитано по данным: Трагедия советской деревни... Т. 5. Кн. 2. 1938–1939. – М., 2006. С.57–61.
260. Сведения Красноярского «Мемориала».
261. ЦА ФСБ. Ф.3. Оп.4. Д.157. Л.809.
262. Там же. Оп.5. Д.1678. Л.430. Их могло быть несколько более, если предположить, что среди расстрелянных 2,4 тыс. узников Сиблага и Томасинлага были и уголовники. По крайней мере, в Омской области за нарушения лагерного режима в тот период не редкостью были расстрелы с применением ст. 58 УК. *Самосудов В.М.* Большой террор в Омском Прииртышье... С.51, 69.
263. *Тепляков А.Г.* «Милицейское дело» // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Вып. 1. – Новосибирск, 2005. С.409.
264. *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим»... С.167.
265. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.103. Л.11–13. При этом милиция в районах Новосибирской области в 1939 г. фабриковала дела о притоносодержательстве молодежи, собиравшейся на обычные вечеринки. *Исаев В.И.* Правоохранительные органы Сибири... С.77.
266. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.644.
267. Наша малая родина... С.207; ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.751. Л.164.
268. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.18. Д.156. Л.128.
269. *Александров А., Томилов В.* Два ленских расстрела // Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1996, 28 мая.
270. Расчёт В.П. Ермоловича по базе Красноярского «Мемориала».
271. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.7. Л.255.
272. *Патков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.230–231; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.229.
273. АУФСБ по НСО. Д.П-6423. Л.126, 230–231; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.31. Л.42; Ф.20. Оп.1. Д.239. Л.78.

Глава 4

В СИСТЕМЕ ПАРТИЙНОЙ ВЛАСТИ

При всей подчинённости ОГПУ-НКВД политическому центру в системе партия – «органы» наблюдались симбиоз и взаимовлияние. С одной стороны, карательные органы получали прямые приказы от партийно-советской верхушки, с другой, вся номенклатура находилась под агентурным наблюдением «органов», будучи пронизанной сетью зависимых от чекистов сексотов. Тенденциозная же информация, исходящая от ОГПУ-НКВД, оказывала прямое воздействие на правящие круги. Информирование власти о ходе и результатах хозяйственно-политических кампаний, настроениях населения, ситуации во властных структурах и народном хозяйстве, различных происшествиях (стихийных бедствиях, авариях, политических убийствах) было одним из главных занятий ОГПУ-НКВД. Так называемые спецсообщения для органов власти областного уровня готовились руководством ОГПУ-НКВД и начальниками ведущих отделов ПП-УНКВД, для городских и районных комитетов ВКП(б) – начальниками соответствующих чекистских подразделений.

В конце 1929 – начале 1930 гг. основными темами сводок ИНФО стали «кулацкий террор», «классовая борьба» и враждебная деятельность «антисоветских элементов», связанные с начавшейся коллективизацией. Органы власти получали массу сведений о разрушительных последствиях творимого над крестьянством насилия и нарастающего в связи с этим протеста (1). Однако для Сталина информация о массовом недовольстве и сопротивлении означала необходимость дальнейшего усиления государственного нажима на несогласных. В 30-е годы верхи в изоляции получали необходимые для себя сведения о борьбе «врагов» против мероприятий власти и одобрении текущей политики лояльными гражданами (2). Однако Сталин не раз ставил на место чекистов, указывая на политическую неприемлемость поднимавшихся ими вопросов. В конце 1929 г. гнев генсека вызвало полученное им заявление 76 троцкистов, отбывавших заключение в Верхне-Уральском политизоляторе

и обратившихся в ЦК с протестом против «непрекращающихся репрессий в отношении ленинского крыла партии». Сталин назвал большой ошибкой начальника СОУ Е.Г. Евдокимова препровождение данного заявления в адрес ЦК: «ОГПУ есть карающая рука Соввласти а не почтовый ящик, обслуживающий нужды мелкобуржуазных щенков контрреволюции» (3).

31 января 1930 г. Сталин поставил на место зампредов ОГПУ Ягоду и С.А. Мессинга, собравшихся на заседании Коллегии ОГПУ в присутствии полномочных представителей и ответственных работников центрального аппарата обсудить «вопрос о кулаке» и просивших Секретариат ЦК ВКП(б) направить на это совещание Молотова в качестве докладчика. Резолюция Сталина гласила, что директива ЦК о кулаке вполне конкретна и должна быть передана полпредам для немедленного исполнения, а не являться «предметом широкой агитации хотя бы среди актива чекистов». Само совещание чекистского руководства по этому вопросу Сталин счёл излишним (4). В результате вслед за решением Политбюро руководством ОГПУ 2 февраля 1930 г. был издан один из жесточайших приказов за всю историю этой организации, регламентировавший массовые репрессии по отношению к «кулаку» в регионах с помощью контрольных цифр на аресты.

Острый социально-политический кризис начала 30-х годов привёл к попыткам руководящих работников ОГПУ приостановить размах репрессий в отношении крестьянства и специалистов. Если Особый отдел ОГПУ в начале 1931 г. посчитал необходимым выслать из Западной Сибири на север 15,5 тыс. семей, а в Казахстане репрессировать 5 тыс., то комиссия Политбюро во главе с А.А. Андреевым постановила переселить внутри Западной Сибири в мае–июле 1931 г. 40 тыс. семей, а в Казахстан направить 150 тыс. семей (5). Правда, в итоге по Казахстану произошло большое отступление (до 60 тыс.), но Западная Сибирь осталась с предложенной «передовым» полпредом Заковским цифрой в 40 тыс. семей, подлежащих «раскулачиванию».

Оперуполномоченный СПО ОГПУ Г.А. Штранкфельдт весной 1931 г. составил ряд записок о положении «раскулаченных», где было много фактов отсутствия какой-либо работы по устройству ссыльных и резком ухудшении их положения из-за снятия со снабжения, голода и эпидемий. Директиву Политбюро от 20 февраля 1931 г. – переселить от 200 до 300 тыс. семей – в центральном аппарате ОГПУ приняли и развертали по регионам с ориентацией на меньшую цифру, постановив выслать 220 тыс. семей. Руководство ОГПУ, которое летом 1931 г. получило право единолично распоряжаться спецпереселенцами, не было заинтересо-

вано в дальнейшем росте системы спецпоселений и желало ограничиться прицельными высылками действительно зажиточных селян, а не массовыми репрессиями в отношении рядовых крестьян, которых фактически некуда было девать (6). Между тем власти требовали именно продолжения террора в деревне, массовой высылки «подкулачников» и пр. вредных элементов, «разлагавших» колхозы своей агитацией.

Целый ряд видных работников ОГПУ протестовали против нового «раскулачивания», а также дальнейшего развёртывания террора в отношении «бывших». Так, Е.Г. Евдокимов, С.А. Мессинг, Л.Н. Бельский, Я.К. Ольский, И.А. Воронцов называли огромное дело «Весна» против военных специалистов «дутым». Разнилось отношение к «раскулачиванию» на местах: руководство ГПУ Украины всячески его поддерживало, в Сибири же, напротив, после рекордного выселения чекисты попытались притормозить дальнейшие расправы, что вызвало немедленный протест партийной власти. Секретарь Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе 5 июля 1931 г. пожаловался Сталину и членам Политбюро на то, что полпред Заковский не только не поддержал инициативу крайкома выселить «вновь выявленных и пойманных ранее бежавших до 3 тыс. кулацких хозяйств», но предложил приостановить выселение (7).

Это не было какой-то своевольной инициативой местного чекистского начальника, посчитавшего, что террора 1930 – первой половины 1931 г. будет достаточно. 13 июля 1931 г. за подписью основных чиновников ОГПУ – Г.Г. Ягоды и Е.Г. Евдокимова – местным органам была разослана почтотелеграмма №40545, в которой «в связи с окончанием операции по выселению кулачества» предписывалось откомандировать в Москву представителя СПО, руководившего выселением, со всей статистикой по операции и сведениями о «перегибах». Неизвестно, состоялось ли такое итоговое совещание в ОГПУ (8). Но Сталин очень чётко показал, что он вовсе не считает, что ОГПУ в основном уже закончило свою карательную работу в деревне. Попытки свернуть раскулачивание были пресечены (9–13).

Острога ситуации в сельском хозяйстве начала 30-х годов и ответственность властей за неё были настолько очевидны для чекистов, что порой их сообщения носили демонстративно объективный характер (14). В спецводке о причинах невыполнения плана хлебозаготовок от 15 сентября 1932 г., подписанной заместителем полпреда ОГПУ ЗСК А.М. Шаниным и начальником СПО И.Д. Ильиным, цитировались крайне резкие мнения крестьян (единоличников, колхозников и руководителей колхозов) относительно завышенности планов хлебосдачи. Чекисты довели

до вышестоящего начальства подлинное положение дел в ограбленной и голодавшей деревне без характерных для подобных сводок оговорок относительно «кулацких происков» и подрывной работы антисоветских элементов. В этой спецсводке отсутствовал даже полагающийся раздел «О положительных высказываниях», а куций раздел «О деятельности АСЭ» (антисоветских элементов) носил формальный характер (15).

Все трудности насильственно проводимой политики объяснялись происками врагов. Например, во вредительство спецов власти свято верили с первых лет советской власти. Местные партийные органы с полным доверием относились к чекистской информации о постоянном усилении вредительства в Сибири. В декабре 1929 г. инспекторы ЦК ВКП(б) составили докладную записку «О неблагоприятном состоянии Кузнецкой окружной [парт]организации», разосланную Сталину, Кагановичу, Молотову, Москвину, Эйхе и другим функционерам. Отметив массовое пьянство коммунистов и незнание ими основных решений партии, а также склоки и круговую поруку, контролёры подчеркнули, что с октября 1929 г. «факты вредительства начинают приобретать массовое распространение» и только на Ленинском руднике было зарегистрировано шесть случаев «вредительства» (16).

Тема вредительства в чекистских спецсообщениях звучала постоянно. В августе 1930 г. ЭКО ШП ОГПУ докладывало властям ЗСК об угрожающем положении с лесосплавом из-за халатности Сиблестреста и о произведённом аресте пятерых специалистов (17). В мае 1932 г. полпред Н. Н. Алексеев информировал крайком и крайисполком о крупном пожаре на барнаульском мясохладокombинате и о том, что по подозрению в поджоге арестовано 6 чел. В октябре 1932 г. Алексеев сообщал, что кемеровские коксовики, экономя на перевалке груза, загружают в вагоны раскалённый кокс прямо из печей, из-за чего с 10 сентября по 5 октября было выведено из строя 109 вагонов. В связи с этим чекисты начали расследование «вредительства» силами Кемеровского ГО и ОДТО ОГПУ ст. Топки (18).

Руководящие органы получали из ОГПУ-НКВД очень большой объём информации, касавшийся репрессивных акций. Бюро Сибкрайкома ВКП(б) 10 сентября 1929 г. приняло к сведению информацию Заковского о ликвидации группы «рабочей оппозиции» в Омске (19). В первой половине 1933 г. в крайисполком из ШП ОГПУ были направлены обвинительные заключения по делам «контрреволюционной повстанческой организации в Солонешенском, Быстро-Истокском и Бийском районах ЗСК», «контрреволюционной повстанческой группы в Анжеро-Судженске»

и «Томской контрреволюционной троцкистской организации». Районные власти также получали информацию о карательных акциях: в марте 1933 г. начальник Карасукского РО ОГПУ М. Ф. Ведяев доложил райкому о массовых арестах «контрреволюционеров-кулаков» в районе (20).

В начале 1937 г. С. Н. Миронов регулярно направлял Эйхе протоколы допросов со своими подробными комментариями, сообщая, кто из арестованных «упорно отрицает» или «продолжает сильно путать», кто «капитально передопрошен [и] дает весьма правдоподобные показания», а кто «раскис» и готов «в ближайшие дни прекратить сопротивление». Также Миронов информировал Эйхе и о том, что проект реорганизации структуры УНКВД путем образования межрайонных оперативных секторов с центрами в крупных городах в наркомате одобрен, что его помощник М. М. Подольский будет произведён в майоры госбезопасности, а Д. Д. Гречухин останется начальником КРО. 11 января 1937 он писал, что уже через несколько дней в Москве начнётся процесс «параллельного центра», на котором предстанут и арестованные «по нашей группе», т. е. бывшие хозяйственные руководители края, «разоблачённые» с самой активной помощью Эйхе (21).

В фонде Новосибирского обкома сохранился подробный отчёт о работе *тройки* к началу октября 1937 г. с подробной статистикой арестов и расстрелов (22). В 1937–1938 г. в Читинский обком из УНКВД направлялись различные справки, агентурные донесения, протоколы допросов и даже фотоснимки схемы разветвлённой «контрреволюционной сети» на железной дороге с филиалами, организациями и руководителями. В марте 1941 г. из Следчасти УНКВД НСО в обком было направлено сообщение о следствии по делу контрреволюционной группы в Купинском районе, членом которой якобы являлся бывший коммунист А. Ф. Кравченко. Для успешных поисков Кравченко чекисты просили чиновников обкома выслать в УНКВД все имевшиеся на него материалы (23).

Сталин регулярно знакомился со спецсообщениями начальников УНКВД, в т. ч. сибирских. Ежов постоянно сообщал вождю телеграммы, присылаемые из Новосибирска своим любимцем Г. Ф. Горбачом. Из резолюций Сталина видно, что в шифровках Горбача его интересовали как сведения о разгроме масштабных «заговоров» по РОВСу и «польской линии», так и показания на местных банковских служащих (24). Получив в сентябре 1937 г. телеграмму Горбача о разгроме резидентур польской разведки в Новосибирске и Томске, Сталин, проигнорировав именование одного из «шпионских» лидеров «тов. Плебанеком», сделал, требуя фамилии «врагов», на полях пометки: «Что за группы шпионов?»

и «Кого именно назвал?». А в некоторых сталинских резолюциях буквально сквозит обида на нерасторопность чекистов: «Какой Михайлов? Даже имя отчество не спросили... Хороши следователи». Прочтя сообщение Горбача о вскрытой на Кузнецком металлургическом комбинате шпионско-диверсионной организации во главе с «японским разведчиком» инженером Л. Г. Стадлером, Сталин отметил фамилии связанных с ним «шпионов» и укоризненно спросил: «Т. Ежову. Арестованы ли участники организации Стадлера? Почему же не пишет об этом т. Горбач? И. Ст.». Вскоре, 2 января 1938 г., Горбач послал в НКВД сообщение об аресте в Томске двух профессоров из НИИ математики и механики – «германских шпионов» Л. А. Вишневого и Ф. М. Нетера, связанных с организациями немецкой разведки в ряде военных учреждений Москвы и других городов. И стоило Горбачу допустить в перечне арестованных томских преподавателей неясную формулировку «и другие», как Сталин тут же пометил на полях: «Какие другие?» (25).

Реагируя на информацию «органов», местные власти либо сами решали поднимаемые вопросы, либо запрашивали помощь у вышестоящих инстанций, либо оставляли всё как есть. В октябре 1931 г., откликаясь на сообщение начальника Татарского РО ОГПУ А. И. Божданкевича о росте численности «контрреволюционных сект», бюро райкома ВКП(б) постановило просить Запсибкрайком командировать в район «сильного работника на безбожную работу» (26). Сведения, которые требовали острых решений или компрометировали известных лиц, власти нередко игнорировали. Начальник Венгеровского РО УНКВД ЗСК Д. И. Надеев в 1937 г. утверждал, что неоднократно и безуспешно ставил на заседаниях бюро райкома вопрос об огромной детской смертности и безобразном состоянии детских яслей (27).

Новосибирские чекисты в 1939 г. дали информацию по лжедостижениям депутата Верховного Совета Анны Картавых, заявившей о рекордном урожае картофеля (завысив реальные цифры в несколько раз) и называвшей своих критиков шпионами и врагами народа. Однако обком ВКП(б) не стал принимать мер, которые привели бы к дискредитации Картавых, положив информацию УНКВД под сукно (28).

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ И ПАРТИЙНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ

Власти рассматривали свою тайную полицию как универсальный инструмент решения народнохозяйственных проблем. Например, на заседании Политбюро 15 января 1931 г. органам ОГПУ – наряду с Наркомюс-

том и Прокуратурой – предлагалось «усилить борьбу с нерациональным использованием подвижного состава и нереальными заявками хозяйственных объединений, заготовительных и торговых организаций» (29). Полгода спустя ОГПУ получило в качестве дополнительной нагрузки руководство всей системой крестьянской ссылки. В больших масштабах «органы» использовали труд осуждённых специалистов-«вредителей». Создание и постоянное расширение ГУЛАГа наглядно свидетельствовало о роли чекистов в строительстве социалистической экономики.

Все чекисты-руководители несли разнообразные общественные нагрузки. Заковский возглавлял управление кинофикации и физкультурное движение края. Начальник Рубцовского окротдела ОГПУ Н. Н. Хвалевнов в конце 20-х – начале 30-х годов являлся членом бюро окружкома ВКП(б) и президиума окрисполкома, председателем окружного совета физкультуры и ПСО «Динамо», а также руководителем кружка истмата при окротделе ОГПУ и председателем городской хлебной тройки. Начальник ДТО ОГПУ Омской железной дороги Ф. М. Горюнов в марте 1933 г. Запсибкрайкомом ВКП(б) был назначен уполномоченным крайкома и крайисполкома по продвижению горючего по Омской дороге (30). Начальник ОДТО НКВД ст. Новосибирск А. Я. Мушинский в середине 30-х годов являлся председателем транспортной секции горсовета. На рядовых чекистов тоже возлагались партийно-пропагандистские поручения. Так, особист Тюменского ГО НКВД С. А. Груздков осенью 1935 г. был назначен внештатным партследователем (31).

В декабре 1936 г. Ежов, заявив, что НКВД – единственный властный орган, практически не подвергаемый критике, потребовал: «Начальник райотделения не должен быть на побегушках у секретаря райкома. Он должен знать свою работу, а не заниматься исключительно тем, чтобы информировать районные парт. и сов. органы о наличии горючего в МТС или состоянии обмолота. Он не должен быть на побегушках, но, конечно, если что-нибудь случится в районе, он должен поехать по поручению секретаря и расследовать дело» (32). Однако партийные власти зачастую требовали от райотделов ОГПУ-НКВД именно подробной информации о хозяйственных делах и непосредственного участия в хозяйственно-политических кампаниях, рассматривая чекистов как квалифицированных партийных работников, способных – за счёт страха, вызываемого их учреждением – как следует спросить за порученное дело.

Часть сотрудников воспринимала необходимость постоянного сбора сведений о недостатках в хозяйственной жизни района как тягостную обязанность, не имеющую отношения к охране госбезопасности. Моло-

дой чекист Е. А. Васильев, работавший в Доволенском РАП ПП ОГПУ ЗСК, в начале 30-х годов записал в дневнике: «Чем прикажете заполнить моё время? Может заняться сборами сведений как ведётся подготовка к посевной? Сколько отремонтировано хомутов и проч.? Как это всё надоело...» (33).

Местные власти то и дело вмешивались в чекистскую работу, отдавая органам ОГПУ-НКВД множество поручений, не имеющих отношения к их «специальности». Например, в августе 1932 г. председатель Хабаровского РИКа Лесных своим приказом оторвал от работы райуполномоченного ОГПУ Я. П. Калашникова, начальника раймилиции Уточкина, нарсудью и нарследователя, отправив их в качестве уполномоченных на проведение хлебоуборочной кампании. Весной 1933 г. власти ЗСК наградили премиями от 200 до 600 руб. ответработников полпредства, Сиблага и Барнаульского оперсектора ОГПУ за организацию минувшей зимой успешного и быстрого перегона из Монголии импортного скота в Бийск, его охрану и последующий забой, а также своевременную заготовку сена и «выявление причин провала работы Заготимпорта» (34).

Полпред ОГПУ был вынужден реагировать и на недостаточное рвение своих подчинённых при выполнении тех или иных хозяйственных поручений: так, в декабре 1931 г. Заковский дал выговоры за халатное отношение к выполнению «директивы об отгрузке фуража в госфонд ДВК» начальнику Бийского ГО ОГПУ М. С. Панкратьеву и уполномоченному ЭКО В. В. Твердых (35).

За невыполнение хозпоручений чекисты получали партийные взыскания. Начальник политотдела Красноярской МТС Омского района Сафонов постоянно использовал ЗНПО Г. С. Никулина на партийно-массовой работе в ущерб чекистской, а в декабре 1934 г. Никулин был даже ненадолго исключён из партии за допущение снижения урожайности директором МТС. По словам начальника Нарымского окротдела НКВД Н. А. Ульянова, в конце 1938 г. 1-й секретарь Новосибирского обкома Г. А. Борков «на совещании начальников РО НКВД прямо заявил, что ответственность за срыв посевной несут также и работники НКВД» (36). В октябре 1940 г. оперуполномоченный Маслянского РО УНКВД по Омской области С. А. Федотов получил строгий выговор за невыполнение решения райкома об организации автоколонны для вывозки хлеба государству (37).

За взрывы, пожары и прочие происшествия чекисты несли строгую служебную ответственность. В 1932 г. был снят с работы начальник Прокопьевского ГО ОГПУ Ф. В. Бебрекаркле – за «развал работы и отсутст-

вие борьбы с участвовавшими подземными пожарами», а в августе 1936 г. за взрыв на шахте поплатился должностью начальник Кемеровского ГО НКВД И. А. Врублевский (38). Начальник оперчекотдела Норильлага НКВД Ф. Ф. Рисберг, лично избивавший арестованных, Дудинским РК ВКП(б) в марте 1939 г. был исключён из партии, а затем уволен из «органов» – но не за вскрытые «перегибы в следствии», а за допущение крушения поезда Норильск – Дудинка, при котором погибли первый секретарь Таймырского окружкома ВКП(б) Морозов и ряд других ответработников (39).

В начале Большого террора партийное начальство активно загружало руководящих работников НКВД идеологическими и пропагандистскими поручениями, преодолевая сопротивление чекистов, ссылавшихся на крайнюю загруженность. Начальник Томского оперсектора НКВД И. В. Овчинников на городской партконференции летом 1937 г. пытался отказаться от мандата на краевую конференцию, ссылаясь на «очень серьёзное поручение от начальника управления» для борьбы с контрреволюцией. Но 2-й секретарь крайкома В. П. Шубриков заявил, что Овчинникову было бы очень желательно поехать в Новосибирск и послушать доклад Эйхе, поскольку для чекистской работы «иметь ясную политическую линию, это очень большое дело» (40).

В мае 1937 г. руководство ОТП УИТЛК УНКВД ЗСК жаловалось краевым властям на Прокопьевский горком ВКП(б), отвлекавший поселковых комендантов на «разные компанейские работы». Г. Ф. Горбач 30 июня 1937 г. просил крайком снять с начальника Усть-Таркского РО УНКВД ЗСК М. П. Краснова обязанности руководства агитколлективом и другие партийные поручения, т. к. это отнимало у чекиста 5–6 дней в месяц – «имея в виду большой разворот по ликвидации к-р формирований и в связи с этим усиление нагрузки на райаппараты УГБ УНКВД...» (41).

В 1938 г. Новосибирский обком ВКП(б) поручил одному из руководящих работников УНКВД К. К. Пастаногову прочитать лекции «О коварных методах работы иностранных разведок» в мединституте, ИМЛ и др. учреждениях. Начальник ДТО НКВД Омской железной дороги В. А. Движнянинов Омским ГК ВКП(б) в августе 1938 г. был утверждён лектором при горкоме «по вопросам шпионско-диверсионной работы иностранных разведок» (42).

Местные власти постоянно пытались перемещать работников безопасности, переводить их на партийную работу. Запсибкрайком ВКП(б) 5 мая 1937 г. в связи с кампанией присвоения званий работникам милиции и НКВД запретил всем горкомам, райкомам, Нарымскому окружкому

и Ойротскому обкому ВКП(б) производить любые перемещения и отзывы с работы чекистов и милиционеров без разрешения крайкома (43). Несмотря на распоряжения руководства УНКВД, даже в разгар террора райкомы всё же предпринимали попытки привлечь к освобождённой партийной работе функционеров госбезопасности. Например, в декабре 1937 г. Асиновский РК ВКП(б) постановил использовать в качестве инструктора райкома начальника пункта связи РО НКВД Ф.Г. Левина, тут же рекомендовав его на должность третьего секретаря РК. Однако Левин, активно использовавшийся в тот период в качестве оперработника, остался в НКВД (44).

Местные партийные комитеты пытались пополнять свои руководящие ряды за счёт НКВД и в других регионах. В октябре 1937 г. Омский обком ВКП(б) отменил решение пленума Называевского РК ВКП(б) об избрании начальника местного РО НКВД В.И. Кирьянова 2-м секретарём райкома «в связи с невозможностью его демобилизации из органов НКВД». Но отдельные случаи перехода районных чекистов на партработу имели место: например, в июне 1937 г. начальник Чебулинского РО УНКВД ЗСК А.В. Гуржий был переведён на должность 1-го секретаря Чебулинского райкома партии (45).

В январе 1937 г., в связи с ожиданием ликвидации (несостоявшейся) аппарата Отдела трудпоселений УНКВД ЗСК, крайком ВКП(б) подготовил вакансии для 19 работников ОТП на местах. Показательно, что четверо нарымских участковых комендантов планировались на должности председателей райисполкомов. Это говорит и о том, что коменданты в районах массовой крестьянской ссылки являлись фактически руководителями местной власти, и о чётком понимании их ценности – в условиях острого кадрового голода – как жёстких и решительных начальников. В сентябре 1937 г., после ареста председателя ЗСКИК Ф.П. Грядинского, Эйхе просил у Сталина санкционировать назначение на пост главы крайисполкома заместителя начальника УНКВД И.А. Мальцева, однако Сталин, сославшись на решительный протест Ежова, отказал (46).

В верхних же эшелонах власти перевод руководящих сотрудников НКВД в этот период на партийно-государственные посты был распространённой практикой. И если поручение Ежову должности наркомводного транспорта, а назначение Фриновского в НКВМФ были ступеньками к началу их падения, то перевод ряда видных функционеров НКВД (В.С. Корженко, В.Г. Деканозова, С.Н. Миронова) в НКВД был призван укрепить кадры дипломатического ведомства, подвергаемые беспощадной чистке. Часть работников НКВД ушла к Ежову в наркомвод,

часть – стала партийными чиновниками, как, например, бывший начальник УНКВД по Омской области К.Н. Валухин, получивший в апреле 1938 г. должность секретаря Свердловского обкома ВКП(б), или начальник Харьковского УНКВД Г.Г. Телешев, в том же апреле назначенный первым секретарём Харьковского обкома и горкома партии.

Для районных властей, вернувших себе после 1937–1938 гг. контроль за начальниками райотделений НКВД, аппарат сотрудников госбезопасности по-прежнему являлся большим подспорьем в решении чисто хозяйственных задач. В начале 1941 г. Новосибирский обком ВКП(б) рассматривал конфликт между секретарём Асиновского райкома партии Юровым и начальником РО НКВД С.С. Зелёновым. Партийный секретарь жаловался, что в его машину стреляли, а чекисты слабо борются с контрреволюционной и уголовной преступностью: «хлеб плохо идёт, другие заготовки идут плохо, бандит ходит, разлагает». Начальник райотдела НКВД, ссылаясь, что имеет всего двух оперработников (тремя годами ранее их было четверо), пылко возражал: «Он знает, сколько посажено, сколько этапировано – и после этого [говорит], что я не борюсь? ... Я сделался работником райкома, почти ежедневно заседания, посылают в сельсоветы». Обком ограничился замечанием в адрес обеих сторон и не подверг сомнению право партийных органов привлекать чекистов к хозяйственным кампаниям (47).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ РЕПРЕССИЙ

«Партия и ЧК – близнецы-братья» – афористично воскликнул известный литературовед Е.Г. Эткинд. Как подчеркивает В.Н. Хаустов, «правлящая партия и органы госбезопасности представляли собой органичное целое, в котором последним отводилась роль важнейшего инструмента в реализации различных поставленных партией задач в области внутренней и внешней политики» (48). Как отмечают составители новейшего двухтомника «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940», в сталинской политической системе спецорганы были не только исполнителями, не только информировали Политбюро о положении в деревне и крестьян на спецпоселении, «но и выступали инициаторами принятия многих решений стратегического характера, определявших политику, масштабы и способы осуществления раскрестьянивания в репрессивных формах» (49). Эти инициативы касались не только политики в деревне; перед ОГПУ-НКВД не было закрытых тем, и они, в частности, являлись поставщиками важнейшей информации и в области внешней политики, успешно конкурируя с НКВД.

Насильственное осуществление политики партии вызывало недовольство населения, поэтому партруководство, уповавшее на силу, видело в ОГПУ-НКВД универсальную дубинку. С другой стороны, чекисты, первыми получая разнообразную информацию о положении дел в регионе и имея (через агентуру) представление о порядках в партийно-государственном аппарате, нередко старались пресекать безобразия, допускаемые представителями власти. Но в целом отношения партийного и чекистского руководства были ближе к союзу. Как и в 20-х годах, партийно-советские структуры заботились о пополнении и хорошем снабжении чекистского аппарата, а сотрудники «органов» неуклонно проводили линию партии.

Органы власти с конца 20-х годов охотно поддерживали ходатайства чекистов об увеличении количества сотрудников карательной системы. Бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП (б) в феврале 1929 г. постановило просить ДТО Забайкальской железной дороги возбудить ходатайство об организации на ст. Верхнеудинск отделения ДТО, поскольку имевшегося агентурного поста было недостаточно для административного центра республики. В сентябре 1929 г. бюро Сибкрайкома ВКП(б) постановило просить ЦК удовлетворить ходатайство Заковского о включении в штаты полпредства ОГПУ районных уполномоченных, чтобы их число соответствовало числу районов края (50).

В назначении руководящих работников ОГПУ-НКВД право голоса, помимо чекистского руководства, имели только члены Политбюро ЦК. Мнением местных властей на Лубянке не интересовались. Характерен эпизод на февральско-мартовском пленуме ЦК в 1937 г., когда во время выступления заместителя НКВД СССР Я. С. Агранова Эйхе возмущённо его перебил: «Тов. Агранов, почему за последние пять лет ни одного представителя в Западно-Сибирский край не назначили, предварительно не спросив меня или крайком? Почему все они назначались даже без запроса крайкома?» (51). Эйхе постоянно конфликтовал с центром, протестуя против перебросок своих кадров из хозяйственной или судебно-прокурорской отраслей, нередко добиваясь отмены решений Москвы и оставляя нужных крупных работников у себя. Но в вопросах назначения руководителей ОГПУ-НКВД даже кандидат в члены Политбюро Эйхе не имел права голоса.

Если полпреды ОГПУ и начальники УНКВД назначались в 30-е годы Кремлём без согласования с краевыми властями, то замены руководителей отделов ПП ОГПУ обсуждались полпредом с крайкомом и крайисполкомом. Так, летом 1932 г. Н. Н. Алексеев договорился с Эйхе об

откомандировании прежнего начальника УРКМ и назначении нового, предложив председателю крайисполкома Ф. П. Грядинскому ознакомиться с проектом соответствующего обращения Алексева в секретариат крайкома (52). Осенью 1933 г. руководство Запсибкрайкома рассмотрело вопрос о виновниках массовой смертности ссыльных на о. Назино и вынесло строгие партийные взыскания не только рядовым чекистам, но и начальнику Сиблага А. А. Горшкову и его заместителю И. И. Долгих. Характерно, что Горшков вскоре потерял свою должность (53).

Если в начале 20-х годов множество конфликтов во взаимоотношениях чекистов и парткомов возникало на уровне губерний (54), то десятилетие спустя уровень ведомственного противостояния понизился. Например, власти Нарымского округа выразили недовольство самостоятельностью райкома, наказавшего в партийном порядке беспорядочно пьянствовавшего начальника Чаинского РО А. М. Максимова. В июле 1933 г. бюро Чаинского РК ВКП(б) было вынуждено «признать, что райком партии допустил грубую политическую ошибку, выводя начальника райотдела ОГПУ т. Максимова из бюро РК, выразив ему политическое недоверие без решения окружкома о снятии его с работы... это вызвало необходимость, за отсутствием замены, Максимова сохранить на работе... ещё три месяца и усилило имевшие место склоки» (55).

Райкомы были арбитрами при разрешении конфликтов разных ветвей карательного и правоохранительного аппаратов. В июле 1935 г. бюро Карасукского РК ВКП(б) ЗСК постановило обязать начальников РО НКВД и РОМ «прекратить тенденциозность в отношениях с прокуратурой» и обеспечить «сработанность» с ней. Чекист, в случае несогласия прокурора дать санкцию на арест, мог получить её непосредственно у секретаря райкома партии. Например, М. Г. Кострюков, будучи в 1935 г. оперативником Мариинского РО УНКВД ЗСК, позднее говорил: «В колхозе им. Гамарника существовавшая там контрреволюционная группа почти с оружием в руках оказала сопротивление правлению колхоза. Я прошу край дать санкцию [на арест – А. Т.]... два раза об этом запрашиваю – молчат. Обращаюсь к райпрокурору. Он даёт санкцию только на двух человек. Я нарушил чекистскую этику, обругал райпрокурора матом, пошёл к секретарю райкома и от него получил санкцию на арест участников» (56).

При необходимости конфликт чекистских и партийно-советских властей мог быть разрешён на более высоком уровне. Краевые власти давали указания нижестоящим руководителям в тех случаях, когда у них возникали противоречия с карательными органами. Замначальника УНКВД

ЗСК И. А. Мальцев 25 августа 1937 г. обратился к зампреду крайисполкома С. А. Шварцу с жалобой на президиум Кыштовского РИКа, который решил уплотнить местный РО НКВД, передав его второе здание с помещениями ЗАГСа, бюро исправработ, пожарного инспектора и участка милиционера районному прокурору. На протесты начальника РО НКВД предРИКа Кротов заявил (это в обстановке бушевавших «массовых операций!»): «Было время, давали поблажки НКВД, а теперь потеснитесь». Шварц тут же написал Кротову, что «о каком-либо перемещении райотделения НКВД не может быть речи» (57).

Руководство, в т. ч. чекистское, принимало все усилия для того чтобы о регионе создавалось благоприятное впечатление. Заместитель полпреда ОГПУ ЗСК А. М. Шанин осенью 1932 г. требовал от краевых властей более жёстких мер в отношении бродяг и попрошайек, чьё изобилие на железнодорожных станциях бросалось в глаза иностранцам. Когда в «Известиях» в 1935 г. появилась заметка «Искоренение чёлок», где высмеивались курьёзные попытки милиции «поправлять» внешний вид новосибирцев с помощью штрафов и задержаний, разгневанный Эйхе всеми силами старался опровергнуть эти сведения. Откликаясь на пожелания крайкома, замначальника УНКВД ЗСК М. А. Волков подверг жёсткому многочасовому допросу местного журналиста, пытаясь заставить того отказаться от обвинений в адрес милиции, творившей произвол (58).

Важной скрепой во взаимоотношениях партии с ОГПУ-НКВД являлось то обстоятельство, что номенклатура охотно сотрудничала с органами госбезопасности. Вероятно, многие контакты руководящих работников с чекистами носили неформальный характер и не закреплялись официальными подписками о сотрудничестве. Очень показателен пример с зампредом крайплана С. Я. Эдельманом, ставшим инициатором репрессий в отношении сибирских «рютинцев». Эдельман 30 марта 1933 г. написал Эйхе подробную записку, в которой, отвечая на упрёки в недостаточной бдительности по отношению к «рютинцам», изложил свои чекистские заслуги: «Непосредственным поводом к аресту Кузьмина, Кацаран[а] и остальных было заявление, сделанное мной ГПУ (тов. Шанину в присутствии [начальника СПО ПП ОГПУ – А. Т.] тов. Ильина) о тех подозрениях, которые есть у меня и других членов нашей ячейки в отношении антипартийного поведения, контрреволюционной деятельности Кузьмина... Это заявление ГПУ я сделал, будучи тогда секретарём партячейки, на основании, во-первых, того, что мы всё время брали под сомнение партийную искренность и честность Кузьмина, Кацаран[а] и Раевича, и, во-вторых, тех косвенных подозрений, которые у меня были

в отношении связи Кузьмина и гр[уппы] Рютина, Слепкова, Марецкого и других» (59).

Руководство Запсибкрайкома ВКП(б) постоянно вызывало для информации о текущих делах ответственных работников СПО (И. А. Жабрева, С. П. Попова). Часто встречался с чекистами один из руководителей Западно-Сибирской крайКК ВКП(б) И. В. Громов, сообщивший в 1936 г. начальнику УНКВД и секретарю крайкома, в частности, о неблагонадёжных «кулацко-эсеровских элементах» из числа бывших партизан – Г. В. Шаклейне и др. (60). Руководящий работник Союза воинствующих безбожников ЗСК Д. Н. Семёнов, сам бывший работник ОГПУ, в начале 1934 г. говорил приятно-чекисту, что с уполномоченным СПО ПП А. О. Юрмазовым, курировавшим церковные дела, по своей работе он «связан органически, как секретарь Краевого Совета безбожников, бываю у него 2–3 раза в декаду». Поддерживали связи с «органами» работники культуры: руководители Западно-Сибирского отделения Союза писателей В. Д. Вегман и В. А. Итин активно контактировали с СПО УНКВД (61).

Между чекистами и партийно-советским активом складывались и личные связи, подкреплённые участием в постоянных совместных вечеринках. Чекисты прекрасно понимали значение таких неформальных отношений. В июле 1936 г. прокурор Солонешенского района ЗСК сообщил о пьянстве начальника РО НКВД и о том, что им возбуждено уголовное преследование этого чекиста за незаконные аресты, скрываемые от прокуратуры. Прокурор жаловался в крайком, что секретарь Солонешенского РК ВКП(б) поддерживал начальника РО «на почве совместной пьянки». Начальник Карасукского РО УНКВД ЗСК А. П. Черемшанцев в 1936–1937 гг. специально содержал на своей квартире и спаивал членов выездной сессии спецколлегии крайсуда во главе с бывшим чекистом М. И. Жучеком, чтобы те не обращали внимания на качество политических дел, подготовленных местными чекистами, и штамповали обвинительные приговоры (62).

Вероятно, все представители верхнего слоя номенклатуры активно взаимодействовали с органами ОГПУ-НКВД, нередко являясь инициаторами обнаружения «вредительства», «шпионажа», «троцкизма», «национализма» в своих учреждениях и регионах. Особенно ярким примером Р. И. Эйхе, всегда находившегося на острие репрессивных кампаний и перед смертью написавшего Сталину: «...За всё время своей работы в Сибири я решительно и беспощадно проводил линию партии» (63).

Проявляли усердие в области политического сыска и низовые руководящие работники. На рубеже 1929–1930 гг. начальник Ужанихинского

райадмтдела Новосибирского округа коммунист Г.Ф. Бородько, «получив сведения о прибытии некоего Журавлёва, с тем, чтобы выявить политическую физиономию Журавлёва, подозреваемого в контрреволюционной деятельности, переоделся в штатскую одежду и занялся сыском». Усердие милицейского начальника, ставшее достоянием гласности, не было сочтено криминалом: Каргатский райком ВКП(б) в феврале 1930 г. постановил прекратить дело на Бородьку за незначительностью (64).

Партийно-советские структуры изначально были пронизаны атмосферой нетерпимости и доносите́льства, что деформировало психику номенклатуры и воспитывало подозрительность ко всем и беспощадность к «врагам». Партийные руководители нередко не уступали в жестокости работникам карательной системы и часто шли дальше чекистов. Начальник политуправления СибВО Н.Н. Кузьмин в мае 1930 г. заявил в лекции для работников наркомпроса: «Мы говорим кулаку: будь добр, ликвидируйся как класс.

- Не хочу.
- Ликвидируем силой.
- Буду сопротивляться.
- Посадим в тюрьму.
- Буду драться.
- Убьём» (65).

Характерным выглядит эпизод с заведующим орготделом Курьинского райкома ВКП(б) и членом Запсибкрайисполкома П.И. Улитиным, который в июне 1931 г. с помощью партийных активистов с. Таловка (заместителя председателя сельсовета, парторга сельхозартели, работника МТС и др.) организовал убийство «вредного» священника А.С. Добронравова, мешавшего «мероприятиям партии и Сов. власти». Исполнитель застрелил священника за право на партийный билет и вскоре после убийства получил рекомендацию в качестве кандидата в члены компартии (66).

В феврале 1933 г. второй секретарь Запсибкрайкома ВКП(б) Л.И. Картвелишвили, выступая перед активом, обрушился на прокурора Тогучинского района, заявившего, что судебными «процессами хлеба не заготовишь». Сокрушаясь о мягкости иных судебных работников, Картвелишвили дал им недвусмысленное указание: «Бей, кроши, рви голову» (67). Эйхе активно дирижировал репрессиями в Западно-Сибирском крае, постоянно получая разрешения из центра на ту или иную карательную кампанию.

Получаемые доносы представители номенклатуры сразу передавали «по принадлежности»: так, председатель Новосибирского облисполкома

С.А. Шварц в декабре 1937 г. поручил передать в СПО УНКВД анонимное письмо «о разговорах жены директора Гутовского совхоза». Только передачей «сигналов» дело не ограничивалось. Тот же Шварц в конце октября 1937 г. сам написал Горбачу донос на начальника Нарымского окротдела НКВД С.С. Мартона, санкционировавшего назначение в состав избирательных комиссий «явно чуждых людей» и к тому же имевшего «несколько путаную биографию» — был за границей, «как попал за границу и обратно вернулся в СССР, не совсем ясно, просил бы... организовать проверку ряда мест автобиографии т. Мартона» (68). Из доноса следовало, что Мартон сначала выезжал за границу, а затем вернулся. Между тем из личного партийного дела Мартона было ясно видно, что этот венгр родился за рубежом, воевал в составе австро-венгерской армии, попал в российский плен и после революции вступил в Красную Гвардию, а затем с должности сексота начал карьеру в ЧК-НКВД (69). Два месяца спустя Мартон будет арестован.

У всех партийцев с начала 20-х годов, по деликатному замечанию профессора Академии ФСБ А.М. Плеханова, «понимание морали и норм нравственности было несколько деформировано господствующей идеологией» (70). Давая тенденциозные либо компрометирующие сведения о коллегах органам ОГПУ-НКВД, те или иные номенклатурные чиновники могли подсадить неугодного или избавиться от риска нападения с его стороны, ослабить окружение того или иного работника. Как и в 20-е годы, сотрудники политической полиции участвовали в политических интригах, принимая сторону тех или иных партийно-советских и хозяйственных руководителей, вовлекаясь в различные клановые взаимоотношения.

СЕПАРАТИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Новое качество репрессивной политики, резкий рост численности ОГПУ-НКВД означали значительное увеличение могущества и влияния «органов». Чекисты с начала 30-е годов всё активнее присутствовали на партийных форумах, и эта внешне формальная черта отражала рост их политического влияния. В 1930 г. на новосибирскую горпартконференцию было выбрано 11 сотрудников ОГПУ, включая двух работников типографии, а в 1931 г. — 14. В 1932 г. таких делегатов (с милицией) оказалось 16, в сентябре 1936 г. — 26, а в мае 1937 г. — 41 (от начальника УНКВД, его заместителя, обоих помощников до нескольких курсантов межкраевой школы). В апреле 1940 г. чекистов-делегатов на горпарткон-

ференцию оказалось избрано немногим менее, чем в разгар террора – 34 чел., и они представляли весь чекистский спектр, включая войска, Сиблаг и курсантов МКШ (71).

Аналогично обстояли дела и в соседних регионах. Осенью 1936 г. от Тобольского окротдела УНКВД по Омской области на окружную партконференцию было избрано 6 чекистов (начальник окротдела, два начальника РО, начальник транспортного оперпункта, райкомендант ОТП, начальник тюрьмы) а также начальники окружной милиции и одного из РОМ. В 1940 г. от чекистов и милиционеров было уже 16 делегатов, включая трёх работников тобольской тюрьмы (72). В том же 1940 г. от Тарского окротдела НКВД на местную партконференцию послали 17 чел., в т. ч. начальника окротдела, 8 начальников РО, старшего оперуполномоченного и следователя окротдела НКВД (73).

Чекисты часто остро критиковали партийно-советские органы за упущения и провалы. С точки зрения Заковского, в срыве намеченных планов высылки «раскулаченных» в 1930 г. были виноваты местные власти. Подчинённые Заковского тоже позволяли себе атаковать руководство за политические ошибки. Начальник Минусинского окротдела ОГПУ П.П. Соколов в апреле 1930 г. критиковал левацкие перегибы во время коллективизации в округе, а в мае указывал на «негодные способы» антирелигиозной работы, заключающиеся в закрытии церквей и снятии колоколов. Констатируя тогда же отсутствие серьёзных крестьянских выступлений, т. к. «убран с дороги кулацкий актив», Соколов отмечал некоторый рост сектантских общин, в т. ч. и за счёт жён коммунистов; однако начальник окротдела не смог предугадать, что крупные восстания крестьян в округе начнутся уже летом (74).

Рядовые сотрудники Транспортного отдела ОГПУ в начале 30-х годов нередко подменяли железнодорожную администрацию, вмешивались в техническую работу станций. Чекисты критиковали местные власти и по частным вопросам, и давали политические оценки событиям. Выступая в мае 1938 г. на Барабинской районной партконференции, замначальника ОДТО НКВД ст. Барабинск Г.М. Коган отметил: «Даже по показательному процессу диверсантов Свиридова и др. не было массовой работы, в результате на ст. Карачи имелись суждения якобы диверсант Белов осуждён неправильно... На транспорте очень сильно развито пьянство, особенно молодёжи, а комсомольская и профсоюзная организации не принимают мер к ликвидации пьянства, также в этом вопросе бездействует милиция». Чекист упомянул и неправильные расценки в депо, и указал на слабость стахановского движения (75).

О пренебрежении партийной работой в чекистской среде говорилось часто, поскольку это считалось симптомом ведомственности, отрывавшей «передовой вооружённый отряд партии» от комитетов ВКП(б). В январе 1935 г. Ежов сокрушался в связи с тем, что вместо политического воспитания работники НКВД воспитываются своим начальством в духе «чекистской дисциплины», т. е. исключительно с ведомственной точки зрения. Ягода был вынужден признать на февральско-мартовском пленуме 1937 г., что чекисты «оторвались в некоторой мере от партийных организаций» (76).

Работник СПО С.П. Попов критиковал руководство УНКВД ЗСК середины 30-х годов, которое заявляло, что оперативная работа важна не менее партийной, и отзывало сотрудников с партсобраний или кружков партучёбы на опермероприятия (77). Алтайский чекист Т.У. Баранов писал Сталину, что начальники оперсекторов в 1937–1938 гг. прямо заявляли начальникам РО НКВД, «чтобы на заседания Райкомов не ходить, а посылать работников милиции, “заседать не наше дело”. В течение десятков месяцев не приходилось даже почитать газеты, не говоря о партийной учёбе. Всё внимание было направлено на то, чтобы больше посадить». Весной 1938 г. одного из оперативников УНКВД НСО критиковали за слова: «Политикой буду заниматься тогда, когда закончу бороться с контрреволюцией» (78). Но в немалой степени это выглядело соблюдением хорошего тона, поскольку аресты и следствие действительно отнимали всё свободное время, и политическая работа, под которой понималось присутствие на партсобраниях и лекциях, неизбежно уходила на второй план, особенно в 1937–1938 гг.

О значительной самостоятельности карательного ведомства говорит то, что чекисты постоянно игнорировали или обходили решения партийных властей о запрете тем или иным провинившимся сотрудникам ОГПУ-НКВД работать в «органах». В августе 1929 г. полпредство ОГПУ заверяло Сибкрайком ВКП(б), что бывший начальник Красноярского окротдела М.М. Чунтонов будет использоваться на «неруководящей работе», в связи с чем бюро согласилось не изгонять Чунтонова из «органов». Однако уже в сентябре Чунтонова назначили начальником Сиббулона ОГПУ. Уполномоченный СПО ПП ОГПУ ЗСК К.В. Романовский в конце 1931 г. от краевой контрольной комиссии получил строгий выговор за пьянство и невыдержанность с запретом работать в ОГПУ, но остался в «системе», перейдя из СПО в Особый отдел (79).

Райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Сорокинскому району И.Н. Воронович в декабре 1933 г. за пьянство получил от Зап.-СибКК ВКП(б)

строгий выговор с предупреждением и с запрещением занимать руководящие должности, однако спокойно продолжал работу начальником райаппарата в другом районе. В ноябре 1936 г. Омский ОК ВКП(б) постановил привлечь уполномоченного Одесского РО УНКВД И.Д. Шаропова к уголовной ответственности за пьянство с растратчиком, однако тот продолжил службу, став к 1938 г. начальником Тазовского РО Ямало-Ненецкого окротдела НКВД (80).

Нередки были случаи и прямого обмана властей со стороны работников ОГПУ-НКВД. Райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Верхне-Назаровскому району А.М. Ломако в июле 1932 г. был снят полпредом за «незаконные аресты середняков и бедняков, дезинформацию полпреда и секретаря РК ВКП(б), подмену агентурной работы голым администрированием». При этом Ломако остался в системе и много лет проработал в НКВД-МГБ. Летом 1933 г. работники Сиблага утверждали, что сведения медиков о чудовишной смертности и людоедстве на о. Назино в Нарыме преувеличивались последними в «политических целях» (81).

Руководство УНКВД ЗСК открыто обманывало краевые власти, утверждая, что в начале 1936 г. прокуратура возвращала на доследование всего 5 % дел. На самом деле, за первый квартал 1936 г. прокуроры из 202 дел, возбуждённых за антисоветскую агитацию, вернули 26 % (54 дела). Всего же тогда прокуратура вернула на доследование 24,3 % всех дел, поступивших от УГБ, и прекратила 7 %, что означало совершенно неудовлетворительное следствие по каждому третьему делу (82).

Естественно, что особенно тщательно скрывались чекистами провокационные действия. Как показывал бывший начальник Барнаульского оперсектора ОГПУ И.А. Жабрев, в 1933 г. для демонстрации широкой деятельности затаившихся заговорщиков по указанию Н.Н. Алексеева готовился провокационный налёт на политотдел Калманской МТС с целью демонстрации «покушения» на его начальника К.В. Рыневича (83).

В моменты обострений политических репрессий чекисты легко игнорировали партийно-советские власти. Это хорошо видно на примере деятельности *двоек* и *троек* ОГПУ-НКВД. Рассматривавшая в середине 20-х годов дела на уголовников *двойка* ПП ОГПУ по Сибкраю состояла только из чекистов – полпреда и его заместителя. Когда Президиум ЦИК СССР 4 февраля 1930 г. санкционировал на период ликвидации «кулачества» передачу полномочий Коллегии ОГПУ в полпредства, предусматривалось, что внесудебное рассмотрение должно производиться с участием представителей от облкрайисполкомов и прокуратуры. Приказ союзного ОГПУ утверждал, что в состав *троек* включаются представи-

тели крайкомов-обкомов. Однако в Сибири *тройка* могла заседать без партийного представителя. Например, 8 марта 1930 г. особая *тройка* полпреда ОГПУ по Сибкраю в составе заместителя полпреда ОГПУ В.Н. Гарина и начальника КРО А.К. Залпетера постановила осудить за участие в «террористической организации» 70 крестьян Новосибирского округа, в т. ч. 59 – к расстрелу. На заседании *тройки* присутствовал только старший помощник Сибкрайпрокурора Старошук, который санкционировал приговор, несмотря на полное отсутствие улик. Таким образом, прокурор являлся декоративной фигурой, а реально *тройкой* руководили чекисты. В ноябре 1933 г. Прокуратура СССР сообщала ЦК ВКП(б), что *тройка* ПП ОГПУ по ДВК под председательством Т.Д. Дерибаса рассматривала дела, в т. ч. расстрельные, без участия краевой прокуратуры, при этом ряд приговоров к ВМН был вынесен необоснованно (84).

Летом 1937 г. при определении состава *троек* НКВД в них включались, помимо руководителя чекистского органа, представители партийно-советской власти и прокуратуры. Однако в состав *троек* УНКВД ВСО и Красноярского края были включены, помимо начальников УНКВД, ещё и их помощники: начальники УРКМ П.К. Грязнов и З.И. Рабинович. Нередко *тройки* 1937–1938 гг. обходились без партийного и прокурорского представителя, на их заседаниях всё решал начальник УНКВД, особенно в условиях, когда секретарём обкома становился малоизвестный в партии человек. Мало того, иногда начальник управления передоверял свои функции незначительному чиновнику НКВД. Так было в УНКВД по Куйбышевской области, где начальник управления И.П. Попашенко осенью 1937 г., несмотря на запрещение члена Политбюро А.А. Андреева, поручал заседать на *тройке* своему оперативному секретарю и заместителю облпрокурора по спецделам, не являвшимся членами *тройки* (85). В 1938 г. секретарь ЦК КП(б) Туркмении Чубин почти не присутствовал на *тройке* и подписывал протоколы задним числом, а наркомвнудел С.Ф. Монаков за апрель–август 1938 г. единолично осудил св. 4.000 чел.; тогда же в Новосибирской области начальник УНКВД И.А. Мальцев нередко единолично подписывал решения *тройки* (86).

Для чекистов районного звена ощущение себя хозяевами положения и открытое вмешательство в дела местной власти фиксируются постоянно на всём протяжении 30-х годов. В начале 1930 г. райуполномоченный Иркутского окротдела ОГПУ по Зиминскому району Семёнов на коммунистов «топал ногами, комсомольцев называл молокососами и сопляками» (87). В декабре 1931 г. председатель Павлоградского РИКа

Н. Козыбашев сообщал в ЗСКИК, что райуполномоченный ОГПУ Е. П. Заровный заносчив, заявляет, что он-де «выше исполкома» и «ребячество играть в начальника не бросил». Заровный получил выговор от крайкома, но остался верен себе. Секретарь Усть-Калманского РК ВКП(б) Гераскин в конце сентября 1936 г. жаловался в крайком и УНКВД ЗСК на крайнюю грубость недавно назначенного начальника РО НКВД Заровного и приводил его слова: «Я арестовывал секретарей райкома ВКП(б) и мне за это ничего не было». Гераскин восклицал, что такие слова не к лицу представителю НКВД: «Нас не за что арестовывать» (88).

Уполномоченный Тевризского РО ПП ОГПУ ЗСК Э. И. Бендингер в декабре 1931 г. получил адмвыговор от Заковского «за нетактичное и грубое поведение по отношению к членам бюро райкома партии», вмешательство в дела хозяйственных организаций (89). В конце 1931 г. секретарь Чаинского райкома ВКП(б) Осипов доносил Р. И. Эйхе, что в соседнем Колпашевском районе Нарымского округа начальник Отдела трудпоселений ПП ОГПУ И. И. Долгих во время инструктажа комендантов заявил: «Если вас обвинят РК ВКП(б) в правом или левом уклоне, посылайте их к ...» (90). Райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Называевскому району В. Д. Василевич в декабре 1932 г. критиковался властями района за попытки «высвободиться из-под партийного влияния». В начале 1935 г. работники УНКВД ЗСК отмечали «чрезвычайно большую натянутость» взаимоотношений Убинского РО НКВД с райкомом ВКП(б) и райисполкомом (91).

Особенно ярко проявились противоречия во взаимоотношениях властных и чекистских структур в период существования института ЗНПО по оперработе. Конфликты ЗНПО с руководством политотделов были более частым явлением, нежели столкновения начальников РО ОГПУ-НКВД с райкомами партии. Частично это можно объяснить тем, что во главе политотделов становились опытные партработники, а ЗНПО зачастую были чекистами-новичками. Но основной причиной конфликтов являлось разное понимание сути взаимоотношений чекистов и политотделов, предпосылки к чему были заложены в инструкциях, которые говорили о двойном подчинении ЗНПО: ОГПУ и политотделам.

Работавшие в качестве заместителей начальников политотделов чекисты чувствовали себя ущемлёнными по сравнению с начальниками РО ОГПУ, пользовавшимися большей свободой, и крайне враждебно реагировали на попытки начальников политотделов быть политическими руководителями и направлять деятельность чекистов. В свою очередь, политотделы старались контролировать не только политическую,

но и специальную работу чекистов, хотя инструкции предусматривали оперативную самостоятельность «вторых заместителей». Аппараты политотделов были минимальны, и стремление их начальников располагать чекистом как дополнительным партийно-политическим работником провоцировало постоянные стычки. В свою очередь, демонстрация независимости со стороны оперработников, организуемая ими слежка за начальниками и специалистами, а также «недостаточный» размах арестов вызывали многочисленные претензии у партработников.

Начальники политотделов желали выглядеть святее папы римского и постоянно обвиняли чекистов в слабой борьбе с классовыми врагами. О ЗНПО Зырянской МТС Е. И. Шашкове в мае 1934 г. секретарь РК ВКП(б) и начальник политотдела МТС говорили, что он «крайне слаб как практический оперативный работник». Начальник политотдела Алексеевской МТС Мошковского района ЗСК в октябре 1934 г. сообщал краевым властям о пассивности ЗНПО И. П. Прахова, который большей частью сидел дома. Начальник политотдела Шарчинской МТС Ребрихинского района в ноябре 1934 г. сообщал, что чекист А. И. Овчин никаких результатов в работе не показал и «12 чел. осуждены за хищения хлеба, саботаж, падёж свиней по материалам самого начальника политотдела». В январе 1935 начальник политотдела Комарихинской МТС Покровского района Д. Ласкин жаловался в УНКВД на леность ЗНПО Н. М. Куртукова, якобы совсем прекратившего работу «по специальности» (92).

Сплошь и рядом начальник политотдела не только яростно обвинял своего зама по оперработе в недостаточной разворотливости или нежелании как следует бороться с врагами, но и норовил вмешаться в его специфические функции. Обычно в таких конфликтах руководитель политотдела оказывался сильнее своего заместителя, которому плохо помогали жалобы чекистскому начальству.

Начальник политотдела Ильинской МТС Хабаровского района А. С. Зубарев в своём «втором заместителе» С. М. Ермишкине видел просто политотдельца и загружал его хозяйственной и пропагандистской работой. В июле 1933 г. Ермишкина послали в Омск принимать комбайны, а затем обязали читать лекции (22 часа) для трактористов. Ещё Ермишкин должен был выезжать в 9 колхозов – на два дня в каждый. Начальник политотдела начал обвинять своего заместителя в защите кулаков и скрытии кулацкого происхождения (Ермишкин, оформивший весной 1934 дело на 7 участников «хищнической группы»), был против незаконного решения Зубарёва о выселении всех единоличников из колхоза), а также заявил ему, что он, Зубарев, «руководит всем», и ЗНПО обязан даже

в агентурно-оперативной работе действовать исключительно по его указаниям. В результате интриг Зубарева Ермишкин был осуждён за скрытие происхождения. Начальник политотдела Сросткинской МТС И. С. Крылов, встретив на улице ЗНПО П. С. Голдырева, в присутствии секретаря райкома ВКП(б) накричал на оперативника: «Ты когда будешь работать! Кругом контрреволюция, ты никого не садишь! Не хочешь работать? Иди к ... матери из МТС!» (93).

Политотделы иногда инициировали уголовные дела против чекистов. Так, ЗНПО Чебаклинского мясосовхоза № 155 П. Ф. Погуляев обвинялся в клевете против начальника политотдела Шальмана: якобы при участии чекиста в марте 1936 г. в газете «Колхозный путь» была напечатана статья «Чебаклинский инквизитор» о систематических избиениях Шальманом жены и подчинённых. В итоге Погуляев был оправдан (94).

Случалось, что политотдельские конфликты осложнялись вмешательством районных властей. Козлом отпущения в политической интриге местного значения стал чекист А. Г. Сектарёв из Шипуновской МТС. Решением бюро Запсибкрайкома ВКП(б) он был снят за затяжку ареста группы кулаков в колхозе «Красный борец» (с. Начинаево), где еще в 1931 г. ОГПУ «разоблачило» контрреволюционную повстанческую группу «Проснись, Украина!» Уполномоченный ЦК ВКП(б) Б. Е. Трейвас, обследовавший положение дел в Шипуновском районе, прямо обвинил Сектарёва в том, что тот ничего не сделал для уничтожения поднявших голову остатков этой мифической «организации». Особенно взбесило руководство райкома ВКП(б) выступление Сектарёва на совещании работников политотдела, где он заявил, что в колхозах, обслуживаемых МТС, нет кулаков. За явный оппортунизм его потребовали исключить из партии как «переродившегося», так что Эйхе пришлось успокаивать секретаря райкома и напоминать ему, что крайком здесь ограничился постановлением переместить проштрафившегося ЗНПО на менее ответственную работу.

Но хватало и противоположных примеров – так, ЗНПО Кипринской МТС Тюменцевского района А. П. Черемшанцев на просьбу исполнявшего обязанности начальника политотдела Л. Д. Шайды прийти к нему (в связи со случившимся убийством колхозника) ответил матерной бранью, подытожив ее словами: «И пусть больше ко мне не вязнет!». Естественно, марксистско-ленинской учёбы колхозников Черемшанцев не проводил ни разу... С. В. Юрин из Шарчинской МТС Ребрихинского района ЗСК в апреле 1934 г. заявил начальнику политотдела Воронцову, что «совершенно не считает нужным считаться» с его предложениями.

Юрин не информировал Воронцова о работе, не сообщал сведений о настроениях населения, из-за занятости по службе категорически отказывался от партийной работы (95).

В феврале 1934 г. начальник политотдела Топчихинской МТС ЗСК указывал, что его заместитель «оторван от всей работы политотдела» и большая часть его времени «уходит на составление всякого рода сводок и докладов, которые он никому не даёт читать» (96). Были жалобы политотделов и на райотделы НКВД. В октябре 1934 г. начальник политотдела Троицкой МТС Ижморского района ЗСК жаловался политсектору МТС на начальника РО НКВД И. А. Вихрянова, не помогавшего политотделу в разоблачении вредителей, и просил помощи в урегулировании отношений между политотделом и РО НКВД (97).

Нередко руководители политотделов прямо обвиняли своих «вторых заместителей» в перегибах, допущенных при чистке колхозов. Начальник политотдела Кимильтейской МТС ВСК Смирнов в докладной записке в политсектор МТС сообщал, что его заместитель-чекист М. А. Белопицкий неправильно проводил чистку в колхозах, отказался не только проверить собранные материалы вместе с начальником политотдела, но и согласовывать свои действия с прокурором (98).

Чекисты постоянно «разрабатывали» партийно-советское начальство, вскрывая как должностные злоупотребления вкупе с неприглядным поведением, так и политические промахи. Факты пьянства председателя Зырянского РИКа ЗСК местный райаппарат ОГПУ в 1931–1932 гг. аккуратно отражал в своих информационных сводках. По сведениям чекиста М. Б. Юлина, в 1933 г. на руководство Павловского района ЗСК была заведена агразработка «характера снабженческого с различными махинациями» (99).

В апреле 1934 г. ЗНПО по оперработе Курьинской МТС Покровского района ЗСК П. А. Костенко был обвинён в том, что организовал слежку за ЗНПО МТС Глазановым, сдерживал (под видом возможности срыва агентурной разработки) попытки политотдела «самостоятельно вскрыть безобразия в отдельных колхозах и разоблачить их виновников». Начальник политотдела просил снять чекиста с работы и привлечь к партийной ответственности, но без успеха. В сентябре 1934 г. бюро Купинского райкома ВКП(б) отметило «исключительно антипартийный поступок» И. У. Абрамовича, «который, объективно пойдя по поводу слухов и клеветы обывательско-мещанских элементов», установил слежку за квартирами секретаря райкома, председателя райисполкома и начальника политотдела МТС с целью выявления фактов пьянства с их стороны.

Бюро заявило, что начальник райотдела неправильно информировал своё начальство и попросило Н.Н. Алексеева «разъяснить тов. Абрамовичу объекты слежки». Десять дней спустя начальник УНКВД ЗСК сообщил Эйхе, что все сообщения о скандальном поведении районного начальства подтвердились, а данных «о слежке со стороны Абрамович[а] не имею» (100). Чекиста со временем просто перевели в другой райотдел.

Чекисты очень легко отдавали приказы об аресте хозяйственных руководителей. Начальник ОДТО ОГПУ ст. Красноярск С.И. Родионов в 1929 г., узнав, что на пристани лежит ничем не закрытый хлеб, велел арестовать управляющего Госпароходством, а когда сгорела баржа, тут же распорядился об аресте начальника Суднадзора. Для тех времён характерно, что данные указания исполнены не были (101).

Для чекистов было нормой то и дело нарушать принцип неприкосновенности партийцев, которые подлежали арестам только с санкции партийных комитетов. Так, бюро Новосибирского горкома ВКП(б) 28 декабря 1931 г. отметило «грубейшую политическую ошибку, допущенную оперпостом Транспортного отдела ОГПУ ст. Новосибирск-1 фактом необоснованного ареста и держания под стражей специалиста-коммуниста тов. Белявских», постановив просить городскую контрольную комиссию «привлечь конкретных виновников к суровой партийной ответственности» (102).

В 1931 г. за несогласованный арест члена РИКа был снят с работы и исключён из партии райуполномоченный ОГПУ по Северо-Крутинскому району ЗСК М.П. Соколов, сам бывший партработник, позднее восстановленный и в членах ВКП(б), и на службе в ОГПУ. Уполномоченный Хакасского облотдела ОГПУ Дворников в январе 1932 г. был арестован на семь суток за незаконное задержание помощника хакасского облпрокурора и дискредитацию «органов». Выводов Дворников не сделал, так что три месяца спустя за незаконный арест гражданина Стрелкова его подвергли уже 10-суточному административному аресту. В начале 1935 г. начальник ОДТО НКВД ст. Тайга В.Н. Харченко по приказу начальника ДТО НКВД А.М. Грицюка без санкции прокурора арестовал по ст. 58-10 коммуниста Бокова, члена горсовета. За арест без санкции пятерых коммунистов 26 апреля 1937 г. на ст. Рубцовка постановлением крайкома и распоряжением УНКВД ЗСК были строго наказаны работники оперпункта НКВД (103).

Незаконные задержания коммунистов, бывшие частым явлением, наказывались обычно не очень строго, поэтому работники «органов» не унимались. Ситуация была патовой: парткомы старались поставить госбезопасность на место, но чекисты тем не менее то и дело самовольно

арестовывали руководящих работников и специалистов по обвинению как в политических, так и должностных преступлениях.

Соблазн сфабриковать дело на районных партработников был для иных чекистов непреодолим, но до 1937 г. партийные власти были в состоянии пресекать подобные вольности. Уполномоченный Сунгарского РО НКВД Якутской АССР Н.Н. Кривошапкин в марте 1935 г. получил строгий партвыговор за дезинформацию о якобы существовавшей в районе антисоветской террористической группе, включавшей в себя «ряд ответственных товарищей» (104).

В свою очередь, хватало и «партийных» доносов на самих чекистов. Райкомы проявляли повышенную бдительность к социальному прошлому чекистов, их нелояльным или неосторожным высказываниям, критиковали за слабую борьбу с «врагами». Контролировалась и личная жизнь чекистов: так, в 1932 г. Пospelихинская райКК ВКП(б) ЗСК дала работнику ОГПУ П.Н. Букрееву выговор за «несамостоятельность в устройстве семейной жизни» (105). Особенно активно преследовались чекисты в период партийных чисток 1933–1936 гг., когда местные власти усиленно отыскивали компрометирующие факты их биографий.

Малейшие сомнения в благонадёжности чекистов вызывали острую реакцию властей. Руководство Черно-Курьинского (Карасукского) района в конце 1931 г. выдавило врид райуполномоченного ОГПУ С.В. Бакланова, только что награждённого Заковским именными часами за ликвидацию «повстанческих формирований». В октябре 1931 г. райкомом ВКП(б) он был выведен из членов бюро за то, что не принял мер к имевшему родственников-«кулаков» уполномоченному А.А. Поливко. Бакланова наказали, указав при этом, что он ранее «вёл активную борьбу с кулачеством». Таким образом, власти давали понять, что прежние заслуги не могут защитить допустившего политическую ошибку оперработника. Поливко же был отстранён от должности не только за связь с «кулаками», но и за угрозу наганом активисту Мочёному «за его конспиративную работу». Полтора месяца спустя райком жаловался в крайком партии на то, что Поливко до сих пор работает и «его присутствие отражается на работе» райаппарата ОГПУ. Оба чекиста в итоге были вынуждены покинуть негостеприимный район (106).

Исключённый из партии за связь с тестем-«троцкистом» по инициативе начальника РО НКВД Ф.Д. Бойтмана председатель Юргинского РИКа В.В. Иевлев в апреле 1937 г. сообщал Эйхе, что сам Бойтман – не образцовый чекист: за два последних года чекисты вскрыли в районе, где находятся целых два отделения Сиблага, «только 1 контрреволюционную группу, а за другую было вскрытую... они получили сами арест,

а людей, ими арестованных... продержав под арестом долгое время, отпустили, причём их аппарат был крепко засорен» (107).

Местные власти, как и в 20-е годы, были поражены клановыми конфликтами, свидетельством чего являются дела о различных «антипартийных группировках», инициируемые партийными комитетами. Райуполномоченный по Рыбинскому району Омского оперсектора ОГПУ Т.Н. Тишов в январе 1933 г. был изгнан из ВКП(б) за исключение колхозников в адмпорядке из колхоза и создание «антипартийной группы». Только в декабре 1934 г. он был восстановлен в партии, т. к. на деле никакой антипартийной группы не существовало. Работник Краснозёрского райаппарата ПП ОГПУ ЗСК М.С. Липовой 26 июня 1933 г. от Зап.-Сиб. крайКК ВКП(б) получил строгий выговор с предупреждением за принадлежность к «антипартийной группе», участвовавшей в слежке за районным руководством с целью его дискредитации. Сотрудник особотдела НКВД ВСВО 76-го разъезда части №2905 Оловянинского района ВСК И.А. Волошин в ноябре 1935 г. был исключён райкомом из партии за «участие в антипартийной группировке» и «подрыв НКВД», но впоследствии вернулся в партию и НКВД (108).

Попытки чекистов участвовать в различных склоках и интригах райкомы старались пресекать. Начальник Чурапчинского РО УНКВД по ЯАССР П.Н. Черемичын в июле 1935 г. получил строгий партвыговор за склоку с властями района и допущение развала в аппарате милиции. Коченёвский райком ВКП(б) ЗСК в сентябре 1936 г. постановил снять с работы в НКВД коменданта «Заготзерно» Козеркина – за склоку, «систематическую вредную придирку» к заведующему пунктом «Заготзерно» и «вовлечение беспартийных специалистов в группировку». Однако Козеркин остался на службе, и бюро райкома в марте 1937 г. вторично обращалось в НКВД с просьбой уволить коменданта за пьянство, побои и «разложение» (109). Чаще всего в случае конфликтных ситуаций провинившегося чекиста перебрасывали в другой район со взысканием за несработанность с местными властями.

В ГОДЫ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Позиции первых лиц регионов в руководстве политическими кампаниями были неоспоримыми до 1937 г. В начале 30-х годов бюро Запсибкрайкома вынуждало полпреда ОГПУ Н.Н. Алексеева согласовывать оперативные мероприятия с Р.И. Эйхе, который явно стремился быть главным чекистом края. В декабре 1933 г. Алексеев писал секретарю крайкома:

«Роберт Индрикович! Направляю тебе справку о троцкистской группе в кооперативном институте. Прошу указаний как с ними быть». Идеологом чекистского дела Эйхе был авторитетным. Соответственно, персона первого секретаря являлась предметом особого внимания. В 1935 г. новосибирские сотрудники ЭКО УНКВД отмечали, что бытовое обслуживание секретаря крайкома совершенно неудовлетворительное: в столовой для руководящих работников царил антисанитария, а окна столовой «расположены низко над землёй и были случаи заглядывания в окна, когда там обедал... т. Эйхе».

О значении Эйхе наглядно говорит тот факт, что, как минимум, с 1934 г. новосибирские чекисты постоянно фабриковали дела на «террористов», желавших убить секретаря крайкома. С.П. Попов показывал, что замначальника УНКВД А.К. Залпегер примерно в 1936 г. велел ему и К.К. Пастаногову вписать в протокол допроса хозяйственника (бывшего чекиста и сексота) И.Н. Ходорозе сведения о якобы готовившемся его «группой» теракте над секретарём крайкома Эйхе. В 1936–1937 гг. все начальники УНКВД ЗСК давали подчинённым установки допрашивать «троцкистов» и «военных заговорщиков» с прицелом выяснения подготовки терактов над Эйхе (110).

Эйхе самым активным образом направлял репрессии, и один из руководителей СПО С.П. Попов показывал, что протоколы основных арестованных высылались в НКВД СССР только после того как их просматривал Эйхе. Также Попов в своих показаниях на следствии приводил колоритный эпизод с реакцией партийной верхушки на показания одного из коллег, члена бюро Запсибкрайкома Е.В. Фомина. Последнего допрашивало непосредственно руководство УНКВД: например, 29 мая 1937 г. из него вымогали показания С.Н. Миронов, Г.Ф. Горбач и С.П. Попов. Они «дожали» Фомина, и он признался в заговорщицкой деятельности. Получив этот протокол допроса, секретари крайкома Р.И. Эйхе и В.П. Шубриков явились в управление НКВД для передопроса арестованного. Они пытались получить от Фомина заверения в том, что он придумал своё участие в контрреволюционной организации, однако сломанный и запуганный чекистами Фомин упорно повторял, что виновен, и руководители крайкома в крайнем гневе покинули УНКВД. После одного из докладов Миронова разгневанный Эйхе выставил его из кабинета и угрожал жаловаться Ежову (111).

В свою очередь, в июле 1937 г. Миронов пожаловался Ежову на Эйхе, который вмешивался в дела НКВД, приходил в управление и присутствовал на допросах (аналогично Эйхе поступал и позднее, когда Миро-

нова сменил Горбач). При этом Эйхе давал прямые указания начальникам горотделов НКВД арестовывать коммунистов, хотя в большинстве случаев оснований, по мнению Миронова, для этого не было. Ежов указал, что за партийную организацию отвечает именно Эйхе, поэтому обострять отношения с ним не следует. Таким образом, фабрикация дел по право-троцкистскому заговору, возможно, была в немалой степени инициативой Эйхе, хотя при этом он энергично защищал своих ставленников от арестов и даже, по словам С.П. Попова, добился отстранения Попова, у которого «все признавались», от ведения дел по некоторым важным арестованным (112).

Возможно, Эйхе перенаправлял удар на периферийных коммунистов, надеясь тем самым спасти своё окружение в крайкоме, однако контролировать ситуацию был не в состоянии. В результате натиска Миронова, ободрённого в начале весны 1937 г. Ежовым, за июль и август было арестовано немало крупных чиновников, очень тесно связанных с Эйхе. Возможно, поэтому при отъезде в середине августа 1937 г. Миронова, откомандированного полпредом в МНР, Эйхе, чьё положение было сильно поколеблено арестами членов бюро крайкома, согласно воспоминаниям жены Миронова, держался с ней подобострастно и всё время повторял, что у него с начальником УНКВД, убывавшим на более высокую должность, сложились прекрасные отношения (113).

После первого тура репрессий, обрушившихся на руководство регионов в середине 1937 г., новые первые секретари уже по-другому относились к начальникам УНКВД, признавая их особое положение. Политика чистки воспринималась всеми секретарями обкомов и крайкомов как важнейшее государственное мероприятие, проводимое «органами» с санкции Сталина. В годы «Большого террора» голос НКВД в регионах был решающим при выборе партийных руководителей; естественно, что при этом Сталин продолжал полностью контролировать свою тайную полицию (114). Вряд ли прав А.Ю. Ватлин, когда утверждает, что Сталин в 1937–1938 гг. хотел увидеть, на что способны чекисты ради выполнения его приказа, а «проверив, в очередной раз ужаснулся». Сталин хорошо знал, на что они способны и, будучи сам чекистом по психологии, совершенно не ужасался «перегибам», которые в его системе управления являлись правилом. Вдова С.Н. Миронова запомнила рассказ М.П. Фриновского о том, как тот однажды осмелился спросить у Сталина: «Не слишком ли много крови?», на что вождь усмехнулся: «Ничего, партия всё возьмёт на себя» (115). Фраза означала, конечно, что именно Сталин отвечает за террор и его последствия. Но в ней не прозвучало, что в ко-

нечном итоге ответственность за кровь понесут чекисты и руководящие местные партработники, вскоре обвинённые в «перегибах».

Истребление враждебных элементов, как и в прежние годы, шло с полной поддержкой партийной власти. Многие секретари райкомов проявляли инициативу в разоблачении «врагов», нередко резко критиковали местные органы НКВД за медлительность и связи с «врагами». В сентябре 1937 г. секретарь Залесовского райкома ВКП(б) В.Ф. Бушманов писал Эйхе о начальнике РО НКВД Е.М. Долматове: «...Прошу указать соответствующим работникам о немедленной замене Долматова с тем, чтобы с ним рассчитаться как с врагом народа. Пленум РК ВКП(б) начальника РО НКВД Долматова за пособничество врагам народа вывел из состава пленума и поручил бюро рассмотреть вопрос о его партийности, но сейчас исключить мы его не можем, потому что в камере предварительного заключения сидит много врагов народа, дело по которым не закончено». Начальник Тисульского РО УНКВД НСО К.И. Макаренко был арестован весной 1938 г. после сигналов секретаря райкома о связях чекиста с врагами народа (116).

Часто случалось, что подготовленные партийными органами статьи в газетах провоцировали аресты людей, на которых не было обвинительных материалов. Начальник Томского ГО НКВД И.В. Овчинников сокрушался, прочитав летом 1937 г. статью в «Советской Сибири» с разоблачением секретаря горкома ВЛКСМ Р.Я. Спрингиса: «В какое, подумайте только, положение был поставлен я и ГО НКВД. Краевая газета утверждает, что Спрингис враг народа, а он работает и возглавляет 7000 комсомольцев, и в ГО НКВД никаких на него материалов» (117).

Однако в самом начале «массовых операций» произошёл беспрецедентный, вероятно, эпизод, связанный с попыткой оспорить партийную стратегию на развязывание массового террора. Это случай с первым секретарём Назаровского райкома ВКП(б) Красноярского края А.Г. Башаровым, который, получив в начале июля 1937 г. от секретаря крайкома П.Д. Акулинушкина директиву «об оказании помощи органам НКВД в изъятии контрреволюционных, уголовных и кулацких элементов, взял эту директиву под сомнение и выехал за разъяснением в Западно-Сибирский крайком ВКП(б)».

Башаров верил, что только Эйхе, бывший руководитель общесибирской партийной организации и самый высокопоставленный коммунист Сибири, сможет объяснить растерянному аппаратчику, что же происходит в стране. Но даже секретарю райкома без предварительной договорённости оказалось невозможно попасть в главный штаб ВКП(б) Запад-

ной Сибири. Башаров, чтобы облегчить себе получение пропуска в здание, «отрекомендовал себя представителем ЦК ВКП(б) и, так как не сумел подтвердить это документами, был арестован и направлен в сопровождении работника НКВД в Красноярск по месту работы. В пути следования Башаров выскочил в окно поезда, получил сильные ушибы и был опять задержан. По приезде в Красноярск Башаров дважды пытался покончить жизнь самоубийством. С 10.VII. – 1937 г. по 25.VI. – 1939 г. Башаров находился в психиатрической больнице (в г.г. Красноярске, Москве, Харькове) и с 25.VII. – 1939 г. находится на пенсии». Таким образом, лишь психическое расстройство спасло Башарову жизнь (118).

Между тем секретарь Запсибкрайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе очень активно вёл себя на заседаниях *тройки*, а также постоянно присутствовал на допросах. Оперативник КРО С.Я. Труш в кабинете начальника УНКВД Г.Ф. Горбача присутствовал при эпизоде, когда хозяин кабинета «в присутствии сидевшего у него Эйхе и меня рукой ударил арестованного» (119). Вероятно, Эйхе знал о разрешении Политбюро пытаться подследственных. Документ, в котором члены Политбюро санкционировали применение физического воздействия к арестованным, до сих пор не обнаружен. Вероятнее всего, он появился не позднее лета 1937 г. и был подписан членами «пятерки» Политбюро. В проекте приказа о наказаниях «перестаравшихся» чекистов Ежов в феврале 1938 г. отметил «неоднократные (курсив наш – А. Т.) указания ЦК ВКП(б) о том, что бить врага можно». На следствии Ежов показал, что вопрос о применении пыток к Тухачевскому рассматривался у Сталина, причём Вышинский настаивал на избиениях, а Сталин сказал, что маршала «надо заставить сказать всё» (120).

Известно, что часть резолюций Сталина прямо приказывала бить арестованных, например: «Избить Уншлихта за то, что он не выдал агентов Польши по областям (Оренбург, Новосибирск и т. п.)». Другая запись относилась к 13 марта 1938 г. – дню вынесения приговора в отношении фигурантов бухаринского процесса – и касалась новых жертв: «1) Бить во всю Рябинина, почему не выдал Варейкиса. 2) Нажать на Паскуцкого о выдаче левозсеровской группы...». К сентябрю 1938 г. относится сталинское указание «избить Вальтера» (121). Можно только догадываться, сколько было подобных устных указаний во время постоянных встреч диктатора с Ежовым.

В условиях массовых арестов в номенклатурной и чекистской среде первые лица местной власти позволяли себе очень откровенные высказывания. 1-й секретарь Харьковского обкома партии и кандидат в члены

политбюро ЦК КП(б)У А.В. Осипов на одном из оперативных совещаний в УНКВД заявил: «Лучше хорошо побить врага и отвечать за то, что бил, чем не трогать и за это нести ответственность перед партией». Секретарь ЦК компартии Грузии Л.П. Берия приказывал бить арестованных, избивал лично и являлся фактическим руководителем следствия по многим делам. Его резолюции были столь же откровенны, как и сталинские: «крепко излупить», «крепко размотать», «взять в работу», «надо разложить» и пр. (122).

В ситуации, когда в состав *тройки* входил могущественный местный руководитель, вроде кандидата в члены Политбюро Эйхе, у него была возможность влиять на выносимые решения. Нередко в регионах слаженно работал тандем начальника НКВД и первого секретаря комитета ВКП(б), который решал все основные вопросы, в т. ч. карательные. И если в Политбюро существовала руководящая «пятерка», то на местах нередко ограничивались «двойкой». В 1937–1938 гг. после разгрома кадров в Белоруссии все вопросы решались не на бюро ЦК, а первым секретарём республиканского ЦК А.А. Волковым и наркомом внутренних дел Б.Д. Берманом (123). Аналогичная ситуация наблюдалась в Западной Сибири: секретарь Новосибирского обкома И.И. Алексеев сообщал в Москву, что из всех членов бюро остался не скомпрометированным только начальник УНКВД Горбач. Алексеев активно поддерживал карательные усилия Горбача и Мальцева, но те собирали материал и на первого секретаря: известно, что в 1938 г. сотрудники УНКВД выпытывали у работников Черепановского зерносовхоза показания о «вражеской деятельности» И.И. Алексеева (124).

Как показывал один из чекистов, секретарь Ойротского обкома ВКП(б) Юфит в 1937 г. «перешёл на квартиру в дом облуправления НКВД и был под полным влиянием [начальника облНКВД М.М.] Жигунова». Похожие руководящие «двойки» организовывались на районном уровне. В конце 1939 г. работники УГБ УНКВД по Алткраю отмечали, что начальник Бийского РО НКВД Меринов и секретарь Бийского райкома партии Антонов «задавали тон на избиение коммунистов» (125). В ноябре 1937 г. в молмясосовхозе Исилькульского района Омской области по настоянию секретаря райкома ВКП(б) Бабушкина было арестовано 15 чел., в т. ч. 9 коммунистов, которым было предъявлено обвинение во вредительстве и контрреволюции (126).

При решении судебных коммунистов бюро обкома (крайкома) обычно выступало в качестве статиста. После ареста начальника УНКВД по Краснодарскому краю И.П. Малкина один из членов бюро крайкома заявил:

«Малкин – это было всё, вершитель судеб, и мы не находили мужества возражать – Малкин сказал “у меня есть материалы на коммуниста, надо исключать...” – и мы исключали. Материалы эти члены бюро крайкома не знали». Тем не менее, партийные власти даже в разгар террора предпринимали осторожные попытки противодействия видным чекистам, обычно находя для этого сугубо формальные поводы. Например, летом 1938 г. в состав Краснодарского горкома ВКП(б) не был избран заместитель начальника УНКВД М.Г. Сербинов. Городские власти так выразили своё несогласие с массовыми арестами номенклатуры, но с формальной точки зрения дали отвод Сербинову из-за его проживания в детстве на территории Польши. Показательно, что факт отклонения кандидатуры чекиста был изъят из стенограммы партконференции.

Сибирские Книги памяти говорят о том, что репрессии больше затронули номенклатуру областного уровня, тогда как секретарей райкомов было осуждено не так много и значительной части чиновников, в отличие от «кулаков» или «инонационалов», удалось добиться скорой реабилитации. По омской Книге памяти проходят только 9 репрессированных секретарей райкомов, из которых 8 оказались освобождены после окончания террора. В Алтайском крае, где было вдвое больше районов, репрессиям подверглись 17 первых секретарей райкомов, из которых 11 – расстреляны, а 6 – освобождены в 1939 г. В связи с этим совершенно не находит подтверждения мнение И.В. Павловой о репрессировании в 1937–1938 гг. 500 тыс. работников партийно-государственного аппарата и расстреле большей их части (127).

Чекисты в годы «Большого террора» оказывали сильное давление на номенклатуру, заставляя партработников заниматься оперативной работой, включая участие в расстрелах. Заведующий парткабинетом Асиновского РК ВКП(б) П.Г. Картавый в июне 1937 г. был направлен райкомом «на оперативную работу по изъятию врагов народа из Зимовского сельсовета», но не выполнил плана, намеченного чекистами: «дал возможность сообщить бандиту о предстоящем аресте» и тот сбежал. За это Картавого сняли с должности и наказали в партийном порядке. В 1937–1938 гг. работники Кемеровского ГО НКВД Н.А. Белобородов и другие привлекли к следствию ряд партийных работников, вынуждая их как давать ложные показания на арестованных, так и сочинять признательные протоколы допросов и подделывать подписи упорствовавших арестованных (128).

Участие в расстрелах «врагов» воспринималось коммунистами как необходимая помощь работникам НКВД. Руководители региональных

парторганизаций считали истребление врагов важнейшей частью своей политической работы. 1-й секретарь Ивановского обкома ВКП(б) В.Я. Симочкин в 1937 г. «в качестве добровольца присутствовал на всех расстрелах партийных работников» (129). Когда состава местного органа НКВД, включая милицию и фельдъегерей, было недостаточно для организации расстрелов, партийные органы шли навстречу, привлекая к казням собственные кадры. 22 апреля 1938 г. начальник следственной тюрьмы УНКВД по Омской области М.Г. Конычев и начальник Тобольского окротдела НКВД А.М. Петров подписали «Акт обследования работы Тобольского окротдела НКВД по приведению приговоров к ВМН», где, в частности, предписывалось: «Прекратить приглашать для приведения приговоров товарищей из партактива и не осведомлять об этой работе лиц – не сотрудников НКВД» (130).

Разрешение на массовые аресты номенклатуры вызвали у чекистов головокружение от успехов и открыто пренебрежительное отношение к партийно-советским руководителям (подробнее см. 5-ю главу). Реальная власть НКВД была очень внятно обозначена в выступлении на пленуме Омского обкома ВКП(б) начальника УНКВД К.Н. Валухина, заявившего в октябре 1937 г., что в тюрьме «представлен солидно обком числом арестованных, областной исполком... в полном составе, с президиумом и отделами». Оперработник Завьяловского РО УНКВД по Алтаю И.Д. Донов называл членов бюро РК ВКП(б) дураками и требовал арестов коммунистов района (131).

Н.С. Хрущёв вспоминал: «Партийные органы были совершенно сведены на нет. Руководство было парализовано, никого нельзя было выдвинуть без апробации со стороны НКВД. Если НКВД давал положительную оценку тому или другому человеку, который намечался к выдвижению, только тот и выдвигался». На заседании Военного совета при наркомате обороны в конце ноября 1938 г. командир авиабригады Ерёмин заметил, что командиров полков по существу назначает Особый отдел. В ответ на вопросительную реплику начальника Политуправления РККА Л.З. Мехлиса комбриг пояснил: «Материалы на командиров сосредоточены в Особом отделе, он выдвигает кандидатуру, а мы их представляем на утверждение. Рассмотрение списков сомнительных производилось в корпусе и у комиссара, а меня не пригласили (говорят, что такая установка была сверху). Считаю это неправильным, так как деловую характеристику должен давать командир» (132).

Чекисты внимательно отслеживали свидетельства недовольства номенклатуры выдвижением кадров НКВД на партийных форумах. А оно,

хотя бы скромное и анонимное, наблюдалось повсеместно. В октябре 1937 г., баллотировавшись в члены бюро Новосибирского обкома ВКП(б), начальник УНКВД Горбач получил 34 голоса «за» и два – «против». Чекистский гонор (133) был сбит только последовавшими в конце 1938–1939 г. массовыми арестами региональных руководителей НКВД и заменой их большим количеством выходцев из новой партийной номенклатуры.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ ПАРТИЙНОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ

В последние недели своей работы в НКВД Г.Г. Ягода принял немало-важное решение, отстранявшее партийные власти от контроля за чекистским пополнением. Согласно циркуляру ГУГБ НКВД СССР от 27 июля 1936 г., приём в органы госбезопасности осуществлялся минуя проверку и утверждение в партийных органах. Фактически это правило действовало и при Ежове. До 1937 г. начальники горрайотделов и руководящие работники УНКВД ЗСК утверждались крайкомом, после чего последовал перерыв до осени 1938 г., когда «органы» не советовались с партийной верхушкой относительно своих кадровых назначений.

Но постановлением Политбюро ЦК от 20 сентября 1938 г. утверждению Центральным Комитетом подлежали все руководящие работники местных управлений НКВД, включая начальников городских и районных отделов. При этом учёт, проверку и утверждение в ЦК ВКП(б) чекистов предполагалось произвести в первую очередь, и на это отводился месяц (134).

Следует отметить, что чекисты сопротивлялись этому решению, из-за чего спецпроверка серьёзно затянулась. О том, что новые директивы, восстанавливавшие местный партийный контроль над чекистами и прекращавшие «массовые операции», встретили недовольство, говорит тот факт, что замначальника УНКВД по Омской области А.С. Рассказчиков после зачитывания в УНКВД постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1938 г. запретил оперработникам обсуждение этого документа (135). В январе 1939 г. первый секретарь Алткрайкома ВКП(б) Л.Н. Гусев докладывал в ЦК, что при выполнении постановления ЦК ВКП(б) о проверке и утверждении кадров НКВД крайком «встретил явное сопротивление и саботаж» со стороны бывшего начальника УНКВД С.П. Попова и начальника Отдела кадров А.Т. Степанова. Согласно телеграмме ЦК, начальник УНКВД был обязан представить список всех работников, вклю-

чаемых в номенклатуру крайкома и ЦК, по состоянию на 14 ноября 1938 г.

Гусев сообщал: «Крайком этот список получил только при нажиме, к тому же не полный, так как в ряде районов начальников не значилось, но крайком ВКП(б) знал, что начальники в этих районах имеются. По требованию крайкома ВКП(б) учётные материалы на этих начальников были получены. Работники эти не показывались потому, что они не внушали политического доверия, а вражескому руководству было невыгодно, чтобы крайком о них знал». Вместо личных дел спецпроверки крайкому «предлагали справки отдела кадров о спецпроверке», а дела, «прежде чем представить в крайком, подвергались тщательной обработке. На это был мобилизован буквально весь аппарат отдела кадров с заданием врага народа Попова “все компрометирующие материалы из дела изъять”. Поповым «было дано категорическое запрещение работникам УНКВД сигнализировать о чём бы то ни было в партийные органы» (136). Проверка алтайских чекистов, перешедшая в чистку, сильно затянулась, закончившись лишь к концу года.

Секретарь Алткрайкома Морщинин в середине октября 1939 г. сообщил в Москву, что из чекистов номенклатуры ЦК подлежало проверке 15 ответработников краевого аппарата и 64 начальника райотделов НКВД. Из начсостава УНКВД было утверждено лишь четыре человека. Была сменена почти половина начальников РО НКВД – 30 чел. (23 из них были выдвинуты из оперсостава, а 7 – из партактива). Всего было проверено 140 оперработников, из них утверждены 112, в том числе 8 начальников отделов. Уволили 28 чел., или 20 %: как не внушающих политического и делового доверия – 22 чел., за бытовое разложение и систематическое пьянство – 6 чел. (137).

О том, как в тот период вели себя в самых высоких кабинетах даже рядовые чекисты, говорит следующий эпизод. Молодой чекист П.П. Алмазов, преследовавшийся за «подхалимство» к прежнему начальству, в апреле 1939 г. явился к секретарю Алткрайкома ВКП(б) Андриенко и «выбросил ему свой партбилет... ничего не говорил, лёг на диван, имея при себе оружие, вынул [его] из кобуры и после того, когда тов. Андриенко предложил сдать оружие, Алмазов положил [его] на стол» (138).

После урезания своих прав одновременно с окончанием «Большого террора» чекисты сразу же принялись отвоёвывать утраченные позиции. В частности, несмотря на запрет Политбюро, они тайно продолжали заагентуривать партноменклатуру (139). Суть новых (а на деле старых) отношений между НКВД и партийными органами отразилась в письме начальника УНКВД по Мурманской области, который в конце декабря

1938 г. написал Берии: «После решения СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября для меня особенно ясно, что свои отношения с бюро обкома партии я должен строить не только на основе доверия к первому секретарю обкома, а и подчиняться обкому в ряде вопросов своей работы». Берия же в записке Сталину отмечал, что в 1939 г. секретарь Рязанского обкома партии по кадровой работе практиковал единоличные решения о назначениях сотрудников управления НКВД (140). Аппарат ЦК через секретарей обкомов следил за деятельностью руководящих работников безопасности. В декабре 1940 г. заводделом Управления кадров ЦК ВКП(б) просил секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) Бабица выслать деловую и политическую характеристику на начальника УНКВД Г.И. Кудрявцева (141).

На местах сразу после постановления от 17 ноября 1938 г. парткомы принялись восстанавливать прежние механизмы подчинения чекистов. В ноябре 1938 г. секретарь Тайгинского РК ВКП(б) НСО записал в характеристике на начальника РО НКВД Н.М. Куртукова, что тот «проявляет излишнюю подозрительность к членам партии» (142). Начальник Парабельского РО УНКВД НСО А.К. Артюх в ноябре 1938 г. на заседании РИКа потребовал предать суду заведующего общим отделом, на возражения присутствовавших угрожал, «чем вызвал возмущение актива». Ранее почти на каждом заседании райпарткома и президиума РИКа он требовал в массовом порядке судить руководителей колхозов и обвинял прокурора в бездействии, поскольку у него к октябрю 1938 г. лежало 19 актов на предание суду правлений колхозов. Неделию спустя районным партсобранием Артюх был исключён из ВКП(б) «за антипартийное действие и как не оправдавший доверия парторганизации». В декабре 1938 г. начальник Коченёвского РО УНКВД НСО А.С. Салов жаловался, что в райкоме партии «разговаривают о том, что работникам НКВД и Прокуратуры зря платят зарплату» (143).

Начальник Кочковского РО УНКВД по Алткраю Н.И. Мамушкин в 1938 г. грозил членам райкома фразами вроде «поберегите ваши затылки». После увольнения из НКВД Мамушкин убыл из Алткрая, в марте 1939 г. был арестован и обвинялся в создании антисоветской группы и организации провокационного дела на секретаря Кочковского РК ВКП(б). Попытка партийцев отомстить зарвавшемуся чекисту закончилась полгода спустя вынесением Мамушкину оправдательного приговора (144).

Помощник оперуполномоченного особого отделения в Татарском РО УНКВД НСО С.В. Черкашин в июле 1939 г. от РК ВКП(б) получил выговор за публичные угрозы коменданту военного городка лейтенанту Митину: «Я тебя выгоню из армии, отберу партийный билет и тебе бу-

дет первая пуля в лоб», а также ослабление оперработы, появление пьяным в общественных местах, «скандалы с женщинами» и «многожёнство». Осенью 1940 г. Алткрайком ВКП(б) отмечал, что начальник Карасукского РО НКВД Я.П. Борзенко сначала принял дела в РО, а лишь потом зашёл в райком, причём «практическую работу... зачастую не согласовывает с РК ВКП(б), что недопустимо» (145).

В конце 30-х годов в немалой степени повторилась ситуация конца 1921–1922 гг., когда в ходе чистки партии и органов ВЧК-ГПУ местные партийные власти добились исключения из партии, взысканий и увольнений в отношении огромного процента руководящих и рядовых чекистских кадров. Чекистов обычно обвиняли не столько в нарушениях законности, сколько в неподходящем происхождении, сомнительных родственных связях и неподобающих знакомствах. Например, начальник СПО УНКВД НСО К.К. Пастаногов, от снятия до ареста которого прошло около года, считался сильно скомпрометированным из-за дядей-«врагов», репрессированного брата и осуждённых за растраты и хищения отца и сестры (146).

Ещё в сентябре 1938 г. из ЦК ВКП(б) и «Правды» в НКВД СССР поступили два анонимных письма с обвинениями начальника УНКВД по Омской области З.А. Волохова в «политической близорукости» и устройстве в аппарат УНКВД «бывших кулаков и купцов». 17 января 1939 г. работавшие в Омской области ответственный организатор ОРПО ЦК ВКП(б) Готовцев и ответсекретарь партколлегии КПК по Омской области А. Слепой направили в ЦК и КПК докладную записку о работе Волохова. Первым пунктом обвинения стало указание на засоренность чекистского аппарата и отсутствие борьбы за его очищение. Когда в мае 1938 г. в области были вскрыты «грубейшие ошибки в работе областной прокуратуры, выражающиеся в массовых необоснованных арестах Советского и колхозного актива», Волохов не сделал выводов, допуская в работе органов НКВД те же «ошибки».

Далее Готовцев и Слепой приводили примеры арестов «честных работников», в отношении которых применялись пытки и издевательства, вскрывали наличие среди приближённых Волохова лиц, сомнительных с политической точки зрения. Например, начальник СПО Г.Н. Саенко был женат на «харбинке», жившей до 1930 г. в Харбине и арестованной в 1937 г. за шпионаж. Волохов знал об этом, но скрыл данный факт при выборе Саенко в члены бюро Омского горкома ВКП(б) и депутаты Верховного Совета РСФСР (147). Бывший начальник Особого отдела УНКВД по Омской области М.Л. Залкин оказался разоблачён как сын торговца, исключавшийся в 1922 г. из партии как «примазавшийся», один из братьев которого в 1937 г. был репрессирован. При обсуждении дела Зал-

кина в УНКВД Волохов настаивал на его оставлении в партии. Когда Залкина его коллеги всё же исключили, по настоянию начальника УНКВД райкомом ВКП(б) восстановил его в партии, а Волохов перебросил Залкина в систему Дальстроя НКВД (148).

Секретарь Омского обкома ВКП(б) Невежин 28 октября 1939 г. написал письмо секретарю ЦК Г.М. Маленкову о грубых нарушениях законности, практиковавшихся в ДТО НКВД Омской железной дороги. В нём он просил обязать НКВД СССР создать «авторитетную комиссию» для обследования дел ДТО и снять его начальника ДТО В.А. Двинянинова, который «все дела знал», способствуя «их усугублению». Невежин подчёркивал, что, если расследование «покажет недостаточную виновность Двинянинова, то всё равно его [следует] перевести в другое место, так как он, по моему мнению, свой авторитет здесь подорвал». Также Невежин просил Маленкова включить в комиссию представителя союзной прокуратуры для проверки работы прокуратуры Омской дороги. Двинянинов хоть и покинул Омск, но со временем был повышен в должности. В июне 1939 г. секретарь Новосибирского обкома Г.А. Борков в письме Сталину просил немедленно арестовать бывшего замначальника УНКВД А.С. Ровинского и начальника СПО К.К. Пастаногова (149), однако Пастаногов был арестован только в конце 1939 г., а Ровинский избежал преследования.

В Омском обкоме в течение 1939 г. были составлены записки с подробным рассказом о фабрикации дел работниками Особого отдела, о попытках в ДТО НКВД, подшиты к делам заявления освобождённых коммунистов об истязаниях в Омске, Ямало-Ненецком окротеделе НКВД и т. п. материалы. Значительное количество аналогичных документов осело в делопроизводстве и других обкомах и райкомах Сибири.

В целом чистка НКВД носила не принципиальный, а выборочный характер. В 1939 г. от освобождённых из-под стражи членов партии заявления об истязаниях были получены на 102 омских чекиста, из которых к январю 1940 г. наказали сравнительно небольшую часть: арестовали 12, уволили из НКВД – 16, а остальным были вынесены либо административные выговоры, либо не было принято никаких мер «за маловажность проступков». Случалось, что не только управления НКВД, но и само партийное руководство тормозило вопросы, связанные с наказанием чекистов-преступников. Когда в июле 1939 г. начальник Омского УНКВД М.Е. Захаров предложил обкому санкционировать увольнение начальника Ларьякского РО НКВД Г.А. Володина за «извращение методов следствия», бюро обкома не рассматривало этот вопрос несколько месяцев,

а потом постановило оставить Володина в НКВД, ограничившись переводом в другой район. Тем не менее, Захаров всё же изгнал Володина из НКВД (150).

В иных случаях вышестоящие партийные комитеты старались смягчать наказания в отношении нарушителей законности. Когда оперативник ОДТО НКВД ст. Зилово Забайкальской железной дороги Ф.Ф. Корсун в июне 1939 г. был исключён райкомом из партии за клеветнические донесения на коммунистов «в целях перестраховки», Читинским обкомом ВКП(б) он сразу же был восстановлен (151).

Если местные власти проявляли принципиальность, те чекисты, которых руководство управлений НКВД пыталось перебрасывать в другие регионы, избавляясь от исполнителей громких дел и ненужных свидетелей, увольнялись из «органов». Когда в ноябре 1939 г. УНКВД по Алткраю пыталось откомандировать в Западную Белоруссию А.А. Пермякова и А.Ф. Овсянникова, то крайком отказал в этой просьбе и вскоре активисты террора Пермяков с Овсянниковым были уволены из НКВД и исключены из партии (152).

В начале 1920-х годов Г.Г. Ягода сетовал на размах чистки в ВЧК-ГПУ, вопрошая о том, куда после увольнения идти такому «проклятому чекисту». Тогда уволенные чекисты действительно часто сталкивались с общественным остракизмом. В 30-е годы ситуация изменилась радикально и отставникам было куда пойти. Например, когда изгнанный из НКВД активист террора в Томске Г.И. Горбенко обратился с письмом о помощи в обком, заявляя об отсутствии у него специальности, ответом было направление 36-летнего Горбенко на учёбу в институт (153). Возвращая себе рычаги власти, отобранные было чекистами, обкомы и райкомы очень серьёзно почистили кадры региональных управлений НКВД. Но, в отличие от ситуации первых лет нэпа, в предвоенные годы тысячам экс-чекистов, избежавшим уголовного преследования, была найдена работа в разветвлённой системе спецотделов предприятий, в отделах кадров, в народном хозяйстве. Система ГУЛАГа также смогла приютить тысячи оперативников-отставников. А вскоре разразившаяся война помогла вернуться в «систему» опять-таки тысячам ветеранам госбезопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 2. 1923–1929. Документы и материалы. – М., 2000. С.7–8, 21, 38, 46.

2. Сведения НИПЦ «Мемориал».
3. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. С.215–218.
4. Там же. С.218
5. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3. 1930–1934. Кн. 1. 1930–1931. Документы и материалы. – М., 2003. С.34, 36.
6. Там же. С.35, 36, 38.
7. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3... С.706–707.
8. Там же. С.38.
9. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 2. – М., 2005.
10. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. – М., 2001. С.48.
11. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992. С.161.
12. Шрейдер М.П. НКВД изнутри. Записки чекиста. – М., 1995. С.13–14.
13. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. – М., 2003. С.53.
14. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Том 3... Кн. 1... С.40, 43–44.
15. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939: политика, осуществление, результаты. – М., 2006. С.80–83.
16. ГАНО. Ф.П-2. Оп.5а. Д.97. Л.154–163.
17. Там же. Оп.4. Д.44а. Л.58.
18. Там же. Оп.5. Д.167. Л.149, 60.
19. Там же. Ф.П-2. Оп.4. Д.44а. Л.58.
20. Там же. Ф.47. Оп.5. Д.179. Л.141; Ф.П-52. Оп.1. Д.42. Л.39–39 об.
21. Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД в 1936–1946 //Минувшее. Исторический альманах. Вып. 21. – М.: СПб., 1997. С.247–248.
22. См. полную публикацию: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 тт. 1927–1939. Т. 5. Кн. 1. 1937. – М., 2004. С.378–381.
23. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.131. Л.1–9; Д.132. Л.9–12, 34, 35, 66, 106, 120, 122; Д.135. Л.77; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.125. Л.100.
24. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. 1937–1938. – М., 2004. С.362, 427–429, 454–457.
25. Там же. С.362–363, 399, 461–462.
26. ГАНО. Ф.П-82. Оп.1. Д.202. Л.55.
27. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.158.
28. Тепляков А. Остывшие следы //Момент истины (Новосибирск). 16–22 авг. 1996. С.7.
29. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ... С.800.
30. ГАНО. Ф.П-18. Оп.4. Д.708 (ЛД Н.Н. Хвалебнова); Ф.П-3. Оп.2. Д.420. Л.122.
31. АУФСБ по НСО. Д.П-379; ТОЦДНИ. Ф.7. Оп.1. Д.599. Л.79.
32. Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008. С.279.
33. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-12276. Л.59.
34. ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.1852. Л.119; Д.1889. Л.56, 59.
35. Там же. Ф.911. Оп.1. Д.5. Л.66.
36. Тепляков А.Г. Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ-НКВД в МТС и совхозах Сибири в середине 1930-х гг. //Урал и Сибирь в сталинской политике. – Новосибирск, 2002. С.177; ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.16. Л.70.
37. ЦДНИО. Ф.17. Оп.1. Д.2317. Л.13.

38. АУФСБ по НСО. Д.П-777. Л.2; Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.244.
39. РГ АНИ. Ф.6. Оп.2. Д.597. Л.194.
40. Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... С.56–57.
41. ГАНО. Ф.П-3. Оп.11. Д.648. Л.65; Д.651. Л.260.
42. АУФСБ по НСО. Д.П-4984. Т.2. Л.61; ЦДНИО. Ф.14. Оп.2. Д.590. Л.7.
43. ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.820. Л.2 об.
44. ЦДНИТО. Ф.27. Оп.1. Д.185. Л.243; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.372. Л.10, 24.
45. ЦДНИО. Ф.17. Оп.1. Д.1277. Л.4; ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.2772 (ЛД А.В. Гуржия).
46. ГАНО. Ф.П-3. Оп.11. Д.648. Л.880, 881; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.335.
47. Тепляков А.Г. Управление НКВД по Новосибирской области накануне и в начальный период Великой Отечественной войны //Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Новосибирск, 2004. С.267.
48. Хаустов В.Н. ВКП(б) и органы госбезопасности (1920-е – 1941) //Исторические чтения на Лубянке. – М., 2004. С.63.
49. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940: В 2 кн. Кн. 1. – М., 2005. С.6, 17–18.
50. ГАНО. Ф.П-2. Оп.5а. Д.58. Л.51; Оп.4. Д.44а. Л.58.
51. Материалы февральско-мартовского 1937 г. Пленума ЦК ВКП(б) //НИПЦ «Мемориал».
52. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.167. Л.148.
53. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг... С.287.
54. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М., 2007. С.92–105.
55. ГАНО. Ф.П-3. Оп.5. Д.300. Л.161.
56. Там же. Ф.П-52. Оп.1. Д.123. Л.95; Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.49–50.
57. Там же. Ф.1020. Оп.4а. Д.5. Л.224, 223.
58. Там же. Ф.47. Оп.5. Д.179. Л.150.
59. АУФСБ по НСО. Д.П-9625. Т.6.
60. Тепляков А. Партизанский герой Игнатий Громов: Штрихи к портрету //Голоса Сибири: литературный альманах. – Выпуск шестой /сост. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово, 2007. С.829.
61. АУФСБ по НСО. Д.П-2265. Л.41; Д.П-3745. Л.46.
62. ГАНО. Ф.П-3. Оп.10. Д.880. Л.371 об.; АУФСБ по НСО. Д.3282. Л.186, 187.
63. Мозохин О.Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – М., 2006. С.217.
64. ГАНО. Ф.П-53. Оп.1. Д.64. Л.106.
65. Там же. Ф.П-3. Оп.3. Д.56. Л.138–139.
66. Там же. Ф.47. Оп.1. Д.1408. Л.69–72.
67. Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941. – Новосибирск, 1997. С.63.
68. ГАНО. Ф.1020. Оп.4а. Д.5. Л.321, 266.
69. Там же. Ф.П-3. Оп.15. Д.10682 (ЛД С.С. Мартона).
70. Плеханов А.М. Партизанский герой: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006. С.269.
71. ГАНО. Ф.П-22. Оп.1. Д.2, 18, 19, 42, 93, 112, 165.
72. ТОЦДНИ. Ф.30. Оп.1. Д.1049. Л.30, 63, 67, 77, 150, 156, 160, 165; Д.1427.
73. ЦДНИО. Ф.940. Оп.5. Д.70, 71.
74. ГАНО. Ф.П-2. Оп.5а. Д.68. Л.407, 8.

75. *Мозохин О.Б.* Роль органов госбезопасности в экономической системе СССР // *Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб.* Т. 4. – М., 2008. С.96; ГАНО. Ф.П-29. Оп.1. Д.452. Л.31–32.
76. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.242; *Вопросы истории.* 1994. № 12. С.15.
77. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.42–47.
78. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.241. Л.12–13; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.225.
79. ГАНО. Ф.П-2. Оп.4. Д.44а. Л.19; *Тепляков А.* Невычищенные // *Родина.* 2002. № 6. С.56–57; ЦХАФАК. Ф.П-4117. Оп.1. Д.1. Л.21, 30, 40.
80. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.2160. Л.46; Д.657. Л.38; Д.802. Л.9; Д.1909. Л.59.
81. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8 Л.111; Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1933–1938 гг... С.283.
82. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.227. Л.82.
83. АУФСБ по НСО. Д.П-10390. Л.187.
84. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.202; *Тепляков А.Г.* Дело коченёвских «крестьян-повстанцев» // *Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области.* Вып. 1. – Новосибирск, 2005. С.376; *История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах.* Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.193.
85. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918–1960. – М., 2000. С.102; Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.386.
86. *История сталинского ГУлага...* Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.358; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.178.
87. ГАНО. Ф.П-3. Оп.3. Д.109. Л.96, 97.
88. Там же. Ф.47. Оп.1. Д.1851. Л.111 об.; Ф.П-3. Оп.10. Д.880. Л.713.
89. Там же. Ф.911. Оп.1. Д.5. Л.70.
90. Там же. Ф.47. Оп.5. Д.151. Л.10. Это было реакцией чекиста на попытку нескольких секретарей райкомов ВКП(б) Нарымского края «свалить» Долгих, жалуясь Эйхе на то, что начальник ОСП игнорировал мнения районных руководителей при расселении и устройстве спецпереселенцев (не настаивал на немедленном создании неуставных артелей, раздал единоличникам скот на период зимовки, чтобы спасти от падежа, и т. д.). *Красильников С.А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М., 2003. С.182–183.
91. ГАНО. Ф.П-3. Оп.15. Д.2606. Л.4; АУФСБ по НСО. Д.П-2553. Л.149.
92. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.178.
93. Там же. С.176–177.
94. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.845. Л.83–111.
95. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.178–179, 177–178.
96. *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху»... С.146. В монографии И.Е. Зеленина, указавшего на проявления ведомственности со стороны ЗНПО, не учтены многочисленные факты атак начальников политотделов на своих «вторых заместителей».
97. ГАНО. Ф.П-175. Оп.1. Д.213. Л.6.
98. *Зеленин И.Е.* Сталинская «революция сверху»... С.146–147; ЦДНИОО. Ф.123. Оп.1. Д.407. Л.200.
99. ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.1852. Л.99; АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.111 об.
100. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.180; ГАНО. Ф.П-175. Оп.1. Д.157. Л.138, 140.

101. ГАНО. Ф.П-6. Оп.1. Д.944. Л.17.
102. Там же. Ф.П-22. Оп.1. Д.24. Л.304.
103. Там же. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.56; Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.3, 40; Ф.П-3. Оп.2. Д.648. Л.431; Оп.1. Д.822. Л.5; Д.825. Л.16–19.
104. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.126. Л.94.
105. ГАНО. Ф.П-82. Оп.1. Д.251. Л.29.
106. Там же. Ф.П-52. Оп.1. Д.20. Л.246, 247, 363, 406 об., 480–482.
107. Там же. Ф.П-3. Оп.1. Д.807. Л.13.
108. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.388. Л.155; ГАНО. Ф.П-3. Оп.3. Д.368. Д.21; ЦДНИТО. Ф.206. Оп.1. Д.18. Л.48–48об.; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.409. Л.182; Д.776. Л.57.
109. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.126. Л.200; ГАНО. Ф.П-55. Оп.1. Д.313. Л.67; Д.344. Л.70.
110. ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.600а. Л.5–6; *Тепляков А.* Увекоченный наместник вождя // *Слово Сибири (Новосибирск).* 1997. № 3. 12 авг. С.5; АУФСБ по НСО. Д.П-8437. Т. 3. Л.387; Д.П-12265. Л.79.
111. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.99, 104; Д.П-5243. Т.1. Л.1–784.
112. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.107; АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.96–97.
113. *Яковенко М.М.* Агнесса. – М., 1997. С.95–96.
114. Цит. по: *Юнге М., Биннер Р.* Как террор стал «Большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. – М., 2003. С.255.
115. *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2004. С.118; *Яковенко М.М.* Агнесса... С.104.
116. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.19. Л.79; *Неизвестный Кузбасс.* Вып. 2. – Кемерово, 1995. С.26–30.
117. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.150.
118. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.767. Л.120–120 об.
119. АУФСБ по НСО. Д.П-3580. Т.3. Л.180.
120. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.346; *Ушаков С.Ю., Стукалов А.А.* Фронт военных прокуроров. – М., 2000. С.71.
121. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.352, 499, 547.
122. ОГА СБУ (Киев). Д.67398. Л.204; Берия: конец карьеры. – М., 1990. С.374–375.
123. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том II. Февраль 1956 – начало 80-х годов. – М., 2003. С.318.
124. ГАНО. Ф.20. Оп.1. Д.248. Л.1.
- В 1945 г. следователи Транспортного отдела НКГБ Томской железной дороги требовали от парторганизации Я.Г. Дерягина показаний на секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) И.Д. Яковлева и председателя облисполкома И. Т. Гришина как «членов сибирской подпольной организации». АУФСБ по НСО. Д.П-2281. Т.1. Л.270 об.
125. АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т.2. 227; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.673. Л.7.
126. *Самосудов В.М.* О репрессиях в Омском Прииртышье. Исторические этюды. – Омск, 1998. С.23.
127. *Мартуанов В.Е.* Репрессии в отношении партноменклатуры в 1937–1939 гг. (на материалах Краснодарского края) // *Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР.* Материалы III Всероссийской науч. конф. – Краснодар. С.118, 120; *Жертвы политического террора в СССР.* – М., 2007 (СД); *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. – Новосибирск, 2001. С.252.
128. ЦДНИТО. Ф.27. Оп.1. Д.185. Л.167–168; ГАНО. Ф.20. Оп.1. Д.259. Л.4.

129. Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.80.
 130. Гольдберг Р. Книга расстрелянных. Т.2. – Тюмень, 1999. С.432–433.
 131. Самосудов В.М. Большой террор... С.105; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.405. Л.11; Оп.6. Д.242. Л.37.
 132. Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). Кн. 1. – М., 1999. С.156; Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937–1938. – М., 1998. С.143.
 133. Тепляков А.Г. Портреты сибирских чекистов //Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. – Новосибирск, 1997. С.96; ОГА СБУ. Ф.77. Оп.31. Д.77. Л.60–61.
 134. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.663, 551–552.
 135. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.2193. Л.80–82.
 136. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. 4. 1938 – июнь 1941. – Барнаул, 2002. С.221–222; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.105. Л.150–153.
 137. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.105, 115–119.
 138. Там же. Ф.П-10. Оп.22. Д.95. Л.221–222.
 139. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА... С.144, 145.
 140. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД... С.663–664; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 /Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. – М., 2006. С.562.
 141. ГАНО. Ф.П-4. Оп.5. Д.246. Л.303.
 142. Там же. Ф.П-4. Оп.18. Д.6787. Л.10.
 143. Тепляков А.Г. Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.257; ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.463. Л.7–10, 13; Ф.20. Оп.1. Д.239. Л.51.
 144. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.472. Л.1, 2, 19–30; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.75. Л.13.
 145. ГАНО. Ф.П-82. Оп.1. Д.315. Л.1; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.361. Л.50.
 146. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»... С.103–104, 113; Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 3. – Омск, 2001. С.44.
 147. Использувавший устные предания А.И. Солженицын в «Архипелаге» говорит о том, что Саенко сам арестовал свою жену.
 148. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1984. Л.11–14.
 149. Там же. Ф.17. Оп.1. Д.1992. Л.21–24; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.144.
 150. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1985. Л.15–22; Д.1992. Л.44; Тепляков А.Г. Портреты сибирских чекистов... С.99–100.
 151. ГАЧО. Ф.П-1. Оп.1. Д.377. Л.11об. – 12, 79; Ф.П-3. Оп.1. Д.354. Л.187–188.
 152. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.222. Л.316.
 153. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.84–87.

Глава 5

ПСИХОЛОГИЯ, БЫТ И НРАВЫ

В органах ОГПУ-НКВД было немало людей отважных, проникнутых духом авантюризма, а также личностей, способных к актёрскому перевоплощению и хорошему пониманию человеческой психологии (1–2). Часть сотрудников имела опыт закордонной работы, выделяясь своими навыками вербовок и знанием методов, применяемых зарубежными контрразведками. В ходе борьбы с уголовным бандитизмом и повстанческим движением многие оперативные работники получали боевой опыт, причём некоторая их часть погибла, преимущественно в 1930–1931 гг., в разгар крестьянского сопротивления «раскулачиванию». До середины 30-х годов в «органах» служило очень много людей с опытом боевых действий, готовых без особых раздумий рисковать своей, а ещё легче – чужой жизнью. Недаром в качестве второй фамилии чекисты любили называть себя Грозными или Лютыми: наркомом внутренних дел Молдавии был Н.В. Лютый-Шестаковский, заместителем полпреда ОГПУ ВСК – А.Г. Грозный-Сафес, начальником отделения СПО НКВД УССР – Я.Л. Грозный-Левчинский, а рядовой сибирский чекист именовался В.А. Титов-Лютый (3).

ЗАКОНОМЕРНЫЕ ОТРАЖЕНИЯ

Являясь слепком с общества, чекистская каста была зависима от проявившихся (и воспитывавшихся) в нём тенденций. Например, для ОГПУ-НКВД было характерно постепенное складывание культа своих руководителей. Посмертно обожествлялся Дзержинский, его преемник Менжинский не стал публичной фигурой, но зато культ Ягоды сложиться успел, хотя только среди работников собственного ведомства. Но в середине 30-х годов Ягода активно рекламировал себя, представляя зорким стражем революции и выдающимся организатором строек социализма, используя для этого довольно близкие отношения с М. Горьким. Что касается Ежова, то в течение второй половины 1937 – первой половины 1938 г. все газеты наперебой восхваляли его, обрушивая потоки лести,

которым бы позавидовали такие авторитетные лидеры страны, как Молотов, Ворошилов и Каганович. Биографию «железного наркома» написал, но не успел издать А. А. Фадеев (4).

Немало похвал досталось и ведущим чекистам-ежовцам; характерно, что в 1937 г. областные газеты часто публиковали портреты не только «своих» начальников УНКВД, но и комиссаров госбезопасности Л. М. Заковского, И. М. Леплевского, С. Ф. Реденса (5). Внутри управлений НКВД тоже создавались культы, особенно в период террора, когда реальное значение начальников УНКВД резко возросло. Прибывший в марте 1938 г. в Омск сотрудник КРО Г. Л. Ракита тут же узнал от коллег, «что здесь в Омске сразу развернул работу Горбач (которого все очень расхваливали), а сейчас – начальник УНКВД Валухин, который характеризовался всеми работниками, как великий человек... как посланец Ежова, как самый могучий большевик в Омске и т. п... нет слов описать того фурура, который был создан вокруг Валухина...» (6).

Чекисты, что типично для военизированной касты, трепетно относились к своим начальникам, а те поощряли раболепие и угодничество. Согласно мемуарам М. П. Шрейдера, начальник ИНФО ОГПУ Н. Н. Алексеев заискивал перед Ягодой, а старый контрразведчик В. А. Стырне, работавший начальником УНКВД в Иванове, упомянув в разговоре имя Ежова, «по своей обычной привычке слегка приподнялся в кресле» (7). Наркомвнудел УССР В. А. Балицкий приказывал рассылать тысячи своих портретов и биографий в войска НКВД, в чекистских учреждениях везде вывешивались лозунги с его высказываниями. Рядовые чекисты своего начальника за глаза называли «паном», а Ежов утверждал, что «нужно два Щедрина для того чтобы написать сочно, по-настоящему размеры подхалимства и угодничества перед Балицким» со стороны чекистов Украины (8). Когда Берия приезжал «работать» в Лефортовскую тюрьму, на лестнице, приветствуя наркома, навтыжку стояли офицеры НКВД старшего и высшего звена (9).

Начальство следило за настроениями подчинённых и болезненно реагировало на критику. Когда начальнику УНКВД ЗСК В. М. Курскому в августе 1936 г. доложили, что в коллективе по поводу частых перестановок в руководстве идут разговоры и якобы расшатывается работа аппарата, начальник управления тут же строго потребовал прекратить «разговоры и разговорчики» о том, что он прибыл ненадолго (на деле Курский проработал в Новосибирске лишь с августа по ноябрь 1936 г.). Замначальника УНКВД НСО Ф. М. Медведев в начале 1941 г. приказал заклеить в стенгазете не понравившуюся ему заметку (10). Мелкое чекист-

ское руководство также всемерно блюло собственное реноме: в 1939 г. начальник Колпашевской тюрьмы УНКВД НСО К. И. Мосолов, рассердившись на своё изображение в стенгазете, заявил на партсобрании: «Я являюсь руководителем и изображать меня в карикатуре и ронять мой авторитет не разрешаю» (11).

Некоторые крупные чекисты эволюционировали в сторону крайнего барства постепенно, свидетельством чему является реплика начала 1937 г. одного из оперативников, недовольного тем, что на торжественных собраниях и вечерах начальство УНКВД ЗСК рассаживалось отдельно от рядового состава в роли «наблюдающего за паствой» – дескать, «раньше, при тов. Заковском, наш коллектив был более спаян, этой раздвоенности тогда не было». Но в 1937–1938 гг. Л. М. Заковский, находясь в Ленинграде и Москве, уже явственно тяготел к устройству «сладкой жизни» (12).

Для чекистов-руководителей было характерно ощущение себя видными государственными деятелями. Комиссар ГБ 1-го ранга и член ЦК ВКП(б) В. А. Балицкий заявлял окружению, что он – не столько чекист, сколько значительная партийная фигура. В декабре 1937 г. начальник УНКВД по Челябинской области П. В. Чистов сказал подчинённым, что область отстаёт в своём развитии, а между тем чекисты, покончив с врагами, могли бы «сделать её образцовой». После этого Чистов стал распределять роли между коллегами: «Я бы, например, был первым секретарём обкома, Луговцев – вторым, Лапшин – председателем облисполкома или губернатором, Чернов и Придорогин – секретарями горкома» (13). Один из новосибирских чекистов показывал, что афиширование дореволюционного партстажа начальника УНКВД ЗСК Г. Ф. Горбача на фоне массовых арестов номенклатуры «делало его фигуру единственно авторитетной в крае» (14).

Под влиянием огромной власти многие чекисты чувствовали себя сверхлюдьми, хозяевами жизни и смерти как арестованных, так и тех, до кого они ещё не дотянулись (15). Избивая арестованных, чекисты кричали, что НКВД – выше прокурора и самого ЦК: «Органам НКВД доверяют и они не нуждаются в контроле прокуратуры. Нам дана партийно-чекистская диктатура, что хотим, то и делаем с врагами. Враг народа вне закона»; «Прокуроры и суд в наших руках, что мы им скажем, то и будет. А те прокуроры, которые за вас, они все сидят, их у нас в тюрьме целый совхоз»; «Нам Москва всё разрешила, хоть самому Сталину пиши» (16).

Отношение к партийному руководству в годы террора было также высокомерным. Изрядно подвыпивший Ежов в июле 1937 г. поучал на-

граждённых чекистов, как им работать в новых условиях: «Чего вам бояться? Ведь вся власть в наших руках. Кого хотим – казним, кого захотим – помилуем. Вот вы, начальники управлений, а сидите и боитесь какого-нибудь никчёмного секретаря обкома. Нужно уметь работать. Ведь вы понимаете, что мы – это всё. Нужно, чтобы все, начиная с секретаря обкома, под вами ходили». О ряде членов Политбюро ЦК Ежов говорил как о ненадёжных, проморгавших врагов в своём окружении, и нередко «в присутствии подчинённых бросал крылатые фразы о близких связях отдельных членов политбюро с... репрессированными заговорщиками» (17). Бывший помначальника КРО УНКВД НСО И.И. Коннов откровенно признавался, что Новосибирский обком партии рассматривался чекистами не как руководящий политический орган, а скорее как объект, заполненный кандидатами на арест (18).

Ощущение чекистами себя особой кастой, государством в государстве хорошо видно из жалобы весной 1941 г. командующего войсками СибВО генерал-лейтенанта С.А. Калинина начальнику УНКВД НСО Г.П. Кудинову на то, что замеченные им около десятка чекистов, «будучи в форме, на его приветствие при встречах не отвечали». Выступая на партсобрании в УНКВД 22 апреля 1941 г., секретарь новосибирского горкома ВКП(б) И.А. Волков пенял чекистам: «Тут многие товарищи выступали и жаловались, что с ними в Обкоме партии, в Горкоме партии не беседуют; я сам лично пробовал беседовать, но из вас не выдавишь ничего, [а] не только, чтобы [вам] самим проявить инициативу и пойти сказать, что в таких-то вопросах имеются ошибки; не все же такие вопросы, о которых нельзя рассказать секретарю Горкома партии... Когда утверждает [чекиста] обком партии и если спрашиваешь, как с опер. работой, какие недостатки, он делает глубокомысленное лицо и отделяется одной фразой, а в худшем случае считает тебя дурачком. Я думаю, что это неправильно; могут быть и есть у вас такие вопросы, которые секретарю Райкома... Горкома партии не следует говорить, но сказать секретарю Обкома партии, доверенному Центрального Комитета партии, можно...» (19).

Многих чекистов, действовавших в республиках как типичные колониальные чиновники, отличал грубый шовинизм. Сын Троцкого отмечал в 1928 г.: «Гепеуры... презрительно говорят о киргизах: “татары”, “азиаты”. И каким тоном!». Истребление национальных меньшинств в 1937–1938 гг. подстегнуло шовинистические настроения. Ежов не глядя подписывал приговоры на многие тысячи поляков, весело спрашивая, сколько «полячков» ему приготовили в расстрельных списках (20). Ал-

тайский чекист Т.У. Баранов в 1939 г. прямо относил сибирских немцев и поляков к контрреволюционной «сволочи», заявляя: «Эмиграция немцев за границу, как это уже доказано, явилась результатом ненависти к Сов. власти. Тех, кого освободили, они и не думают быть советскими... хотя и по социоложению средняки или бедняки. Они обозлены, что закрылись их национальные школы – рассадник... фашизма» (21).

Как и в обществе в целом, в номенклатуре был заметен антисемитизм (22). Неприязнь к евреям проявлялась и среди чекистов Сибири. Малограмотный фельдъегерь, а затем оперработник Ачинского окротодела ОГПУ М.А. Овечкин в 1929 г. критиковался за «элементы антисемитизма, которые вытекают из неусвоенности национальной политики партии». Сотрудник Барабинского РО УНКВД ЗСК С.Г. Яровенко в 1934 г. был исключён из ВКП(б) и уволен из «органов» за антисемитизм (23). По поводу застрелившегося в 1937 г. замначальника новосибирской МКШ НКВД С.С. Мадорского-Удалова чекист-транспортник С.Г. Хорошев публично заявил: «Раз он польский еврей, то, значит, шпион» (24).

Сотрудник ДТО НКВД железной дороги им. Молотова Г.А. Потапов в марте 1939 г. Читинским ГК ВКП(б) был исключён из партии за «искривление революционной законности, проявление антисемитизма» и затем осуждён. Иногда антисемитские выкрики расценивались просто как пьяные «упаднические» настроения. Бывший видный чекист Т.М. Бошкин, работавший в Отделе трудколоний УНКВД ЗСК и получивший – за рапорт с несогласием об увольнении из НКВД своего брата – пять суток ареста от начальника АХО С.Л. Белоцерковского, в январе 1938 г. «напился до бесчувствия» и кричал: «Белоцерковский – проклятый жид!». За пьяные прогулы и ругань в адрес начальника Бошкин от Томского горкома ВКП(б) получил выговор (25).

Чекисты быстро привыкали к своей огромной власти. Те, кто был вынужден покинуть «органы», тосковали о ней и утраченных привилегиях. В начале 1934 г. бывший видный чекист-дзержинец М.К. Ихновский жаловался другому отставнику – А.А. Дзенису: «Нас, стариков, обижают, держат в чёрном теле и не дают руководящей работы». Полгода проработавший в ОГПУ на рядовой должности Д.Н. Семёнов, уволенный в 1926 г. за принадлежность к «новой оппозиции» и ненавидевший Сталина и партаппаратчиков, тем не менее в начале 30-х годов мечтал вернуться в «органы» и рассчитывал устроиться на службу в Сиблаг (26).

Высокомерие, чванливость и грубость были характерными чертами оперработников. Отношение к окружающим как к потенциальным аген-

там или арестантам провоцировало на проявления наглости и хамства. Грубость чекистов как общее явление отмечал циркуляр ВЧК ещё в 1920 г. Помощник начальника ИТК НКВД УССР, известный педагог А.С. Макаренко, собиравшийся написать книгу о чекистах, в середине 30-х годов зафиксировал такое высказывание наркома В.А. Балицкого: «Чванство [чекистов] – тип внутренний и внешний и это, он говорит, нужно изобразить» (27).

Новосибирский чекист В.Д. Качуровский в период реабилитаций пояснял, что у чекистов «была вера в непогрешимость органов». В августе 1939 г. начальник отделения оперчекотдела УИТЛК УНКВД НСО М.А. Дрибинский характеризовался как «бравирующий своим положением работника НКВД» (28). В апреле 1941 г. начальник учебной части новосибирских курсов начсостава НКВД Н.Ф. Казанцев негодовал на недисциплинованность обучавшихся чекистов: «Мелько... перед преподавателем немецкого языка порвал тетрадь [...] Васильев на общеобразовательной учёбе рассердился на преподавателя и взял, ушёл с занятий. Вот т. Хмельницев во время перерыва на доске нарисовал женщину со всеми подробностями... И ни один из товарищей не нашёл нужным стереть это с доски до прихода преподавателя» (29).

Крайняя грубость чекистов отражала общее «повреждение нравов» в стране, где сам диктатор особо подчёркивал, отвечая на ленинские упреки в грубости и нелояльности, что он груб, но только к врагам партии. Для партийно-советского аппарата было характерно хамское отношение начальства к подчинённым, в обращении процветал мат: и Сталин, и Каганович, и Хрущёв активно употребляли нецензурную лексику. Аналогично разговаривали с подчинёнными Ягода, Ежов, Берия. Мат был универсальным языком чекиста, пригодным для разговоров как с арестованными, так и друг с другом. Виртуозным владением непристойной бранью отличались многие оперативники, для которых мат был способом давления на подсудимых. Р.В. Иванов-Разумник вспоминал, какое сильное впечатление на арестованных производили изощрённые нецензурные ругательства из уст женщин-следователей, особенно учительная, что это были молодые, ухоженные, модно одетые дамочки (30).

Региональные руководители «органов» копировали нравы верхов. Полпред ОГПУ ЗСК Н.Н. Алексеев нецензурно ругал подчинённых и выгонял их из кабинета. Крайней грубостью был известен и замначальника УНКВД ЗСК А.И. Успенский, о котором работник СПО К.К. Пастаногов говорил: «Он культурный человек, хороший администратор, а позволял себе недопустимую площадную ругань в обращении с ра-

ботниками-чекистами» (31). Нецензурная брань в обращении с подчинёнными была настолько обыденной вещью, что весной 1939 г. начальник отделения КРО УНКВД НСО А.В. Малозовский, критиковавшийся на партсобрании, растерянно заявил: «Бывали случаи, что я ругал его [подчинённого – А. Т.] матом, но я не знал, что этого нельзя» (32).

Начальник Отдела охраны УНКВД ЗСК В.Я. Диряев от подчинённых за крайнее хамство получил кличку «Чёрная реакция». Рядовые чекисты вели себя аналогично: уполномоченный Т.И. Соколов за период службы в ОГПУ получил за грубость 9 взысканий (три выговора и шесть адмарестов) и, работая в Мариинском РО ПП ОГПУ ЗСК, в сентябре 1933 г. был уволен за грубость и угрозы при допросах, а также избивание милиционера (33).

Своей грубостью чекисты нередко бравировали. Начальник Томского оперсектора НКВД М.М. Подольский летом 1934 г. сообщал на чистке, что он вспыльчив и груб, а к «классовому врагу всегда бываю твёрд». В 1937 г. работник Нарымского окротдела НКВД М.П. Капранов давал себе следующую автохарактеристику: «Я груб и с большим гонором» (34).

Начальник ОК УНКВД НСО Н.С. Кравчинский угрозами доводил работников НКВД до слёз, так что посетители его кабинета говорили, что «идут в баню» или «возвращаются из бани» (35). Замначальника Особого отдела НКВД Московского военокруга А.А. Лукин «присваивал подчинённым оскорбительные клички». О начальнике УНКВД по Киевской области Н.Д. Шарове (Шавере) подчинённые в 1938 г. говорили, что к нему «боялись подойти на пушечный выстрел» (36). Оперработник Прокопьевского ГО УНКВД НСО В.Ф. Коротков в 1939 г. организовал вокруг себя группу чекистов и «внедрял в неё недоверие в силу парторганизации изжить грубость и зажим самокритики со стороны руководства ГО НКВД», за что оказался ненадолго исключён из партии и покинул Сибирь (37).

О тяжёлой психологической обстановке в местных органах НКВД говорят факты нередких самоубийств рядовых чекистов, не выдержавших травли со стороны начальников, разочаровавшихся в своей «специальности». Только за 1936 г. в Новосибирске и Бийске были отмечены попытки самоубийств со стороны троих молодых чекистов (38). За грубое отношение к подчинённым, послужившее причиной самоубийства секретаря РО НКВД Комарова, начальник Шипуновского РО УНКВД ЗСК М.С. Панкратьев был в апреле 1937 г. осуждён на 3 года ИТЛ. Помощник оперуполномоченного Туганского РО УНКВД НСО Д.С. Кулиш в октябре 1938 г. покончил с собой после травли со стороны начальника

райотдела Я. Ф. Адуева, которого затем арестовали за нарушения законности и доведение подчиненного до самоубийства (39). Начальник Яйского отделения УИТЛК УНКВД НСО И. С. Гомжин в августе 1938 г. был исключён из партии за, в частности, женитьбу на супруге своего заместителя И. А. Ивановского, покончившего в связи с этим самоубийством (40).

С первых лет существования ВЧК хорошо заметен крайний цинизм работников госбезопасности, произрастающий из их всевластия (41). В 1938 г. провинциальный сибирский чекист мог показывать коллеге стоявшего на допросе с поднятыми вверх руками председателя РИКа, говоря, что тот таким образом «голосует за советскую власть», а в красном уголке ОДТО НКВД ст. Новосибирск арестованных, сутками стоявших под портретами вождей, принуждали оправляться прямо в брюки. Летом 1938 г. над входом в барнаульскую тюрьму висел издевательский лозунг: «Добро пожаловать!» (42).

Оперативник УНКВД НСО А. Я. Папшев так представился арестованному: «Папшев-Вышинский перед вами, что прикажете, господин враг народа?» (43). Заместитель НКВД Казахстана Н. К. Богданов говорил арестованному редактору газеты, что тот не выйдет живым, если не даст показаний: «санитар составит акт о... собачьей смерти и яма зарастёт бурьяном». Нарком Ежов хвастался, как приказал изощрённо пытаться своего приятеля Л. Е. Марьясина; также он являлся очень своеобразным коллекционером, собирая пули, которыми были расстреляны некоторые известные советские деятели (44).

Развёртывание повального террора давало чекистам свои поводы для веселья. В показаниях бывшего помначальника УНКВД по Алткраю Г. Л. Биримбаума описан эпизод, когда у него вместе с Д. Д. Гречухиным и начальником Бийского РО НКВД М. Н. Буториным в августе 1937 г. «происходил достаточно откровенный разговор о комбинаторстве. Тогда мы все смеялись, что многие “отличившиеся” работники получили правительственные награды. Гречухин, в частности, не скрывал активной роли [С. П.] Попова. Он даже заявлял, что Попов, выезжая во главе следственной бригады в Нарым, обязательно скомбинирует большое дело» (45).

Жестокий чекистский юмор касался как методов допроса, так и уверенности в том, что арестованный всё равно признается. Барнаульские следователи на оперсовещаниях нередко весело смеялись над особенно безграмотными и нелепыми протоколами, когда, например, известный работник СПО М. Г. Кострюков приписал учителю В. А. Минкину «под-

готовку террора» (вместе с Ф. Каплан!) над Лениным (46). Особист Б. М. Резниченко в мае 1937 г. критиковал начальника Особого отдела СибВО М. М. Подольского за то, что тот, зайдя в кабинет Резниченко, где шёл допрос арестованного, закричал: «Дайте ему вёдерную клизму!» Особист сетовал, что Подольский, допуская такие выражения, «совершенно не учитывает того, что наш противник может сделать вывод... насколько серьёзно у нас поставлена работа» (47).

Особенно циничными были высказывания о пытаемых и расстрелянных. В 1938 г. чекисты УНКВД по Киевской области пыточный кабинет называли «комнатой смеха» (48). Расстрелы на чекистском жаргоне именовались «свадьбами». Арестованный в 1938 г. чекист В. С. Кожев рассказывал, что начальник Учётно-архивного отдела УНКВД по Читинской области М. А. Боев, проверявший камеру смертников, обнаружил, что «тех лиц, которые должны быть живыми, не оказалось. И он шутил говорил: “Наверное, Крысова расстреляли за Иванова как крысу”, добавляя, что, мол, ошибку исправим. Во время проверки в 8-й камере таким образом было [ошибочно] расстреляно 6 человек...». А комендант УНКВД С. С. Воробьёв в ответ заявлял: «Стреляйте, после счёт сведём, лишь бы количество черепков было». Обнаружив, что у расстрелянных жертв оказалось мало денег, работники Куйбышевского оперсектора УНКВД НСО сокрушались, что им в этот раз попались «бедняки» (49).

Цинизм проявлялся и по отношению к «своим». На пыточном следствии оперативник ДТО УНКВД НСО М. Я. Должанский, обвинявшийся в шпионаже как якобы поляк (ибо его фамилия оканчивалась на «-ский»), доказал «свою принадлежность к еврейской национальности... своим национальным обрядом (обрезание)». После освобождения в ответ на претензии Должанского руководителя ДТО А. П. Невский, А. В. Шамарин и Б. А. Розин «смеялись и удивлялись, как он... [легко] отделался» (50).

ВРОЖДЁННОЕ И ПРИВИТОЕ

Цинизм логическим образом оборачивался крайней, нередко запредельной жестокостью. Предпринимая попытку психологического портрета чекистов районного звена, А. Ю. Ватлин полагает, что оперативные работники перенимали нравы уголовного мира, с которым «им приходилось ежедневно сталкиваться по долгу службы». Однако это обстоятельство более характерно для милицейских работников. Что касается чекистов, то они изначально были ориентированы на беспощадное уничтожение «врагов народа», так что криминальная сторона их деятельности – ре-

зультат сознательного воспитания и проявлялась с первых месяцев существования «органов» (хотя контактов с уголовниками у многих из них действительно было достаточно).

Парадоксально, но в прославившийся своей жестокостью чекистский мирок, в отличие от начала 20-х годов, когда его наполняли привыкшие к убийствам партизаны и демобилизованные военнослужащие, в 30–40-е годы действительно старались отбирать лучших. По партийно-комсомольским мобилизациям в органы ОГПУ-НКВД принимали активных молодых людей, проверенных с морально-политической точки зрения, нередко с выраженной тягой к знаниям. Но ни передовики-рабочие, ни даже студенты техникумов и вузов не могли привнести в «органы» свою индивидуальность. Чекистский коллектив, подобно сильнейшей кислоте, стремительно разрушал личность, оставляя рабское послушание и уверенность в том, что начальству виднее. Чекистская машина превращала людей в винтики и шестерёнки. Личность каждого начальника регионального управления накладывала очень сильный отпечаток на его подчинённых. Э.Г. Герштейн справедливо отметила: «Конечно, на эту работу шли люди, имевшие склонность к садизму, но были и такие, которые были доведены до звериной жестокости всей системой и круговой порукой всех сотрудинок» (51).

Необходимо учитывать, что советская молодёжь изначально воспитывалась в духе слепой преданности к коммунистической идее и вождям, ненависти к врагам и инакомыслящим, презрению к жалости и милосердию. Однако в ОГПУ-НКВД неопиты сразу наблюдали сочетание беспощадной власти «органов» над всеми остальными гражданами с не менее жёстким подавлением личности самих чекистов, которые попадали в атмосферу тотальной слежки, начальственного самодурства, издевательств над арестованными и особой жестокости к репрессированным из «своих». Чекистов сразу обучали ломать людей при вербовках и на допросах, избивать и расстреливать, а потом забываться в алкогольном дурмане. Понимание, что всякий, мобилизованный в «органы», оказывается в системе, которую невозможно покинуть добровольно, диктовало приспособление к чекистскому образу жизни и, как правило, принятие его.

Поскольку работа в «органах» неизбежно разрушала личность, в чекистской среде концентрировались все возможные человеческие пороки: жестокость, нередко доходившая до садизма, высокомерие, хамство, обман, клевета, подхалимство, равнодушие, бюрократизм, доноительство, подсиживание, пьянство, наркомания, развращённость, воровство

и мародёрство. Начальство с этим мирилось, в т. ч. потому, что, как правило, само обладало данными качествами в превосходной степени.

Очень характерно, что даже чекистская элита «благородных разведчиков» – и бывший рядовой закордонный работник К.Г. Веледерский, и видные резиденты ВЧК-ОГПУ, позднее работавшие в Сибири – Н.Н. Алексеев, А.Н. Барковский, А.П. Невский, К.Ф. Роллер – были беспощадны к арестованным. Точно так же действовал бывший резидент в Германии Б.Д. Берман, уничтоживший десятки тысяч жителей Белоруссии. Причём палачами легко становились не только те разведчики, кто до прихода в ИНО уже поработал в «органах», но и те, кто начинал с разведки. Например, И.Д. Малышев служил в погранвойсках, затем, являясь, вероятно, советником в армии Гоминыдана, отсидел полтора года в китайской тюрьме за «шпионаж», а в 1937–1938 гг. был одним из главных организаторов расстрелов и удушений двух тысяч осуждённых в г. Куйбышеве НСО, за что был сам расстрелян (52).

Известный «наводчик-вербовщик» ИНО С.Я. Эфрон называл себя «не рукопожатным», а легендарный нелегал Д.А. Быстролетов, занимавшийся в ИНО не только вербовками, но и ликвидациями, признавал, что он и его коллеги совершили множество преступлений. Мемуары Быстролётова, который использовал прелести собственной жены для получения информации от нужного иностранца, а в лагере купил услуги уголовника, чтобы тот убил другого блатного, укравшего у чекиста фотографии супруги, наглядно свидетельствуют о личностной деградации «рыцарей плаща и кинжала» (53).

Натаскивание работников на беспощадность к арестованным было неременной чертой чекистской жизни. Жалость к врагу рассматривалась как серьёзный проступок: начальник КРО УНКВД ЗСК Ф.Н. Иванов летом 1937 г. разносил подчинённых за отказ арестовать готовую родить женщину, а в мае 1938 г. бийского чекиста Р.Е. Певнера критиковали за мягкотелость: он отказался допрашивать женщину с полуторамесячным ребёнком на руках (54). В конце 1937 г. начальник Немецкого РО УНКВД по Алткраю К.Г. Кестер выругал оперработника А.И. Иванникова, отказавшегося арестовать беременную женщину; тем не менее женщина так и не была арестована (55).

Как показывал один из бывших руководителей УНКВД по Алткраю С.Я. Труш, если выяснялось, что «кто-то из следователей разрешал арестованному сесть, то это рассматривалось как недопустимая либеральность, неумение и нежелание бороться с врагами народа по-большевистски». На одном из оперсовещаний Г.Ф. Горбач привёл в качестве

примерного борца с врагами чекиста-транспортника А. И. Поташева, который, по словам Горбача, «ненавидя по-настоящему этих врагов, на допросе вцепился арестованному в горло и вытряс из него всё» (56).

Чекисты как правило категорически отказывались освобождать заведомо невиновных. В ответ на указания подчинённого о том, что 17-летний арестант никак не мог быть агентом польской дефензивы с 1905 г., помначальника отделения КРО УНКВД НСО П. Н. Шестовицкий ссылался на якобы ошибку машинистки и освободил юношу только по указанию начальства. Отвечая сотрудникам, указывавшим на наличие среди арестованных «полицейского пристава Колчака» 19 лет от роду и прочие подобные случаи, начальник СПО УНКВД НСО К. К. Пастаногов заявлял, что «это враги, и их надо судить» (57).

Оперативник КРО УНКВД ЗСК Ю. Д. Берман 21 августа 1937 г. на партсобрании доносил, что один из оперработников Томска «по адресу врага заявляет: “Какой же он враг, когда ему 70 лет, он невиновен”. Между тем этот враг сам начал сознаваться в своей контрреволюционной деятельности». Тем не менее, молодые чекисты в 1937 г. могли, не арестовав инвалида без обеих ног, уйти, причём объяснение было характерным: увидев обрубок вместо тела, «испугались и ушли» (58).

Что касается психологического портрета чекиста-расстрельщика, то он далеко не исчерпывается образом подневольного рядового работника комендатуры ОГПУ-НКВД, с отвращением и страхом исполняющего порученное дело и забывающегося в алкогольном бреду. Среди исполнителей было множество чекистов, в т. ч. видных, убеждённых в необходимости своей работы и подчёркивавших её важность. Юношами работали в комендатурах Г. С. Сыроежкин, М. Р. Штаркман и другие, в будущем видные, чекисты. Например, начальник УНКВД по Московской области А. С. Журбенко после ареста, пытаясь разжалобить Сталина, писал о том, как он в Крымской ЧК под руководством коменданта И. Д. Папанина своей «ещё юношеской рукой непосредственно уничтожал врагов» (59). И если в Москве и других крупных городах основная нагрузка при казнях падала на комендантов и их помощников, то в местных отделениях ОГПУ-НКВД и лагерях очень часто расстреливали рядовые и руководящие работники районных, городских и оперативно-чекистских отделов.

На распространённый вопрос: «Что превращало работников НКВД в садистов?» общий ответ был дан давно – страх. Как нам представляется, это объяснение является совершенно верным и подкрепляется признаниями самих чекистов. Ужас оказаться в положении заключённого подавлял все иные чувства. Многие чекисты откровенно говорили о том,

что испытывали парализующий страх за свою судьбу, слыша угрозы начальников арестовать и расстрелять, а также зная об участии отказавшихся фабриковать дела (60). Начальника СПО УНКВД НСО К. К. Пастаногова во время суда обвиняли и в терроризировании оперсостава, который тот запугивал угрозами арестовать (61).

Аресты работников УНКВД ЗСК в 1937 г. «создали в коллективе настроение какого-то психоза». Новосибирский работник КРО П. А. Черепанов сказал коллеге Л. А. Маслову после очередного посещения «особого корпуса» тюрьмы: «Я бы лично не вытерпел этих издевательств и, будучи невиновным, сам на себя дал бы вымышленные показания» (62). Оперработник Водного отдела УНКВД по Омской области Быбин на одном из партсобраний заявил, что в 1938 г. из-за угроз со стороны начальника отдела «он ночи не спал – ждал ареста». Начальник отделения УНКВД по Алткраю А. И. Храмов в марте 1939 г. на партийном заседании пожаловался: «Если бы кто-нибудь из нас попытался разоблачить [С. П.] Попова, то бы он этого человека убил» (63). Среди новосибирских чекистов ходили рассказы о том, как начальник управления Мальцев весной 1938 г. прямо в своём кабинете ударом графина в висок убил проштрафившегося районного работника НКВД. Даже трудно представить моральное состояние работников УНКВД по Дальне-Восточному краю, среди которых в 1937–1939 гг. были репрессированы сотни коллег: в одном только расстрельном списке, подписанном Сталиным 3 февраля 1938 г., находилось 127 чекистов ДВК (64).

Региональные начальники НКВД тоже работали за страх. С. Н. Миронов показывал, что сразу после его приезда в Новосибирск в начале декабря 1936 г. ему стал ежедневно звонить начальник Секретариата НКВД Я. А. Дейч, заявляя, «что все края и области развёртывают дела, а Западная Сибирь после отъезда Курского “спит”, что Николай Иванович [Ежов] недоволен этим». Дейч утверждал, что начальник Ленинградского УНКВД Л. М. Заковский, начальник УНКВД по Свердловской области Д. М. Дмитриев, начальник УНКВД по Азово-Черноморскому краю Г. С. Люшков и другие дают развёрнутые «блестящие дела». В УНКВД ЗСК поступали вороха копий протоколов допросов из других регионов и центрального аппарата, причём «преимущественно показания рассылались те, по которым якобы вскрывались антисоветские группировки и организации внутри парторганизаций».

Миронов, прибыв на февральско-мартовский пленум ЦК, встретился с Ежовым и заявил ему, что «Курский и, особенно, Успенский втянули почти весь оперативный аппарат в фабрикации фиктивных протоколов

и создали такое положение, когда действительные дела по серьёзной контрреволюции невозможно расширять, т. к. неизвестно, по кому будешь бить, ибо с ними переплетены “липовые” дела на совершенно невинных людей. Ежов мне на это ответил: “У вас слабые нервы, надо иметь нервы покрепче. Успенский и Курский достаточно себя зарекомендовали, и западносибирский аппарат – самый здоровый. Наоборот, мы у вас заберём много людей, переросших уже рамки начальников отделов, и возьмём их на выдвижение...”»

А Фриновский, выслушав тогда же Миронова, заявил: «Что ты занимаешься философией и ревизией дел – это не в почёте, и Николай Иванович справедливо недоволен. Ты уже не новый начальник в Западной Сибири, и пора уже показывать товар лицом. Сейчас темпы такие, когда надо показывать результаты работы не через месяцы и годы, а через дни». Он спросил меня, понимаю ли я, что теперь нужно. Я ответил, что понимаю» (65). И уже в июле 1937 г. за участие в организации террора Миронов получил орден Ленина.

Весной 1938 г. нарком внутренних дел УССР Успенский, вызвав начальника УНКВД по Житомирской области Г.М. Вяткина в Киев, сказал: «Если не хочешь, чтобы я тебя немедленно посадил, езжай и организуй *тройку*, и нужно расстреливать не менее 500 человек в день... Если будешь мудрить... от нас не спрячешься, узнаем, посадим и расстреляем». После этого Вяткин энергично взялся за выполнение приказа наркома. Всего за полтора месяца работы особой *тройки* было осуждено к расстрелу 4.165 чел. и только 38 – к заключению в ИТЛ (66).

В «органах» особенно сильное давление испытывали те чекисты, кто по тем или иным причинам давал невысокие «оперативные показатели» (67–68). Работник Транспортного отдела УНКВД ЗСК Н.Г. Нефёдов показывал, что в начале 1937 г. он вёл дело на офицеров-колчаковцев, которые не признавались. Тогда А.И. Успенский пригрозил Нефёдову, что «если я не желаю с ней [контрреволюцией – *А. Т.*] бороться, то мне тоже будет место найдено» (69). Оперативник Особотдела СибВО Л.И. Цыганов летом 1937 г., жёстко критиковался своим начальником А.Н. Барковским: «в агентурной работе у него развал, контрреволюционного троцкистского подполья в обслуживаемом им танковом батальоне он до сих пор не вскрыл». О начальнике Бакчарского РО Нарымского окротдела УНКВД НСО М.М. Емжине старший коллега в июне 1938 г. говорил, что «у него создана видимость спокойствия, отсутствия якобы деятельности контрреволюционных элементов» (70).

Чем ниже был должностной уровень чекистов, тем чаще проявлялись колебания – но только в методах, а не в целях. Работники, испыты-

вавшие сомнения в обоснованности повального террора, подчинялись начальству под страхом неизбежных репрессий в случае обвинений в «саботаже». Тем не менее грозные обвинения в неудовлетворительной борьбе с «врагами» настигли немалое число сотрудников НКВД. Чекисты заставляли себя верить в правильность указаний начальства о массовых арестах и вымогательстве признательных показаний, часто доносили на колебавшихся коллег; какие-либо сомнения отбрасывались или заглушались алкоголем. С особенной жестокостью чекисты относились к арестованным «предателям» из собственных рядов.

Вместе с тем боязнь поплатиться свободой за слабую борьбу с «врагами народа» сочеталась с уверенностью в обилии врагов и необходимости их беспощадного подавления. В чекистах с первых лет существования «органов» воспитывалась уверенность в том, что всякий «бывший», инакомыслящий, иностранец (а затем и оппозиционер-партиец, и всякий «инонационал») – это прямой или затаившийся враг государства, диверсант и шпион. Разница между противником настоящим и потенциальным объявлялась несущественной. Летом 1937 г. чекисты получили прямое указание полностью уничтожить базу для потенциальной «пятой колонны» и почувствовали себя исполнителями грандиозной исторической миссии. Выступая в августе 1937 г. на партийном собрании работников УГБ УНКВД ЗСК, посвящённому итогам июньского пленума, один из оперработников, старый чекист П.И. Молостов, подчеркнул: «Июньский пленум, лично т. Сталин вооружают нас, коммунистов, на беспощадную борьбу с классовым врагом...» (71).

Как вспоминал оперработник А.М. Ничков, на оперативных совещаниях начальник УНКВД НСО Г.Ф. Горбач, его заместители И.А. Мальцев и Д.Д. Гречухин, а также начальник КРО Ф.Н. Иванов разъясняли, что невидимая война уже началась и из империалистического лагеря в СССР идёт массовая засылка террористов, шпионов, диверсантов. В связи с этим необходимо арестовывать не только их, «но изолировать всю базу для этих формирований». Начальство утверждало: «Не может быть, чтобы кулак, бывший торговец, офицер, каратель не являлся антисоветской личностью. Арестовывайте их. Мы обязаны здоровый организм Советского государства очистить от этого наноса» (72). Влияние аналогичных установок прослеживается в заявлении рядового алтайского чекиста Н.Л. Баева в партийные инстанции: «Репрессированное кулачество, так называемый спецконтингент, троцкисты, правые, эсеры... вся эта нечисть являлась базой иностранных разведок, в той или иной мере пакостила партии и советской власти» (73).

Бывший начальник особого отдела дивизии в Томске П.А. Егоров писал Сталину, что оперсостав принял установки руководства НКВД «как прямую физическую ликвидацию всей контрреволюции, в том числе и пассивной, но являющейся базой для различных контрреволюционных формирований, деятельно следуя этим директивам, приступил к их реализации с полным сознанием исторической необходимости очистить нашу страну от этого контингента. [...] Вихрь операции увлѣк за собой весь оперсостав органов, все писали [ложные] протоколы с той только разницей, – одни делали верно, выбирая исключительно контрреволюционный элемент, а другие без разбора били... по коммунистам и преданным людям страны. [...] Я, как и все, писал тоже протоколы, но я выбивал исключительно контрреволюцию, ни в одном моём протоколе вы не найдѣте человека, который бы не имел за собою какого-нибудь контрреволюционного или антисоветского багажа».

Однако, как отмечал Егоров, «в конце сентября или начале октября [1937 г.], когда были реализованы все наши учѣты, операция с бешеной силой обрушилась на ни в чём не повинных людей... Для многих из нас смысл дальнейшей операции стал не только не понятен, но и страшен, но остановить её бешеный шквал могли только ЦК и Вы. Желание некоторых чекистов спасти невинных людей приводило лишь к их арестам и гибели. Увеличились самоубийства среди чекистов...» (74).

С точки зрения помощника начальника КРО УНКВД НСО В.Д. Качуровского, операции, касавшиеся «враждебных национальностей», озаменовались необоснованными репрессиями в отношении многих людей – «дров наломали крепко». Однако «операция по РОВС и кулакам... имели меньшее число ошибок и извращений потому, что шѣл сравнительно чистый [антисоветский] контингент». Качуровский подчѣркивал «великую историческую миссию» чекистов: «В операции по кулакам и РОВС я ничем не отличался от всех остальных раб[отни]ков... действовал теми же методами, забываясь только, чтобы удары шли в цель, т. е. на белогвардейцев, кулаков и им подобных... мы – я, весь основной состав, работали не покладая рук, с чувством гордости и понимания того, что на нас была возложена великая историческая миссия расчистить путь к коммунизму от шпионского, право-троцкистского мусора» (75).

Начальник УНКВД по Челябинской области Ф.Г. Лапшин после ареста показал: «Из совокупности всех действовавших в то время приказов и оперативных распоряжений... как я, так и работавшие со мной товарищи делали вывод, что в стране происходит глубокая и решительная очистка тыла от всего враждебного советской власти элемента... все мы

горели искренним желанием отдать свои силы и энергию этому делу. Особенно сильным желанием являлось почистить Челябинскую область, которая является областью из немногих в Советском Союзе по степени засоренности врагами различного рода и окраски (начиная с бывших колчаковцев и каппелевцев и завершая эсерами и бывшими царскими специалистами-интеллигентами)» (76–77).

Бывший начальник СПО УНКВД ЗСК И.А. Жабрев показал на следствии, что в среде сибирских чекистов ещё в первой половине 30-х годов «...было пушено крылатое выражение “соцзаказ”. Под этим “соцзаказом” разумелось проведение заведомо фальсифицированных дел в зависимости от политической обстановки» (78). Дела Тухачевского и Ягоды чекисты откровенно именовали соцзаказом Сталина. Отношение к репрессиям как к заказу вышестоящего начальства, оплачиваемому премиями и наградами, порождало соревнование между региональными органами ОГПУ-НКВД и различными подразделениями одного и того же управления. В 1930 г. окружные отделы ОГПУ старались перевыполнить контрольные цифры по арестам «кулаков», а в 1933 г. аппараты СПО и ЭКО полпредства ОГПУ ЗСК соревновались друг с другом, фабрикуя «заговоры» – белогвардейский и сельскохозяйственный соответственно; согласно показаниям С.П. Попова, «между СПО и ЭКО шло активное соревнование в фальсификации следствия, координируемого полпредом Алексеевым» (79).

В 1937–1938 гг. пассивность при проведении репрессий преследовалась руководителями НКВД как «вражеская практика» и «контрреволюционный саботаж». По инициативе Сталина летом 1937 г. было арестовано несколько видных чекистов, обвинѣнных в саботаже борьбы с врагами. На самом деле и Т.Д. Дерibas, и Р.А. Пилляр, и Э.П. Сальнь, и И.М. Блат были активными сторонниками репрессий, за сѣт чего, как и любой высокопоставленный чекист, сделали карьеру. Их погубили недостаточная инициативность в проведении массового террора, а также желание Сталина и Ежова на их примере показать необходимость особых стараний в кампании истребления «врагов народа». Этот сигнал был отлично усвоен большинством региональных лидеров НКВД, в результате чего между ними развернулось настоящее соревнование по арестам и расстрелам.

Ревностное отношение к успехам и провалам соседей существовало и ранее 1937 г.: оценивая положение в Омской области, куда прибыл из Крыма в начале 1935 г. на должность начальника СПО Я.П. Нелиппа, этот чекист ретроспективно резюмировал: «В общем, как и свойственно

захолустьем, люди [омские чекисты – А. Т.] не могли понять и принять настоящие большевистские темпы и размеры в деле разгрома контрреволюции» (80). Однако с лета 1937 г. развернулось широкое соревнование по арестам среди областных и республиканских НКВД, а также между их подразделениями, прежде всего КРО и СПО. Руководство управлений НКВД спускало местным органам контрольные цифры арестов, которые можно было перевыполнять, но не наоборот. Так, Томский оперсектор несколько раз получал лимиты на аресты 1.500–2.000 чел (81). В КРО УНКВД НСО в конце 1937 г. существовало соревнование между отделениями по количеству арестов, когда каждое из них обязывалось в ближайшие три-четыре дня закончить порядка 150 дел. Те начальники, у кого арестованных оказывалось меньше, подвергались разносам (82).

Замначальника УНКВД НСО И.А. Мальцев в первой половине декабря 1937 г. на совещании оперативного состава в г. Томске заявил следующее: «Партия и правительство продлило срок работы *троек* до 1 января 1938 года. За два-три дня, что оставались до выборов в Верховный Совет, вы должны провести подготовку к операции, а 13 декабря после выборов... начать “заготовку”. Даю Вам 3 дня на “заготовку” (это значит на арест людей), а затем Вы должны “нажать” и быстро закончить дела... “Колоть”... не обязательно, давайте в дела “нерасколотых” два показания “расколотых” и всё будет в порядке. Возрастным составом арестованных я Вас не ограничиваю, давайте стариков. Нам нужно “нажать”, т. к. наши уральские соседи нас сильно “поджимают”... (курсив наш – А. Т.) По РОВС вы должны дать до 1 января 1938 года не менее 1000 человек, по полякам, латышам и других не менее 600 человек, но в общей сложности я уверен, что за эти дни вы “догоните” до 2000 чел. Каждый ведущий следствие должен заканчивать не менее 7–10 дел в день – это немного, т. к. у нас шофера в Сталинске и Новосибирске “дают” по 12–15 дел в день. Хорошо работающим после совещания я “подброшу” денег, а вообще без наград они не останутся. Учтите, что ряд отделов – Кемеровский, Прокопьевский и Сталинский – вас могут опередить. Они взяли на себя самообязательство выше, чем я вам сейчас предложил» (83).

В начале февраля 1938 г., проводя оперсовещание с начальниками ГО-РО НКВД, Мальцев поддержал обязательства некоторых местных руководителей в ближайшее время арестовать по 300–500 чел. и приказал всем на них равняться. Прибыв в апреле 1938 г. в Томск, Мальцев раскритиковал оперсостав за недостаточное количество арестов (508 арестованных в январе, 1.672 – в феврале, 109 – в апреле 1938 г. по тер-

ритории современной Томской области) и нежелание бороться с врагами (84). Соревновались везде. Сослуживец начальника УРКМ УНКВД по Московской области М.И. Семёнова показал: «Мне неоднократно приходилось слушать такие разговоры Семёнова с [Г.М.] Якубовичем после заседания *тройки*, когда Семёнов говорил Якубовичу: “Ты сколько сегодня осудил?”, на что Якубович отвечал: “Человек 500”. Семёнов же тогда говорил Якубовичу, смеясь: “Мало... А я – шестьсот!”» (85).

Заместитель начальника УНКВД по Московской области А.П. Радзивиловский в 1937 г. хвастался, что вывел УНКВД на первое место в стране по борьбе с «врагами народа» (86). Новосибирские чекисты очень гордились тем, что на август 1937 г. управление НКВД занимало второе место по эффективности в стране – настроение на общих партсобраниях, когда начальство сообщало об этом, «доходило до экстаза» (87).

Как рассказывал С.П. Попов, на московском совещании руководящего состава НКВД в январе 1938 г. никто из начальников местных управлений не заявлял, что «массовые операции» можно считать законченными: «Когда выступил с докладом Г.Ф. Горбач и заявил, что им в Новосибирской области арестовано и осуждено 55000 человек, Фриновский, перебив Горбача, обратился к присутствующим: “Вы слышали? 55 тысяч арестованных! Ай да Горбач! Вот молодец!” Горбач доказывал, что операцию необходимо продолжать» (88). В июне 1938 г. смеившийся Горбач И.А. Мальцев перед С.П. Поповым «хвастался большой цифрой арестованных по делу правотроцкистской организации и, сравнивая свои итоги с нашими, высмеивал нас» (89). Зная о похвалах Ежова в адрес новосибирцев, замначальника УНКВД по Алткраю П.Р. Перминов в 1938 г. с особенным чувством хвалился перед коллегами тем, что Новосибирск теперь отстаёт от них «по технике оформления протоколов» (90).

Начальник УНКВД по Челябинской области Ф.Г. Лапшин показал, что «проводимая работа по изъятию антисоветского элемента носила форму дикого соревнования, в докладах по пятидневкам был один главный вопрос – “Сколько?”». На одном из оперсовещаний в УНКВД прозвучала такая выразительная начальственная оценка: «Плохо льётся кровь врагов у нас в Челябинской области, вот другое дело в Свердловске, там по-настоящему течёт кровь рекой...» (91). Для чекистов районного звена аналогичные формулы также были типичны: начальник Локтевского РО УНКВД по Алткраю И.У. Абрамович на заседании райкома в 1938 г. заявил, что про него говорят, что за время работы в Краюшкинском РО НКВД «все руки его стали по локти в крови», и он обещает «показать себя с этой стороны и в Локтевском районе» (92).

Высокая бдительность и «чекистская злость» были основными качествами настоящего оперработника. Вновь прибывший начальник УНКВД ЗСК В.М. Курский на партсобрании 7 августа 1936 г. заявил, что главное для чекиста – высокая бдительность и «большевистская озлобленность к зиновьевско-каменевским подлецам». В январе 1937 г. на партсобрании в СПО УНКВД ЗСК руководители отдела отмечали, что «злобу, ненависть к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банде... мы каждому чекисту привили достаточную...» (93). Начальник УНКВД по Челябинской области П.В. Чистов называл КРО «злым отделом», чем работники отдела гордились (94).

Характерны слова А.И. Успенского, сказанные в июне 1938 г. на XIV съезде КП(б)У: «Те коммунисты, которые пришли к нам на работу в ЧК, они буквально в течение 2–3 дней справляются с работой. ...Его спрашивали: “Как у тебя, хребет есть, ты на врагов зол?” “Зол, – говорит, – уж крепко зол!”. “Зол, тогда садись и допрашивай!”. И вот садится и допрашивает» (95). Таким образом, слово «злой» стало сугубо положительным эпитетом. Осенью 1938 г. молодой сотрудник СПО УНКВД НСО И.М. Трифонов получил такую характеристику: «В борьбе с врагами народа беспощаден, напорист, злой. Хороший человек во всех отношениях»; по словам его начальника К.К. Пастаногова, «у нас в отделе ходит такая легенда, что нет такого лица, которого бы т. Трифонов не заставил [бы] разоружиться». Традиционная формулировка в партийных характеристиках новосибирских чекистов в 1939 г. звучала так: «К врагам народа беспощаден. Принимал активное участие в разгроме контрреволюционного право-троцкистского подполья» (96).

Ощущение безнаказанности провоцировало многих чекистов на откровенный садизм. Если у А.Ю. Ватлина при изучении деятельности следователей Кунцевского РО УНКВД по Московской области сложилось мнение об отсутствии у них садистских наклонностей (97), то практика работы многих сибирских, а также, например, украинских чекистов говорит об обратном. Сотрудники Куйбышевского оперсектора УНКВД НСО соревновались в умении убить приговорённого к расстрелу ударами сапога в пах. О замначальника Следчасти УНКВД по Алткраю Т.К. Салтымакове один из его коллег заявил: «Салтымаков – зверь в образе человека, ничего человеческого в нём не осталось, он и смотрит-то на людей не как человек...» (98).

Практикант Особого отдела УНКВД по Алткраю П.П. Алмазов показывал: «Однажды начальник отдела Шутилин обратился к нам с призывом: “Ребята, кто хочет кулаки почесать, идёмте допрашивать [майора

И.Н.] Цыганова!”» (99). Сотрудник СПО Харьковского УНКВД И.С. Друшляк на допросе откровенно показал о своей досаде, когда его начальник, вооружившись резиновыми палками, увел арестованного для избияния: «Я тогда ещё обиделся, что меня не пригласили...». Его коллега С.И. Дрибинский, избивая арестованного, приговаривал: «...Дурак, тебе при твоём здоровье много не надо, ещё один удар – и почки как не было!» (100).

Чекисты были также весьма мстительны, не чураясь при сведении счётов и криминала. В.М. Курский, будучи начальником Восточного отдела ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, в августе 1928 г. был исключён из ВКП(б) за причастность к убийству селькора газеты «Туалу-Джашау» в г. Микоян-Шахор Карачаево-Черкесии (101), однако вскоре оказался восстановлен и продолжал подниматься по служебной лестнице. В начале 1932 г. начальник Троицкого РАП ПП ОГПУ ЗСК старый чекист А.В. Матвеев и его подчинённые сфабриковали дело о «дискредитации ОГПУ» на директора Боровлянского лестранхоза, в разговорах с коммунистами упрекавшего чекистов в незаконных арестах специалистов и присвоении имущества лестранхоза. Д.М. Давыдов-Мальшкевич, будучи помощником начальника УНКВД по Саратовской области А.Р. Стромина-Строева, по его указанию в 1938 г. сфабриковал дело на гражданина Обухова, оскорбившего Стромина и за это расстрелянного (102).

Точно так же видные чекисты мстили и своим коллегам. Убранный из Сибири Г.А. Молчанов, возвысившись, старался препятствовать карьере своего бывшего начальника Б.А. Бака и его брата. Изгнанный с Украины в 1933 г. И.М. Леплевский поклялся вернуться и «рассчитаться со всеми»; получив в 1937 г. пост наркома внутренних дел УССР, Леплевский устроил среди чекистов республики настоящий погром (103). Начальник УНКВД по Оренбургской области А.И. Успенский перед отъездом на Украину «пропустил» через Военную коллегия Верховного суда целый ряд видных оренбургских чекистов, разоблачённых им как «заговорщики» (104).

Для чекистской психологии характерно отсутствие чувства вины у большинства работников НКВД, которые после ареста отрицали и смазывали своё участие в терроре. Начальник УНКВД по Полтавской области А.А. Волков на суде полностью отрицал нарушения законности, объясняя размах репрессий тем, что в область съехались «все офицеры и прочий контрреволюционный элемент» (105). Осуждённый начальник Минусинского оперсектора НКВД А.С. Алексеев в жалобе на необосно-

ванность приговора указывал, что в 1937 г. им арестовано 2.300 «троцкистов», из которых свыше 1.500 расстреляно, а его подчинённые упирали на чувство классовой ненависти, которое диктовало им необходимость издевательств над арестованными и приговорёнными к расстрелу. Осуждённые отнюдь не за репрессии чекисты среднего и рядового звена апеллировали к своим былым карательным заслугам: начальник особого отдела 78-й дивизии в Томске П. А. Егоров заверял Сталина, что всегда был «беспоощаден к врагам народа, и не только агентурным и следственным путём боролся с ними, но много, много сам физически уничтожал их». Рядовой оперативник КРО УНКВД по Алткраю И. И. Виер-Ульянов уверял судей трибунала: «Я сам боролся с врагами народа, не одну сотню я арестовал и расстрелял этих врагов» (106).

Начальник Шегарского РО УНКВД НСО И. Н. Пучкин, осуждённый в январе 1939 г. на 8 лет за нарушения законности, уверял, что «в числе привлечённых и осуждённых по линии УГБ по Шегарскому району не было ни одного невинного человека», а все нарушения законности заключались только в применении «выстоек» к арестованным. Пучкин обращаясь к руководству обкома и УНКВД, восклицал: «Я хочу работать, бороться с контрреволюцией, а вот... сижу в тюрьме, совершенно невинно привлечён, а самое большое наказание... – это меня исключили из рядов ВКП(б), отобрали политические права на жизнь». Допрошенные в 1940 г. пятеро работников Прокопьевского ГО УНКВД НСО категорически отрицали нарушения законности, признав только применение выстоек к арестованным (107). Сотрудник Куйбышевского оперсектора УНКВД НСО С. К. Иванов, обвинявшийся в невероятных по жестокости издевательствах над приговорёнными к расстрелу, в последнем слове заявил, что невиновен, а его коллега и не меньший садист И. Д. Малышев упирал на состояние своего здоровья, которое от работы по приведению приговоров в исполнение пришло в полный упадок (108).

Но для некоторых наказанных чекистов были характерны растерянность перед совершёнными деяниями и внутренняя опустошённость. Как показал осуждённый в 1940 г. к расстрелу бывший начальник отделения УНКВД по Приморскому краю Н. М. Мочалов: «...Мне даже страшно вспомнить, что мы делали. Я за эти дни всё понял, но почему мы это делали и для кого это было нужно, я не могу сказать» (109). В последнем слове комиссар госбезопасности А. И. Успенский заявил членам Военной коллегии В. В. Ульриху, А. Г. Сулину и И. В. Детистову, что «после того, что с ним случилось, он сам не хочет жить, а поэтому любой, даже самый суровый, приговор он примет с удовлетворением» (110).

Самые завзятые фальсификаторы после ареста подчас говорили о раскаянии. В январе 1940 г. С. П. Попов показал (вероятно, о своём участии в создании «белогвардейского заговора» 1933 г.) следующее: «Я фальсифицировал показания арестованных так же, как и другие следователи. Вначале мне внутренне тяжело было заниматься подлогом. Как мог, я успокаивал себя тем, что принимаю участие в уничтожении белогвардейской контрреволюции... В то же время сознание того, что я занимаюсь фальсификацией в следствии, совершаю большое преступление, мучило меня, нарушало моё спокойствие...». Комиссар госбезопасности 1-го ранга С. Ф. Реденс признал, что из арестованных им в Москве 36 тыс. чел. было много невинных, а в Казахстане «без достаточных оснований» было осуждено до 4 тыс. чел. (111).

Арестованный начальник Томского ГО НКВД И. В. Овчинников писал следователям: «Да, безумная обстановка 1937 года, безумное проклятое время, тот психоз, которым были охвачены все мы, лишили разума и обрекли с неизбежностью рока на действия, которые возведены сейчас в преступление... [...] Я был поражён установками на размеры операции, на упрощённый порядок следствия... переживал тогда жуткие минуты страшной внутренней борьбы, примерял свою совесть и рассудок, не согласные с этой операцией, с необходимостью выполнения долга службы, диктуемого сверху, со ссылкой на Москву, но бороться с этой линией УНКВД не смел, т. к. думал, что раз Москва требует, значит так надо, значит я оперативно и политически отстал, не вижу того, что видно с московской колокольни, на которой сидел Ежов. А ведь Ежов не только нарком НКВД, это для меня был прежде всего секретарь ЦК и председатель комиссии партконтроля. Это, как говорится, не фунт изюму. Все ссылки на него [со стороны УНКВД] я понимал прежде всего как ссылки на указания ЦК ВКП(б)» (112). В этом ярком заявлении, тем не менее, отсутствует объяснение того, почему Овчинников так искренне поддерживал соревнование по количеству арестов.

Бывший начальник УНКВД по Челябинской области Ф. Г. Лапшин, арестованный в 1939 г., в своих показаниях выделил особую главу «Как я стал преступником», в которой, в частности, писал: «Были моменты, когда во мне просыпались чувства совести, стыда и раскаяния. Являлось желание рассказать об этом откровенно и прекратить творимые преступления. Но боязнь ответственности останавливала, и я опять уходил в себя. Машина продолжала работать по-прежнему...» (113). А С. Н. Миронов покаялся только за кровь коммунистов: «За период своей антисоветской деятельности в Новосибирске до августа 1937 г. я принёс боль-

шой ущерб государству. Он определяется не только количеством невинных жертв, но и теми настроениями населения, которое воспринимало эти аресты. [...] Я, как участник заговора, пропускал через *тройку* липовые дела на лиц, среди которых была некоторая часть ни в чём не повинных партийных и советских активистов... и за все невинные жертвы, попавшие в это число, несу ответственность» (114).

Вместе с тем в чекистской среде рядом с исключительной жестокостью и равнодушием соседствовали обычные человеческие реакции. Видя мужество обречённых на казнь, иные чекисты испытывали уважение к своим жертвам. Бывший магаданский следователь М. Баранов вспоминал: «Помню как нас, несколько человек молодых чекистов, вызвали к начальнику управления и сказали, что мы будем сопровождать осуждённых от тюрьмы до места казни... И всё, что произошло потом, произвело на меня и моих товарищей такое сильное впечатление, что несколько дней лично я ходил словно в тумане и передо мной проходила вереница осуждённых троцкистских фанатиков, бесстрашно уходивших из жизни со своими лозунгами на устах» (115).

ПРАКТИКИ ДОНОСОВ И БДИТЕЛЬНОСТИ

Отделы кадров в чекистских структурах и партийные организации накапливали большое количество доносов сотрудников. Донос, в сущности, являлся одним из важнейших регуляторов внутриведомственных взаимоотношений. Сочинение «сигналов» поощрялось начальством. Манья подозреваемости и желание выслужиться демонстрацией высокой бдительности, желание подсидеть коллегу, подставить и оклеветать его стимулировали «сочинителей». Как пояснял ставший в 1937 г. жертвой доносов сослуживцев начальник Венгеровского РО УНКВД ЗСК Д. И. Надеев, «вся эта создававшаяся обстановка вокруг меня и привела к весьма распространённому в наших органах термину – “угробить”» (116).

Характерно донесение сотрудника Омского оперсектора ОГПУ М. М. Портнягина в 1933 г. о своём коллеге из Купинского РАП, безропотно терпевшем побои со стороны собственной жены, по мнению доносчика, именно потому, что та знала о нём какие-то компрометирующие вещи. Донесли обо всём: работника Особого отдела СибВО С. Г. Достовалова в 1934 г. во время партчистки критиковали за то, что он в доме отдыха переоделся в женское платье и пытался в таком виде пройти в столовую, а уполномоченный СПО Я. С. Турчанинов был вынужден категорически «отрицать факт покупки подрясника попу (отцу жены)» (117).

С одной стороны, чекисты должны были окружать себя только коллегами, с другой, недостаточная контактность тоже вызывала недоверие – сотруднику госбезопасности надлежало находиться под постоянным присмотром «своих». Работник ЭКО УНКВД ЗСК Б. В. Лукин летом 1934 г. говорил об особисте и бывшем разведчике Л. И. Макове: «Странным является то, что он живёт обособленной жизнью» (118).

Рядовые работники, руководствуясь карьерными соображениями и зная о правилах игры, при случае старались получить компрометирующую информацию на руководящих. В 1931 г. барнаульские чекисты М. И. Градополов и Марков «случайно прочли» письмо своего начальника, руководителя ОДТО ОГПУ ст. Барнаул А. Я. Мушинского, адъютанту начальника ДТО ОГПУ Омской железной дороги Р. П. Пурины (своему бывшему подчинённому), и в 1937 г. Градополов отмечал, что это письмо было «антисоветским», с жалобами на плохую жизнь (119).

Также чекисты нередко ввязывались в интриги против своего руководства. Характерно выглядит атака партийного бюро полпредства в июне 1932 г. на начальника ЭКО ПП ОГПУ ЗСК М. А. Волкова в связи с делом о «левацких загибах» начальника СПО Г. А. Лупекина. Лупекин, вёдший кружок политэкономии «повышенного типа» для сотрудников, заявлял, что в колхозах существует классовая борьба, что расценивалось бдительными коллегами как дискредитация колхозного строительства. Особист В. И. Лешин донёс, что начальник ЭКО Волков отказался прорабатывать этот актуальный вопрос, несмотря на «разоблачения» Лешина. В результате партбюро полпредства постановило (11 – за, двое – против) считать заявление Лешина «поступком абсолютно партийным», а дело на М. А. Волкова – передать в Зап.-СибКК ВКП(б) для расследования «непроработки актуальнейшего вопроса о классовой борьбе в колхозах», засекречивании Волковым разговора с Лешиним и неискренность при даче объяснений в партбюро (120). Насколько известно, этот эпизод не имел каких-то серьёзных последствий для успешной карьеры Волкова.

Что начальники, что рядовые чекисты чувствовали себя уязвимыми винтиками беспощадной машины и боялись друг друга: начальник мог легко арестовать рядового чекиста, но, с другой стороны, мог и оказаться мишенью какого-нибудь ловкого доноса. Так, враждебно настроенный к Ягоде начальник Воронежского УНКВД С. С. Дукельский в июле 1936 г. сообщал Ежову, что руководство ОГПУ ещё в 1933 г. располагало данными о «троцкистском центре» и сознательно проигнорировало эти данные. Сам же Ежов осенью 1938 г. оказался сильно скомпромети-

рованным после письма-доноса в ЦК начальника УНКВД по Ивановской области В.П. Журавлёва (121). Партсобрание СПО УНКВД ЗСК в марте 1937 г. раскритиковало бывших руководителей УНКВД Н.Н. Алексеева, В.А. Каруцкого, М.А. Волкова и И.А. Жабрева, постановив «просить партком и командование собрать все факты, свидетельствующие о попустительстве и примиренчестве к врагам народа... со стороны т.т. Алексеева, Волкова, Каруцкого и Жабрева, и довести до сведения... командования и парторганизации соответствующих управлений НКВД» (122).

Поддержание высокой «чекистской бдительности» было предметом постоянных устремлений начальства ОГПУ-НКВД. Строгие правила внутреннего распорядка запрещали обсуждение работы сослуживцев, чекисты не имели права интересоваться тем, что происходит в других подразделениях. Секретность работы в СПО УНКВД ЗСК летом 1937 г. была такова, что, например, работникам КРО строго запрещалось посещать ту часть управления, где помещались кабинеты следователей СПО. Запрет объяснялся тем, что в СПО допрашивались видные деятели партийно-советского и военного аппарата. Начальник Особого отдела УНКВД по Алткраю И.Я. Шутилин запрещал подчинённым интересоваться «методами работы сотрудников других отделов», а его любимой поговоркой была фраза: «не выносить сор из избы» (123).

Тем не менее, чекисты нередко пренебрегали ведомственными инструкциями, с помощью которых руководство «органов» пыталось, в частности, засекретить свою структуру. Например, приказ АОУ ОГПУ от 27 июня 1929 г. обращал внимание сотрудников, что те, обращаясь в различные учреждения и заполняя анкеты, указывали наименования отделов и отделений ОГПУ, где работали. Приказом было предписано впредь в анкетах и частной переписке указывать, что имярек – просто «сотрудник ОГПУ». Однако в анкетах, заполнявшихся чекистами, избранными на те или иные партийные конференции в 30-е годы, довольно часто встречались указания на конкретные места работы. Поддерживая режим конспиративности, секретная часть ЗСКИК в ноябре 1930 г. направила всем РИКом и горсоветам циркуляр с указанием не требовать сведений о численности отдельных частей и органов ОГПУ и количестве избирателей в них (124).

Полпред Л.М. Заковский, вдруг обнаружив (через пять лет после начала работы в Новосибирске!), что в здании ПП висят таблички с названиями подразделений, в приказе от 21 июня 1931 г. недовольно отметил: «Структурное построение аппарата и методы работы органов ОГПУ должны быть абсолютно конспиративные, между тем... на дверях ком-

нат и кабинетов... имеются надписи вроде: “1 отделение Секретно-Оперативного отдела”, “Оперативное отделение”, “Специальное отделение”, “Начальник № отдела”... вывешиваются на местах, открытых для посторонних посетителей, различные списки, объявления с переименованием личного состава органов ОГПУ и должностей... дающие постороннему посетителю полное представление о том, как у нас построена работа». Полпред велел снять все таблички и заменить названия отделов на цифровую нумерацию. Личный состав обязывался прекратить получение частной корреспонденции через ОГПУ; также впредь запрещалось «в общественно-партийной работе» упоминание названий отделов (125). Впрочем, последнее часто не соблюдалось даже в более строгие к правилам конспирации последующие годы (126).

Мания секретности, исходившая от начальства, разбивалась об интенсивные слухи и сплетни о кадровых назначениях, взысканиях и поощрениях. О прекрасном знании и широком распространении внутренней информации рядовыми оперативниками говорит личное письмо работника ЭКО ПП ОГПУ ЗСК В.П. Казачука, где он в декабре 1931 г., в частности, сообщал приятелю о ситуации в органах ОГПУ Кузбасса и Томска: «[Особоуполномоченный] Врублевский вернулся из Щегловска [Кемерова] и говорит, что там обнаружили у Николая Прокопьевича [Осетрова] наибольший бардак. В Томске, говорят, даже ещё больший бардак, даже аппарат ЭКО разгоняют. Скоро будете об их делах приказ читать. [...] Ну как там новое начальство? Что это у вас пожары начались, не можете без происшествий. У Осетрова после меня взрывы, у вас пожары? Ай! Ай! Как не везёт [начальнику Анжеро-Судженского ГРО ОГПУ А.В.] Кузнецову [...]» (127).

Чекисты откровенничали и с агентами. Омский особист Н.В. Бельтиков, встретившийся в декабре 1936 г. с заместителем управляющего ГВФ Запсибкрая и одновременно осведомителем Бородатовым (в присутствии сексота «Белочкина»), рассказывал в ресторане о том, как подсиживал Бородатова оперативник Г.Л. Кацен, «обслуживавший» систему ГВФ. Бельтиков заявил, что в особом отделе авиабригады «собрались все интеллигенты, шептуны, службисты... занимаются подсиживанием, а не помогают руководителям подразделений». Бородатов знал, что предшественник Кацена И.И. Наволошников был арестован «якобы за знакомство с китайским генералом во время сопровождения». Когда он сказал об этом Бельтикову, заодно признавшись в дружбе с Наволошниковым, чекист ответил: «Да, за знакомство с иностранцами наших сотрудников много сидит, вот сидит в тюрьме на 10 лет начальник особо-

го отдела Омского обл. упр. НКВД [Ю.И.] Маковский за связь с одной немкой шпионкой. Сидит один уполномоченный [вероятно, А.Д. Лубенец – А. Т.], который выдал своё оружие одному коммунисту, а он оказался террористом и из этого нагана хотел убить секретаря обкома т. Булатова. И ещё много других». Агент «Белочкин» доносил, что подобные разговоры «морально убили его» (128).

В чекистской среде хорошим тоном считалось проявлять бдительность демонстративно. Для крайней нетерпимости к врагам из «своих» характерна резолюция внеочередного партийного собрания сотрудников ОДТО ОГПУ ст. Барнаул в апреле 1934 г., в которой они постановили «клеить позор врага рабочего класса» Е.В. Николаеву-Матвееву (арестованную бывшую машинистку ОДТО, якобы передавшую некие секретные документы мужу, «контрреволюционеру» Николаеву, и получившую 5 лет за участие в мифической шпионской группе, состоявшей из работников станции) и предлагали «возбудить вопрос перед соответствующими органами о применении к ней расстрела» (129).

В марте 1935 г. сотрудники ЭКО УНКВД ЗСК наперебой жаловались на игнорирование старшими коллегами их «сигналов». М.П. Хохлов заявил: «Один из гостей монтера Кочнева исписал стены в уборной комбината антисоветскими стихами. Я об этом сообщил Особуполномоченному, но до сего времени в части выявления виновных ничего не сделано». Активный оперработник Н.Х. Мелехин донёс, что уполномоченный Мартайгинского РО НКВД И.Е. Мыскин, «выехав в район для проведения следствия, заехал на квартиру к руководителю диверсионной группы и с ним занялся пьянкой. Этот факт мной сообщён Особуполномоченному, но до сего времени почему-то мер никаких не проведено» (Мыскин продолжал работать в НКВД, что говорит о надуманности доноса). И даже то, что бывшая сотрудница УНКВД Овечко вышла замуж за «чужака-харбинца», свидетельствовало, по мнению выступавших, о недостаточной бдительности чекистского коллектива (130).

Обстановка террора подстегнула манию подозрительности. Прямо на партийном собрании коллектива УГБ УНКВД ЗСК в апреле 1937 г. был арестован (а впоследствии расстрелян) оперативник аппарата особуполномоченного А.И. Вишнер. После хора обвинений в том, что он в 1924 г. перебежал румыно-советскую границу с вражескими целями, Вишнер потерял самообладание: «Решать судьбу людей под впечатлением, экспромтом, не разобравшись как следует, нельзя. [...] Я ничего не путаю... Что вы искусственно пришиваете дело? Что вы из меня искусственно хотите сделать врага?» В ответ прозвучала реплика с места:

«За оружие не хватайся». Тут же оперативник Д.Т. Кононов, который только что был отведён при голосовании в члены парткома после заявления коллеги о том, что Кононов «в отдельной папочке» хранит свои «антипартийные» газетные статьи (в 1944 г. Кононова за пыточное следствие осудят на 10 лет), заявил: «Мы все видели, как Вишнер, выйдя из себя, оскорбляя собрание, хватался за оружие. Предлагаю президиуму изъять оружие у Вишнер[а]» (131).

Фиксировались и неосторожные высказывания детей чекистов, которые свидетельствовали о разговорах, ведущихся родителями в семейном кругу. В июле 1937 г. партком УГБ УНКВД ЗСК отмечал, что дети сотрудников, отдыхающие в пионерлагере, не соблюдают режим, хулиганят, совершают побеги, а также допускают антисоветские проявления: имелись в виду «клевета на т. Сталина ребятами Шарова и Ильина», а также «выступление» дочери К.Г. Селедчикова, предложившей назвать лагерь именем Тухачевского (132).

Бдительность приобретала гротескно-параноидальные черты. Заместитель начальника КРО УНКВД ЗСК А.Н. Печёнкин в 1937 г. уверял коллег: «В нашей столовой продолжает работать террорист. В такой обстановке, товарищи, можно неприятно покушаться». Секретарь Нарымского окротдела НКВД Т.И. Плаксин после ареста своего начальника С.С. Мартона в 1938 г. говорил: «Подозрительна переписка Мартона с цветочными организациями, подписи на письмах иностранные, текст цифровой (№№ заказов) и весьма подозрителен на шифр» (133). В июне 1939 г. «за подхалимство к врагам народа» (утверждения о готовящихся теракте против С.П. Попова и отравлении его заместителя Е.П. Никольского), а также фальсификацию следственных документов и клевету был исключён из партии сотрудник Особотдела УНКВД по Алткраю П.П. Алмазов (134).

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ БЛИЗКИХ

Пуще огня чекисты боялись попасться на связях с неблагонадёжным человеком. Полпред Л.М. Заковский предупреждал подчинённых, что у них должен быть сжатый круг знакомств и пьянствовать они могут исключительно в своём кругу. В мае 1937 г. оперативник Особого отдела СибВО П.Н. Басюк заявил, что, после указания пересмотреть круг своих знакомых, обнаружил человека, связанного с троцкистом: «Я об этом сообщил партгору и тут же порвал с ним связь» (135).

Подлинной манией начальства было опасение того, что через «чуждых» жён и прочих родственников на чекистов врагами и шпионами может

оказываться влияние. Е.Г. Евдокимов и Н.И. Ежов на февральско-мартовском Пленуме ЦК так высказались по поводу арестованного крупного чекиста польского происхождения И.И. Сосновского: «Надо только посмотреть на морду этого Сосновского – чужая морда! (Смех. Ежов. Четыре жены были – все иностранки и все шпионки. Об этом все знали.)».

Ежов, выступая в феврале 1938 г. перед чекистами Украины, подчеркнул, что основной компромат в их среде исходил «по линии жены... как ни посмотришь, жена или белогвардейка, или жена расстрелянного офицера, или дочь губернатора или что-то такое» (136). Сходная ситуация была характерна для чекистов всех регионов. Вероятно, им было психологически очень важно получить более образованных и воспитанных женщин, происходивших из хороших семей; работал архетип: «убить врага и забрать себе его женщину». А оставшиеся вдовами жёны расстрелянных офицеров, священников, чиновников и прочих «бывших» видели в браках с чекистами шанс устроить разрушенную судьбу, получить в жизни опору на плечо победителя, продемонстрировавшего силу, жестокость и удачливость. Чекист был выгодной партией, хотя брак или сожительство с ним вынуждали женщин порывать с привычным кругом общения. Жена чекиста должна была быть, как жена Цезаря, выше подозрений.

Чекист, политически скомпрометированный своими родственниками, попадал в предельно дискомфортную ситуацию. Когда у работника КРО УНКВД НСО Л.А. Маслова арестовали брата, он продолжал работать в НКВД и, встретив на службе замначальника КРО А.Н. Печёнкина, согласно уставу его приветствовал: «Печёнкин гордо отвернулся и взглянул на меня, как обычно смотрят на преступника. Меня словно электрической искрой обожгло и по телу пробежал мороз». Его старший коллега В.Д. Качуровский, которого подозревали как тайного поляка, «до слёз доводил свою мать», пытаясь выяснить происхождение своей «ненавистной» фамилии (137).

Если враг или подозрительный обнаруживался среди родни, то чекист был обязан сообщить об этом начальству и оборвать любые связи с родственником. Отречение от близких было очень распространённым явлением. В 1930 г. начальник Томского окротадела ОГПУ И.А. Мальцев после 8 лет брака оставил свою жену А.С. Мальцеву из-за того, что её родственников «раскулачили». Уполномоченный ЭКО Сталинского горотдела ОГПУ Г.В. Галактионов в 1933 г. получил строгий партвыговор с предупреждением за связь с женой (дочерью жандарма, расстрелянного красными, служившей делопроизводителем в колчаковской милиции)

и затягивание развода с ней (138). С.П. Попов после ареста в 1937 г. работника немецкого консульства (и сексота Особого отдела) В.-Г. Кремера, с которым оказалась знакома его супруга, немедленно с ней развёлся и вскоре благополучно оказался выдвинут на должность начальника УНКВД по Алткраю (139).

Если со стороны супруги чекиста имелись арестованные родственники, то от неё также требовали порвать все отношения с ними. Работник КРО УНКВД НСО С.К. Адяев в конце 1938 г. писал в автобиографии, что отец его жены был репрессирован за «вредительство», но жена порвала связь с семьёй и обещала никогда не общаться с родителями: «У нас имеется дочь в возрасте 1 года, из-за которой я сохранил до настоящего времени семейную жизнь с Горбуновой...» (140).

Для чекистов была типичной готовность и лично разоблачать политически сомнительных родственников. Видный сотрудник УНКВД по Харьковской области Д.Н. Медведев (будущий легендарный партизан) в письме руководству просил направить его «в Москву на розыски брата Александра с легендой о том, что я якобы за троцкистские колебания исключён из партии и уволен из органов ЧК», чтобы в «кратчайшие сроки войти в доверие к Александру и разработать его и его связи» (141).

Своё участие в репрессиях против «неподходящей» родни чекисты постоянно выпячивали, заявляя об этом публично. Райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Алейскому району И.Г. Лисин в 1931 г. «окулачил» отца жены и сослал его в Нарым. Практикант особого отделения Омского оперсектора ОГПУ Н.Я. Шурмухин в 1934 г. рассказывал на партчистке, что его отец был «раскулачен», в 1931 г. арестован по ст. 58 УК, затем освобождён и приехал к сыну: «Мы с братом отказывались от отца, об этом подавали заявление бывшему начальнику оперсектора Клейнбергу»; думая, что отец сбежал, Шурмухин с братом сами задержали его и привели в ОГПУ (142). Парторг УГБ УНКВД ЗСК Г.И. Орлов в 1937 г. заявил: «Жена – приёмная дочь бывшего торговца, лишёнца и сосланного. Принимал личное участие в выселении отца жены». Начальник Черногорского ГО Хакасского облНКВД А.Г. Керин весной 1937 г. арестовал «раскулаченного» дядю и немедленно сообщил об этом в Отдел кадров УНКВД по Красноярскому краю (143).

В период террора скомпрометированные неподходящим родством чекисты часто предлагали крайние меры для подтверждения собственной лояльности. Работница ОК УНКВД ЗСК А.П. Пуртова после ареста своего бывшего мужа чекиста А.И. Вишнера публично заявила: «Вишнер достоин уничтожения. Я столько с ним пережила как член партии, что,

если бы мне дали возможность, у меня не дрогнула бы рука его уничтожить». Работавший в 1938–1939 гг. заместителем начальника Хакасского облотдела НКВД Б. Г. Заблудовский так написал в письме Сталину об отношении к брату: «Случайно узнал, что брат Марк арестован. Я за брата не отвечаю. Если он враг, сам готов его расстрелять» (144).

Эта готовность расстрелять при необходимости и близкого человека не являлась фразой. Когда работника СПО Бийского РО НКВД В. Е. Большакова в 1934 г. исключили из партии за использование служебного положения и притупление бдительности, тот, заверяя начальство в своей полной лояльности, утверждал, что через него прошло и расстрельное дело человека, приходившегося ему родственником. Большаков пояснял, что ему было неловко выпячивать этот факт из соображений секретности: «Парторганизация райотдела НКВД хорошо знала, что я лично... арестовал и вёл следствие по... родственнику жены, и я лично проводил дальнейшие операции по этому родственнику; не мог же я везде и всюду кричать, что я-де своего родственника расстрелял» (145).

Отказ от участия в казни родственника мог навлечь серьёзные обвинения. На одного из виднейших работников СПО УНКВД ЗСК К. К. Пастаногова в течение ряда лет поступали доносы, обвинявшие чекиста в том, что в 1930 г. тот уклонился от участия в наряде, который должен был расстрелять его родного дядю, и что среди барабинских чекистов «были в то время разговоры, осуждающие этот поступок». Ещё в 1934 г. Пастаногов во время партийной чистки открещивался от своих дядей по отцу – фельдфебеля и урядника: «я содействовал вычислить одного дядю из профсоюза». Однако его сослуживец А. Г. Луников настойчиво сигнализировал о былом малодушии коллеги, подчёркивая, что приговор над Пастаноговым-дядей в исполнение «приводил лично я». В 1937 г. из этих препирательств возникло «дело».

Правда, начальник УНКВД С. Н. Миронов счёл необходимым заступиться за активного оперативника, заявив следующее: «Приводить в исполнение приговор может не всякий чекист – просто иногда по состоянию здоровья, поэтому выдвигать его как мотив прямого политического обвинения будет не совсем правильно, особенно имея в виду, что Пастаногов не был назначен в этот наряд. На его дядю первые материалы о контрреволюционной деятельности поступили от тов. Пастаногова. И если бы даже Пастаногов заявил, что ему неудобно идти расстреливать дядю, здесь, мне кажется, не было бы нарушения партийной этики». Разъяснение было принято, и собрание постановило считать своего товарища «реабилитированным», отметив, что по отношению к нему не была проявлена должная «партийная чуткость» (146).

Массовые аресты неизбежно затрагивали близких и дальних родственников чекистов, которые иногда вступались за них: человеческие чувства перебарывали служебный долг. Заместитель управляющего Томской ИТК №1 по оперчасти И. П. Кожевников в ноябре 1937 г. был исключён из партии за разглашение гостайны и сочувствие арестованному тестю (написал теще письмо с сожалением об аресте тестя и «давал советы, как его выручить из-под ареста»). Вскоре ему вернули партбилет, поскольку Кожевников «проделал большую работу по разоблачению врагов», а с женой развёлся; но в августе 1938 г. чекиста тем не менее арестовали за связь с бывшей женой и отсутствие борьбы с врагами народа в ИТК, осудив на 2 года ИТЛ (147).

Будущий начальник УНКВД по Читинской области П. Т. Куприн, являясь ещё чекистом средней руки, добился в 1937 г. освобождения брата, осуждённого за дискредитацию власти. Есть сведения, что заместитель начальника УНКВД ДВК М. А. Каган в 1938 г. был арестован и расстрелян за то, что укрыв на своей квартире бежавшего из тюрьмы брата-«троцкиста» (148). Замначальника УНКВД по Омской области А. С. Рассказчиков в конце 1939 г. был снят с работы за помощь посылками и деньгами репрессированным родственникам – брату, арестованному в 1937 г. как враг народа, и сосланному «активному эсеру» тестю (149).

Ради любви чекист подчас мог рискнуть партбилетом, карьерой и даже жизнью. Работник ОГПУ Крыма и помначальника УНКВД по Дальнему Северу П. С. Бондаренко был женат на М. С. Черенковой (150) – вдове расстрелянного в 1930 г. уполномоченного ИНФО ОГПУ «троцкиста» Б. Л. Рабиновича. Оперработник и парторг Барабинского РО УНКВД НСО В. И. Артемьев в марте 1940 г., оставив жену с двумя детьми, тайно от парторганизации РО НКВД женился на Аввакумовой – жене арестованного в 1937 г. «врага народа» Довлетхеля. Аввакумова сама подлежала аресту как жена врага народа, но чекист, несмотря на соответствующий приказ НКВД СССР, не передал руководству ОДТО НКВД ст. Барабинск материалы на её арест. Барабинским РК ВКП(б) Артемьев был исключён из партии «за потерю революционно-чекистской бдительности» и уволен из НКВД (151). За женитьбу на женщине «враждебной национальности» – эстонке – был уволен из «органов» и знаменитый исполнитель приговоров над 1.111 узниками Соловецкой тюрьмы в 1937 г. М. Р. Матвеев (152). Но случаев, когда от близкого человека отказывались и предавали, было, пожалуй, гораздо больше.

КЛАНОВЫЕ СВЯЗИ

Своеобразной семьёй для чекистов выступали кланы, как правило, очень быстро складывавшиеся вокруг заметных в мире ОГПУ-НКВД фигур. Образование «придворного» окружения было типичным для всех партийно-советских начальников, и чекисты не были исключением (153). Хотя Политбюро в августе 1931 г. и запретило руководящим работникам ОГПУ брать на новое место работы «кого бы то ни было из близким им работников» (154), это решение чекистами откровенно саботировалось.

Клан Ягоды оказался настолько прочен, что сменивший Ягоду Ежов первые недели буквально ничего не мог делать и с подачи Сталина получил в качестве неформального начальника Отдела кадров НКВД имевшего счёты с Ягодой бывшего начальника СОУ ОГПУ Е.Г. Евдокимова. Только после отстранения начальников ведущих отделов ГУГБ НКВД и откомандирования их на периферию Ежов смог установить в наркомате строгое единовластие. Новый нарком активно опирался на кланы, сложившиеся вокруг Евдокимова, Фриновского, Реденса, Заковского, но действовал по принципу: сегодня я этому чекисту поручаю важный допрос другого чекиста, а завтра арестовываю его самого (155).

Прибывавшие к новым местам службы чекисты-руководители немедленно начинали формировать своё окружение. Как показывал работник Транспортного отдела Г.М. Вяткин, осенью 1936 г. в УНКВД ЗСК быстро сложилась «крепко спаянная группа»: начальник управления В.М. Курский, его зам А.И. Успенский, а также основные следователи – С.П. Попов, Д.Д. Гречухин, А.А. Яралянц, М.И. Голубчик, А.П. Невский, Г.Д. Погодаев – «на работе и в быту находились в тесных дружеских отношениях» и свободное время проводили на загородной даче. Начальник УНКВД по Алткраю Серафим Попов спланировал доверенных сотрудников как продвижением по службе и квартирами, так совместными застольями и, как отмечал его секретарь, «атмосферой круговой поруки» (156). В начале 1938 г. А.И. Успенский на предложение Ежова подобрать людей для переброски на Украину взял к себе видных чекистов Г.М. Вяткина, Д.Д. Гречухина, И.А. Жабрева, А.Н. Троицкого, А.А. Яралянца, с которыми работал в Новосибирске и Оренбурге (157).

Кланы нередко укреплялись семейными связями. В «органах» служили родственники известных чекистов: два брата М.Д. Бермана, брат и сестра В.А. Каруцкого, брат и сестра Б.А. Бака, два брата будущего генерал-лейтенанта МГБ Г.С. Жукова и т. д. У видного работника КРО УНКВД НСО Л.К. Соловьёва в системе госбезопасности в конце 30-

годов работали три брата; столько же братьев-чекистов имелось на 1939 г. и у его коллеги-транспортника И.П. Губанищева (158). Очень часто привлекались на работу в ОГПУ-НКВД жёны чекистов. В середине 30-х в УНКВД ЗСК семейные пары П.Н. Созонёнка и А.И. Созонёнок-Григорьевой, М.И. и А.С. Пуговкиных, А.И. Вишнера и А.П. Пуртовой, Н.А. Гротова и Д.Ф. Зотовой были оперработниками, но обычно женщины-чекистки работали машинистками, секретарями и на т. п. должностях. Частым явлением были «внутрисистемные» браки: сестра братьев Бак Мария была замужем за Б.Д. Берманом, сестра начальника Нарымского оперсектора ОГПУ З.И. Рабиновича Фрида – за оперработником ПП ОГПУ ЗСК Г.И. Бейманом, а сестра помначальника ИНО ГУГБ НКВД Н.М. Шнейерсона являлась супругой З.И. Рабиновича (159).

Один из краеугольных камней любой касты – принцип защиты «своих», сочетающийся с одновременными разоблачениями и «подставами». Круговая порука чекистов – одна из типичнейших черт их психологии. С точки зрения Дзержинского, Менжинского и, особенно, Ягоды, вынесение сора из избы наносило ущерб репутации «органов», поэтому они предпочитали даже серьёзно провинившихся работников перебрасывать на периферию, переводить в систему ГУЛАГа, в крайнем случае, увольнять. В 1932 г. Ягода настойчиво возражал против реальных наказаний для сотрудников ОГПУ Татарии, участвовавших в массовых хищениях спирта, и, несмотря на то, что вопрос об этом скандальном деле рассматривался в Политбюро, полпред ОГПУ по Татарии Д.Я. Кандыбин отделался лишь увольнением (160). Осуждённые за уголовные дела чекисты как правило получали умеренные наказания, быстро освобождались и нередко возобновляли работу в главном отстойнике для прощтрафившихся чекистов – ГУЛАГе. Подобное отношение к кадрам госбезопасности благополучно пережило времена Ягоды, в результате чего амнистированный чекист, годами прозябающий где-нибудь в глуши или в лагерной системе, стал постоянной фигурой в «органах».

Порой по чекистским кланам наносились направленные удары, причём и до эпохи 1937 г. Например, в 1929 г. за букет уголовных преступлений было «раскассировано» руководство ГПУ Азербайджана, в 1931 г. та же участь постигла начальствующих чекистов Казахстана, а в декабре 1934 г. в связи с убийством Кирова крупная чистка обрушилась на Ленинградское УНКВД, когда Ежов снял с работы три сотни чекистов из 2.747 и 21 чел. осудил к заключению в лагерь (сталинский разгон руководства союзного ОГПУ летом 1931 г. стоит здесь несколько особняком). В начале 1936 г. за хищения, растраты, подлоги и пьянство были

сняты и пошли под суд руководящие работники УНКВД по Кара-Калпакской АССР Узбекистана во главе с Ф. Д. Ульдрикком (161).

Широте репрессий среди чекистов в обстановке «Большого террора» способствовали аресты местного руководства НКВД, неизменно вызывавшие разгром приближённых к ним кадров. В конце 1938 – начале 1939 г. во всех управлениях НКВД, помимо начальников и их заместителей, сменились и начальники основных отделов, что означало разрушение кланов, созданных вокруг первых лиц УНКВД. После окончания террора формирование кланов возобновилось как вокруг высшего руководства (Берия, Абакумов), так и на местах.

Важно отметить, что самостоятельно уйти с чекистской службы было очень непросто. Считалось, что быстрое увольнение неподходящего сотрудника компрометирует принявших его руководителей, поскольку систему покидал человек, уже осведомлённый о секретных методах работы. Понимание того, что чекистская работа заключается в вербовках, проведении провокационных «оперативных игр», беспощадном следствии и расстрелах вызывали у начинающих работников психологический перелом. Большая часть соглашалась с предложенной судьбой, остальные пытались сопротивляться.

В 30-х годах добровольное оставление «органов» часто стоило партбилета. Так, в 1934 г. практикант Особого отдела ПП ОГПУ по Обско-Иртышской области Я. П. Азаренко несколько недель спустя после зачисления на службу был исключён из партии за подачу заявления об увольнении и «дезорганизационную работу среди молодых сотрудников ОГПУ» (162). Когда курсанты основанной в 1935 г. новосибирской школы НКВД подавали рапорты об отчислении, эти попытки расценивались как «дезертирство с боевого участка классовой борьбы» и решительно пресекались. После соответствующих внушений курсанты забирали заявления и публично каялись на комсомольском собрании в своём «антипартийном и трусливом поступке» (163).

Даже болезненное состояние не гарантировало от обвинений в дезертирстве: курсант оперкурсов при УНКВД ЗСК И. Г. Гуль, болевший туберкулёзом, в 1935 г. был арестован и осуждён на 2,5 года принудработ «за симуляцию в учёбе и разлагательскую работу среди слушателей». Работники неоперативных отделов также считались проходящими воинскую службу и не могли покинуть её добровольно. В 1935 г. под судом оказался фельдъегерь Вагайского РО УНКВД по Омской области И. П. Чистяков, который, воспользовавшись печатью РО и подделав подпись начальника, изготовил себе справку об увольнении со службы в НКВД (164).

В годы террора возможности добровольно покинуть НКВД ещё более сузились. Мобилизованный в УНКВД ЗСК в 1937 г. А. Г. Постнов позднее говорил, что «делал попытки уйти с этой работы, но по этому вопросу со мной не стали даже разговаривать». Начальник УНКВД НСО И. А. Мальцев внушал молодым чекистам, что из НКВД есть два выхода: либо на пенсию, либо в тюрьму. Однако случаи дезертирства оперсостава в последующий период нам известны: 27-летний оперативник КРО УНКВД по Читинской области З. А. Зарипов был уволен 30 декабря 1940 г. из НКВД за неявку на работу, а затем исключён из партии за самовольный выезд из области в неизвестном направлении (165).

С точки зрения начальства, чекист, если не был политически скомпрометирован, обязательно оставался «своим», поэтому избавлялись в первую очередь от неэффективных следователей. Работники, дававшие «высокие оперативные показатели» (т. е. большое количество законченных следственных дел, а также завербованных, арестованных, расстрелянных), были надёжно защищены статусом хорошего оперативника. Они нередко могли безнаказанно совершать тяжкие проступки, а в случае уголовного преследования рассчитывать на снисхождение ведомственного суда – Коллегии ОГПУ или военного трибунала.

Всякий чекист одновременно находился под двойным щитом (членство в партии хорошо защищало от уголовного преследования, а принадлежность к «органам» защищала ещё лучше), но и под двойным мечом тоже: неожиданного удара можно было ожидать и от партийных властей, и от собственного начальства. Как во всякой диктаторской системе, главным фактором должностного успеха были личные связи: если покровитель шёл в гору, его окружение получало от этого немалые выгоды, если же происходило падение с номенклатурных высот, то оно сопровождалось крахом карьеры многих соратников меньшего калибра.

ЧЕКИСТСКИЕ МИФОЛОГИЯ И ИНАКОМЫСЛИЕ

Для психологии чекистов были характерны мифы, причём они сами активно выступали мифостроителями, решая свои ведомственные задачи по дезинформации как врагов, так и своих. Миф о врагах и заговорах повсюду, предлагаемый партийно-советской верхушке, был гарантией поддержания авторитета, получения новых штатов, наград и поощрений. Чекисты в течение всех 20–30-х годов ежегодно ожидали вооруженной интервенции со стороны Англии, Франции, Польши, Японии, создавали мифы о проникновении в СССР многих тысяч шпионов империалистических разведок и белоэмигрантских центров.

Другая часть чекистской мифологии обслуживала внутренние потребности ведомства. Пытаясь сохранить реноме, чекисты после 1938 г. распускали слухи о том, что Ежов – сумасшедший, который попал в психбольницу, или что, например, настоящий начальник УНКВД по Читинской области Г. С. Хорхорин был убит похожим внешне на него врагом, чтобы затем осуществлять террор против невинных граждан, но был разоблачён и понёс заслуженную кару (166). Эта дезинформация послужила основой для создания в последующем мифа о немногих карьеристах и основной массе «честных чекистов».

Н. Я. Мандельштам писала, что в чекистской среде «для поддержания духа муссировались романтические легенды о ночных опасностях» и вспоминала «рассказ о том, как Бабель, отстреливаясь, опасно ранил одного из “наших”, как выразилась повествовательница, дочь крупного чекиста, выдвинувшегося в 37 году». Особенно циничная дезинформация касалась судебных расстрелянных. Многие родственники известных людей вспоминали, как в 40–50-е годы получали информацию о том, что их близкие живы и находятся в лагерях. Так говорили о И. Э. Бабеле, М. Е. Кольцове, С. Ф. Реденсе и др. (167).

Чекистская среда была органически отзывчива на всевозможные мифические объяснения жизненных явлений. Уровень интеллекта и духовных потребностей чекистов, как правило, был очень невысоким, что определялось преимущественным происхождением из низов, малограмотностью, презрением к «сильно образованным» – как склонным к лишним рассуждениям и потому неблагонадёжным. Секретарь ЦК Н. И. Ежов в 1935 г. с досадой отмечал, что даже самые подготовленные следователи, успешно проведшие в Москве дело на «зиновьевцев», «в разговорах с оппозиционерами терялись, так как многие не знают не только оппозиционной борьбы зиновьевцев, но и истории партии вообще». Ежов сообщал Сталину о ленинградских чекистах: «...Общее, что бросается в глаза среди чекистов, это пренебрежительное отношение к чтению, к культуре, к знаниям» (168).

Неразвитые сельские парни, загруженные службой, не имели ни возможности, ни, как правило, желания серьёзно работать над повышением уровня образования, ограничиваясь в массе своей зубрёжкой работ Сталина и прочих вождей. Из области литературы от них требовалось знать что-нибудь из Горького, «Как закалялась сталь» и пр. Читавшиеся чекистам лекции также были в основном посвящены официозному истолкованию политических и исторических вопросов.

Из-за низкого образования чекисты порой испытывали комплексы. Как говорил в мае 1937 г. оперативник Особого отдела СибВО П. Н. Ба-

сюк, «приходилось встречать арестованных, которые политически развитее тебя, и когда ты допрашиваешь его и чувствуешь это, то становишься как-то неприятно». Весной 1941 г. секретарь новосибирского ГК ВКП(б) И. А. Волков сокрушался: «...Иногда при утверждении работника НКВД спрашиваешь, что ты знаешь по этим главам [“Краткого курса истории ВКП(б)” – А. Т.] или, назови, какие книжки прочёл за последний месяц, и иногда такие фортели выкидывают, что поражаешься» (169).

С другой стороны, весьма образованные чекисты, вроде А. Х. Артузова, Н. Н. Алексеева, В. А. Балицкого, Г. И. Бокия, В. Р. Менжинского, В. Н. Меркулова и других, отличались не меньшей жестокостью, чем их коллеги с низким образованием, и, являясь авторитетными руководителями, в первую очередь рождали мифы о врагах и заговорах. Показательно, что аппарат нацистской тайной полиции наполняли преимущественно отлично образованные офицеры, которые вряд ли уступали в жестокости своим малограмотным советским коллегам. Это говорит о том, что идеология, жестокие приказы и примеры со стороны коллег оказывают более развращающее влияние на личность, нежели отсутствие умственного кругозора и интеллектуальных потребностей.

Мифы о врагах и заговорах не могли отвлечь многих чекистов от тягостных мыслей о своей дальнейшей судьбе. Постоянные кампании поиска врагов внутри ОГПУ-НКВД рождали у работников тайной полиции опасения разделить участь своих жертв. Ежов в 1938 г. обречённо говорил младшим коллегам, что близок черёд расправы и с ежовской генерацией чекистов, которая повторит судьбу сподвижников Ягоды (170). Руководители НКВД и, в меньшей степени, остальные чекисты все годы террора прожили с мыслью о том, что их очередь идти на плаху может подойти в любую минуту. И чтобы миновать или хотя бы отодвинуть эту мрачную перспективу, они были готовы на всё. Мало кто выбирал путь уклонения от репрессий, основная масса усердствовала в истреблении ни в чём не повинных людей. Отвечая кузену-разведчику, попрекнутшему С. Н. Миронова тем, что у него «руки в крови», этот комиссар госбезопасности отрезал: «Я сталинский пёс и мне иного пути нет!» Высокие оклады и привилегии видных чекистов маскировали ужас совершавшегося. Вдова С. Н. Миронова Агнесса Миронова-Король нашла точную формулировку для психологии тогдашней номенклатуры, полностью разделявшуюся и ею самой: «жила зажмурившись» (171–173).

Инакомыслие и даже прямые отказы участвовать в репрессиях также были довольно распространённым явлением, хотя в целом работники

ВЧК-ОГПУ были едины в желании беспощадно преследовать врагов режима. В конце 20-х годов среди чекистов в основном наблюдались попытки смягчить репрессии в отношении «врагов партии», ибо сторонники Троцкого воспринимались как заблудшие, но свои, а некоторая часть чекистов разделяла взгляды оппозиции (174).

Так, замначальника ИНФО Ачинского окротдела ОГПУ М.И. Шумилов в июле 1929 г. критиковался во время партчистки за то, что в период «оперативных действий над троцкистами проявил нерешительность и сочувственное отношение к ним как к арестованным», а практикант того же окротдела И.Н. Яшин обвинялся в том, что «при операции по изъятию оппозиционеров-троцкистов сочувственно отнёсся к таковым и вне всяких разрешений устраивал свидания последним». Летом 1929 г. помощник уполномоченного ИНФО Канского окротдела ОГПУ Ф.Е. Захарченко был снят с работы за то, что доступные ему по службе троцкистские документы размножал и показывал коллегам. В 1930 г. оперативник Барабинского райотдела ОГПУ П.Н. Шестовицкий был на некоторое время исключён своими коллегами из партии за чтение статей Троцкого и некую «связь с троцкистами»; правда, есть сведения, что действия Шестовицкого были провокационными (175). Начальник ЭКО Красноярского окротдела ОГПУ М.М. Казаковцев в марте 1929 г. был арестован за некую антисоветскую агитацию и полгода спустя Коллегией ОГПУ уволен из «органов».

Иные руководители, желая выслужиться, наклеивали политические ярлыки на собратьев-чекистов. В результате начальника Регстратотдела полпредства Г.Д. Долгова его коллега, инспектор адморгуправления И.С. Шуманов, в октябре 1928 г. обвинил в том, что тот «насилует факты по исканию правого уклона, как искал когда-то факты троцкистского уклона». При этом Л.М. Заковский поддержал именно Шуманова, подчеркнув, что «правых уклонов в нашей ячейке нет и быть не может... имеют место отдельные “шушукания” или бабские сарафанные сплетни» (176). Подчиняясь приказам о гонениях на оппозицию, некоторые руководящие чекисты в разговорах между собой весьма резко оценивали порядки даже в Политбюро ЦК: так, глава ГПУ УССР В.А. Балицкий говорил, что все члены Политбюро ничего не решают, Ворошилов «штаны снимает перед Сталиным», зато Л.Б. Каменев – талантливый государственный деятель (177).

На местах отдельным чекистам предъявлялись обвинения в связях с «кулачеством»: в 1928 г. участковый уполномоченный Омского окротдела ОГПУ в Павлоградском районе Н.Г. Бурчанинов был обвинён

в содействии получения кулацкой семьёй фиктивной справки о социально-имущественном положении. Райуполномоченный Тюменского окротдела ОГПУ по Суерскому и Емуртлинскому районам Т.А. Афанасьев в сентябре 1929 г. был исключён из партии за нарушение классовой линии и связь с кулачеством: выдал кулаку, у которого «весь хлеб выгребли», 15 пудов зерна на семена. Вскоре Тюменская окрКК ВКП(б) восстановила Афанасьева в партии со строгим выговором (178). Возможно, что с критикой кампании «великого перелома» оказался связан арест 17 ноября 1929 г. за антисоветскую агитацию линейного уполномоченного ДТО ОГПУ ст. Ачинск С.И. Зимнухова и его помощника Н.В. Першакова, пять месяцев спустя осуждённых Коллегией ОГПУ к лишению права работы в «органах» (179).

В 1932 г. новый полпред ОГПУ по Запсибкраю Н.Н. Алексеев инициировал кампанию разоблачения связей работников Нарымского и Томского оперсекторов ОГПУ с ссыльными троцкистами. Кампания эта была, разумеется, сильно раздута, но закончилась для некоторых чекистов печально. 25-летний уполномоченный и член бюро партячейки Нарымского оперсектора ОГПУ М.Х. Толстыкин был арестован по делу «томской организации троцкистов» и в июне 1932 г. счёл за лучшее покончить с собой в камере. В результате Алексееву пришлось на бюро крайкома краснеть за своих нерасторопных подчинённых, давших ускользнуть из-под следствия «активному троцкисту». В особую папку бюро крайкома 5 июня 1932 г. по докладу полпреда подшили решение «поручить т. Алексееву привлечь к ответственности лиц, ответственных за недостаточный надзор за арестованным. ... Тщательно расследовать все материалы о прямых или косвенных связях отдельных чекистов с троцкистами... Оперативные действия согласовывать с тов. Эйхе» (180).

Тогда же практикант Томского оперсектора ОГПУ коммунист В.И. Гордеев был обвинён в том, что получил от троцкиста Колесникова письмо ссыльного оппозиционера Х.Г. Раковского и, зная о существовании в Томске «троцкистской организации», не сообщил об этом в «органы». В мае 1932 г. Гордеева исключили из партии, арестовали и дали три года лагерей (правда, потом освободили досрочно). Вероятно, новый полпред ОГПУ пытался расширить круг обвиняемых в связях с троцкистами чекистов, но не особенно преуспел. Райуполномоченный Нарымского оперсектора ОГПУ в Кривошеинском районе М.И. Новичков – чекист с 10-летним стажем – в июне 1932 г. был арестован по 58-й статье (возможно, тоже в связи с троцкистским делом), но уже в сентябре его освободили с отказом от обвинений. Сотруднику Томского оперсектора

ОГПУ В.К. Иванову повезло меньше – в 1933 г. он был арестован и осуждён по 58-й статье на три года концлагеря (181).

Репрессиям за болтливость и инакомыслие подвергались и чекисты-руководители. Арестованный в октябре 1934 г. начальник Калачинского РО УНКВД ЗСК Г.С. Жибуль, обвинявшийся в антисоветской агитации, полтора месяца спустя был оправдан и освобождён. В начале 1935 г. начальник отделения ДТО НКВД Омской железной дороги А.Я. Карклис получил за «антисоветскую агитацию» 5 лет.

В первой половине 30-х преследовалось за неподобающие высказывания заметное число восточносибирских чекистов, но, насколько можно судить, с меньшим успехом. Помощник уполномоченного Красноярского оперсектора ОГПУ Г.В. Куксов в марте 1931 г. был арестован и за «антисоветскую агитацию» осуждён на год принудработ. Сотрудник ОДТО ОГПУ ст. Иланская Красноярской железной дороги З.Ф. Петрочук был арестован в декабре 1932 г. по ст. 58-10 УК и вскоре освобождён с прекращением дела за недоказанность. Сотрудник Транспортного отдела ПП ОГПУ ВСК С.С. Виноградов был в декабре 1932 г. арестован за «антисоветскую агитацию», но впоследствии освобождён с прекращением дела. Их коллега по работе в ЭКО И.В. Белоусов в марте 1934 г. был арестован в Иркутске и за «антисоветскую агитацию» в июне получил от Коллегии ОГПУ 30 суток ареста. Тогда же был арестован и помуполномоченного Канского ГО ОГПУ Д.Г. Михалкин, по ст. 58-10 осуждённый на 3 года ИТЛ условно (182).

Таким образом, в 30-е годы, с одной стороны, сомнительные высказывания и неподобающие знакомства чекистов стали преследоваться гораздо жёстче, с другой, сама обстановка нарастающего террора провоцировала на критику карательной политики даже самих сотрудников ОГПУ-НКВД. Часть оперативных работников скептически воспринимала основы репрессивной политики, видя прямую связь между государственным принуждением и ответом населения на него. В первой половине и середине 30-х годов многие чекисты были недовольны темпами «раскулачивания», огульным ограблением и высылкой в необжитые места масс зажиточных крестьян, крайней бедностью в колхозах, общим полуголодным и неустроенным бытом, наблюдавшимся повсюду производом местных властей. Критически оценивая пропагандистские усилия режима, некоторые чекисты связывали массовое воровство в колхозах с голодной жизнью, а также отмечали неуклюжую, но агрессивную пропаганду культа Сталина и прочих вождей.

Чем дальше сотрудник ОГПУ-НКВД был от оперативной работы, тем меньше он подвергался профессиональному давлению и идеологи-

ческой обработке и тем больше мог себе позволить. Поэтому среди пожарных и милиционеров чекисты отмечали даже такие возмутительные проявления, как стрельбу (например, в крайуправлении милиции и Бийском РО НКВД в середине 30-х гг.) по изображениям вождей и выкалывание глаз на их портретах (183). Директор машинно-дорожной станции ОШОСДОР УНКВД по Омской области С.С. Поляков в июне 1937 г. во время ресторанного застолья «клеветал на партию и её руководителей, говорил, что 60 % членов ЦК ВКП(б) арестованы и ЦК просмотрел это и не принял никаких мер, и т. п.» В 1938 г. Поляков был арестован и осуждён на 10 лет заключения (184).

Однако и оперативные работники, находившиеся на острие репрессий, фактическую войну с народом воспринимали нередко с осуждением – как правило, в своём кругу. Часть этих суждений известна (в основном из следственных дел, что вынуждает учитывать возможную заострённость таких высказываний, сознательно предпринятую следователями), хотя почти наверняка лишь небольшая.

Часть чекистов не одобряла методов, которыми проводилось «раскулачивание». Начинаящий оперативник Ойротского облотдела ОГПУ Д.А. Бельский в 1930 г. был снят с чекистской работы и позднее на следствии пояснял, что «внутренне не мог мириться с арестами кулачества» (185). Удивляясь жестокости властей, загонявших в нарымскую глушь под видом мироедов обычных крестьян, оборванных и голодных, уполномоченный Александровского райаппарата Нарымского окротдела ОГПУ Е.М. Долматов весной 1931 г. так оценил первые партии переселенцев: «Внешний вид их мне показался не внушительным, и я усомнился в правильности выселения их с места жительства... Мои мысли подтвердил комендант этой партии Цепков Д.А., который... заявил, что он ожидал “настоящих кулаков, каких рисуют на картинах, а тут прислали совершенно не таких...” [...] Мне казалось, что крестьяне не добровольно вошли в колхозы, а их загнали принудительно». Примерно тогда же оперативник Немецкого райаппарата ПП ОГПУ ЗСК А.А. Гернер в семейном кругу называл свою должность «собачьей», а коллективизацию – «разорением крестьянства» (186).

По доносу чекиста А.М. Максимова осенью 1934 г. был разоблачён уполномоченный ЭКО Горно-Шорского РО УНКВД ЗСК А.С. Завалишин, который, подвыпив, заявил, что «колхозники все разутые, голодные, якобы их насильно гоняют на работы...» Завалишина исключили из партии и уволили из НКВД, но не только за «разговоры» и женитьбу на дочери расстрелянного колчаковского военинженера, но также за пьянство и дебош (187).

В мнениях некоторых работников ОГПУ-НКВД причудливо сочетались чекистские мифы и вполне конкретная критика существующих порядков. Уполномоченный ЭКО полпредства ОГПУ ЗСК М. И. Ерофеев в 1933 г. активно участвовал в фабрикации «заговора в сельском хозяйстве», во главе группы оперативников курируя «вскрытие» его огромного барнаульского филиала. Но, по мнению своего начальника М. А. Волкова-Вайнера, Ерофеев показал себя не только хорошим чекистом, но и самодуром с «интеллигентским душком». Этот «душок», проявившийся в неподобающих разговорах, и сгубил карьеру чекиста. В 1933 г. он говорил коллеге, что дело по «заговору в сельском хозяйстве» не будет «слушаться в суде, чтобы покрыть ошибки партии», и иронизировал: «Вам брось лозунг или красный флаг, и вы все кричите “ура”». Летом 1934 г. Ерофеев был вычищен из партии за «беспринципные» разговоры о возникновении контрреволюционной организации в сельском хозяйстве как результате неправильной политики партии, как карьерист, старавшийся «прикрыть свои политические взгляды хорошим проведением следствия по этим группировкам» (188).

Случалось, что работники ОГПУ-НКВД резко критиковали верхушку партии. Делом молодого чекиста Я. И. Паршукова, работавшего заместителем начальника политотдела по работе ОГПУ в совхозе №234 Любинского района, занимался непосредственно Запсибкрайком, исключивший его в декабре 1933 г. из ВКП(б) за «антипартийный, клеветнический выпад против руководства партии» и отказ признать вину. Паршукова перевели в систему Сиблага и позднее вернули партбилет. Но характерно, что в конце 1937 г. Юргинским РК ВКП(б) Паршуков был исключён из партии «за неоднократное уклонение от выполнения секретного государственного задания по борьбе с врагами» (189). В годы террора откровенные разговоры о Сталине в своём кругу позволяли себе вести даже такие видные чекисты, как Л. М. Заковский и А. К. Залпетер (190).

Иногда мучившие чекистов сомнения выплёскивались на бумагу. Вот выдержки из дневника за декабрь 1935 г. помощника оперуполномоченного Усть-Калманского РО УНКВД ЗСК Е. А. Васильева, обнаруженного во время его ареста в марте 1937 г.: «При допросе одного из арестованных по делу хищения хлеба он ответил: “У меня 6 душ семьи, на трудодни в нашем колхозе ничего не досталось, поэтому я вынужден был пойти на преступление украсть хлеб”. С его аргументами я вполне согласен. На его месте я так же бы поступил. Преступление мы растим сами, потом с ним боремся. [...]»

С тех пор как у меня по недоразумению задержали партбилет, с тех пор как пришлось мне переехать в Москву учиться, я дрянно очень дрянно

чувствую себя. Всё перевернулось вверх дном. Всё пошло оборвалось в какой-то омут. Мне стало страшно, всё [*стало*] ненужное. То, что я считал святыней, оно стало для меня отвратительно, я ненавижу эту работу и тех, кто работает [*в НКВД*].

На днях подал рапорт, в котором настаиваю о моём увольнении, но кажется, это будет безрезультатно. Ах, как бы я желал, чтобы удовлетворили мою просьбу. Моё (особенно за последнее время) мировоззрение далёкое от того, где я стою. Поэтому, только поэтому я должен уйти». Е. А. Васильев был осуждён за антисоветскую агитацию и впоследствии погиб в заключении (191).

У части работников НКВД складывалось вполне адекватное понимание сути режима и роли репрессий в управлении страной. Начальник Убинского РО УНКВД ЗСК С. Ф. Мочалов в середине 30-х годов заявлял, что дела чекистами создаются искусственно, а также называл Сталина диктатором (192).

Начальник Венгеровского РО УНКВД ЗСК Д. И. Надеев, ознакомившись с докладом А. И. Микояна в честь 18-й годовщины органов НКВД, где критиковались те, кто ведёт классовую борьбу анкетным способом, публично заявил подчинённым: «Зачем сваливать вину на отдельных работников, когда партия вся проводила борьбу таким способом...». Работник ЭКО С. А. Шептунов осенью 1936 г. показал о следующих примечательных словах Д. И. Надеева: «Я не понимаю, ну зачем эти массовые репрессии! Можно обойтись и без них. А то как чуть [что] – сразу снимают, судят... Вместо чёткого руководства – репрессии». Оперативник райотдела В. Ф. Коротков тогда же показал о начальнике, что Надеев, оценивая прошлую работу, заявлял, что «органы ОГПУ занимались произволом и беззаконием». Также Надеев говорил коллегам, что Венгеровский район спокойный, в нём нет контрреволюции и чекистам поэтому почти нечего делать: в 1936 г. в районе было заведено только одно дело по ст. 58 УК, но и то оказалось прекращено (193).

Процессы над троцкистами вызвали негативное отношение части работников НКВД, не готовых к широким репрессиям против коммунистов. Оперативник Енисейского РО УНКВД по Красноярскому краю Д. В. Чащин в августе 1935 г. получил партвыговор за «соблезнование ссыльным троцкистам-зиновьевцам», которых сопровождал, будучи начальником конвоя (в 1937 г. по этим же обвинениям был исключён из партии). Инспектор ОК УНКВД по Красноярскому краю К. Г. Лоскутников в сентябре 1936 г. был исключён из партии «как неразоружившийся троцкист» – за отказ выступить по поводу процесса над Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым (194).

Другие чекисты за своё «примиренчество» к врагам партии заплатили более высокую цену. Осенью 1936 г. был арестован начальник оперпункта НКВД ст. Мариинск Томской железной дороги Д.И. Чухманенко – за то, что в 1932–1933 гг., работая в г. Ачинске, помогал сыну Л.Б. Каменева Александру «установить связь» с сосланным отцом, а самого Л.Б. Каменева, когда тот возвращался в Москву, принимал у себя. Та же участь в сентябре 1936 г. постигла работника оперчасти Мариинского отделения Сиблага С.Р. Кезикова и политрука ВОХР Сиблага Н.Г. Черникова: сопровождая заключённых-«троцкистов» из Мариинска в Архангельск, они разрешали им прогулки на остановках, а затем самовольно провели эшелон через Москву, где устроили на вокзале встречу заключённых с их близкими и знакомыми. Подчинённым, попытавшимся было умерить его «либерализм», Черников заявил: «...Троцкистов опасаться нечего, они бывшие коммунисты, занимавшие раньше ответственные посты» (195).

Некоторые обвинения в связях с троцкистами и зиновьевцами носили настолько необъективный характер, что военная юстиция от них отказывалась. Начальник отряда ВОХР Мариинского отделения УИТЛК УНКВД ЗСК Г.Д. Корощенко, ранее сочувствовавший «новой оппозиции», в августе 1936 г. был исключён из ВКП (б) как арестованный троцкист-зиновьевец, поддерживающий тесную связь с заключёнными-контрреволюционерами. Однако дело на Корощенко оказалось прекращено военной прокуратурой СибВО и весной 1937 г. он был восстановлен в партии (196).

Что касается крупных чекистов, ранее примыкавшие к оппозиции, то они были обречены. Д.Д. Никифоров, уволенный в 1924 г. из «органов» с поста замначальника Иркутского губотдела ОГПУ за принадлежность к троцкистской оппозиции, в 1930 г. был возвращён в карательную систему и в 1932–1936 гг. работал начальником Бурят-Монгольского облотдела ОГПУ-НКВД. В июле 1936 г. он был снят с должности и исключён из партии как бывший троцкист, после чего назначен заместителем начальника Норильского ИТЛ НКВД. В августе 1937 г. Никифорова арестовали, и он погиб под пытками в Бутырской тюрьме (197).

Часть чекистов понимала, что служит беспощадной карательной системе, и пыталась покинуть «органы», иногда с хлопаньем дверью. Такие случаи неоднократно фиксируются в начале 30-х годов. Весьма загадочно выглядит эпизод с сотрудником Бийского окротдела ОГПУ Ф.Г. Добытиным, поднявшим в марте 1930 г. крестьянское восстание в Уч-Пристанском районе Сибкрая, где он работал райуполномоченным. Казус с До-

бытиным тщательно скрывался много десятилетий: в обобщающей справке КРО ОГПУ от 1930 г. Добытин ложно именовался (видимо, на основании соответствующих пояснений из Новосибирска) просто вычищенным членом партии, а в монографии Н.Я. Гущина и В.А. Ильиных, вышедшей на рубеже 1987–1988 гг., его представили работником милиции: «Возглавил организацию и мятеж контрреволюционер Добытин, пробравшийся с вредительской целью в партию и в органы милиции» (198).

Личность мятежного чекиста довольно примечательна. Фрол Добытин родился в 1903 г. в Петропавловском округе в семье бедняка. Вступил в комсомол, окончил губернскую совпартшколу, в 1925 г. был призван на военную службу. Проходил её в Новосибирске, в 9-м полку ОГПУ, где и вступил в ряды ВКП(б). Два года спустя был демобилизован и, как человек проверенный, зачислен фельдъегерем в полпредство ОГПУ по Сибирскому краю. По отзывам сослуживцев, Добытин был замкнут, хитёр и скуп, отличался грубостью и высокомерием.

Показав свою исполнительность в качестве фельдъегеря, Добытин получил назначение сначала кодификатором полпредства, а затем секретарём начальника Учётно-осведомительного отдела. В январе 1930 г. ему поручили самостоятельную работу, назначив уполномоченным ОГПУ по Уч-Пристанскому району Бийского округа. По словам жены, он давно мечтал о таком назначении: «Где много кулаков, там весёлая работа!». Впрочем, показания супруги очень противоречивы и явно отражают давление следователей. Однажды Добытин якобы признался ей, что готовит восстание и надеется на поддержку крестьян всего Алтая. Ещё он будто бы говорил, что не согласен с политикой ликвидации кулачества как класса, ибо это удар не по кулаку, а по всему крестьянству. А на другом допросе женщина процитировала признание Добытина прямо противоположного характера: «В районе развелось много кулацких банд, но полностью их выявить не удаётся. Вот выдам себя за кулацкого главаря, тогда, может быть, удастся это сделать». Она же говорила о крайней психической напряжённости Добытина в дни перед мятежом (199).

Восстание началось на рассвете 9 марта 1930 г., когда Добытин с несколькими сторонниками атаковал охрану каталажной камеры райцентра и освободил около сотни арестованных «кулаков». При этом повстанцами было застрелено девять милицейских и советских работников. Затем Добытин собрал до 400 чел., но вскоре их покинул, после чего мятежники оказались быстро разгромлены (200). Это исчезновение выглядит загадочным. Бывший партизан Т.И. Геримович, ставший летом 1930 г. повстан-

цем, уверял своих соратников, что держит связь с Добытиным, который якобы скрывается где-то на обских островах, но насколько это соответствовало действительности, проверить невозможно.

Алтайский краевед В. Ф. Гришаев высказывает мнение о провокационном характере добытинского восстания (201), для чего, в принципе, имеются основания. С другой стороны, хлопот с повстанцами в первые месяцы 1930 г. у алтайских чекистов было более чем достаточно, и вряд ли им требовалось делать своего штатного работника предводителем ещё одного антисоветского восстания. С чекистской точки зрения более эффективным было бы конспиративное проникновение в повстанческую среду с целью внесения в неё разложения. Нужно ли было мастеру грязных дел Заковскому, и без того арестовывавшему «кулаков» тысячами, восстание практически в приграничном районе? Дало ли бы скорое подавление такого мятежа какие-то дивиденды полпреду ОГПУ? Скорее, его в любом случае расценили бы как результат провальной работы чекистов, допустивших захват райцентра и уничтожение группы советских работников. То же самое относится и к начальнику окротдела ОГПУ И. А. Жабреву, который начисто прозевал восстание (в 1935 г. он публично именовал Добытина предателем) (202).

Возможно, Добытин был авантюристом, рассчитывавшим поднять широкое восстание озлобленных против коллективизации крестьян – либо для провокации с целью выявления нелояльного элемента и карьерного продвижения, либо из желания противодействовать политике властей. В следственном деле на восставших в Уч-Пристани сохранились показания знавшего Добытина человека, который видел его в апреле 1930 г. на барнаульской железнодорожной станции: беглый чекист сидел в буфете с какой-то женщиной, никого не опасаясь, а та спрашивала его, долго ли, дескать, ехать в Даурию (203). Возможно, ему удалось добраться до Дальнего Востока и сбежать в Китай. Но, может быть, действительно, Добытин был участником некоей чекистской игры и потом легализовался в другом месте и ином обличье...

Другой случай открытого противодействия политике властей был отмечен в Нарыме. Комендант Кузнецовского посёлка ОТП Сиблага ОГПУ П. М. Раков летом 1931 г. принял участие в быстро подавленном восстании спецпереселенцев в Чаинском районе Нарымского округа ЗСК. Биография и дальнейшая судьба этого человека пока неизвестны. Бывший комиссар 1-го Алейского полка партизанской армии Е. М. Мамонтова и сотрудник ЧК-ОГПУ М. А. Чупин, исключённый из партии в 1925 г., летом 1931 г. стал одним из организаторов восстания бывших

красных партизан в Абанском районе ВСК, был пленён и приговорён к расстрелу (204).

Решительным был и протест 30-летнего работника Барнаульского оперсектора ОГПУ М. А. Клеймёнова, попытавшегося сбежать за границу летом 1933 г. – в самый разгар репрессий, когда каждый сотрудник оперсектора был следователем по делу громадных «белогвардейского заговора» и «заговора в сельском хозяйстве», когда весь аппарат работал темпами, близкими к темпам 1937 г. Мало того, следствие выяснило, что Клеймёнов и ряд его сторонников планировали поднять вооружённое восстание в Бийске.

Михаил Клеймёнов внешне выглядел чекистом абсолютно типичным – крестьянского происхождения, с начальным образованием и солидным опытом низовой руководящей работы. Именно из таких и шло до середины 1930-х основное пополнение «органов». Алтайский уроженец и член компартии с 1925 г., он после мобилизации в армию служил в качестве оружейного мастера в 28-м Ойротском кавпогранотряде ОГПУ. Потом демобилизовался, работал в кооперации, организовал коммуны в родном селе, стал инструктором Троицкого райкома партии, а в 1930 г. Бийским окружкомом ВКП(б) оказался выдвинут на чекистскую работу. Активный коммунист Клеймёнов служил в ОГПУ Бийска и Барнаула, но, насмотревшись на то, как чекисты «работают» с его земляками, решил бежать за границу.

Осенью 1960 г. он, вспоминая молодость, рассказывал следователю УКГБ по Алтайскому краю, что в 1933 г. на Алтае свирепствовали голод и произвол властей: «Крестьянство выражало недовольство. Органы ОГПУ производили много арестов. Следствие велось с грубым извращением законов, сопровождалось избиениями и фальсификациями. Настроение крестьянства и произвол в органах ОГПУ со стороны отдельных работников вызвали и во мне протесты и возмущения». Клеймёнов рассказал, как избивал арестованных оперативник ЭЖО оперсектора А. И. Храмов, как безуспешно пытался разоблачить начальника Солонешенского райотдела ОГПУ Г. Ф. Гребёнкина, применявшего пытки, его подчинённый А. П. Семёнов (того не стали слушать, а просто перебросили в другой район, чтобы не выносил сор из избы), как начальник оперсектора И. А. Жабрев разнил одного своего оперативника, отправленного в Бийск и отказавшегося вести там сфабрикованное дело «в силу несогласия, протеста против применяемых методов следствия». Припомнил Клеймёнов и то, как оперативник В. А. Барышев, принимавший активное участие в фабрикации «белогвардейского заговора», составлял поддель-

ные справки о кулацком происхождении на арестовываемых середняков и бедняков.

Как уполномоченный второй группы СПО Барнаульского оперсектора ОГПУ Клеймёнов подчинился оперуполномоченному М. И. Носову – одному из отъявленных фальсификаторов, сделавшему карьеру на фабрикации «заговоров» 1933 г. Активистом не был: характерно, что в декабре 1932 г. фамилии Клеймёнова не оказалось в обширном списке награждённых оружием и часами в связи с 15-летием «органов». Но избежать крещения кровью ему не удалось. Клеймёнов не упоминал о своём участии в казнях осуждённых, но документы об этом существуют. На молодого чекиста явно повлиял расстрел 327 осуждённых по заговору в «сельском хозяйстве» в ночь на 28 апреля 1933 г., в котором участвовало 37 сотрудников Барнаульского оперсектора ОГПУ. На акте о расстреле остались подписи 10 основных исполнителей, в том числе и Клеймёнова. В те же недели в Барнауле прошли массовые казни и осуждённых по «белогвардейскому заговору». Клеймёнов осознал, что ему предстоит заниматься такими делами и далее. После мыслей о самоубийстве пришла идея «дезертировать» из системы (205).

Расследовавшие бегство Клеймёнова чекисты, следуя своей привычной логике, обвинили его в организации большого вооружённого заговора. Согласно справке из следственного дела на Клеймёнова, он «в 1933 г. в Троицком и Бийском районах организовал к-р повстанческие организации для свержения советской власти. После того как восстание этой организации, назначенное на 1 августа 1933 г., не состоялось, Клеймёнов бежал в Китай». Чекисты долго потом вспоминали этот казус и ругали друг друга за потерю бдительности: «По делу изменника органов НКВД Клеймёнова имелись сигналы ещё в 1932 г., но отдел кадров это просмотрел» (206).

Клеймёнов не был настоящим заговорщиком, однако намерения поднять восстание у него были. Летом 1933 г. он встретил своего старого друга С. О. Суспицына, приехавшего в Барнаул из Бийска на совещание районных пожарных инспекторов. Обсудив, что вытворяют власти с народом, друзья задумались о том, что они могут противопоставить этим преступлениям. Суспицын заявил, что знает несколько человек, готовых поднять восстание, и предложил Клеймёнову примкнуть к ним и возглавить мятеж. Тот согласился, после чего написал воззвание, в котором призывал крестьянство к вооружённому выступлению. Суспицын обещал через три дня приехать и начать действовать. Не дождавшись Суспицына в указанный срок, Клеймёнов, обдумав ситуацию и поняв, что

восстание будет обречено, решил отказаться от выступления и бежать за границу. Воззвание он уничтожил.

Клеймёнов и примкнувший к нему брат Суспицына – М. О. Суспицын – на попутной машине, а затем на подводах добрались до Горного Алтая, желая уйти в Китай. (Также скрылись и позднее были объявлены в розыск ещё два человека из несостоявшейся организации, что свидетельствует в пользу мнения о попытке её создания.) Перебираясь через горы, беглецы повстречали напавших на них охотников-казахов и разбежались, потеряв друг друга. В итоге экс-чекист не смог перейти границу и жил на нелегальном положении под фамилией Проскуряков в Казахстане и Саратовской области до 1948 г., пока не был вычислен, пойман и осуждён (среди обвинений значилась и попытка вновь уйти за кордон). Бывшие же его коллеги были уверены, что Клеймёнов благополучно обосновался в Китае и торгует там чекистскими тайнами (207). Характерно, что оба алтайских «изменника» органов ОГПУ – Добыттин и Клеймёнов – были крестьянского происхождения и выступили с протестом в период массовых репрессий в отношении сельского населения (208).

Фактическое дезертирство – под разными предлогами – ряда оперативников из ОГПУ-НКВД не исчерпывалось казусом с Клеймёновым. Даже закалившиеся в фабрикациях крупных политических дел следователи порой старались покинуть «органы». Москвитин, один из заметных фабрикаторов «белогвардейского заговора» – из всё того же Барнаульского оперсектора ОГПУ – в начале 1933 г. сфабриковал дела на 53 чел., из которых троих расстреляли, а 29 – отправили в лагерь. Однако уже в ноябре 1933 г. Москвитина исключили из партии «за потерю классового чутья, дезертирство с учёбы и работы из органов ОГПУ» (209).

Сотрудник УНКВД по Ленинградской области старый чекист А. И. Котилайнен в 1935 г. написал рапорт об увольнении из НКВД, поскольку «морально и физически устал» и несёт моральную ответственность за убийство Кирова. Переведённый в УНКВД по Читинской области, в январе 1938 г. Котилайнен был арестован как изменник, но в следующем году освобождён и восстановлен в партии. Однако Читинский горком ВКП(б) в июне 1939 г. постановил вновь исключить его – как не желающего бороться с врагами народа и не внушающего политического доверия (210).

Некоторые чекисты, чтобы уйти из системы, предпринимали демонстративные действия. Так, 30-летний оперативник ЭКО УНКВД ЗСК А. С. Князев-Ветошкин по неизвестной причине 13 ноября 1936 г. направил парторгу свой партбилет, а начальнику управления – служебное

удостоверение. Он был тут же арестован и обвинён в самых разнообразных проступках: от связи с троцкистами до избияния жены и растраты 800 руб (211). 28-летний старший надзиратель тюрьмы в г. Сретенске Читинской области В.П. Полномочнов в 1937 г. самовольно бросил работу и выехал из области, за что три с лишним года спустя заочно был исключён из партии. 27-летний фельдъегерь Карасукского РО УНКВД Алткрая Д.Ф. Пустоветов в декабре 1937 г. скрылся из района в неизвестном направлении (212).

Даже обстановка 1937 г. не убавила критического запала в высказываниях некоторых видных чекистов. Начальник отделения СПО УНКВД по Омской области старый чекист А.К. Рудэн (Рудэнс) 16 февраля 1937 г. на партийном собрании (!) выступил «с троцкистскими извращениями истории партии», заявив: «Ленин был более терпим к уклонам в партии. И решительной борьбы с так называемыми уклонами при Ленине не было. Такая борьба с троцкизмом началась после смерти Ленина. Ленин был против применения массового красного террора даже по отношению к белогвардейцам и прочим контрреволюционным элементам». Чекист, конечно, идеализировал ленинскую политику, но в 1937 г. такие публичные заявления выглядели прямым вызовом. Рудэна сначала исключили из партии и перевели на службу в систему ИТК, а в июле 1937 г., сразу после прибытия нового начальника УНКВД Г.Ф. Горбача, арестовали и затем осудили на 7 лет заключения. На следствии упорствовавший Рудэн, в частности, показал: «Моё высказывание о том, что колесо истории двигалось бы иначе, сводилось вот к чему: будь Ленин жив, мы бы успешнее ушли дальше при его жизни... в партийном строительстве мы избежали бы трудностей, что у нас возникли. Социалистическое строительство могло бы идти успешнее...» (213).

Массовые репрессии подстегнули критические настроения у части чекистов. Процесс над маршалом Тухачевским вызвал недоумение и недоверие у некоторых сотрудников НКВД. Например, начальник отделения УПВО войск НКВД майор Д.Ф. Макаров в июне 1937 г. был арестован по обвинению в том, что во время выступления на митинге в Новосибирске «выражал восхваление и жалость» по отношению к расстрелянным военачальникам (214). Начальник Нарымского окротдела НКВД С.С. Мартон в конце 1937 г., как доносили коллеги, «заметно волновался и заикался о том, “до каких же пор будут эти операции” (т. е. аресты)». Тогда же секретарь парткома УНКВД НСО и очень активный чекист С.И. Плещов сказал коллеге Г.М. Вяткину: «У нас тут происходит что-то непонятное, пересажали весь партийный и советский актив» (215).

Начальник отделения ДТО ГУГБ НКВД Томской железной дороги, старый чекист и давний активист террора С.И. Политов, в 1937 г. в семейном кругу с тяжёлым чувством рассказывал об арестах, жестоких допросах и массовых расстрелах. После того как его племянница пересказала эти сведения в школе, Политова в декабре 1937 г. арестовали и осудили на 6 лет заключения. Однако чекист в августе 1939 г. смог бежать из Востоклага НКВД, причём числился неразысканным и в 50-е годы (216). Уполномоченный Сорокинского РО УНКВД по Омской области Н.А. Колодин в декабре 1937 г. был арестован за некую «антисоветскую агитацию» (217).

В начале 1938 г. за защиту арестованной бывшей жены-эсерки (затем – чекистки) был арестован начальник СПО УНКВД по Бурят-Монгольской АССР К.К. Спелит. Обращаясь к начальнику УНКВД, он писал, что бывшая жена остаётся его другом: «Я не могу заставить себя верить, что она в чём-то виновата, хотя, как чекист, я не должен говорить так, однако, как коммунист, я выражаю то, что я думаю, и то, что чувствую. Я был бы чиновником, если бы поступил иначе. Конечно, легче мне откеститься от неё, как от дьявола, “покаяться” и т. п., но это было бы выражением двуличия...». На следствии чекиста обвиняли также в шпионаже, полном развале агентурно-оперативной работы и сохранении троцкистско-националистического подполья (например, по разрабатывавшейся в 1933 г. аппаратом СПО «Трудовой крестьянской партии» проходило 44 чел., а арестовано оказалось только восемь). Спелиту повезло: в январе 1940 г. он был освобождён (218).

В 1940 г. откровенные разговоры о тяжелейшем режиме в барнаульской тюрьме и высокой смертности заключённых вёл политрук тюрьмы Ю.Г. Логвинов. Он же рассказывал собеседникам о терроре 1937 г. и методах приведения приговоров в исполнение тогда и в 1939–1940 гг. В декабре 1940 г. Логвинова арестовали и за антисоветские высказывания, а также «разглашение государственной тайны о порядке приведения приговоров в исполнение» осудили на 5 лет заключения (219).

Документы опровергают миф о значительном сопротивлении сталинскому террору, вызвавшему якобы массовые репрессии в отношении так называемых «честных чекистов», отказывавшихся фабриковать дела. Однако этот миф, родившийся с помощью сознательной дезинформации зампреда КГБ СССР Ф.Д. Бобкова и запущенный в обращение известным трудом Д.А. Волкогонова «Триумф и трагедия», где появились исходившие от Бобкова сведения о более чем 20 тыс. репрессированных чекистов, не сдаёт позиций. Несмотря на опровержение данных Бобкова

и В. М. Чебрикова в известном справочнике Н. В. Петрова и К. В. Скоркина (220), они по-прежнему в ходу, встречаясь даже у таких компетентных исследователей, как акад. А. Н. Яковлев. А у иных сочинителей из ФСБ можно найти и цифру в 80 тыс. (!) расстрелянных чекистов – как в сборнике 2003 г. «Щит и меч Кузбасса». Обычно чекисты выражали только недовольство различными аспектами карательной политики, допуская подчас резкие критические высказывания против властей.

Очевидной формой протеста были нередкие самоубийства чекистов, наблюдавшиеся как в центральном аппарате НКВД, так и во всех регионах (221). Часть из них (вероятно, основная) диктовалась опасением оказаться разоблаченными в качестве врага народа. Например, начальник Харьковского УНКВД, комиссар госбезопасности 3-го ранга С. С. Мазо, боясь ареста, в июле 1937 г. застрелился, оставив записку: «Товарищи, остановитесь! К чему приведёт избивание коммунистов и выколачивание из них ложных показаний?» (222). В октябре 1937 г. покончил с собой исключённый из ВКП(б) за утерю революционной бдительности и защиту врагов народа помначальника управления Дальстроя НКВД А. Е. Сорокин.

Подобные действия, особенно со стороны высокопоставленных чекистов, вызывали резкую реакцию – самоубийцу клеймили как врага, посмеявшегося ускользнуть от разоблачения. Показательна реакция на самоубийство замначальника СПО УНКВД ЗСК Г. Д. Погодаева – немедленно после обнаружения тела застрелившегося 31 июля 1937 г. в своём кабинете Погодаева было созвано экстренное общее партийное собрание работников управления, которое после доклада начальника УНКВД С. Н. Миронова заклеило «презрением этот предательский и грязный поступок» (223).

Точно так же на своих партсобраниях новосибирские чекисты поносили застрелившихся в августе 1937 г. замначальника межкраевой школы ГУГБ НКВД С. С. Мадорского-Удалова и оперативника СПО К. Г. Селдчикова. Тем не менее самоубийства не прекратились: 2 ноября 1937 г. через 20 минут после исключения из комсомола за связь с арестованным заместителем начальника Особого отдела СибВО А. Н. Барковским в своём кабинете застрелился работник КРО УНКВД НСО Смирнов (224). Правда, в случае с застрелившимися бывшими сибирскими чекистами – заместителем НКВД СССР В. М. Курским и начальником УНКВД по Московской области В. А. Каруцким – разоблачительных кампаний в связи с высоким статусом самоубийц не устраивалось, напротив, эти драмы сохранялись в тайне, и о Курском, похороненном с воинскими

почестями, в официальном некрологе сообщалось, что он умер от разрыва сердца (225).

Остались неизвестными причины самоубийств оперуполномоченного СПО Ойротского облотдела НКВД Е. Ф. Камбалина (октябрь 1937 г.) и оперативника Ишимского РО УНКВД по Омской области А. В. Ившина (февраль 1938 г.). В отношении последнего партиячейка, отметив, что причины самоубийства не установлены, единогласно постановила осудить самоубийство Ившина «как проявление малодушия, неспособность бороться за выполнение директив партии по выкорчёвке контрреволюции» (226). Есть основания полагать, что в сентябре 1938 г. застрелился активный участник террора, врид начальника СПО Хакасского облотдела НКВД 32-летний К. К. Мурзаев (227). Вряд ли эти самоубийства были случайны.

Но были и совершенно сознательные уходы из жизни чекистов различных регионов в знак протеста против репрессий: осенью 1935 г. начальник Нижнетагильского ГО УНКВД по Челябинской области отказался выполнять террористические директивы Л. М. Кагановича и покончил с собой, оставив записку, где говорилось, что он «не может больше делать врагов» (228). Заместитель начальника Благовещенского РО УНКВД по Алткраю Сейфулин (Михаил Фёдорович?), будучи, по словам одного из коллег, не согласен «с постановкой в то время арестов и методов следствия, весной 1938 года застрелился». Начальник одного из РО НКВД Курской области Д. Щекин последнюю неделю своей жизни провёл, посещая семьи арестованных и выпивая с ними, а 4 августа 1938 г. покончил с собой (229).

Факты наказания работников НКВД за недостаток усердия в репрессиях часты, но следует учитывать, что случаев открытого сопротивления было довольно мало. Начальство требовало, чтобы каждый чекист являлся передовиком, на весь оперсостав оказывалось сильнейшее давление. Поэтому даже активисты террора нередко оказывались под ударом. Примеров, когда деятельный участник репрессий впоследствии пытался представить себя борцом за соблюдение законности и жертвой преследований, немало. Например, такая зловещая фигура, как работник КРО УНКВД ЗСК Я. А. Пасынков, в 1950-е годы уверял, что хотя и «трясся» от начальных разносов, но не пошёл-де по пути коллег-карьеристов, хотя на самом деле количество погубленных им людей – многие сотни (230).

В июне 1939 г. начальник Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД Т. Ф. Качин писал в Новосибирский обком ВКП(б), что «в период 1937–38 года ме-

ня терзали б[ывшие] /провокаторы Горбач, Мальцев, Пастаногов, требовали от меня провокационных дел, незаконных арестов членов партии, посылая мне записки с угрозами ареста. Я на провокации не пошёл. ...В кабинете того же [начальника ОК УНКВД] Кравчинского меня неоднократно доводили до слёз (Кравчинский и Иванов – б/особоуполномоченный), также требовали от меня провокационных дел» (231). На деле Качин вовсе не был пассивным чекистом. Напротив, он очень старался и в его послужном списке значится немало групповых дел, сфабрикованных во время работы в Татарском РО НКВД. По характеристике секретаря Татарского РК ВКП(б), Качин «вскрыл целый ряд троцкистских группировок» и «по разоблачению и выкорчёвке вражеских сил в районе ведёт беспощадную борьбу». Сибирская закалка дала себя знать несколько позже: весной 1940 г. повышенный в должности Качин отличился во время операции по массовому уничтожению польских военнопленных... Исключённый из партии бывший начальник Кемеровского ГО НКВД И.Я. Голубев также уверял, что Горбач в 1937 г. часто упрекал его за недостаточные аресты (232).

Начальство «органов» боролось со всеми случаями «уклонения и саботажа», но особенно резко реагировало на случаи открытого и сознательного отказа участвовать в фабрикации дел. Оперуполномоченный КРО Сталинского ГО УНКВД ЗСК Е.А. Смоленников был в апреле 1937 г. арестован после того как прекратил дело на семерых финнов, обвинявшихся в шпионаже, и заявил своему непосредственному начальнику И.Б. Почкаю о несогласии с фабрикацией дел. На общем партсобрании один из коллег перечислил «преступления» Смоленникова в следующем порядке: «На негласную работу в аппарат НКВД он тащил врагов народа. Ряд дел, которые он вёл, сводил на нет. [...] Говорил, что следователи не должны требовать признания от врагов». Хотя Смоленникова быстро осудили на 8 лет лагерей, для начальства его протест стал опасным сигналом (233), поскольку даже после арестов первых «изменников» некоторые оперработники продолжали проявлять «правый оппортунизм» в следствии.

В июле–августе 1937 г. на партсобраниях в КРО и УГБ УНКВД ЗСК обстоятельно разбиралось дело опытного оперативника А.В. Кузнецова, чьё поведение стало настаивать начальство ещё с ноября 1936 г., когда он стал говорить, что некоторые следователи «нечестно поступают» с арестованными и «записывают в протоколы больше, чем они сами показывают». Затем Кузнецов о том же самом заявил парторгу КРО С.И. Плещцову и прямо обвинил чекистов К.А. Хуснутдинова и С.В. Толмачёва

в преступлениях. Плещцов впоследствии уверял партсобрание, что факты, сообщённые Кузнецовым, не соответствовали действительности. Коллеги упрекали Кузнецова в том, что он не доводит следственные дела до конца, в частности, не смог добиться «признаний арестованных по Кемеровскому химкомбинату, которых добился молодой работник Деев».

Кузнецов, имевший несколько наград за былое участие в фабрикации крупных дел, оправдывался как мог: «У меня было пять арестованных. Один из них... шпион Шаров (233а). Его шесть месяцев допрашивали в Москве. Признания в шпионаже не получили, не получил и я. Надо, конечно, было получить, но не мог. От других арестованных я добился признания о созданных ими повстанческо-диверсионных группах на транспорте, в Бийске, в Ойротии, на Чуйском тракте. Все трое они мне дали показания больше чем на 40 человек. Все же сделал я по сравнению с другими меньше».

Для июля 1937 г. подобные темпы разоблачения «врагов», действительно, были уже неудовлетворительны. Один из руководителей КРО А.С. Скрипко вину Кузнецова видел в том, что «он сразу же на провокацию арестованного [то есть отказ от показаний – А.Т.] резко его не бьёт, а сдаётся, теряется и бежит к начальнику». 5 августа глава УНКВД Миронов подытожил: «...Боролся ли Кузнецов вообще с врагами народа? Боролся, но в этой борьбе у него ноги дрожали. ...Враг прикинется божьей овечкой, у Кузнецова же ноги крепко не стоят, он и колеблется. [...] То он сидит [с арестованными] по 17–18 часов в сутки, то в продолжение 4-х дней сидит по полтора-два часа. ...В отношении Толмачева Кузнецов прав. У Толмачева имели место в практике такие отношения к арестованным, которые мы не должны иметь [...] Настроения у отдельных работников о неверии в проводимые дела есть. Кузнецов оказался рупором у засоренной части работников, поддался этим настроениям...».

Таким образом, мягко указав беспощадному карьеристу С.В. Толмачёву на недостатки в «работе» с арестованными, Миронов тут же сурово раскритиковал Кузнецова и ему подобных за «мягкотелость». В итоге партком вынес Кузнецову строгий выговор с предупреждением за «оппортунистические колебания, выразившиеся в проявлении элементов неверия в виновность врагов народа» и предложил 35-летнему чекисту, усиленно жаловавшемуся на болезненное состояние, уйти на пенсию (234).

Тогда же за «мягкотелость» коллеги подвергли разному оперработника Кемеровского ГО НКВД Е.И. Дикарева, которого в августе 1937 г. исключили из ВКП(б) «за нежелание работать в органах НКВД и вести борьбу с врагами народа, проявляя к ним жалость». Сотрудник

Читинского оперсектора УНКВД ВСО И.Д. Берёза в июле 1937 г. был исключён из ВКП(б) за антипартийные взгляды и нежелание работать в НКВД (235).

Начальник бюро исправработ Мошковского РО УНКВД НСО М.Г. Петруша примерно в 1938 г. был по инициативе начальника РО С.И. Мельникова исключён из комсомола за отказ держать арестованных на «выстойке» (236). Сотрудник и бывший парторг Москаленского РО УНКВД по Омской области А.А. Беляев в 1938 г. обвинялся в том, что «в момент изъятия врагов говорил: “Много мы арестовали лиц, на которых не в состоянии оформить материал”. В конце концов Беляева оставили в покое. Оперативник Анжеро-Судженского ГО УНКВД НСО П.Ф. Коновалов, исправно пытавший арестованных, в октябре 1938 г. получил строгий выговор за антипартийное высказывание и «сомнение в оперативных мероприятиях» (237).

Другим чекистам не повезло отделаться так легко. Начальник СПО и член *тройки* НКВД ТатАССР Я.Я. Веверс в ноябре 1937 г. приказал арестовать своего подчинённого С.А. Аухадеева, отказавшегося идти в расстрельную команду. Аухадеев получил пять лет за «антисоветскую агитацию», но в 1939 г. его дело было прекращено. Бывший замначальника 1-го отделения СПО УНКВД по Красноярскому краю опытная чекистка Л.И. Востинская летом 1938 г. была расстреляна по обвинению в участии в «контрреволюционной организации правых». По показаниям одного из коллег Востинской, «за всё время работы её в отделении у неё из обвиняемых вообще никто не признавался. Как-то в одном разговоре мне Востинская заявила: “Я допрашивать не могу, вот почему у меня обвиняемые не признаются, кроме того, мой характер не позволяет настойчиво требовать признаний от обвиняемых, так как у меня нет вот такой ненависти к обвиняемым, как у тебя”» (238).

Работник КРО УНКВД по Алткраю И.И. Виер-Ульянов в декабре 1937 г. заявил своему начальству, что он не верит в дела следователей-передовиков, т. к. «они дела стряпают, а протоколы липуют», за что был вскоре арестован и погиб в лагере. Другие чекисты старались проявлять сочувствие к арестованным конспиративно. Один из начальников РО НКВД в Куйбышевской области осенью 1937 г. расконвоировал арестованных «врагов» и под предлогом предвыборного собрания позволил более чем 200 членам колхоза «Гигант» проститься перед этапом с осуждёнными родственниками и соседями. За это чекиста разоблачили как врага и арестовали (239).

Яркими примерами сопротивления массовому террору являются эпизоды с участием замначальника Особого отдела ГУГБ НКВД СибВО (фак-

тически он одновременно был и начальником Особотдела УГБ УНКВД НСО) П.Ф. Коломийца и уполномоченного оперчекотдела Сиблага Садовского. Капитан госбезопасности Коломийц, столкнувшись с массовыми арестами и расстрелами военнослужащих, 7 декабря 1937 г. отправил «воздушной почтой» письмо Ежову с просьбой прислать комиссию для вскрытия извращений в следствии. Узнав о том, что, вопреки его мнению, сторож Легалов был расстрелян по обвинению в мифическом поджоге, Коломийц сказал о своём рапорте заместителю начальника УНКВД И.А. Мальцеву, на что тот «засуетился, назвал меня предателем и затем вышел в кабинет Горбача». Вскоре Коломийц зашёл к начальнику управления Горбачу и отказался нести ответственность за отдел. Тот, охарактеризовав Коломийца как «простака», поручил ему 12-й отдел, ведавший оперативной техникой (240).

Однако судьба Коломийца была решена: работники УНКВД собирали компромат, обращаясь к начальнику УНКВД Красноярского края Д.Д. Гречухину, у которого Коломийц работал осенью 1937 г. Арестовали Коломийца 23 декабря 1937 г. прямо в приёмной Мальцева и затем 72 дня допрашивали в КРО под руководством Ф.Н. Иванова, А.Н. Печенкина, В.Д. Качуровского, практически не давая перерыва на сон и отдых. Иногда на него набрасывались до 10–12 следователей, изощрявшихся в издевательствах.

На следствии Коломийц показал, что усмотрел в «разгроме правотроцкистских формирований... излишнюю жестокость и огульную оценку виновности. Я был против массовых репрессий относительно правотроцкистских элементов... несогласен с практикой изъятия жён врагов народа... Под предлогом отыскания извращений, неточностей, ошибок и т. д. некоторые дела были мною заторможены». В покаянном письме Горбачу в марте 1938 г. он писал: «...Последние 6–7 лет я не принимал участия в делах по массовым операциям, в так называемой ударной следственной работе... варился в собственном соку и поэтому лишён был приобретения того положительного опыта... который накопили передовые органы и работники ОГПУ-НКВД [...] Некоторые явления практической чекистской работы по осуществлению карательной политики ВКП(б) и Советской власти я в ряде случаев рассматривал с точки зрения ложной, гнилой морали». Коломийц был осуждён на 20 лет лагерей, но в 1940 г. его реабилитировали (241).

Судьба молодого чекиста Садовского оказалось более трагичной. Мобилизованный в «органы» в разгар террора, он оказался в оперчекотделе Сиблага и вскоре написал Сталину письмо с протестом против пыток

и фальсификаций. Его немедленно арестовали и долго избивали в КРО под руководством В. Д. Качуровского. Осенью 1938 г. Садовский был расстрелян. Его судьба упоминалась как в 1938 г., так и в 50-е годы многими чекистами Новосибирской области как наглядное предостережение всем тем, кто посмел бы отказать выполнять приказы начальства (242).

Преследовалось любое сочувствие арестованным. Начальник Юргинского ОЛП УИТЛК УНКВД ЗСК А. П. Горкунов в июле 1937 г. сначала был исключён РК ВКП(б) из партии за расконвоирование политзаключённых и «прямую защиту контрреволюционных элементов», а впоследствии арестован за покровительство «врагам народа» и летом 1939 г. освобождён с прекращением дела «по маловажности предъявленных обвинений» (243). Работник СПО УНКВД по Красноярскому краю А. М. Харламов в декабре 1937 г. был арестован и вскоре осуждён к расстрелу (с заменой на 7 лет заключения) «за восхваление врагов народа и преднамеренное невыполнение заданий НКВД» (244). За освобождение в 1938 г. из под стражи нескольких политзаключённых был по доносу подчинённого арестован «как пособник врагов народа» и около полугода провёл в заключении начальник Чулымского РО УНКВД НСО И. А. Ботняев (245).

Факты сопротивления репрессиям наблюдались, конечно, не только в Сибири. В разгар террора помощник начальника СПО УНКВД по Челябинской области Пётр Крутов решил выехать в Москву, чтобы рассказать в ЦК партии о беззакониях, но был схвачен и подвергнут пыткам. В апреле 1938 г. «изменника» до потери сознания избивали руководящие работники управления НКВД – Ф. К. Луговцев, И. Г. Ворончихин, Ф. М. Полевик, А. А. Шашкин и др., требовавшие от него признания в шпионаже на германскую разведку (Крутов дождался ареста своих мучителей и дал показания об их преступлениях) (246).

Пожалуй, самый эффективный из известных пока случаев внутричекистского сопротивления террору произошёл в Воронеже. В сентябре 1937 г. референт по следственному производству областного УНКВД Гуднев без доклада начальнику управления освободил четырёх человек, арестованных за «подрывную агитацию против ЦК и выпуск нелегальной литературы». Мало того, он уничтожил находившиеся в своём производстве дела, по которым арестованным грозил расстрел. Гуднев скрылся, а вместе с ним бежали и освобождённые им лица... (247). Скорее всего, в каждом региональном управлении НКВД были случаи отказа участвовать в терроре со стороны единичных работников, не поддержанные коллегами.

Нечасто, но бывало, когда с «нерешительным» чекистом расправлялись уже после завершения «Большого террора». Начальник Тарбагатайского РО НКВД Бурят-Монгольской АССР Н. Д. Кочаненко в январе 1939 г. райкомом ВКП(б) был исключён из партии за то, что «собирал материалы, оправдывавшие преступников, заставлял председателей сельсоветов писать... документы на кулаков как на середняков», затем арестован и в июле 1940 г. осуждён на 4 года ИТЛ. «Нерадивых» чекистов то и дело ругали за пассивность в борьбе с врагом, которая могла быть и сознательным выбором: так, молодой оперативник транспортного отделения Бийского ГО НКВД С. М. Куцых в январе 1940 г. критиковался коллегами «за трусость» в оперработе: «просидев в отделе в течение года, ни одного дела не оформил» (248).

В период «Большого террора» для чекистов было характерно не только покорное ожидание ареста. Бегство с последующим переходом на нелегальное положение – вариант, выбранный не только рядовым сотрудником ОГПУ М. А. Клейменовым. Начальник санчасти УНКВД по Алтайскому краю Д. В. Торопцев в 1938 г., опасаясь ареста, бежал. Он был арестован 6 октября 1938 г., обвинялся как немецкий шпион, но в мае 1939 г. оказался освобождён (249). В том же 1938 г. начальник УНКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшков бежал в Японию, а нарком внутренних дел Украины А. И. Успенский скрылся из Киева и полгода провёл на нелегальном положении. Ряд советских дипломатов и закордонных разведчиков в период террора стали невозвращенцами.

Оказавшись в тюрьме, многие чекисты считали себя уже не связанными корпоративными отношениями с НКВД и откровенно рассказывали сокамерникам, чего им следует ожидать. Бывший начальник Ачинского окротдела ОГПУ К. П. Болотный, арестованный в сентябре 1937 г. на Алтае, в камере «всячески убеждал арестованных не сознаваться, заявляя, что всё равно будут расстреляны. Предупреждал о могущей иметь место камерной подсадке агентуры и т. д.» (250). В Кривошеинском районе Нарымского округа оперуполномоченный Н. А. Черных «высказывал сожаление по адресу арестованных врагов народа и клеветал на методы следствия», пытался «освободить врагов народа как якобы ошибочно арестованных», а попав за решётку, знакомил заключённых с методами следствия и уговаривал отказываться от показаний (251).

Чекисты в тюрьме отказывались и на серьёзные заявления, могущие, в частности, подорвать даже знаменитые открытые процессы. Бывший начальник Томского ГО НКВД И. В. Овчинников рассказывал сокамерникам о фальсификации дела по обвинению своего агента В. В. Арнольда,

одного из фигурантов второго московского процесса, и выражал намерение написать об этом заявление. Вскоре дело осуждённого на 10 лет Овчинникова пересмотрели, и он был расстрелян (252).

Офицеры внутренних войск и пограничники, несмотря на ведомственную принадлежность к НКВД, нередко проявляли сопротивление при арестах и во время следствия. Известно, что командир дивизиона 9-го кавполка войск НКВД ЗСО старший лейтенант Д. Н. Чёрный пытался бежать во время ареста 3 ноября 1937 г. и был застрелен при задержании (253). Когда на арестованного командира-военкома 65-го полка войск НКВД майора Т. И. Поспелова, пригрозившего начальнику ДТО УНКВД НСО А. П. Невскому «своим арестантским местом», разъярённый капитан госбезопасности бросился с кулаками, Поспелов «схватил стул и этим пыл зверя приостановил». Невский бросил подчинённым: «Вывести мерзкого гада, решение узнает на практике». За дерзость Поспелову пришлось провести более двух недель в карцере на 400-граммовом хлебном пайке и воде (254).

Один из пограничников прямо во время допроса чуть было сам не перестрелял следователей. Этим героем оказался 32-летний старший лейтенант Р. П. Либер (Либерс), помощник начштаба Ойротского 28-го кавпогранотряда – крупного подразделения НКВД, прикрывавшего границы в Горном Алтае. Уволенный из НКВД и исключённый из партии как латыш, связанный с врагами народа, Либер 21 декабря 1937 г. в новосибирской гостинице был арестован сержантом госбезопасности, особистом Ф. М. Миковым. Пять дней спустя, ведя допрос, Миков стал запугивать старшего лейтенанта револьвером. В ответ Родион Либер ударами тяжелого пресс-папье оглушил сержанта, отобрал у него оружие и ранил выстрелом в упор (по версии красноярского журналиста А. Феропонтова, ознакомившегося с реабилитационным делом Либера, убил, попав прямо в голову). На звук выстрела в кабинет ринулись чекисты; Либер стрелял ещё трижды, но неудачно, однако одному из особистов, старшему лейтенанту госбезопасности И. Л. Будкину, сумел сломать ребро (255). В январе 1938 г. Р. П. Либер был осуждён к расстрелу.

Известные нам документы говорят только о ранении чекиста Ф. М. Микова (1902–1965), который, выздоровев, работал в томской колонии, потом нарсудьёй, а с началом войны был возвращён в «органы». Инспектор отдела кадров УНКВД А. А. Зейза, неосторожно поделившийся деталями скандального происшествия с женой, на допросе показал: «Мной был допущен проступок, что я разболтал жене о случившемся несчастье в 5-м отделе... сказал, что враг обозлён, даже в стенах НКВД кидаются

на сотрудников, и сказал, что одного сотрудника арестованный ударил два раза прессом и, отобрав револьвер, выстрелил в него; сотрудник был доставлен в больницу и у него была извлечена пуля». Жена Зейзы слова мужа подтвердила, повторив его рассказ в точности (256).

Порой проявляли смелость и видные арестованные чекисты, которые хорошо понимали, что обречены и им нечего терять. Заместитель начальника УНКВД по Сталинградской области Б. Д. Сарин, арестованный 28 сентября 1937 г., пытался бежать из тюрьмы, был ранен и 10 октября умер в тюремной больнице (257). Бывший разведчик в Маньчжурии и особист в Томске К. Г. Веледерский в ноябре 1937 г. попытался бежать из кабинета новосибирского УНКВД, а не сумев открыть окно, набросился на молодого и известного своей беспощадностью следователя И. П. Деева. Чуть не задушив и не обезоружив последнего, Веледерский был скручен чекистами, которые прибежали, услышав крики Деева. Сопротивление при аресте оказал в ноябре 1938 г. начальник Отдела охраны ГУГБ НКВД И. Я. Дагин (258).

ПАРАДОКСЫ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Полноценную картину чекистской жизни невозможно представить без бытовых подробностей. Изнанка повседневной жизни многочисленных сотрудников карательных органов бросалась обществу в глаза, так что специальным приказом ОГПУ от 24 января 1925 г. печати запрещалось затрагивать вопросы не только структуры чекистского аппарата и методов работы, но даже быта сотрудников ОГПУ (259). Однако доступные документы и мемуары, а также некоторые исследования позволяют немало узнать о специфическом быте чекистов (260).

Работники ОГПУ-НКВД относились к привилегированному сословию не только благодаря своему особому месту в системе власти. Карательный аппарат с периода гражданской войны имел как формальные материальные преимущества (зарплаты, пайки), так и неформальные (конфискации и т. п.). Зарплата чекистов в конце 20-х – середине 30-х годов была заметно выше средней по стране. Если в 1929 г. зарплата оперативников среднего звена составляла 100–135 руб., а руководителей – от 145 до 200 руб., то с началом «массовых операций» денежное содержание было увеличено примерно в полтора раза и летом 1930 г. начальники отделов полпредства ОГПУ ЗСК получали 295 руб., начальники отделений ПП – 220, начальники окружных отделов – от 220 до 245, их заместители – 190 руб. (261).

В середине 30-х основная часть чекистов получала от 150 до 350 руб., что, однако, в силу низкого общего уровня жизни гарантировало только пропитание и минимум остальных потребностей. Так, в 1935 г. обычное пальто стоило примерно 700 руб. Серьёзной статьёй расходов у очень многих работников ОГПУ-НКВД были траты на съём квартиры, а примерно одну зарплату в год приходилось, как и остальным гражданам, отдавать государству, подписываясь на заём. В 1934 г. весь оперсостав УНКВД ЗСК подписался на заём в размере месячного оклада (262).

Однако более высокие зарплаты и, особенно, приоритеты в пайковом и промтоварном снабжении, жилищном и курортном обеспечении позволяли сотрудникам ОГПУ иметь гораздо более высокий уровень жизни в сравнении с основной частью населения, которое откровенно бедствовало. На фоне зарплат номенклатуры чекистское жалование долгое время не выделялось, но постоянно росло. В 1933 г. помощник уполномоченного зарабатывал 200 руб. В 1934 г. ежемесячный заработок заместителя начальника политотдела (ЗНПО) Студёновской МТС по оперработке в Карасукском районе ЗСК составлял 250 руб. в месяц, что было вдвое меньше ставки начальника политотдела или директора МТС (500 руб.) и равнялось жалованью ЗНПО по комсомольской работе. Но ЗНПО по партийно-массовой работе имел 375 руб., по женработе – 350 руб. Жалование оперработников было ниже и денежного содержания многих хозяйственных руководителей: заместитель директора МТС получал 350 руб., старший агроном – 400 руб (263).

Однако начальствующий чекистский состав зарабатывал в разы больше рядового. В начале 1936 г. зарплата замначальника УИТЛК, ТП и МЗ УНКВД по ЗСК И.И. Долгих составляла 652 руб. плюс 435 руб. так называемой хлебной надбавки, а всего 1.087 руб. (при этом партийных взносов Долгих уплачивал менее 9 руб. вместо полагавшихся 19 руб.). Начальник УРО УИТЛК М.Я. Кичигин и начальник штаба ВОХР УИТЛК Т.К. Подгорбунский при ставке 555 руб. получали ещё соответственно по 515 и 494 руб. хлебной надбавки (264).

В 1937 г. зарплата оперсостава возросла примерно вдвое, так что месячная зарплата рядовых оперативников достигла 500–800 руб. В 1937 г. начальник Бийского РО НКВД М.Н. Буторин получал 900 руб., основные работники – от 500 до 700, начальник тюрьмы – 450; зарплат менее 400 руб. не было ни у кого из оперативников (265). Жалование наркома республиканского НКВД доходило до 3.500 руб. вместо прежних 1.200. Остальная высшая номенклатура серьёзно отстала от руководящих чекистов: к осени 1938 г. зарплата секретаря обкома составляла 2.000 руб.

в месяц, председатель Верховного суда СССР в 1938 г. получал ежемесячно 1.200 руб., а глава Военной коллегии Верховсуда – 1.100 руб. Таким образом, начальник КРО УНКВД по Северной области капитан ГБ (подполковник) А.С. Ройтгеринг в мае 1937 г. получал 1.200 руб. в месяц (266), т. е. больше, чем председатель Военной коллегии Верховсуда армвоенюрист (генерал-полковник) В.В. Ульрих.

При этом следует учесть, что за выслугу лет чекист-оперативник мог получать до 50 % добавки к окладу. Высокими были и пенсии: в 1937 г. пенсия бывшего начальника Ачинского окротдела ОГПУ К.П. Болотного составляла 270 руб., что было выше средней зарплаты рабочих и служащих. Что касается рядовых граждан, то рабочие получали ежемесячно порядка 200–250 руб., а многие категории служащих – гораздо меньше (267).

Большая разница в оплате труда между начальниками и рядовыми сотрудниками сохранялась и после 1937 г.: так, помперуполномоченного Полтавского РО УНКВД по Омской области имел в 1939 г. зарплату 650 руб., а оперуполномоченный КРО УНКВД – 800 руб. в месяц. Уволившийся из НКВД контрразведчик В.С. Максимов в июле 1938 г. заявил на партсобрании в УНКВД НСО, что на спиртзаводе зарабатывает «по своим способностям 850 руб. в месяц... [в НКВД] же мне этой зарплаты не давали, платили мало» (268).

Хорошо оплачивались должности в лагерной системе: в 1940 г. ставка заведующего культбазой культурно-воспитательного отдела УИТЛК УНКВД НСО составляла 600 руб. Чекистам нередко выплачивались внушительные премии. Например, начальник Колыванского РО УНКВД ЗСК Л.А. Мирошник в 1936 г. получил 300 руб. за «умелое руководство аппаратом». В том же году за розыск и поимку руководителя Чумаковского крестьянского восстания 1931 г. Г.И. Гамзулева сотрудник Мошковского РО УНКВД Л.А. Маслов был награждён 500 руб (269).

У чекистов, как и у остальной номенклатуры, имелся приоритет в нормированном снабжении. В начале 30-х годов в районах были организованы закрытые распределители для начальства. Работники ОГПУ-НКВД относились к привилегированной прослойке, хотя рядовые чекисты сильно ущемлялись в пользу руководства. Чекисты снабжались по нормам для промышленных рабочих, получая в месяц 24 кг хлеба, 2,6 кг мяса, 2 кг рыбы, 1,5 кг сахара, 400 г растительного масла (270). И если для населения были обычными неполное отоваривание пайка, то чекисты обычно получали положенное полное.

В «органах» на местах то и дело возникали «беспринципные склоны группировки» на почве претензий к распределению «молока, шта-

нов и т. д.». В Новой МТС Купинского района ЗСК замначальника политотдела по оперработе М. М. Портнягин в 1933 г. внутри политотдела образовал группу «обиженных» в лице ответственного за комсомольскую работу, женорга и директора МТС, устроивших свару с руководством из-за неправильного распределения продуктов и иных благ (271). Характерно, что дефицитные товары в спецмагазинах стоили дешевле, чем в обычных, за номенклатурные пайки также нужно было платить только частично. Позднее этот льготный принцип наиболее наглядно выльется в институт второй (и тайной) зарплаты видных чиновников – так называемого «пакета».

Известно, что на 1931 г. для чекистов в Новосибирске действовали два закрытых распределителя. К первому прикреплялись сотрудники полпредства, начсостав новосибирского 9-го полка ОГПУ, работники Сиблага и пенсионеры ОГПУ. Ко второму, куда менее богатому – обслуживающий персонал полпредства и сверхштатные работники, а также обслуживающий персонал Сиблага и рабочие типографии. Талоны на питание делились так: голубые выдавались работникам полпредства, Сиблага и командирам полка ОГПУ; красные – членам их семей с правом обедать с 15 до 17 часов; белые – пенсионерам (они могли получить обед только на дом). Но качественных продуктов даже для такого элитарного распределителя выдавали недостаточно, а в 1933 г. их стало особенно не хватать, так что рядовые сотрудники полпредства жаловались на низкое качество пищи, приготовляемой с минимальным количеством жиров. Затем ситуация улучшилась, но начальник Томского оперсектора НКВД М. М. Подольский летом 1934 г. говорил о низком качестве чекистских обедов, несмотря на наличие продуктов (272).

Внутри ОГПУ-НКВД было заметно деление на более и менее обеспеченных сотрудников. Резко выделялось начальство и те оперативники, которые имели покровителей. Затем шла основная масса оперативного состава, а наименьшее обеспечение полагалось неоперативным отделам. Однако работники ведомственных кооперативов, спецторгов, столовых, магазинов, мастерских, системы мест заключения имели богатые возможности для хищения продуктов и товаров ширпотреба, а сервис предлагали традиционный советский, в связи с чем рядовые чекисты постоянно жаловались на скверную работу обслуживающих структур. К спецзале столовой №1 УНКВД ЗСК в середине 30-х годов было прикреплено 200 чекистов-оперативников, а реально пользовались услугами столовой 365 чел., включая даже некоторых заключённых и ссыльных. Летом 1937 г. правом на абонемент в столовую УНКВД ЗСК пользовались

лишь руководящие работники такого крупного отдела, как Отдел связи (273).

Если наркомвнудел Украины Балицкий мог себе позволить к обеду доставлять жареных цыплят самолётом из Харькова, то система общественного питания везде работала очень плохо и никакие меры не могли навести в ней порядок. В 1936 г. нарком Ягода специальным приказом улучшил снабжение чекистов, допрашивавших арестованных в Бутырской тюрьме и не обеспеченных ни питанием, ни даже горячим чаем (274). Летом 1937 г. алтайские чекисты отмечали, что в Бийске и Ойрот-Туре столовые работают «очень скверно». Новосибирские чекисты отмечали, что, отдавая все силы ночным допросам, они не могут получить из буфета приличных бутербродов, чая в чистых стаканах и папирос, причём работники обслуживающих отделов в ответ заявляли, что всё лучшее и так идёт сотрудникам УГБ (275).

В предвоенные годы продовольственное снабжение значительной части чекистов, вероятно, улучшилось и могло конкурировать с пайками партийно-советской номенклатуры: в 1940 г. новосибирская межкраевая школа НКВД, где занимались порядка 200 курсантов, ежеквартально получала до 2,5 тонны сахара, 2 тонн масла, 9 тонн мяса и другие продукты. Таким образом, ежедневно на питание курсантов и преподавателей выделялись центнер мяса и полцентнера масла с сахаром. Однако качество питания в столовых УНКВД НСО характеризовалось как неудовлетворительное и в 1940–1941 гг. (276).

Жилищный вопрос стоял в 30-е годы очень остро, так что лишь начсостав ОГПУ-НКВД получал комфортабельное жильё. Руководители региональных управлений ОГПУ-НКВД имели собственные дома, нередко напоминающие дворцы (как у В. А. Балицкого в Киеве). Вдова С. Н. Миронова вспоминала, что в 1936 г. их семейству выделили в Новосибирске роскошный особняк с кинозалом, охраной, прислугой и садом, где была устроена эстрада для выступлений приезжих актёров. В январе 1938 г. нарымские чекисты завистливо отмечали, что жизнь только что арестованного начальника окружного отдела НКВД С. С. Мартона была «похожа на помещичью: особняк, меха, несколько домработниц...» (277).

Между тем в Улан-Удэ под общежитие чекистов Бурят-Монгольского облотдела ОГПУ в начале 30-х годов была приспособлена Вознесенская церковь, а чекисты Амурского облотдела ПП ОГПУ ДВК в 1933 г. «в широких размерах» самовольно занимали квартиры жителей Благовещенска (278). Однако в крупных городах постепенно изыскивались возможности для строительства качественного жилья и появлялись «дома

чекистов», «городки чекистов». Так, в 1931–1932 гг. для ОГПУ в Новосибирске в центре города был построен большой жилой комплекс.

Хотя оперсостав имел большие материально-бытовые привилегии по сравнению со всеми остальными работниками «органов», но его количество росло темпами, за которыми государственное обслуживание не успевало. Рядовые чекисты обычно ютились в коммуналках, снимали жильё где придётся, а нередко, прибыв на новое место работы, долго жили в своих служебных кабинетах. Оперативник ЭКО В. П. Казачук в 1931 г. жаловался приятелю, что, приехав в Новосибирск, живёт без квартиры, на птичьих правах: «Я уж дошёл до того, что изматерил при публике завхоза, а ребята советуют ещё и вздуть его, тогда он, мол, только даст сразу же квартиру» (279). В 1934 г. в Новосибирске были сотрудники, которые не обеспечивались квартирами по году и более, а весной 1937 г. чекисты аппарата СПО УНКВД жаловались, что несколько сотрудников вынуждены месяцами жить в своих служебных кабинетах. Начальник УНКВД Г. Ф. Горбач весной 1938 г. отмечал, что прибывшее молодое пополнение – около 30 чекистов – по вине АХО живут «в кошмарных квартирных условиях», в грязи и антисанитарии (280). Аналогичная ситуация наблюдалась на Алтае.

В районах обеспечение работников было ещё сложнее. Так, ЗНПО по оперработке Новой МТС Купинского района ЗСК М. М. Портнягин ютился в крохотной квартирке, где его дети спали на полу, так как не было места для кровати. Его коллега А. И. Овчин требовал жильё с дополнительной комнатой – для оперработы. Получив отказ, он десять дней не выходил на службу. Начальник политотдела жаловался на прогульщика в РО ОГПУ, но Овчин, пробастовав месяц, добился квартиры предшественника, а заодно и лучшей лошади. Для улучшения жизненных условий чекисты не брезговали ничем: например, ЗНПО по оперработке Коробейниковской МТС Уч-Пристанского района ЗСК Е. С. Олейников просто выдворил детей из яслей и занял этот дом под своё жильё (281).

Привилегии начальства остро воспринимались рядовыми работниками. В 1935 г. партийной организацией критиковался руководящий работник АХО УНКВД ЗСК А. И. Яшин, сказавший рядовому оперативнику: «Со мною нечего тебе равняться, что я имею хорошую квартиру, ведь я всё же начальник». Но в годы террора чекисты смогли радикально улучшить свои жилищные условия: в Барнауле специально для конфискации хороших домов, принадлежавших местным докторам, было сфабриковано масштабное «дело врачей», причём в самый лучший особ-

няк вселился начальник УНКВД С. П. Попов. В Новосибирске чекисты в 1937–1938 гг. репрессировали жильцов самого престижного «стоквартирного дома» (в реальности – 120-квартирного), проект которого получил Гран-при на Парижской выставке и где жила номенклатура, в результате чего сами стали основными насельниками этого огромного по тем меркам семиэтажного здания в самом центре города (282). Тысячи квартир и комнат репрессированных достались чекистам Москвы и Ленинграда (например, квартира В. Э. Мейерхольда и часть квартиры Л. К. Чуковской).

Перед войной снабжение жильём новосибирских чекистов за счёт строительства новых ведомственных домов значительно улучшилось. За 1940 и первые три месяца 1941 г. сотрудникам УНКВД НСО было предоставлено 119 квартир в домах УНКВД (97 из них достались оперсоставу) и 17 – в домах горкомхоза, а 38 квартир – заменены на лучшие. Однако на Алтае в 1939 г. жилищные и социально-бытовые условия чекистов считались одними из худших среди всех УНКВД (283).

Дачный бум 30-х годов заразил номенклатуру, принявшую повсеместно сооружать дачные посёлки. Роскошные дворцы в 15–20 комнат возвели себе не только кандидат в члены Политбюро Я. Э. Рудзутак, наркомы Г. Г. Ягода, А. П. Розенгольц, В. И. Межлаук, секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе, но и стоявшие рангом ниже заместители наркомов: Я. С. Агранов, Л. С. Карахан... Богатые дачи построили секретари Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского крайкомов ВКП(б) Р. И. Эйхе и М. О. Разумов. Секретарь Челябинского обкома ВКП(б) К. В. Рындин выстроил себе два особняка: один в городе, второй – в реликтовом сосновом лесу на берегу озера (284).

Местные чекисты получили право на широкое строительство дач в 1937 г. Если до того привилегия дачного отдыха и охоты распространялась только на лиц высшего начсостава, то одновременно с «Большим террором» началось строительство ведомственных загородных дачных посёлков для руководства и отличившихся работников НКВД. В июне 1937 г. партком УГБ УНКВД ЗСК заслушал информацию о постройке дач для оперсостава и поручил начальнику АХО закончить строительство в 12-дневный срок. За лето дачей воспользовались 17 семей, домом отдыха – 38 чел (285). Нередко дачи для чекистов строили на месте полигонов, где происходили массовые расстрелы, как в подмосковном Бутове. И напротив, территория дачи Ягоды в подмосковном совхозе «Коммунарка» – в соответствии с «чёрным юмором» Сталина и Ежова, зафиксированным в записной книжке последнего: «Дачу Ягоды – чеки-

стам» – была отведена под место расстрелов номенклатуры, в т. ч. и видных чекистов (286).

При снабжении чекистов учитывалось, что условия их труда были тяжёлыми. Оперативная работа требовала от чекистов постоянных выездов в районы и отдалённые посёлки для встреч с агентами, контролирования работы ГО-РО НКВД, проведения следствия по важным делам. С октября 1929 по апрель 1930 гг. аппарат КРО ПП ОГПУ Сибкрая, состоявший из 16 оперативников, огромную часть времени, борясь с повстанческим движением и бандитизмом, провёл в разъездах: один из старших уполномоченных – 6 месяцев, два работника – по 4 месяца и т. д. (287). Начальник Томского оперсектора НКВД М. М. Подольский 25 июля 1934 г. заявил, что в текущем году на командировки ушло 778 «оперативных дней»; при этом в оперсекторе работало 69 чел., в т. ч. половина – оперативные работники. Осенью 1935 г. Прокопьевский ГО УНКВД ЗСК имел 25 оперативников и всего три лошади (и ни одного конюха), из-за чего были жалобы сотрудников, поскольку каждый день было необходимо «выбрасывать весь оперативный состав... на шахты, для встречи с [агентурной] сетью» (288).

Об условиях, в которых подчас приходилось работать чекистам, красноречиво говорит приказ Ягоды от 12 июня 1929 г. о награждении работников ЭКО ПП ОГПУ по Уралу, отличившихся при разгроме «вредителей» в золотоплатиновой промышленности: «Сотрудникам, пробираясь инкогнито на прииски, приходилось в одном месте наниматься рабочими по сплаву древесины, в другом – идти лесом, голодать по трое суток и терпеть массу лишений в пути или спускаться по горной речке на самодельном челноке, где один из сотрудников дважды тонул. Но особо трудные условия были в работе агентуры, когда Уполномоченным нужно было на ночь уезжать из приисков за 10–20 вёрст в лес, якобы на охоту, чтобы там в лесу посвятить ночное время приему [агентурной] сети. Эта трудная работа усугублялась еще тем, что последующий весь день приходилось допрашивать арестованных. Так, в этом деле зарегистрирован случай, когда 2 уполномоченных проработали 8 суток без сна» (289).

В период крестьянских восстаний немало чекистов участвовали в боях и карательных экспедициях. Райуполномоченному ОГПУ по Немецкому району Славгородского округа А. Меннингеру и его помощнику Б. Коопу, арестованным и взятым в заложники немцами-крестьянами во время восстания в с. Гальбштадт 2 июля 1930 г., повезло – они были освобождены отрядом ОГПУ в тот же день, причём Меннингер отделался лёгкими

побоями, а Кооп – порванными брюками (290). А ряд других работников госбезопасности за своё участие в войне с крестьянством поплатились жизнью.

В феврале 1930 г. в бою с крестьянами-повстанцами был убит уполномоченный Ойротского облотдела ОГПУ П. К. Алфёров, командовавший карательным отрядом. В мае 1930 в Усть-Карийском районе Сре-тенского округа крестьяне убили райуполномоченного ОГПУ П. Г. Лазебного, ненавистного своим активным участием в репрессиях. В июле 1930 г. в бою с небольшим отрядом бывшего партизана Т. И. Геримовича у д. Вятки Уч-Пристанского района погиб райуполномоченный Бийского окротдела ОГПУ Т. Г. Левачев.

Особенно в середине 1930 г. оказались заметны потери среди оперативников будущего Красноярского края. Так, 25 мая 1930 г. в бою с крестьянами-повстанцами погиб уполномоченный Итатского райаппарата Ачинского окротдела ОГПУ И. С. Тарасюк. В августе 1930 г. в Ермаковском районе посланный для ликвидации восстания уполномоченный Минусинского оперсектора ОГПУ П. И. Соцков был убит под с. Салба. Районный уполномоченный Минусинского оперсектора ОГПУ в Бейском районе Д. К. Литвинов погиб 10 сентября 1930 г. в бою с повстанцами у с. Монок (291).

В июне 1931 г. в бою под д. Номоконово «при ликвидации банды кулаков и белогвардейцев» был убит райуполномоченный ОГПУ в Шилкинском районе ВСК Ф. А. Ищенко. Среди работников ПП ОГПУ ВСК только в январе–августе 1931 г. погибло 14 чел. из числа оперработников и военнослужащих ОГПУ, включая убитого в бою с отрядом Князюка помощника ПП ОГПУ по милиции Ф. М. Крумина (292). В мае 1933 г. в Братском районе ВСК крестьяне убили и четвертовали начальника отряда ОГПУ Н. А. Вдовина. Начальник Ойротской кавпогранкомендатуры ПП ОГПУ ЗСК М. Иноземцев вместе с двумя переводчиками в январе 1932 г. был убит при попытке воспрепятствовать переходу в МНР группы горно-алтайских крестьян. В декабре 1933 в Берёзовском районе Остяко-Вогульского округа в числе пяти коммунистов был ритуально убит (задушен) первый чекист ханты З. Н. Посохов – изгой, ненавистный местному населению (293).

Те чекисты, кто порой проявлял трусость во время боевых действий, подлежали наказанию. Так, в апреле 1931 г. Абралинский райком Восточно-Казахстанской области исключил из партии райуполномоченного ОГПУ Абдула Джамалетдинова «за сдачу бандитам райцентра без сопротивления» (294).

Нелёгкой (длительные поездки гужевым транспортом в любую погоду) и подчас опасной была служба фельдъегерей. Выполнение ими инкассаторских функций провоцировало нападения на фельдъегерей со стороны повстанцев и уголовников. Так, в июле 1932 г. «бандой кулаков и белогвардейцев» были убиты сотрудники Тунгокоченского аймаппарата ПП ОГПУ ВСК Ф.С. Гелев и А.П. Петров, ехавшие с документами и почтой из с. Юмурчен в райцентр. В начале 1939 г. были ограблены и убиты два фельдъегеря Прокопьевского ГО УНКВД НСО (295).

От чекистов требовалось соблюдение строгой военной дисциплины, но те были весьма далеки от должного исполнения этих требований. Они часто прогуливали, опаздывали, не отвечали на запросы начальства, задерживали следственные дела, давали фальсифицированную информацию, скрывали проступки подчинённых. Приказы ОГПУ «О дисциплине в органах и войсках ОГПУ» от 23 ноября 1933 г. и «О нарушителях чекистской дисциплины» от 5 января 1934 г. не смогли обеспечить перелома и навести порядок. Дисциплина среди оперсостава, несмотря на все усилия и постоянные наказания виновных, все 30-е годы оставалась весьма условным понятием. В своей записной книжке А.С. Макаренко отметил, что В.А. Балицкий «отличает несколько типов происхождения [чекистов]: “Гимназисты”. “Местечковые”. “Военные”. Последние с трудом понимают характер дисциплины “Ч[екистов]”» (296).

Даже под носом у начальства чекисты вели себя очень вольно, ломая и расхищая казённое добро. Приказ исполнявшего обязанности полпреда ОГПУ ЗСК А.К. Залпетера от 8 февраля 1932 г. доводил до сведения работников ПП, что за последние полгода в здании полпредства оказалось сломано 260 стульев (примерно по стулу на оперативника) и украдено около 5 тыс. (!) остродефицитных электролампочек. Закупленных за последние полгода 3 тыс. стаканов быстро перестало хватать. Ежедневно в здании терялось от 20 до 30 ключей, что приводило к необходимости постоянно ломать замки на дверях, а также в столах и шкафах; из-за небрежности машинисток постоянно ломались пишущие машинки. В середине 30-х годов в ХОЗО УНКВД ЗСК не было должного учёта личного оружия и оно терялось (297).

Из отношения к нарушителям отчётливо видно, что чекистское руководство и партийные организации были снисходительны к прогульщикам и дебоширам. За пьяный прогул в течение двух суток в 1932 г. уполномоченный ЭКО ПП ОГПУ ЗСК Л.В. Мартемьянов, незадолго перед тем снятый за пьянство с работы в районе, получил 10 суток ареста с исполнением обязанностей. Уполномоченный Особого отдела СибВО

С.И. Миков, уже имевший взыскание за пьянство, в ноябре 1932 г. за 4-дневный прогул и появление на службе в нетрезвом виде был арестован на 15 суток с исполнением служебных обязанностей. За пьяное дебоширство в ресторане и на улице работники ОГПУ зачастую получали двое-трое суток ареста (298). В июне 1932 г. начальник Томского оперсектора ОГПУ Я.М. Краузе вызвал к себе уполномоченного, старого чекиста П.И. Молостова, чтобы потребовать объяснений относительно срочного поручения, которое оказалось невыполненным. Увидев, что оперативник пьян, Краузе сделал ему замечание. В ответ на это Молостов «учинил в кабинете т. Краузе дебош», за что был исключён из партии, но вскоре оказался восстановлен (299).

О низкой дисциплине говорил в июле 1937 г. начальник отделения ДТО УНКВД ЗСК С.И. Политов, отмечавший, что чекисты-транспортники, работая в тюрьме, оставляют арестованных без надзора, самовольно отлучаются по личным делам в город и т. д. По Отделу связи УНКВД ЗСК за 1937 г. было отмечено более 300 случаев «антиморальных» поступков и неправильных засылок корреспонденции (300).

Многие работники в 1940–1941 гг. были наказаны в уголовном порядке за прогулы и опоздания – эта жёсткая кампания проводилась во всех чекистских аппаратах. В августе 1940 г. замначальника отдела УНКВД по Иркутской области М.И. Эдельштейн был осуждён на 4 года заключения (впоследствии наказание заменили на условное) за отказ выехать в район в связи с болезнью жены (301). Тогда же сотрудник Оперода УНКВД по Алткраю Б.П. Степин опоздал на работу на 15 суток, за что был осуждён на 5 лет. Сотрудник УНКВД по Читинской области П.С. Синев в сентябре 1940 г. за опоздание на работу был осуждён на 1 год тюремного заключения (302).

Но основным серьёзным наказанием для чекистов являлся обычно арест на срок от 3 до 15 суток, чаще всего формальный, с исполнением служебных обязанностей. Подобные аресты значились в послужных списках очень многих оперработников.

Ночной и крайне напряжённый режим работы (в среднем не менее 12 часов), оставлявший минимум свободного времени, выдерживали не все работники. Особенно тяжелы были нагрузки в годы террора. Начальник КРО УНКВД НСО Ф.Н. Иванов отмечал, что оперативник Ю.Д. Берман «уходит в 10 часов вечера домой, когда мобилизуется весь аппарат на серьёзные операции». Его коллега В.С. Максимов в конце 1937 г. был уволен за защиту арестованного брата и требование 6-часового рабочего дня. Летом 1941 г. оперработник Кемеровского ГО НКВД М.П. Ор-

лов был исключён из партии за ряд проступков, включая «уклонение от вечерних работ» (303).

Начальство признавало тяжесть службы подчинённых, мешавшей налаживанию нормального быта, но требовало усиления борьбы с «врагами». В апреле 1937 г. на общем партийном собрании УГБ УНКВД ЗСК С. Н. Миронов вопрошал: «Скажите, кто из вас здесь присутствующих безупречен в бытовых вопросах? Кто из вас уделяет достаточно внимания своей семье, своим жёнам?» (304). Месяц спустя Миронов внушал работникам Особого отдела: «Борьба будет напряжённой. У вас будет минимум времени на обед. А когда арестованных будет 50–100 человек, вам придётся сидеть день и ночь. В силу этого вам придётся забросить всё семейное, личное. ...Люди, у которых, может быть, нервы не позволят сделать этого, здесь будут видны все. Троцкисты по своей природе двурушники, они и слезу пустят, и ещё кое-что будут выкидывать. Только на людей выдавших [виды] слёзы этих убийц не действуют, так как они закалены. В этой борьбе с врагами народа у вас и люди определятся: дезертиры и честные... колебания того или иного сотрудника равносильны измене» (305).

Тяжесть чекистской работы усугублялась пренебрежительным отношением руководства к устройству приемлемых условий для труда и отдыха. В мае 1937 г. сотрудник ДТО НКВД утверждал, что чекисты, сутки напролёт работающие на следствии в особом корпусе новосибирской тюрьмы №1, где содержали политзаключённых, не имеют кроватей и работают в большой тесноте. Ситуация за полтора года не изменилась: на одном из партсобраний молодой оперативник КРО Д. М. Негреев жаловался, что в особом корпусе даже к концу 1938 г. не было создано должных условий для следователей: отсутствовали столы, стулья, письменные принадлежности (306).

Многие чекисты в карательном усердии в полном смысле слова не щадили себя – начальник СПО Кемеровского ГО НКВД И. Т. Ягодкин утверждал: «Работал до такого состояния, когда из рабочего кабинета скорая помощь увозила в больницу, очнувшись, снова включался в работу, отказался в 1938 г. от лечения». Начальник Мариинского РО НКВД Т. А. Дубинин в июле 1938 г. заявлял: «Мы, оперативники, ежедневно изо дня в день около двух с половиной месяцев работаем без отдыха и в сутки приходится отдыхать 2–3 часа и не спим...» (307). Бывший работник Ленинск-Кузнецкого ГО НКВД А. И. Савкин показал, что следователи от бессонницы «доходили до такого состояния, что не могли здраво рассуждать, и лично я был в таком состоянии, что своей жене не

верил, что она советский человек». Так работали везде: оперуполномоченный СПО Харьковского УНКВД Я. С. Ротштейн свидетельствовал: «Мы добивались от арестованных показаний в большинстве случаев палкой, кулаком... от усталости валились с ног... я лично кончал работу начиная с августа 1937 г. по 25 июня 1938 г. в 6–7 часов утра. Я не знал отдыха, работал очень часто без выходных дней» (308).

Особенно тяжёлой являлась работа по исполнению смертных приговоров. Помощник начальника КРО УНКВД по Иркутской области Б. П. Кульвец в письме Берии напоминал о своих недюжинных заслугах: «...Работал я честно, не жалеючи себя, получил туберкулез, не гнушался никакой работой, вплоть до того, что по приговорам из Иркутска сам же приводил их в исполнение и в неприспособленных районных условиях приходилось таскать [трупы] на себе, я приходил с операции обмазанный кровью, но моё моральное угнетение я поднимал тем, что делал нужное и полезное дело Родине» (309).

Ненормированный рабочий день, постоянные разъезды, участие в многочасовых ночных допросах, а также расстрелах непосредственно отражались на состоянии здоровья оперативников, многие из которых подорвали свои силы ещё в гражданскую войну. Н. И. Бухарин пылко призывал: «Не забудем, сколько безымянных героев нашей чеки погибло в боях с врагами, не забудем, сколько из тех, кто остался в живых, представляет развалину с расстроеными нервами, а иногда и совсем больных. Ибо работа была настолько мучительна, она требовала такого гигантского напряжения, она была такой адской работой, что требовала поистине железного характера». Из циркуляра ОГПУ от 15 февраля 1930 г. следовало, что «материалы заболеваемости сотрудников ОГПУ показывают значительное распространение на них психоневрозов, туберкулёза и ревматических заболеваний. Они являются наиболее частыми причинами к увольнению от работы в органах ОГПУ». Сам «железный нарком» Ежов страдал туберкулёзом, неврастением, ипохондрией и алкоголизмом (310).

Большая часть чекистов от напряжённой работы становилась неврастениками – это заболевание было самым частым и его вполне можно охарактеризовать как профессиональное (311). Нередко работники ОГПУ-НКВД страдали малокровием, туберкулёзом и малярией, а качественную медицинскую помощь могли получить только в крупных городах. Л. С. Рохмистров, ЗНПО Ново-Егорьевской МТС Рубцовского района ЗСК, в 1933 г. заболел открытой формой туберкулёза, выйдя из строя на 9 месяцев, и начальник политотдела сообщал краевым властям, что «держат его

здесь, в квартире, без всякой медицинской помощи, в течение ряда месяцев – преступно». В 30-х годах начальники райотделов НКВД, нуждавшиеся в квалифицированном лечении или имевшие больных родственников, перемещались на службу в города. Начальник Отдела связи УНКВД ЗСК Д. Г. Плаксин в конце 1936 г. был откомандирован в среднюю полосу России в связи с бронхиальной астмой и хроническим миокардитом (312).

Обыденной вещью в чекистской среде были серьёзные психические заболевания. В 1929 г. начальник Ачинского окротдела ОГПУ К. П. Болотный был уволен на пенсию в связи с эпилепсией. В 1930 г. командир 3-й Южно-Енисейской рабочей роты Сибулона А. А. Дэр за целый ряд преступлений был привлечён ОГПУ к уголовной ответственности, но после медобследования оказалось, что Дэр страдает острой шизоидной реакцией и требует лечения, в связи с чем дело против него было прекращено. Воевавший в 1931 г. с басмачами Ибрагим-бека, а затем работавший за кордоном С. А. Икка, вернувшись, лечился от «сильного психоза» и летом 1933 г. прибыл в Новосибирск на службу в Особый отдел (313).

Летом 1934 г. начальник Спецотдела УНКВД ЗСК М. И. Янкевич характеризовал старшего шифровальщика Е. А. Седельникова следующим образом: «прекрасный, незаменимый работник, но очень нервнобольной человек». В 1934 г. замначальника политотдела по работе ОГПУ А. А. Плотников из Залесовского района ЗСК психически заболел, бредил и был отправлен на лечение в Томск, чтобы потом оказаться на работе в системе Сиблага (314). Начальник Хабаровского РО УНКВД ЗСК И. Г. Пичугин летом и осенью 1936 г. лечился «ввиду психического расстройства», но потом вернулся на службу в НКВД. Оперативник СПО Сталинского ГО УНКВД ЗСК Д. Т. Кононов в 1936 г. лечился в одесской психиатрической больнице – и тоже был возвращён в «органы» (315).

Начальник Казачинско-Ленского РО УНКВД по Иркутской области Б. Н. Малаев в 1941 г. настолько повредился в уме, что обвинил руководство РК ВКП (б) в шпионаже и, узнав о грядущей проверке своей работы, отправил телеграмму: «Москва, НКВД – Берия. Мною установлена крупная контрреволюционная организация, связанная [с] областными руководителями, фигуранты подожгли мою квартиру, прошу выслать представителя». Малаева признали невменяемым и уволили из НКВД (316).

Психически нездоровые чекисты продолжительное время оставались на службе в НКВД: М. А. Дрибинский, у которого находили циклотимию (начальную стадию маниакально-депрессивного психоза), в конце 30-х годов успешно продвигался по службе в оперчекотделе УИТЛК

УНКВД ЗСК-НСО. В личных делах новосибирских чекистов попадаются однотипные заключения за апрель 1940 г.: «здоров... за исключением нервной системы, которую необходимо лечить», или «здоров, за исключением нервного расстройства». Такие заключения говорят о том, что поражения нервной системы были нормой и, по мнению самих чекистов, не препятствовали работе (317).

Уволенных по состоянию здоровья чекистов старались по возможности возвращать в систему: тот же Рохмистров был переведён на инвалидность, но в 1935 г. оказался принят в НКВД. Таким же образом возвращались в «органы» и другие переведённые в запас, если с них со временем снималась инвалидность (318). Из чекистского запаса исключали лиц только со 2-й группой инвалидности.

Проведению массового террора подчас серьёзно мешало отсутствие кадров, в т. ч. отсутствовавших по состоянию здоровья. Начальник Титовского РО УНКВД НСО И. Г. Чванов 28 августа 1938 г. сообщал, что работает в райотделе совсем один: оба оперативника лежат в больнице, нет ни машинистки, ни секретаря. Начальник особого отдела ГУГБ НКВД 71-й стрелковой дивизии СибВО в Кемерове С. Н. Маковлев в январе-мае 1939 г. совершенно не работал «ввиду тяжёлого болезненного состояния» (319).

Для поправки здоровья сибирским чекистам ежегодно выделялись многие сотни курортных путёвок. За 1934 г. по УНКВД ЗСК оказалось роздано 878 таких путёвок, включая 199 для членов семей. Эта цифра говорит о том, что курортное обслуживание касалось основной части оперсостава. Начальство отдыхало в Сочи, Кисловодске (где располагался принадлежавший НКВД санаторий) и Крыму, рядовые сотрудники – нередко в пределах края. Курортных благ хватало не всем: особист М. А. Карский в течение четырёх месяцев ждал от санчасти курортной путёвки, но так и не получил её, несмотря на резолюцию замначальника УНКВД. В январе 1936 г. новосибирские чекисты жаловались на санчасть, где приём врачей не был приспособлен к ненормированному графику работы сотрудников УНКВД (320).

Бросается в глаза высокая смертность чекистов молодого возраста. Сотрудник ПП ОГПУ ЗСК И. И. Парняков, страдавший туберкулёзом, умер в 35-летнем возрасте в конце 1933 г. после 12 лет работы в «органах». Активный участник репрессий В. С. Васильев – работник КРО УНКВД ЗСК-НСО – в 33-летнем возрасте был уволен из НКВД (в 1938 г.) по болезни с переходом на пенсию и вскоре умер (321). В ноябре 1938 г. умер 31-летний начальник Купинского РО УНКВД ЗСК-НСО С. А. Тол-

стов; работник 9-го отдела УНКВД НСО Л.В. Мартемьянов умер не позднее 1939 г. (в 44 года). Начальник Кемеровского ГО НКВД В.Г. Трындин 30-летним умер в 1940 г., тогда же скончался и начальник Пихтовского РО УНКВД НСО Г.Н. Гайдышев (322). Всего в 1939 г. из органов УГБ страны в связи со смертью было уволено 99 чел., или 1,3 % от общего числа уволенных (323).

Часть чекистов стала жертвами различных несчастных случаев. Томский чекист-транспортник М.Д. Гольштейн разбился в машине летом 1932 г. Активный томский особист Л.И. Ушаков погиб в мае 1934 г., а в сентябре 1936 г. жертвой аварии стал замначальника Минусинского оперсектора НКВД В.М. Грахловский-Израильский (324).

Для поддержания работников военизированного ведомства в тонусе значительное внимание уделялось спортивной и стрелковой подготовке. Постоянно проводились соревнования по стрельбе, 46 оперативных работников ЗСК весной 1932 г. окончили 20-часовую программу по овладению приёмами самбо. Настоящим проявлением чекистского «чёрного юмора» выглядело назначение в 1937 г. председателем стрелковой секции «Динамо» коменданта УНКВД ЗСК А.М. Матроза – основного куратора расстрелов (325).

Обращалось внимание на общее физическое развитие: так, партком УГБ предложил заместителю начальника Особого отдела СибВО и председателю райсовета «Динамо» А.Н. Барковскому с 27 июля 1937 г. «начать регулярную физзарядку, не допуская ни одного срыва зарядки». Устраивались лыжные походы, в середине 30-х годов в УНКВД ЗСК имелись баскетбольная (в Опероде) и футбольная команды. По приказу В.М. Курского из Пятигорска (а Курский много лет работал именно на Северном Кавказе) осенью 1936 г. для усиления новосибирской команды были доставлены несколько футболистов, содержавшихся более полугодом новосибирским отделом «Динамо» (326). Отдельно следует отметить практику обучения в первой половине 30-х годов многих новосибирских чекистов лётному делу: так, за 1933 г. 29 сотрудников полпредства получили навыки пилотажа на лёгких самолётах У-2 и Р-5 (327).

Условия быта и низкий уровень культуры работников ОГПУ-НКВД прямо отражались на их повседневном поведении (328). Вино, женщины, карты – на этих трёх китах стояло здание чекистского досуга. Секретарь парткома УНКВД ЗСК Н.М. Терентьев свидетельствовал, что ряд его коллег за 1935 г. ни разу не были в кино, зато «играют в преферанс многие и даже парторги и не умеющие играть научились» и сетовал, что «такую картину, как “Чапаев”, не посмотреть – это большое упущение» (329).

В повседневный чекистский быт просачивались праздничные традиции, носившие нередко религиозный характер. Чекисты постоянно попадались на отмечании пасхи и прочих церковных праздников. Попытки «обуржуазить» быт долгое время решительно пресекались. Весной 1929 г. трое сотрудников Томского окротдела ОГПУ получили партийные взыскания за устройство на квартире 25 декабря рождественской ёлки для детей. К середине 30-х годов на подобные празднества власти обращали уже меньше внимания, укрепилась традиция вместо Рождества широко отмечать Новый год (330). Начальство любило посвящать досуг барской забаве – охоте.

Приехавший из Кузбасса в Новосибирск оперативник В.П. Казачук в письме сослуживцу от 1931 г. с удовольствием описывал своё приобщение к благам цивилизации краевого центра: «Хожу ежедневно в клуб “Динамо”, смотрю концерты, кино, спектакли и пр. Играю в волейбол, моюсь в душе, думаю стукнуть в бильярд, беру и читаю из своей библиотеки хорошие книги, пью пиво, ем бутерброды и пр., и пр., да, самое главное чуть не упустил из виду – ухаживаю за дамами и... девочками. [...] Занимаюсь в кружке политэкономии повышенного типа, которым руководит Лупекин (очень умный, развитой человек). Участвую в шахматном турнире» (331).

Отвлекаясь от работы, следователь нередко превращался в образцового семьянина, жаждущего приобщения к удобствам налаженного быта. Оперативник Ф.М. Касьянов, допрашивавший в Новосибирске одного из офицеров войск НКВД, старательно изображал перед «врагом» истерики, «мат у него процветал в каждом предложении выраженной им мысли», но когда при арестанте звонил домой, то сразу размягчался и довольным тоном сообщал супруге, что «он сегодня примет хорошую ванну, будет кушать горячие блины»... (332).

Круг общения даже у жён чекистов был ограничен «своими» и, например, супруга начальника УНКВД НСО Мальцева организовывала у себя вечеринки с участием жён начальников отделов (333). Однако отношения между чекистскими прекрасными половинами отнюдь не были идиллическими. Как отмечал Ежов, работники НКВД – замкнутая среда «и в быту их имеются массовые случаи “буржуазности”... жёны чекистов стали буквально нарицательным именем». Осенью 1938 г. руководящие новосибирские чекисты отмечали «нездоровые отношения между жёнами, отдыхающими на даче... доходило до скандалов и драк». Балицкий говорил А.С. Макаренко, что в книге о чекистах «нужно дать и нечто о положении женщины в семье. Она редко видит мужа и поэтому беднеет духовно» (334).

Отдых чекистов, хотя бы простейший, был организован слабо. В марте 1937 г. И.В. Большаков из СПО УНКВД ЗСК утверждал, что чекистский ведомственный клуб им. Дзержинского является не «очагом культуры и отдыха», а коммерческим предприятием по организации вечеров танцев для посторонней публики. Год спустя начальник УНКВД негодовал на то, что клуб «служит местом встреч чуть ли не тёмного элемента, собираются туда пьяные, бьют наших сотрудников». В начале 1941 г. в клубе им. Дзержинского был организован ансамбль песни и пляски в составе 110 участников, из которых 80 являлись сотрудниками УНКВД НСО и членами их семей (335).

Начальство же постоянно устраивало вечеринки, банкеты, автомобильные и речные поездки на пикники. Начальник особотдела ОГПУ 36-й дивизии СибВО в Чите Г.И. Новосёлов в 1929 г. получил выговор за пьяный дебош и использование служебного автомобиля для выезда на пикник. До 1935 г. новосибирские чекисты следили за консульскими работниками, передвигаясь на лошадях или пешком; между тем персональный автомобиль ГАЗ-А имелся даже у помощника начальника УНКВД ЗСК, а на личный катер начальника УНКВД отпускалось 100 л дефицитного бензина в пятидневку (336). Начальник УНКВД по Челябинской области и его заместитель в 1938 г. вдвоём имели пять авто, позволяя жёнам разъезжать на прикрепленных к ним машинах, в то время как районные отделы совершенно не имели автомобилей (так же, как и в Сибири). Особист Г.Л. Кацен устраивал жёнам начальства УНКВД ЗСК развлекательные полёты на самолётах (337).

Неукротимое пьянство в довоенные годы было бичом и общества в целом, и номенклатуры, являясь одной из основных причин постоянных кадровых перетрясок. В Сибири ещё в 20-е годы руководящие работники сибирских округов, в т. ч. и чекисты, то и дело разоблачались в связи с пьянством и «моральным разложением». В 30-е годы начальственная алкогольная традиция не изменилась: в августе 1934 г. за появление нетрезвым в общественном месте во время командировки в Москву был снят с должности заведующий орготделом ЗСКИКа Попов. Досуг и номенклатуры, и местной интеллигенции выглядел аналогично: бюро Каргатского райкома ВКП(б) ЗСК в феврале 1934 г. отмечало, что в местном Доме социалистической культуры «творились традиционные для дореволюционного театра групповые пьянства, оргии и др. формы разврата...» (338).

В советские времена быстро сложилась практика устройства постоянных официальных и полуофициальных банкетов. Сталин в 30-х годах

устраивал в Кремле банкеты для крупных работников ОГПУ-НКВД. Бывший чекист и военный разведчик В.М. Шишковский в середине 1930-х гг. рассказывал: «Вот мы в Кремле пили по рабоче-крестьянски – стояли дежурные машины, и кто был под столом, тех развозили по домам» (339).

Быт чекистов был очень тесно связан со спиртом. Без алкогольных напитков «люди искореняющей профессии» существовать просто не могли (340). И отношение к пьянству оперработников со стороны начальства было достаточно лёгкое – наказывали обычно лишь за опоздания, прогулы, дебоши (часто сопровождавшиеся стрельбой), утерю по пьянке оружия, секретных документов и партбилетов, а также за выпивки с «чуждым элементом». Если пьянство не проникало в оперативную работу, оно не мешало продвигаться по службе. Шумные застоля были в обычае чекистов, которые постоянно собирались друг у друга. Большая часть гебистов, включая руководителей, имела партийные и служебные взыскания за пьянство и «выпивки», так что их послужные списки изобиловали сведениями о наказаниях (выговорах, административных арестах, понижениях и увольнениях) за слабость к горячительным напиткам (341).

Для комплектования чекистских органов в отдалённых районах требовались особые усилия: добровольцев ехать в Нарым, Салехард, Норильск, Туруханск, Якутию обычно не было, напротив, чекисты, рискуя порой уголовным преследованием за отказ от выполнения приказа, всеми правдами и неправдами отказывались покидать областные и краевые центры. Например, начальник Читинской тюрьмы И.А. Демин в ноябре 1935 г. был исключён из партии и уволен из НКВД за отказ выехать к новому месту работы. Самые северные районы комплектовались в значительной степени ранее проштрафившимися сотрудниками, которые, прибыв на место, предавались пьянству, дебоширству, разврату и манкированию служебными обязанностями.

В 1934 г. один из сотрудников Нарымского оперсектора ОГПУ восклицал: «Мнение, существующее в Отделе кадров ПП, что в Нарыме нельзя долго держать работников, что они будут разлагаться – неверное мнение», но эти слова не могли скрыть правды; руководитель нарымских чекистов С.С. Мартон утверждал, что пьянство «в условиях Нарыма – вполне нормально» (342). Только постоянная ротация спасала аппараты удалённых местных отделов ОГПУ-НКВД от полного разложения, хотя примеры почти поголовного пьянства характерны для всех региональных подразделений – от полномочных представительств ОГПУ и управ-

лений НКВД до городских и районных отделов, а также особых отделов и транспортных оперпунктов.

Приказ Ягоды запрещал чекистам посещать рестораны, поскольку их публичные пьяные дебоши были слишком частым явлением (343). Работники ОГПУ-НКВД обычно пьянствовали в своём кругу. С.Г. Поляков, секретарь заместителя НКВД комиссара госбезопасности 1-го ранга Г.Е. Прокофьева, в 1937 г. обвинялся, в частности, в незаконном получении «больших партий вин» и других продуктов для руководства НКВД. По сообщению сексота «Алтайского», работавшего литературным секретарём у Л.Л. Авербаха, тот в 1936 г. сказал: «Неприятное впечатление после Уралмаша – пьянство чекистов» (344).

Повсеместно процветала организация вечеринок за казённый счёт. Новый 1937 год коллектив украинских чекистов бурно отметил в компании с секретарём ЦК П.П. Постышевым (345). Оперативник КРО УНКВД ЗСК П.П. Огольцов в январе 1937 г. критиковал одного из финработников, жаловавшегося на образовавшуюся задолженность «в результате больших расходов на начальство», которое «устраивало банкеты, вечера, а вот теперь должны страдать другие». Бравируя близостью к руководству, Огольцов демагогически восклицал: «Что это, как не внесение разлада во взаимоотношения сотрудников с командованием?» (Позднее Огольцову влетело от командования за втягивание молодых чекистов в пьянство.) Практика крупных затрат на обеспечение начальственного досуга продолжалась при всех сменах руководства Новосибирского УНКВД. Например, кинозал в ведомственном клубе с бесплатным буфетом обслуживал исключительно начальство, из-за чего в 1937–1938 гг. образовалась задолженность в 47 тыс. руб. (346).

В современной литературе описана практика пьянок районной номенклатуры за государственный счёт (347). Сельские чекисты не отставали в размахе возлияний от городских. Даже рядовые годовщины образования ВЧК отмечались широко, с привлечением всего сельского актива. В декабре 1931 г. в Алейском РО ПП ОГПУ ЗСК праздновали годовщину «органов», причём если основная часть гостей получала обед и пиво, то ответработников начальник РО Борзенко заводил в «нелегальную комнату и угощал 40° вином», в результате чего многие районные начальники напились до бесчувствия и затем, продолжая пьянствовать, не появлялись на работе неделю. Аналогичное празднование в Северном районе ЗСК в конце 1933 г. вылилось в «пьяный праздник... с участием адм-ссылных и райактива, на котором присутствующие перепились, некоторые до бессознания». Подобные картины наблюдались повсеместно:

в декабре 1935 г. на многолюдное празднование 18-й годовщины ВЧК Венгеровским РО УНКВД ЗСК было отпущено 120 бутылок пива (по 1 руб. за бутылку), 30 бутылок вишнёвой настойки, 40 бутылок зубровки, перцовки и прочих крепких напитков. Всего вместе с закусками праздничная вечеринка обошлась райотделу НКВД в 2.000 руб (348). Гулянка могла быть важнее траурных мероприятий: начальник Северо-Енисейского РО УНКВД ВСК П.М. Гринченко 20 декабря 1934 г., несмотря на запрещение в связи с убийством Кирова, организовал в райотделе пьянку в честь ведомственного праздника, за что подвергся взысканию (349).

Как проходили официальные вечеринки, можно судить по хвастливому письму одного из новосибирских чекистов начала 30-х годов: «В годовщину [ЧК-ОГПУ]... кроме концерта, ни х[...] не было, но я и концерта не узрил, т. к. хотя и был в клубе, но в таком состоянии, что мог трамвай останавливать. Ты представляешь, конечно, в каком виде были все остальные в клубе, если не смогли заметить, что я был пьян, после того как у меня в желудке ещё булькал литр водки. На другой день нашлись даже такие нахалы, что старались меня убедить в том, что я накануне, в отличие от них, был совершенно трезвый. Публика здесь в этом отношении довольно демократичная. ...Я поступаю более благородно и пью лишь тогда, когда есть спирт. Ох, Ваня! Мы, младенцы, пили такую дрянь, тогда как здесь нас почти официально снабжают спиртом по 10 р. 70 коп. за четверть...» (350).

Поскольку возможности по относительно легальной добыче алкоголя были одинаковы не везде, чекисты не чурались прямых хищений. В советские времена на всех спиртзаводах и предприятиях, использовавших этанол, процветало воровство спирта. В 1932 г. руководство ПП ОГПУ по Татарской АССР и многие рядовые чекисты были наказаны за массовые хищения спирта на казанском пороховом заводе; всего по делу проходило свыше 100 чел., в т. ч. 39 работников ОГПУ, получавших взятки спиртом и водкой. Алкоголь с Бийского спиртзавода, где хищения процветали много лет, начиная с 1941 г., воровали – вместе с другими руководящими работниками Алтайского края – и видные работники НКВД (351).

Чекистам отдалённых районов приходилось «добывать» вино с помощью элементарного воровства или незаконных конфискации. Старший уполномоченный по борьбе с контрабандой Алданского окрестдела ОГПУ И.М. Судаков, ранее судимый, был в 1929 г. за хищение спирта и пьянство уволен из ОГПУ с одновременным прекращением уголовного дела. В 1933 г. за пьянство с чуждым элементом был снят парторг На-

рымского оперсектора ОГПУ М.В. Цыплатников, который в условиях фактического «сухого закона» (в первой половине 1930-х гг. в Нарым водку не завозили) «доставал» спирт в больнице (352). В 1935 г. начальник особого отдела НКВД части №2905 в Оловянинском районе ВСК Н.А. Заяц разрешил подчинённым оперативникам производить незаконные обыски и изымать спиртное у граждан (за один лишь месяц было конфисковано около 15 литров алкоголя), за что трое чекистов в итоге угодили под трибунал. Впрочем, вскоре они были досрочно освобождены (353).

В чекистском обиходе были известны и наркотики (354). Например, уполномоченный Особого отдела НКВД Якутской АССР П.А. Аллахвердов весной 1935 г. был исключён из ВКП(б) и уволен из «органов» за хранение 103 граммов опиума и книг, изъятых цензурой. Начальник Транспортного отдела УНКВД ЗСК А.А. Ягодкин в 1938 г. характеризовался его помощником Г.М. Вяткиным как «пьяница и наркоман» (355).

Повальное пьянство приводило как к комическим (про кузбасского работника Сиблага в 1933 г. говорилось, что «пьёт т. Полушин так, что в пьяном виде ловит и целует прохожих»), а один из томских чекистов в 1939 г. пояснял обстоятельства скандала следующим образом: «Я не хотел никакого дебоша, но после выпитого стакана ерша я уже ничего не помню. ...Вышибленная из моих рук бутылка пива... упала на голову Сергея Костылева и разбилась...»), так и драматическим происшествием. Так, поселковый комендант ОТП Сиблага ОГПУ в Чаинском районе Нарымского округа Р.М. Тюрин, будучи в нетрезвом виде, 3 августа 1933 г. поднял панику сообщением о якобы начавшемся восстании в Тигинском сельсовете (356).

В августе 1932 г. бывший начальник ЭКО Томского оперсектора ОГПУ В.Д. Монтримович, пониженный в должности за оргии с сексотками, организовал катание пьяных чекистов, которые разбили машину, в результате чего погиб замначальника ДТО ОГПУ Томской железной дороги М.Д. Гольштейн и были ранены ещё два чекиста. Пьяные аварии были делом нередким: в декабре 1938 г. начальник УНКВД НСО Мальцев информировал партсобрание, что оперативник И.А. Чумаков «вместе с шофёром налетели на столб, разбили машину. Так с этого горя они решили выпить ещё и гуляли целый день...». Оперативник Карымского РО УНКВД по Читинской области Н.П. Лисин осенью 1941 г. был исключён из партии за организацию пьянки с подчинёнными, дебош, стрельбу и аварию автомашины (357).

Пьянство приводило к физическим потерям оперсостава. Весной 1937 г. застрелился постоянно пьянствовавший оперативник СПО Барнаульского

ГО НКВД П.С. Херов. Дачи УНКВД НСО, построенные в 1937 г. для чекистов, использовались для отдыха и молодыми сотрудниками, причём последствия неумеренных возлияний могли быть трагическими: так, в июне 1938 г. чекист-комсомолец В. Ларионов, пьянствовавший с коллегами И.П. Головиным, комсоргом УГБ УНКВД П.И. Gladковым и другими, «будучи оставлен беспомощным в лесу», умер от опоя. Два вахтёра Томского ГО НКВД в 1940 г. пьяными стрелялись, как на дуэли, в результате чего один из них получил ранение (358).

Пьяные чекисты представляли постоянную реальную угрозу и для населения. В марте 1931 г. участковый уполномоченный ОДТО ОГПУ ст. Ужур Красноярской железной дороги В.М. Полухов в пьяном виде застрелил человека. Оперативник ЭКО ПП ОГПУ ЗСК В.П. Казачук в 1932 г., будучи нетрезвым, утопил своего приятеля, ради шутки столкнув того в воду (359). Сотрудник Сталинского горотдела Т.Ф. Попов летом 1932 г. учинил пьяный дебош со стрельбой из нагана в прохожих и попыткой застрелить работника горотдела ОГПУ, за что поплатился исключением из партии. Молодой томский чекист Иванов в 1933 г. пошёл под суд за попытку в пьяном виде застрелить человека (360). В ноябре 1935 г. фельдъегерь Татарского РО УНКВД ЗСК Г.М. Потрахин во время пьянки застрелил члена президиума сельсовета Кроваткина и его жену. Уполномоченный ОДТО НКВД ст. Барабинск Д.Д. Неклюдов 7 ноября 1936 г., будучи пьяным, застрелил рабочего (361).

Примером для разгульной жизни чекистов было поведение начальников. Руководивший УНКВД ЗСК В.А. Каруцкий в июле 1936 г. был снят с должности за, в том числе, неумеренное пьянство. Полгода спустя чекист-транспортник Р.П. Волов восклицал на партийном собрании: «С Каруцким пьянствовали видные наши работники-коммунисты, а кто-нибудь об этом сигнализировал? Нет». Впрочем, раз сведения о неподобающем поведении комиссара госбезопасности 3-го ранга дошли до Москвы, какие-то «сигналы», очевидно, были (362). Летом 1938 г. руководители УНКВД НСО И.А. Мальцев, К.К. Пастаногов, А.В. Шамарин, Н.Х. Мелехин, выезжая поохотиться, «вместо охоты занимались пьянством; вина и продукты для их пьянки отпускались из спецдлярка» (363).

Частым явлением чекистского быта являлись пьяные уличные дебоши, нередко сопровождавшиеся беспорядочной стрельбой (взыскания «за бесцельную стрельбу» красовались в партийных документах очень многих сотрудников ОГПУ-НКВД). Для чекистов, отдохавших на курортах, были характерны дебоши и пьяные приставания к женщинам. В 1936 г. недостойное поведение на курорте начальника Особого отдела

СибВО Н. Д. Пика должно было быть разобрано в парторганизации УНКВД, но партком пошёл на фальсификацию, записав, что Пика наказали, хотя никакого разбора его дела не было (364). Летом 1940 г. орденосеиц И. М. Киреев, гордившийся наградой за поимку беглого наркома внутренних дел УССР А. И. Успенского и повышенный до начальника отдела УНКВД НСО, учинил пьяный дебош на курорте, был связан и отправлен в милицию. Дальнейшее он описал так: «... Я развязал руки, из машины выпрыгнул. С намерением я никого не бил, но мог быть такой случай, потому что было темно и я ничего не помню». Киреев отделался административным арестом, снятием с должности и переводом на работу в Сиблаг. Наказание Киреева никак не повлияло на нравы коллег; весной 1941 г. было отмечено, что «за последнее время участились пьянки, дебош оперативного состава... в спецторге появились жулики» (365).

Неофициальные пьянки чекистов проводились и в притонах. Известно, что в 1937–1938 гг. большая группа работников ДТО УНКВД НСО постоянно собирались вечерами в доме одной старухи, где «сдавали» пистолеты и бурно пьянствовали. Утром хозяйка возвращала чекистам оружие, и они расходились по местам службы (366). Но не всегда работникам НКВД нужно было скрывать свои нехитрые развлечения. Многие алтайские чекисты участвовали в пьянках и оргиях, организовывавшихся в 1937–1938 гг. начальником Бийского оперсектора НКВД Г. Л. Биримбаумом на суммы, конфискованные у расстрелянных. Аналогично поступали и работники Куйбышевского оперсектора УНКВД НСО. Снабжение спиртным расстрельных команд – отдельная тема. Нередко оно было официальным, тем не менее палачи с благословения начальства часто были на «хозрасчёте», добывая деньги на спиртное грабежом расстреливаемых (367).

Обыденным явлением были пьянство на рабочем месте и допросы нетрезвыми (а то и одурманенными кокаином) следователями. Так, пьяными в конце 30-х годов являлись на службу и пили на работе помощник начальника СПО УНКВД НСО М. И. Длужинский, начальник Водного отдела А. В. Баталин, начальник отделения СПО Н. А. Лобанов. В пьяном виде избивали свои жертвы почти все чекисты и милиционеры Ямало-Ненецкого окротодела НКВД (368). В декабре 1938 г. такой любитель спиртного, как начальник УНКВД НСО И. А. Мальцев, на партсобрании резко обрушился на чекистов, допуская особенно частые возлияния. По его словам, в выходные дни «наша столовая превращается в кабачок. Там вы увидите почтенных работников, которые раком ходят, у них стоят батареи пива на столе и под столом» (369).

В 20–30-е годы в неумеренное пьянство то и дело вовлекалось всё районное руководство. Так, в декабре 1930 г. был исключён из партии (но вскоре восстановлен) райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Каратузовскому району И. П. Николаев – за вовлечение в пьянство аппарата отделения и скрывание пьянства руководства района. Скандал разразился, когда – через несколько часов после снятия с должностей районной верхушки – бывший председатель РИКа А. Г. Дилев, в своё время осуждённый за убийство собутыльника и не раз изгонявшийся за пьяные скандалы с руководящих советских должностей, застрелил экс-секретаря райкома Воеводина и сторожа Гольшева; всего же в ходе попойки оказалось убито 3 чел. Командованием Николаев был снят с должности. Его помощника И. В. Каменщикова изгнали из партии за дискредитацию ОГПУ и групповое пьянство с районными ответработниками (370).

Чекистские коллективы нередко втягивались в пьянство практически целиком. Так, пьянство среди ответственных сотрудников Минусинского окротодела ОГПУ было поголовным, а в июле 1930 г. компания минусинских чекистов в нетрезвом виде учинила в общественном месте скандал и задержала, а потом избивала ответственного сотрудника окрисполкома, пытавшегося стрелять в воздух. Наказание хулиганам оказалось символическим, хотя окружной комитет партии обратил особое внимание на факт «зверского» избиения задержанного. Систематическое пьянство (вместе со спекуляцией, дебошами и уличной стрельбой) процветало в аппаратах Тобольского и Барабинского РО ОГПУ, за что в 1933–1934 гг. там был уволен целый ряд работников (371).

В документах партийных организаций встречаются сведения о поголовном пьянстве в Минусинском и Красноярском оперсекторах ОГПУ, Енисейском РО ПП ОГПУ ВСК и др. Случалось, что местные отделения ОГПУ разгонялись за пьянство в полном составе. Например, в Купинском районе ЗСК в феврале 1932 г. за систематическое пьянство был снят райуполномоченный Д. С. Сумарев, затем осуждённый за растрату на 3 года концлагеря, а в конце 1933 г. за систематическое групповое пьянство, допросы в нетрезвом виде и дискредитацию «органов» были сняты новый райуполномоченный Д. В. Писарев, оперативник П. Н. Панов и проведено следствие в отношении замначальника политотдела Купинской МТС по оперработке К. А. Ревина (372).

В 1936 г. новый замначальника СПО Нарымского окротодела НКВД А. А. Смирнов удивлялся пьянству, мату и бескультурии местных чекистов, те же, в свою очередь, признавали, что в пьянство была втянута вся парторганизация. При этом прибывшими в Нарым оперативниками от-

мечалось, что особенно пьянство в органах ОГПУ Восточной и Западной Сибири стало расцветать с 1930 г. и, чуть притихнув во время партчистки, снова крайне распространилось с 1934 г. (373). Резкое увеличение размаха репрессий и приход большого числа новичков сильно подстегнули традиционную алкоголизацию оперативного состава. Неоперативного, впрочем, тоже: на осень 1935 г. из 17 фельдъегерей Бийского РО НКВД большинство имели взыскания за пьянство, а в 1937 г. руководство Отдела связи УНКВД ЗСК отмечало, что по количеству случаев пьянства работников отдел занял 1-е место по стране (374).

Алкоголизация оперсостава нередко приводила к срывам и даже остановке работы, что, особенно в обстановке террора, могло рассматриваться как саботаж. Райуполномоченный Остяко-Вогульского окротдела ОГПУ П.Н. Спиридонов, сдав дела в районе и получив оперативное задание, остался в удалённом Ларьякском районе на всё время распутицы (три месяца) и перемежал пьянство «футбольной игрой с молодёжью». Поскольку пьянство Спиридонова не утихло, в 1934 г. он был уволен из «органов» (375). В ноябре 1937 г. работники Кош-Агачского РО НКВД Ойротской области вместе с аппаратом милиции устроили коллективную пьянку, продолжавшуюся несколько дней и приведшую к полной «остановке оперативной работы». Начальник райотдела С.М. Горшков в марте 1938 г. был исключён из партии за систематическое пьянство с врагами народа, дискредитацию органов НКВД и исключение из партии «честных коммунистов». Начальник КРО УНКВД по Зейской области ДВК М.Е. Дранников в декабре 1937 г. был арестован за ряд должностных преступлений: получив «оперативное приказание выехать в Могочинский район по делу повстанческой организации... находился дома, чем сорвал операцию... В пьяном состоянии пришёл на городскую партийную конференцию, где устроил дебош» (376).

Однако чаще всего самые завязтые пьяницы подолгу оставались на службе, несмотря на дискредитирование властей своими выходками. В 1933 г. райуполномоченный Тюменского оперсектора ОГПУ по Нижне-Тавдинскому району И.Н. Ведерников пьянствовал, прогуливал и развалил оперработу: «будучи в форме комсостава ОГПУ, ехал из Тюмени пьяным и дорогой, проезжая по деревне, пил водку из горлышка, так что крестьяне-колхозники всё это видели. После отъезда Ведерникова с его квартиры конюх Мочалов сдал в Центроспирт... винной посуды был арестован на 15 суток, но увольнение и 3 года заключения последовали только после продажи чекистом «следственной» лошади и присвоения двух центнеров колхозного зерна (377).

Будучи руководителем группы курсантов новосибирской МКШ НКВД, оперативник КРО К.Г. Казанцев два дня пьянствовал и этим 23 августа 1937 г. сорвал некое оперзадание, за что был арестован на 5 суток и отдался выговором по партийной линии. Оперативник ОДТО НКВД ст. Барнаул В.Т. Шаталов, «обслуживавший основные службы движения и тяги», пил и прогуливал с 1937 г., а в 1938 г. не выходил на службу по 5–6 дней, за что был исключён из ВКП(б). Однако горком партии его восстановил, и карьера Шаталова в НКВД-МГБ продолжилась (378).

Характерен пример «непотопляемости» тюменского оперативника А.Ф. Замятина, чекиста с 1935 г. В 1938 г. за пьянство и расконспирацию он получил строгий партвыговор с предупреждением, в марте 1939 г. за пьянство в командировке был «предупреждён в последний раз», в сентябре – предупреждён партсобранием за появление на службе в нетрезвом виде, а в декабре – снова предупреждён в последний раз за самовольную отлучку. Решением Омского обкома ВКП(б) от 3–4 января 1940 г. за нарушение законности и систематическое пьянство Замятин подлежал увольнению из НКВД, но продолжал работать. В марте 1940 г. Замятин вместе с коллегой К.И. Радушинским взяли машину горотдела и весь день пьянствовали, «споили шофёра», несколько дней спустя пьянствовали снова. Исключённый из ВКП(б) в ГО НКВД, Замятин в апреле 1940 г. Тюменским ГК ВКП(б) был восстановлен в членах партии, а в начале 40-х годов – повышен в должности и переведён в Омск (379).

Его коллега К.И. Радушинский, чекист-водник с 1937 г., тоже неоднократно получал взыскания за пьянство. В мае 1940 г. он самовольно ушёл с дежурства в ГО НКВД, за что был арестован на 10 суток и уволен из НКВД. Тюменский ГК ВКП(б) исключил Радушинского из партии за систематическое пьянство, прогулы и в связи с тем, что будучи «неизвестными лицами... порезан ножом, скрыл от органов милиции этих лиц» – с предложением обкому отозвать Радушинского из НКВД. Однако Омским ОК ВКП(б) Радушинский уже в июле 1940 г. был восстановлен в партии (380).

В пьяном виде чекисты, особенно небольшого калибра, нередко выбалтывали секреты, за что подвергались преследованиям. Фельдъегерь УНКВД НСО Н.Н. Филичев в ноябре 1937 г. «рассказал присутствующим в процессе выпивки об оперативных мероприятиях, проводимых УНКВД... обрисовав это в мрачных красках», за что был осуждён на три года лагерей (381). Инспектор Колпашевской участковой комендатуры ОТП УНКВД ЗСК Н.И. Ставский осенью 1937 г., напившись, хватался всем, что «якобы он за каждого выявленного троцкиста получает

по 900 рублей», после чего нарымскими чекистами был исключён из партии и за распространение «контрреволюционных провокационных слухов» подлежал отдаче под суд. Нарымский чекист И. В. Тарсуков, путешествуя на пароходе, пьянствовал, дрался и кричал по адресу пассажиров-«трудпоселенцев»: «Я их баржами топил!» (382).

Необходимо отметить, что именно с помощью крайнего пьянства чекист мог покинуть систему. Но он должен был рассчитать так, чтобы не угодить под трибунал за дискредитацию власти или срыв оперзаданий. Начальник КРО Ойротского облуправления НКВД К. А. Хуснутдинов, арестованный в ходе «массовых операций» порядка 500 чел. и осуждённый в 1938 г. на 5 лет за служебные преступления, своё пьянство объяснял в 1955 г. именно желанием покинуть НКВД: «вступил на путь саботажа путём систематической пьянки» (383).

Скрытые формы, но отнюдь не на обочине привычных развлечений имела сексуальная жизнь провинциальных чекистов. Для начальников, даже маленьких, была характерна тенденция иметь «гаремы» из подчинённых сотрудниц. В докладной записке, отправленной Л. М. Заковским крайпрокурору в октябре 1928 г., упоминались факты самоубийств молодых учительниц в Омском и Томском округах, которых принуждали к сожительству руководящие работники окружных отделов народного образования.

Чем выше был уровень начальника, тем больше он мог себе позволить. Один из руководителей Сибкрайкома ВКП(б) А. К. Лепа позднее буйно веселился в Татарии, где возглавлял республиканскую парторганизацию и устраивал за государственный счёт пышные банкеты в компании юных актрис оперной студии (384). Развратничали и многие чекисты. Ничто человеческое было им не чуждо в ещё больших размерах, нежели обычным чиновникам, что объяснялось и принадлежностью к могущественной касте, и постоянным примером со стороны начальства, о грешках которого подчинённые знали гораздо больше, чем руководство предполагало.

Моральной нечистоплотностью отличалась верхушка «органов», что давало пример нижестоящим. Из мемуаров Г. С. Агабекова и А. М. Орлова известно о крайней развращённости Г. Г. Ягоды, А. М. Шанина, Я. Х. Петерса, в «Воспоминаниях чекиста-оперативника» М. П. Шрейдера приводится много примеров распущенности видных чекистов В. С. Абакумова, М. Д. Бермана, Д. Я. Кандыбина, Г. П. Матсона и др. Из следственных дел Ягоды, Ежова, Берии стали известны документальные подробности их самого неприглядного поведения (385).

Была распространена профессия чекиста-сводника. Так, член Коллегии ОГПУ А. М. Шанин поставлял девиц для оргий с участием Ягоды и его приближённых. При заместителе НКВД СССР М. Д. Бермане состоял сотрудник для поручений Бриль (брат начальника Ташкентского УНКВД В. М. Бриля), устраивавший для шефа и прочих руководителей центрального аппарата НКВД интересные свидания на конспиративных квартирах. При комиссаре госбезопасности В. А. Каруцком тоже был специальный порученец, который устраивал его амурные дела (386).

Обычно пьяные оргии чекистского начальства учинялись после окончания рабочей недели. Начальник АХО УНКВД по Ленобласти В. В. Мочалов, арестованный в августе 1938 г., занимался организацией банкетов и оргий на дачах УНКВД, которые еженедельно устраивались начальством за казённый счёт по случаю юбилеев, приездов и отъездов руководящих работников, включая членов Военной коллегии Верховного суда СССР. В августе 1937 г. начальник управления Л. М. Заковский, его подчинённые В. В. Мочалов, начальник отдела охраны Ф. В. Рогов и Лаврентьев завезли на дачи «женщин распутного поведения, причём женщин было больше, чем мужчин» (387). Наркомвнудел Туркмении в 1934–1937 гг. Ю. Л. Зверев «систематически устраивал пьяные оргии, на которые приглашались не только близко стоящие к нему люди, но и рядовые работники». Еженедельно на дачах или специальном пароходе устраивались оргии и руководящими работниками ГПУ-НКВД Украины (388).

Опубликованы свидетельства о многодневных пьяных оргиях чекистов из клана полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Е. Г. Евдокимова: «...Как правило, ни одно оперативное совещание, созываемое в Ростове довольно часто, не проходило без того, чтобы в конце оперативного совещания, а зачастую и во время его, не устраивалась грандиозная пьянка с полным разгулом, длившаяся иногда сутки и более. Были случаи, когда отдельных работников разыскивали только на 3 или 4 день где-нибудь в кабаках или у проститутки». Известно и то, что нарком внутренних дел Украины В. А. Балицкий открыто сожительствовал с жёнами многих своих подчинённых, а полпред ОГПУ по Казахстану В. А. Каруцкий старался от него не отставать (389). Подчинённые Л. М. Заковского в Сибири не без зависти отмечали, что полпред «более развращён, нежели мы» (390).

Ярчайшим примером чекистского разврата являлась организованная начальником Спецотдела ГПУ-НКВД старым большевиком Г. И. Бокием так называемая «дачная коммуна», содержавшаяся на ежемесячные взно-

сы сотрудников. Подчинённые Бокия каждую субботу и воскресенье уединялись на его даче, где пьянствовали и предавались «групповому половому разврату». Из почтения к чекисту и писателю Льву Разгону, женатому на дочери Г.И. Бокия и автору значительной мемуарной прозы, некоторые современные исследователи резко отрицают подлинность показаний о крайней распущенности Глеба Ивановича. Однако сведения о диком разврате на даче Бокия, процветавшем более десятилетия, подтверждаются отнюдь не только смачными показаниями подчинённых главы Спецотдела ОГПУ-НКВД – начальника отделения Н.Я. Клименкова и сотрудника химлаборатории Е.Е. Гопиуса (391).

Порядки в пресловутой «дачной коммуне» обсуждались задолго до ареста Бокия, и не только в НКВД. В 1935 г. вопрос о «коммуне» разбирался в высших партийных инстанциях, но круговая порука позволила Бокию избежать разоблачения: он сохранил должность и даже получил звание комиссара госбезопасности 3-го ранга. Работавший в ЧК-НКВД с 1918 г. А.М. Плужников парткомом ГУГБ НКВД СССР в сентябре 1937 г. был исключён из партии за бытовое разложение и связь с врагом народа Бокием: «Будучи вызван в КПК при ЦК ВКП(б) в 1935 г. по делу Бокия, не вскрыл по-партийному всех безобразий, которые он видел на так называемой “Даче-коммуне”». А начальник отдела одного из управлений НКО СССР П.Х. Харкевич, ранее работавший в Спецотделе ОГПУ, в 1939 г. обвинялся в том, что «...зная лиц, участвовавших на даче Бокия, где был разврат и проводились контрреволюционные разговоры, нигде не поставил по-партийному этого вопроса. При обсуждении вопроса об этой даче на партсобрании не выступил» (392).

По примеру подобных «дачных коммун» в сибирской провинции (где, начиная с 20-х годов, отмечалось повсеместное изобилие подпольных притонов) с деятельным участием работников ОГПУ возникали своеобразные мужские клубы сугубо эротического свойства. В 1930–1932 гг. в Бирилюсском районе ЗСК существовала подпольная организация районного начальства «Райблядком», членами которой было более десятка человек, в т. ч. председатель РИКа, управделами РК ВКП(б), уполномоченные ОГПУ Салопов и Мельников, инспектор КК-РКИ, сотрудник угрозыска, комсомольцы, а также один из административных ссыльных. Штаб организации состоял из работников райфинотдела, которые летом 1931 г. открыто расклеивали по улицам свои «приказы», в которых объявлялось, кто из «Райблядка» к какой женщине «прикреплен». Деятельность организации, чьи ячейки имелись и в окрестных сёлах, прекратилась в начале 1932 г. в связи со сменой руководства рай-

она, причём сведения о ней лежали в ОГПУ и прокуратуре без движения. В феврале 1932 г. чекист Мельников якобы случайно застрелил председателя райпрофсовета Зайцева, который, по сведениям прокурора, хотел передать судье какие-то материалы об организации. Показательно, что Мельников не был привлечён к ответственности (393).

Эротический кружок в Нарыме был более скромного свойства, но тоже опирался на работников «органов». Поселковый комендант Больше-Гривской комендатуры ОТП Нарымского оперсектора ОГПУ И.В. Силицкий был снят с работы и в марте 1934 г. исключён из партии «за организацию и руководство подпольного кружка “Клуб любителей проституции”» (394). В 1926 г. в одном 9-тысячном г. Татарске насчитывалось около полусотни притонов, усердно посещавшихся и руководящими работниками, результатом чего был громкий открытый процесс над верхушкой Барабинского округа. Однако эти традиции сохранились и в следующем десятилетии, получив новые черты. Перед войной начальство Татарского района Новосибирской области, где первым секретарём РК подвизался недавний чекист А.В. Гуржий, превратило в «очаг разврата детей» и притон для руководящих районных и военных работников местный детский дом. Юная инспектор района В.П. Крылова, протестовавшая против начальственного разврата, Гуржием была изгнана с работы (395).

После разоблачительного письма этой отважной комсомолки Сталину от 26 мая 1941 г. дело Крыловой стремительно получило внутриаппаратный резонанс, и три недели спустя в Новосибирск прибыл член Политбюро А.А. Андреев. 21 июня он представил руководству нового первого секретаря обкома ВКП(б) М.В. Кулагина; в тот же день на заседании бюро обкома было обсуждено положение дел в Татарском районе. Через неделю бюро отметило необъективность расследования дела по детдому № 2 Татарского района начальником следственной части прокуратуры Комаровым, постановив, чтобы расследование вёл лично облпрокурор Румянцев. В итоге Веру Крылову представили к ордену, виновные в организации «детского публичного дома» отделались лёгким испугом, а Гуржий вскоре вообще был передан на службу в НКВД (396).

В Сибири с её грубыми нравами всегда хватало самого откровенного сексуального насилия. Документы архивов говорят о повсеместном процветании чекистского разврата, обилии принуждений к сожительству и прямых изнасилований. Разбирательства в партийных инстанциях бесчисленных дел о безобразиях коммунистов выработали особенный жаргон: «морально-бытовое разложение», «половое разложение», «по-

ловая распущенность», «многожёнство» (не обладание гаремом, а связь на стороне), «использовал в половом отношении» и даже «использовал как женщину». Типичный диалог для чистки чекистов в 1934 г. ниже-следующий: «У нас имеются данные о том, что ты одновременно имел трёх жён? – Нет, таких моментов у меня не было». Попытки защитить личную жизнь пресекались. В 1938 г. парторг УНКВД НСО В. С. Судаков упрекал оперативника И. А. Чумакова за то, что тот «вёл себя не как коммунист, заявляя, что он не будет рассказывать, где жил и с кем» (397).

Не имевшие достаточно свободного времени чекисты организовывали интимный досуг прямо на рабочем месте. Об утехах начальника Карасукского РО УНКВД ЗСК А. П. Черемшанцева с секретаршей в служебном кабинете в 1936–1937 гг. хорошо знали его подчинённые. Начальник Александровского РО Нарымского окротодела НКВД И. А. Попов тогда же пьянствовал и «у себя в кабинете использовал женщин в половом отношении». Политрук новосибирской тюрьмы №1 И. С. Шешулин-Горшков в июне 1941 г. был исключён из ВКП (б) за «сожителство с сотрудницами в рабочее время в своём кабинете» (398).

Начальство напрямую связывало сексуальные излишества с ухудшением «оперативных показателей». Работник ДТО ГУГБ НКВД Томской железной дороги А. П. Третьяков в августе 1938 г. получил партвыговор за половую распущенность, издевательство над женой и детьми и ослабление в связи с этим оперативной работы (399). Бийский оперативник Н. Е. Пупов в конце 1938 г. обвинялся в том, что «под видом оперативной работы ходит к женщинам, устраивает пьянки». Когда начальник отделения Бийского ГО НКВД разошёлся с женой, это, по мнению руководства, ухудшило работу и оперативные показатели его отделения (400).

Некоторые чекисты придумывали особо изощрённые способы для расторжения брачных уз. Замначальника политотдела по оперработе Вагайского молмясосовхоза Омской области А. И. Гребнев в 1935 г. был исключён из ВКП(б) за то, что угрозами заставлял 8-летнего сына от первого брака показывать об интимной связи с третьей и четвертой жёнами Гребнева, с которыми чекист таким образом разводился (401).

Случалось, что чекист-начальник пытался избавиться от надоевшей жены с помощью служебного положения. Яркий пример – «казак» на убийство собственной супруги председателем ГПУ Азербайджана Н. Ризаевым (после неудачного покушения на её жизнь с целью замаять скандал руководители республики Л. И. Мирзоян и Г. М. Мусабекли выдали женщине 4.500 руб. из фондов СНК и ГПУ и спровадили её подальше из Баку). Начальник отделения Общего отдела ПП ОГПУ ЗСК П. Т. Яковлев

в июле 1933 г. был исключён из ВКП(б) за связь с подчинённой машинисткой, избивание жены и попытку выслать её из Новосибирска, в связи с чем жена Яковлева покончила с собой (402).

Нередки были случаи наказаний чекистов за распространение венерических болезней. Райуполномоченный ПП ОГПУ ЗСК по Баклушинскому району П. Н. Иванов в октябре 1930 г. был исключён из партии за систематическое пьянство, заражение жены и ребёнка венерической болезнью и дискредитацию ОГПУ (брал в командировки беспартийную сожительницу, утерял секретные документы). Работник ИНФО в Ленинске-Кузнецком Ф. А. Безизвестных в 1931 г. получил партвыговор «по подозрению в заражении гонореей одной гражданки». Преподаватель оперкурсов ПП ОГПУ ЗСК М. П. Островой в декабре 1933 г. получил строгий выговор, а затем был исключён из партии за систематическое пьянство, растрату более 5 тыс. руб., избивание жены и заражение её сифилисом (403).

После запрещения в 1936 г. абортов чекисты нередко попадались, принуждая любовниц прерывать беременность. Замначальника ЭКО УНКВД по Омской области Г. Л. Сигарев в начале 1939 г. от партячейки УГБ получил строгий выговор за «половую распущенность», принуждение любовницы к аборту и «обман абортной комиссии». Барнаульский чекист П. А. Черепанов весной 1941 г. был исключён из партии за склонение к сожителству 17-летней девушки и содействие в производстве ей аборта (404).

Побочными явлениями распущенности становились публичные семейные скандалы, за которые чекистам приходилось нести ответственность. В 1935 г. начальник политотдела Верх-Карасукского маслосовхоза №213 в Карасукском районе ЗСК просил краевые власти перевести ЗНПО по оперработе И. П. Чаповского в другой район из-за жены последнего, из ревности преследовавшей и избивавшей «общественную работницу» политотдела Ильченко. Старший оперуполномоченный ЭКО Прокопьевского ГО УНКВД НСО Н. С. Осипов летом 1940 г. ненадолго был исключён из партии за то, что «обманным путём склонил на половое сожителство с ним машинистку горотдела», которую жена чекиста из ревности дважды избивала и публично оскорбила. Случались и личные драмы, оборачивавшиеся криминалом: в 1936 г. начальник Болотнинского райотделения ИТР ЗСК Сониной, используя служебное положение, «организовала покушение с целью убийства учительницы-общественницы», к которой ушёл муж Сониной (405).

Одним из самых распространённых чекистских грехов являлось насильственное принуждение женщин к сожителству. Так, ЗНПО по опер-

работе Камышловского племсвиносовхоза А. М. Каменев в мае 1935 г. Омским обкомом ВКП(б) был снят с работы «за хулиганские действия, выразившиеся в попытках... принудить к половому сожительству женщин-работниц совхоза». Муполномоченного Ребрихинского РО УНКВД ЗСК С. П. Ефимов в 1935 г. был исключён из ВКП(б) и уволен за пьянство, избиение жены и принуждение к сожительству сотрудницы райотдела (406). Оперуполномоченный ОДТО НКВД ст. Тюмень А. П. Суханов в 1937 г. был исключён из партии и уволен из НКВД за связи с врагами народа и за то, что «под видом допросов склонял на половые сношения женщин». Оперативник Бакчарского РО Нарымского окротдела НКВД Н. А. Агеев при допросе троих женщин пытался их «склонить к вступлению с ним в половую связь, применяя даже силу и таща их на кровать», за что в апреле 1937 г. был исключён из партии, а затем осуждён. Сотрудника Томского ГО НКВД И. Д. Семёнкина, несколько раз пытавшегося добиться взаимности от женщин с помощью оружия, в 1939 г. наказали строгим партвыговором (407).

Жёны арестованных становились частыми объектами сексуальных домогательств со стороны чекистов. Надзиратель новосибирского ДПЗ Г. Е. Трусов осенью 1937 г. за связь с женой заключённого был арестован и осуждён на 10 лет ИТЛ. Пытаясь оправдаться, он заверял, что сошёлся с женой врага по взаимному согласию, но его коллеги заявили, что добровольного романа у женщины с высшим образованием и малограмотного надзирателя быть не может. Начальник отделения ДТО УНКВД по Омской области Б. П. Ерыкалов в марте 1939 г. был исключён из ВКП(б) и уволен из НКВД за «сожительство с жёнами арестованных врагов народа», пьянство и злоупотребление служебным положением (408).

Чекистов часто обвиняли в изнасилованиях, но нередко после долгих разбирательств надзирающие инстанции закрывали эти дела, откровенно прикрывая насильников. Работник ЭКО ПП ОГПУ Сибкрая М. А. Вишняков в 1929 г. трижды судился за изнасилование и в итоге оказался оправдан. Оперативник Секретного отдела ПП ОГПУ ЗСК Г. Д. Погодаев за изнасилование в 1930 г. был исключён из партии и провёл 30 суток под арестом, но затем оказался восстановлен и до 1937 г. неуклонно продвигался по службе (409). Сотрудник Информационно-следственного отдела Сиблага Лавкин весной 1932 г. обвинялся в изнасиловании жены уполномоченного Чаинского РАП ОГПУ С. Д. Морозова, за что подлежал снятию с должности. Работник Сталинского ГО ОГПУ П. К. Фомин, в 1933 г. находившийся под следствием по обвинению в изнасиловании девочки, отделался строгим партийным выговором «за половую

распущенность», а в 1934 г. получил ответственную должность начальника особой инспекции КУИТУ (410). Начальник Абатского РО УНКВД по Омской области М. С. Владимиров в 1936 г. «использовал сторожиху» и угрозами заставил её забрать назад заявление об изнасиловании, за что отделался небольшим понижением (411).

Следует учесть, что доступные сведения о моральных прегрешениях и преступлениях работников ОГПУ-НКВД – лишь надводная часть айсберга. Следственные дела по обвинению чекистов находятся на закрытом хранении. Большая часть их криминальных проступков просто не фиксировалась, поскольку далеко не все пострадавшие осмеливались жаловаться, а в самом аппарате ОГПУ-НКВД процветала круговая порука и откровенное укрывательство самых разнузданных преступлений своих сотрудников. Отметим, что сибирские чекисты откровенно признавали: «Многожёнство и разгульная жизнь у работников НКВД – это массовое явление» (412).

ПРИВИЛЕГИИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ, МАРОДЁРСТВО И КОРРУПЦИЯ

Власть означала собственность. Руководители ОГПУ-НКВД были хозяевами обширной системы снабжения, созданной ещё в 20-е годы и включавшей в себя ведомственные магазины, ларьки, буфеты, различные мастерские, дачи и т. п. В закрытых магазинах ОГПУ-НКВД предлагался широкий выбор товаров по умеренным ценам. Московский спецмагазин ОГПУ славился на всю страну. Лучший товар доставался начальству: так, в 1936 г. руководители Транспортного отдела УНКВД ЗСК Г. Л. Биримбаум, А. В. Гуминский и Н. С. Велигодский за треть цены купили себе дефицитные кожаные полупальто (413).

Начальник УНКВД по Алткраю С. П. Попов и его заместитель Е. П. Никольский использовали Спецторг как источник дополнительных барышей, забирая оттуда огромное количество дефицитных вещей с целью спекуляции. Жена начальника УНКВД НСО Мальцева в 1938 г. «являлась хозяйном торгующих точек спецторга, где брала материалы в неограниченном количестве», которые затем продавала по намного более высоким ценам в комиссионном магазине (414).

Закрытая чекистская система позволяла получать «левые» доходы как руководителям, так и рядовым оперработникам. В условиях продовольственного дефицита чекисты старались при случае вручить свои обе-

денные карточки родственникам и знакомым. Многие оперативники получаемые в закрытом распределителе продукты и промтовары продавали затем на рынке по повышенной цене. Такое поведение преследовалось, но не очень строго. Рядовых граждан за спекуляцию отправляли в лагерь, чекисты же обычно оставались и на свободе, и в «системе». Например, работника ОДТО ОГПУ ст. Красноярск В. А. Дороша за спекуляцию мукой в 1930 г. исключили из партии (на короткое время) и перевели в Сибулон (415). Получаемые товары ширпотреба чекисты тоже часто перепродавали, получая несколько сотен процентов прибыли.

В приказе по полпредству от 30 января 1931 г. Л. М. Заковский строго запрещал сотрудникам передавать заборные книжки и обеденные карточки посторонним лицам, приказывая изымать таковые у всех не чекистов. Тех же, кто спекулировал товарами из распределителя, полпред приказал увольнять и отдавать под суд Коллегии ОГПУ. Этот приказ вряд ли исполнялся. Секретарь Кузнецкого оперпункта ДТО ОГПУ Томской железной дороги в марте 1932 г. получил строгий партвыговор за «получение из закрытого распределителя дефицитных товаров и продажу их на базаре». Работник Сталинского горотдела ОГПУ В. Г. Бородавка осенью 1933 г. отделался строгим партвыговором за продажу на рынке товаров, полученных в военраспреде (416).

Мастерские УНКВД ЗСК-НСО в значительной степени работали на ограниченный круг лиц. Например, за 1938 г. сапожная мастерская из 1.112 выполненных заказов 442 исполнила без ордеров, а портновская мастерская на сторону отпустила основную часть заказов – 310 из 526. Даже у самых что ни на есть рядовых работников НКВД были неплохие возможности для спекулятивных операций. Четверо надзирателей Мариинской тюрьмы УНКВД НСО в 1940 г. были строго наказаны за спекуляцию: покупая пальто в спецторге за 300 руб., они затем перепродавали их на рынке или через скупку за 800–900 руб (417).

Работники «органов» имели очень широкие возможности для присвоения имущества своих жертв. Мародёрство в чекистской среде было повальным ещё с периода гражданской войны. По словам академика В. И. Вернадского, «чиновники чрезвычайки производят впечатление низменной среды – разговоры о наживе, идёт оценка вещей, точно в лавке старьевщика» (418). Начсостав ОГПУ-НКВД самым активным образом наживался за счёт вещей и денег арестованных и расстрелянных, однако значительная часть отобранного у «врагов» доставалась и рядовым работникам.

Скупка конфискованных вещей в широких масштабах началась с эпохи коллективизации, в результате чего немало чекистов было наказано за

излишества в приобретении за бесценок «кулацкого» добра. Согласно приказам ОГПУ, изъятые у «социально-вредного элемента» (составлявшего внушительный процент репрессированных) и переданные на торги вещи сотрудникам «органов» покупать воспрещалось, однако на практике это правило нарушалось, как, например, в 1937 г. в Горно-Шорском РО УНКВД ЗСК (419). Повсеместно вещи осуждённых продавались за бесценок работникам НКВД через систему спецторгов. Особые преимущества в приобретении дефицита имело начальство. В Грузии был случай, когда заместители наркома внутренних дел и их жёны дрались между собой за право покупки конфискованных вещей, продававшихся по дешёвке (420).

Очень распространенным явлением было распределение между чекистами ценных вещей (часов, ружей, велосипедов, патефонов), изъятых в качестве вещественных доказательств. Чекисты таким своеобразным способом «арендовали» ценности, возвращая их, если за присвоение угрожал скандал. Наказания различались: молодой помощник уполномоченного Павловского РАП ПП ОГПУ ЗСК Г. Н. Мартынов за присвоение часов, хранившихся как вещдок, в декабре 1931 г. был исключён из партии с запретом работы в ОГПУ. А опытный новосибирский оперативник ЭКО И. А. Врублевский в феврале 1932 г. получил всего лишь адмвыговор за «хранение» у себя, начиная с мая 1931 г., вещей, отобранных у арестованных, и вскоре, получив значок почётного чекиста, был повышен в должности (421).

Апогеем наживы стали времена «Большого террора». Чекисты занимали дома и квартиры арестованных, присваивали обстановку и ценности, вплоть до сберкнижек. Следы воровства замечались: так, в период реабилитаций оказалось невозможным выяснить судьбу денег, изъятых у арестованных, поскольку документы по операциям с наличностью периода «Большого террора» в УНКВД НСО были уничтожены (422). В 1937–1938 гг. в Барнауле, как показывал Т. К. Салтымаков, «нач. отдела [П. Р. Перминов] представлял из себя зав. жилотделом, а [начальник отделения СПО К. Д.] Костромин – агента жилотдела. Они имели большую связку ключей и распределяли квартиры. Из кулуарных разговоров можно было понять, что основанием к аресту были приличные дома». На конфискованной у работника штаба ВВС СибВО М. А. Зубова в 1937 г. машине ГАЗ-А затем разъезжал начальник Особого отдела СибВО (423). Полностью исчезло изъятое без описи богатое имущество заведующего Запсибкрайздравом М. Г. Тракмана, позднее оценённое дочерью в 100 тыс. руб., о конфискации которого не оказалось впоследствии никаких документов (424).

Многие чекисты обогатились, скупая по дешёвке или просто присваивая себе вещи арестованных и особенно расстрелянных. Не брезговали и передачами для арестантов: денежные передачи для новосибирского облпрокурора И.И. Баркова (причём уже после его самоубийства) присвоил ведший следствие по его делу П.И. Сыч, для чекиста Ф.В. Бибрекаркле – оперативник КРО Л.П. Хапугин (425). Помощник начальника СПО УНКВД НСО М.И. Длужинский похитил несколько сберкнижек арестованных и множество облигаций; за хищение ценных вещей арестованных примерно на 50 тыс. рублей в апреле 1938 г. был осуждён к расстрелу начальник отделения КРО УНКВД НСО Г.И. Бейман (426). В 1939 г. бывший начальник особой инспекции новосибирской облмилиции И.Г. Чуканов свидетельствовал, что начальником управления НКВД И.А. Мальцевым «поощрялось мародёрство, он не принимал никаких мер к тем, кто снимал ценности с арестованных, приговорённых к ВМН» (427).

В ходе репрессий пропало большое количество культурных ценностей. Известно, что исчезли рукописи, редкие книги и иконы после ареста Н.А. Клюева, книги, письма и автографы из собраний новосибирских литераторов Г.А. Вяткина, В.Д. Вегмана, В.А. Итина (при аресте Вегмана хранившаяся у него записка Ленина была сожжена лично начальником СПО УНКВД ЗСК И.А. Жабревым). Большая библиотека (256 наименований, включая книги с автографами авторов), а также письма Максима Горького, Александра Блока, Романа Роллана были изъяты у писателя Г.А. Вяткина и бесследно исчезли (428).

Отличились в мародёрстве видные работники УНКВД по Алткраю Г.Л. Биримбаум, Ф.Н. Крюков, М.И. Данилов и В.Ф. Лешин. Однако руководители управления НКВД фактически санкционировали преступления двух последних, мотивируя тем, что «Данилов и Лешин проводят большую работу по приведению приговоров в исполнение» (429). Много вещей арестованных присвоил начальник Томского ГО НКВД И.В. Овчинников, а также сотрудники Ямало-Ненецкого окротдела УНКВД по Омской области (430).

Помощник начальника Кемеровского ГО НКВД Н.А. Белобородов в 1939 г. получил 2 года заключения за бездокументное расходование на нужды горотдела 15 тыс. руб., изъятых у арестованных (431). Начальник Нерчинского РО УНКВД по Читинской области М.И. Богданов весной 1939 г. был исключён из партии, а затем осуждён на 8 лет за нарушение законности, «присвоение вещей, изъятых у арестованных, за организацию коллективного пьянства на деньги, изъятые у арестованных». Началь-

нику УНКВД по Дальстрою В.М. Сперанскому в числе разнообразных уголовных обвинений вменялась и трата 80 тыс. рублей, изъятых у арестованных и расстрелянных (432).

Органы госбезопасности, обладая контролирующими функциями, но слабо контролируемые сами, изначально были поражены коррупцией и активно участвовали в теневой экономике (433–434). Есть сведения, что и сотрудники советской разведки участвовали в нелегальном обороте наркотиков за рубежом. Резидент ИНО Я.Г. Горский в 1939 г. обвинялся в том, что, работая по линии НКВД в Монголии, установил близкие отношения с торгпредом А.И. Биркенгофом (расстрелянном в 1936 г.), покупал у него опиум и спекулировал им (435). Горский не был единственным разведчиком, которому предъявлялись подобные претензии. Так, в следственном деле Берии упоминались причины тайной ликвидации полпреда в Китае и одновременно резидента ИНО НКВД И.Т. Луганца-Орельского, убитого 8 июля 1939 г. в Грузии по приказу Сталина. В деле было сказано, что полпред-разведчик якобы контролировал оборот наркотиков, и его устранили негласно для того чтобы не спугнуть сообщников (436). Возможно, торговля опиумом была формой финансирования чекистских резидентур.

Работники спецслужб провозили из-за границы всё что можно, включая автомобили (как работавший в США известный разведчик А.О. Эйнгорн), но в основном налегали на мануфактуру. В 1933–1934 гг. капитан пассажирского теплохода «Мария Ульянова» М.А. Фармаковский привозил из-за границы полпреду ОГПУ по ЛенВО Ф.Д. Медведю костюмы, шерстяные отрезы и т. д. (437). В 30-х годах контрабандные товары от капитанов иностранных судов через агентуру получали начальник УНКВД по Северному краю Р.И. Аустрин и его ближайшие подчинённые А.П. Шийрон, В.Е. Осипчик, А.Н. Троицкий и др.; также с Аустрина и Шийрона была незаконно списана задолженность в 17,4 тыс. руб. (438).

Замначальника погранотряда УПВО УНКВД ЗСК Н.А. Пялов в октябре 1934 г. был осуждён на 3 года лагерей за использование служебного положения в личных целях и контрабанду, но уже два месяца спустя Верховный Суд РСФСР постановил считать срок наказания условным. В июне 1937 г. бывший инструктор Государственной внутренней охраны МНР Осодоев через таможенно в Борзинском районе Читинской области пытался провезти 19 мест багажа. При выборочной проверке семи мест в двух из них было обнаружено 400 метров шёлковых и шерстяных тканей. Поскольку управляющий таможней оказался знакомым Осодоева, он позволил оставшиеся 12 багажных мест ввезти в СССР без досмот-

ра (439). Но это, конечно, только небольшая часть фактов чекистской коррупции и злоупотреблений, которые далеко не исчерпывались участием в контрабандных операциях (440).

Руководители ПП ОГПУ по Уралу в конце 20-х годов имели «теневые фонды» из неучтённых финансовых средств. В 1928 г. были разоблачены работники Тобольского окружного отдела ОГПУ во главе с начальником окротдела И.Ф. Заикиным, расхищавшие государственные средства и грабившие ссыльных, не только присваивая их содержание, но и вымогая у них деньги и ценности. Часть награбленного Заикин отправил заместителю ПП ОГПУ по Уралу О.Я. Нодеву и крупному работнику Секретного отдела ОГПУ А.А. Андреевой-Горбуновой; в махинациях был замечен и начальник Секретного отдела ПП И.Р. Шиманкевич. В 1931 г. руководство ПП ОГПУ по Казахстану было разогнано и осуждено за контрабанду и «присвоение огромных денежных сумм» (441).

Вся система спецпоселений ОГПУ-НКВД «представляла собой своего рода финансовую “чёрную дыру”, где до 1937 г. контроль за расходованием средств носил внутриведомственный характер» (442). Архивы свидетельствуют, что в районных отделениях ОГПУ-НКВД Сибири с начала 30-х годов повсеместное распространение получили так называемые «чёрные кассы», позволявшие вольно распоряжаться неучтёнными деньгами. Двойная бухгалтерия была зачастую просто необходима для сколько-нибудь эффективного ведения большого хозяйства чекистов на местах, когда нужно было обеспечить хорошие пайки личному составу, заготовить сено и корма для лошадей, необходимых и оперативникам для разъездов по сёлам, где происходили встречи с резидентами, и фельдъегерям, которых в штате было обычно больше, чем оперработников. «Чёрные кассы» давали известную свободу манёвра для хозяйственной деятельности, но часто вели к злоупотреблениям, так как укрытые от государственного глаза суммы были велики соблазнами присвоить. Махинации чекистов с государственными средствами – судя по частоте разоблачений и партийно-судебных преследований – были повсеместными (443).

Оперативник полпредства ОГПУ ЗСК В.Б. Брутов-Горенштейн в 1933 г. был исключён из партии за злоупотребление служебным положением и осуждён на 5 лет ИТЛ за «самоснабжение», спекуляцию дефицитными товарами и присвоение вещдоков. Весной 1934 г. за расхищение казённого имущества был отдан под суд начальник Отдела военизированной пожарной охраны ПП ОГПУ ЗСК П.И. Иноземцев (444).

Сотрудник Тобольского РО ОГПУ И.А. Бобров летом 1934 г. был исключён из ВКП(б) и уволен «за покровительство и замазывание растрат, спекуляции бумагой и рыбой работниками райотдела ОГПУ и участие в пьянстве». В августе 1934 г. был снят начальник Ленинск-Кузнецкого ГО ОГПУ Д.Ф. Аболмасов – «за потерю классовой бдительности... морально-бытовое разложение и проявление антигосударственных тенденций», а также растрату 5.900 руб. Начальник Кемеровского ГО НКВД М.Е. Сердюков в сентябре 1934 г. был арестован и осуждён на год лишения свободы условно за израсходование 11.467 руб., принадлежавших заключённому, но вскоре был возвращён в органы и работал врид начальника ОШОСДОР УНКВД НСО. Начальник Карасукского РО УНКВД ЗСК Н.Д. Кудрявцев в конце 1934 г. был изгнан из ВКП(б) и «органов» за самоснабжение и присвоение госсредств, получив 2 года лишения свободы условно (445).

В последующие годы разоблачение расхитителей было не менее интенсивным. Парторг и замначальника Байкалстроя НКВД Г.А. Приходкин в мае 1935 г. был арестован за растрату 43,3 тыс. руб., из которых присвоил 17 тыс., пьянство и сокрытие преступлений руководителей Байкалстроя Макарова и Кирикова. Приходкин, получив три года, отбыл половину срока и оказался на свободе. Начальник Кормиловского РО УНКВД по Омской области Т.Ф. Деднев в 1936 г. оказался осуждён за систематическое пьянство и растрату 4 тыс. руб. госсредств (446). Начальник Каратузского РО УНКВД по Красноярскому краю Е.С. Васильев в 1936 г. был осуждён за растрату на личные нужды 4,2 тыс. руб. Начальник Бийского ГО УНКВД по Алткраю С.К. Автухов в мае 1941 г. был арестован за растраты и присвоение 2.241 руб. во время работы в Змеиногорском РО НКВД и осуждён на 8 лет ИТЛ (447).

В 30–40-х годах одним из распространённых обвинений в адрес чекистско-милиейских начальников являлось так называемое «поборничество в колхозах», откуда без счёта забирались продукты (448). Например, начальник Косихинского РО УНКВД по Алткраю осенью 1940 г. крайкомом ВКП(б) был снят с должности за присвоение им и работниками райотдела колхозного мяса, масла, сахара, мёда и потворство растранижированию колхозного имущества. Были распространены различные товаро-обменные операции: так, начальник Сузунского РО УНКВД НСО Я.Г. Денисенко в марте 1940 г. был снят с должности обкомом за возбуждение уголовного дела против заготовителей райпотребсоюза, конфисковавших у Денисенко 40 цнт зерна, выменанного им на сани, принадлежавшие РО НКВД (449).

Чекисты и милиция со временем всё основательней «врастали» в теневую экономику, эксплуатируя заключённых и ссыльных. Комендант спецпосёлка Якутского облотдела ОГПУ на Алданских приисках С.Г. Новиков в мае 1932 г. был исключён из ВКП(б) за присвоение личных вещей, а также использование труда спецпереселенцев и уволен из ОГПУ. Осенью 1932 г. в Хакасии были вскрыты преступления чекистов и милиционеров Аскизского района, которые для создания фермы, обслуживавшей столовую районного актива, отбирали у середняков, бедняков и колхозников лошадей, коров и хлеб, а на строительстве надворных построек при райотделе ОГПУ использовали арестованных крестьян (450). В октябре 1934 г. прокуратура ЗСК вскрыла существование при Ойротской облмилиции «трудового посёлка», в котором содержалось 23 чел., включая детей, арестованных без санкции прокурора и обязанных исполнять принудительные работы в пользу милиционеров. Арестанты обслуживали своих хозяев месяцами, получая лишь хлебный паёк. Наказание виновных было типичным для той эпохи: мундирные рабовладельцы отделались дисциплинарными взысканиями (451).

Эксплуатация принудительного труда осуждённых процветала везде. Так, начальник томской тюрьмы И.А. Божок сообщал, что с 1939 г. в Новосибирском УНКВД существовала практика обработки заключёнными огородов сотрудников тюрьмы. Начальник 3-го ОЛП Чистоньского отделения УИТЛК УНКВД НСО М.Г. Воронин осенью 1941 г. был исключён из партии за связь с заключёнными и использование их для обработки своего огорода и сбора ягод, а также откорм собственных коровы и свиньи за счёт лагеря (452).

Частым явлением было присвоение денег, предназначенных для оплаты услуг агентов. Жена заместителя НКВД С.Б. Жуковского со слов мужа рассказывала сокамерницам, что «деньги, идущие на агентурную и другую работу в НКВД, тратились на личные нужды работников» (453). Крали и у своих. Например, среди партторгов в 30–50-х годах повсеместно процветало воровство партийных взносов (454). Весной 1941 г. были разоблачены и осуждены за хищения 3.152 руб. партвзносов секретарь парткома УНКВД НСО, депутат горсовета А.П. Зотов и его заместитель. Тогда же был исключён из партии и уволен за присвоение 1.225 руб. партвзносов врид начальника Огудайского РО Ойротского облотдела НКВД Г.З. Сербин (455).

Много соблазнов возникало у сотрудников вспомогательных служб НКВД, распоряжавшихся огромными количествами дефицитных товаров. Размах хищений и злоупотреблений в этой системе привёл к появ-

лению приказа ОГПУ от 2 февраля 1934 г. о «систематическом агентурном обслуживании подсобных предприятий» (456). Но эта мера не смогла помочь в наведении порядка, поскольку в условиях дефицитной экономики разрастание её теневой части неизбежно.

Председатель правления закрытого кооператива ИТУ ЗСК в Новосибирске Ф.Н. Гусев в декабре 1934 г. был осуждён за злоупотребления на 1 год ИТР. Начальник ТПО УНКВД НСО И.Д. Аскарлов, арестованный в декабре 1937 г., обвинялся, помимо политических преступлений, в допущении растрат и хищений на сумму в 1,3 млн руб. Начальник водной станции «Динамо» в Новосибирске А.Л. Косарев в декабре 1938 г. был арестован за самоснабжение и сбыт на сторону дефицитных товаров, предназначенных для оперсостава. Начальник Спецторга УНКВД по Алткраю И.Е. Липшиц, ранее судившийся за использование служебного положения, допустил убытки в 214 тыс. руб. и в 1939 г. был осуждён на 2 года заключения, но освобождился очень быстро и снова получил материально-ответственную должность. Начальник томского отделения Спецторга НКВД Ф.А. Беляев после трёх лет работы в июле 1940 г. был снят горкомом за засорение аппарата чуждым элементом и отсутствие контроля: растраты в отделении за 1937–1939 гг. составили 232 тыс. руб. (457).

Таким образом, с внешней стороны чекистский коллектив старался представить себя дисциплинированным военно-спортивным братством, сплочённым общей целью и с безупречно подобранным, политически грамотным, морально выдержанным составом. На деле чекистский быт был убогим и основанным на удовлетворении элементарных физических инстинктов, а нравы – примитивны и грубы. Насыщенность оперсостава малокультурными личностями с криминальными наклонностями, действовавшими зачастую безнаказанно, обуславливали огромное распространение спекуляции, растрат, подлогов, хищений, а также воровства и мародёрства. Чекистский мир 30-х годов оставался таким же криминализированным, как и в предыдущее десятилетие.

Профессиональная деформация работников карательной системы приводила одних к садизму, других – к алкоголизму и разврату, третьих – к психическим заболеваниям и самоубийствам. Большая часть чекистов сравнительно быстро выбывала из системы по состоянию здоровья, в связи с политической неблагонадёжностью, за пьянство, злоупотребления властью, а также увольнялась, не желая участвовать в преступлениях. Однако в силу порочных кадровых принципов, изначально заложенных в механизм функционирования карательной системы, она воспроизво-

дила себя, и в этой касте на вышестоящие должности продвигались в первую очередь те, кто был готов выполнить любое, самое преступное поручение.

ЧЕКИСТСКИЙ ЛЕКСИКОН

Чекистский лексикон сложился быстро и постоянно пополнялся. Язык чекистов – это язык эвфемизмов, фиговых листков жестокости и крайнего цинизма. Жаргон скрывал многие тайны и именовал расстрел «осуждением по первой категории», избивание арестованного – «допросом третьей степени», массовый арест (а подчас и расстрел) – «спецоперацией». Чекисты очень любили приставку «спец»: спецотдел, спецагент, спецосведомитель, спецпоручение, спецсообщение, спецдело, спецхран. Их жаргон был разнообразен и подчас вбирал распространённые официальные термины – вроде «соцзаказа», этим до предельной степени обнажая их сущность. Бросается в глаза исключительный цинизм многих терминов: расстрел именовался «свадьбой» (т. е. венчанием со смертью), казнённые – «черепками», рядовые члены «контрреволюционной организации» – «низовкой», подставные свидетели – «стульями», внутрикамерные агенты – «клоунами», следователи – «колунами» или «забойщиками», фабрикация крупных дел в ответ на пожелание верхов – «соцзаказом».

Часть чекистских терминов уходила в народ («зэк», «расколоть», «сексот»), большая – оставалась достоянием среды, их породившей. При этом словечко «сексот», уйдя в народ, вместе с тем со временем вышло из чекистского обихода. Было, напротив, и принятие чекистским сообществом народных (причём с выраженной негативной окраской) терминов – «чёрный ворон», например. Слово из народа, обозначавшее автомобиль для перевозки арестантов, укоренилось в провинциальном чекистском обиходе уже к середине 30-х годов. Так, работники Томского оперсектора ОГПУ в 1934 г. докладывали, что «машина для возки арестованных собрана из разных частей, приспособлена под “Ворон”». В 1938 г. в одном из протоколов оказался зафиксирован такой вопрос новосибирских следователей к арестованному: «...Вас перевозили в закрытой автомашине “Чёрный ворон” из ДПЗ в Особый корпус тюрьмы?..» (458).

Для сокрытия сущности советской тайной полиции применялось нарочитое смягчение терминологии: «разведка» вместо «карательные органы», «высылка в лагерь» вместо «заключение в лагерь». Очень любил применять по отношению ОГПУ-НКВД термин «советская разведка»

Сталин, что было подхвачено печатью. В собственной же среде чекисты именовали родное ведомство просто «органами». Что касается неточного термина «сослан в лагерь», то он очень распространён среди исследователей-иностранцев и мемуаристов русского зарубежья. Впрочем, в директиве Ежова от 3 июля 1937 г. о подлежащих осуждению по «второй категории» и заключавшихся в концлагеря, говорилось как о враждебных элементах, подлежащих «высылке в районы по указанию НКВД СССР». Характерно, что о лицах, подлежащих заключению в концлагеря, правители СССР нередко говорили как о высланных. В середине 30-х годов из печати исчез термин «концлагерь» применительно к советской системе ИТЛ.

В 1937 г. террор несколько изменил речь следователей. Новосибирский чекист С. С. Корпулев в письме в ЦК ВКП(б) писал: «Не случайно в лексиконе начальников отделов появилось такое выражение: “В этот протокол надо добавить пару бомбёжек, кусочек террорка, добавить повстанчество, привести несколько фактов диверсий – тогда он будет полноценным”. Начальник Особого отдела УНКВД НСО П. Ф. Коломийц в декабре 1937 г. в письме Ежову сообщал, что у особистов появился новый речевой оборот: не «преступник сознался», а «подписал протокол» (459).

В телеграфной переписке чекисты использовали кодированный язык: например, заключённых именовали «бланками», а сведения о расстрелах маскировались фразами о «забое скота». Например, начальник КРО УНКВД по Иркутской области А. Н. Троицкий в марте 1938 г. писал своему помощнику Б. П. Кульвецу в Бодайбо о массовых арестах так: «Развёртывайте закупки по всем линиям шире». На это Кульвец рапортовал: «Закуплено 900 голов скота. Забито на мясо 280 дел. Скот продолжает с мест прибывать. Очевидно, ближайшие 3–4 дня будет тысяча с лишним голов. Следовательно, до 10 марта произвести забой закупленного скота не успею». Отвечая, Троицкий уже не шифровался: «Вам послали приговора по *тройке* на 326 человек по первой категории, проводите их в жизнь – вот вам некоторая разгрузка». При телефонных переговорах руководящие работники сибирских управлений НКВД, говоря об арестах и пр., также использовали условные выражения (460).

Полезно привести небольшой словарь специфических терминов и выражений, характерных для чекистской речи 30-х годов. В ряде случаев указано, в каких регионах СССР они употреблялись.

Агентурная разработка (агразработка) – мероприятия по агентурному освещению подозрительного человека или группы лиц.

Агдело – агентурное дело, заведённое на организацию подозрительных лиц.

Агисточник – агент.

Агентурист – специалист по вербовкам агентуры и работе с ней.

Альбом – подшитые в один том справки на лиц, подлежащих в 1937–1938 гг. заочному осуждению Комиссией НКВД и Прокурора СССР.

Античекистские методы – допросы с использованием недозволённых средств, а также какие-либо явно провокационные оперативные мероприятия.

Вербовочные мероприятия – комплекс действий, связанных с изучением потенциального источника и подготовкой его вербовки.

Внутренник – внутрикамерный агент (см. «наседка», «клоун»).

Ворон, чёрный ворон – автомобиль для перевозки арестованных.

Выстойка (стойка) – распространённый способ физического воздействия, выражавшийся в запрещении стоящему арестованному менять позу.

Высидка – принуждение сидеть в неестественной позе (Новосибирск).

Выходы – показания, дававшие возможность арестовывать новых лиц.

Гады – популярное с 20-х годов в Сибири ругательство, которым характеризовали врагов советской власти; пришло в чекистскую среду из лексики партизан и красноармейцев.

Дело-формуляр – досье на какое-либо лицо, в котором накапливались компрометирующие материалы, в т. ч. полученные агентурным путём или перлюстрацией.

Допрос «на яме» – допрос на месте расстрела, где арестованного с целью сломать вынуждали наблюдать массовые казни осуждённых (Ашхабад).

Допрос «третьей степени» – допрос с пристрастием, т. е. с применением физического воздействия (Новосибирск).

Допросить «с нашатырным спиртом» – избить до потери сознания (Челябинск).

Заагентурить – завербовать.

Забойщики – следователи, специализировавшиеся на избивании арестованных с целью получения признательных показаний.

Закрывать осведомлением – полностью «обставить агентурой» объект, лицо или группу лиц.

Зэк, зэка – заключённый (от аббревиатуры термина начала 30-х годов: «заключённый каналомеец»).

Изъять – арестовать.

Инонационал – представитель «враждебной» национальности, относящийся к титульной нации тех стран, которые считались враждебными СССР (поляк, немец, австриец, латыш, эстонец, литовец, грек, венгр, финн, иранец, китаец).

Использование «втёмную» – использование чекистами агента или какого-либо другого лица в оперативных целях без ведома последнего (Новосибирск).

Источник – осведомитель, агент.

Клоун – внутрикамерный агент (Якутия).

Колоть арестованного – добиваться признания.

Колуны, колольщики (Москва), *смертельные колуны* (Новосибирск) – следователи (иногда – внутрикамерные агенты), способные быстро заставить дать признательные показания (см. «забойщики»).

Комбинатор – следователь-фальсификатор (ЗСК).

Конвейер – непрерывный, нередко многосуточный допрос.

Конспиративная (явочная) квартира, явка – помещение, используемое оперработниками для тайных встреч с агентурой.

Конспиративный (он же *нештатный, секретный*) *сотрудник* – негласный работник органов госбезопасности.

Контрик – контрреволюционер.

Конференция – издевательское наименование арестованных, собранных в одном помещении для конвейерного допроса (Ашхабад).

Крокист – работник Отдела контрразведки (КРО) ОГПУ-НКВД.

Куст – наименование группы районов либо группы негласных агентов в данной местности.

Лагерная пыль – презрительное обозначение заключённых в чекистской среде (популярная угроза: «сотру в лагерную пыль»).

Ликвидация – тайное убийство.

Ликвидация разработки – арест лиц, проходящих по агентурному делу.

Линейники – жертвы «линейных операций» (массовых арестов лиц преимущественно нерусской национальности) с лета 1937 по осень 1938 г.

Липачество, липование – фабрикация следственных материалов.

Литерное дело – дело, связанное с осуществлением тайного убийства.

Маршрутник – опытный агент, знакомящийся с оперативной обстановкой и выполняющий оперзадания (вербовки, проверка состояния агентурной сети и пр.) во время конспиративного путешествия по конкретному маршруту.

Массовые операции – чекистский термин для обозначения наиболее крупных репрессивных кампаний, жертвы которых в основном подлежали осуждению внесудебными органами.

Монголисты – русские эмигранты, высланные из МНР в СССР в первой половине 30-х годов.

Монтаж – фабрикация сводного протокола допроса из разновременных показаний (Барнаул).

Мотать – жёстко и долго допрашивать арестованного, изнуряя его (Красноярск).

Наружное наблюдение («наружка») – тайная слежка за подозрительным лицом (лицами).

Наседка – внутрикамерный агент (см. «внутренник»).

Нацмен – представитель какого-либо национального меньшинства.

Низовая повстанческая периферия, низовка – масса рядовых участников крупной «контрреволюционной организации» (Украина, Сибирь).

Обставить агентурой – внедрить осведомителей в окружение интересующего лица.

Окраска организации – отнесение группы арестованных к определённой разновидности преступной работы: шпионской, повстанческой, вредительской, троцкистской, националистической и пр.

Опер – оперативный уполномоченный.

Оперативное обслуживание – чекистская работа на каком-либо объекте, связанная с агентурным осведомлением о его работах.

Оперативные позиции – наличие агентуры на интересующем чекистов направлении.

Операция – многозначный термин для разных видов чекистской работы (арестов, облав, выселений и пр.); в годы террора использовался в т. ч. для секретного обозначения массовых расстрелов.

Оперировать – арестовать.

Оперсектор – подчинённая региональному управлению ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ крупная территориальная структура, включающая достаточно крупный город и примыкающие 10–15 районов; обычно именовался по названию города, в котором размещался аппарат оперативного сектора.

Осведом, освед – осведомитель.

Особист – сотрудник системы особых отделов (военной контрразведки).

Особоучётник – чекист запаса.

Осуждение по второй категории – приговор к лишению свободы на 10 лет.

Осуждение по первой категории – приговор к высшей мере наказания.
Осуждение по третьей категории – приговор к лишению свободы на срок от 5 до 8 лет.

Оформить дело – формально означало расследовать какое-либо дело, но на деле – максимально быстро сфабриковать.

Писарь – следователь, активно сочинявший протоколы допросов в отсутствие арестованного (Барнаул).

Повязкий, повязка – относящийся к «Польской организации войсковой» (ПОВ).

Подвести агента (к объекту слежки) – внедрить агента в окружение интересующего чекистов лица или группы лиц.

Подозрительный по шпионажу – лицо, подозреваемое в шпионской деятельности.

Подсадка – внедрение в камеру агента-«наседки» под видом обычного арестованного.

Подсидка – охрана и пресечение попыток находящегося на «конвейере» арестованного уснуть чекистом-стажёром во время отдыха основного следователя (Новосибирск).

Политконтролёр – работник цензуры.

Польперевежчики – поляки, нелегально перешедшие советскую границу и расселённые в отдалённых местностях СССР.

Прослушка – прослушивание телефонных разговоров и помещений.

Противопобеговая агентура – осведомительная сеть в концлагерях и спецпосёлках, предназначенная для осведомления о заключённых и ссыльных, планирующих бежать или уже бежавших из мест заключения и поселения.

Работа в поле – оперативная разведка за рубежом, связанная с наводками и вербовками агентуры, закладкой тайников, конспиративными встречами, обнаружением наблюдения и уходом от него.

Разведчик – работник службы наружного наблюдения.

Разложившийся арестованный – заключённый, отказавшийся от показаний (Новосибирск).

Разоружиться – дать признательные показания.

Разрабатывать – вести агентурное наблюдение за конкретным человеком или группой лиц.

Резидент (в контрразведке) – куратор группы агентуры в учреждении, предприятии или на определённой территории (районный резидент, кустовой резидент).

Рововец – член организации Русского общевоинского союза (РОВС).

Свадьба – расстрел (Кузбасс, Белоруссия).

Связи – знакомые человека, за которым ведётся агентурное наблюдение.

Сексот – секретный сотрудник (осведомитель, агент, резидент); в 20-е годы слово использовалось официально и довольно широко, позднее исчезло из казённого употребления и вошло в общий лексический фонд как ругательство.

Следственник – чекист, показавший себя как умелый следователь.

Следственный заключённый – подследственный.

Снять – секретно арестовать.

Снять организацию – арестовать фигурантов агентурной разработки.

Сознание арестованного – признание.

Социальный заказ, соцзаказ (выражение, с начала 30-х ходившее в среде руководящих работников полпредства ОГПУ Запсибкрая, в 1937 г. также имело хождение в центральном аппарате НКВД СССР) – очень точное и прямое по смыслу высказывание, характеризующее необходимость срочной фабрикация какого-то крупного политического дела с целью быстрого отчёта перед вышестоящими инстанциями.

Спецоперация – обычно массовый арест (в годы «Большого террора» – также и расстрел).

Спецпереселенец – сосланный «раскулаченный» крестьянин.

Спецподсудности дела – уголовные дела по ст. 58 УК РСФСР.

Спецпоселенец – сосланный представитель «враждебной национальности».

Спецсообщение – обычно информация из ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ в органы власти.

Списочный учёт – первичный учёт лиц, на которых поступило какое-то компрометирующее сообщение (обычно одно).

Спошники – работники Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ-НКВД.

Спустить в подвал – расстрелять (Ульяновск).

Срочный заключённый – осуждённый.

Срывательская группировка – саботажная группа.

Стулья – подставные свидетели (Новосибирская область).

Топорцы – работники Торгово-производственного отдела (ТПО) ОГПУ-НКВД.

Трудпоселенец – высланный из центральных районов страны на поселение «социально-вредный элемент».

Тэкапист – член «Трудовой крестьянской партии» (ТКП).

Тюрзак – тюремное заключение.

Убывшие по первой категории – расстрелянные.

Угробить – скомпрометировать доносами чекиста-коллегу, добившись его увольнения или ареста (Сибирь, Украина).

Учётники – лица, стоящие на чекистском учёте как представляющие потенциальную угрозу.

Фигурант – лицо, проходящее по следственному или агентурному делу.

Формулярный учёт – картотека лиц, на которых имеется дело-формуляр (досье).

Харбинцы – лица, обслуживавшие в Маньчжурии Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД) и вернувшиеся в СССР после её продажи в 1935 г.

Хищническая группировка – организация, занимавшаяся хищениями социалистической собственности.

Центр – центральный аппарат ГПУ-НКВД.

Черепок – голова (о расстрелянном).

Шапка – чекистское название окраски конкретной «контрреволюционной организации» (кулацкая, шпионско-диверсионная, троцкистская, националистическая и пр.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. – М., 2007; *Он же.* Процедура: Исполнение смертных приговоров в 1920–1930-х годах. – М., 2007.

2. *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. – К., 1997. С.90.

3. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999. С.279; *Шаповал Ю.И., Золотарьов В.А.* Всеволод Балицкий. Особа, час, оточення. – К., 2002. С.382; ГАНУ. Ф.П-11. Оп.1. Д.95. Л.118; Ф.П-76. Оп.1. Д.57. Л.63 об.

4. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. – М., 2008. С.12–13.

5. Для советской номенклатуры было типично раздувание культов местных вождей, славословие и подхалимство. Высмеивание практики создания парадных портретов начальников в прессе и популярном романе Ильфа и Петрова «Золотой телёнок» просто игнорировалось. Так, в 1937 г. на столичном медеплавильном заводе было отлито 12 больших бюстов замнаркома тяжёлой промышленности А.П. Серебровского весом по 80 кг каждый. Известия. 1937, 8 апр.

6. Забвению не подлежит. Книга памяти жертв политических репрессий Омской области. Т. 6. – Омск, 2003. С.29.

7. *Шрейдер М.П.* Воспоминания чекиста-оперативника //Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). С.308; *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри. Записки чекиста. – М., 1995. С.45.

8. *Шаповал Ю.И., Золотарьов В.А.* Всеволод Балицкий... С.270; *Зинько Ф.З.* Кое-что из истории Одесской ЧК. – Одесса, 1998. С.112; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.330.

9. Шрейдер М.П. НКВД изнутри... С.164.
10. ГАНО. Ф. П-1204. Оп.1. Д.8. Л.211–212; Ф.П-460. Оп.1. Д.17. Л.98.
11. ЦДНИТО. Ф.534. Оп.1. Д.1. Л.59.
12. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.53; *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – М., 2004. С.99.
13. *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий... С.337; *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск, 2002. С.306.
14. АУФСБ по НСО. Д. П-2743. Л.210.
15. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.346; История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 томах. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.343, 344; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4029. Л.80, 82 об.
16. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.143; *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые (К истории сталинских репрессий в Бийске). – Барнаул, 1999. С.261; АУФСБ по НСО. Д.П-6067. Л.254.
17. *Золотарьев В.А.* ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщине: люди та доли (1919–1941). – Харьков, 2003. С.42; Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 /Архив Сталина. Документы высших органов парт. и госуд. власти. – М., 2006. С.49.
18. АУФСБ по НСО. Д.П-2743. Л.209 об.
19. *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.272, 265; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.17. Л.108.
- Вседозволенность чекистов сказывалась и на их детях. 11-летний сын Н.А. Гротова-Пчельникова (замначальника УИТЛК УНКВД ЗСК) и Д.Ф. Зотовой-Глиняковой (оперативницы Особого отдела УНКВД) Юра Зотов в декабре 1936 г. ударил на катке по лицу Искру Миллер, которая упала на лёд и сильно расшиблась. Зотов-младший объяснил свой поступок так: «Она дочь секретаря [новосибирского] горкома партии и задаётся». Он же в пионерском лагере мальчиков-евреев дразнил «жидами», а начальникам грозил: «Мне папа сказал, что придет Успенский и наведёт у вас порядки». ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.24. Л.123. В начале 1938 г. партком УГБ, разбирая работу пионерского форпоста 100-квартирного дома, интенсивно заселявшегося новосибирскими чекистами, отметил, что среди детей «развито хулиганство, сквернословие, пьянство, курение, употребление наркотиков». Там же. Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.131. Бюро Болотнинского райкома ВКП(б) в конце 1938 г. отмечало, что дети начальника РО УНКВД НСО А.М. Ломако допускали «нев्यдержанность и грубость». Там же. Ф.П-30. Оп.1. Д.191. Л.18. Сын парторга Бийского РО НКВД Д.Г. Петрунина организовал в классе травлю детей репрессированных. *Гришаев В.Ф.* Дважды убитые... С.97.
20. *Троцкий Л.Д.* Дневники и письма //Под ред. Ю.Г. Фельштинского. – М., 1994; Наше минуле. 1993. № 1. С.42; *Лошицкий О.* Лаборатория //3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВС-КГБ. 1998. № 1/2. С.215.
21. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.241. Л.14.
22. ГА УСБУ Черниговской обл. Д.ФП-38153. Т. 4. Л.91; ОГА СБУ. Ф.16. Оп.31. Д.94. Л.129.
23. ГАНО. Ф.П-6. Оп.1. Д.884. Л.41; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.243. Л.217; ГАНО. Ф.П-29. Оп.1. Д.274. Л.81.
24. ГАНО. Ф. П-1204. Оп.1. Д.104. Л.57.
25. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.633. Л.25; ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.838. Л.57–58.
26. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11612. Л.31; *Тепляков А.* Дневник чекиста Семёнова, или Голгофа востановляющего троцкиста и безбожника //Голоса Сибири: литератур-

- ный альманах. – Выпуск четвёртый / сост. М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово, 2006. С.337.
27. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.182; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. – М., 2003. С.365; *Абарин А., Хиллинг Г.* Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). – Марбург, 2000. С.184.
28. АУФСБ по НСО. Д.П-10413. Л.124; ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.3183.
29. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.17. Л.91.
30. *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма. – Новосибирск, 2001. С.183–184; *Иванов-Разумник Р.В.* Тюрьмы и ссылки. – Нью-Йорк, 1953. С.368–370.
31. АУФСБ по НСО. Д.П-5355. Т.1. Л.134; *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов //Возвращение памяти: Историко-архивный альманах. Вып. 3. – Новосибирск, 1997. С.90.
32. ГАНО. Ф. П-460. Оп.1. Д.226. Л.14.
33. Там же. Д.1. Л.66; Д.2. Л.42; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.467. Л.63.
34. ЦДНИТО. Ф.341. Оп.1. Д.53. Л.126; Ф.537. Оп.1. Д.10. Л.43.
35. ГАНО. Ф.П-44. Оп.1. Д.330. Л.290–291.
36. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.873. Л.28; ОГА СБУ (Киев). Ф.16. Оп.31. Д.95.
37. ГАКО. Ф.П-26. Оп.3. Д.101. Л.3–4.
38. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.8. Л.216; ЦХАФАК. Ф.П-5762. Оп.1. Д.1. Л.6 об., 16 об.; Д.2. Л.41.
39. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.250, 260; ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.860. Л.63; Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.5.
40. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.658. Л.119. Были чекисты, которые вели себя, напротив, даже слишком демократично и получали в связи с этим отпор. В 1937 г. замначальника Транспортного отдела УНКВД ЗСК Г.М. Вяткина критиковали за то, что он «обращается к сотрудникам, называя подчинённых ласкательными именами, и наоборот, некоторые сотрудники, обращаясь к Вяткину, называют его Гришей, – это никуда не годится». ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.326. Л.47.
41. *Плеханов А.М.* ВЧК-ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. – М., 2006. С.131.
42. АУФСБ по НСО. Д.П-8139. Л.260; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.175; *Ефремов М.А.* 80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917–1937). – Новосибирск, 2002. С.303.
43. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.143.
44. Берия: конец карьеры. – М., 1991. С.318; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.219.
45. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-4649. Т.5. Л.190. Так и произошло – Попов в Нарыме сам заupal оружие и затем выдал «обнаруженные» им ямы с винтовками за боевые склады «заговорщиков». *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно. – Барнаул, 1995. С.35.
46. Там же. Д.П-10787. Л.159.
47. *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.91; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.20.
48. *Золотарьев В.А.* Александр Успенский: особа, час, оточення. – Харьков, 2004. С.235.
49. Забайкальский рабочий (Чита). 1989, 5 окт.; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.20, 69.
50. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.22.
51. *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба... С.111–112; *Герштейн Э.Г.* Лишняя любовь //Новый мир. 1993. № 12.

52. АУФСБ по НСО. Д.П-547. Л.24, 37; Д.П-8139. Л.235, 241.
53. *Быстролётов Д.А.* Путешествие на край ночи. – М., 1996. С.63, 334–340, 381–385; *Царев О., Костелло Дж.* Роковые иллюзии. Из архивов КГБ: дело Орлова, сталинского мастера шпионажа. – М., 1995. С.507.
54. АУФСБ по НСО. Д.П-4421. Т.5. Л.283; ЦХАФАК. Ф.П-5762. Оп.1. Д.4. Л.11.
55. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1980-е годы. Аннот. перечень архивных документов и материалов. Избр. документы /Сост., вступительная статья и комм. А.И. Савина. – Новосибирск–СПб., 2006. С.476.
56. АУФСБ по НСО. Д.П-4495. Т.6. Л.410.
57. Там же. Д.П-6681. Т.3. Л.198; Д.П-4421. Т.5. Л.285.
58. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.100; АУФСБ по НСО. Д. П-8213. Л.414.
59. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.25, 89; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.183.
60. См. *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба... С.115; АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т.2. Л.279; Д.П4545. Т.2. Л.122–123, 125.
61. АУФСБ по НСО. Д.П-872. Т.1. Л.86.
62. Там же. Д.П-2743. Л.209 об.; Д. П-8213. Л.405.
63. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1868. Л.11; ЦХАФАК. Ф.П-10. Оп.4. Д.196. Л.205; Оп.20. Д.15. Л.164.
64. *Рудин В.* Чёрные годы //Начало века. Литературный и краеведческий журнал. – Томск. 2007. № 3. С.170–172; Сталинские расстрельные списки. – М., 2002 (CD).
65. *Павлюков А.Е.* Ежов. Биография. – М., 2007. С.288–291.
66. Реабілітовані історією. Житомирська область. Кн. 1. – Житомир, 2006. С.34.
67. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.106.
68. *Золотарьев В.А.* Александр Успенский... С.24.
69. АУФСБ по НСО. Д.П-4976. Л.193.
70. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.252; ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.16. Л.51.
71. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.18, 98.
72. АУФСБ по НСО. Д.П-3593. Т.2. Л.480.
73. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.7. Л.255.
74. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.95; История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.315, 319–320.
75. ГАНО. Ф. П-4. Оп.34. Д.80. Л.6–7.
76. *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность... С.288.
77. Источник. 1993. № 0. С.23.
78. АУФСБ по НСО. Д.П-10390. Л.187.
79. Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. Вып. 2. – Новосибирск, 1994. С.66–67.
80. *Самосудов В.М.* О репрессиях в Омском Прииртышье. Исторические этюды. – Омск, 1998. С.26.
81. АУФСБ по НСО. Д.П-8213. Л.404; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.7. Л.228.
82. АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т.2. Л.279, 292.
83. История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.319.
84. АУФСБ по НСО. Д.П-8213. Л.389, 390; *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.130.
85. Сопrotивление в ГУЛАГе. Воспоминания. Письма. Документы. – М., 1992. С.115, 120.
86. *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри... С.54.

87. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.254; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.104. Л.55.
88. *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.39.
89. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.107; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.54.
90. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т.8. Л.208.
91. *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность... С.292.
92. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-6284. Т.2. Л.141–142.
93. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.8. Л.211–212; Д.138. Л.3.
94. *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность... С.311.
95. *Золотарьев В.А.* Александр Успенский... С.139.
96. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.291; ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.4496. Л.18; Д.6426. Л.8.
97. *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба... С.112.
98. *Тепляков А.Г.* Управление НКВД по Новосибирской области накануне... С.262; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.110.
99. *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.148.
100. ОГА СБУ. Д.45704. Т.1. Л.62; *Золотарьев В.А.* Александр Успенский... С.205.
101. *Папчинский А.А., Тумиш М.А.* Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. – М., 2001. С.179.
102. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.161. Л.66–69; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.585. Л.182.
103. *Тумиш М.А.* ВЧК. Война кланов. – М., 2004. С.391; *Папчинский А.А., Тумиш М.А.* Щит, расколотый мечом... С.175, 180–181.
104. См. Жертвы политического террора в СССР. – М., 2007 (CD).
105. *Золотарьев В.А.* Александр Успенский... С.244.
106. Книга памяти жертв политических репрессий республики Хакасия. Т. 1. – Абакан, 1999. С.465–466; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.42.
107. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.108, 111–112; АУФСБ по НСО. Д.П-4880. Т.2. Л.289.
108. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.58–59; АУФСБ по НСО. Д.П-8139. Л.280.
109. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том I. Март 1953 – февраль 1956. – М., 2000. С.343; *Буяков А.М.* Органы государственной безопасности Приморья в лицах: 1923–2003 гг. – Владивосток, 2003. С.97.
110. ОГА СБУ (Киев). Д.38153. Т.1. Л.67.
111. *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.192–193; *Наумов Л.А.* Сталин и НКВД. – М., 2007. С.498.
112. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.109–110.
113. *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность... С.311–312.
114. АУФСБ по НСО. Д.П-8213. Л.388.
115. Сопrotивление в ГУЛАГе... С.158.
116. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.258; АУФСБ по НСО. Д. П-10015. Л.153.
117. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.76. Л.14–15; Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.183, 44.
118. Там же. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.129.
119. АУФСБ по НСО. Д.П-379. Л.96–98.
120. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.7. Л.1–6.
121. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.65, 348–349.
122. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.64.
123. АУФСБ по НСО. Д.П-8139. Л.286; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5607. Т. 6. Л.25.
124. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.42; ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.111. Л.62.
125. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.11. Л.26.

126. Даже начальники, жёстко требовавшие – как, например, С.Н. Миронов – конспирации от подчинённых, случалось, делились с жёнами кое-какими подробностями оперативной работы (тот же Миронов научил жену различать чекистов-«топтунов» в штатском). См.: *Яковенко М.М.* Агнесса. – М., 1997. С.73, 88–90, 97–98, 118–119, 121.
127. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.18. Л.255.
128. АУФСБ по НСО. Д. П-3738 (пакет).
129. ЦХАФАК. Ф.П-10. Оп.5. Д.165. Л.13–14; Жертвы политического террора в СССР... (CD).
130. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.22а. Л.58.
131. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.249; АУФСБ по НСО. Д.П-641. Т.1. Л.6–9, 35; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.22, 52–56.
132. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.29.
133. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.253; ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.15. Л.4.
134. ЦХАФАК. Ф.П-10. Оп.22. Д.95. Л.221–222.
135. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.262; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.20.
136. Вопросы истории. 1995. № 2. С.3–7; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.327.
137. АУФСБ по НСО. Д.П-8213. Л.406; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.80. Л.30–40.
138. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.258; ЦДНИТО. Ф.341. Оп.1. Д.53. Л.72; Ф.80. Оп.1. Д.832. Л.15 об.; Д.953. Л.47.
139. История сталинского ГУлага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.317; АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.92.
140. ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.96 (ЛД Адяева С.К.).
141. *Хинштейн А.Е.* Подземелья Лубянки. – М., 2005. С.343–344.
142. ЦДНИТО. Ф.341. Оп.1. Д.53. Л.116; ЦДНИОО. Ф.18. Оп.2. Д.12. Л.417–421, 447.
143. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.5; *Гавриленко В.К.* Казнь прокурора: Документальное повествование. – Абакан, 2001. С.67–68.
144. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.64; ГАКК. Ф.Р-2056. Оп.1. Д.145, 236.
145. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.87. Л.14–15, 89.
146. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.28; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.250–251.
147. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.928. Л.102; ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.761. Л.117–118; Д.837. Л.94.
148. *Бережков В.И.* Питерские прокураторы. – М., 1998. С.206; *Павлюков А.Е.* Ежов. Биография. – М., 2007. С.424.
149. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.2193. Л.80–82.
150. *Бирюков А.М.* Колымские истории. – Новосибирск, 2004. С.44.
151. ГАНО. Ф.П-29. Оп.1. Д.484. Л.2. Д.507. Л.218, 219.
152. Черкасов А. Прeusпевший в невозможном //Ежедневный журнал. 2007, 27 окт. //http://www.ej.ru/?a=note&id=7507.
153. Принадлежность к определённой чекистской группе сказывалась и много десятилетий спустя: в своих мемуарах М.П. Шрейдер с восхищением отзывался о начальнике ЭКО ГУГБ Л.Г. Миронове и заместителе Ежова Л.Н. Бельском, а бывший сотрудник КРО ОГПУ Б.И. Гудзь, напротив, возмущался своим начальником А.Х. Артузовым и считал, что именно в аппарате ЭКО творились наиболее отвязленные фабрикация дел. П.А. Судоплатов до последних дней сохранил уважение к профессионализму Л.П. Берии и неприязнь к В.С. Абакумову.
154. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936. – М., 2003. С.276.

155. *Наумов В., Краюшкин А.* Последнее слово Николая Ежова //Московские новости. 1994, 30 янв.
156. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.115; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5700. Т. 8. Л.240.
157. *Золотарьов В.А.* Олександр Успенський... С.100.
158. ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.10998. Л.1–7; Д.2710. Л.4.
159. АУФСБ по НСО. Д.П-17292. Л.57.
160. *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри... С.15–16.
161. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.40; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. – М., 1999. С.415; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.273. Л.156.
162. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.532. Л.84; ТОЦДНИ. Ф.7. Оп.1. Д.618. Л.18 об. – 19.
163. Новосибирская школа контрразведки, 1935–2005. Сб. – М., 2005. С.31.
164. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.394. Л.137; ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.611. Л.29.
165. АУФСБ по НСО. Д.П-5271. Л.292; Д.П-8213. Л.408; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.917. Л.143.
166. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.185; *Соловьёв А.В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки. – М., 2002. С.131–142.
167. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. – М., 1989. С.6; *Аллилуев В.Ф.* Аллилуевы – Сталин: хроника одной семьи. – М., 2002. С.98.
168. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.241–242.
169. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.19; Д.17. Л.108.
170. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.166.
171. *Яковенко М.М.* Агнесса... С.115, 112.
172. *Ватлин А.Ю.* Террор районного масштаба... С.111.
173. В органах ВЧК-НКВД хватало людей с тёмным прошлым, много лет проведших в тюрьмах по уголовным обвинениям. Например, Т.И. Козловский в 1907 г. был осуждён военным судом в Риге на 20 лет каторги за разбой и нападение на рижскую пивную лавку. Освободившись в 1917 г., Козловский немедленно записался в большевики, а в 1923 г. работал начальником Амударьинского облотдела ГПУ. Характерно, что в 1934 г. ему подтвердили партийный стаж с 1917 г. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.157. Л.147. Польский социалист А.Р. Формайстер, осуждённый в 1906 г. за грабёж, отягчённый убийством беременной женщины, на 20 лет каторги, в 1917 г. был освобождён и сколотил банду, занимавшуюся вооружёнными грабежами в Москве. Затем с помощью друзей-коммунистов Формайстер перешёл в ВЧК и много лет работал под началом И.С. Уншлихта и А.Х. Артузова, занимая ответственные должности в КРО и ИНО ОГПУ. *Папчинский А.А., Тумиш М.А.* Щит, расколотый мечом... С.95–103. Многие уголовные эпизоды чекистских биографий, вне сомнения, остались так и не выявленными.
174. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.111, 251–255.
175. Там же. С.254; ГАНО. Ф.П-29. Оп.1. Д.843. Л.15, 28–36.
176. Сведения Красноярского «Мемориала»; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.254.
177. *Шатовал Ю.И., Золотарьов В.А.* Всеволод Балицкий... С.335.
178. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.255; РГАСПИ. Ф.17. Оп.9. Д.2192. Л.43–43 об.; ТОЦДНИ. Ф.3. Оп.1. Д.1037. Л.12; Д.1066. Л.16 об.–17.
179. Сведения Красноярского «Мемориала».
180. ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.4126. Л.105.
181. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.97. Л.38; Боль людская. Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов. Т. 1. – Томск, 1991. С.243, 322, 378.

182. Жертвы политического террора в СССР... (CD); ЦДНИИО. Ф.132. Оп.2. Д.123. Л.23; <http://memorial.krsk.ru>.
183. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.18. Л.13; Ф.П-460. Оп.1. Д.326. Л.28.
184. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.1384. Л.216.
185. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11899. Т.3. Л.21.
186. Там же. Д.П-5607. Т.4. Л.29; Д.П-12097. Т.1. Л.82 об.
187. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.6. Д.459. Л.23; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.243. Л.67.
188. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.133–140; Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.15–16.
189. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.179; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.28. Л.2.
190. *Павлюков А.Е.* Ежов... С.441; Военно-исторический архив. Вып. 1. – М., 1997. С.177–178.
191. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-12276. Л.59.
192. АУФСБ по НСО. Д.П-2553. Л.35.
193. ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.798. Л.85; АУФСБ НСО. Д.П-10015. Л.14 об., 9 об.
194. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.343. Л.213; Д.293. Л.173.
195. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.246; ГАКО. Ф.П-107. Оп.1. Д.33. Л.175.
196. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.24. Л.102–122; ГАКО. Ф.П-107. Оп.1. Д.33. Л.134.
197. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.252–253; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.317.
198. *Гуцин Н.Я., Ильиных В.А.* Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). – Новосибирск. С.215.
199. ГАНО. Ф.1072. Оп.1. Д.267. Л.111, 145; *Гришаев В.Ф.* «За чистую советскую власть...»: к истории крестьянских мятежей на Алтае, вызванных продразвёрткой, раскулачиванием, насильственной коллективизацией. – Барнаул, 2001.
200. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931. Вып. 1. – Новосибирск, 1992. С.59.
201. *Гришаев В.Ф.* «За чистую советскую власть...»... Барнаул, 2001.
202. ГАНО. Ф. П-1204. Оп.1. Д.8. Л.67.
203. *Гришаев В.Ф.* «За чистую советскую власть...» Барнаул, 2001.
204. Нарымская хроника 1930–1945. Трагедия спецпереселенцев. Документы и воспоминания. – М., 1997. С.27; Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск, 1998. С.685–686.
205. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.31–32.
206. АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.145–145 об.; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.246.
207. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-19725. Л.70–71, 230–235, 282.
208. Измены (подробности которых неизвестны) чекистов своему ведомству наблюдались и в других регионах. Помощник уполномоченного ЭКО ШП ОГПУ по Средне-Волжскому краю в Самаре А.С. Чаадаев «изменил партии и органам ОГПУ и... вступил в контрреволюционную организацию “Народно-крестьянская партия”», за что 1 августа 1933 г. был арестован и в ноябре расстрелян по приговору Коллегии ОГПУ за участие в «заговоре» и антисоветской агитации. *Тумиш М.А.* Кадровый состав органов ОГПУ начала 30-х годов (по материалам Средне-Волжского края) // Политический сыск в России: история и современность. – СПб., 1997. С.339; Жертвы политического террора в СССР... (CD). Замначальника политотдела по работе НКВД Аксайской МТС Сталинградского края В.М. Лотис в ноябре 1934 г. был исключён из партии «как предатель социалистической родины» и предан суду. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.101. Л.79.

209. АУФСБ по НСО. Д.П-17386. Т.7. Л.506–507; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.7. Л.109.
210. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.467. Л.109; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.360. Л.54–55.
211. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.247.
212. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.882. Л.15–16; ГАНО. Ф.П-52. Оп.1. Д.171. Л.68.
213. Забвению не подлежит... Т. 7. – Омск, 2003. С.41 (ошибочно указано о 20-летнем заключении Рудэна); РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.294. Л.162–163.
214. АУФСБ по НСО. Д.П-8426. Л.210–211; Там же. Дополнительный том. Л.56.
215. ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.15. Л.4; АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.118.
216. АУФСБ по НСО. Д.П-12492. Л.1–123.
217. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1148. Л.63. Д.1301. Л.6.
218. Откровенно о многом... /Автор-составитель О. А. Яковлева. – Улан-Удэ, 2003. С.127–130; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.546. Л.52.
219. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.74, 88–89.
220. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.501.
221. Часть сведений в литературе о масштабах репрессий и самоубийств в чекистской среде представляется малодостоверной, например, о том, что в Томском ГО НКВД в 1937–1938 гг. были репрессированы и покончили с собой около 30 сотрудников. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... С.113. Ни один томский чекист-самоубийца нам не известен.
222. *Золотарьев В.А.* ЧК-ДПУ-НКВС на Харьковщині... С.209.
223. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.97.
224. Там же. Д.3. Л.17; Д.224. Л.65.
225. *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД... С.260.
226. ОХСД ГАСРА. Ф.Р-37. Оп.1. Д.579. Т.12. Л.191 (сведения С.А. Папкова); ТОЦДНИ. Ф.1749. Оп.1. Д.1. Л.30; Д.2. Л.1–5.
227. *Гавриленко В.К.* Казнь прокурора... С.219; Книга памяти жертв политических репрессий республики Хакасия... С.448.
228. *Вепрев О.В., Лютов В.В.* Государственная безопасность... С.314.
229. Этноконфессия в советском государстве... С.480; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. – М., 2001. С.259.
230. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.262, 272, 289–290; Без грифа «секретно» /Сост. И.Н. Кузнецов. – Новосибирск, 1997. С.152–153.
231. ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.75. Л.208.
232. Катень. Март 1940 г. – сент. 2000 г. Документы. – М., 2001. С.623; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.796. Л.126.
233. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.253.
- 233а. П.В. Шаров – начальник планово-экономического отдела 4-го главного управления Наркомата оборонной промышленности, арестован 10.2.1937, расстрелян в Москве 13.8.1937.
234. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.252–253; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.224. Л.31, Д.2. Л.37, 38, 55, 56, 141–142.
235. *Бедин В., Кушникова М., Тогулев В.* Кемерово и Сталинск: Панорама провинциального быта в архивных хрониках 1920–1930-х гг. – Кемерово, 1999. С.232, 283; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.198. Л.6.
236. АУФСБ по НСО. Д.П-7977. Л.331, 338.
237. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1913. Л.55; Ф.496. Оп.1. Д.250. Л.21; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5607. Т.7. Л.66; ГАКО. Ф.П-1. Оп.4. Д.121. Л.81.
238. *Литвин А.Л.* Запрет на жизнь. – Казань, 1993. С.39; Жертвы политического террора в СССР... (CD); *Бушув В.М.* Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. – Красноярск, 2000. С.305–306.

239. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-7014. Л.114 об., 117; *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С.259.
240. АУФСБ по НСО. П-2743. Л.265.
241. *Уйманов В.Н.* Репрессии. Как это было... 103–104, 302–305; Призвание – Родине служить! – Новосибирск, 1997. С.41; АУФСБ по НСО. Д.П-2743. Л.263, 265–266, 164–165.
242. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.254; АУФСБ по НСО. Д.П-7552. Л.237; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-5627. Т.3. Л.176, 205; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.166.
243. ГАНО. Ф.П-4. Оп.33. Д.159. Л.105; Оп.34. Д.28. Л.1.
244. ЦХИДНИКК. Ф.26. Оп.33. Д.586; ГАКК. Ф.Р-2056. Оп.1. Д.115, 131 (сведения Красноярского «Мемориала»).
245. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.656. Л.52; АУФСБ по НСО. Д.П-4505. Л.353–354.
246. *Вепрев О.В., Люттов В.В.* Государственная безопасность... С.315; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.795. Л.111.
247. *Соболева Т.А.* Тайнопись в истории России. – М., 1995. С.354.
248. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.1799. Л.24; ЦХАФАК. Ф.П-5762. Оп.1. Д.6. Л.124.
249. Жертвы политического террора в СССР... (CD); ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11595. Л.165.
250. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10787. Л.70.
251. *Маскина Н.* Заложники у времени //Красное знамя (Томск). 1989. 2 авг.; ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.15. Л.12.
252. *Петров Н.В.* Первый председатель КГБ Иван Серов. – М., 2005. С.315.
253. АУФСБ по НСО. Д.П-4047. Л.186; Д.П-8426. Т.2. Л.129.
254. Там же. Д.П-5931. Л.152–153.
255. *Ферапонтов Ан.* Жаль, что патронов было мало //Свой голос (Красноярск). 1998, № 6 (202). 16–23 марта.
256. РГАСПИ. Ф.17. Регбланк партбилета № 10 904 279 Ф.М. Микова; АУФСБ по НСО. Д.П-4510. Л.33–34, 74.
257. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 3. 1930–1934. Кн.2. 1932–1934. Документы и материалы. – М., 2005. С.721.
258. 1937–1938 гг. Операции НКВД. Из хроники «большого террора» на Томской земле. Сб. документов и материалов. – Томск–М., 2006; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.182.
259. Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.38.
260. *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий. Особа, час, оточення. – К., 2002; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.240–293.
261. ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.1224. Л.248.
262. *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб., 1999. С.223–224; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.109.
263. *Бирюков А.М.* Колымские истории... С.62; ГАНО. Ф.П-52. Оп.1. Д.131. Л.79.
264. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.24. Л.12. Сохранились ли такие надбавки, введенные в связи с отменой хлебных карточек, после повышения зарплат в 1937 г., нам неизвестно.
265. ЦХАФАК. Ф. П-5762. Оп.1. Д.3. Л.73.
266. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С.125; *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА... С.275; АУВД по Самарской обл. ЛД А.С. Ройтгеринга (сведения М.А. Тумшиса).
267. ГАНО. Ф.315. Оп.1. Д.232. Л.7; ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-10787; *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. – М., 1992. С.165.
268. ЦДНИОО. Ф.4. Оп.6. Д.6. Л.292, 155; ГАНО. Ф. П-460. Оп.1. Д.1. Л.142. Д.6. Л.15.

269. ГАНО. Ф.П-3. Оп.15. Д.11250. Л.4; Ф.П-4. Оп.18. Д.7784. Л.5 об.
270. *Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В.* Двести лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. – Томск, 2002.
271. ГАНО. Ф.П-3. Оп.5. Д.300. Л.157; *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.176.
272. *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма... С.227; ЦДНИТО. Ф.341. Оп.1. Д.53. Л.35.
273. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.242–243; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.281. Л.113.
274. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.78; Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ... С.567–569.
275. ЦХАФАК. Ф.П-5762. Оп.1. Д.3. Л.26. Плохая работа вспомогательных служб постоянно вызывала претензии чекистов. Весной 1938 г. партком УНКВД НСО отметил, что строительство детских яслей Стройотделом управления «проведено явно вредительски и детские ясли не отвечают никаким требованиям по обслуживанию детей», предложив привлечь виновных к суду. В начале 1941 г. чекисты критиковали плохую работу пошивочной мастерской. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.145; Д.17. Л.51.
276. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.15. Л.68; Д.17. Л.51.
277. *Яковенко М.М.* Агнесса... С.83; ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.15. Л.1.
278. Откровенно о многом... Улан-Удэ, 2003. С.142; История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.193.
279. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.18. Л.254.
280. Там же. Л.52. Д.138. Л.64; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.186.
281. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.181.
282. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.10. Л.168; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.99; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.273.
283. История сталинского Гулага... Т. 2. Карательная система: структура и кадры. – М., 2004. С.169.
284. *Павлова И.В.* Механизм власти и строительство сталинского социализма... С.233; *Яковенко М.М.* Агнесса... С.85–86; *Вепрев О.В., Люттов В.В.* Государственная безопасность... С.303.
285. *Хлевнюк О.В.* 1937-й... С.165; ГАНО. Ф.460. Оп.1. Д.1. Л.23; Д.2. Л.130.
286. Расстрельные списки. Москва, 1937–1941. «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. – М., 2000. С.499.
287. ГАНО. Ф.47. Оп.1. Д.1224. Л.251.
288. ЦДНИТО. Ф.341. Оп.1. Д.53. Л.35; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.169. Л.184.
289. *Золотарьев В.А.* Олександр Успенский... С.8–9; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.1. Л.124.
290. Этноконфессия в советском государстве... С.379, 383.
291. Революцией призваны: Документальные повести и очерки о чекистах Алтая. – Барнаул, 1987. С.4; *Гришаев В.Ф.* «За чистую советскую власть...» Барнаул, 2001; Крестьянские восстания в Забайкалье (1930–1931 гг.). – Чита, 1996. С.49–50; *Буцуев В.М.* Грани. Чекисты Красноярья от ВЧК до ФСБ. – Красноярск, 2000. С.89.
292. Комсомолец Забайкалья (Чита). 1966, 4 мая; *Панков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.262.
293. *Ефремов И.* Крестьянские восстания в Иркутской области и Красноярском крае как ответ на коллективизацию сельского хозяйства. <http://search.stipendiat.memo.ru/schools/>

- spring2006/efremov.html.ru; Управлению Федеральной службы безопасности России по Алтайскому краю 80 лет. – Барнаул, 1999. С.13–14; Ленинская правда (Ханты-Мансийск). 1971, 27 июля.
294. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.175. Л.146.
295. Советский Север (орган Тунгокоченского РК КПСС Читинской обл.). 1987, 11 июля; ГАКО. Ф.П-26. Оп.3. Д.100. Л.140.
296. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). – Жуковский–М., 2006. С.203; *Абаринов А., Хиллинг Г.* Киевский период жизни Макаренко... С.184.
297. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.125; Д.281. Л.145.
298. Там же. Д.5. Л.50; Д.8. Л.15, 168, 178.
299. ЦДНИТО. Ф.3790. Оп.1. Д.3. Л.75.
300. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.326. Л.63; Ф.911. Оп.1. Д.482. Л.28.
301. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.2277. Л.65; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.662. Л.52.
302. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.354. Л.228; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.639. Л.95–96.
303. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.110; Д.1. Л.142; ГАКО. Ф.П-15. Оп.8. Д.5. Л.39–40.
304. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.48.
305. *Панков С.А.* Сталинский террор в Сибири... С.196; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.123. Л.22–25.
306. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.326. Л.37; Д.225. Л.33, 34.
307. Там же. Ф.П-4. Оп.34. Д.75. Л.239; Ф.911. Оп.1. Д.404. Л.90.
308. АУФСБ по НСО. Д.П-4421. Т.5. Л.422–423; *Золотарёв В.А.* Особенности работы УНКВД по Харьковской области во время проведения массовой операции согласно приказа НКВД СССР №00447 в 1937 г. //Сталинизм в советской провинции 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. Сост. Р. Биннер, Б. Бонвеч, М. Юнге. – М., 2008 (в печати).
309. *Александров А., Томилев В.* Два ленских расстрела //Восточно-Сибирская правда (Иркутск). 1996, 28 мая.
310. *Яковлев А.Н.* Сумерки. – М., 2003. С.124; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.217.
311. *Вепрев О.В., Люттов В.В.* Государственная безопасность... С.251; *Бирюков А.М.* Колымские истории... С.63.
312. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.182; ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.725. Л.288; Д.729. Л.64; Ф.911. Оп.1. Д.275. Л.142.
313. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.266; ГАНО. Ф.П-7. Оп.1. Д.13. Л.142; Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.1–9.
314. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.174; *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.182.
315. ГАНО. Ф.П-3. Оп.10. Д.880. Л.451; Оп.11. Д.648. Л.985; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.21.
316. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.745. Л.47.
317. ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.3183. Л.4 об.; Д.8556. Л.4; Д.9434. Л.5.
318. См. АУФСБ по НСО. Д.П-3853. Л.73; Д.П-2553. Л.24; ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.11279.
319. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.417. Л.41; ГАКО. Ф.П-15. Оп.7. Д.240. Л.94.
320. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.18. Л.52; Д.8. Л.126.
321. Советская Сибирь. 1933, 18 дек. С.4; АУФСБ по НСО. Д.П-2553. Л.114; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.114.
322. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.29; Ф.911. Оп.1. Д.394. Л.40 об.; РГАСПИ. Ф.17. Регбланк партбилета В.Г. Трындина № 2134987; АУФСБ по НСО. Д.П-4742. Л.252.

323. История сталинского Гулага... Т.2... С.173.
324. Красное знамя (Томск). 1934, 22 мая. С.4; Власть труда (Минусинск). 1936, 8 сент.
325. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.11, 46; Д.281. Л.134.
326. Там же. Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.44; Ф.П-1204. Оп.1. Д.104. Л.10. Л.27.
327. Там же. Ф.911. Оп.1. Д.5. Л.89; Д.8. Л.169; Д.201. Л.407.
328. *Шаповал Ю.И., Золотарёв В.А.* Всеволод Балицкий... С.513.
329. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.242.
330. ЦДНИТО. Ф.3791. Оп.1. Д.21. Л.67; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.18. Л.254.
331. Новосибирские новости. 1995, № 19. 1 апр. С.27.
332. АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.143.
333. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.33.
334. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.242; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.31; *Абаринов А., Хиллинг Г.* Киевский период жизни Макаренко... С.184.
335. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.138. Л.44; Ф.П-460. Оп.1. Д.2. Л.185; Д.17. Л.111.
336. Там же. Ф.П-6. Оп.1. Д.944. Л.3; Ф.911. Оп.1. Д.201. Л.160, 320, 498; Д.285. Л.96.
337. *Вепрев О.В., Люттов В.В.* Государственная безопасность... С.302; АУФСБ по НСО. Д.П-3738. Л.76.
338. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.248; ГАНО. Ф.П-3. Оп.7. Д.609. Л.393; Ф.П-53. Оп.1. Д.163. Л.21.
339. *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри... С.23; АУФСБ по НСО. Д.П-3715. Материалы доп. проверки по делу В.М. Шишковского. Л.18.
340. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.243.
341. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.243; *Вепрев О.В., Люттов В.В.* Государственная безопасность... С.268.
342. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.861. Л.108–109; ЦДНИТО. Ф.206. Оп.1. Д.46. Л.70; Д.300. Л.22.
343. *Шаповал Ю.И., Золотарёв В.А.* Всеволод Балицкий... С.310.
344. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.391. Л.186; *Шенталинский В.* Расстрельные ночи //Звезда. 2007, № 4.
345. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.78.
346. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.22. Л.36 об.; Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.31.
347. См. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С.121.
348. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.140. Л.72; АУФСБ по НСО. Д.П-10015. Л.104.
349. ЦХИДНИКК. Ф.17. Оп.1. Д.424. Л.159.
350. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.18. Л.254.
351. *Шрейдер М.П.* НКВД изнутри... С.15, 65; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.1574. Л.21.
352. ГАНО. Ф.20. Оп.2. Д.196. Л.402; ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.1. Л.8, 10.
353. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.535. Л.97; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.626. Л.52–53.
354. См. *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут. Хроника времён культа личности. – М., 1990. С.56, 57; *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.263.
355. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.115. Л.7; АУФСБ по НСО. Д.П-5931. Л.117.
356. *Бедин В., Кушикова М., Тозулев В.* Кузнецкстрой в архивных документах. – Кемерово, 1998. С.155–156; ЦДНИТО. Ф.356. Оп.1. Д.4. Л.52 об.; Нарымская хроника 1930–1945... С.51.
357. АУФСБ по НСО. Д.П-8918. Л.395; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.67; ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.913. Л.76–77.
358. ЦХАФАК. Ф.П-10. Оп.19. Д.50. Л.77; Оп.20. Д.129. Л.26; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.224. Л.162; ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.955. Л.6 об.
359. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.551. Л.69; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.160, 164.

360. *Бедин В., Кушникова М., Тогулев В.* Кузнецкстрой... С.112; ЦДНИТО. Ф.3790. Оп.1. Д.3. Л.2–4.
361. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.201. Л.611–612; Ф.П-29. Оп.1. Д.331. Л.292; Д.373. Л.302.
362. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.243; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.22. Л.35.
- Поскольку Каруцкий продолжал пьянствовать всё сильнее, то осенью 1937 г. Ежов и Фриновский его вызвали из Смоленска в Москву и фиктивно арестовали. Подержав комиссара ГБ несколько дней в камере, его вызвали на допрос к наркому, где Каруцкий был уже готов признаться в любой заговорщицкой деятельности. А Ежов, посмеиваясь, объявил, что от Каруцкого требуется только одно – не пить. И тот некоторое время держался, за счёт чего был вскоре выдвинут на должности замначальника СПО ГУГБ НКВД и начальника УНКВД по Московской области. *Павлюков А.Е.* Ежов... С.432.
363. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.33.
364. Там же. Ф.П-1204. Оп.1. Д.104. Л.26 об.
365. Там же. Ф.П-460. Оп.1. Д.13. Л.93; *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.266, 292; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.17. Л.85.
366. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.21.
367. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т. 1. Л.5; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.68–71.
368. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.67–68; Д.7. Л.19, 24; ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1985. Л.18.
369. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.258.
370. ГАНО. Ф.П-7. Оп.1. Д.13. Л.170–171; *Шекшеев А.П.* Гражданская смута на Енисее... С.358.
371. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.264; ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.611. Л.12, 35; ТОЦДНИ. Ф.23. Оп.1. Д.9. Л.69.
372. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.111, 167; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.150. Л.134; ГАНО. Ф.П-175. Оп.1. Д.143. Л.56 об., 58.
373. ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.9. Л.132; Д.15. Л.31.
374. ЦХАФАК. Ф.П-5762. Оп.1. Д.1. Л.12; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.281. Л.233.
375. ТОЦДНИ. Ф.23. Оп.1. Д.9. Л.126.
376. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.416. Л.103; Д.580. Л.34; АУВД Самарской обл. Пенсионное дело № 2990 на Дранникова М. Е (сведения М.А. Тумшиса).
377. ТОЦДНИ. Ф.23. Оп.1. Д.99. Л.3–4.
378. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.85; ЦХАФАК. Ф.П-2521. Оп.1. Д.1. Л.10–16; Ф.834. Оп.5. Д.3. Л.76.
379. ЦДНИОО. Ф.14. Оп.3. Д.99. Л.86; Ф.17. Оп.1. Д.1903. Л.52–53; Д.2186. Л.27; ТОЦДНИ. Ф.7. Оп.1. Д.887. Л.9–10.
380. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.1948. Л.37; Д.2239. Л.16; ТОЦДНИ. Ф.7. Оп.1. Д.887. Л.9, 210.
381. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.362. Л.18.
382. ЦДНИТО. Ф.537. Оп.1. Д.10. Л.83; Нарымская хроника 1930–1945... С.172.
383. АУФСБ по НСО. Д.П-4436. Т.2. Л.227.
384. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.504. Л.4.
385. См. Берия. Конец карьеры. – М., 1991; *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... и др.
386. *Агабеков Г.* Секретный террор: Записки разведчика. – М., 1996. С.10, 13; *Шрейдер М.П.* Воспоминания чекиста-оперативника... С.75; *Яковенко М.М.* Агнесса... С.55, 112.

387. РГАНИ. Ф.6. Оп.3. Д.540. Л.28–29; Сведения Красноярского «Мемориала».
388. История сталинского Гулага... Т.1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.341; *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий... С.332.
389. *Тумшис М.А.* Ещё раз о кадрах чекистов 30-х годов //Вопросы истории. 1993. № 6. С.191; *Шаповал Ю.И., Золотарьев В.А.* Всеволод Балицкий... С.268, 337; *Яковенко М.М.* Агнесса... С.55.
390. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.264.
391. Например, уважаемая М.О. Чудакова в статье «В защиту двойных стандартов» (Новое литературное обозрение. № 74) пытается опровергнуть достоверность сведений, опубликованных в: *Бобренев В.А., Рязанцев В.Б.* Палачи и жертвы. – М., 1993. С.364–366 (показания Гописуа ошибочно отнесены вместо 1937 к 1938 г.).
392. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.415. Л.92; Оп.2. Д.501. Л.70 об.
- Ежов, характеризуя Бокия в июне 1937 г., сказал, что это «человек, скатившийся в клоаку самого отвратительного извращения, садист». При этом сам Ежов был выраженным садистом и отличался крайней развращённостью. *Петров Н., Янсен М.* «Сталинский питомец»... С.299, 218.
393. ГАНО. Ф.47. Оп.5. Д.161. Л.169–170; *Ефремов М.А.* 80 лет тайны... С.241.
394. ЦДНИТО. Ф.206. Оп.1. Д.47. Л.41.
395. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.278; ГАНО. Ф.П-4. Оп.18. Д.2772. Л.22; Ф.П-82. Оп.1. Д.382. Л.104.
396. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956. – М., 2005. С.535; ГАНО. Ф.П-3. Оп.33. Д.358. Л.79–81; Д.359. Л.61–63; Д.361. Л.65.
397. ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.15. Л.171; Ф.П-460. Оп.1. Д.125. Л.21.
398. АУФСБ по НСО. Д.3282; ЦДНИТО. Ф.206. Оп.1. Д.281. Л.39; Д.392. Л.121–122; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.842. Л.130.
399. ГАНО. Ф.П-44. Оп.1. Д.279. Л.242; Ф.П-460. Оп.1. Д.6. Л.24.
400. ЦХАФАК. Ф.П-5762. Оп.1. Д.4. Л.66; Д.8. Л.41.
401. ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.610. Л.127–128.
402. *Аллилуев В.Ф.* Аллилуевы – Сталин... С.92; ГАНО. Ф.П-1204. Оп.1. Д.11. Л.30.
403. ГАНО. Ф.П-7. Оп.1. Д.13. Л.163; Ф.П-1204. Оп.1. Д.14. Л.149; Д.10. Л.6, 7.
404. ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.582. Л.318; Оп.3. Д.98. Л.35–36; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.350. Л.285; Оп.18. Д.19. Л.145–146.
405. ГАКО. Ф.П-26. Оп.3. Д.102. Л.47; Д.110. Л.112; ГАНО. Ф.П-30. Оп.1. Д.147. Л.99–100.
406. *Тепляков А.Г.* Институт заместителей начальников политотделов по работе ОГПУ... С.182; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.278. Л.155.
407. ЦДНИТО. Ф.206. Оп.1. Д.213. Л.195–196; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.654. Л.185; ТОЦДНИ. Ф.7. Оп.1. Д.757. Л.69; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.482. Л.63–64.
408. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.75; ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.608. Л.283–284; Ф.17. Оп.1. Д.2193. Л.19.
409. ЦДНИОО. Ф.18. Оп.2. Д.12. Л.413–414; ГАНО. Ф.П-7. Оп.1. Д.13. Л.17.
410. Спецпереселенцы в Западной Сибири 1930–1933. Вып. 2. – Новосибирск, 1993. С.217; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.428. Л.127.
411. ЦДНИОО. Ф.14. Оп.2. Д.593. Л.92.
412. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.264.
413. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм... С.119; АУФСБ по НСО. Д.П-379. Л.45.
414. ЦХАФАК. Ф.П-10. Оп.22. Д.4. Л.315; *Тепляков А.Г.* Портреты сибирских чекистов... С.99; ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.29.

415. ЦДНИТО. Ф.77. Оп.1. Д.236. Л.629; Ф.341. Оп.1. Д.13. Л.34.
 416. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.5. Л.47; *Бедин В., Кушникова М., Тогоуев В.* Кузнецкстрой... С.123, 162.
 417. ГАНО. Ф.П-460. Оп.1. Д.7. Л.28; ГАКО. Ф.П-107. Оп.1. Д.586. Л.148–149.
 418. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.111–113; *Игнатова Е.* Записки о Петербурге. – СПб., 2003. С.448–449.
 419. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.307. Л.8.
 420. Берия. Конец карьеры... С.300, 317.
 421. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.338. Л.95; ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.22.
 422. АУФСБ по НСО. Д.П-4421. Т.5. Л.531.
 423. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д. П-10787. Л.163; *Гришаев В.Ф.* Реабилитированы посмертно... С.99; АУФСБ по НСО. Д.П-6681. Т.3. Л.286.
 424. АУФСБ по НСО. Д.П-5425. Т.2. В связи с этим позднейшие воспоминания дочери Тракмана Э.М. Глазуновой, использованные И.В. Павловой для обоснования тезиса о скромном быте Эйхе и его окружения (см. *Павлова И.В.* Роберт Эйхе // Вопросы истории. 2001. № 1. С.82), не могут считаться объективным источником.
 425. АУФСБ по НСО. Д.П-872. Т.1. Л.57–59; ГАНО. Ф.П-4. Оп.34. Д.74. Л.166–169.
 426. АУФСБ по НСО. Д.П-3659. Л.163; Д.П-4436. Т.2. Л.308.
 427. *Тепляков А.Г.* Процедура... С.69.
 428. Пичурин Л. Последние дни Николая Клюева... С.73; *Тепляков А.* Вениамин Вегман: материалы к биографии // Сибирские огни. 2007. № 4. С.174; АУФСБ по НСО. Д.П-3590. Т. 4.
 429. ОСД УАДААК. Ф.Р-2. Оп.7. Д.П-11776. Т. 1. Л.64, 66.
 430. История сталинского Гулага... Т. 1. Массовые репрессии в СССР. – М., 2004. С.318; *Кузнецов И.Н.* Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае. – Томск, 1991. С.221–223.
 431. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.722. Л.80.
 432. ГАЧО. Ф.П-3. Оп.1. Д.80. Л.29; Д.196. Л.22; Д.616. Л.133–134; *Тепляков А.Г.* Процедура... С.69.
 433. *Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»... С.55–58, 85–86, 111–113, 245, 248; *Золотарьов В.А.* Секретно-політичний відділ ДПУ УССР... С.118.
 434. ГА УСБУ Черниговской области. Д.ФП-17740. Т. 1. Л.64–66.
 435. РГАНИ. Ф.6. Оп.3. Д.393. Л.111.
 436. *Млечин Л.* Служба внешней разведки. – М., 2004. С.499.
 437. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.1282. Л.39 об. – 40; Оп.3. Д.589. Л.32 об.
 438. Там же. Оп.2. Д.386. Л.1; Д.909. Л.29; Д.718. Л.144 об.
 439. Там же. Оп.1. Д.174. Л.213; Д.142. Л.34.
 440. *Ляушин В.П.* К вопросу о коррупции в правоохранительных органах на Обском Севере в 20–40-х годах // Словцовские чтения–2000. Тезисы докладов и сообщений научно-практич. конференции. – Тюмень, 2000. С.167–168.
 441. *Аллилуев В.Ф.* Аллилуевы – Сталин... С.92, 94; РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.93. Л.119; *Яковенко М.М.* Агнесса... С.55.
 442. *Красильников С.А.* Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. – М., 2003. С.238.
 443. См. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.8. Л.112–113; Ф.П-460. Оп.1. Д.1. Л.15.
 444. Там же. Ф.П-1204. Оп.1. Д.8. Л.25; Д.11. Л.16; Д.10. Л.34.
 445. ТОЦДНИ. Ф.23. Оп.1. Д.9. Л.82, 129–130; ГАНО. Ф.П-3. Оп.1. Д.743. Л.137; Оп.15. Д.22; Ф.П-22. Оп.1. Д.79. Л.97. 221; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.387. Л.33.
 446. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.311. Л.115; ЦДНИОО. Ф.17. Оп.1. Д.744. Л.9.

447. РГАСПИ. Ф.17. Оп.22. Д.1456; РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.943. Л.26.
 448. См. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.1648. Л.51.
 449. ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.1. Д.350. Л.285, 318; ГАНО. Ф.П-4. Оп.33. Д.164. Л.81.
 450. РГАНИ. Ф.6. Оп.1. Д.151. Л.38; *Шекшеев А.П.* Гражданская смута на Енисее... С.206.
 451. АУФСБ по НСО. Д.П-4421. Т.5. Л.111–112.
 452. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.1401. Л.157 об.; Д.913. Л.58.
 453. *Жуковский В.С.* Лубянская империя НКВД. 1937–1939. – М., 2001. С.287.
 454. См. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.1819. Л.22; Оп.3. Д.13. Л.125; Д.381. Л.170–171; ГАКО. Ф.П-75. Оп.2. Д.343. Л.209; Д.349. Л.43; Ф.П-127. Оп.2. Д.37. Л.111, 112.
 455. *Тепляков А.Г.* Персонал и повседневность Новосибирского УНКВД... С.266; ЦХАФАК. Ф.П-1. Оп.18. Д.15. Л.76–77.
 456. *Мозохин О.Б.* Роль органов госбезопасности в экономической системе СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 4. – М., 2008. С.100.
 457. РГАНИ. Ф.6. Оп.2. Д.281. Л.22; Д.446. Л.86; АУФСБ по НСО. Д.П-3593. Т. 2. Л.202–204; ГАНО. Ф.П-44. Оп.1. Д.330. Л.360; ЦДНИТО. Ф.80. Оп.1. Д.958. Л.29.
 458. ГАНО. Ф.911. Оп.1. Д.192. Л.295; АУФСБ по НСО. Д.П-1213. Л.50.
 Тем не менее во внешней среде термин считался крамольным: в 1933 г. Р.В. Иванов-Разумник «встретил в Москве, в Лубянской империи, человека, арестованного за то, что он сказал на улице: “А вот и чёрный ворон едет”. Очевидно, термин этот не является официально утверждённым». *Иванов-Разумник Р.В.* Тюрьмы и ссылки... С.90.
 459. АУФСБ по НСО. Д.П-8213. Л.395; Д.П-2743. Л.242.
 460. *Комаров А.* Исполнитель. О праздниках и буднях обыкновенного палача // Труд. 1992. 6 авг. С.2; АУФСБ по НСО. Д.П-872. Т.1. Л.73.

ЗАКЛУЧЕНИЕ

30-е годы были периодом максимального могущества органов госбезопасности, когда они целиком превратились в личную политическую полицию Сталина. Деятельность территориально крупнейшего – сибирского – аппарата ОГПУ-НКВД была значительной частью работы всей карательной системы страны. На территории Сибири располагались не только крупные по численности аппараты «органов», но также были организованы огромные концентрационные лагеря и разветвлённая система спецпоселений для «раскулаченных» крестьян и потоков национальной ссылки. В этом проявилось сходство Сибири с северным, казахстанским, уральским и дальневосточным регионами.

Органы ОГПУ-НКВД Сибири с осени 1929 по весну 1941 г. прошли путь от относительно немногочисленной структуры, слабо представленной на районном уровне, до огромного и разветвлённого аппарата, опиравшегося на тысячи низовых оперативных работников районных органов НКВД и станционных пунктов, а также лагерей и спецпоселений. Для 30-х годов были характерны многочисленные структурные реформы ОГПУ-НКВД, в ходе которых создавались новые, всё более специализированные подразделения, возникали различные чекистские специализации – начальники райотделов, заместители начальников политотделов МТС и совхозов по работе ОГПУ-НКВД, начальники лагпунктов, комманданты спецпоселений и пунктов «Заготзерно».

Изменения в структуре и функциях чекистских подразделений диктовались политическими решениями верхов и прямо зависели от колебаний репрессивной политики. Для нанесения террористических ударов создавались особо крупные отделы центрального и местного аппаратов ОГПУ-НКВД; вместе с тем увеличение и усложнение объектов чекистского наблюдения и «обслуживания» диктовали потребность в дроблении аппарата и выделении узкоспециализированных подразделений.

В течение 30-х годов органы госбезопасности постоянно вбирали в себя всё новые структуры: от милиции, пожарной охраны и спецпосе-

лений до ЗАГСов и архивов. В этом отчётливо выражалось повышение статуса «органов», которые благодаря системе ГУЛАГа превратились в один из важнейших народнохозяйственных наркоматов. В книге даётся оценка деятельности районных отделений «органов», прослежены изменения в формировании и функционировании такой специфической территориальной единицы, как оперативные секторы ОГПУ-НКВД, показана значительная роль вспомогательных чекистских структур в осуществлении репрессий. За 30-е годы численность «органов» выросла примерно втрое, что позволило сформировать очень разветвлённый осведомительно-карательный аппарат на местах – в райотделах ОГПУ-НКВД, лагерях, спецпоселениях. Однако, несмотря на жёстко централизованный и военизированный принцип управления, органы ОГПУ-НКВД в силу своей громоздкости, а также некомпетентности и криминализированности кадрового состава являлись рыхлой и плохо управляемой структурой.

Всесторонне рассмотрен вопрос о такой секретной стороне деятельности органов ОГПУ-НКВД, как агентурная работа. При этом сделан упор на показ провокационной работы агентов по заданиям чекистов-кураторов, широкого использования внутрикамерной агентуры, постоянных репрессий в отношении самих сексотов. Очерчена деятельность учётно-архивных служб и спецотделов предприятий в контексте общей оперативной работы «органов», показаны феномен советского «тюремного дела», специфика тюремных кадров и условий содержания заключённых.

На протяжении 30-х годов происходили бурные изменения кадрового состава «органов»: резкий количественный рост, смена элит, приток партийно-комсомольского актива на руководящие должности. Особенностью кадровой истории «органов» 30-х годов были постоянные чистки и репрессии. Они являлись следствием не только обострённого внимания к политической лояльности сотрудников госбезопасности, но и экстремально высоким, в силу порочных кадровых подходов, уровнем преступности в чекистской среде. В этом отношении органы ОГПУ-НКВД мало отличались от крайне криминализированных чекистских структур 20-х годов. Тем не менее, ни партийные чистки первой половины и середины 30-х годов, ни широкие репрессии второй половины 30-х не смогли принципиально изменить пренебрежительного отношения чекистов, традиционно ощущавших свою безнаказанность, к соблюдению норм законности и элементарной морали.

Хотя в конце 30-х годов старых чекистов в основном сменили молодые партийные чиновники, психология чекистов не изменилась. Поэто-

му на всём протяжении истории «органов» их кадры вполне соответствовали главным критериям – политической лояльности и готовности выполнить любое поручение властей. Характерная черта для 20-х годов, что для последующих десятилетий опора на чем-либо скомпрометированных чекистов позволяла легко манипулировать сотрудниками госбезопасности и заставлять их выполнять преступные приказы.

В 30-е годы органы безопасности имели очень внушительную подсобную сеть учреждений: милицию, аппарат народных следователей в сельских районах, активно вылавливавших «анекдотчиков» и «частушечников», секретные отделы на предприятиях и в учреждениях, составлявшие списки неблагонадежных, Союз воинствующих безбожников, ветеранов «органов», не порывавших связи с НКВД и периодически привлекавшихся к различным поручениям. Профсоюзные и комсомольские комитеты очень часто становились местами вербовки агентуры, а сами профсоюзно-комсомольские активисты и политруки РККА и флота были нередко конспиративными сотрудниками госбезопасности. Партийно-комсомольский актив в случае нужды мобилизовывался для массовых арестов, охраны и конвоирования арестантов, а подчас – для допросов и даже расстрелов осуждённых. Таким образом, вокруг «органов» имелась внушительная подсобная инфраструктура, значительно повышавшая эффективность политического сыска.

Агентурно-оперативная деятельность ОГПУ-НКВД опиралась на методы периода ВЧК, развивая их как в количественном, так и в качественном отношении. Рост числа оперативных работников позволял наращивать и массовость агентуры, которую вербовали – как правило, с помощью принуждения – во всех слоях общества. Наиболее активные агенты выдвигались на должности резидентов и нередко становились штатными сотрудниками «органов». Основная часть негласных помощников являлась рядовыми осведомителями, которые зачастую всеми мерами старались уклониться от реального сотрудничества с чекистами. Несмотря на огромную текучесть агентурной сети, её ежегодная численность составляла сотни тысяч человек, что было вполне достаточно для подробного осведомления на всех уровнях. В районах значительная часть начальства и специалистов выполняла тайные поручения «органов», нередко являясь резидентами и спецагентами.

Опорой сотрудников ОГПУ-НКВД были квалифицированные агенты, с помощью которых осуществлялось руководство рядовым осведомлением, проводились многочисленные провокационные комбинации и фабриковались уголовные дела. Спецификой чекистского подхода к своим

негласным помощникам было, как и в 20-е годы, частое уничтожение сделавших своё дело агентов как «заговорщиков» вместе с их жертвами, что позволяло сохранить в тайне оперативно-следственные мероприятия по фабрикации доказательств вины тех или иных «политических преступников».

Важнейшим подспорьем для работы ОГПУ-НКВД была деятельность учётно-архивных служб, занимавшихся сбором компрометирующих данных на лиц, подозревавшихся в нелояльности. Эти сведения накапливались в досье, служа материалом для многочисленных агентурных разработок в отношении как отдельных личностей, так и больших групп. Важную подсобную роль в чекистской работе играла система спецотделов, распространившаяся в 30-е годы на все сколько-нибудь значимые предприятия и поставлявшая «органам» огромное количество компрометирующих данных на граждан.

ОГПУ-НКВД применяли масштабное цензурирование переписки, прослушивание помещений и телефонных разговоров, причем нелояльные к власти высказывания, зафиксированные перлюстрацией и техникой, становились поводом к началу агентурных разработок. Наружное наблюдение, обыски и аресты (в т. ч. тайные), будучи традиционными методами в арсеналах спецслужб, советской политической полицией применялись в больших масштабах, давая возможность получения различных сведений и прямых улик.

Характерным явлением являлось многолетнее отсутствие в структуре ОГПУ-НКВД собственно следовательских отделов. В результате следствие велось теми же лицами, которые добывали и агентурный материал, а затем с помощью грубого нажима на арестованного добывались его признаний. В тюрьмах происходило как разрушение личности под давлением внутрикамерной агентуры, уговаривавшей сделать признание, так и физическое уничтожение приговорённых силами тюремного персонала и оперработников. Для операций по исполнению смертных приговоров характерно частое применение физического и сексуального насилия над осуждёнными, замена расстрелов исключительно жестокими убийствами с помощью душений и т. п.

Формы и методы агентурно-оперативной работы 30-х годов отражали суть карательной политики и практики органов безопасности, требовавших массовых арестов и уничтожения «враждебных элементов». Применение преступных методов в агентурно-следственной работе и тюремном содержании обусловили крайнюю жестокость и массовость советских репрессий.

Сибирь была одной из самых беспокойных территорий, где вооружённое сопротивление режиму фиксировалось с 1920-х по 1934 г., прорываясь вспышками крупных крестьянских и национальных восстаний. Соответственно, жестокость репрессий проявлялась здесь в очень сильной, подчас рекордной степени. Отличавшиеся высоким уровнем народного сопротивления Северный Кавказ, ДВК, Украина, Урал также являлись регионами с крайне жестокой репрессивной политикой, определявшейся как давлением верхов, так и личностными качествами местных чекистских и партийных руководителей.

Разоблачение антиправительственной деятельности было основным элементом работы «органов», которое требовалось как чекистскими, так и партийно-советскими чиновниками. Однако на местах многие чекисты видели отсутствие какой-либо «вражеской» деятельности, из-за чего происходило фактическое ослабление требуемой репрессивной работы, подменявшееся борьбой с общеуголовной преступностью. Масштабы репрессий в районах, где чекисты исповедовали карьеристские принципы, и там, где карательной активности не было, могли отличаться очень сильно. Это логично для громоздкой и закрытой бюрократической системы, которая приводится в движение тайными распоряжениями и слабо контролируется, причём почти исключительно ведомственным образом.

Варившиеся в собственном соку, малограмотные и криминализованные, чекистские коллективы не были свободны от разложения, особенно в отдалённых районах, что вело к запущенности учёта враждебных элементов, ослаблению агентурной работы и объективно на какое-то время (до «наведения порядка») ослабляло репрессии. Карательная активность карьеристов сталкивалась с пьяным равнодушием многих рядовых оперативников, пропускавших «сигналы» осведомительной сети о тех или иных «врагах», «саботажниках», недовольных властью и тем самым упускавших возможность сфабриковать то или иное «перспективное» дело.

В работе чекистов наблюдались волнообразные приступы истребления врагов, соответствовавшие решениям партийной верхушки. Для репрессий 30-х годов характерны так называемые «массовые операции», выступавшие средством силового «совершенствования» общества, избавляемого от любых несогласных и потенциально опасных – от инакомыслящих до уголовников и выпавших из социума бродяг. Наиболее характерными террористическими акциями в период до «Большого террора» являются кампании истребления «кулаков» и «бывших» в 1930–1931 гг. и 1933 г., а также масштабные репрессии против держателей

ценностей и «социально-вредного элемента». Массовость и жестокость репрессий первой половины 30-х годов в Сибири были значительно выше, чем в остальных регионах. Та же тенденция характерна и для 1937–1938 гг. Это было следствием отношения центральных властей к Сибири как неблагонадёжному региону с большой повстанческой активностью, «кулацкой» ссылкой, наличием большого числа представителей «инонациональностей», в силу чего в регионе процветали такие руководители ОГПУ-НКВД, которые были готовы в карьеристских целях всемерно усиливать размах репрессий.

Общее число арестованных по ст. 58 УК РСФСР в Сибири за период 30-х годов должно быть не менее 300 тыс. чел, причём только за 1937–1938 гг. был расстрелян примерно 1 % жителей, а в пересчёте на взрослое мужское население – до 4 %. Но среди жертв режима также следует учитывать «раскулаченных» и сосланных, репрессированных внесудебным порядком по ст. 35 УК как «социально-опасный элемент» (бывших политзаключённых и их родственников, ссыльных и т. д.), лиц, отправленных в лагеря в ходе «валютных операций» за хранение и несдачу ценностей. Нельзя не учитывать среди пострадавших и лиц, получивших жестокие наказания за мелкие хищения в колхозах и на производстве, мелкую спекуляцию, неуплату непосильных налогов, халатность и недобросовестность в период хозяйственно-политических кампаний, а также жертв указов 1940 г. об ужесточении наказаний за нарушения трудовой и производственной дисциплины. В связи с этим количество необоснованно осуждённых к расстрелу, заключению и ссылке в Сибирском регионе с осени 1929 по весну 1941 г. должно составить значительно более 1 млн чел., из которых в тюрьмах, лагерях и ссылке погибло не менее 250 тыс. чел. Эта цена, которую Сибирь заплатила за «социалистические» преобразования 30-х годов.

Репрессии, ликвидировавшие активную часть общества, дали необходимый эффект подчинения, но стали основной причиной массового коллаборационизма в годы войны, вызвали множество долговременных национальных конфликтов, прорвавшихся в другую эпоху. Эпоха чисток сформировала уродливый социум с перевёрнутыми моральными принципами и лишённый подлинной элиты.

Очевидна связь массовых репрессий, повышения численности и статуса «органов», их попыток действовать независимо от парткомов, с периодом гражданской войны, который заключал в себе те особенности карательной машины, которые были вынужденно редуцированы в годы нэпа, и вновь во всей силе проявили себя, начиная с «великого перелома».

30-е годы – это апофеоз ОГПУ-НКВД, период публичного признания их великих заслуг, постоянных награждений, публикаций чекистских докладов, брошюр и книг, мелькания портретов, здравниц и торжественных од.

Партийные и чекистские органы находились в сложном симбиозе, который отнюдь не исключал острого противоборства функционеров ВКП(б) с ОГПУ-НКВД. Партийные структуры обычно демонстрировали своё главенство над тайной полицией, руководили «органами», доводили до них последние политические решения, требовали участия в хозяйственно-политических кампаниях, санкционировали кадровые перемещения, заботились о пополнении. Руководящие работники ОГПУ-НКВД входили в состав бюро районных, городских и областных парткомов, являлись депутатами Советов. Они информировали верхи по самому широкому кругу вопросов, часто не ограничиваясь передачей собранных сведений, но предлагая своё видение проблем и их решений.

Опора на широкую агентуру, в т.ч. и среди номенклатуры высокого уровня, секретность деятельности их «непроницаемых недр», подчинение предельно узкому кругу партийных верхов давали органам ОГПУ-НКВД большую незримую власть, которая особенно возрастала в моменты политических обострений и массовых террористических кампаний. Партийная власть всё время сталкивалась с проявлениями значительной чекистской самостоятельности, и не всегда была в состоянии полностью контролировать огромный и разветвлённый аппарат ОГПУ-НКВД. Также важно подчеркнуть, что влияние «органов» не ограничивалось только лишь территорией СССР.

До сих пор живуч сформированный в самой среде «органов» миф о «честных чекистах», которые якобы составляли большинство кадров, тормозили репрессии и с неохотой участвовали в карательных акциях. На деле чекисты были конформистски настроенным коллективом, из которого инакомыслящие быстро изгонялись. От всех чекистов требовалось прежде всего разоблачение, аресты и проведение следствия в отношении «враждебных элементов», причём упор делался на количественные показатели вскрытых «организаций» и «заговоров».

Чекисты ощущали себя особенной кастой, наделённой тайными правами, и это очень многое определяло в их психологии, основные черты которой сложились ещё в первом поколении чекистов. Психология чекистов, основанная на тезисе «цель оправдывает средства», подстраивалась под требования тоталитарной системы и полностью им соответствовала. ОГПУ-НКВД были закрытой военной организацией со своими жизненными правилами, обычаями, жаргоном. Преступные методы че-

кистской работы и фактическая безнаказанность не могли не сказаться на моральном уровне сотрудников тайной полиции.

В течение всей советской истории для органов госбезопасности был характерен примат ведомственных принципов над интересами общества и просто над здравым смыслом. ОГПУ-НКВД были государством в государстве, стремясь занять как можно большее место в общей системе управления, народном хозяйстве, идеологии.

В тридцатые годы сформировалась многочисленная прослойка чекистов «второго сорта» – если в 20-х годах она была представлена пограничными и внутренними войсками, то теперь – также и в лагерях, системе спецпоселений, охране. ГУЛАГ стал настоящим отстойником для тысяч проштрафившихся чекистов. Огромное количество бывших чекистов наполняли все этажи системы управления. Учитывая высокую текучесть кадров, можно предположить, что к концу 30-х годов в СССР жили значительно более 100 тыс. бывших и действующих чекистов, имевших опыт вербовок, запугивания, пыток и юридических фальсификаций. К этому надо прибавить сотни тысяч работников милиции и внутренних войск, как бывших, так и нынешних, тоже имевших богатый опыт силового воздействия на общество. Дополняли эту группу миллионы бывших и действующих агентов ОГПУ-НКВД. Вместе с партийно-советскими и комсомольско-профсоюзными активистами они образовывали тот правящий слой, который диктовал обществу модель тоталитарного поведения.

Советское общество было сконструировано по жёстким идеологическим лекалам, и в структуры госбезопасности изначально оказались заложены порочные принципы вездесущей политической полиции, ориентированной в первую очередь на беспощадное подавление самыми преступными методами любой, даже потенциальной оппозиции режиму. Основные методы работы ВЧК-НКВД лежали вне правового поля: ориентирование многочисленных агентов на провоцирование и оговаривание граждан, приписывание неповинным людям антигосударственных действий, шантажно-пыточное следствие, широчайшее использование методов бессудной расправы, жестокость при приведении в исполнение смертных приговоров, сокрытие мест захоронений жертв репрессий. Наличие гипертрофированных органов политической полиции деформировало общество, превращая его в лишённое свободы детище уродливой полицейской системы.

Можно быть уверенным в том, что рассекречивание закрытых архивных фондов, где хранятся материалы по основной деятельности тайной

полиции советского режима, укрепит точку зрения об исключительной роли органов ОГПУ-НКВД в советской истории, наглядно покажет их тайное воздействие на все стороны жизни СССР и политику многих государств мира. Пока же наш труд призван высветить некоторые принципиальные моменты истории деятельности «органов» на примере крупного региона, показав их закрытую внутреннюю жизнь в переломную для страны эпоху 30-х годов.

30-е годы – это во многом законченный особый период в истории ОГПУ-НКВД. После 30-х годов карательные органы уже не будут прибегать к такому массовому террору, хотя методы «массовых операций» останутся актуальными при ссылке «наказанных народов». У них не будет возможности так сильно выходить из-под контроля местных партийных органов. И сами они уже не будут подвергаться столь опустошительным чисткам.

Как и в 30-е годы, в последующие периоды советской истории органы госбезопасности будут помогать формировать структуры тайной полиции в других государствах, работать методами тайного террора и диверсий как на собственной территории, так и в третьих странах. После смерти Сталина органы тайной полиции утратят свою судебную систему, ГУЛАГ, они будут сильно сокращены и понижены в статусе до Комитета госбезопасности при Совмине СССР. И тем не менее до конца коммунистического режима они сохранят статус государства в государстве, будут небезуспешно наращивать своё влияние. Очевидно и то, что современная система госбезопасности России остро ощущает свою генетическую связь с советскими чекистами, отвергая попытки общественного контроля за своей деятельностью и возможность честного разговора о прошлом.

ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АО – автономная область	ГАЧО – Государственный архив Читинской области
АОУ – административно-организационное управление	ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации
АСД – архивно-следственное дело	ГБ – государственная безопасность
АСЭ – антисоветский элемент	ГВО – Государственная внутренняя охрана
АУФСБ – архив управления ФСБ	ГО – городской отдел
АХО – административно-хозяйственный отдел	ГПО – Государственная политическая охрана
Бамлаг – Байкало-Амурский исправительно-трудовой лагерь	ГПУ – Государственное политическое управление
БМАССР – Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика	ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
БССР – Белорусская Советская Социалистическая Республика	ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)	ГЭУ – Главное экономическое управление
ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи	ДВК – Дальне-Восточный край
ВМН – высшая мера наказания	ДПЗ – дом предварительного заключения
ВОХР – вооружённая охрана, ведомственная охрана	ДТО – дорожно-транспортный отдел
врид – временно исполняющий должность	ЗабВО – Забайкальский военный округ
ВСВО – Восточно-Сибирский военный округ	ЗНПО – заместитель начальника политотдела
ВСК – Восточно-Сибирский край	ЗСК – Западно-Сибирский край
ВСНХ – Высший Совет Народного Хозяйства	ЗСКИК – Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет
ВСО – Восточно-Сибирская область	ЗСФСР – Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика
ВТ – военный трибунал	ИНО – иностранный отдел
ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет	ИНФО – информационный отдел
ВЧК, ЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности	и. о. – исполняющий обязанности
ГАКК – Государственный архив Красноярского края	ИТК – исправительно-трудовая колония
ГАКО – Государственный архив Кемеровской области	ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
ГАНО – Государственный архив Новосибирской области	ИТР – исправительно-трудовые работы
	ИТУ – исправительно-трудовое учреждение
	КГБ – Комитет государственной безопасности
	КК – Контрольная комиссия
	КП (б) У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
	КПК – комиссия партийного контроля, Коммунистическая партия Китая

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
к-р. – контрреволюционный
крайисполком – краевой исполнительный комитет
крайком – краевой комитет
КРО – контрразведывательный отдел
КУИТУ – краевое управление исправительно-трудовых учреждений
ЛД – личное дело
ЛТО – линейное транспортное отделение
МВД – Министерство внутренних дел
МГБ – Министерство государственной безопасности
МКШ – межкраевая школа
МНР – Монгольская Народная Республика
МРО – межрайонный отдел
МТС – машинно-тракторная станция
НКВД – Народный комиссариат иностранных дел
НКВД, Наркомвнудел – Народный комиссариат внутренних дел
НКВМФ – Народный комиссариат Военно-Морского флота
НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности
НКПС – Народный комиссариат путей сообщения
НКТ – Народный комиссариат труда
НКЮ – Народный комиссариат юстиции
НСО – Новосибирская область
ОАГС – отдел актов гражданского состояния
Обком – областной комитет
Облисполком – областной исполнительный комитет
ОГА – отраслевой государственный архив
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ОДТО – отделение Дорожно-транспортного отдела
ОИТК – отдел исправительно-трудовых колоний
ОК – отдел кадров, обком
Окрисполком – окружной исполнительный комитет
Окружком – окружной комитет
ОМЗ – отдел мест заключения
ОО – особый отдел
Оперод – оперативный отдел

ОДТЧК – отделение дорожной транспортной чрезвычайной комиссии
ОРПО – отдел руководящих партийных органов
ОРТЧК – отделение районной транспортной чрезвычайной комиссии
ОСД УАДААК – Отдел спецдокументации Управления архивным делом администрации Алтайского края.
Осоавиахим – Союз обществ содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР
ОСП – отдел по спецпереселенцам
ОТП – отдел трудпоселений
ОШОСДОР – отдел строительства шоссейных дорог
П. – партийный, прекращённый
ПГУ – Первое главное управление
ПЛСР – партия левых социалистов-революционеров
ПОВ – Польская организация войсковая
ПП – полномочное представительство, полномочный представитель
РАП – районный аппарат
РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РИК, райисполком – районный исполнительный комитет
РК – районный комитет, райком
РКИ – Рабоче-крестьянская инспекция
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РО – районный отдел
РОВС – Русский общевоинский союз
РОМ – районный отдел милиции
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РУП – районный уполномоченный
СБУ – Служба безопасности Украины
СВЭ – социально-вредный элемент
СибВО – Сибирский военный округ
Сибкрайком – Сибирский краевой комитет ВКП(б)
Сиблаг – Сибирский исправительно-трудовой лагерь

Сибулон – Управление сибирских лагерей особого назначения
СКИК, Сибкрайисполком – Сибирский краевой исполнительный комитет
СМ – Совет Министров
СНК – Совет Народных Комиссаров
СОУ – секретно-оперативное управление
СПО – секретно-политический отдел
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ТатАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТКП – Трудовая крестьянская партия
Томасинлаг – Томско-Асиновский исправительно-трудовой лагерь
ТОЦДНИ – Тюменский областной центр документации новейшей истории
ТПО – торгово-производственный отдел
УАО – учётно-архивный отдел
УГБ – Управление государственной безопасности
УИТЛК – Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УК – Уголовный кодекс
УКГБ – Управление Комитета государственной безопасности
УНКВД – Управление Народного комиссариата внутренних дел
УНКГБ – Управление Народного комиссариата государственной безопасности
УПВО – Управление пограничной и внутренней охраны

УРКМ – Управление рабоче-крестьянской милиции
УСО – учётно-статистический отдел
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
УЧОСО – учётно-осведомительный отдел
Ф. П – фонд партийный
ФСБ – Федеральная служба безопасности
ХОЗО – хозяйственный отдел
ЦА – центральный архив
ЦДНИИО – Центр документации новейшей истории Иркутской области
ЦДННОО – Центр документации новейшей истории Омской области
ЦДНИТО – Центр документации новейшей истории Томской области
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный Комитет
ЦХАФАК – Центр хранения архивных фондов Алтайского края
ЦХИДНИКК – Центр хранения и изучения документов новейшей истории Красноярского края
ЦЧО – Центральная-Чернозёмная область
ЦШ – Центральная школа
ЧОН – части особого назначения
ЭКО – экономический отдел
ЭКУ – экономическое управление
ЯАССР – Якутская Автономная Советская Социалистическая Республика

СЕРИЯ «АИРО – МОНОГРАФИЯ»

1993–2008 гг.

- О.В. Хлевнюк.* Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 1930-е гг. – М., 1993. – 144 с.
- Г.М. Адиебеков.* Коминформ и послевоенная Европа. – М., 1994. – 235 с.
- Ю.П. Шаранов.* Лицей в Сокольниках. Очерк истории ИФЛИ – Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (1931–1945 гг.). – М., 1995. – 208 с.
- Ю.А. Поляков.* Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. – М., 1995. – 216 с.
- Н.Ф. Бугай.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». – М., 1995. – 320 с.
- В.П. Федюк.* Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. – М., 1996. – 156 с.
- А.П. Ненароков.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. Из цикла «В поисках жанра». – М., 2001. – 168 с.
- А.А. Куреньшев.* Всероссийский крестьянский союз. 1905–1930 гг. Мифы и реальность. – М.–СПб, 2004. – 336 с.
- Жанат Кундакбаева.* «Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. – М., 2005. – 304 с.
- В.Д. Соловей.* Русская история: новое прочтение. – М., 2005. – 320 с.
- С.И. Валянский.* Теория информации и образование. Об условиях выживания России. – М., 2005.
- П.Б. Уваров.* Дети хаоса: исторический феномен интеллигенции. – М., 2005.
- В.Э. Молодяков.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) – дипломат, политик, мыслитель. – М., 2006. – 528 с.
- Э. Саблина.* 150 лет Православия в Японии. История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. – М.–СПб, 2006. – 528 с.
- В.Э. Молодяков.* Гото Симпэй и русско-японские отношения. – М.–СПб., 2006. – 224 с.
- Н.А. Четверина.* Сергиевский посад в конце XVIII – начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). – М.–СПб., 2006. – 320 с.
- Я.В. Леонтьев.* «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и её литературные попутчики. – М., 2007. – 328 с.
- А.А. Куреньшев.* Крестьянские организации Русского Зарубежья. (1920–1951 гг.). – М., 2008. – 148 с.

Научное издание

Алексей Георгиевич ТЕПЛЯКОВ
МАШИНА ТЕРРОРА:
ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг.

Издатель Леонид Янович

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

I SBN 5 91 022 102 - 7

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП издательство «Новый хронограф»
Контактные телефоны в Москве: (095) 466-16-35, 671-00-95
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Интернет: <http://www.novhron.info>

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 10.10.2008
Формат 60×80(1)16. Усл. изд. л. 38,0
Тираж 700 экз. Зак.

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15